

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ СУНЬ ХУНЧЖИ

Уважаемый ректор БГУ Сергей Владимирович Абламейко!
Дамы и господа, друзья!

Очень рад принимать участие в сегодняшней конференции «Китай в современном мире». Считаю, что это будет прекрасной площадкой для совершенствования и развития разного рода механизмов познания и сотрудничества между нашими странами. Пользуясь случаем, хотел бы от имени Посольства Китая в Республике Беларусь выразить глубокое почтение и искреннюю благодарность БГУ и Институту Конфуция как организатору конференции, а также всем ученым и экспертам, преподавателям и студентам, которые длительное время заботятся и поддерживают развитие китайско-белорусских отношений.

Как всем известно, Китай является великой цивилизацией Востока с населением, насчитывающим свыше 1,3 млрд. человек. Сейчас страна идет широкими шагами по пути модернизации. Мир, пристально следящий за процессом развития Китая, задается следующими вопросами: какой путь избрал Китай? Какое значение имеет развитие Китая для всего мира?

За более 5000 лет исторического развития все национальности Китая, продемонстрировав удивительные трудолюбие и мудрость, создали блестящую китайскую цивилизацию и единое многонациональное государство. Китайская цивилизация обладает уникальной протяженностью, всеобъемлемостью и открытостью. В ходе внешних обменов и контактов, насчитывающих долгие годы, китайский народ старательно учился у других наций и заимствовал их положительные и полезные качества, а также укреплял собственные силы и способности, внося огромный вклад в человеческую цивилизацию.

В течение 62 лет, прошедших после образования Нового Китая, а особенно за 30 лет после начала проведения политики реформ и открытости, Китай неустанно прилагал усилия по разработке пути социалистической модернизации, отвечающего китайским реалиям и требованиям эпохи.

Несмотря на исторические перипетии, китайский народ, следуя в ногу с эпохой, непрерывно извлекал и обогащал уроки, накопленные в ходе опыта самим Китаем и другими странами. Страна постоянно углубляла понимание закономерностей развития человеческого общества и содействовала самосовершенствованию и развитию социалистической системы. Посредством мучительных усилий Китай отыскал путь развития, полностью отвечающий реалиям страны, а именно – путь социализма с китайской спецификой.

По совокупности мощности экономики Китай стал второй экономикой мира. Но материальная основа страны достаточно слабая: с помощью 7,9% мировых пахотных земель и 6,5 % мировых запасов пресной воды Китаю приходится кормить почти 20% населения Земного шара. Как сделать так, чтобы насчитывающее более 1,3 млрд. человек население смогло разделить результаты социально-экономического развития, и правительство при этом смогло удовлетворить непрерывно растущие потребности жизни и развития граждан, стало большой проблемой. В 2010 году ВВП в Китае на душу населения приблизительно составил 4400 долларов США; по этому показателю Китай занял 100 место в мире. Развитие городов и деревень, а

также различных районов протекает очень неравномерно; структурные противоречия социально-экономического развития все больше накапливаются; трудности в области ресурсов и экологии, препятствующие процессу развития, становятся все более очевидными, а экономический рост по-прежнему чрезмерно зависит от материальных вливаний и ресурсозатрат; поэтому трансформация модели экономического развития представляются неотложной задачей. Способности Китая к самостоятельным инновациям достаточно слабы, в международной структуре производства и разделения труда в сфере торговли Китай, как и прежде, относится к нижнему звену отраслевой цепочки. Уровень жизни китайского народа по-прежнему невысок, система социального обеспечения далека от совершенства; в этих двух аспектах разница между Китаем и развитыми странами представляется огромной.

Модернизация Китая – это модернизация одной пятой населения всего Земного шара, поэтому она представляет собой долгий и сложный исторический процесс. Все трудности и проблемы, возникающие в ходе этого процесса, будь то масштаб или сама степень трудности, являются беспрецедентными в современном мире и чрезвычайно редкими даже для истории человечества. Китай будет развивающейся страной еще на протяжении длительного времени, поэтому Китаю необходимо концентрировать усилия для продвижения модернизации и разрешения вопросов развития и народного благосостояния, ему нужна мирная и стабильная международная обстановка, чтобы активизировать обмены и сотрудничество с зарубежными странами.

Мы понимаем, что, сегодня, когда в мире происходят беспрецедентные изменения, все «-измы», строи, модели и пути проходят испытания эпохой и практикой. Реалии стран очень неоднородны, в мире не существует идеальной и всемогущей модели развития, которая оставалась неизменной: странам нужно выбирать путь развития, который лучше всего подходит их реалиям. Путь развития Китая сформировался исходя из реалий страны. Китай глубоко осознал важность и долгосрочность пути Модернизации, а также глубину и сложность перемен, происходящих внутри страны и за рубежом, поэтому он будет уделять еще больше внимания обобщению и внедрению собственного успешного опыта, заимствованию полезного опыта других стран и изучению новых вопросов и новых вызовов, которые ожидают его впереди.

В своем развитии Китай не может обойтись без мира, а для процветания и стабильности мира также необходим Китай. Результаты в области развития, которых достиг Китай, тесно связаны с дружественным сотрудничеством Китая со всеми странами мира, в том числе и Беларусью. Мы рады отметить, что после установления дипломатических отношений в 1992 году китайско-белорусские отношения динамично развивались, установились всесторонние стратегические отношения, укреплялось взаимодействие во всех сферах. Наблюдается активизация обмена визитами на высоком уровне, и в народе. Стороны понимают и твердо поддерживают друг друга в вопросах, представляющих взаимные интересы. Экономическое сотрудничество непрерывно расширяется. В научно-технической и гуманитарной сферах китайско-белорусское сотрудничество стало более активным. Ныне в Беларуси обучаются более 2000 китайских студентов. Во время визита Председателя ПК ВСНП г-на У Банго в минском государственном лингвистическом университете открылся второй институт Конфуция.

Наш мир переживает период динамичного развития, крупных преобразований и колоссальных изменений. Время требует больше диалога, контактов и сотрудничества. И сегодняшняя конференция именно служит ярким примером нашего культурного обмена. Следующий год- год 20-й годовщины установления дипотношений между нашими странами. Оглядываясь назад в историю и размышляя о дальнейших перспективах, мы твердо верим, что Китай и Беларусь, как вечные друзья и надежные партнеры, будут и дальше укреплять сотрудничество и взаимодействие, прикладывая неустанные усилия для реализации прекрасных надежд наших народов.

В завершение желаю полных успехов настоящей конференции!

Благодарю за внимание.

Гордей А.Н.

Директор Республиканского института китаеведения им. Конфуция
Белорусский государственный университет

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ

Если учиться и не думать
– окажешься в заблужде-
нии, если думать и не
учиться – окажешься в
опасности.

*Конфуций*¹

В 2003 году Министерство образования КНР для поддержки преподавания китайского языка за рубежом выделяет десять "ключевых" китайских университетов и приступает к разработке государственной программы КНР "Меры по удостоверению квалификации преподавателей китайского языка как иностранного", которая вводится в юридический оборот приказом Министра образования КНР от 23.08.2004 г. № 19 и окончательно вступает в силу 01.10.2004 г. после обсуждения и одобрения Государственным Советом КНР на рабочем заседании 01.04.2004 г. Программа предполагает создание в мире глобальной сети институтов Конфуция "как опорных пунктов по распространению китайского языка и китайской культуры за рубежом". Первый институт Конфуция учреждается в Республике Корея 21.11.2004 г. в Сеульском университете. По данным на 14.12.2011 г. Государственной канцелярии КНР по международному распространению китайского языка / Штаб-квартиры институтов Конфуция в 105 странах и регионах мира созданы 358 институтов Конфуция в высших учебных заведениях, а также 500 кабинетов Конфуция в начальных и средних школах. Общее число сотрудников полной и частичной занятости превысило 10 тыс. человек, а общее количество зарегистрированных учащихся – 500 тыс. человек. Было проведено более 10 тыс. культурных мероприятий, в которых приняло участие 7,2 млн. человек. В настоящее время в КНР свыше 260 университетов и около 500 начальных и средних школ активно участвуют в развитии всемирной сети институтов и кабинетов Конфуция. К 2015 году число институтов Конфуция правительством КНР планируется довести до пятисот, а кабинетов Конфуция – до тысячи².

Кто же такой Конфуций, в честь которого в XXI веке осуществляется столь грандиозный международный проект в области образования и культуры?

Конфуцием европейцы называют древнекитайского философа, учителя и просветителя, жившего в VI – V веках до нашей эры. *Конфуций* переводится с китайского учитель *Кун*. Его настоящие имя и фамилия *Кун Цю* (孔丘). Конфуций родился в 551 г. до н.э. в селении Чанпин (昌平) волости Цзоу (陬) княжества Лу (魯). Ныне это местечко Цюфу (曲阜) близ города Тайань (泰安) уезда Наньсинь (南辛) провинции Шаньдун (山东) на востоке КНР. По свидетельству китайского историографа Сыма Цяня (司馬遷), жившего во II – I веках до н.э., Конфуций был зачат знатным китай-

¹ 《子曰：「學而不思則罔，思而不學則殆」。》孔子。論語(中英對照本)。台北，1983。二九頁。

² 孔子学院总部。关于孔子学院发展规划的建议。北京，2011。第1-2页。

ским вельможей и простолюдинкой в поле. Когда Конфуций родился, его отец скончался [2]. Жизнь Конфуция можно разделить на три периода: до 50 лет – восхождение к власти, с 50 до 56 – пребывание у власти, после 56 – оставление власти. Конфуций умер в 479 г. до н.э. в возрасте 72-х лет. Посмертно был канонизирован. Его влияние на Китай оказалось столь велико, что многие историографы склонны делить историю Китая на период до Конфуция и после него.

Конфуций жил и творил в смутное для его страны время, которое он называл отсутствием Пути в Поднебесной [1, с. 155]. Действительно, династия Чжоу (周), правившая в Китае с XI по III вв. до н.э., к концу своего правления потеряла власть над удельными князьями³, и за 5 лет до кончины Конфуция в Китае начался так называемый период *Чжаньго* (战国) – воюющих княжеств, поэтому вся философия Конфуция пронизана идеей эволюционного, гармоничного, бесконфликтного развития общества, в котором бы народ процветал под руководством мудрого правителя, благородного мужа – *цзюньцзы* (君子). Известно следующее изречение Конфуция: "Страна в опасности – ее не посещай, в стране мятеж – там не живи. Когда под небесами есть Пути – будь на виду, а нет Путей – скрывайся. Стыдись быть бедным и незнатным, когда в стране есть Путь, стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет Пути" [1, с. 93-94]. Путь, по-китайски *Дао* (道), для Конфуция – это путь Истины, Справедливости, тот путь, который стране открывает Космос, Великое Начало, Небо, по-китайски – *Тянь* (天). *Одно* 天 *Тянь* (Небо) рождает *Два* 阴 *Инь* и 阳 *Ян* (Пассивное и Активное, Холодное и Теплое, Темное и Светлое, Женское и Мужское и т.д.), *Два* рождает *Третье* 道 *Дао* (Путь) [5], которое затем рождает новые *Инь* и *Ян*, а они в свою очередь – новое *Дао*⁴. Однако для процветания страны недостаточно, чтобы Небо открыло ей путь, необходимо, чтобы у правителя страны и его подданных в сердцах было бы внутреннее *Дао*, Внутренний Путь, созвучный Небесному. Конфуций говорил: "Человек способен сделать путь великим, но великим человека делает не путь" [1, 141]. Что же делает человека благородным мужем *цзюньцзы*? – Превращение его внутреннего *Дао* во внешнее *Дэ* (德) – добродетель, слагаемыми которой, по мнению Конфуция, являются: *Жень* (仁) – гуманность, *И* (义) – справедливость, *Ли* (礼) – вежливость,

³ Эпохальная китайская династия, основанная Вэньваном и его сыном Уваном, благородными правителями Поднебесной, ставшими образцом для подражания. Они посещали Конфуция во сне, а если их не было, то Великий Учитель усматривал в этом признак своей нравственной деградации: "Как опустился я! Уже давно не снится мне князь Чжоу" [1, 85]. В китайской истории основатели династии Чжоу сыграли ту же роль, что и легендарный царь Соломон в истории Израильского государства или великий князь Ярослав Мудрый в истории Киевской Руси. Именно в период их правления происходит смена поколения отцов поколением царей. Просвещенный Вэньван и Воинственный Уван канонизированы в конфуцианской традиции.

⁴ Авторство магического символа *Ба Гуа* (八卦) в виде клубка двух змей, в котором голова белой змеи торчит из колец черной и наоборот (см. Приложение 1), что символизирует бесконечные взаимопревращения дополняющих друг друга половин *Инь* и *Ян*, предания приписывают третьему из сынов Неба легендарному прародителю китайского этноса зеленому императору Фу Си (伏羲). Ср. с современными концепциями "бесконечно пульсирующей Вселенной". По этому поводу см.: Вайнберг, С. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной / С. Вайнберг. – М.: Энергоиздат, 1981. – 209 с.; Девис, П. Случайная Вселенная / П. Дэвис. – М.: Мир, 1985. – 160 с.

Чжи (智) – мудрость, Син (信) – правдивость [3]. "Чего не желаешь себе, не делай и другим", – учил Конфуций [4, 406]. Но этого недостаточно. Великодушие Шу (恕) лишь одна из составляющих гуманности Жень (仁), другая – самоотверженность Чжун (忠): "Гуманист сам, желая иметь устои, создает их и для других; сам, желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на других как на самого себя – вот, что можно назвать искусством гуманизма!" [4, с. 216]. Иными словами, "Что желаешь себе, делай и другим!"⁵ – такова суть самоотверженности⁶. Если благородный муж утрачивал эти качества, то он опускался ниже разряда малых людей, т.е. тех людей, общение с которыми, по замечанию Конфуция, наиболее обременительно, ибо "приблизил их, они становятся дерзкими, а удалил – озлобляются" [1, с. 153]. За потерю добродетели Небо изымало у бывшего благородного мужа небесный мандат на правление, и тогда в стране случалась великая смута. Гэмин (革命) – изъятие небесного мандата – в современном китайском языке означает революцию.

Конфуций крайне отрицательно относился к бунтам и мятежам. Призывая к переменам, он говорил: "Цзюнь цзюнь – чэн чэн, фу фу – цзы цзы (君君臣臣，父父子子) – пусть государь будет государем, а подданный – подданным, пусть отец будет отцом, а сын – сыном" [6, 275]. Вообще Конфуций рассматривал в обществе пять отношений: государя и подданного, между которыми должна быть И (义) – справедливость; отца и сына, между которыми должно быть Цинь (亲) – родство; мужа и жены, между которыми должно быть Бе (别) – различие; старшего и младшего братьев, между которыми должна быть Сю (序) – очередность; и друзей, между которыми должна быть Синь (信) – правдивость.

Касаясь отношений государя и подданного, Конфуций называл пять упущений Уюн (五雍), губительных для государя, если он позволял своему подданному-министру: 1) вводить себя в заблуждение, 2) запускать руку в казну, 3) самовольно издавать приказы, 4) преследовать личную выгоду, прикрываясь справедливостью, 5) назначать на посты своих людей. Конфуций считал, что "если править по закону, улаживать наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда, если же править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, то народ не только устыдится, но и выразит покорность" [1, с. 58].

⁵ Подробнее см.: Фэн, Ю-Лань. Краткая история китайской философии / Фэн Ю-Лань. – СПб.: Евразия, 2000. – С.62-64; Исаченкова, М.А. Религиозная интерпретация учения Конфуция / М.А. Исаченкова // Китаеведение в белорусском образовательном пространстве. – Минск: РИВШ, 2009. – С.51-57.

⁶ В русской литературе данная этическая категория раскрывается, например, в легенде о Данко (Горький, М. Избранные сочинения / М. Горький. – М.: Художественная литература, 1986. – С.20-130):

А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

– Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

Касаясь отношений между отцом и сыном, Конфуций говорил о *Сяо* (孝) – сыновней почтительности. После смерти отца сыну полагалось соблюдать трехлетний траур, жить в шалаше у могилы отца и слушать голос предков. Конфуций призывал учиться у древних. Он утверждал, что ничего не открывает, лишь возрождает утраченное. Конфуций полагал, что у "древних было три недостатка, которых ныне уже не найти. Необузданность древних проявлялась в своеволии, ныне она проявляется в распушенности, горделивость древних проявлялась в сдержанности, ныне она проявляется в озлобленности, глупость древних проявлялась в прямоте, ныне она означает только лживость" [1, с. 151]. Почему же сыну полагалось соблюдать столь долгий траур по отцу? Потому что после смерти отца вся ответственность за родных и близких, за семью ложилась на плечи старшего сына, и ему надлежало пройти своеобразный обряд посвящения в отцы, в ходе которого он мог бы внутренне подготовиться к несению столь нелегкого бремени⁷.

Конфуций ревностно относился к обрядам и ритуалам. Известен случай, когда его ученик пожалел жертвенного барана, на что Конфуций воскликнул: "Тебе, Цзы, жалко этого барана, а мне жаль этот ритуал" [1, с. 66]. Аллегория означает, что забвение обрядов неизбежно приводит к падению нравов.

Среди учеников Конфуция наиболее известны Янь Юань (颜渊), Цзы Сы (子思), Цзен Цзы (曾子), Мэн Цзы (孟子). Работы этих философов наряду с учением Конфуция и составляют то, что современные китайцы называют *ружэцзясишэ* – конфуцианство.

Касаясь отношений между мужем и женой, мужчиной и женщиной, Конфуций говорил: "*Нань гэн, ню чжи* (男耕女织) – мужчины пахут, а женщины ткут". Вообще идея максимальной регламентации жизни доминирует в учении Конфуция. Именно в этом он видел путь к эволюционному развитию общества. Действительно, конфликт возникает на пересечении социальных ролей людей. Пример из наших дней: *Муж спрашивает жену: Почему ты не вымыла посуду, а в ответ слышит: Ты первый увидел, почему сам не вымыл?* Подобный конфликт не возник бы, если бы жена знала, что мыть посуду ее обязанность, а обязанность мужа, скажем, чистить ковры.

Конфуций скептически относился к компромиссам, полагая, что при компромиссе обе стороны остаются неудовлетворенными. Конфликты, выражаясь современным языком, надлежало решать в пространстве и времени. Хорошим примером решения конфликта в пространстве в наши дни является подземный переход: одновременно водители могут ехать, а пешеходы – идти. Плохо лишь, что пешеходы спускаются вниз и поднимаются вверх по ступенькам. Гораздо лучше, когда водители съезжают вниз, а пешеходы идут поверху. Но такие *подземные переезды* не часто строят. Примером решения конфликта во времени в дорожном движении служит

⁷ Видимо, воплощением дочерней почтительности в Древнем Китае стал образ молодой китаянки, кормящей грудью старика-отца прежде своих малолетних детей (см. Приложение 2). В европейской культуре сходный сюжет описан древнеримским историком Валериусом Максимусом, когда Перо, дочь приговоренного сенатом к голодной смерти патриция Кимона, ухаживая за ним, тайком кормила отца грудью, чтобы продлить ему жизнь. Необыкновенная преданность дочери, которая знала, что за кормление взрослого грудью по римским законам ее ждет смертная казнь как за инцест, поразила судей, которые, при всей суровости нравов Древнего Рима, решили освободить Кимона и не наказывать Перо. Легенда сразу привлекла внимание художников (фреска I века н.э. в Помпеях, картины П. Рубенса "Отцелюбие римлянки" 1612 и 1630 годов).

светофор: *сначала один идет или едет, потом – другой*. Очевидно, что решение конфликта в пространстве предпочтительнее.

Конфуций советовал размышлять над проблемами в удобных для этого местах. Такими местами считались *три возвышения*, по-китайски – *сань шан* (三上): верхом на лошади, на подушке в постели и в отхожем месте. Об эффективности советов Конфуция свидетельствует тот факт, что когда Конфуция назначили первым советником в княжестве Лу, там прекратились бунты и мятежи, исчезли стяжательство, спекуляция и воровство, установились жесткие нравственные нормы, а народ стал гостеприимным, хлебосольным и счастливым. Сыма Цянь выразительно описал достигнутые Конфуцием результаты: "Продавцы барашков и поросят не набивали цен; мужчины не ходили с женщинами по одной стороне улицы; не брали ничего, что обронили другие на дороге, гостей, пришедших отовсюду в стольный град, без всякого их обращения к распорядителю одаривали как вернувшихся домой"⁸.

Таков в общих чертах портрет Конфуция. Какие же задачи предполагается решать в XXI веке под знаменем его идей?

Основной целью деятельности институтов Конфуция является установление дружеских отношений Китайской Народной Республики с зарубежными странами, просвещение в области китайской культуры, поддержка преподавания китайского языка и укрепление мира во всем мире. Институты Конфуция должны придерживаться политики *единого Китая* (*the One-China Policy*), соблюдать нормативные акты страны пребывания, разделять ее внутреннюю и внешнюю политику, а также всячески воздерживаться от участия в каких-либо политических, религиозных или этнических мероприятиях.

Китайской стороной определены следующие главные задачи институтов Конфуция:

1. Обучение китайскому языку, включая использование мультимедийных и Интернет-ресурсов;
2. Подготовка преподавателей китайского языка различной квалификации;
3. Проверка и подтверждение уровня владения китайским языком через систему экзаменов HSK;
4. Обеспечение учащихся учебной литературой, необходимой для их подготовки к обучению или работе в КНР в таких отраслях, как межкультурная коммуникация, туризм, торговля, финансы и традиционная китайская медицина;
5. Библиотечное обслуживание населения;
6. Проведение научных исследований в области китайского языка и китайской культуры;
7. Организация выставок, концертов и соревнований с целью популяризации китайского языка и китайской культуры;
8. Презентация и распространение произведений китайской культуры в виде книг, аудиовизуальной продукции и сувениров.

Одобренная VI Всемирным форумом институтов Конфуция Программа развития институтов Конфуция на 2012-2015 годы предполагает:

⁸ Цит. по: Семененко, И.И. Загадка Конфуция / И.И. Семененко // Конфуций. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995. – С.23.

1. Подготовку кадров, способных работать в качестве директоров и преподавателей Институтов Конфуция в режиме полной занятости (а не по совместительству);

2. Разработку международных нормативов и требований, предъявляемых к преподавателям китайского языка;

3. Увеличение числа китайских преподавателей и добровольцев, командированных за границу;

4. Утверждение планов учебных дисциплин, связанных с преподаванием китайского языка на всех этапах университетского образования, включая магистратуру и докторантуру;

5. Учреждение системы наград для отличившихся директоров и преподавателей институтов и кабинетов Конфуция;

6. Открытие новых китаеведческих специальностей и увеличение числа зарубежных стипендиатов институтов Конфуция;

7. Формирование международного экспертного комитета по составлению учебников и учебных пособий китайского языка для учащихся различных возрастных категорий;

8. Организацию международной маркетинговой инфраструктуры для эффективного распространения учебных материалов по китайскому языку;

9. Создание глобальной сети экзаменов HSK с целью определения уровня владения китайским языком;

10. Организацию лекционных турне, выставок учебных материалов, выступлений художественных коллективов;

11. Проведение олимпиады «Китайский язык – Мост» для иностранных студентов и школьников, приглашение иностранных учащихся в КНР на летние и зимние курсы;

12. Ежегодное проведение Всемирного форума и Региональной конференции институтов Конфуция;

13. Выпуск журнала "Институт Конфуция" на английском, французском, испанском, японском, русском, корейском, тайском и арабском, а также подготовку новых изданий на других иностранных языках;

14. Спонсорскую поддержку молодых ученых и ученых средних лет в китаеведческих исследованиях, публикации книг и статей, межкультурных научных обменах и стажировках.

Главный же интерес белорусской стороны заключается в том, что деятельность институтов Конфуция должна давать мощный импульс развитию отечественного востоковедения, объединять белорусских китаеведов всех отраслей знания (филологов, историков, политологов, экономистов, географов, этнографов, искусствоведов и т.д.), формировать в Республике Беларусь высокопрофессиональную китаеведческую среду и создавать необходимые условия для всесторонней научной поддержки деятельности Республики Беларусь в Восточной и Юго-Восточной Азии, успех которой напрямую зависит от объективной оценки современного состояния китайского государства, учета внутренних тенденций и традиций его развития, ясного понимания, какие выгоды белорусская сторона стремится получить от сотрудничества с Китаем, и какая стратегия должна избираться для их достижения.

Поддержка правительства Республики Беларусь может значительно расширить сферу деятельности Республиканского института китаеведения имени Конфу-

ция Белорусского государственного университета (РИКК БГУ) в области белорусско-китайского политического, экономического, научно-технического, образовательного и культурного сотрудничества. Представляется целесообразным создание в структуре РИКК БГУ **белорусско-китайского инновационного центра и экспертного совета по проблемам Китая** из наиболее авторитетных представителей белорусского китаеведения, а также лиц, имеющих богатый опыт практических контактов с КНР, что позволит осуществить:

1. Координацию всей образовательной и научной деятельности в области китаеведения в Республике Беларусь, включая выработку единой программы подготовки китаеведческих кадров, способных одновременно выполнять переводческие, аналитические и коммуникативные задачи;

2. Информационное обслуживание научно-технического сотрудничества Республики Беларусь и КНР;

3. Формирование и постоянное обновление единой базы данных по разделам: 1) система государственного управления КНР и партийный аппарат; 2) руководящие и административные кадры КНР (персоналии); 3) важнейшие предприятия и организации КНР; 4) сведения о контактах Республики Беларусь с государственными органами и предприятиями КНР в различных сферах; 5) аналитические доклады относительно текущей ситуации в области внешней и внутренней политики КНР;

4. Подготовку специальных аналитических материалов для органов власти различного уровня по проблемам и возможностям развития белорусско-китайских отношений в различных сферах;

5. Организацию белорусской школы "ооновских переводчиков", каждый из которых обеспечивал бы не только сопровождение переговоров различного уровня, но и одновременно предоставлял специализированную информацию по их тематике, т.е. владел китайским языком и обладал определенными знаниями в профессиональной сфере.

Как видим, "Путь, завещанный царями Просвещенным и Воинственным, не затерялся на земле и находится среди людей" [4, с. 707]. Слова Цыгуна (子貢), ученика Конфуция, оказались пророческими.

Литература

1. Конфуций. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995. – 384 с.
2. Сыма Цянь. Старинный род Конфуция // Конфуций. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995. – С.180-208.
3. Этика и ритуал в традиционном Китае. – М.: Наука, 1988. – 331 с.
4. Беседы и суждения Конфуция. – СПб.: "Кристалл", 2001. – 1120 с.
5. Крушинский А.А. Логика "И цзина": Дедукция в древнем Китае. – М.: Восточная литература, 1999. – 176 с.
6. 論語(中英對照本)。— 台北，1983。— 500頁。
7. 曲春礼。孔子传。— 北京，1999。— 701頁。

Фу Си, третий из сынов Неба, держащий в руках Ба Гуа — магический символ с изображением двух дополняющих друг друга половин, ян и инь. Легенды приписывают ему авторство этого символа. Портрет XVIII века. Уэлкомовский Фонд (Лондон).

*Карлюкевіч А.
Галоўны рэдактар газеты "Звязда",
Прафесар Інстытута журналістыкі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт*

КІТАЙСКІ ПЕРАКЛАДЧЫК МАКСІМА ТАНКА

Вершы Максіма Танка гучаць на розных мовах свету: англійскай, азербайджанскай, арабскай, армянскай, асечінскай, балгарскай, бурацкай, венгерскай, грузінскай, іспанскай, казахскай, на мове канада, на каракалпакскай, кіргізскай, кітайскай, лакскай, латышскай, літоўскай, малдаўскай, мангольскай, літоўскай, малдаўскай, мангольскай, мардоўска-макшанскай, марыйскай, нямецкай, польскай, румынскай, рускай, сербалужыцкай, славацкай, таджыкскай, татарскай, тувінскай, туркменскай, удмурцкай, узбекскай, украінскай, фінскай, французскай, хіндзі, чувашскай, чэшскай, эстонскай, сербскай, якуцкай, ідзіш... Відаць, лагічна паставіць шматкроп'е, бо, пэўна ж, не ўсе пераклады пры стварэнні біябібліяграфічнага слоўніка "Беларускія пісьменнікі" былі выяўлены. А яшчэ шматкроп'е патрэба і на будучы працяг, будучую ўвагу да народнага паэта Беларусі. "...Творчасць М. Танка з'яўляецца сучаснай беларускай літаратурнай класікай, а сам ён уваходзіць у лік вядомых еўрапейскіх паэтаў"[1].

Выступаючы на Трэцім з'ездзе Саюза пісьменнікаў Беларусі ў 1954 годзе, Максім Танк звярнуў увагу на такую акалічнасць у развіцці нацыянальнай літаратуры: "Многія з нас за апошнія гады пабывалі за межамі нашай Радзімы, у краінах народнай дэмакратыі, дзе сустракаліся з рабочымі, сялянамі, з інтэлігенцыяй і сваімі таварышамі па рабоце — пісьменнікамі. Мы мелі магчымасць пазнаёміцца з дасягненнямі ў галіне эканомікі, культуры народаў Польшчы, Чэхаславакіі, Венгрыі, Балгарыі, Албаніі, Германскай Дэмакратычнай Рэспублікі і іншых краін. Мы бачылі, з якой любоўю адносяцца простыя людзі да нас — савецкіх людзей, з якой прыхільнасцю і захапленнем адносяцца яны да нашага мастацтва і культуры... Радасна яшчэ і таму, што ў нашай многанацыянальнай савецкай літаратуры і беларуская літаратура займае сваё пачэснае месца. Як вядома, на кітайскую мову перакладзены вершы Я. Купалы, Я. Коласа, А. Куляшова, апаваданні М. Лынькова, творы многіх нашых паэтаў і пісьменнікаў..." [2]. Максім Танк у той час працаваў галоўным рэдактарам часопіса "Полымя". І на старонках літаратурна-мастацкага выдання ўжо была прадстаўлена кітайская літаратура ў перакладзе на беларускую мову. Ды і Кітай увагу тады быў у полі надзвычайнай увагі. Яшчэ зусім нядаўна была абвешчана КНР. Усталёўваліся трывалыя кантакты кітайскіх мастакоў слова з творцамі розных рэспублік Савецкага Саюза. Але ў М. Танка была і асаблівая даўняя прыхільнасць да кітайскай тэмы. У дзённымі ад 9 ліпеня 1988 паэт згадвае май 1936, цытуе запіс з таго часу: "...Сустрэўся з К. [?], які раскажаў мне пра пастаноўку Л. Шылера ў Львоўскім тэатры спектакля "Крычы, Кітай..." [3]. Размова — пра п'есу "Рычы, Кітай!" Сяргея Трацякова (1892—1937), прысвечаную барацьбе кітайскіх партowych рабочых супраць амерыканскіх каланізатараў. А ў чэрвені 1950 г. Максім Танк запісвае ў адным са сваіх сшыткаў: "Еду ў Маскву, адкуль у складзе савецкай дэлегацыі, у якой будзе Бажан, я і кіраўнік нашай дэлегацыі Гундараў, крануся ў далейшую дарогу. Раней з нейкай большай ахвотай збіраўся ў падарожжа. Канада, у якую паедзем, нешта зусім мала мяне вабіць. Марай маёй — пабываць у Кітаі. Здаецца, шмат напісаў бы вершаў..." [4].

Мара збылася. Максім Танк наведаў Кітайскую Народную Рэспубліку ўвосень 1957 года... Нам удалося знайсці чалавека, які з'яўляецца сведкам тае сустрэчы народнага паэта Беларусі з Кітая, — перакладчыка, паэта, мастака-каліграфа Гао Мана (нар. у 1926 г. у Харбіне). Ён і з'яўляецца перакладчыкам (адным з двух перакладчыкаў) кнігі вершаў М. Танка на кітайскую мову, выдадзеную ў Пекіне ў 1958 годзе. Патлумачваем гэта, крыху забягаючы наперад. У выхадных дадзеных пазначана, што перакладчыкі — Гэ Баоцюань і У. Ланьхань. А дзе ж Гао Ман?.. У Ланьхань — і ёсць псеўданім нашага героя. З яго ліста, адпраўленага з Пекіна: “У 1957 годзе беларускі паэт Максім Танк разам з савецкай дэлегацыяй дзечаў мастацтваў прыехаў да нас. Я суправаджаў яго. Мы пабывалі ў многіх месцах нашай краіны. Пасля ў яго выйшаў зборнік вершаў, дзе змешчаны некалькі вершаў...” [5].

Тады, у другой палове 1950-х, шлях Гао Мана ў літаратуру толькі пачынаўся. Таму мы ўжо звернемся ўвогуле да жыццёвай і творчай біяграфіі перакладчыка. Нарадзіўся Гао Ман у 1926 годзе. У Харбіне. Пажыў там болей 20 гадоў. У гэты час у горадзе знаходзілася шмат эмігрантаў з розных краін і асабліва шмат рускіх. Гао Ман вучыўся ў гімназіі пры Хрысціянскім Саюзе маладых людзей (ХСМЛ). Большасць выкладчыкаў складалі рускія, іншыя нацыянальнасці сярод тых, хто гаварыў па-руску, падлетак, юнак не вылучаў. “...Я з дзяцінства, — піша ў лісце Гао Ман, — вучыўся рускай мове і палюбіў гэтую краіну і яе народ. Руская літаратура і мастацтва выпраменьваюць спачуванне да простага, працоўнага людзю, дапамагаюць яму ў барацьбе за вызваленне. А мы, кітайцы, гаспадары сваёй краіны, жылі тады пад гнётам японскіх інтэрвентаў. Руская літаратура дапамагла нам раскрыць вочы” [6].

Любоў да рускай літаратуры фактычна і зрабіла Гао Мана перакладчыкам. Зацікаўленні яго былі ў аднолькавай ступені скіраваныя на класіку і сучасную рускую літаратуру. Гао Ману даводзілася часта суправаджаць рускіх пісьменнікаў у паездах па Кітаю, перакладаць іх пры сустрэчах з кітайскімі калегамі. Так ён пазнаёміўся з Аляксандрам Фадзеевым, Канстанцінам Сіманавым, Валянцінам Катаевым, Аляксандрам Карнейчуком, Вандай Васілеўскай, Барысам Палявым, Сяргеем Залыгіным, Усеваладам Кочатавым і інш. Пра гэта перакладчык расказвае ў сваіх кнігах. Ёсць у літаратара і нарыс, прысвечаны папличніку па рабоце над кнігай М. Танка “Выбраныя вершы” (Пекін, 1958) — Гэ Баоцюаню (1913—2000) (“Удзячны майму настаўніку”). Чытаем пра вытокі іх творчага сяброўства: “...Я пазнаёміўся з ім у пярэдадзень усталявання КНР. Ранней вясною 1949 года я працаваў у Харбінскім Таварыстве кітайска-савецкай дружбы, часта перакладаючы вершы, прозу для мясцовых газет і часопісаў, пісаў артыкулы, прадстаўляючы літаратуру і мастацтва Расіі і Савецкага Саюза. Адноўчы начальнік паведаміў мне, што праяжджае праз Харбін таварыш Гэ Баоцюань і жадае сустрэцца і пагутарыць з перакладчыкамі і даследчыкамі рускай літаратуры...” [7].

Гао Ман працаваў у Таварыстве кітайска-савецкай дружбы. Затым — у часопісе “Сусветная літаратура”. Доўгі час займаў пасаду галоўнага рэдактара. Сабраў вакол гэтага ўсекітайскага часопіса лепшыя перакладчыцкія сілы краіны. Сам актыўна займаўся мастацкім перакладам. Пераўвасобіў на кітайскую мову творы А. С. Пушкіна, М. Ю. Лермантава, І. А. Буніна, А. А. Ахматавай, Б. Л. Пастэрнака і інш. Аўтар кнігі “Нататкі пра рускае выяўленчае мастацтва”. Заслужаны дзеяч культуры Расіі. Узнагароджаны расійскім ордэнам Дружбы. Гао Ман з'яўляецца таксама перакладчыкам мастацкай публіцыстыкі Святланы Алексіевіч. У 2011 годзе кітайскі перакладчык сустракаўся ў Пекіне з беларускім паэтам Навумам Гальпяровічам, напісаў верш, прысвечаны свайму госцю з Мінска. Гао Ман як мастак-каліграф

з'яўляецца аўтарам партрэтаў беларускіх пісьменнікаў Якуба Коласа, Янкі Купалы, Максіма Танка, Алеся Адамовіча, Васіля Быкава, Святланы Алексіевіч, Навума Гальпяровіча. Рэпрадукцыі гэтых работ перададзены літаратарам і ў Беларусь.

Максім Танк і пасля паездкі ў Кітай не аднойчы ўспамінаў Паднябесную, яе паэтаў, пісьменнікаў. Пра гэта сведчаць многія старонкі дзённіка народнага паэта Беларусі. І хаця пасля 1958 года Танку і Гао Ману ніколі не давялося сустрэцца, і ў кітайскага сябра беларускай літаратуры ў душы і сэрцы нязменна прысутнічае кавалачак Беларусі. Перакладчык Танка ўважлівы і да беларускага мастацтва, з'яўляецца аўтарам эсэ пра народных мастакоў Беларусі Георгія Паплаўскага, Заіра Азгура. З апошнім з іх Гао Ман сустрэкаўся ў час візіту ў Мінск у 1955 годзе, быў госцем у майстэрні скульптара.

Па меры магчымасцяў, улічваючы, несумненна, і адлегласці, і ўзрост, Гао Ман цікавіцца і сёння тым, што адбываецца ў Беларусі. І нам цікава кантактаваць з кітайскім сябрам, раіцца з ім па пытаннях даследавання беларуска-кітайскіх літаратурных сувязей. Мы адправілі Гао Ману адзін з артыкулаў Веранікі Карлюкевіч. Праз некаторы час атрымалі ліст мастака слова: “Артыкул пра Максіма Танка... прачытаў... Ён (артыкул. — **А. К.**) з'яўляецца не толькі сведчаннем дружбы паміж кітайскім і беларускім народамі, але носіць і літаратурна-мастацкае значэнне. Раней, калі Беларусь была ў складзе Савецкага Саюза, беларуская літаратура злівалася ў агульнае рэчышча шматнацыянальнай культуры. Цяпер у самастойнай краіне і літаратура вызначаецца самастойнасцю, вылучае сваю прыгажосць, сваю прывабнасць. Я мяркую, што кітайскі чытач паступова таксама зразумее гэтую акалічнасць. Цяпер, пасля шматгадовай культурнай скаванасці, учыненай “культурнай рэвалюцыяй” у нашай краіне, кітайскі чытач пачаў цікавіцца раней заглушанымі, прыхаванымі літаратурамі, англамоўнымі, лацінаамерыканскімі і г. д. Ваш артыкул, можа быць, першая ластаўка, якая расказвае пра сувязі нашых краін. Вялікі дзякуй Вам за такі добры пачатак...” [8].

У сакавіку 2012 г. у Мінску ў Доме дружбы таварыства “Беларусь—Кітай” правяло літаратурна-музычны вечар Лі Бо, класіка кітайскай паэзіі VIII стагоддзя. На беларускую мову яго вершы пераклалі Ігар Бабкоў (першая публікацыя ў 1989 годзе — у зборніку “Тутэйшыя”), Мікола Мятліцкі, якім падрыхтавана аўтарская анталогія “Сто паэтаў Кітая”. У вечары Лі Бо прынялі ўдзел дарадца па культуры Пасольства Кітайскай Народнай Рэспублікі ў Рэспубліцы Беларусь спадарыня Ван Жуй, беларускія паэты Мікола Мятліцкі, Навум Гальпяровіч, даследчыца кітайскай літаратуры Святлана Казакевіч, перакладчык Лі Бо на рускую мову Лі Цзо, які жыве і працуе ў Мінску, аспіранты і студэнты беларускіх ВНУ Лі Эрун, Сун Дан, Сун Ао, Джао Дундун, Ся Цзыюань, Цю Хао, Юлія Курач, якія спявалі песні на словы Лі Бо, чыталі яго вершы. А вітанне вечару даслаў з Пекіна Гао Ман: “Ад дарагіх сяброў я даведаўся аб маючым адбыцца вечары паэзіі Лі Бо. Я моцна крануты вашай увагай да кітайскай паэзіі. Лі Бо — адзін з буйнейшых паэтаў старажытнага Кітая... Пры жыцці ў яго шчаслівыя дні і цяпеў нямала гора, пакут. Яго творчасць звязана з росквітам культурных сувязей паміж народамі Кітая і іншых краін свету. Ён апеў прыгажосць прыроды радзімы, зямныя радасці — размовы з сябрамі, сустрэчы з дзяўчатамі, музыку, танцы і, канечне ж, віно. Ён хінуўся да свабоды, адмаўляў дурноты жыцця пануючых класаў. Ён захаваў у сабе душэўную чысціню і добрасумленнасць. Яго вершы і сёння жывуць у народзе! Калі б ён дажыў да нашых дзён, слухаючы вершы на беларускай мове, як радаваўся б сам аўтар. Думаю, што вільготнымі

сталі б яго вочы, напоўніліся б яны слязьмі, ды падняў бы ён келіх з віном, ухваляючы ў сваёй песні дружбу нашых народаў! Вершы трэба чытаць і слухаць на роднай мове. Добры пераклад — гэта творчасць на другой мове сілай таленту перакладчыка. Хаця я не чую вашы пераклады, але ўпэўнены, што вершы Лі Бо на беларускай мове будуць гучаць так прыгожа, музыкальна, як у арыгінале. Паколькі беларускія калегі маюць смеласць і талент у гэтай складанейшай літаратурнай справе. Нізкі паклон перакладчыкам паэзіі Лі Бо! Нізкі паклон натхняльнікам, арганізатарам гэтага выдатнага вечара! Нізкі паклон удзельнікам і аматарам незабыўнай сустрэчы з класічнымі вершамі Кітая! Дзякуй вам, дарагія беларускія сябры!..” [9].

Гао Ман — адзін са старэйшых пісьменнікаў, перакладчыцкага цэху Кітая. Уражлівым падаецца і той факт, што ўжо ў гэтым, 2012-м, годзе адна з цэнтральных газет Кітая — “Жэньмін жибао” — 14 лютага змясціла новы артыкул Гао Мана да 100-годдзя з дня нараджэння народнага паэта Беларусі Максіма Танка. Працуе кітайскі мастак слова і над новымі перакладамі Максіма Танка. Тым больш, што сённяшні характар, шырокая прастора гуманітарных, адукацыйных стасункаў Беларусі і Кітая дазваляюць развіваць работу ў галіне мастацкага перакладу на новым грунце. Задумвалі ж некалі ў Шанхаі выданне 5-томнага збору твораў Тараса Шаўчэнкі на кітайскай мове. Чаму б не выдаць па-кітайску і двухтомнік ці нават трохтомнік паэзіі Максіма Танка?..

Літаратура:

1. Беларускія пісьменнікі: Бібліягр. слоўнік. У 6 т. Т. 6. Талалай — Яфімаў / Дадатак. Мн., 1995. — с. 10.
2. Танк, М. Збор твораў. У 13 т. Т. 8. Мн., 2009. — с. 388—389.
3. Танк, М. Збор твораў. У 13 т. Т. 10. Мн., 2010. — с. 552.
4. Танк, М. Збор твораў. У 13 т. Т. 10. Мн., 2010. — с. 9.
5. 3 ліста Гао Мана А. М. Карлюкевічу і В. А. Карлюкевіч ад 27.VIII.2011. Захоўваецца ў хатнім архіве В. А. Карлюкевіч.
6. 3 ліста Гао Мана А. М. Карлюкевічу і В. А. Карлюкевіч ад 27.VIII.2011. Захоўваецца ў хатнім архіве В. А. Карлюкевіч.
7. Гао Ман. Расія, мая любоў. Харбін, 2010. — с. 69. На кітайскай і рускай мовах.
8. 3 ліста Гао Мана А. М. Карлюкевічу і В. А. Карлюкевіч ад 14.IX.2011. Захоўваецца ў хатнім архіве В. А. Карлюкевіч.
9. 3 ліста Гао Мана А. М. Карлюкевічу і В. А. Карлюкевіч ад 15.III.2011. Захоўваецца ў хатнім архіве В. А. Карлюкевіч.

Синецкая Э. А.
Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН
(Москва, РФ)

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА КИТАЯ О НОВЫХ ЛЮДЯХ СТРАНЫ

Поскольку тема моих исследований – социальная структура китайского общества в новое и новейшее время, а это – история прежде всего тех или иных групп, страт общества и людей, их составляющих. А новое и новейшее время – это период кардинальных перемен. «Каждый великий общественно-политический переворот творит новый тип человека. ... дело идет о защите этого нового конкретного человека от исчезающего старого и ненавистного общественного строя. Но борьбы “чувства” и “разума” одной изолированной и абстрактной особенности человека против другой никогда не бывает в действительности, она происходит только в банальных конструкциях... истории литературы» [1]. Я ещё при написании истории феминизма в Китае поняла, что не смогу ничего досконально понять, если буду опираться на какие бы то ни было официальные документы, статистические данные и заявления политиков и общественных деятелей. Меня более интересовало тогда формирование феминистской идеологии, с одной стороны, и социо-психологический аспект женского движения, мысли, а главное, чувства его участниц — с другой. И здесь источником (пусть некоторые сочтут его лишь косвенным) является, в сущности, только литература (в том числе и мемуаристка), «улавливание» более флюидов, чем поиски фактов. Литература дает материал для понимания того, что думают и чувствуют различные участники исторических событий, Причем не исключено, что полученные данные будут даже менее ангажированы, чем в случае специальных опросов [2, с. 507]. К тому же, как пишет один китаист, «освежающая ценность искусства – новизна сдвига реальности по отношению ко взгляду широкого читателя. Последний не имеет своего взгляда: уровень его глаз совпадает с уровнем моря, то есть предшествующего эстетического достижения. Сдвиг, а не действительность является самоценным: отпечаток от вхождения в сырой и рыхлый материал действительности» [3, с. 73-74]. Конечно, литература говорит об отдельных людях, о частностях, казалось бы, что может представляться с точки зрения истории любого социального феномена мелким, единичным, деталями. Однако, как говорит социолог В. Вильчек, крупные процессы лучше всего иллюстрируются мелочами [4, с. 5]. И дьявол, есть мнение, живет и прячется именно в «деталях», без которых картина мира не будет полной, станет лишь голой схемой, отнюдь не всё и всегда разъясняющей. Всякое произведение искусства (и не столь уж важно в данном случае, каковы его художественные достоинства), пишет испанский философ и социолог Х. Ортега-и-Гассет, – часть «общей исповеди интимных человеческих тайн своего времени», новое «истолкование человека», часть того «тайного», «интимного», что уже созрело стать зримым, социально значимым [5, с. 155].

О правомерности использования литературных произведений в качестве источника солидарен со мной и специалист по феминологии в России. «Соседство аналитических и художественных публикаций, отход от строгой научности изложения можно расценить как размывание жанра, – пишет она. – Но, по мнению “пристрастных читателей”, “женский портрет [как и любой портрет любого участника исторического процесса, представляется мне – Э.С.] не может быть полным без глубоких

чувственных отражений”». К тому же многозначность, изначально заложенная в художественном образе, «способна дать совершенно неожиданный импульс для творческой мысли, породить своего рода цепную реакцию идей, мнений, которые станут необходимыми кирпичиками теоретических построений в области гендерных исследований» [6, с. 210] (так и иных исследований в области социальной истории и психологии, добавлю я).

Каждое языковое произведение неограниченной длины является текстом, как записано в энциклопедии «Кругосвет», а по утверждению Умберто Эко, любой текст можно включить в более широкий контекст и вывести событие, описанное в нём, на более высокий уровень обобщения [7, с. 305]. При этом качество и направленность текста не столь важны. Скажем, в качестве обоснования правомерности выбора такого источника, как современный женский роман (хотя бы и называемый некоторыми сексуальным), вновь напоминаю статью доктора социологических наук, профессора В.А.Бачинина «Петербург – Москва – Петушки, или “Записки из подполья” как русский философский жанр» (Прим. 1).

Сведения о том, как китайская женщина приходила к самоидентификации, как вела себя в новых условиях, какие сложности и трудности (как внутреннего, так и внешнего плана) приходилось ей преодолевать – всё, что необходимо для понимания внутреннего мира женщины первых десятилетий прошлого века в Китае, естественно, возможно получить только через художественные произведения. Сложностями взаимоотношений новой китайской женщины с самой собой и с окружающими ее людьми наполнены, прежде всего, произведения китайских авторов начала XX в., таких как Сяо Хун, Дин Лин, а особенно Мао Дунь. Самоощущения, настроения новых китайок колеблются от почти эйфории (от новизны осознания самой себя личностью) до полного отчаяния, пессимизма.

В рассказе Мао Дуня «Комедия» [9, с. 8] в небольшом отрывке описаны чувства человека, приехавшего в конце 20-х – начале 30-х гг. в большой город после продолжительного отсутствия (он отсидел в тюрьме 5 лет) «Да, мир действительно переменялся! Женщины обстригли волосы, стали красить губы, румянить лицо, разгуливать с обнаженными плечами, выпятив грудь и вихляя бедрами. Появилось много кинотеатров, всюду сверкала реклама...». Герой «плохо понимал, что за всем этим скрывается», «несомненно для него было одно: революция свершилась, но смысл ее выходил за рамки постижимого». Внешние приметы, преимущественно женские звучат рефреном и в других романах, новеллах Мао Дуня (и не только в его произведениях).

В том числе, в романе «Колебания» [10, с. 31 и далее] представлены две категории стриженных женщин. Прежде всего – эмансипированные деятельницы женских союзов. Да, они «вызывали различные толки, но они обладали глубоким пониманием событий своего времени, передовой идеологией, цельным характером, а легкомыслие, беззаботность и распушенность были у них, преимущественно, лишь внешними», – так устами героя, молодого гоминьдановского функционера, характеризует их Мао Дунь.

Для некоторых жен гоминьдановских функционеров, а также жен «полугеопеизированных богачей» внешняя форма эмансипированности становилась модой, необходимой частью атрибутики современной женщины, эти дамы – «должны соответствовать». И были дочери знатных семейств, у многих представителей которых, возможно, в крови, в генах наличествует готовность поддерживать пропагандируемую властью идеологию, вернее, мимикрировать к ней. Эти девушки и женщины

либо окончили миссионерские школы, получили образование, скажем, в Женском педагогическом институте, некоторые либо учились или побывали в Европе и Америке; они отлично усвоили приемы светской жизни. Но «жить» в системе эмансипированности несколько сложнее, чем носить одежду нового кроя. Такие женщины начинают ощущать некий дискомфорт: «все вокруг меняется слишком быстро, сложно, противоречиво; они чувствуют себя усталыми, [отнюдь не от бытовых проблем или светской жизни – Э.С.], бессильными во всем»; «они боятся действовать, не имеют твердого, своего мнения, не знают, что хорошо, а что плохо».

Мао Дунь говорит и о другой категории стриженных женщин. Скажем, в романе «Радуга» он описывает дочку учителя, которая в старших классах школы читала журналы (как говорится в романе, в названиях которых было одно общее: все начиналось со слова *синь* — «новый»), проповедовавших новые идеи, новую мораль, новые формы жизни; наслушалась студенческих дебатов и лозунгов. И в результате она несколько лет потратила, чтобы «преодолеть в себе стремление к семейной жизни, свойственное женщине, и желание стать матерью». Она ушла от мужа, сосватанного ей отцом (браки были организованы «с целью улучшения материального положения семьи» в том числе), признавая сама себе, что в иных условиях у них могла бы быть и нормальная семья. Она стала работать учительницей. Вокруг неё было немало людей (в том числе и гоминьдановские функционеры), которые принимали ее эмансипированность весьма вульгарно. Но ей претила такая реализация её свободы. А чего она вообще-то хочет? «Четкого представления у нее не было. Точно разбуженному и недоспавшему ребенку, ей все казалось не так, все вызывало раздражение». Симптоматично рассуждение подружки героини, пытающейся понять ее метания и пессимизм: «громкими голосами призывают подняться молодых борцов, но еще вовсе не приготовили того лучезарного мира, который должен был вместить этих беженцев» [10, с. 189 и далее] (из традиционной культуры, я так понимаю. – Э.С.). Получается, что поманили молодежь экзотическим «фруктом» свободы – и подарили ей преимущественно несбывшиеся ожидания.

Внешний вид, в том числе стрижка, короткая стрижка – идентификационный знак, для своих. «История, — заметил еще полтора столетия тому назад французский политический деятель Алексис де Токвиль, — похожа на картинную галерею, где мало оригиналов и много копий» [11, с. 57]. Это более чем подходит к истории эмансипации женщин: в любой стране происходят сходные процессы (разнятся лишь сроки и скорости). В произведениях Мао Дуня прежде всего примечательно то, как полно и выпукло на многих страницах он показал, что новые женщины Китая стремились – как и во всех странах, повторюсь, на всех континентах – едва ли не в первую очередь сменить свой имидж, поменять архетип женщины, сложившейся исторически. Как и в других странах, китайки, избравшие путь эмансипации, стригли волосы (как бы освобождаясь от привычного того самого длинного волоса, который во многих культурах рифмовался с коротким умом). Они переставали бинтовать грудь, как принято в китайской (и японской) культуре. Они меняли стиль одежды, макияжа и, самое главное, стиль поведения, чем, естественно, вызывали «разные толки», и отнюдь не все даже их передовые единомышленники-мужчины признавали за ними, прежде всего, «глубокое понимание событий своего времени, передовую идеологию, цельный характер».

Но внешние атрибуты, к сожалению, были также знаком и для не-своих, а потому самые предусмотрительные эмансипе (были они таковыми по мировоззрению

или лишь отдавали дань моде) имели в запасе хотя бы парик для камуфляжа на случай занятия местности милитаристскими войсками. И в столкновении с последними эти женщины (независимо от причин принятия ими нового стиля) расплачивались одинаково: при занятии города милитаристскими армиями именно по этим внешним признакам многие женщины не просто расставались с жизнью, они подвергались какому-то садистским убийствам: их и насиловали-то вовсе не для удовлетворения похоти, а как бы ритуал совершая, им вырезали груди (которые эти женщины перестали стягивать) и прочее. Их иногда скальпировали. Их уничтожали как не просто врагов, а как нечто демоническое, как нечистую силу [См.: 9; 10]. (Не исключено, что новые женщины Китая вызывали такую священную ненависть реакционеров и ретроградов не в последнюю очередь потому, что они были связаны с варварским учением — с христианством?)

Естественно, пейзаж китайской литературы первой половины XX в. весьма пёстр. Китай, бывший в то время ареной борьбы, с одной стороны, коммунистов с гоминьдановцами, а с другой — и тех и других с японцами, сам находился в процессе брожения. Одни звали назад к Конфуцию, другие вперед к Марксу и Ленину, третьи, как например Ху Ши, и вовсе в сторону — к Джеймсу Дьюи. Да и представлена эта литература была у нас до определенного времени весьма односторонне.

Но были люди, которые находились вне политики, настолько, что спокойно продолжили потом жизнь в КНР (Прим. 2), ибо им не могли вменить никакого упрека в коллаборационизме или какой-либо антиреволюционной деятельности. Яркий пример этому — Цзянь Чжуншу, бывший в 80-х гг. вице-президентом Академии общественных наук Китая. Этот выдающийся специалист по традиционной литературе Китая в 1946 г. на территории, подвластной гоминьдану, закончил роман «Осаждённая крепость». Опубликованное вначале в журнале, затем изданное в 1947 г. отдельной книгой огромным тиражом, произведение имело редкий успех — понадобилось шесть дополнительных тиражей, «книгу стали называть только входившим тогда в моду словом “бестселлер”» [12, с. 13], последовали прекрасные отзывы известных в кругу интеллигенции деятелей культуры. Однако именно за аполитичность роман был встречен более чем недоброжелательно интеллигенцией левой ориентации, в КНР и вовсе раскритикован, но вновь переиздан в конце 80-х, переведён на иностранные языки, в том числе в России дважды. Против ожиданий, порождённых названием романа, роман не о войне какой бы то ни было, он про семью, создаваемую в новых условиях, не по традиционному семейному сговору, а по правилам, декларированным в Конституции: правом свободного выбора брачного партнёра. Описан брак по личностному выбору, но брак более чем неудачный, поскольку семьи молодых супругов были как бы из двух миров: если родители супруги были более, говоря современным молодёжным сленгом, продвинутые, но родители мужа — более традиционалистски настроенные, что приводило в новой семье к массе конфликтов. При этом супруги оба обучались за границей, они были именно новые китайцы, но несовпадение семейных традиций их родителей приводило к краху молодого семейного союза. (В романе есть ироническое замечание героя о замужестве по сговору, по традиции: слушая разговоры о достоинстве той или иной претендентки ему в жены: «он подумал: “Почему это что ни девушка, то отцова дочка? Послушать некоторых, так для них брак — разновидность однополрой любви: не столько девушкой интересуются, сколько отцом ее или братом”» [12, с. 60].)

Роман интересен и прекрасно описанным социальным фоном. В том числе, в свете моих прежних гендерных исследований — весьма подробно показана картина в

области образования и разнообразной деятельности женщин на территории, подвластной ГМД в 20-30-х гг. прошлого века. Многие девушки не только учились в университетах на родине (даже и политологии), но и за границей, теперь женщины были не только учительницами школ для девочек и партийными функционерками, теперь женщины нередко на равных работали служащими на производстве, медицинскими работниками, преподавателями в вузах.

О соблюдении прав и свобод женщин в Советских районах имеются лишь отрывочные, но нередко критические свидетельства. Информативным оказался роман Чжан Жун «Дикие лебеди, или Три дочери Китая» [13], вышедший в Великобритании в 1991 г., объявленный в 1993 г. британской «Книгой года», но до сих пор запрещенный в КНР. (Автор, уехала в Англию по государственной стипендии, там вышла замуж и осталась жить.) Одна из героинь (мать автор романа), будучи гимназисткой старших классов, принимала при гоминьдановском правлении участие в некоторых подпольных акциях на стороне коммунистов, веря их «обещаниям преобразовать жизнь в корне», что должно было «положить конец несправедливому обращению с женщинами». (Так же считала и одна из ее соучениц, которую отец принауждал выйти замуж за двенадцатилетнего мальчика – это уже при гоминьдане, и она сбежала со своим возлюбленным к партизанам-коммунистам, говоря «Они – наша надежда».) Конечно, при гоминьдане были «незначительные перемены к лучшему» в положении китайской женщины, но «всё тонуло в море всесильных предразсудков». Заинтересовал меня, прежде всего, деталями из области эмансипации женщин фрагмент романа о 40-х гг. XX в., когда в город вошли коммунисты. Семнадцатилетняя героиня встречается с молодым партийным функционером немалого ранга, отличающимся соблюдением правил гигиены (редким явлением среди бывших партизан, как говорится в тексте), «славившимся своей ученостью... всегда имевшим при себе томик классической поэзии», хорошо «знакомого с марксистской философией и историей, с русской литературой». Этот молодой, 27-летний функционер КПК уже наслышан, что семнадцатилетняя активистка, «как это ни невероятно, командовала мужчинами». Он был удивлен, когда перед ним предстала «хорошенькая и женственная, даже кокетливая» особа, говорившая «спокойно, убедительно и – что для китайцев редкость – точно», ибо он «представлял ее себе **эмансипированной женщиной, достойной восхищения, но конечно стервой**» (выделено мною. – Э.С.). Совместная политическая деятельность приводит к возникновению между молодыми людьми любви. И молодой человек «подаёт в горьком заявлении с просьбой разрешить им “говорить о любви (тян лян ай)”», чтобы впоследствии они могли пожениться. «Так предписывали правила. Мама подумала, — пишет Чжан Жун, — что это немного напоминает разрешение на брак, даваемое главой семьи, и в сущности была совершенно права: компартия стала новой патриархальной силой» [13, с.212-215]. Интересно описана учрежденная коммунистами Женская федерация. Организация проводила полезную и сложную работу: освобождение наложниц и закрытие борделей, вовлечение женщин шить тапки для армии, устройство на учебу и на работу, обучение грамоте, объяснение прав, защита в случае принуждения девушек к браку против их воли и тому подобное. Чжан Жун пишет, что коммунистки, чаще всего происходившие из необразованных крестьянских семей, смотрели на многое по-обыкательски. «Чиновницам с такими косными взглядами и было поручено осуществлять политику партии в деле раскрепощения женщин». К образованным городским девушкам, к студенткам – «буржуазным белоручкам» более старшие

и консервативные начальницы, призванные инициировать и развивать женское движение, относились со здоровым классовым недоверием [13, с. 219].

Читая этот роман, я думала, а как же женились рядовые граждане? И вот беру один рассказ – о городских ребятах, добровольно(?) уехавших поднимать целину. Молодые люди обмениваются книгами (правда, приведено лишь два названия – «Краткая биография Сталина» и «Философия масс»), говорят о Корчагине и Матросове, Пушкине и Маяковском (без указания конкретных произведений), говорят о праве человека на любовь, ссылаясь при этом почему-то на Маркса и Фучика. Правда, это сведения 80-х гг., возможно, и более ранние, ведь сборник, рассказ из которого я рассматриваю, в русском переводе напечатаны у нас в конце того десятилетия. Тогда были уже запрещены «горные песенки» (любовные песни), стали считать любовь «буржуазной пакостью», стали утверждать, что «любовь отвлекает от великих дел», даже запрещалось покупать открытки с изображением Ромео и Джульетты [14, с. 39].

(Впрочем, литература середины 20-х гг. в Советской России говорила о нечто подобном. Так, к примеру, герои в произведениях Андрея Платонова пугались «гниды любви», ибо она отвлекала человека от изобретения новой небывалой цивилизации, мешала бросить все силы на антропотехнику – искусство строить человека [15, с. 222].)

Судя по всему, любовь между юношей и девушкой скорее понималась лишь как пролог к браку, а вовсе не как самоценное чувство. Директор совхоза-колхоза советовал одному молодому человеку, «заразившемуся» этой «буржуазной пакостью»: «Если уж без любви прожить не можешь, пойді в комсомольскую организацию, доложи, получи разрешение, вот тогда и действуй!» [14, с. 32] Обращаться к партийным органам по, в сущности, интимным вопросам, вероятно, повелось со времен Яньани.

Что же касается вовсе «простых» людей, то в тех же опубликованных у нас в конце 80-х гг. сборниках китайских современных рассказов особенно рассказ «Любовью забытый уголок» мне показался значимым. Привлекло сразу само начало: «Хотя уже кончились семидесятые годы двадцатого века, но в глазах молодежи народной коммуны под громким названием “Рай” любовь оставалась чем-то незнакомым, таинственным и постыдным». Когда на собрании, направленном против «браков по расчету», докладчик – секретарь комсомольского бюро [недавно демобилизовавшийся – Э.С.] «громко произнес слово “любовь”, все были ошеломлены. Парни начали с ухмылками переглядываться, гоготать, а девчата покраснели, торопливо опустили глаза, захихикали и тоже стали переглядываться, но стыдливо». За мужество происходит в данной местности следующим образом. «Здесьние девушки, достигнув определенного возраста, впадали в какое-то томление духа, могли испытывать, иногда мучаясь, симпатии к кому-нибудь из парней, но... вскоре все это исчезало, успокаивалось – приходил какой-нибудь родственник или знакомый, приносил зеленую или, скажем, розовую кофту, торговался в одних и тех же выражениях о дополнительном выкупе, и дело слагивалось. Потом тот же родственник или знакомый приходил вместе с парнем, обрученные, даже не смеющие прямо взглянуть друг на друга, отправлялись в Учжуан или какое-нибудь другое место, фотографировались, и в назначенный день невеста и покидала своих родителей...». Таков был путь, привычный для этих мест и считавшийся правильным, утверждалось далее [16, с. 5]. Такие нюансы человеческой жизни находятся вне правового поля, поскольку

не отменяют добровольности вступающих в отношения сторон, а потому не подпадают под действие законов. И в литературе Китая таких примеров несть числа, вплоть до настоящего времени. Конечно, после официального учреждения Китайской Советской Республики и Временного советского правительства сразу же были опубликованы Правила регистрации брака, а 1934 г. вступил в силу «Закон о браке Китайской Советской Республики», в котором провозглашалась свобода брака, как для мужчин, так и для женщин; запрещались все браки, основанные на купле-продаже, обычай выкупа невесты, система приданого и многое другое; брак регистрировали местные Советские комитеты. На этой же базовой юридической основе писались и все последующие законы КНР о браке. Новые правовые документы, издающиеся в КНР, скорее настаивают на исполнении декларируемых уже ранее прав (что, скажем, подтверждается в пункте 16 «Программы повышения статуса китайских женщин в период 1995–2000 гг.»: «хотя и существуют пространные законы о защите прав и интересов женщин, однако, их реализация далеко не обеспечена» [17, с. 42]).

Человек воспринимает практически всё, лишь соотнеся своё понимание, своё восприятие с неким пониманием того, как это принято, как должно быть в среде его бытования, что всегда является отражением скрытых или прописанных так или иначе ценностей культуры, в которой он существует.

Что касается более поздних литературных произведений, то несомненный интерес представляют нашумевшие романы Чжоу Вэйхуй (выходящие под псевдонимом Вэй Хуй), в которых говорится о современных шанхайцах так называемого нового-нового поколения на рубеже прошлого и нынешнего веков. Эти молодые люди находятся в контексте не только и не столько китайской, сколько мировой культуры, они в большинстве своём обеспечены (во всяком случае, не нуждающиеся), ведут активную жизнь, преимущественно богемную (поскольку сами не лишены творческого начала). Это прежде всего: выпускники или учащиеся вузов, которых в Шанхае чрезвычайно много; так называемые городские красавицы – самостоятельные, независимые, в большинстве своём работающие в иностранных компаниях молодые женщины; деятели культуры (писатели, журналисты, художники) и представители тех новых, в сущности, для КНР профессий, перечень которых становится всё более широк и разнообразен (дизайнеры, фотографы, стилисты, манекенщицы и прочее); а также представители мелкого и среднего китайского бизнеса. Их поколение в результате реформы получило свободу в экономической области, право жить частной жизнью во всех сферах её проявления; жить в своём индивидуальном мире (ведь это «теперь не карается»). Они «не боятся бросать вызов установленным нормам» [18, с. 3, 46]. Представители этого поколения либо в силу обстоятельств отторгнуты от семьи, либо предпочитают сохранять дистанцию в отношениях с родителями (они декларируют «совершенно разные представления» старшего поколения, в результате чего «поколения разделяет пропасть длиною в век» [19, с. 18]). Само сообщество, в котором осуществляется их жизнь, состоит в силу его специфики из весьма атомизированных особей, скреплённых скорее времяпрепровождением, чем чем-либо иным. Молодёжь, о которой идёт речь, интернациональна по сути, как в результате усвоенной западной культуры, так и в результате всё увеличивающихся контактов с представителями западного мира. Это и контакты с весьма многочисленными в Шанхае иностранными студентами и иностранцами-менеджерами международных компаний, и поездки современных китайцев по различным поводам за границу. Они

интернациональны настолько, что даже «вековые межнациональные счёты» (к примеру: стереотип «исторически китайцы недолюбливают японцев»), их «беспокоят гораздо меньше» [20, 27]. Эти литературные примеры примечательны ещё и тем, что разговор идёт о представителях культурной элиты будущего, образованной и интуитирующей прослойки китайского общества. Да, стиль жизни этих молодых шанхайцев практически мало чем отличается от жизни их поколения в любом большом городе мира. Создаётся впечатление, что всё новое в той или иной мере освоено (буквально: сделано «своим») и может занять определенное место в тезаурусе. Однако, то, что у других народов обратилось «в привычку, в инстинкт», это «чужое», воспринятое иногда с чрезмерным энтузиазмом, казалось бы – усвоенное, «присвоенное». Но эти «странствия души по временам и культурам» (как писал религиозный мыслитель, богослов и историк Г. Флоровский [21, 10, 501]) не нарушают выбранного индивидуалистического пути до тех пор, пока дела идут хорошо. Культурологи говорят, что в ситуации культурного пограничья граница иногда пролегает внутри отдельного человека весьма напряжённо, если не сказать – трагически. И в названных романах мы находим подтверждение этому.

И это не может не вносить определённую пессимистическую ноту в оценку будущего развития Китая. Они иллюстрируют ту печальную истину, что человек, попадающий из закрытого общества в открытое, воспринимает этот переход, эту трансформацию как позитивную, и воспринимает её с энтузиазмом. Однако по прошествии времени очень часто это оборачивается большим разочарованием или, что не менее важно, – большой апатией. Конечно, возможны замечания, что прослойка, о которой говорится в этих романах, весьма ограничена (и географически, и численно), чтобы делать какие бы то ни было далеко идущие выводы, касаемо всего Китая. Но нередко бывает, как говорят культурологи, когда «система представлений, доступная узкому кругу лиц, ...оказывалась достоянием целой эпохи» [22, с. 248].

А что касается, как говорит социолог Дюркгейм, «идеалов, воплощенных в искусстве, то они становятся наглядными: их можно всем увидеть, всем понять, всем представить», и потому «они влияют на волю и сознание людей, ведут людей к действиям по изменению общества, по созданию разнообразных новых ценностей» [23, с. 301-302].

Примечания

1. Автор ставит в один ряд, что может представляться некоторым весьма странным, произведения Достоевского и Венедикта Ерофеева, роман которого является для немалого количества читателей России гимном алкоголизма и матерщины прежде всего. Но автор цитируемой статьи утверждает, что русский литературно-философский модерн открылся «Записками из подполья» (1864 г.), а начал закрываться «Москвой-Петушками» (1969 г.). Таким образом, произведение В.Ерофеева ставится знаковым этапом в культурной жизни России. «В обеих [произведениях] предстаёт история русского самосознания в его по-веберовски “идеально-типических” и по-русски “заголенно-обнаженных” вариантах» [8, с. 182].

2. Но нередко, правда, уйдя из творчества в искусстве в науку. Так, например, по свидетельству В.Ф. Сорокина, «Лао Шэ нашел в себе силы обратиться к новым темам и частично преуспел в этом... многие из виднейших писателей предшествующих десятилетий, в том числе и такие прославленные мастера, как Мао Дунь и Ба Цзинь, почти полностью отошли от художественного творчества» [12, с. 15].

Литература

1. Горг Лукач. К истории реализма (Гёте Страдания молодого Вертера) // society.polbu.ru/lukach_realism/ch01_i.html.
2. А.Я. Гуревич. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
3. Карпов. Заботы и тревоги «другого Китая» // Азия и Африка сегодня, 2000, № 9.
4. Всеволод Вильчек. Проблемы охловедения // Московские новости. 2002, № 37.
5. Хосе Ортега-и-Гассет. Размышления о «Дон Кихоте». М., 1997.
6. Мисонжников Б. Дискурсы женской онтологии (Из наблюдений при-страстного читателя) // Женщина в жизни общества. Материалы Международной конференции. СПб., 2001.
7. Чжан Жун. Три // Иностранная литература, 2008, №10.
8. В.А. Бачинин. «Петербург – Москва – Петушки», или «Записки из под-полья» как русский философский жанр // ОНС, 2001, № 5.
9. Мао Дунь. Рассказы. М., 1960.
10. Мао Дунь. Сочинения. М., 1956, т. 1.
11. Токвиль де А. Старый порядок и революция. М., 1997.
12. Цзянь Чжуншу. Осаждённая крепость. М., 1989. См.: Пред. перевод. В.Ф.Сорокина..
13. Чжан Жун. Дикае лебеди, или Три дочери Китая // Иностранная ли-тература. 2005. № 9.
14. Хань Чжаоян. Гляжу на заросли тростника // Встреча в Ланьчжоу. М., 1987.
15. Тихомирова. Эрос из подполья. Секс–бестселлеры 90-х и русская ли-тературная традиция. // Знамя, 1992, № 6.
16. Чжан Сюань. Любовью забытый уголок // Иностранец в деревне. М., 1990, с. 5.
17. Т.М. Емельянова. Проблемы женского движения в КНР (90-е годы) // Ки-тай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Сб. до-кладов. М., 1995.
18. Кайфан, Гонконг, 2000, №7,
19. Вэй Хуй. *Шанхай баобэй*. Чэньян, 1999.
20. Вэй Хой. Замужем за Буддой. М., 2006.
21. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991.
22. М.В. и Д.М. Урновы. Шекспир. Его герои и его время. М., 1964 (цит. по: Н.И.Конрад. Запад и Восток. М., 1972, с.248).
23. Э. Дюркгейм. Социология. М.

Смолік А. І.

Доктар культуралогіі, прафесар,

Загадчык кафедры культуралогіі,

УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў»

ТРАДЫЦЫЙНАЯ КУЛЬТУРА КІТАЯ ЯК ПРАБЛЕМАЕ ПОЛЕ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРАЛОГІІ

Праблема захавання этнанацыянальнай адметнасці ва ўмовах узрастаючага ціску заходнееўрапейскай культуры з'яўляецца актуальнай для кітайскага грамадства. У XX ст. сінтэз кітайскіх і заходніх традыцый стаў адным з асноўных прынцыпаў кітайскай культуры. Мастацкая культура сучаснага Кітая адчувае вялізарны ўплыў еўрапейскага мастацтва і ў пэўнай ступені пачало недаацэньваць уласную культурную спадчыну. Складанасць сучаснай сітуацыі, адзначае кітайскі мастацтвазнаўца Сунь Цянь, заключаецца ў тым, што паняцці “заходняе” і “кітайскае” зараз для многіх жыхароў краіны, па сутнасці, эквівалентны паняццям “сучаснае” і “традыцыйнае”, а часам нават “перадавое” і “адсталае” [6]. Такая тэндэнцыя ўтрымлівае ў сабе небяспеку страціць адчуванне каштоўнасці і годнасці сваёй уласнай традыцыйнай культуры.

Даследаванні культурагенэзу сведчаць, што цывілізацыя і культура кітайскага народа, нягледзячы на катаклізмы, захавала цэласнасць і своеасаблівасць. Яна мела больш рацыянальны, прагматычны характар, у значнай ступені звернуты да каштоўнасцей рэальнага зямнога жыцця. Духовная культура вызначалася надзвычайнай устойлівасцю, стабільнасцю, кансерватызмам; у яе фарміраванні і развіцці вельмі важную ролю адыгрывалі шматлікія традыцыі, звычаі, абрады, рытуалы і цырымоніі. Па глыбіні эстэтычнага і паэтычнага пранікнення ў быццё прыроды яна бадай не ведае сабе роўных у свеце. Менавіта па гэтаму засваенне культурнага досведу этнасаў старажытнага Кітая беларускія культурологі лічаць адной са сваіх задач.

Аналіз вучэбнай літаратуры па культуралагічных дысцыплінах для студэнтаў беларускіх вуну паказвае, што ў кожным з іх маюцца даволі аб'ёмныя раздзелы, у якіх разглядаецца своеасаблівасць традыцыйнага ладу кітайскай культуры. Сярод шэрагу выданняў неабходна адзначыць працу І.В. Казаковай “Гісторыя і тэорыя сусветнай культуры”, у якой сістэматызаваны вялікі тэарэтыка-практычны матэрыял, неабходны для засваення адметнасці, непаўторнасці кітайскай традыцыйнай культуры. Аўтар тлумачыць феномен унікальнасці кітайскага сацыякультурнага “генатыпа” дэміфалагізацыяй і нават у пэўнай ступені дэсакралізацыяй этыкі і рытуала, што на працягу тысячагоддзяў з'яўлялася асновай узнаўлення і аўтаномнага рэгулявання грамадства, дзяржавы і ўсёй культуры старажытнага Кітая [3, с. 155]. Асаблівую ўвагу І.В. Казакова ўдзяляе даследванню традыцыйнага кітайскага мастацтва. Яна адзначае, што разнастайныя віды традыцыйнага мастацтва ў Кітаі ўзніклі не як чыста эстэтычныя з'явы, а як абавязковая складовая частка гаспадарча-практычнай дзейнасці. Так, па яе меркаванню, вытокі традыцыйнага драматычнага мастацтва неабходна шукаць у рытуальных відовішчах. Адметнасцю старажытнага кітайскага мастацтва, лічыць І.В. Казакова, з'яўляецца тое, што ў ім паэзія, жывапіс і каліграфія не мелі тых меж, якія звычайна падзяляюць віды мастацтва, незалежна ад уласцівых ім спецыфічных рыс. Гэтыя тры віды мастацтва вызначаліся прыродай іерагліфічнага выражэння і з дапамогай аднаго і таго ж

інструмента – пэндзяля. Народнае мастацтва адлюстроўвала глыбінную сутнасць быцця, напаўняла кожную форму жыццём і своеасаблівай гармоніяй. Мэта кітайскай эстэтыкі ў тым, каб дасягнуць сапраўднай сутнасці гаючых крыніц гармоніі жыцця. У аналізуемай працы выдзелены раздзел, у якім даецца апісанне традыцыйных музычных інструментаў, асаблівасцей гукарада, асноўных кампанентаў кітайскага музычнага тэатра. Галоўнай прыкметай народнай музыкі, адзначаецца ў працы, з’яўляецца пентатоннасць яе асноўнага гукарада, калі гукі размяшчаюцца з інтэрвалам у цэлы тон ці ў паўтара тона. Аўтар спыняецца таксама на асаблівасцях аркестравага выканальніцтва, у якім не выкарыстоўваюцца правілы гармоніі : усе інструменты іграюць ва ўнісон ці з інтэрвалам у адну актаву.

Традыцыйнае светаўспрыманне кітайцаў аналізуе беларускі культуралаг В.Р. Языковіч. У раздзеле “Своеасаблівасць кітайскай культуры” разглядаюцца асноўныя філасофскія плыні (кафуцыянства і даосізм), якія абапіраюцца на прынцып антрапалагізма, згодна якога чалавек разумецца як важнейшая складаючая трыяды – Неба-Чалавек-Зямля [13]. На думку аўтара, важнейшыя аспекты кітайскай культуры вызначаюцца традыцыйнай канфуцыянства, якое ўяўляе сабой сацыяльна-этычнае вучэнне аб высакародным мужу і нормах сацыяльных паводзін, падпарадкаванне сябе служэнню вышэйшым маральным прынцыпам. Канфуцыянства, сцвярджае В.Р. Языковіч, вызначыла важнейшыя рысы кітайскай культуры, дамінантай якой з’яўляецца этычная кампанента. Маральныя нормы вызначаюць іерархію традыцыйных кітайскіх каштоўнасцей, абвешчаюць прыярытэт сацыяльных задач, грамадскага абавязку, сацыяльнай ролі ў адносінах да іншых форм самапраяўлення чалавека. Кітайскай традыцыйнай культуры ўласцівы рытуалізм, сімвалічнасць паводзін; праз рытуал перадаюцца традыцыйныя каштоўнасці, падтрымліваецца грамадскі парадак, устанаўліваецца ўсеагульная гармонія космасу. Аўтар звяртае ўвагу на тое, што для суб’ектаў кітайскай культуры характэрна цікавасць да культуры паўсядзённасці, да традыцыйнага, спадчыннага, старажытнага. Гэта “антыкварная ўстаноўка” стымулюе імкненне зрабіць усё элегантным, прыдаць прывабнасць побытаваму, знешняму вымярэнню чалавечага жыцця.

В.Р. Языковіч раскрывае сутнасць даосізма, у якім найбольш поўна ўвасобілася такое важнае вымярэнне кітайскай культуры, як віталізм, узвышэнне каштоўнасцей натуральна-прыроднага жыцця. Яго вядучай устаноўкай з’яўляецца прынцып натуральнасці, г зн. дасягнення ідэнтычнасці з сутнасцю свету, растварэнне ў прыродзе, зліццё з Дао на аснове адмаўлення ад любой мэтанакіраванай дзейнасці, негатыўных адносін да абсалютных каштоўнасцей сацыяльнага і культурнага парадку. Даосізм і канфуцыянства як асноўныя аўтахтонныя вучэнні найбольш поўна выразілі дух і каштоўнасці арыентацыі традыцыйнага кітайскага грамадства, аформілі сістэму катэгорый кітайскай культуры.

У працы беларускага культуралага грунтоўна прааналізаваны кітайскі пантэон багоў трох рэлігій, які налічвае 129 афіцыйна прызнаных багоў. У кітайскім фальклоры іх значна больш (каля 600). Вобразы багоў сімвалізавалі адзінства трох сфер свету – Неба, Змлі і Чалавека. Іх суадносілі з пэўнымі з’явамі нябеснай сферы, гістарычнай асобай і мясцовасцю.

Традыцыйная кітайская культура з’яўляецца прадметам вывучэння Л.К. Кухто, А.А. Цобкало [4, 11]. Імі даследуецца культура- і этнагенэз кітайскага грамадства. Культуралагі прыходзяць да высновы, што за тысячагоддзі на тэрыторыі сучаснага Кітая склалася цывілізацыя, якая захавала пераемнасць асноўных

традыцый, асобных адметных рыс матэрыяльнай і духоўнай культуры і працягвае існаваць у сучасны перыяд.

Старажытнакітайскімі этнасамі была створана багатая міфалогія, якая праанлізавана А.А. Цобкало на старонках адзначанай працы [11]. Ключавымі паняццямі і тэрмінамі кітайскай міфалогіі, сцвярджае навуковец, з’яўляюцца Шань-дзі і Цянь. Шань-дзі, паводле міфа, ёсць не толькі вярхоўнае бажаство, але і першапрадак. Ён з’яўляўся ў выглядзе жоўтага нябеснага імператара, які кіруе шматлікімі багамі, духамі і вызначае правілы паводзін людзей на зямлі. Кітайскія міфы прыпісваюць яму вынаходніцтва павозкі, лодкі, люстэрка, глінянага гаршка для прыгатавання ежы, пісьменнасць, а таксама тое, што ён навучыў людзей музыцы, вырабляў эліксір несмяротнасці, напісаў медыцынскі трактат і інш. Шань-дзі ўва-сбляў вечнасць і нязменнасць неба, а таксама маральныя законы.

У старажытнакітайскай міфалогіі Цянь (Неба) уяўляецца як вярхоўны дух, найвялікшы правіцель, што дае права зямному ўладару кіраваць краінай, а таксама як вышэйшая боская сіла, што распараджаецца чалавечымі лёсамі.

Старажытныя кітайцы верылі ў тое, што менавіта Неба з’яўляецца пачаткам усіх пачаткаў. Таму кітайцы надзвычай шанавалі Неба, падначальваліся яму, выконвалі яго законы і патрабаванні. Неба лічылася ўвасабленнем мудрасці, справядлівасці, дабрадзейнасці; яно магло як пакараць, так і своеасаблівым чынам узнагародзіць чалавека.

Адзіным сынам Неба і Зямлі лічыўся імператар, улада якога мела неабмежаваны характар. Папулярным таксама ў Старажытным Кітаі быў касмаганічны міф аб Паньгу, які быў першапрадам, першым чалавекам на зямлі, прабацькам усяго чалавецтва. Паводле гэтага міфа, спачатку ўвесь Сусвет знаходзіўся ў стане першабытнага хаосу і па форме нагадваў гіганцкае курынае яйка. У ім самазарадзіўся Паньгу, які там доўга спаў, а прачнуўшыся, узяў вялізную сякеру і раскалоў яйка. Усё лёгкае, светлае і чыстае (“Ян”) з яго паднялося наверх і ўтварыла неба, а ўсё цяжкае, цёмнае і бруднае (“Інь”) апусцілася ўніз і ўтварыла зямлю. Такім чынам, Інь – Ян – два палярна супрацьлеглыя пачаткі, якія ляжаць у аснове існавання Сусвету, Космасу, а таксама ўсяго жывога на Зямлі. У аснове антрапаганічных уяўленняў кітайцаў – міф аб тым, што людзі ўзніклі з насякомых-паразітаў, якія жылі на целе першачалавека Паньгу. Паводле другой міфалагічнай версіі, першых людзей вылепіла з гліны старажытная багіня – прамаці Нюйва, якая мела выгляд паўжанчыны-паўзмяі. Перамены ў грамадскай свядомасці і адпаведнае іх асэнсаванне адлюстроўваліся ў міфах. За перыяд тысячагодняга існавання Старажытнага Кітая сфарміраваўся комплекс уяўленняў, які атрымаў назву “культурны этнацэнтрызм”. У яго аснове – уяўленні пра Кітай як пра “Сярэдзіннае царства”, якое знаходзіцца ў цэнтры Сусвету і акружана “варварамі чатырох бакоў свету”.

Неад’емнай часткай кітайскай традыцыйнай культуры з’яўляецца побыт. Л.К. Кухто лічыць, што на быт і норавы кітайцаў значны ўплыў аказалі ідэі канфуцыянства [4]. Паводле канфуцыянскіх нормаў, ад мужчыны патрабаваліся сумленнае выкананне сваіх службовых абавязкаў, падначаленне вышэйстаячым і кіраўніку роду. Жанчына заўсёды павінна быць паслухмянай мужу, свёкру і свякроўцы; яе прызначэннем і найважнейшымі абавязкамі лічыліся самаадданае служэнне мужу, працавітасць, гаспадарлівасць. У старажытным Кітаі быў вельмі рэгламентаваны побыт людзей. Сістэма выхавання сфарміравала ў насельнікаў краіны ўстаноўку на

спакойнае, размеранае жыццё, без мітусні і асабістых амбіцый, з перавагай маральных каштоўнасцей над матэрыяльнымі.

Кітайскія сем'і жылі ў адпаведнасці са сфарміраванымі стагоддзямі нормамі, традыцыямі, звычаямі. Усе члены сям'і павінны былі прытрымлівацца пэўных абмежаванняў. Напрыклад, было строга забаронена ўжываць непрыстойныя словы, рабіць дрэнныя ўчынкі, якія маглі пашкодзіць старэйшым і іншым сваякам. У аснове духоўнага жыцця кітайцаў быў культ продкаў. Кітаец у паўсядзённым жыцці павінен кіравацца канфуцыянскімі заветамі: аддана служыць сваім жывым і памерлым продкам, прыносіць ім ахвярапрынашэнні, мець да іх сыноўнюю пачцівасць, заўсёды паважаць, шанаваць сваіх бацькоў, старэйшых людзей і інш. У кожнай кітайскай сям'і былі храмы і алтары продкаў, дзе можна было ім пакланіцца, прынесці ахвярапрынашэнні. Выхаванне праходзіла таксама ў адпаведнасці з меркаваннямі і пастулатамі Канфуцыя. Так, ідэальна выхаваны чалавек павінен мець высокія маральныя якасці: высакародства, праўдзівасць, імкненне да ісціны. Сям'я ў Старажытным Кітаі найчасцей была палігамная. Бацька лічыўся адначасова галавой, правіцелем і суддзёй. Даасізм фактычна прызнаваў поўную свабоду палавых зносін. У той жа час нярэдкамі былі гомасексуальныя інтымныя зносіны. Праўда, канфуцыянства імкнулася абмежаваць сексуальныя патрэбы суграмадзян. Шлюбным узростам мужчыны было дасягненне ім 30 гадоў, а жанчын – 20 гадоў. Аднак такія правілы нярэдка парушаліся, і вядома шмат выпадкаў, калі жаніліся ў 15–16 гадоў, а дзяўчаты выходзілі замуж у 13–14 гадоў. Практыка ранніх шлюбаў выклікала асуджэнне прыхільнікаў канфуцыянства. Рашэнне аб уступленні ў шлюб прымалася бацькамі (найчасцей бацькамі жаніха). Выбар нявесты вызначаўся па некалькіх асноўных крытэрыях: выгляд, паходжанне, багацце і інш. Па імені нявесты шляхам гадання вызначалі, ці няма перашкод для заключэння шлюбу. Дата вяселля вызначалася па гараскопе. На вяселле запрашалася мноства гасцей, прычым бацькам жаніха нярэдка прыходзілася залазіць у даўгі, каб сабраць як мага больш гасцей.

У старажытнакітайскім доме амаль не было мэблі. Паўсюдна ў хаце былі засцелены цыноўкі, на якіх звычайна сядзелі, а спалі найчасцей на нізкіх драўляных тапчанах. Людзі хадзілі амаль заўсёды басанож. Кітайцы лічылі дапушчальным сядзець толькі становячыся на калені і апусціўшыся на пяты.

Жыхары Кітая ўжывалі ў ежу мяса кароў, бараноў, сабак і курэй, а таксама рыбу, гародніну, рыс, пшаніцу, ячмень, проса, гаален. Вельмі папулярнымі былі разнастайныя віды віна. Падчас трапезы традыцыйна выкарыстоўваліся драўляныя палачкі.

У эпохі Цынь і Хань склаліся асноўныя рысы традыцыйнай кітайскай архітэктуры. Грамадскае ўсталяванне, формы мыслення і рэлігійныя ўяўленні, па меркаванню А.А. Цобкало, наладжылі адбітак на архітэктуру Кітая. Для яе характэрны кансерватызм, следаванне канону, раз і назаўсёды ўстаноўленым прынцыпам, ад якіх архітэктар не павінен быў адступаць. Нават нязначныя дэталі канструкцый і колер афарбоўкі архітэктурных элементаў былі кананізаваны, мелі характар рэлігійных дагматаў.

З часу аб'яднання краіны пачынаецца ўзвядзенне найбольш грандыёзных мадэльных помнікаў традыцыйнага кітайскага дойлідства. Самым старажытным збудаваннем, якое дайшло да нашага часу, з'яўляецца Вялікая Кітайская сцяна. Гэтае збудаванне дае ўяўленне аб узроўні развіцця горадабудаўніцтва і інжынернага мастацтва таго часу. На старонках дадзенага выдання даецца грунтоўнае яе апісанне і іншых гарадскіх архітэктурных комплексаў. У прыватнасці, цыньскай сталіцы

Сяньян, якая ў адрозненне ад старажытных пасяленняў мела дакладны план, святочны і прыгожы выгляд. Горад быў абнесены моцнай крапасной сцяной з мноствам варот і башняў. Паводле звестак летапісцаў, у ім налічвалася каля 300 палацавых комплексаў, а шырокія вуліцы завяршаліся масіўнымі варотамі.

Вялікі ўплыў на развіццё кітайскай архітэктуры аказаў будызм. У адрозненне ад Індыі, дзе сімвалам гэтай рэлігіі служыць ступа, у Кітаі будысцкімі мемарыяльнымі збудаваннямі з'яўляюцца шмат'ярусныя башні-пагады. Шмат'ярусная пагада зыходзіць да архітэктуры традыцыйнага кітайскага жылля. Далейшае развіццё і шырокае распаўсюджанне пагады прыходзіцца на эпоху Сярэднявечча.

На падставе сказанага можна сцвярджаць, што беларускія культуролагі ўважаюць даважлівым ставіцца да вывучэння розных форм традыцыйнай кітайскай культуры. У Беларусі нават сфарміраваліся своеасаблівыя навуковыя школы, ў якіх мэтанакіравана вядзецца даследаванне разнастайных аспектаў дынамікі кітайскай культуры. Пры гэтым важна адзначыць, што ў ім актыўна ўдзельнічаюць і кітайцы. Так, у Беларускім універсітэце культуры і мастацтваў, Беларускай акадэміі музыкі пад кіраўніцтвам беларускіх навукоўцаў на працягу апошніх дзесяці гадоў вядзецца сістэмны, комплексны аналіз кітайскай мастацкай культуры. Працэс функцыянавання традыцыйнага кітайскага выяўленчага мастацтва даследуюць доктар мастацтвазнаўства, прафесар БДУ культуры і мастацтваў Р.Ф. Шаўра і малады кітайскі даследчык Чжан Далэй [12]. Навукоўцы прыйшлі да высновы, што выяўленчае мастацтва Кітая абапіралася на філасофскія ідэі даосізма, канфуцыянства і будызма, якія ўнеслі ў эстэтыку традыцыйнага мастацтва законы падначалення мастацтва і прыгажосці розуму і маралі, імкненне жаданне зліцця душы і помыслаў мастака з рэальнасцю і імкненне да гармоніі ў сваёй творчасці. Традыцыйная школа выяўленчага мастацтва Кітая шчыльна звязана са стылямі «сеі» і «гунбі», для якіх былі ўласцівы адсутнасць варыятыўнасці і кананічнасць. Амаль да пачатку XX ст. жывапіс развіваўся толькі ў межах уласнай культуры, што абумовіла пэўную замкнутасць, абмежаванасць у творчасці. Даследчыкі звяртаюць увагу на тое, што кітайскае выяўленчае мастацтва ўяўляе сабой самастойную з'яву ў сусветным мастацтве, выразна адрозніваецца ад заходняга жывапісу, як па тэматыцы, форме, так і па выяўленчых сродках. Адначасова з сярэдзіны XIX ст. назіраюцца першыя крокі адыходу ад дамінавання афіцыйна прызнанага жывапісу і пераймання заходняй тэхнікі малявання. Пачынаецца працэс пераўтварэння традыцыйных падыходаў у сучасныя, фарміравання новага тыпу выяўленчага мастацтва.

Праблемы апрацоўкі народнай музыкі ў фартэпіяльнай творчасці кампазітараў Кітая даследуюць доктар мастацтвазнаўства доктар мастацтвазнаўства, прафесар БДУ культуры і мастацтваў Н.Я. Яканюк і Сяо Ін. Сутнасць апрацоўкі народнай музыкі як самастойнага жанра кампазітарскай творчасці складае «партрэціраванне» кампазітарам фальклорнага ўзору без якаснага пераасэнсавання яго першааснага зместу. У іх працах адзначаецца, што народная музыка адыгрывае выключную ролю ў станаўленні і развіцці фартэпіяльнай творчасці кітайскіх кампазітараў. Зварот кампазітараў да лепшых узораў кітайскага песеннага, інструментальнага, танцавальнага фальклора, народнай оперы, па меркаванню навукоўцаў, вызначыў дамінантныя рысы стыля шматлікіх фартэпіяльных твораў, якія прынцыпова адрозніваюцца ад апрацовак народнай музыкі кампазітарамі заходніх краін [8]. Ад сціплых фартэпіяльных мініячюр, якія экспаніравалі народную тэму ў рамках лаканічнай куплетнай формы, лічыць Сяо Ін, кітайскія кампазітары ідуць да стварэння сачыненняў больш аб'ёмных па форме і разгорнутых па драматургіі, якія дазваляюць выразіць сродкамі

фартэпіяна не толькі знешнія рысы і агульны характар народнага ўзору і адлюстраваць тэкставы змест народнай песні, але і паказаць зыходны фальклорны ўзор, прадэманстраваць невычарпальнасць імправізацыйнай фантазіі кітайскіх народных музыкантаў.

Нацыянальную спецыфіку традыцыйнага кітайскага танцавальнага мастацтва аналізуюць Н.М. Хадзінская і Сунь Цянь. Яго адметнасць, на думку даследчыкаў, заключаецца ў мове самога танца. Харэаграфічная мова старажытнага танца дэманструе асаблівую пластычнасць і гнуткасць цела танцоўшчыка, дамінаванне матыва кола, вялікую ролю акрабаваных элементаў. Харэаграфічная лексіка і малюнак танца абавязаны на традыцыі як народных, так і прафесійных танцаў мінулых эпох. Сунь Цянь адзначае, што ў сярэдзіне XX ст. у кітайскім харэаграфічным мастацтве актывізуецца працэс сцэнічнай апрацоўкі народнага танца, пранікненне ў танцавальнае мастацтва элементаў рускай, заходнееўрапейскай і амерыканскай харэаграфіі [7]. У сучасным харэаграфічным мастацтве Кітая, прыходзяць да высновы даследчыкі, назіраюцца два тэндэнцыі: развіццё балета еўрапейскага тыпу і ўмацаванне нацыянальнага балета. У першым выпадку адбываецца адыход ад свайго прататыпа – тэатральнага танца і збліжэнне з заходнім сімфанічным балетам. У другім – адчуваецца ўсё больш яркае выражэнне нацыянальнай своеасаблівасці, якая праяўляецца ў сюжэтнай аснове, балетнай музыцы, харэаграфічнай лексіцы, дэкаратыўна-мастацкім афармленні.

Пад кіраўніцтвам прафесара БДУ культуры і мастацтва, доктара мастацтвазнаўства В.П. Пракапцовай Ху Іцзюань ажыццявіў даследаванне працэса станаўлення і развіцця музычнай адукацыі ў Кітаі. Даследчык прыходзіць да высновы, што музычная адукацыя стала развівацца на аснове канфуцыянскага вучэння, якое ўвабрала ў сябе лепшыя традыцыі навучання папярэдніх дынастычных эпох. На яго станаўленне таксама паўплывалі філасофскія вучэнні Мэнцы, Сюнцы, Моцзы. Адукацыя фарміравалася як частка традыцыйнай музычнай культуры ў старажытным Кітаі. Асновы кітайскай музычнай адукацыі, па меркаванню Ху Іцзюаня, звязаны з распрацоўкай тэорыі і вывучэннем пяцітонавай і сямітонавай сістэмы запісу нот, а таксама з прафесійнай адукацыяй і дзейнасцю музыкантаў пры імператарскіх палацах [9]. У XX ст. адбываецца працэс зліцця заходніх і нацыянальных прынцыпаў адукацыі, што адлюстроўваецца ў вучэбных праграмах.

Маладыя кітайскія даследчыкі Бай Бінбін [1], Ван Ін [2], Цао Шулі [10], Пэй Хан [5] на кафедры сусветнай і айчыннай мастацкай культуры БДУ культуры і мастацтва паспяхова завяршылі даследаванне асаблівасцей развіцця розных форм музычнай культуры Кітая. Навукоўцы адзначаюць, што на працягу ўсёй гісторыі кітайская музыкальная культура найбольш цесна была звязана з песенным мастацтвам. Яшчэ ў старажытных цывілізацыях, якія існавалі на тэрыторыі Кітая, былі вядомы песні, тэматычна звязаныя як з жыццём, працай і адпачынкам народа, так і з музычнай культурай у імператарскіх рэзідэнцыях. Музычная культура мінулых тысячагоддзяў, як сцвярджаюць кітайскія даследчыкі, развівалася ў замкнутай прасторы кітайскіх нацыянальных традыцый. Нягледзячы на інтэнсіўнае ўзаемадзеянне з заходняй музычнай культурай, сучасная кітайская харава і інструментальная культура сумела захаваць нацыянальную манеру выканання, якая заснавана на эстэтычных ідэалах і адметных манерах выканання, уласцівых розным этнасам, якія насяляюць Кітай. У апошні час беларускія даследчыкі пачалі аналізаваць уплыў усходніх традыцый у еўрапейскім музычным мастацтве. Так, А.Г. Суботняя прасачыла працэс пранікнення кітайскай паэзіі і ўсходніх ўдарных

інструментаў у музычную культуру Еўропы, у тым ліку і ў беларускую [6]. Напрыклад, сучасны беларускі кампазітар С. Бельцюкоў нярэдка ў музычную тканіну сваіх твораў уводзіць усходнія інтанацыі, якія ўтрымліваюць павялічаную секунду (“Кітайскія акварэлі”). У выніку рэцэпцыі ўсходніх традыцый прадстаўнікамі заходняга музычнага авангарда другой паловы XX – пачатку XXI ст. у архітэктоніцы музычных твораў з’явіліся новыя кампазіцыйныя мадэлі музыкі, якія абумоўлены ўсходняй медыятыўнай практыкай, “натуральнасцю быцця”, ідэямі ўсходняй філасофіі. Такім чынам, на падставе вышэй адзначанага можна канстатаваць, што ў праблемным полі беларускай культуралогіі комплекснае вывучэнне гістарычных шляхоў развіцця, абнаўлення і трансфармацыі музычнай культуры Кітая на аснове нацыянальных традыцый займае даволі трывалае месца. У вучэбных праграмах, літаратуры засваенню культурнага досведу кітайскага народа ўдзяляецца таксама шмат увагі, што спрыяе дыялогу сучасных беларускай і кітайскай культур.

Літаратура

1. Бай, Бинбин. Развитие китайской музыкальной культуры периода “реформ открытости” (1976-2000-е гг.) / Бинбин Бай : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусств.– Мн., 2011. – 23 с.
2. Ван, Ин. Православное певческое искусство в Китае ХУІІ – первого десятилетия ХХІ вв. : особенности развития / Ин Ван : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусств.– Мн., 2011. – 23 с.
3. Казакова, И.В. Китайская культура / И.В. Казакова // История и теория мировой культуры : учеб.-метод. пособие / И.В. Казакова (авт.-сост.). – Минск : Зорны Верасок, 2010. – С. 140-199.
4. Кухто, Л.К. Адметныя рысы старажытнакітайскай культуры / Л.К. Кухто // Культуралогія : гісторыя культуры : вучэб. дапам. / А.І. Смолік, Л.К. Кухто, А.А. Цобкала. – Мн. : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. – С. 114-122.
5. Пэй, Хан. Жанр фортепианной сюиты : компаративный анализ европейского и китайского музыкального творчества / Хан Пэй : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусств.– Мн., 2009. – 25 с.
6. Суботняя, А.Г. Усходняя і заходняя традыцыя ў музычным мастацтве (тэарэтычны аспект) / А.Г. суботняя // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – Вып. 2. – С. 93-97.
7. Сунь, Цянь. Танцевальное искусство Китая XX века : национальное своеобразие и влияние западных традиций / Цянь Сунь : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусств.– Мн., 2011. – 24 с.
8. Сяо, Ин. Апрацоўка народнай музыкі як самастойны жанр кампазітарскай творчасці / Ин Сяо // Роднае слова. – 2009. – № 9. – С. 104-106.
9. Ху Ицзюань. Становление и развитие музыкального образования в Китае / Ицзюань Ху : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусств.– Мн., 2010. – 23 с.
10. Цао, Шули. Особенности развития камерно-вокальных и хоровых жанров в музыке Китая / Шули Цао : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусств.– Мн., 2010. – 23 с.
11. Цобкала, А.А. Мастацтва Кітая / А.А. Цобкала // Культуралогія : гісторыя культуры : вучэб. дапам. / А.І. Смолік, Л.К. Кухто, А.А. Цобкала. – Мн. : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. – С. 122-134.

12. Чжан, Далэй. Народное искусство вырезания из бумаги в Китае / Далэй Чжан // Вестник молодежного научного общества. – 2004. – № 1. – С. 58.
13. Языкович, В.Р. Своеобразие китайской культуры / В.Р. Языкович // Культурология : учеб.-метод. пособие / В.Р. Языкович. – Минск : РИВШ, 2010. – С. 196-206.

**СЕКЦИЯ 1: КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ
РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССАХ**

**ПОДСЕКЦИЯ 1: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Шарапо А. В.
Доктор исторических наук, профессор,
Белорусский государственный университет

Витковский С. М.
Аспирант,
Белорусский государственный университет

АМЕРИКАНО – КИТАЙСКИЙ ДИАЛОГ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Экономические преобразования, начавшиеся на рубеже 1970 – 80-х гг., вынудили руководство Китая обратить внимание на проблему высшего образования. Становление инновационной экономики вкупе с развитием международных производственных связей требовали квалифицированных кадров, чьи навыки позволили бы осваивать и внедрять в производство последние инновации, активно сотрудничать с представителями иных национальных экономических систем. Как следствие, Поднебесная была вынуждена прибегнуть к изучению опыта ведущих стран мира в области высшего образования и научных исследований. В рамках этой новой тенденции во многом и развивалось научно-образовательное взаимодействие между Китаем и Соединёнными Штатами в последней четверти прошлого века, а также в начале третьего тысячелетия.

К середине 1990-х гг., когда Поднебесная уже много лет следовала путём реформ, её высшая школа сохраняла черты старой, выстроенной ещё при Мао Цзэдуне, системы высшего образования. Среди них: централизация университетов, уравнительное финансирование и одноуровневое образование продолжительностью около пяти лет. Поворотным же моментом стало принятие в сентябре 1998 г. нового закона об образовании. Он ввёл гораздо более либеральные порядки. Отныне ВУЗам было разрешено вести коммерческую деятельность и сотрудничать с зарубежными научными центрами, создавались двухуровневая модель «бакалавриат – магистратура» и новая система финансирования высшей школы, ВУЗам разрешалось приглашать зарубежных преподавателей [2, с. 47].

Очевиден тот факт, что эти нововведения явились прямым следствием заимствований из зарубежной, а точнее — западной парадигмы высшего образования. Причём значительное место в том теоретическом базисе, который использовался властями этой страны для реформирования высшей школы, занимал опыт США. Процессу реформирования содействовало также то, что за годы экономических преобразований оформилось целое поколение граждан, получивших тот или иной образовательный опыт за рубежом, в том числе на территории Соединённых Штатов. Накопление «критической массы» этих людей в обществе — наряду с прочими факторами социально-экономического и политического плана — подготовило почву для закрепления новых, более адекватных исторической эпохе, подходов к работе высшей школы, их кодификации в соответствующих законодательных актах.

Влияние американской парадигмы высшего образования на процесс реформирования высшей школы Китая подтверждают и многие другие примеры. Так, в 1995 г. власти Китая начали проводить своеобразную «селекцию» университетов: были названы сто ведущих ВУЗов страны, которым предоставлялись организационные и

финансовые свободы, а также почти неограниченная поддержка со стороны государства. Результаты этого эксперимента оказались столь впечатляющими, что спустя три года условия «селекции» были ещё более ужесточены, с тем чтобы сократить число ведущих университетов до сорока и помочь им войти в группу лучших ВУЗов мира. В итоге уже в 2006 г. издание «Таймс» поместило Пекинский университет на 14-е место в рейтинге ведущих университетов [2, с. 48].

Всё это созвучно опыту западных стран и, в частности США, в которых высшая школа всегда функционировала на основе конкуренции — как между студентами в рамках того или иного учебного заведения, так и между самими университетами на национальном и международном уровнях.

Далее стоит отметить такие меры, как привлечение иностранных профессоров и репатриация китайских учёных. До середины 1990-х гг. приглашать зарубежных лекторов китайским университетам было, по сути, запрещено. Однако после принятия в 1998 г. нового закона об образовании руководство многих китайских университетов получило возможность активно привлекать из-за рубежа «звёзд» научного мира. И дабы повысить шансы на заключение соответствующих контрактов, была сделана ставка на создание предельно комфортных условий для потенциальных лекторов (в числе таковых — визовая поддержка, помощь в поиске жилья, лучшие аудитории для занятий и прекрасное техническое обеспечение учебного процесса). В итоге Поднебесная стала привлекательным местом для работы, и многие ведущие учёные изъявили желание сотрудничать с китайскими ВУЗами. Не будет лишним отметить, что значительная часть из новоприбывших принадлежит к американской научной элите.

С этим направлением деятельности тесно связано другое, а именно: возвращение китайских учёных, работающих за рубежом. И вновь: основной географический вектор этой работы направлен в сторону Северной Америки, поскольку большая часть репатриированных учёных и преподавателей жили и работали в Соединённых Штатах. С целью их возвращения на родину был разработан проект «Вечная река» — комплекс мероприятий, направленных на создание комфортных условий для потенциальных репатриантов, включая качественное жильё, высокую оплату труда, материально-техническую базу для ведения научных исследований и преподавательской деятельности [2, с. 48].

Наконец, не будем забывать и о таком направлении американо-китайского взаимодействия в научно-образовательной сфере, как подготовка китайских специалистов и академических исследователей в Соединённых Штатах. В 2008/2009 академическом году в США насчитывалось более 670 тыс. иностранных студентов и аспирантов. Из них 100 тыс. (около 15%, второе место после Индии) прибыли из Поднебесной. По сравнению с 2007/2008 академическим годом их численность увеличилась на 21% [3]. Это связано как с целенаправленной политикой КНР (власти которой создали специальный фонд для поддержки одарённой молодёжи, обучающейся за границей), так и с постепенным смягчением властями США визового режима для китайских студентов.

В общем, американо-китайское взаимодействие в научно-образовательной сфере носит многогранный характер. Во-первых, КНР, приступившая в 90-х гг. прошлого века к реформированию своей системы высшего образования, многое позаимствовала у Соединённых Штатов в области организации, финансирования и поддержки высшей школы. Во-вторых, сотни тысяч китайских специалистов и учёных прошли подготовку и стажировку в США — а многие американские академические

интеллектуалы получили возможность работать и повышать профессиональный уровень в Поднебесной. В-третьих, благодаря двум озвученным выше тенденциям, существенно расширились и углубились межгосударственные контакты в области академических исследований, успешно реализуются многочисленные научные программы и проекты. В-четвёртых, благодаря развитию сотрудничества по академической линии, научный компонент приобретает всё большее значение для экономической составляющей американо-китайских отношений. Наука и образование в КНР всё больше вовлекаются в рыночные процессы и международное производственное сотрудничество, подпадая под влияние экономических факторов и одновременно влияя на них. То же справедливо в отношении США.

В-пятых, не стоит игнорировать косвенные последствия научно-образовательного взаимодействия, под которыми можно понимать изменение общественной атмосферы в Китае и Соединённых Штатах под влиянием привносимого извне опыта. Также не будем забывать и о том косвенном влиянии, которое оказывает научно-образовательное сотрудничество на американо-китайские отношения в их внешне-политическом и дипломатическом измерениях. Академические интеллектуалы, имеющие зарубежный образовательный опыт, способны поспособствовать смягчению многих жёстких подходов, гуманизации внешней политики своей страны на конкретном направлении, и в некоторой степени — развитию политической культуры национальных лидеров, повышению уровня их знаний о государстве-контрагенте и, соответственно, росту качества многогранного американо-китайского диалога.

Литература

1. Ганшин, В. Прочность китайской «мягкой силы» / В Ганшин // Проблемы Дальнего Востока. — 2009. — №6. — С. 34 — 44.
2. Фалалеев, Д. Другое высшее образование / Д. Фалалеев // Harvard Business Review — Россия. — 2010. — №4. — С. 45 — 51.
3. Record Numbers of International students in U.S. Higher Education // Institute of International Education [Electronic resource]. — 2009. — Mode of access: <http://open-doors.iienetwork.org/?p=150649>. — Date of access: 18.08.2010.

Шарапо А. В.
Доктор исторических наук, профессор,
Белорусский государственный университет

Витковский С. М.
Аспирант,
Белорусский государственный университет

«ПЕКИНСКИЙ КОНЦЕНСУС»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В 2000-х гг. всё большие масштабы приобретала дискуссия об альтернативных концепциях развития, которые могли бы составить конкуренцию «Вашингтонскому консенсусу». После сентября 2001 г. особое внимание исследователей привлёк т.н. «Исламский проект». Однако аморфность этого теоретического построения в конечном итоге не позволила говорить о нём как о действенной альтернативе тому набору идей, который предложил Западный мир во главе с Соединёнными Штатами. В последнее время всё большее внимание исследователей привлекает концепция, получившая по аналогии с указанной выше идейной системой наименование «Пекинский консенсус».

Одним из первых интеллектуалов, заявивших о становлении особой китайской модели развития, был консультант американской инвестиционной компании «Goldman Sachs» Дж. Рамо. По мнению этого исследователя, «Пекинский консенсус» (как идеологическая концепция, вытекающая из упомянутой модели развития), призван заменить дискредитировавший себя «Вашингтонский консенсус». В отличие от последнего, концепция, предлагаемая Поднебесной, делает большую ставку на гармоничное развитие общества, преодоление негативных последствий рыночных преобразований, инновационные технологии и сохранение баланса между различными политическими силами [1, с. 73].

Если же рассматривать «Пекинский консенсус» в более широком контексте, не ограничиваясь финансово-экономической и политической проблематикой, и взглянуть на его гуманитарную составляющую, то мы увидим, что таковая в нём почти отсутствует. В «Пекинском консенсусе» нет развитых представлений о роли личности в общественном строительстве, правах человека или экологическом равновесии. Это теоретическое построение акцентирует внимание на экономическом, социальном и государственном аспектах национального развития, редуцируя всё остальное. По мнению автора, это отражает отношение к этим вопросам самого Китая, и находит воплощение в его внешнеполитических шагах. В этом заключается одно из оснований для той довольно конфликтной модели отношений, которая существует сегодня между КНР и некоторыми странами Западного мира, в первую очередь, США. Этому содействует и сохраняющаяся размытость многих теоретических положений «Пекинского консенсуса», отсутствие среди самих же китайцев консенсуса относительно этого явления. Достаточно ознакомиться с содержанием научных дискуссий на соответствующие темы в самом Китае, чтобы убедиться в этом.

Так, в 2000-х гг. в Поднебесной наблюдался всплеск научной активности вокруг основных концептуальных положений «Пекинского консенсуса». В частности, особого внимания заслуживает специально организованный симпозиум, состоявшийся летом 2005 г. В нём приняли участие ведущие китайские эксперты в области

экономики, социологии, политологии и международных отношений. Результатом данного научного мероприятия явилась констатация того факта, что одни учёные склонны акцентировать внимание лишь на его положительных сторонах, в то время как другие видят в нём потенциальные угрозы для экологического равновесия, социальной гармонии и политической стабильности [1, с. 73 – 74].

Но наиболее ожесточённые споры среди представителей научной интеллигенции вызвал вопрос о взаимосвязи присущей Поднебесной модели развития и «Пекинского консенсуса», или о применимости «китайской модели» за пределами Китая [3, с. 43]. В ходе дискуссии эксперты разделились на несколько групп, каждая из которых предложила собственный взгляд. Так, одна из них настаивала на том, что «китайская модель» представляет собой продолжение мирового опыта политического и социально-экономического строительства, и уже по этой причине не может рассматриваться изолированно, в отрыве от тенденций глобального развития. Из этого положения следовал вывод о том, что мировой опыт, преобразованный в рамках китайской культуры, в конечном итоге может быть «возвращён» во всемирный идейный оборот и найти практическое преломление в тех странах, которые не желают следовать политической и экономической логике «Вашингтонского консенсуса». В общем, упомянутая группа исследователей, в которую вошли такие китайские обществоведы, как Юй Кэпин, Линь Чунь и Цай То, рассматривает «Пекинский консенсус» как прямое продолжение «китайской модели» [1, с. 75]. Данная точка зрения близка также и автору этих строк.

Вторая группа исследователей защищала положение о том, что специфический путь развития, избранный Китаем во второй половине XX в., не может быть повторён за пределами этой страны. Он основан на богатом культурном багаже, накопленном Поднебесной за столетия развития. Соединившись с особой ментальностью китайцев и политической волей руководства страны (в лице Дэн Сяопина и его соратников), этот опыт в конечном итоге был кристаллизован в совершенно новой концепции развития, во многом неясной для иностранцев — и совершенно неприменимой в иных культурных условиях. Разумеется, «китайская модель» содержит в себе определённый набор общечеловеческих ценностей, однако данный факт не может служить основанием для теоретических спекуляций на тему универсализации китайского опыта преобразований. Последний может лишь приниматься во внимание, но не должен становиться «лекалом» для реформаторов из других государств. Более того, учёные, придерживающиеся подобных взглядов (Ли Пэйлинь, Чжан Вэйвэй и др.), скептически настроены в отношении «Пекинского консенсуса», ведь он содержит прозрачный намёк на гипотетический универсализм «китайской модели» [1, с. 75].

Третья группа исследователей исповедовала взгляды, созвучные позиции уже упоминавшегося выше Дж. Рамо. Её представители обращали внимание на то, что китайский опыт аутентичен и не имеет ничего общего с западными научными концепциями. Если учёные, представлявшие вторую группу, допускали мысль о том, что «китайская модель» впитала в себя некоторые положения западной науки и философии, то эксперты, представлявшие третье, радикальное, направление общественной мысли, в принципе отвергли такое допущение. Разумеется, все эти эксперты, самым именитым среди которых являлся Хуан Пин, негативно отнеслись к положению о применимости «китайской модели» за пределами Поднебесной [1, с. 75].

Вялотекущей научной дискуссии содействует также и то, что в мире практически отсутствуют примеры успешного применения на практике принципов «китайской модели». Уже многие национальные лидеры обращались к примеру Китая, заостряя внимание на основных чертах принятой им стратегии реформ, среди которых: быстрый экономический рост при сохранении централизованной политической системы, участие государства в экономической жизни, установка на общественную стабильность и сдержанную внешнюю политику. Однако же в большинстве случаев делается это: 1) в риторических целях, дабы обосновать с помощью опыта одной из ведущих стран современности своё стремление к консервации существующего режима и монополии на власть; 2) для обоснования отказа проводить рыночные преобразования и активного, порой волюнтаристского вмешательства государственных структур в национальную экономику; 3) с целью заявить о своём несогласии с положениями «Вашингтонского консенсуса»; 4) для получения политических дивидендов во взаимодействии с официальным Пекином с их последующей «конвертацией» в финансово-экономическую помощь и/или инвестиции.

Ещё один аспект, на который стоит обратить внимание, — это противоречивый характер «Пекинского консенсуса». С одной стороны, китайские власти сохраняют приверженность максиме Дэн Сяопина о том, что Китаю не стоит демонстрировать свой потенциал («Не высовываться»). Эта доктринальная установка прочно укоренилась во внешнеполитической деятельности Пекина, который болезненно реагирует на любые попытки зарубежных интеллектуалов навязать ему то или иное международно-политическое клише, постулирующее наличие у него скрытых амбиций. В качестве примера упомянем ситуацию, сложившуюся во второй половине 2000-х гг. вокруг внешнеполитической инициативы, выдвинутой американским экспертным сообществом. Она заключалась в создании «Большой Двойки» — прагматического союза между Вашингтоном и Пекином с целью решения основных проблем человечества и координации глобальных экономических и политических процессов. КНР не только холодно отнеслась к идее американских учёных, но и сделала всё возможное, чтобы отмежеваться от этой провокационной концепции: в случае благосклонного к ней отношения Пекин девальвировал бы собственные декларации об отсутствии у него амбиций глобального масштаба.

С другой же стороны, власти Китая не выступили с резкой критикой «Пекинского консенсуса». Говорит ли это о молчаливом согласии официального Пекина с приписываемой ему ролью альтернативного центра силы в мировой политике, и свидетельствует ли такое поведение о готовности Китая отказаться от упомянутой максимы Дэн Сяопина? К сожалению, на протяжении второй половины 2000-х гг. не было получено сколько-нибудь ясных ответов на эти вопросы.

Из всего сказанного нами можно сделать вывод о том, что среди самих китайских интеллектуалов нет единства в понимании социально-экономических преобразований в их родной стране, «китайской модели» и «Пекинского консенсуса». В западных же странах, и особенно в Соединённых Штатах, дискуссия на соответствующую тему выглядит ещё более запутанной, т.к. отсутствие у многих исследователей глубоких знаний о внутренней специфике КНР, которыми обладают сами китайцы, а также иная стилистика мышления лишь размывают и усложняют картину. Это также играет весьма негативную роль в международном сотрудничестве по самым разным направлениям.

Литература

1. Бергер, Я. Китайская модель развития /Я. Бергер // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №9. – С. 73 – 81.
2. Братерский, М. Изменение мировой системы сквозь призму политической экономики / М. Братерский // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – №11. – С. 3 – 14.
3. Китай: универсальная модель модернизации? (научный семинар) // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №7. – С. 43 – 55.

Антипова Е. А.

Доктор географических наук,

Профессор кафедры экономической географии зарубежных стран,

Белорусский государственный университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ КИТАЯ В XXI ВЕКЕ

Современный демографический профиль Китая, характеризующийся низкой рождаемостью, низкой смертностью, низкими темпами роста численности населения, растущей продолжительностью жизни и старением населения, сформировался под влиянием проводимой в течение нескольких десятилетий государственной демографической политики. В результате принятых мер регулирования рождаемости в Китае осуществлен переход к качественно новой модели воспроизводства населения, ранее никогда не существовавшей в истории китайского общества, представляющей малодетную семью с более поздним возрастом вступления в брак и рождения ребенка.

В конце XX – начале XXI века ряд запланированных результатов демографической политики Китая был достигнут, однако стали проявляться ее последствия – диспропорция полов с преобладанием мужчин, демографическое старение, увеличение среднего возраста жителей и рост числа одиноких пожилых людей, несоответствие роста численности населения в трудоспособном возрасте росту производства средств производства и мест приложения труда, международная миграция рабочей силы из страны и др.

Оставаясь в XXI веке крупнейшим государством мира по демографическому потенциалу, прогнозируемые тренды демографических процессов Китая свидетельствуют о том, что с 2030 г. начнется сокращение численности населения, а ускоренный экономический рост на фоне значительных внутристрановых различий в уровне социально-экономического развития приведет к росту влияния миграции трудовых ресурсов страны на мировой рынок рабочей силы. В связи с этим, анализ динамики демографических процессов Китая в течение первой декады XXI представляется актуальным.

Современная демографическая ситуация Китая соответствует основным трендам развития процессов народонаселения индустриального государства, осуществляющего переход к постиндустриальной стадии.

По данным за 2010 г. численность населения Китая составила 1338 млн. чел. За период с 2000 года она увеличилась на 5 %. При этом, если численность населения мира и Азии в среднем за этот период возрастала с темпом 1,2 % в год, то население Китая – почти в 2,5 раза медленнее – 0,5 %. Такие низкие темпы ежегодного роста численности населения Китая характерны в Азии только для Японии, Республики Корея и КНДР, где численность населения на несколько порядков меньше [1].

По прогнозам экспертов ООН к 2030 г. произойдет стабилизация темпов динамики численности населения, они приблизятся к нулевой отметке, после чего примут отрицательные значения, и в Китае начнет происходить ежегодное сокращение численности населения [2].

За период 2000 – 2010 гг. в Китае произошло сокращение уровня рождаемости на 20 % - с 16 до 12 ‰. Такое феноменальное снижение, соответствующее в целом уровню европейских государств и экономически развитых регионов, характеризуется серьезными диспропорциями между городской и сельской местностью.

В крупных городах естественный прирост остановился и даже перешел в естественную убыль. Население перестало прирастать за счет естественного воспроизводства, а численность горожан увеличивают лишь мигранты из деревни. Но этот поток довольно жестко регулируется, и мегалополисы с их стремительно растущей экономикой по-прежнему испытывают нехватку рабочих рук. Поэтому власти Шанхая и Пекина приняли решение отменить существовавший более 20 лет режим поощрения бездетных семей и разрешить иметь второго ребенка, если его родители сами происходят из семей с одним ребенком. Таким образом, сделан шаг на пути решения последствий демографической ситуации [3].

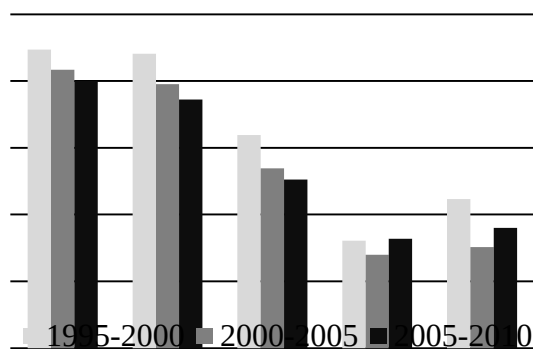
В селах рождаемость населения существенно выше, что создает серьезную проблему занятости населения. В деревне и небольших городах, где живет 75% населения, ощущается явный переизбыток рабочих рук - 200 млн. полностью или частично безработных. Возможности экстенсивного роста аграрного сектора в КНР ограничены, в том числе из-за природных условий (площадь запашки ежегодно сокращается на сотни тысяч га из-за истощения почв и наступления пустынь), в связи с чем остается очень острой проблема занятости населения. Инвесторы предпочитают вкладывать в недвижимость крупных городов, фабрики, объекты ТЭК, а не в фермеров и местные сельхозкоммуны, поэтому возможности интенсивного роста в этом секторе ограничены также. Из-за усиления различий в уровне социально-экономического развития городских и сельских регионов, государство старается сдерживать отток населения из села в город из-за необратимости последствий процесса. Именно поэтому в стране принят план массовой урбанизации, включающий строительство «с нуля» десятков новых городов, особенно на слабо освоенном западе страны.

Различия в уровне рождаемости существенны не только между городской и сельской местью, но между экономическими районами. Показатели рождаемости населения в экономически развитом Северо-Восточном экономическом районе значительно ниже, а в Юго-Западном и Северо-Западном – значительно выше, чем в других районах страны. При этом разрыв в уровне рождаемости достигает двукратных величин – 7,2 и 14,6 ‰ соответственно.

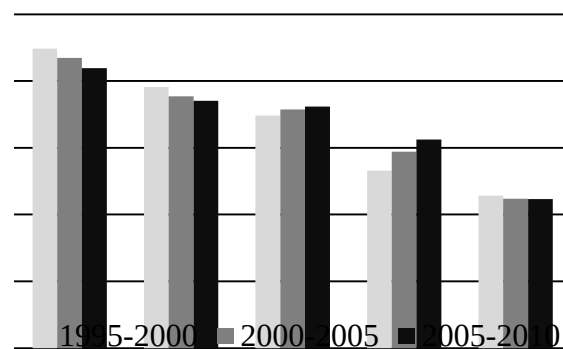
Существенно более низкие значения рождаемости населения характерны также для двух специальных административных районов Китая – Гонконга и Макао (табл. 1).

Таблица 1.

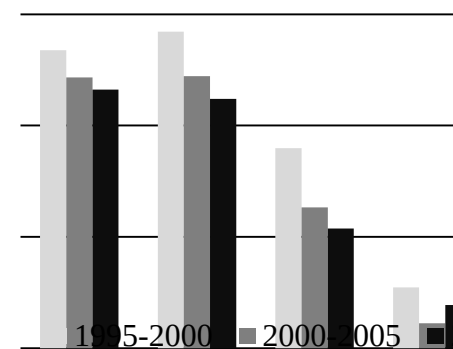
Сравнительная динамика основных параметров демографического развития Китая в XXI веке [сост. по 1]

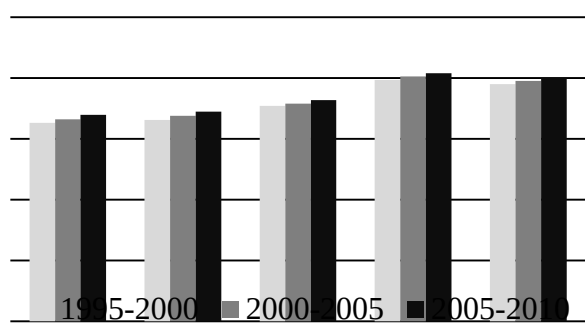
Рождаемость населения, ‰

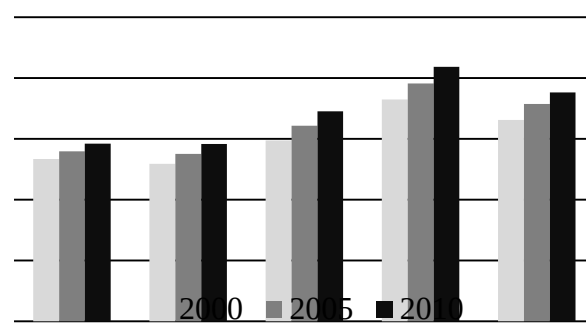
Смертность населения, ‰

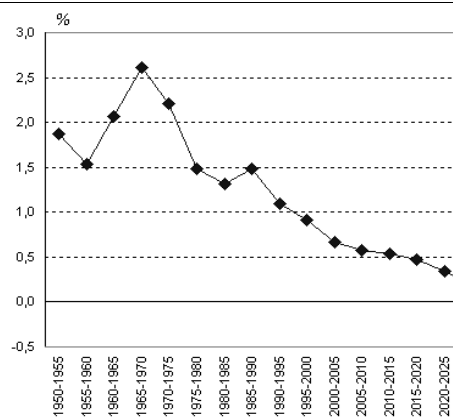
Естественный прирост, ‰

Продолжительность жизни, лет

Медианный возраст, лет

Ежегодная динамика численности населения, ‰

Сокращение рождаемости привело к формированию новой модели семьи – малодетной, и резкому снижению суммарного коэффициента рождаемости – среднего количества детей, приходящихся на одну женщину. За период с 1950 г. произошло пятикратное, а с 1970 – почти четырехкратное сокращение количества детей у китайских женщин. Если в 1950-1955 гг. суммарный коэффициент рождаемости составлял в Китае 6,1, то к 1970-1975 гг. он снизился до 4,8, а в 2005 – 2010 гг. остановился на рекордно низком уровне – 1,6. В Гонконге он составляет 0,9, в Макао – 1,0, что соответствует суженному типу воспроизводства населения и ниже, чем большинстве европейских государств.

На фоне сокращения рождаемости, за исключением отдельных лет, в Китае, начиная с 1950-х гг., в результате успехов в медицине происходит неуклонное снижение смертности и рост продолжительности жизни. Так, если в 1950-е гг. смертность населения в Китае составляла 20 ‰ и оценивалась как высокая, в конце XX века она сократилась более чем в три раза до 6 ‰, а в 2010 г. отмечено ее повышение до 7 ‰, что объясняется изменением возрастной структуры - демографическим старением. Основные успехи в борьбе со смертностью были достигнуты за счет снижения смертности от инфекционных заболеваний и, прежде всего, детей.

Демографическая кампания по контролю рождаемости привела Китай к прогрессирующему старению населения. Доля детей и молодежи неуклонно падает, а доля пожилых людей возрастает. Находясь на начальном этапе старения, Китай располагает в настоящее время феноменально большой численностью пожилых людей. По данным Международного отчета в области старения ООН за 2009 год из 737 млн. человек в мире в возрасте 60+ лет более 160 млн. чел. проживает в Китае. Через 20–30 лет вышедшее на пенсию китайское население не сможет рассчитывать ни на государство, ни на детей. Как отмечают китайские демографы, у государства не будет достаточно средств на социальное обеспечение все увеличивающейся численности населения в посттрудоспособном возрасте, детей будет слишком мало, чтобы обеспечить такое количество пожилых лиц [4].

Проблема старения населения, актуальная и для развитых стран, но в Китае стоит наиболее остро. Численность старших возрастных групп в КНР растет вдвое быстрее, чем население страны в целом. Это в основном повторяет тенденции, характерные для экономически развитых стран мира, однако там процесс демографического старения был гораздо более медленным и начался, когда ВВП на душу населения составлял в среднем 10 000 долл. США, в то время как в Китае он сейчас значительно ниже. Поэтому в Китае ситуация прогнозируется более серьезная - переход к стареющей возрастной структуре происходит очень быстро, а возможностей экономики по поддержанию неработающего населения пока существенно меньше [5].

Если в 1978 г. доля лиц в возрасте 65 + лет в Китае составляла 4,8 ‰, то к 2010 г. она возросла в два раза и достигла 8 ‰. Доля лиц в возрасте 60+ лет составляет 12 ‰. Таким образом, по шкале старения ООН Китай в XXI веке вступил в стадию демографического старения. По прогнозам экспертов ООН к 2050 г. доля пожилого населения в Китае увеличится почти в два раза и достигнет величины 31 ‰. На фоне общего процесса старения в ряде регионов доля лиц в возрасте 60+ лет скоро достигнет отметки 20 ‰ (Гонконг – 18 ‰) и приблизится к уровню самых старых по возрастному составу жителей государств мира (Германия, Япония, Италия, Португалия, Греция).

В Шанхае уже сегодня каждый пятый житель находится в возрасте старше 60 лет. Такая же ситуация наблюдается и в других крупнейших городах страны. Со временем Китай неизбежно столкнется с так называемой "проблемой 1-2-4", когда во многих семьях одному ребенку придется помогать двум своим родителям и четверем прапрадедушкам.

Демографическое старение неизбежно повлечет изменения в пенсионной системе государства. В настоящее время пенсия в Китае является источником доходов лишь для пятой части пожилых людей, причем наблюдается значительные различия между городской и сельской местностью. Если в городе, по данным ОЭСР, пенсию получают 61% населения, то в деревне социальная поддержка пожилых людей до недавнего времени практически отсутствовала. Лишь в 2009 г. Китай принял новую схему пенсионной политики для села, согласно которой планируется достичь 100%-го охвата ею пожилых сельских жителей к 2020 г. Однако пенсия есть и останется крайне низкой – всего 25% от среднего дохода на селе. При этом стоимость медицинского обслуживания и коммунальные расходы по-прежнему высоки.

Несмотря на то, что Китай показывает миру примеры стремительного экономического роста, показатель объема ВВП на душу населения до сих пор остается на невысоком уровне, поэтому Китай стареет быстрее, чем становится богатым [5].

Старение населения привело в Китае к резкому увеличению медианного возраста жителей. Если в 1970 г. он не достигал 20 лет, и этот показатель был самым низким в новейшей демографической истории страны, то к 2010 г. показатель увеличился почти в два раза и в настоящее время составляет 34,5 года. В целом, медианный возраст жителей Китая по данным за 2010 г. выше, чем в среднем в мире и Азии (29 лет) и выше, чем в развивающихся странах (26 лет). В таких районах Китая, как Гонконг и Макао, медианный возраст жителей в настоящее время является одним из самых высоких в мире – 42 года и 38 лет соответственно, что сопоставимо с показателями Японии и высокоразвитых государств Северной, Южной и Западной Европы [7].

Наряду с этим, в первом десятилетии XXI века почти каждый пятый житель Китая – это подросток. При оптимальном и эффективном распределении занятости молодых трудовых ресурсов страна получает, по определению экспертов Фонда ООН в области народонаселения, «демографический бонус» с эффектом открытия «демографического окна», за счет которого государство способно совершить быстрый экономический рост. В целом для Китая эффект открытого демографического окна начал действовать в 1990 г., когда в трудоспособный возраст вступило последнее многочисленное трудоспособное поколение, родившихся до начала интенсивного проведения демографической политики. Окончание действия эффекта прогнозируется в 2025 г. В отдельных регионах Китая – Макао и Гонконг - эффект открытого демографического окна проявился значительно раньше – в 1975 и 1980 гг. соответственно [2].

Необходимо также отметить еще один демографический феномен Китая - демографический дисбаланс по полу, что также является последствием демографической политики. В стране рождается сегодня мальчиков гораздо больше, чем девочек. Основными причинами сложившего положения является политика контроля над рождаемостью, вековые традиции и современные медицинские технологии. Возросшее количество холостых мужчин в провинциальных городах и деревнях приводит к тому, что возникла проблема занятости мужского населения. Кроме того, в обществе изменилась система ценностей – ранее мужчины выбирали себе жен, теперь –

наоборот. Если в 2010 г. в среднем в мире на 100 женщин приходилось 101,7 мужчин, то в Китае – 108. Общее соотношение составляет 51,5% : 48,5%. Гендерная диспропорция в стране усугубляется. За период 2000 – 2010 гг. разрыв увеличился на 0,5 %.

Количество мужчин в стране на 30,7 млн. чел. больше, чем женщин. В отдельных провинциях наблюдается значительное превышение мужчин над женщинами. Прежде всего, это относится к периферийным районам интенсивной миграции.

Еще один из геодемографических процессов, происходящих в современном Китае, заслуживает внимания в связи интенсивным экономическим ростом. Как отмечают специалисты, драйвером роста китайской экономики в XXI веке становится урбанизация, а новыми точками экономического роста выступают города и городская инфраструктура. По прогнозам экспертов ООН население китайских городов достигнет 1 млрд. человек уже в 2030 г. [8].

Китай переживает в настоящее время период сверхбыстрой урбанизации, в которой масштабы планируемых и текущих инфраструктурных проектов, включающих скоростные шоссе, легкорельсовые транспортные системы, высокоскоростные железные дороги и метро поражают воображение. Масштабы и темпы китайской урбанизации не имеют прецедентов в истории человечества. За предстоящие 20 лет китайские города пополнятся еще на 350 млн. жителей, а это больше, чем все сегодняшнее население Америки. Для национальных и международных компаний урбанизация Китая создает огромные перспективы и новые рынки.

Развитие китайской урбанизации происходит по пути наивысшей концентрации городского населения в наиболее экономически развитых районах. Сейчас на территории Китая постепенно образуется 11 крупнейших агломерационных зон, в которых большие города, их пригороды и города-спутники сливаются в единое, огромное по масштабам урбанизированное пространство. Четыре таких зоны имеют наиболее важное стратегическое значение в политическом и экономическом аспекте: 1) дельта реки Янцзы с центром в Шанхае; 2) дельта Жемчужной реки с центром в районе провинции Гуандун; 3) зона с центром между Пекином, Тяньцзинем и Хэбэем; 4) западная дельта Янцзы с центром в районе Чунцина.

Самые крупные и известные из этих зон – это дельты рек Янцзы и Жемчужной. Так, валовой региональный продукт дельты Янцзы составляет 6 трлн. юаней, или 17,5% ВВП всей страны, здесь живут самые платежеспособные китайские потребители – объем розничных продаж в агломерации достигает 2 трлн. юаней. Экономические показатели дельты Жемчужной реки почти наполовину меньше – здесь производится около 10% ВВП Китая, розничные продажи также вдвое скромнее. Развитие зоны Пекина с сопредельными городами тесно связано с возросшими международными амбициями Китая [9].

Самая быстрорастущая и пока еще наименее развитая агломерация находится во внутренних регионах Китая, которым, в соответствии с правительственными программами развития экономически слабых западных провинций, уделяется особое внимание. Западная дельта Янцзы, или Западный треугольник (Чунцин – Чэнду – Сиань) обещает стать одним из основных направлений, куда начнут стекаться государственные и частные инвестиции. Кроме того, именно здесь будут решаться наиболее острые политические и социальные проблемы китайской урбанизации – Западный треугольник становится экспериментальной площадкой для поиска путей по их урегулированию.

Если урбанизация в прибрежных районах Китая является просто дальнейшей реализацией объективных географических преимуществ, связанных с выходом к морю, то Чунцинский треугольник в последние годы стал экспериментальной площадкой для программ развития внутренних районов Китая. “Чунцинская модель” обязана своим появлением нескольким факторам. Чунцин постоянно находится в политическом поле зрения – он, так же как Пекин и Шанхай, является единым муниципальным образованием, напрямую подчиняющимся центральным властям. Географически это один большой город (собственно Чунцин), несколько городов поменьше и сотни относительно маленьких (по китайским меркам) городков, разбросанных на территории, площадь которой приблизительно равна Австрии. Девять центральных районов Чунцина являются домом для 7 млн. жителей, но за городской границей, которая постепенно размывается, живут еще около 20 млн. человек.

К 2020 г. прогнозируется довести зарегистрированное население Чунцина до 20 млн. жителей. Подобные цели прямой урбанизации – недавнее явление. В течение последних 50 лет Пекин сознательно стремился сдерживать урбанизацию, опасаясь, что города просто не справятся с наплывом новых мигрантов. Однако переориентация сельских жителей с натурального хозяйства на работу в городе способна принести значительную добавленную стоимость, что может быть вполне экономически оправданной стратегией. Чунцин первым из китайских городов пытается реформировать и ослабить систему прописки – хукоу, которая официально разделяет граждан на городских и сельских жителей. Сельские мигранты в Чунцине получают те же социальные блага (более качественное медицинское обслуживание, образование и более высокие пенсии), что и горожане. Чунцинский план урбанизации, который в случае успеха будет использован и в других китайских городах, предполагает две фазы: в 2010–2011 годах 3 млн. сельских мигрантов, которые уже фактически поселились в урбанизированных зонах, получают городскую прописку. Вторая фаза предусматривает отказ 7 млн. сельских жителей от своих земельных участков в пользу новой жизни в городе. Для смягчения этого перехода в новое качество сельским мигрантам в течение трех лет сохраняют право собственности на землю [9].

Революционность новой модели, осуществление которой выпало на долю Чунцина, трудно переоценить. Ведь именно сохранение системы прописки – хукоу – и прав на сельскую землю “ответственны” за существующий маятник сельско-городской миграции, функционирующий в Китае уже не один десяток лет. Происходящая внутри такой большой страны, как Китай, сезонная трудовая миграция из села в город по масштабам может соперничать с тем, что происходит во всем остальном мире. Внутренняя миграция в Китае по численности потоков населения вполне сопоставима с международной. Количество внутренних трудовых мигрантов в Китае оценивается в 140 млн. человек. Мигранты с сельской хукоу часто дискриминируются в городах, где у них фактически отсутствуют права на социальное обеспечение. Но, несмотря на эти трудности, более высокий городской заработок удерживает мигрантов на новом месте.

Таким образом, современный Китай, показав миру беспрецедентные возможности регулирования демографических процессов и обеспечив себе за вторую половину XX века в результате проводимой политики, ряд демографических преимуществ, представляет собой уникальную страновую модель демографической динамики, которая в XXI веке выступает при наличии социальных издержек один из проводников ускоренного экономического роста.

Литература

1. World Population Prospect: The 2010 Revision [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm/>. Дата доступа: 10.07.2011.
2. World Population to 2300. NY: UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2004. – 240 p.
3. Виноградов А.В. Власти КНР отказываются от лозунга «Одна семья – один ребенок» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rhr.ru/index/jobmarket/foreign/8124.html?prn=1>. Дата доступа: 09.09.2011.
4. Hvistendahl M. Has China outgrown the one-child policy? // *Science*. 2010. V. 329. P. 1458–1461.
5. Yong Cai, Feng Wang. Reproductive consequences of China's Great Family, 1959–1961 // Abstract of Paper submitted for the Panel on Historical Demography, IUSSP 2009.
6. Малахова А. Старое будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/6102>. Дата доступа: 19.04.2011.
7. World Population Ageing 1950-2050. Population Division, DESA, United Nations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm/>. Дата доступа: 10.07.2011.
8. World Urbanization Prospect. The 2009 Revision. NY: UN, 2009. – 47 p.
9. Зотин А. Миллиард китайских горожан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/6961/#comments> . Дата доступа: 10.10.2011/

Румянцева Т. Г.
Доктор философских наук, профессор,
Белорусский государственный университет

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ В КОНФУЦИАНСТВЕ И ЛЕГИЗМЕ

Вопросы, связанные с управлением обществом и государством, отношениями между народом и его правителями, а также разработкой моделей идеального государственного устройства, всегда находились в центре китайской философии. Возникнув более двух с половиной тысяч лет назад, она оказала огромное влияние на культуру, поведение и мышление этого народа, способствуя распространению и закреплению наиболее продуктивных для его выживания и самосовершенствования культурных и социально-политических моделей и эталонов поведения. В отличие от европейской, китайская культура всегда принадлежала к разряду консервативных, статичных культур. Здесь полагалось, что любое изменение может привести за собой наступление хаоса; только отсутствие изменений придает обществу порядок и стабильность. В основе такой социальной парадигмы лежат фундаментальные *философские основания*, истоки которых уходят в глубины истории древнекитайской мысли. В данном выступлении целесообразно, на наш взгляд, остановиться на характеристике идей представителей двух наиболее влиятельных школ китайской философии – *конфуцианства и легизма*, делая акцент при этом на разрабатывавшиеся в их рамках *модели управления обществом и государством*.

Что касается *конфуцианства*, то, возникнув более двух тысяч лет назад, оно, в отличие от давно ушедшего сегодня с политической арены легизма, сумело и в наши дни сохранить статус ведущей идеологической и политической доктрины Поднебесной. Однако, как покажет дальнейший анализ, несмотря на явную противоположность конфуцианской и легистской моделей управления государством и обществом, последователи Конфуция окажутся гораздо мудрее всех своих идеологических конкурентов. Они смогут соединить в рамках своей модели многие конструктивные идеи и предложения не только легизма, но и других духовных движений китайского общества – даосов, моистов и др. Так, в отличие от легизма, проповедовавшего исключительно право силы и насилие в делах государства; моизма, делавшего ставку на разрушающую общественный порядок анархию; даосизма, акцентировавшего исключительно человеческую добродетель, конфуцианство избежало всех этих крайностей. На протяжении всей истории страны оно утверждало идею «умиротворения Поднебесной», воплощаемую в жизнь посредством разработанной ими модели упорядочения социального строя. В то же время, огромное внимание здесь придавалось и идее людской добродетели, главным способом реализации которой должно было стать самосовершенствование личности.

Не следует забывать, что Конфуций жил в период острой политической борьбы между отдельными китайскими царствами, недаром саму эту эпоху называли эпохой «Сражающихся царств». Именно поэтому он, как и почти все мыслители этого государства, не мог не обратиться к вопросам о методах управления страной, поискам путей к политической стабильности в обществе и достижению им могущества и богатства. Отвечая на все эти вопросы, мыслитель разрабатывает свое грандиозное политическое учение, которое неразрывно связано с его этической системой взглядов. Это проявилось, в частности, в рассмотрении им государства по

аналогии с большой китайской семьей, в которой отношения между отцом и детьми становятся своеобразным эталоном для взаимоотношения между государем и его подданными.

Одним из центральных понятий конфуцианского политического учения становится понятие «*благородный муж (кит. – цзюньцзы)*», выражающее идеальный типаж, точку устремления служивого мужа, главной функцией которого и становится управление государством и обществом, принуждение простолюдинов к труду и т.п. Однако это принуждение осуществляется им не с помощью силовых методов воздействия, а исключительно силой нравственного примера, высокого служения интересам страны. Основу повиновения граждан государства своему верховному правителю Конфуций находит, таким образом, в семье, в подчинении детей своим родителям и старшим братьям, что на долгие годы станет в Китае основой человеколюбия (жэнь), стабильности и порядка. Управление сводится к следованию нравственному пути – Дао, чему и призван поучать своих граждан благородный муж, призывая их к сыновней почтительности, правдивости, подражанию предкам, долгу через ритуал (ли). Мораль располагается здесь гораздо выше права, так как в основу управления государством закладываются исключительно, или, по крайней мере, преимущественно, личностные отношения. Речь идет о человеколюбии, гуманности, которые и становятся ключом к искусству управления государством.

Большое место в конфуцианской модели управления государством принадлежит и принципу т.н. «*исправления имен*» (кит. – чжэнмин), под которым подразумевается прежде всего правильная оценка дел в государстве, а вовсе не поиск соответствий между «какими-то там» именами и вещами, как это может показаться из его названия. Этот принцип «исправления имен» потому имеет непосредственное отношение к управлению государством, что, согласно Конфуцию, все отношения в обществе должны строго регулироваться определенными моральными нормами, которые и обеспечат строгое подчинение младших (читай – нижестоящих) старшим (т.е. чиновникам и императору). Иначе говоря, каждый человек призван опираться в своем поведении на строго разработанную в обществе систему нравственных норм (или «имен»). Ведь «если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять» [1, с. 161-162].

При любых отклонениях от нормы следует к ней возвращаться. И хотя «все течет» и «время бежит не останавливаясь», будущее подобно прошлому. К этому прошлому и следует, по Конфуцию, вернуться, приведя положение вещей в соответствие с их именами, сделав, таким образом, социальную функцию членов общества не абстрактно-номинальной, а реальной. Конфуцианский принцип «исправления имен», лежащий в основе конфуцианских «реформ» управления государством, предполагал «руководить народом с помощью добродетели и вносить в народ порядок с помощью правил поведения», отстаивая ведущую роль все же ненасильственных методов управления государством. Именно поэтому он и получил на протяжении последующих тысячелетий столь большое распространение в китайском обществе, формируя то, что можно было бы назвать «политическим сознанием» народа. Не-

случайно, основные принципы конфуцианского этико-политического учения, изложенные в трактате «Лунь юй», приобрели нормативный статус как для государства в целом, так и для каждого отдельного китайца, буквально наизусть заучивавшего их в детстве и затем руководствовавшегося ими на протяжении всей последующей жизни.

Конфуцианская модель управления обществом и государством резко контрастировала, как уже отмечалось, с легистской, в основу которой был положен принцип руководить народом с помощью законов и «вносить в народ порядок с помощью наказаний». К анализу данной политической модели мы и переходим.

Школа *легистов*, или «законников» (кит. – фа-цзя), возникает в IV веке до н.э. и становится основным идеологическим соперником конфуцианства по вопросам государственного управления и регулирования. Их противостояние с той или иной степенью выраженности, проходит фактически через всю древнюю и новую историю Китая. Главным принципом школы легистов стал т.н. принцип «фа» (закон), противостоящий конфуцианскому человеколюбию, гуманности (жэнь) и ритуалу (ли). Он отрывает управление (чжэн) от гуманности (жэнь) и понимается исключительно как наказание. Руководствуясь по сути теми же целями, что и конфуцианцы, а именно, стремлением всячески укрепить китайское государство в сложных для него исторических условиях, сделать его более сильным, могущественным и централизованным, легисты в то же самое время исходят из совершенно других оснований и принципов. В системе управления обществом и государством они целиком отказываются от метода убеждения, (или «нравственного принуждения»), считая его абсолютно неэффективным и потому неприемлемым в столь сложные времена и переходят к политике исключительно правового принуждения и наказания.

Модель, выстроенная на основе принципа «фа», предполагает введение следующих мер:

- введение наказания и устрашения взамен убеждения,
- утверждение пафоса власти и применения силы (даже превентивного, ибо наказание должно не сопровождать, а упреждать проступки подданных),
- строжайший и тотальный контроль за всеми сферами жизни общества,
- развитую систему доносов и коллективной ответственности чиновников,
- власть цензоров и четкую градацию среди чиновников, а также строго дифференцированную систему наград и наказаний, вплоть до самых жесточайших.

Осознавая отрицательные стороны легистской доктрины в целом и особенно ее практической составляющей, когда в результате ее воплощения в жизнь тысячи и тысячи китайцев заплатились своими жизнями даже за самые незначительные с точки зрения легистов проступки, следует в то же самое время заметить и следующее. Возникновение этой модели управления было во многом обусловлено осознанием рядом тогдашних «интеллектуалов» некоторых слабых сторон конфуцианской модели управления государством. В первую очередь это было связано с нежеланием Конфуция и его ближайших последователей признать необходимость обновления и реформирования общества и государства. Можно отметить и их недостаточное внимание к вопросам, касающимся техники управления государством и преклонение исключительно перед традициями и моральными ценностями, когда большая патриархальная китайская семья рассматривалась в качестве единственно возможной модели общества. Не отрицая высокой роли нравственной составляющей, следует в то же время признать недостаточность только такого рода мер при управлении столь огромной, раздираемой внутренними противоречиями и страдающей от постоянных

внешних набегов страной. Именно легисты, и в этом их несомненная заслуга, сумели акцентировать внимание тогдашней китайской элиты на необходимости постоянного совершенствования методов государственного управления, внеся сюда целый ряд реформаторских для Китая методов и средств, позволивших действительно создать хотя и деспотическое, но сильное централизованное государство. К числу предложенных ими новаций, которые пусть и с некоторыми оговорками, можно было бы оценить со знаком «плюс», мы бы отнесли следующие:

- утверждение идеи о решающей значимости государственного регулирования экономикой в огромной стране,

- тщательная разработка законодательной системы и признание необходимости ее постоянного обновления в соответствии с изменяющимися внешними и внутренними условиями,

- систематическое совершенствование административного управления и обновление государственного аппарата за счет введения его строгой иерархии и системы взаимозависимости,

- обесценивание знатности и утверждение идеи «равных возможностей» при замещении вакантных государственных должностей (т.е. не по наследству, прежним заслугам, родственным связям, а лишь по талантам) и т.п.

Несмотря на то, что модель легистов не получила впоследствии столь большого общественного резонанса, как конфуцианская, а ее сторонникам даже пришлось бежать из Китая, опасаясь взрывов народного гнева, многие ее идеи и традиции еще долго оставались живы, переплетаясь со взглядами ряда последователей самого Конфуция, ассимилировавших в своем учении наименее одиозные и в то же время наиболее продуктивные идеи китайских «законников». Таким образом, представители и той, и другой школ китайской философии внесли неоценимый вклад в развитие техники управления китайским государством, способствуя торжеству идеи о необходимости возвращения высокообразованной управляющей элиты.

Литература

1. «Лунь юй» / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Том 1. М., 1972. С. 139-175.

*Острога В. А.
Кандидат исторических наук, доцент,
Белорусский государственный университет*

СОВРЕМЕННАЯ ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА КНР. ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ

В настоящее время происходят активные процессы международной экономической интеграции. Достаточно важная роль в них отводится таможенным органам. В связи с созданием Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, сопредельным государством которого стал Китай, для нас интересен и важен опыт модернизации и развития китайской таможенной службы.

Деятельностью китайской таможни руководит Главное таможенное управление (ГТУ), имеющее статус министерства и непосредственно подчиняющееся Государственному Совету КНР. Территория КНР административно разделена на 46 таможенных районов, в которых функционируют 580 таможен и около 4000 пунктов таможенного оформления и контроля. Штат службы насчитывает свыше 50.000 человек. Подготовку, повышение квалификации и переподготовку персонала обеспечивают 2 учебных заведения, в т.ч. Шанхайский таможенный колледж, действующий уже около 100 лет.

ГТУ также координирует деятельность нескольких ассоциаций в т.ч. Ассоциации таможенных брокеров Китая. Помимо этого ГТУ имеет свои представительства, так называемых таможенных атташе, в Европейском Союзе, России и США.

Задачи и функции китайской таможни в принципе подобны на задачи и функции таможенных служб многих других стран. Среди основных – осуществление таможенного контроля и оформления экспорта и импорта, сбор таможенных платежей, ведение статистики внешней торговли, борьба с контрабандой и т.д. В настоящее время китайские таможенники особое внимание стали уделять вопросам защиты прав интеллектуальной собственности, сотрудничая в этом и со странами Таможенного союза.

Девизом современной китайской таможни стал лозунг – «Служить экономическим интересам страны и содействовать социальному развитию». А ее персонал, на взгляд китайских экспертов, должен быть – "политически лояльный, профессиональный и надежный".

Таможенная служба Китая начала свою модернизацию с 1994 г. В 1998 г. ГТУ приняло решение о создании современной системы таможенного регулирования и изложило двухэтапный план для достижения этой цели. К 2003 г. первый этап был успешно завершен и в 2004 г. сформулирован План второго этапа стратегии развития по созданию современной таможенной системы, заверченный в прошлом году. В его основу было положено создание и широкое применение системы управления рисками, что будет способствовать формированию научно-обоснованной, сервисно-ориентированной, компетентной Таможенной службы, содействующей развитию Китая как «процветающего, демократического, цивилизованного и гармоничного современного социалистического государства».

Китайская таможенная администрация провела ревизию своих возможностей и потенциала и решила, с одной стороны, ликвидировав «слабости» (ограниченные ресурсы, нефункциональная организационная структура, устаревшая система управ-

ления, не эффективная нормативная база и недостаточно квалифицированный персонал), с другой, используя «силу»: (сильная политическая воля к реформированиям, хорошая инфраструктура, увеличение объемов внешней торговли, появление новых моделей торговли), добиться значительного прогресса.

В приоритетах китайской таможни стало постоянное совершенствование системы и механизма управления, а также повышение профессиональной компетенции персонала.

Первая задача решалась через создание и совершенствование четко функционирующего механизма управления, направленного на оптимизацию деятельности по принятию решений, организации и координации, контроль и обеспечение выполнения, анализа и оценки, мониторинга и обзора, а также подотчетности таможенных органов.

Вторая задача выполнялась путем повышения чувства долга сотрудников, совершенствования их профессиональных возможностей, в частности способности действовать в психологически и технически сложных ситуациях.

Эти цели решались и решаются в тесной связи с другими ведомствами на всех трех уровнях – ГТУ, администрации таможенного района и таможни.

Китайский опыт достаточно интересен. Возьмем осуществление таможенного контроля. Китайская таможня провела ряд реформ для улучшения таможенного контроля, которые включают в себя проведение упрощения и стандартизации таможенных процедур и документов. Это значительно ускорило товарооборот, а также международный культурный и технологический обмен. Именно эти реформы позволили быстро и без лишних задержек получить местным властям гуманитарную помощь во время ликвидации последствий землетрясения в провинции Сычуань в 2008 г., когда таможенные офицеры работали 24 часа в сутки в несколько смен; обеспечить безопасные условия проведения в 2008 г. Олимпийских игр и Паралимпийских игр в Пекине.

Дальнейшее совершенствование таможенного контроля связано с развитием информационных технологий, электронного декларирования, таможенного аудита.

Интересен китайским опыт и в сфере организации борьбы с таможенными преступлениями, в частности контрабандой. Необходимо отметить, что мировая тенденция демонстрирует выделение или обособление правоохранительного блока таможенных органов. Поэтому с 1999 г. китайские власти также создали специальную Таможенную полицию по борьбе с контрабандой, которая находится в двойном подчинении Главного таможенного управления и Министерства общественной безопасности. Таможенные органы отвечают за организацию, координацию и управление работой по выявлению и задержанию контрабанды.

Был разработан такой механизм борьбы с контрабандой, согласно которому борьба с ней стала осуществляться посредством совместных усилий всех соответствующих органов власти и проблемы контрабанда стали рассматриваются в комплексе. Согласно ст. 7 Таможенного кодекса КНР все территории и все органы должны оказывать поддержку таможням в законном осуществлении ими своих полномочий и недопустимо незаконное вмешательство в деятельность таможни по исполнению закона.

Китай осуществляет жесткую политику по борьбе с контрабандой. Китайской таможне удалось обуздать крупномасштабную контрабанду деятельности путем принятия развития уголовного и административного законодательства, проведения

специальных акций и операций. Так, только в 2008 г. в общей сложности было предотвращено 9790 случаев контрабанды, в т.ч. задержано 774 кг наркотиков.

В сфере правоохранительной деятельности важное внимание уделяется развитию правовой базы. Работа, связанная с этим включает в себя как улучшение различных таможенных законов и правил, так и проведение образовательных тренингов для сотрудников таможенной службы в отношении этих законов и норм. В настоящее время считается, что таможенная правовая база в основном создана, а уровень юридической подготовки персонала высок.

Как отмечалось, особое внимание в китайской таможне стали уделять вопросам защиты прав интеллектуальной собственности, особенно в связи с мировой тенденцией увеличения оборота контрафакта. К примеру, в 2008 г. таможня зарегистрировала 3 297 случаев нарушения прав интеллектуальной собственности. Особые усилия были введены в связи с посягательством на исключительные права символики Олимпийских игр в Пекине. Китайские таможни обработали 130 заявлений для обеспечения таможенной защиты на регистрацию представленных Пекинским организационным комитетом Игр XXIX Олимпиады прав интеллектуальной собственности для защиты олимпийской символики и изъяли 230 партий товаров с незаконным использованием олимпийского символа.

Важным уроком китайских таможенных реформ является широкое применение достижений науки и техники. Таможенная служба Китая уделяет большое внимание улучшению своего научно-технического оснащения и эффективности научных и технологических разработок. В частности, в целом разработана модель электронной таможни, E-Port и E-ГТУ. Китайская таможня пытается сделать все возможное, чтобы построить E-порт в виде «одного окна» для обеспечения внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования.

В настоящее время в общей сложности более полумиллиона предприятий, осуществляющих ВЭД используют E-порт системы и вычислительная мощность этой системы достигает 1,2 млн. электронных счетов в день.

Китай активно продвигает и новинки технических средств таможенного контроля. В частности, актуальной технической инновацией стал инспекционно-досмотровый комплекс компании «Nuctech» для досмотра пересекающего границу транспорта на таможенных пунктах пропуска. Китай готов направлять такие комплексы и для Беларуси, о чем уже есть договоренности.

С каждым шагом в сторону глобальной международной экономической интеграции китайская таможня играет все более важную роль в мировой экономике и торговле. Успешные решения задач во внешней торговле связаны и с членством Китая во Всемирной таможенной организации (ВТО) с 1983 г. Китайская таможня принимает активное участие в таких мероприятиях ВТО, как заседания Постоянного технического комитета, комитета по Гармонизированной системе (ГС), Технического комитета по таможенной оценке, Технического комитета по правилам происхождения и подкомитета по автоматической обработке данных. Участвует в пересмотре Киотской конвенции и Конвенция Найроби и др. Китайская таможня также активно сотрудничает в нетрадиционных областях и внедрила серию практических программ сотрудничества «Китай – ЕС». ГТУ КНР установило дружеские отношения с таможенными администрациями из 117 стран и регионов и подписало 42 межправительственных таможенных соглашения о взаимопомощи.

В качестве вывода, можно констатировать, что китайская таможня, опираясь на передовой международный опыт и методы, принятые мировым таможенным сообществом быстро адаптируется к новейшей международной таможенной практике. Этот опыт модернизации актуален и полезен таможенным органам многих стран, в том числе и Беларуси.

Поплыко В. И.

*Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и истории экономических учений,
УО «Белорусский государственный экономический университет»*

КИТАЙ И РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ НАСЕЛЕНИЯ

В настоящее время отличительной чертой процесса глобализации является расширение миграционных потоков населения. Масштабы международного обмена между странами за последние десятилетия резко возросли и стали одним из самых заметных явлений человеческой жизни в XXI веке. Для мировой миграции населения характерен резкий рост ее численности. Согласно оценкам ООН мировая трудовая миграция увеличилась более чем в 2,5 раза с 60-х годов XX века. За предыдущие полвека доля мигрантов в развитых регионах мира возросла с 43 до 61%, а их удельный вес в населении этих стран повысился с 3,4 до 9,5% [1]. В 2005 г. число международных мигрантов-лиц, проживающих за пределами стран происхождения, достигло в мире 191 млн.

В последние десятилетия тенденции международной миграции и изменения доли иностранцев в населении стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) изменялись. Это было связано с геополитическими изменениями в Центральной и Восточной Европе, а также в Азии и Африке. Относительно других лидирующих регионов можно сказать, что Азия останется, безусловно, главным источником мигрантов в течение 2000-2010 (1,3 миллиона ежегодно), вместе с Латинской Америкой и Карибским бассейном (1,1 миллиона ежегодно) и Африкой (0,4 миллиона ежегодно) [2].

Всемирный Банк выделяет страны, имеющие самые высокие уровни чистой эмиграции: Китай, Индию, Индонезию, Мексику и Филиппины.

КНР стала глобальным мировым игроком. Страна обладает огромными материальными, финансовыми и людскими ресурсами. Вместе с тем, между Китаем и Республикой Беларусь сложились доверительные отношения как в политическом, так в экономическом и гуманитарном сотрудничестве.

Так, например, для китайских инвесторов Беларусь привлекательна как минимум по трем причинам. Первая — политическая: за 20 лет, прошедших со дня установления дипломатических отношений, между нашими странами не возникало проблем, мы доверяем друг другу, наши взгляды на мировые процессы во многом схожи. Причина вторая — чисто экономическая: Беларусь — экономически развитая страна, у нас хорошая производственная база и квалифицированные кадры. В связи с началом работы Таможенного союза и Единого экономического пространства (с 1 января 2012 г.) российско-китайская и казахстанско-китайская граница для товаров одновременно является и белорусско-китайской. И третья причина привлекательности Беларуси для китайских инвесторов — психологическая: белорусы хорошо относятся к Китаю и китайцам, а это тоже играет свою роль [3, с. 5].

Существует огромный потенциал для двухстороннего взаимодействия людей. Рассмотрим данный вопрос на примере миграции граждан обоих государств между собой. Рассмотрим подробнее миграционные потоки между КНР и Республикой Беларусь. При этом воспользуемся данными Национального статистического комитета.

К числу главных причин перемещения людей между странами миграции относятся: а) поиск работы. Так, например, китайская миграция в Россию – это, по сути, миграция гастарбайтеров. Почти половина опрошенных китайцев отправилась в Россию в поисках более выгодной работы, и почти столько же – спасаясь от безработицы [4, с. 141]. Беларусь не является исключением.

Б. Получение образования. Сейчас в белорусских университетах учится около двух тысяч студентов из Китая. Стоимость обучения для китайских студентов в Беларуси выше, чем для граждан нашей страны, но, не смотря на это, зарубежных студентов с каждым годом становится больше.[5] Анализ миграционных потоков между нашими странами представлен в табл. 1.1. За 2005-2009 гг. количество китайских граждан прибывающих в нашу страну увеличилось в 8,7 раза с 62 до 543 человек. Миграционный поток из нашей страны в Китай уступает по величине, хотя имеет тенденцию роста. В целом Республика Беларусь начиная с 2007 г. имеет положительное сальдо миграции населения.

Таблица 1.1

Численность мигрантов прибывших из Китая в Беларусь, выбывших из Беларуси в Китай и их сальдо, чел.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Прибыло	62	41	280	386	543	133
Выбыло	221	77	41	117	169	52
Сальдо	-159	-36	239	269	374	81

Источник: [6, с. 428-430]

В. Туризм. Граждане обоих государств ежегодно совершают туристические путешествия, количество которых постоянно растет (см. табл. 1.2). Можно констатировать, что данное направление международного обмена наиболее эффективно развивается. За последние шесть лет потоки туристов из КНР в Беларусь и обратно постоянно растут.

Таблица 1.2

Численность китайских туристов принятых в Беларуси и численность туристов отправившихся в КНР из Беларуси, чел.

	2005	2008	2009	2010
Прибыло	375	376	391	603
Выбыло	87	709	687	724

Источник: [7, с. 38-39]

В настоящее время между Китаем и Беларусью развивается взаимовыгодное сотрудничество. По мере реализации кредитно-инвестиционных проектов, расширения внешнеэкономической деятельности будут увеличиваться и миграционные потоки населения. Беларусь может являться европейским плацдармом для продвижения китайских товаров на европейские рынки. Для этого нужны не только финансовые, материальные, но и трудовые ресурсы обеих стран. Взаимное сотрудничество в использовании последних, является очень актуальным вопросом для Беларуси. Так, например, привлечение квалифицированных строителей позволит решить многие инвестиционные проблемы. Нам нужно активно сотрудничать и в будущем. Расширение миграционных потоков между нашими странами есть тому яркое подтверждение.

Литература

1. World Migrant Stock: The 2005 Revision Population Database [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <http://esa.un.org/migration/p2k0data.asp>
2. Чебыкина М.В., Снитко Н.А. Масштабы, направления и динамика международной миграции населения. ВЕСТНИК ОГУ (Оренбургский государственный университет) №85, апрель 2008. с.
3. Плескачевская Инесса. Вести с белорусско–китайской границы. Беларусь сегодня с. 5 . Дата публикации: 10.11.2011. Режим доступа: <http://www.sb.by/post/123086/>
4. Ларин А. Г. Китайские мигранты: их представления о работе, учебе и условиях жизни в России ((но результатам социологического опроса). Проблемы прогнозирования. 2009. № 3, с. 140-160
5. Козлик Ирина. Китайские студенты не остаются в Беларуси. Комсомольская правда. 12.10.2010. Режим доступа: <http://kp.ru/daily/24573/744783/>
6. Население Республики Беларусь. Статистический сборник. Отв. за вып. А.И. Ярковец. Минск, Национальный статистический комитет, 2011. – 472с.
7. Туризм и туристические ресурсы республики Беларусь. Статистический сборник. Отв. за вып. И.С. Шестакова. Минск, Национальный статистический комитет, 2011. – 131с.

Вальковский М. А.

Доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы Института журналистики

Белорусский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В БЕЛОРУССКИХ ПЕЧАТНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «СБ-БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ» И «НАРОДНАЯ ГАЗЕТА»)

За последние годы Китай стал одним из ключевых экономических игроков на мировом и региональных рынках. В силу ряда факторов КНР является для Беларуси естественным и приоритетным партнером, отношения с которым динамично развиваются последние двадцать лет на основе взаимопонимания, сопряжения интересов и областей сотрудничества. В совместной декларации, подписанной председателем КНР Ху Цзиньтао и Президентом Республики Беларусь Александром Лукашенко во время его официального визита в Пекин в декабре 2005 года, констатируется, что отношения между двумя государствами «вступили в качественно новый этап, этап всестороннего развития и стратегического сотрудничества» [1].

Высокий уровень политического взаимодействия и доверия, фундаментальная договорно-правовая база, включающая более 70 соглашений и договоров, взаимодополняемость наших экономик, отмечает на то время Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в КНР, а сегодня – вице-премьер правительства Анатолий Тозик: «создали максимально благоприятные условия для всестороннего экономического сотрудничества. Красноречивое подтверждение этому – результаты взаимной торговли. Если в 1995 году ее объем составил всего 34 млн. долларов, в 2000-м – около 200 млн., то в 2006 году превысил 1 млрд. долларов» [2, с. 87]. А по итогам 2011 года товарооборот Беларуси и Китая может достичь 3 миллиардов долларов США [3].

Благодаря общим усилиям двух стран, на сегодняшний день китайско-белорусское стратегическое партнерство и взаимодействие развиваются во всестороннем и полнокровном русле, демонстрируя устойчивость и динамику. Таким образом, констатирует Председатель Постоянного Комитета ВСНП У Банго, «по динамике развития торговых отношений Беларусь и Китай демонстрируют темпы, которые редко встречаются в мировой практике. За 20 лет товарооборот между странами вырос почти в 20 раз, в том числе за последние 5 лет – втрое, превысив 2,5 миллиарда долларов» [4].

В новейшей истории белорусско-китайских экономических отношений можно выделить три этапа. На первом, начальном, динамично развивались двусторонние торговые связи. На втором, последующем, параллельно со всемерным развитием торгово-экономического сотрудничества Китай и Беларусь активно наращивали и укрепляли научно-технические связи. В этом плане все последнее десятилетие динамика была сугубо позитивной. Однако, чтобы соответствовать современным цивилизационным вызовам, идти в ногу со временем, сотрудничество необходимо постоянно наращивать. Специфика последнего времени – достраивание торгово-экономических отношений сотрудничеством в сфере инвестиций.

В настоящее время стороны вышли на третий этап: одним из важнейших аспектов и проявлений стратегического характера партнерства между нашими стра-

нами стал переход от торгово-экономического и кредитного сотрудничества к инвестиционному. Начало данному этапу было положено в августе 2008 года: Президент Александр Лукашенко, встречаясь с Председателем КНР, призвал Китай осуществить «большой приход в Беларусь». Эта стратегия начала активно реализовываться, и в марте 2010 года в ходе визита в Беларусь заместителя Председателя КНР Си Цзиньпина был заключен ряд важных соглашений, которые позволили приступить к проработке крупных проектов в кредитно-инвестиционной сфере. Общая сумма кредитной линии, предоставляемой Беларуси, – \$15 млрд. (\$1 млрд. – льготный кредит). По мнению заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь С. Алейника, «...в настоящее время созданы все необходимые условия для дальнейшей активизации двустороннего кредитно-инвестиционного сотрудничества: открыты кредитные линии правительства КНР, Эксимбанка Китая, Госбанка развития Китая на общую сумму около 15 млрд. долларов для финансирования инвестпроектов в Беларуси, к сотрудничеству с нашей страной проявляют интерес крупнейшие китайские компании» [5. с. 88]. В различных стадиях реализации находится около 100 совместных проектов. В настоящее время стоит задача их быстрого и качественного воплощения к взаимной выгоде.

Президент Республики Беларусь на четвертом Всебелорусском народном собрании 6 декабря 2010 года заявил, что «Взаимодействие с нашим дружественным Китаем для нас не просто стратегическое – это судьбоносное партнерство с мощнейшей мировой державой. Мы качественно продвинулись в инвестиционном сотрудничестве. Выходим на реализацию уникальных для нашей экономики проектов. И будем наращивать эту работу» [6].

Одним из аспектов этой работы является проведение активных и системных информационных кампаний по объективному информированию общественного мнения, разъяснению роли КНР, как крупнейшего инвестора в белорусскую экономику на всех стадиях реализации инвестпроектов, преимуществ, которые получит наша страна от их претворения в жизнь. А они весомы: сотрудничество с наиболее динамично развивающейся экономикой мира предоставляет нам шанс на быструю модернизацию народного хозяйства.

Следует полагать, что в результате такого информирования определенные негативные стереотипы в общественном сознании, созданные представлениями далекого прошлого, будут нейтрализованы, преодолены и заменены на позитивные, укрепятся взаимопонимание и дружба между народами двух стран.

Отметим, что с 1992 года в белорусских печатных медиа стали появляться публикации о состоянии, проблемах и перспективах белорусско-китайских экономических отношений. Содержание, заголовки большинства из них не оставляют сомнений, что все эти годы отечественные медиа демонстрировали определенный интерес к процессам налаживания и развития отношений между нашими странами.

Пристальное внимание к Китаю обусловлено как бурной динамикой белорусско-китайских связей, так и парадигмой геополитического развития современного мира, трендами мирового информационного пространства. В результате стремительного роста китайской экономики в последние десятилетия, КНР приобрела значительный экономический и политический вес на международной арене. В условиях мирового экономического кризиса Китай, в отличие от многих развитых стран, не утрачивает лидирующие позиции, а, напротив, укрепляет их. Данное обстоятельство делает весьма актуальным концептуальное осмысление теории и практики си-

стемно-структурных преобразований экономики КНР, проведение углубленных исследований стратегии и тактики ее модернизации, с целью использования опыта в разработке национальных стратегий развития.

В настоящее время интерес к Китаю в нашей стране значительно возрос, свидетельством чему – число публикаций белорусских медиа о различных сторонах жизни КНР, многих аспектах белорусско-китайского сотрудничества. Тем не менее, у большинства населения страны еще не сформировалась цельная и ясная картина белорусско-китайского инвестиционного сотрудничества, положительный имидж КНР, как инвестора в отечественную экономику. Причина тому, по нашему мнению, нехватка необходимой информации для формирования представлений, суждений и взглядов по данному, достаточно специфическому, предмету. А вакуум взвешенной и компетентной информации может заполняться суждениями, зачастую не имеющими ничего общего с реальностью.

В современном обществе медиа и само общество находятся в постоянном и разнообразном взаимодействии. Сегодня журналистика не может быть сведена лишь к сфере, где делается видимым политическое или экономическое сотрудничество стран, так как через медиа происходит само это сотрудничество [7, с. 22]. Журналистика, отмечает российская исследовательница И.Д. Фомичева, «представляет собой особый вид массово-информационной деятельности, потому что создает новый вид информации – отношение к отражаемым процессам, построенное на объективных началах, с учетом мнения, как аудитории, так и позиции властных структур» [8, с. 7].

Формируя таким образом общественное мнение, журналистская информация способна влиять и на скорость протекания данных процессов, и на их направление. Информация об актуальных международных событиях в медиа, безусловно, способна воздействовать на читателей и создавать благоприятный или негативный общественный фон их протекания.

Рассматривая в данном ракурсе работу отечественных журналистов, неизбежно возникают вопросы: в какой степени жанрово-тематическая структура публикаций коррелирует с переходом к инвестиционному этапу белорусско-китайских экономических отношений, как белорусско-китайские инвестиционные проекты находят отражение на страницах общенациональных печатных медиа Беларуси.

Именно анализ освещения экономических отношений двух государств в белорусских медиа дает возможность выделить их ключевые моменты, обратить внимание на те аспекты, которые требуют обсуждения и внимания. Эти подходы позволяют медиа формировать общественное мнение и быть информационным полем сотрудничества двух государств и неправительственных организаций, а также влиять на формирование и трансформацию устойчивых стереотипов в отношении Китая.

Цель данного исследования – выявить, насколько полно и всесторонне освещается белорусско-китайское инвестиционное сотрудничество, как составная часть стратегического партнерства, на данном этапе его развития, в общенациональных ежедневных печатных медиа Республики Беларусь.

Объектом исследования стали публикации об инвестиционных проектах и ходе их реализации в двух общенациональных ежедневных газетах «СБ-Беларусь сегодня» и «Народная газета», опубликованные как в бумажных, так и электронных версиях газет в 2010 году и за десять месяцев 2011 года. Данные медиа выбраны нами исходя из следующих критериев: «СБ-Беларусь сегодня» является самой тиражной общественно-политической газетой страны (тираж 400 100 экземпляров), ее

учредитель – Администрация Президента Республики Беларусь. «Народная газета» позиционирует себя на рынке как национальное социальное издание, учрежденное ОАО «Народная газета».

Выбор периода исследования обусловлен тем, что на него пришелся ряд официальных и рабочих визитов: (Рабочий визит Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко в октябре 2010 года. Официальный визит Заместителя Председателя КНР Си Цзиньпина в марте 2010 года. Визит заместителя министра коммерции КНР Гао Хучена в июне 2010 года. Визит Заместителя Председателя Постоянного комитета ВСНП Цзян Шушэна в сентябре 2010 года. Официальный визит Председателя Постоянного Комитета ВСНП У Банго в сентябре 2011 года.), а также работа всемирной выставки ЭКСПО в Шанхае [9]. Данные визиты являются важнейшими событиями в развитии белорусско-китайских отношений, что непременно окажет далеко идущее влияние на динамику сотрудничества двух стран.

Предмет исследования – полнота отражения всех аспектов белорусско-китайского инвестиционного сотрудничества, как составной части экономических отношений в рамках стратегического партнерства, в данных медиа. Всего проанализировано 37 публикаций.

Для проведения исследования применялся метод контент-анализа. В общем виде данный метод, отмечает российская исследовательница Наумова, «направлен на объективное изучение сообщений, являющихся носителями информации, с целью исследования социальных процессов и явлений, которые представлены в текстах, посредством дальнейшей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Здесь под содержанием текста мы будем понимать объединенную общим замыслом совокупность сведений и суждений, характеризующих определенную реальность» [10].

По Д. Мангейму и Р. Ричу, «контент-анализ – систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и содержания информационного источника» [11]. Контент-анализ является эффективной исследовательской техникой, позволяющей выявить характер показа или информирования о конкретных проблемах, особенностях формирования образа тех или иных стран, регионов.

Это, достаточно строгий метод качественно-количественного анализа содержания документов в целях выявления или измерения социальных фактов и тенденций, отраженных этими документами. Особенность его состоит в том, что он изучает документы в их социальном контексте. В сложившейся практике исследований в качестве категории анализа рассматривается краткое выражение некоторой проблемы, относительно которой будут классифицироваться составляющие содержания. В качестве категории может выступать набор слов, объединенных по определенному основанию. Можно сказать, что посредством категорий в контент-анализе представлены определенные концептуальные образования.

Соответствующими смысловыми единицами анализа текста, которые представляют собой фрагмент содержания, мы приняли ключевые темы и слова «торгово-экономическое сотрудничество», «совместные предприятия», «проекты», «кредиты», «инвестиции». Данные термины в значительной степени коррелируют с выделенными нами тремя этапами белорусско-китайского экономического сотрудничества и служат в тексте индикатором интересующих нас явлений.

За единицу счета, т.е. количественную меру единицы анализа, позволяющую регистрировать частоту (регулярность) признака категории анализа в тексте, при-

нято количество печатных знаков. Как отмечает российский исследователь М. Назаров, «наиболее распространенный способ измерения характеристик содержания состоит в подсчете частот их употребления» [12].

Исследованные нами публикации в данных общенациональных ежедневных печатных медиа мы систематизировали во-первых, по жанровым характеристикам, во-вторых, по тематике. Также вычисляли соотношение нейтральных, положительных и отрицательных (относительно избранной позиции) оценок, суждений, аргументов и определяли возможный характер их восприятия адресатом (вероятные эффекты влияния содержания на аудиторию).

По характеру большинство изученных публикаций по тематике исследования в «СБ-Беларусь сегодня» является информационными сообщениями – 76%. Это короткое, емкое упоминание о том или ином событии, информирующее о самом факте, его участниках, целях и месте мероприятия. Данные материалы дают фрагменты картины белорусско-китайских экономических отношений и лишь косвенно позволяют судить об их масштабах и динамике.

Как правило, суть события изложена в заголовке («Заложен первый камень в строительство гостиничного комплекса "Пекин" в центре Минска», «КНР заинтересована создать в Беларуси китайскую промышленную зону», «Китайские компании построят в Минской области скоростную трамвайную линию и мусороперерабатывающий завод», «БКК заключила контракт с Китаем на поставку калийных удобрений по 400 долларов за тонну», «Белорусско-китайский технопарк открылся в городе Чанчунь», «Беларусь предлагает Китаю активизировать работу над совместными проектами», «Один из микрорайонов будущего жилого массива Лебяжий в Минске построят китайские специалисты», «Китайская компания привезла телекоммуникационную экспозицию» и другие).

Тема белорусско-китайских экономических отношений постоянно и неизменно находится в числе приоритетов высших политических властей нашей страны. Свидетельство чему — официальная хроника (жанр также информационный) и тексты выступлений Главы государства, которые публикует «СБ-Беларусь сегодня».

В докладе Президента Александра Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании «Наш исторический выбор - независимая, сильная и процветающая Беларусь» и Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию «Предприимчивость, инициатива и ответственность каждого – достойное будущее страны» в блоках, посвященных внешней политике страны, много внимания было уделено сотрудничеству с КНР.

Президент Александр Лукашенко лично неоднократно контролировал ход реализации китайских инвестпроектов. Так, он провел совещание с правительством на эту тему («Надо заставить деньги работать»), заслушал доклад сопредседателя Белорусско-Китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (на дату публикации) Зенона Ломатя, о ходе реализации проектов на ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5, а также на трех цементных заводах, и создания индустриального парка. Александр Лукашенко 8 октября 2010 года посетил совместное белорусско-китайское предприятие СООО "Мидеа-Горизонт", где были обсуждены перспективы белорусско-китайского экономического и инвестиционного сотрудничества.

«СБ-Беларусь сегодня» сообщала о встречах Александра Лукашенко с председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго («Прочная основа сотрудничества»), директором департамента финансового рынка Народного банка Китая Се До («Дельное предложение»).

Широко и подробно освещался в белорусских медиа рабочий визит Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко в Китайскую Народную Республику в 2010 году. В ходе которого Президент посетил Всемирную выставку "ЭКСПО-2010" в Шанхае, провел в Пекине переговоры с Председателем КНР Ху Цзиньтао, а также ознакомится с реализацией совместных белорусско-китайских проектов, принял участие в символическом открытии Белорусско-китайского технопарка в городе Чанчунь.

Накануне визита Александр Лукашенко ответил на вопросы китайских журналистов. Своих сотрудников в Минск командировали главная газета страны «Жэньминь жибао», центральный телеканал и государственное информагентство «Синьхуа». «СБ-Беларусь сегодня» проинформировала своих читателей о некоторых вопросах и ответах Главы государства. Ход визита освещал специальный корреспондент «СБ-Беларусь сегодня» Игорь Кольченко («Равновесие интересов», «Восточная широта»).

О ходе визита было опубликовано 10 информации БЕЛТА, в которых подробно рассказано о подписанном пакете документов по совместным проектам на \$3,5 млрд., (три кредитных соглашения, восемь коммерческих контрактов и два рамочных соглашения по реализации двусторонних проектов в сфере энергетики, строительства, промышленности, дорожно-транспортной инфраструктуры). Также достаточно подробно сообщалось о каждом из проектов, которые стороны договорились реализовать. (Кредитные соглашения Эксимбанком КНР о финансировании проектов по созданию интеллектуальной транспортной системы Минска, электрификации участков железной дороги в Гомельской и Могилевской областях, поставок грузовых электровозов. Соглашение с Китайской корпорацией инжиниринга САМС о создании в Беларуси Китайско-белорусского индустриального парка. О строительстве завода по производству сульфатной беленой целлюлозы на базе ОАО "Светлогорский ЦКК" мощностью 400 тыс. т в год, завода индустриального домостроения мощностью 200 тыс. кв. м. и завода кальцинированной соды, строительстве двух новых электростанций: ПГУ-400 МВт Березовской ГРЭС и ПГУ-400 МВт Лукомльской ГРЭС. А так же инвестиционный договор о строительстве в Минске гостиничного комплекса "Пекин" с объектами обслуживания, соглашение о финансировании проекта реконструкции действующего аэровокзального комплекса Национального аэропорта Минск).

Таким образом, большинство информационных поводов публикаций в газете «СБ-Беларусь сегодня» о белорусско-китайском инвестиционном сотрудничестве так или иначе связаны с деятельностью Президента Республики Беларусь на этом поприще.

Доля аналитических материалов в общем их массиве в газете «СБ-Беларусь сегодня» составила 24%. В них авторы рассказывают о ситуации и перспективах белорусско-китайских экономических отношений в определенных сферах и отраслях, ходе реализации совместных проектов, анализируют причины, сущность, освещают различные подходы, мнения, точки зрения, используют статистический материал. На тему белорусско-китайских отношений в газете пишут четыре автора, в том числе собственный корреспондент в КНР.

В газете «Народная газета» количество публикаций по данной тематике и проблематике за изученный период было значительно меньше, чем в газете «СБ-Беларусь сегодня» – соотношение 1 : 5,2. Количество публикаций информационных жанров и аналитических, в общем количестве публикаций составил, соответственно,

88% и 12%. При этом следует отметить, что тематика белорусско-китайского экономического сотрудничества в «Народной газете» не получила систематического освещения: нет постоянных рубрик, публикации выходят в свет благодаря информационному поводу.

Соотношение положительных, отрицательных и нейтральных оценок тех или иных аспектов белорусско-китайских экономических отношений в данных медиа распределилось следующим образом: 87%, 0% и 13%. Негативных характеристик в публикациях не отмечено. Что может свидетельствовать как об отсутствии проблем в данной сфере, так и желании и способности сторон решать вопросы разного уровня сложности не вынося их на широкое обсуждение.

В фокусе внимания данных медиа в изучаемый период были как освещение сотрудничества в кредитно-инвестиционной сфере и реализация тех или иных конкретных проектов в жилищно-гражданском и дорожном строительстве, реконструкция объектов и предприятий, так и работа совместных предприятий, расширение областей экономического сотрудничества, увеличение темпов роста товарооборота.

Таким образом, можно отметить, что данные общенациональные ежедневные медиа достаточно оперативно реагируют на переход к новому этапу белорусско-китайского сотрудничества, главным образом за счет информационных жанров. Вместе с тем явно обозначившийся разрыв между ними и аналитическими жанрами не позволяет в полной мере информировать читателей о развитии партнёрских связей и сотрудничестве в инвестиционной сфере между Республикой Беларусь и КНР, как в настоящий момент, так и на ближайшую и среднесрочную перспективу. Одной из возможных причин этому может быть недостаток компетенций журналистов в достаточно сложной отрасли – международных кредитно-инвестиционных отношениях, о которых они пишут. Вследствие этого не в полной мере раскрываются характер и масштабы инвестиционного сотрудничества, как части стратегического партнерства, ряд перспективных направлений информационных кампаний не получают развития и продолжения. Это может быть как экономический аспект: что приобретет Беларусь в ходе и после реализации конкретного инвестпроекта: импортозамещающую, инновационную продукцию, расширение экспортных возможностей страны, так и социальный – новые рабочие места, подготовка специалистов для современных предприятий, минимизация или исключение экологических рисков.

Литература

1. Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики от 5 декабря 2005 года. [Электронный ресурс]// Сайт Белорусско-китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. – Режим доступа: http://www.belaruschina.by/ru/belarus_china/declaration.html – Дата доступа: 25.01.2006.
2. Тозик, А.А. Беларусь – Китай: к новому качеству сотрудничества/А.А. Тозик//Экономика Беларуси. 2007.- №4. - С.86-91.
3. Тозик, А.А. Товарооборот Беларуси и Китая по итогам 2011 года может достичь \$3 млрд. [Электронный ресурс]//Сайт Белорусского телеграфного агентства. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/interview/Anatolij-Tozik_i_512306.html – Дата доступа: 25.01.2006.
4. Новые горизонты стратегического партнерства [Электронный ресурс]//Сайт «Народной газеты». – Режим доступа: http://www.ng.by/ru/issues?art_id=60399 Дата доступа: 25.10.2011.

5. Алейник, С. Стратегическое партнерство/С. Алейник//Экономика Беларуси. 2010. -№2.-С.86-89.
6. Доклад Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании 06.12.2010 «Наш исторический выбор — независимая, сильная и процветающая Беларусь» [Электронный ресурс]//Сайт Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.president.gov.by/press101782.html>> — Дата доступа: 20.10.2011.
7. Семёнова. А.В., Корсунская, М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения/ Под ред. В.А. Мансурова. [Электронный ресурс]. - М.: Институт социологии РАН, 2010. — 324 с., 1 CD-ROM.
8. Фомичева. И.Д. Основные дисциплинарные и междисциплинарные подходы к изучению СМИ. Исследования СМИ: методология, подходы, методы: учебно-методическое пособие/ И.Д. Фомичева//Материалы лекций для аспирантов факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2011. — 236 с.
9. Двусторонние отношения. [Электронный ресурс]//Сайт посольства Республики Беларусь в КНР. — Режим доступа: <<http://www.china.belembassy.org/rus/relations/>> — Дата доступа : 15.10.2011.
10. Наумова. Л.К. Метод контент-анализа в исследовании массовой информации [Электронный ресурс]//Режим доступа: <<http://journalist.masu.ru/index.php/about-us/2011-02-25-13-57-59/70--iii-/234-2010-11-18-18-55-22>> — Дата доступа : 12.09.2011.
11. Мангейм Д., Анализ общественной политики и оценка программ / Д. Мангейм, Р. Рич // Политические исследования. - 1991. - № 3. - С. 174-180.
12. Назаров М. М. Контент-анализ медиа текстов «Массовая коммуникация и общество»/М.М. Назаров [Электронный ресурс]// Режим доступа: <<http://psyfactor.org/lib/content-analysis2.htm>> — Дата доступа: 5.09.2011.

Андриевская З. Я.

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической географии
зарубежных стран,
Белорусский государственный университет*

Потаева Г. Р.

*Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии
зарубежных стран,
Белорусский государственный университет*

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

До середины прошлого века Китай являлся полуфеодальной страной с неразвитым производством и слабой экономикой. В индустриальном развитии Китай отставал от развитых стран, по существу являясь аграрно-сырьевым придатком. Однако, после провозглашения КНР в 1949 году, в стране в течение короткого времени была проведена индустриализация, которая дала возможность для быстрого роста промышленности.

Сейчас ведущая роль Китая на мировом рынке неоспорима. За годы реформ КНР превратилась в индустриальную державу, от развития хозяйства которой зависит стабильность многих стран.

К концу XX века по размерам общего ВВП страна вошла в десятку мировых держав, а в настоящее время занимает 2-е место – 10 090 миллиардов долларов, что соответствует 13,5% мирового ВВП (2010 г.). По этому показателю страна уступает только США – 14 660 миллиардов долларов – 19,6% мирового ВВП.

В настоящее время Китай занимает первое место в мире по объему экспорта, обойдя по этому показателю Германию – бессменного мирового лидера в прошлом десятилетии. В настоящее время объем экспорта Китая составляет 1 581 миллиард долларов – 10,4% мирового экспорта. Сальдо внешнеторгового баланса Китая положительное – объем импорта в 2010 году составил 1 327 миллиардов долларов.

Таблица 1

Доля отдельных стран в мировом экспорте товаров в 1948-2010 гг., %

	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2010
КНР	0.9	1.2	1.3	1.0	1.2	2.5	5.9	10.4
США	21.7	18.8	14.9	12.3	11.2	12.6	9.8	8.4
Германия	1.4	5.3	9.3	11.7	9.2	10.3	10.2	8.3
Япония	0.4	1.5	3.5	6.4	8.0	9.9	6.4	5.1
Великобритания	11.3	9.0	7.8	5.1	5.0	4.9	4.1	2.7
Индия	2.2	1.3	1.0	0.5	0.5	0.6	0.8	1.4

Китай играет также большую роль в мировом импорте товаров и услуг, уступая, однако, по этому показателю лидирующие позиции Соединенным Штатам Америки. В таблице 2 представлен рейтинг стран в мировом импорте и место КНР в нем в динамике.

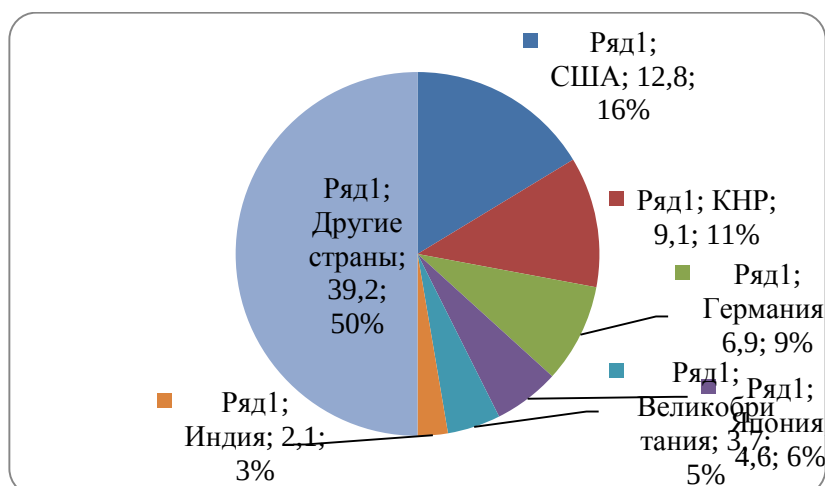

Рис. 1. Доля отдельных стран в мировом импорте товаров в 2010 г., %

Китай также является мировым лидером по производству автомобилей - 13 791 тыс. штук - 1-е место в мире в 2010 году. Длительное время бесспорными лидерами в автомобилестроении были США и Япония, которые и определяли мировой прогресс в этой отрасли хозяйства. В настоящее же время эти страны по количеству произведенных автомобилей отстали более чем в 2 раза, объем производства автомобилей в 2010 году в Японии составил только 7 934 тыс. штук, а в США – 5 709 тыс. штук.

Более того, и по «потреблению» супердорогих автомобилей Китай является мировым лидером – по данным концерна Volkswagen каждый четвертый автомобиль Bentley, реализованный в 2011 году, был продан в Китае.

Современный Китай – третья по своей мощи после США и России ракетно-ядерная держава. Промышленность КНР достигла уровня, способного создавать и запускать спутники как военного, так и гражданского назначения.

Ко времени образования КНР относительно экономически развитыми были лишь восточные, приморские провинции. Заметно отставали от них так называемые «внутренние районы». И самым был Запад и Северо-Запад. Так, на долю Северо-Запада приходится около трети территории страны и только около 2 % промышленного производства. Поэтому еще в годы первой пятилетки, наряду с активным использованием «старопромышленных» районов на Востоке, началось создание новых индустриальных центров в отдаленных, ранее отсталых провинциях. Удельный вес внутренних районов постепенно возрастал: с 27% ВВП в 1952 году до 33% в 1955 году.

С началом экономических реформ на рубеже 70-80-х годов одновременно с общим пересмотром принципов и методов хозяйственного строительства складывались и новые подходы к региональной политике. Постепенно все больше властных функций сосредотачивалось в провинциях. К концу 80-х местные власти контролировали до 80% общего объема промышленного производства.

Одной из особенностей региональной политики КНР является предоставление значительных полномочий городу. Развивать роль городов, формировать новые хозяйственные структуры с ядром не только в городах крупного и среднего масштаба, но и в небольших уездных центрах – стало важнейшей задачей страны.

Крупным сдвигом в региональной политике было решение правительства КНР в 1986 году о разделении страны на три большие меридиональные зоны: Восточную, Центральную и Западную. Такое деление позволило лучше выявить региональные различия, используя такие показатели, как величина ВВП, доходы населения, размеры инвестиций.

Современная модель региональной структуры хозяйства Китая является результатом критического осмысления 30-летнего опыта государственных реформ и открытости экономики. На протяжении нескольких десятилетий в Китае проводились постоянные работы по созданию сетки экономических районов, которая бы адекватно отражала специфику социально-экономической обстановки и взаимосвязи элементов хозяйственных комплексов страны. Такой подход к проблематике экономики внутренних районов Китая обуславливает ориентацию на рыночную трансформацию их региональных хозяйств.

В начале 80-х годов XX века началась разработка сетки районов, в основе которых лежало деление территории страны на три хозяйственные зоны: Восточную, Центральную, Западную. Такой подход наиболее полно отражал территориальные диспропорции в социально-экономическом развитии и дал базу для последующей выработки пространственной стратегии страны.

Дальнейшее реформирование хозяйства Китая в 80-90-е годы выдвинуло на первый план следующие факторы регионального развития: привлекательность для иностранного капитала, вовлечение районов в международные экономические связи и адаптационные возможности структуры экономики регионов. Данные преобразования привели к усилению центробежных тенденций в развитии «районов кооперирования», сетка которых полностью перестала отвечать требованиям современного развития.

В начале государственных реформ было признано, что неравномерность и диспропорциональность развития являются объективным процессом, поэтому региональная политика Центра была направлена на предотвращение и разрешение противоречий в региональном развитии, прежде всего между Центром и Периферией, а

также между относительно развитыми приморскими районами и менее развитыми внутренними регионами.

Вопреки этому, к концу 90-х г.г. XX века в Китае сложился существенный разрыв в уровне экономического развития, отраженный подушевыми показателями национального дохода, между наиболее развитыми в промышленном отношении приморскими провинциями и городами центрального подчинения (Шанхай, Пекин, провинция Ляонин и т. д.), с одной стороны, и внутренними частями страны (Тибет, Синьцзян, Ганьсу и др.) – с другой.

Провинции и автономные районы, как административно-территориальные единицы Китая, вошли в состав ключевых объектов управления на уровне макрорегионов. В силу реализации экономической стратегии Китая становится очевидным тот факт, что адресные меры по отношению к развитию регионов трансформируются из отдельных политических актов в четкую региональную стратегию развития.

Современный этап реализации региональной стратегии сопряжен с решением наиболее острых проблем экономической дискриминации и протекционизма в процессе регионального развития, которые привели к появлению ярко выраженных диспропорций в социально-экономическом развитии регионов.

При составлении 9-го пятилетнего плана на 1995 – 2000 гг. и перспективного до 2010 года в Китае было предусмотрено в районах восточного побережья усиленно развивать те отрасли, которые ориентированы на внешние рынки. Особое значение придавалось производству наукоемких изделий, не требующих значительных сырьевых и энергетических ресурсов. В значительной мере делалась ставка на привлечение иностранного капитала.

Восточный Китай играет роль «индустриального цеха» страны. Несмотря на относительную ограниченность полезных ископаемых, в приморских провинциях работают важнейшие центры базовых отраслей промышленности (металлургия, нефтехимия, станкостроение). В ряде городов – Шанхае, Даляне, Циндао – имеются мощные предприятия транспортного машиностроения. По-прежнему этот регион первенствует в стране по выпуску разнообразной продукции текстильной, легкой промышленности, сложной бытовой техники. Все возрастающее значение приобретают отрасли новых и высоких технологий: электроника, аэрокосмическая техника, производство компьютеров, современных средств связи и информации.

Особое место в экономике Восточного Китая занимает Шанхай, обладающий многопрофильным промышленным потенциалом, важный морской порт, торговый и финансовый центр.

Огромных сдвигов в экономической географии КНР следует ожидать от реализации масштабных планов освоения западных регионов страны. Запад Китая – «кладовая природных ресурсов». Поэтому основное внимание решено направить на освоение полезных ископаемых и размещение таких отраслей, как горнодобывающая промышленность, электроника, транспортные коммуникации. Западные регионы не только станут теснее интегрироваться в общегосударственную экономику, но и получат выход на мировой рынок.

Большие планы в Китае связывают с освоением сельскохозяйственных ресурсов на западе и в центре страны. Природа Синьцзяна дает возможность основать там перспективную базу хлопководства, а также развивать скотоводство.

Существенные перемены произойдут в Китае с завершения строительства гигантского гидроэнергетического комплекса Санься. Регулирование водных потоков в среднем и нижнем течении Янцзы, улучшение условий судоходства как на самой

реке, так и на ее притоках, сооружение обширных водоемов для рыборазведения, создание единой общегосударственной системы электропередач – все это станет возможным с завершением «стройки века».

Значительной вехой в экономической истории страны явилось вступление Китая во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). Активное участие в мировом соперничестве может изменить структуру территориального размещения основных отраслей хозяйства, направление товарных потоков, создавать новые центры научно-технического прогресса.

В прошлые десятилетия для китайского импорта характерным было преобладание промышленной продукции производственного назначения и сырья для ее изготовления. В то же время в экспорте первенство было за продукцией сельского хозяйства, легкой промышленности, некоторых видов сырья и топлива.

В последнее время, особенно с началом экономических реформ, в структуре торговли произошли коренные перемены. В наибольшей степени изменения претерпел экспорт. Основную долю в нем стала занимать промышленная продукция (около 90 %), в том числе продукция машиностроения и особенно электротехнической промышленности, продукция новых и высоких технологий. Что касается импорта, то по-прежнему первенство сохраняют машины, сырьевые материалы, в частности, нефть.

О развитости хозяйства во многом свидетельствует товарная структура внешней торговли. В структуре экспорта Китая в 1990-2010 гг. преобладает промышленная продукция, доля сырья в стоимости вывозимой продукции незначительна и постоянно снижается, составив 3,5% в 2009 г. Доля готовой продукции, таким образом, достигла 96,5%. Это соответствует показателям промышленно развитых стран. В экспорте неуклонно увеличивается доля машин, станков и оборудования, за 1990-2010 гг. она более чем удвоилась – с 21,1 до 47,9%.

В товарной структуре импорта с 1995 г. на протяжении десятилетия доли сырья, готовой продукции и машин отличались стабильностью. Доля сырья находится на уровне 20% (увеличившись до 23,6% в 2009 г.), готовой продукции – 80, из них машин и оборудования – 47%. Доля продукции машиностроения в 2000-е гг. возросла на 5% (до 45,1% в 2009 г.) в основном благодаря импорту новейшего оборудования из-за рубежа. Доля сырья в последние годы имеет тенденцию к увеличению, что необходимо Китаю для поддержания темпов производства и потребления на высоком уровне. Это в первую очередь касается импорта нефтегазовых ресурсов для развития химического производства и транспорта, высококачественного каменного угля для энергетической отрасли и железной руды для металлургии и автомобильной промышленности.

Высокая доля машин и оборудования присутствует как в импорте, так и экспорте, что свидетельствует о постепенном переходе Китая на интенсивный путь развития. Для страны эта тенденция является положительной, так как в середине 1990-х гг. согласно статистике КНР закупала оборудования в 2 раза больше, чем вывозила за рубеж, т. е. налицо была техническая отсталость страны. Сейчас происходит обмен Китаем этой продукцией с зарубежными странами. При этом спектр вывозимой продукции достаточно широк.

Почти половина экспорта Китая (42,7%) приходится на машины и электрооборудование (включая бытовые приборы). На втором и третьем местах продукция текстильной и металлургической промышленности (14,3 и 8,8%). Если анализировать экспорт по товарным позициям внутри каждой из отраслей, то в вывозе текстильных

товаров преобладает одежда (9,1% всего экспорта), в продукции металлургии основная доля приходится на чугун, сталь и продукцию из них (5,4%). В категории транспортных средств большое значение имеет экспорт автомобилей и запчастей к ним (2,3%). Производство машиностроительной продукции включает в себя, в частности, такие разные сферы, как промышленное оборудование, бытовое и точное машиностроение. Для китайского машиностроения в целом характерна высокая динамика развития. Это касается производства как некоторых видов машин для тяжелой промышленности, так и бытовой техники и электроники.

За 2003-2005 гг. среднегодовые темпы прироста выпуска оборудования для горнодобывающей отрасли и электроэнергетики достигли 60%. Из продукции других отраслей машиностроения наиболее быстрыми темпами увеличивается производство кондиционеров и продукции высоких технологий - интегральных схем и мобильных телефонов. Выпуск кондиционеров в 1996-2005 гг. возрастал в среднем на 25,8% ежегодно, в итоге за десятилетие он увеличился в 10 раз. Производство другой бытовой техники отличалось более умеренной динамикой. Среднегодовые темпы роста выпуска стиральных машин составили 10,5%, холодильников - 13,8, цветных телевизоров - 16,1%, в результате чего производство за весь период возросло в 3-4 раза.

Производство интегральных схем в течение 1996-2005 гг. увеличилось в 4,9 раза, выпуск мобильных телефонов фактически отсутствовал до 2001 г., но за 2001-2005 гг. возрос с 52 до 300 млн. шт., т. е. в 5,8 раза. Объем производства увеличился в 96,7 раза - с 830 тыс. шт. в 1995 г. до 80 млн. шт. в 2005 г.

Наиболее крупным торговым партнером Китая являются Соединенные Штаты Америки. 18% экспорта КНР направляется в США. В США поставляется как продукция легкой и пищевой промышленности, так и высокотехнологичная продукция отраслей обрабатывающей промышленности.

Более половины всего внешнеторгового товарного оборота Китая приходится на страны Азии. Самым крупным торговым партнером КНР в Азии является Япония. Широкому развитию торговли с этой страной способствует целый ряд факторов. Прежде всего, географическая близость, наличие многих общих черт национально-культурного характера, а главное – структура экономики обеих стран позволяет взаимовыгодно дополнять друг друга. К примеру, Китай получает из Японии различные виды машиностроения, электроники и электротехники, а Япония имеет возможность получать необходимое сырье, топливо, сельскохозяйственную продукцию.

Из других азиатских партнеров выделяются Сингапур и Таиланд, которые поставляют в КНР каучук, джут, сахар, рис.

В последние десятилетия увеличились торговые отношения с Республикой Корея, которая в структуре внешней торговли Китая занимает 4-е место по экспорту (4,4 %) и 2-е по импорту (9,9 %). Основные товары экспортно-импортной торговли между ними – уголь, зерно, сталь.

Относительно невелика доля КНР во внешнеэкономических связях с Индией и Пакистаном.

В 50-е годы СССР был главным торговым партнером Китая, оказывал производственную и научно-техническую помощь. Последующие 30 лет экономические связи резко сократились, восстановление и оживление экономического сотрудничества произошло только в конце 80-х – начале 90-х годов.

В настоящее время Российская Федерация также имеет тесные торговые связи с Китаем. В структуре импорта России Китай занимает второе место – уступая

только Германии (ФРГ 14,7%, Китай 13,5 № импорта России, 2010 г.). Также тесные связи установились и по направлению российских товаров в Китай из России – 5,4 % экспорта России приходится на эту страну.

Китай играет важную роль и как торговый партнер Республики Беларусь. В 2010 году доля Китая в импорте Беларуси составила 4,8 % – это 4-е место в рейтинге торговых партнеров Беларуси.

На протяжении последних десятилетий региональные хозяйства Китая развивались довольно неравномерно. Так, внутренние районы по сравнению с приморскими районами развивались сравнительно замедленными темпами. Если в 1990 г. ВВП внутренних районов составлял 23% общекитайского показателя, а уже в 2003 г. – 19%. Также существенно усилился разрыв и в душевых показателях, например, в 1990 году совокупный ВВП внутренних районов на душу населения составлял 88% общекитайского показателя, а в 2004 г. – лишь 75%.

Не менее ярко выражен разрыв в макроэкономических показателях и в настоящее время. Наивысший уровень доходов зафиксирован в Тяньцзине, а наименьший – в провинции Гуйчжоу – 1 926 USD, что в 6 раз меньше максимального значения.

Таблица 1 Основные макроэкономические показатели регионов Китая в 2009 году

Административный район	Население, тыс. чел.	Номинальный ВВП, млрд. USD	ВВП на душу населения, USD	Доля в национальном ВВП, %	Темпы роста национального дохода, %	Иностранные инвестиции, млн. USD	Товарооборот, млн. USD
Аньхой	67 408	181,2	2 688	2,8	14,5	3 490	20 440
Внутренняя Монголия АР	24 137	172,2	7 134	2,7	14,9	2 651	8 933
Ганьсу	25 620	60,8	2 373	0,9	11,7	128	6 080
Гуандун	95 440	671,7	7 038	10,5	12,2	10 000	683 261
Гуанси-Чжуанский АР	50 490	140,4	2 781	2,2	14,2	538	13 284
Гуйчжоу	35 250	67,9	1 926	1,0	12,6	65	3 371
Ляонин	43 150	270,0	6 257	4,2	14,1	12 020	72 440
Нинся-Хуэйский АР	6 177	24,3	3 934	0,4	13,4	130	1 882
Пекин, г.ц.п.	19 720	203,5	10 319	3,2	10,2	6 080	271 850
Синцзян-Уйгурский АР	21 308	80,0	3 754	1,3	10,6	190	22 217
Сычуань	83 290	249,6	2 997	3,9	15,1	3 340	22 040
Тибетский АР	2 870	7,5	2 613	0,1	12,3	-	7 654
Тяньцзинь, г.ц.п.	11 760	134,6	11 446	2,1	17,4	7 420	80 539
Фуцзянь	36 040	212,1	5 885	3,3	13,8	10 026	84 832
Хайнань	8 542	30,3	3 547	0,5	15,8	670	10 524

Хубэй	60 280	233,5	3 874	3,7	14,8	3 245	20 567
Хунань	68 452	234,9	3 432	3,7	14,5	1 637	12 566
Хэбэй	69 888	298,4	4 270	4,7	12,2	3 630	38 420
Хэйлунцзян	38 250	151,2	3 953	2,4	12,6	2 660	22 900
Хэнань	99 180	338,9	3 417	5,3	12,2	4 033	17 528
Цзилинь	27 342	126,7	4 634	2,0	13,7	3 008	13 341
Цзянсу	76 765	604,2	7 871	9,5	12,6	25 120	392 270
Цзяньси	44 001	139,4	3 168	2,2	14,0	3 604	13 749
Цинхай	5 543	19,9	3 590	0,3	15,3	225	688
Чжэцзян	51 200	402,2	7 855	6,3	11,8	10 070	211 150
Чунцин, г.ц.п.	32 353	116,6	3 604	1,8	17,1	2 729	9 521
Шанхай, г.ц.п.	24 632	249,2	10 117	3,9	9,9	17 112	606 557
Шаньдун	94 172	582,3	6 183	9,1	12,5	8 200	158 140
Шаньси	32 970	134,3	4 073	2,1	13,9	2 730	14 390
Шэньси	37 620	148,0	3 934	2,3	14,5	1 370	8 368
Юньнань	45 430	106,7	2 349	1,6	12,3	777	9 599
Китай	1339 280	6 392,5	4 773	100,0	13,4	146 898	2 851 447

Темпы роста уровня доходов наиболее четко отражают нарастающие диспропорции в социально-экономическом развитии Китая. По данным аналитического бюро The Beijing Axis темпы роста в приморских районах составили 12% в год, в то время как во внутренних районах данный показатель сравнительно ниже (на уровне 9-10%). Однако при исследовании на уровне провинций темпы роста имеют противоречивый характер. Так, например, во Внутренней Монголии, относящейся к внутренним районам, темпы роста доходов составили 14,2%, в то время как в Пекине (приморский район) данный показатель составил 10,2% в год.

Экспортоориентированность китайской экономики обусловила активизацию торговых отношений и наращивание объемов торговли. На основании показателя объема внешней торговли определяется место и роль провинций в региональной структуре хозяйства Китая. В большинстве приморских районов Китая отмечены наивысшие показатели объема торговли, а общий объем торговли 4 основных центров торговли (Гуандун, Шаньдун, Цзянсу и Чжэцзян) в 2008 году составил 580 млрд. USD (1/4 суммарного объема торговли). В то же время во внутренних и западных районах Китая отмечаются крайне низкие показатели. Так, например, объем торговли Тибетской АР в 178 раз меньше аналогичного показателя в провинции Гуандун.

Кроме того, в 18 районах центрального и западного регионов объем торговли не превышает 50 млрд. USD. Колоссальный разрыв в объемах торговли является негативным сдерживающим фактором сбалансированного регионального развития. Преференциальные условия в приморских районах и региональный протекционизм, присущие региональному развитию Китая, усиливают диспропорции в социально-экономическом развитии регионов.

Размещение производительных сил в пределах провинций также крайне неравномерно. Наивысшие показатели концентрации промышленного производства отмечаются в приморских провинциях и на северо-востоке страны. В территориальной структуре промышленного производства ведущее положение занимают более двух десятков крупных промышленных узлов: (Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Шэньян, Аньшань, Ухань, Харбин, Гуанчжоу, Шэньчжэнь и др.). Остальные провинции характеризуются дисперсным расположением очагов промышленного развития и отсталым сельским хозяйством.

В силу выгодного экономико-географического положения, восточные и северо-восточные провинции Китая получили преференциальный режим развития. Формирование преференциальных зон, послабление таможенного законодательства, приток прямых иностранных инвестиций способствовали активному развитию приморских провинций. В противодействие этим процессам остальные провинции, путем защиты местных производителей, вводили разного рода ограничения на межрегиональный экспорт и импорт продукции, пытаясь тем самым компенсировать ущерб от невозможности получения преференциального режима. Кроме того, провинции, специализирующиеся на добыче и переработке сырьевых ресурсов, ввели ряд ограничений на вывоз сырьевой продукции в целях рационального распределения этих ресурсов между местными и неместными производителями.

Таким образом, современная региональная структура хозяйства Китая может быть представлена следующим образом:

- *Приморские районы* отличаются самым высокоразвитым промышленным комплексом с преференциальным режимом торговли и расширенным доступом к иностранным инвестициям. В пределах районов расположено основных три ядра национальных рынков. Районы имеют собственную систему стандартизации, а продукция приморских районов имеет высокую конкурентоспособность, как на национальном, так и на международном рынке;
- *Центральные районы* отличаются низким уровнем развития промышленного комплекса, ограниченным доступом к иностранному капиталу и НИОКР, а также низкой региональной конкурентоспособностью продукции. Однако эти районы близко располагаются к ядрам национального рынка и имеют хорошую транспортную связанность. В них введены наиболее строгие и многочисленные ограничения на вывоз и ввоз продукции, проводится активная поддержка местных производителей и защита их продукции на национальном рынке;
- *Западные районы* имеют средний уровень развития промышленного комплекса и характеризуются географической отдаленностью от ядер национального рынка, ограниченным доступом к иностранному капиталу и к продукции НИОКР. В целях защиты местных производителей, введены количественные ограничения на вывоз сырьевой продукции и на ввоз большинства товарных групп из приморских районов. В качестве стимулов для повышения региональной конкурентоспособности продукции и введена поддержка местных производителей средствами провинциального бюджета.

Анализ регионального развития хозяйства в отношении внутренних и западных районов (Центральных и Западных) свидетельствует об асинхронности и диспропорциональности освоения разными регионами новейших технологий, что приводит к перемещению экономических приоритетов государства к высокотехнологическому производству. Именно оно является носителем новой переходной модели,

которая характеризуется такими чертами как: интеллектуализация, инновационный характер, социализация и экологизация производства и среды жизнедеятельности.

Все вышеуказанные изменения усилили децентрализацию народного хозяйства, фактически содействуя проявлениям автаркии в функционировании хозяйства внутренних и западных районов. В качестве выводов следует отметить, что в региональной структуре хозяйства Китая произошли существенные трансформации региональной схемы распределения производственного потенциала, направленные на оптимизацию региональной структуры хозяйства и снижение ее диспропорций.

Литература

1. Кондрашова Л., Ма Вэньцзе. КНР: выбор региональных приоритетов // Проблемы Дальнего Востока.-2005.-№2.
2. Ежегодный статистический сборник Китая – 2010. – Пекин: Национальный Статистический Комитет Китая, 2010.
3. The China Compass 2010. – Beijing. The Beijing Axis, March 2010
4. www.cia.gov – электронный ресурс: Книга фактов Центрального разведывательного управления США.

Залесский Б.Л.

Доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы Института журналистики,

Белорусский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕДИЙНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНОЙ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Успешная интеграция Республики Беларусь в глобальное экономическое пространство становится в условиях глобализации международных отношений важным фактором обеспечения устойчивого развития белорусского государства. Одним из актуальных векторов движения к заданной цели является «последовательное углубление отношений стратегического партнерства с Китаем»[1], приведение масштабов экономического взаимодействия с ним в соответствие с уровнем политических отношений. Действительно, Китай, будучи ключевым стратегическим партнером Беларуси в азиатском регионе, занимает сегодня особое место в системе белорусских внешнеполитических приоритетов, так как белорусско-китайские отношения уже достаточно давно приобрели «отчетливые черты стратегического партнерства, подтверждая серьезную нацеленность сторон на долгосрочное обеспечение взаимных интересов по всему спектру вопросов двусторонней и международной политики»[2]. Объясняется это тем, что «динамичное развитие белорусско-китайских отношений обусловлено общностью принципов внутренней и внешней политики, совпадением взглядов на важнейшие проблемы международных отношений»[3].

На уровень стратегического партнерства Республика Беларусь и Китайская Народная Республика вышли в 2005 году, когда приняли совместную декларацию. В этом документе отмечалось, что связи и сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической, военной, образовательной, туристической областях и в сферах культуры, социального обеспечения и информации стали более тесными и плодотворными, что отражает огромный потенциал и широкие перспективы сотрудничества между двумя странами, а также содержалось положение о том, что «стороны поддерживают субъектов хозяйствования обеих стран в их стремлении активно развивать сотрудничество на основе равноправия и взаимной выгоды, поощряют активизацию прямых торговых связей между субъектами хозяйствования»[4]. Иными словами, с начала стратегического партнерства стороны самое пристальное внимание стали уделять межрегиональному взаимодействию как одному из важнейших факторов развития двусторонних отношений во всех сферах деятельности, которое может и должно сыграть немаловажную роль в увеличении объемов торгово-экономического сотрудничества.

В Республике Беларусь региональная политика «нацелена на максимально эффективное использование возможностей регионов с учетом специфики климатических, экономических, человеческих ресурсов»[5]. Но в числе основных проблем регионального развития в нашей стране отмечают слабую вовлеченность административных районов, малых и средних городов во внешнеэкономическую деятельность, невысокий уровень развития «таких форм внешнеэкономических связей, как межрегиональные»[6, с. 571]. Поэтому новое качество социально-экономического развития белорусских регионов должно быть связано прежде всего с повышением их конкурентоспособности как в национальном, так и в международном аспекте, что в значительной степени связано с обеспечением интеграции регионов в мировую

экономику, развитием их приграничных и межрегиональных связей. Вот почему основной упор должен делаться на вовлечение административных районов, малых и средних городов во внешнеэкономическую деятельность, которая включает в себя и такое направление как дальнейшее развитие межрегионального сотрудничества.

Для успешной координации взаимодействия белорусских и китайских регионов важнейшим базовым документом стало подписанное в 2005 году Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между местными исполнительными и распорядительными органами Республики Беларусь и местными правительствами Китайской Народной Республики, в котором содержится договоренность активно содействовать развитию двустороннего межрегионального сотрудничества и «заключать соответствующие соглашения, не являющиеся международными договорами»[7].

Заметим, что первые шаги по организации системного регионального сотрудничества Беларуси и Китая были сделаны еще в 2002 году, когда был разработан План мероприятий по активизации белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества по линии Белорусской торгово-промышленной палаты и Китайского комитета по содействию международной торговле на 2003-2004 годы, который предусматривал закрепление конкретных китайских провинций за каждым из шести областных отделений БелТПП и установление прямых контактов региональных органов власти двух государств. Годом позже были подписаны соглашения о сотрудничестве областных отделений БелТПП и подкомитетов ККСМТ: Минского и провинции Гуандун, Брестского и провинции Юньнань, Гомельского и провинции Леонин, Гродненского и провинции Ганьсу, Могилевского и провинции Цзяньсу, Витебского и провинции Шаньдун.

Новые стратегические импульсы взаимодействию регионов Беларуси и Китая придало состоявшееся в ноябре 2005 года седьмое заседание Белорусско-Китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, на котором было отмечено, что налаживание масштабного регионального сотрудничества является существенным резервом активизации двусторонних торгово-экономических связей. В пользу такого вывода свидетельствовал тогда опыт российско-китайского и казахстанско-китайского межрегионального сотрудничества, ставшего в ту пору важнейшим фактором значительного увеличения взаимного товарооборота названных стран. В отношениях регионов Беларуси и Китая на тот момент каких-либо значимых успехов еще не наблюдалось. Таким образом стороны пришли к идее разработки долгосрочной программы участия белорусской стороны в освоении китайских западных регионов и восстановлении промышленной базы северо-восточных провинций, что нашло свое отражение в принятом Меморандуме седьмого заседания комиссии: «В области регионального сотрудничества – обеспечение расширения прямых контактов между регионами Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, как на уровне местных властей, так и деловых кругов»[8]. Это предусматривало поставку в китайские регионы белорусской сельскохозяйственной и дорожной техники, предоставление инженерных услуг, участие в модернизации станочного парка, создание совместных производств, развитие сервисной базы для белорусской техники.

Поставленные в середине первого десятилетия нового века масштабные задачи по развитию белорусско-китайского регионального сотрудничества резко ожи-

вили контакты сторон на уровне провинций и областей, городов и районов. Состоялись десятки визитов сторон друг к другу, по результатам которых был подписан целый ряд двусторонних документов – соглашений об установлении дружественных отношений, сотрудничестве, протоколы о намерениях взаимодействовать в сфере экономики, торговли, науки и техники, культуры, спорта, здравоохранения. В частности, побратимские отношения к сегодняшнему дню уже установили Брестская область и провинция Хубэй, Гродненская область и провинция Ганьсу, города Барановичи и Чиби, Брест и Сяогань, Гомель и Хуайань, Минск и Чанчунь, Могилев и Лоян, а также Заводской район Минска и район Цзиньчжоу в городе Далянь, Московский район Минска и район Лаошань в городе Циндао. Плюс к этому соглашения о сотрудничестве в торговой, экономической, научно-технической, гуманитарно-культурной и других сферах подписали Витебская область и провинция Хэйлунцзян, Минская область и город Чунцин, Минск и Пекин, Витебск и Харбин. А в Могилевской области после визита официальной делегации в провинции Хэнань и Цзянсу для организации работы по исполнению достигнутых в ходе визита договоренностей утвердили План мероприятий по активизации межрегиональных связей с данными провинциями в различных сферах деятельности.

Особенно активно региональное сотрудничество стало развиваться в научно-технической области, где Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь стал взаимодействовать с комитетами по науке и технологиям китайских городов Пекин, Тяньцзинь, Харбин, Шанхай, провинций Шаньдун, Хубэй, Хэнань, а также Нинся-Хуэйского автономного района. Существенно картину научно-технического и межвузовского взаимодействия регионов Беларуси и Китая дополнили договоры о сотрудничестве между Белорусским государственным университетом и Университетом науки и техники Чанчуна, Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины и Сюйчжоуского педагогического университета, Белорусского государственного университета транспорта с Национальной трибологической лабораторией университета Циньхуа, Нанкинским университетом науки и техники, Центральным южным университетом и Шанхайским университетом транспорта. Новые краски в палитру общей картины белорусско-китайского межрегионального сотрудничества внесли подписанные в 2007 году Соглашение о сотрудничестве между Административным комитетом зоны экономического развития города Хуайань и ГУ «Администрация СЭЗ «Гомель-Ратон» и Протокол о намерении сотрудничества между Гомельским отделением БелТПП и Хуайаньским отделением Китайской коммерческой палаты[9]. Все эти факты весьма красноречиво свидетельствуют о том, что «знакомства и обмен информацией во время взаимных визитов делегаций по линии городов-побратимов создают прочный фундамент общения, взаимопонимания между людьми наших стран, расширяют рамки и области сотрудничества»[10].

Насколько стремительно расширяются в последние годы рамки белорусско-китайского взаимодействия, можно судить и по следующим фактам. В марте 2010 года между двумя странами был заключен ряд важных соглашений, которые позволили приступить к проработке крупных проектов в кредитно-инвестиционной сфере. Общая сумма кредитной линии, предоставляемой Беларуси Китаем, – 15 миллиардов долларов. Это означает, что в ближайшие годы двустороннее белорусско-китайское сотрудничество поднимется на принципиально новую высоту, в том числе и на межрегиональном уровне.

В октябре 2010 года в Пекине открылось сборочное производство и сервисный центр совместного предприятия ООО АВИК – БелАЗ «Карьерные машины», учредителями которого выступили ОАО «БелАЗ» и корпорация «КАТИК Сэплай», входящая в состав Китайской корпорации авиационной промышленности. А в Беларуси успешно реализован проект по выпуску совместно с Китаем СВЧ-печей предприятием «Мидеа-Горизонт», учредителями которого стали ОАО «Горизонт» и китайская корпорация «Мидеа Групп», на долю которой приходится треть продаж микроволновок в мире.

Уже заключены кредитные соглашения по финансированию китайской стороной таких проектов в белорусских регионах, как электрификация участков железной дороги в Гомельской и Могилевской областях, строительство заводов по производству сульфатной беленой целлюлозы на базе ОАО «Светлогорский ЦБК», кальцинированной соды, индустриального домостроения, новых электростанций на Березовской и Лукомльской ГРЭС, гостиничного комплекса «Пекин» в Минске. А всего «сейчас на различных стадиях подготовки находится около 100 проектов» [11]. Все эти грандиозные планы развития белорусско-китайского взаимодействия убедительно показывают, что «взаимодействие с нашим дружественным Китаем для нас не просто стратегическое – это судьбоносное партнерство с мощнейшей мировой державой. Мы качественно продвинулись вперед в инвестиционном сотрудничестве. Выходим на реализацию уникальных для нашей экономики проектов. И будем наращивать эту работу» [12].

Очевидно, что духу таких стремительных изменений в наращивании белорусско-китайского взаимодействия в целом должна соответствовать и стратегия межрегионального сотрудничества Беларуси и Китая в частности. Но все ли делается для максимально эффективного использования возможностей регионов двух стран? Вопрос непростой. По мнению бывшего до недавнего времени Чрезвычайным и Полномочным Послом Беларуси в Китае, а ныне заместителя Премьер-министра Анатолия Тозика, региональное сотрудничество «эффективно и взаимовыгодно во всех сферах. Однако его потенциал до сих пор не используется. Хотя вся нормативно-правовая база для такого сотрудничества создана.<...> Но дальше подписанных бумаг и протокольных визитов, к сожалению, дело не идет. И во многом из-за отсутствия интереса с нашей стороны. Подтверждение этому – за четыре с половиной года моей работы в Китае здесь не был ни один наш губернатор» [13]. Думается, что проблема здесь – не только в количестве визитов, но и в состоянии медийного обеспечения белорусско-китайского регионального сотрудничества, которое сегодня располагает существенным неиспользованным потенциалом.

Еще в ходе уже упоминавшегося выше седьмого заседания межправительственной Белорусско-Китайской комиссии всестороннее информационное обеспечение двусторонних торгово-экономических отношений было названо существенным резервом повышения их эффективности, в связи с чем белорусская сторона посчитала целесообразным учреждение в сети Интернет веб-сайта Белорусско-Китайской комиссии, а также размещение информации комиссии на сайтах Министерства коммерции Китая, Посольства Беларуси в Пекине и, соответственно, Министерства торговли Беларуси и Посольства Китая в Минске.

Более полный и системный подход к вопросу медийного обеспечения белорусско-китайского взаимодействия намечен во вступившем в силу 5 декабря 2005 года Соглашении о сотрудничестве в области информации и печати между Мини-

стерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики, в котором стороны договорились «проводить регулярный обмен информацией, в том числе касающейся вопросов политической, экономической и культурной жизни обеих стран, через информационные агентства, печатные издания, средства телевидения и другие средства массовой информации» [14]. Содержится в данном документе также договоренность всемерно содействовать обмену информационными, в том числе новостными, материалами, бюллетенями и печатной продукцией.

В данном контексте особенно важным является развитие информационных обменов между региональными медиа взаимодействующих территориальных единиц Беларуси и Китая, так как, по крайней мере, в нашей республике «сегодня каждая местная газета – самое читаемое издание в своем регионе» [15]. А в условиях информационного общества не только государства и межправительственные организации должны вовлекаться в процессы принятия решений по тем или иным важнейшим проблемам регионального сотрудничества, но и средства массовой информации регионов Беларуси и Китая, которые должны быть гибким инструментом осмысления происходящих и ожидаемых событий. Ведь газеты не только сообщают новости каждый день, но и интерпретируют их. И чтение новостей в интерпретации прессы «позволяет увидеть мир в развитии, увидеть тенденции развития мира. Этот ежедневный мониторинг новостей включает нас в современное информационное пространство и заставляет нас задуматься над тем, куда идет мир» [16, с. 6].

Развитие масштабного белорусско-китайского регионального сотрудничества ведет к тому, что в него вовлекается все большее количество людей в обеих странах, которые начинают работать в режиме межнационального и даже межкультурного диалога, который, в свою очередь, предъявляет новые, особые требования к его участникам. И в этой связи одной из ключевых задач региональных медиа Беларуси и Китая становится воспитание культуры такого диалога в своих читателях, зрителях и слушателях. Ведь только совместная и скоординированная деятельность по созданию единого белорусско-китайского социокультурного и информационного пространства позволит успешно развивать взаимодействие на всех уровнях представителей таких разных локальных цивилизаций, какими являются китайская и восточнославянская. Инициаторами разработки конкретных творческих технологий в этом направлении могут и должны быть белорусские медиа, представители международного сегмента белорусской журналистики. Тем более, что «осуществление “многовекторной политики” в разных частях света соответствует белорусским традициям открытости плодотворному взаимодействию с другими общностями и современным объективным условиям в глобализирующемся мире» [17, с. 75].

Региональная журналистика по определению является не только своеобразным зеркалом, отражающим жизнь своих регионов, но и сильнодействующим катализатором, оказывающим преобразующее влияние на динамику их развития. Вот почему сегодня этому сегменту белорусских и китайских медиа особенно важно найти свое место в отношениях Беларуси и Китая, чтобы всемерно содействовать дальнейшему сближению народов двух стран и лучшему их взаимопониманию. «На смену сухим назиданиям на страницы региональной прессы должны придти живой диалог, плюрализм мнений, дискуссии, различные подходы к межрегиональному сотрудничеству» [18, с. 39]. Это объективное требование времени: местные СМИ должны становиться средством международного и межрегионального взаимопонимания не

только в Беларуси, но и в странах-партнерах. Пока же в постановке вопросов взаимодействия регионов Беларуси и Китая они находятся еще в самом начале пути. И чтобы соответствовать современному уровню поставленных задач по развитию стратегического партнерства между нашими странами, они должны: во-первых, значительно усилить со своей стороны внимание к освещению конкретных вопросов регионального сотрудничества; во-вторых, объединить усилия по информационному сопровождению ставшего реальностью масштабного взаимодействия конкретных территорий двух стран.

Для решения этой задачи в нынешних условиях целесообразно в развитие существующего Соглашения о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики разработать Программу межрегионального взаимодействия в сфере информационной политики и средств массовой информации, стержневым элементом которой могло бы стать юридически оформленное и закрепленное в рамках как уже существующего, так и еще намечающегося белорусско-китайского движения породнения и побратимского взаимодействия областей, городов и районов, сотрудничество региональных средств массовой информации. Такое партнерство СМИ могло бы выражаться в виде регулярных публикаций «совместных подборок, страниц, номеров, выпусков, посвященных реализации конкретных совместных проектов в торгово-экономической, научно-технической, образовательно-социальной, спортивно-туристической и других областях» [19, с. 15]. В силу того, что «в дальнейшем важным фактором активизации двусторонних торгово-экономических отношений должна стать работа совместных предприятий как на территории Беларуси, так и на территории Китая, а также расширение сотрудничества на уровне регионов» [20], такая программа могла бы стать необходимым координирующим звеном в налаживании тесного творческого сотрудничества между региональными белорусскими и китайскими медиа, потенциал которого только начинает осваиваться журналистами местных изданий двух стран и содержит в себе огромные возможности.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://www.mod.mil.by/koncep.html> Дата доступа: 09.11.2011.
2. Приоритеты и направления внешнеполитической деятельности [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: president.gov.by/press46194.html#doc Дата доступа: 08.11.2011.
3. Беларусь и страны Азии и Африки [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: www.mfa.gov.by/bilateral/asia_africa/ Дата доступа: 08.11.2011.
4. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t225267.htm Дата доступа: 08.11.2011.
5. Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://law.sb.by/1002/> Дата доступа: 10.11.2011.
6. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации // П.Г.Никитенко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 621с.

7. Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между местными исполнительными и распорядительными органами Республики Беларусь и местными правительствами Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: http://www.belaruschina.by/ru/belarus_china/legal.html Дата доступа: 09.11.2011.

8. 7 заседание Белорусско-Китайской комиссии [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: http://www.belaruschina.by/ru/committee/meeting/seventh_meeting.html Дата доступа: 08.11.2011.

9. Белорусско-китайское региональное сотрудничество и побратимские связи [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: www.china.belembassy.org/rus/relations/regional/ Дата доступа: 08.11.2011.

10. Гуйчэн, Л. Курс – на партнерство малых и средних предприятий // Л.Гуйчэн / Союз предпринимателей. – 2009. – 4 ноября.

11. 11 октября Александр Лукашенко встретился с Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://president.gov.by/press80125.html> Дата доступа: 09.11.2011.

12. Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь. Доклад Президента А.Г.Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании // СБ – Беларусь сегодня. – 2010. – 7 дек.

13. Тозик, А. Отношения развиваются системно и динамично // А.Тозик / Республика. – 2010. – 9 окт.

14. Соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: <http://www.pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd0047.html> Дата доступа: 09.11.2011.

15. Пролесковский, О. Информационное пространство Беларуси: реалии и перспективы [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/conference/i_152.html Дата доступа: 09.11.2011.

16. Засурский, Я.Н. Колонка редактора: Новая динамика развития газеты // Я.Засурский / Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. Май-июнь, № 3. С.5-11.

17. Бертош, А.Н. О перспективах белорусской национальной идентичности в эпоху глобализации // А.Бертош / Цивилизационная идентичность в эпоху глобализации: международная молодежная научная конференция (10 марта 2011 г., Минск) / Национальная библиотека Беларуси. – Минск, 2011. – 304 с.

18. Овсепьян, Р.П. Многонациональная печать новой России (некоторые аспекты функционирования) // Р.Овсепьян / Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. Май-июнь, № 3. С.39-51.

19. Залесский, Б.Л. Интеграционный потенциал региональной прессы Союзного государства Беларуси и России // Б.Залесский / Экономика и управление. 2011. № 11. Ноябрь. С.12-15.

20. 19 сентября Александр Лукашенко встретился с Председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: www.president.gov.by/press129303.html#doc Дата доступа: 08.11.2011.

Одериша В. В.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории,
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка*

К ВОПРОСУ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И КНР

Парадокс истории в том, что Израиль, был первым государством Ближнего Востока, официально признавшим в 1950 г. Китайскую Народную Республику (КНР), и он же, последним из государств региона, установил с ней дипломатические отношения. От взаимного признания Израиля и КНР до установления дипломатических отношений прошло более 40 лет – беспрецедентный случай в истории международных отношений.

На момент провозглашения КНР, у неё не имелось сколь-нибудь значительных экономических или политических интересов в регионе Ближнего Востока. В то же время, руководство нового Китая было крайне заинтересовано в установлении отношений с государствами региона, исходя, в первую очередь, из необходимости своей легитимизации на международной арене, прорыва навязанной США внешне-политической изоляции КНР: так, до 1971 г. место Китая в ООН было занято представителем Китайской Республики (КР), свергнутого ещё в 1949 г.

За первые полгода существования КНР, помимо стран советского блока, она была признана только несколькими азиатскими и 3 несоциалистическими европейскими странами. Вот почему китайское правительство придавало большое значение любым новым международным контактам, придерживаясь прагматичной линии во внешней политике. Еще до официального провозглашения КНР, руководство китайской компартии объявило о готовности установить дипломатические отношения с любым государством, которое прекратит связи с правительством КР и займёт дружественную по отношению к КНР позицию.

Что касается правящих режимов Ближнего Востока начала 1950-х гг., в большинстве своем они проводили прозападную, антикоммунистическую политику. Так 13 января 1950 г. представитель Египта в Совете Безопасности ООН голосовал против советского предложения исключить КР из ООН и передать его права. Несколько позже, 20 августа 1950 г. Политический совет Лиги Арабских Государств (ЛАГ) официально принял решение признавать в качестве законного представителя Китая правительство Китайской Республики.

Что касается Израиля, то у руководства КНР на момент провозглашения не было к нему каких-либо претензий. Наоборот, в глазах китайского руководства, создание Государства Израиль стало результатом национально-освободительной борьбы еврейского народа против британского колониализма. Арабские режимы того времени рассматривались руководством КНР как «реакционные». Отчасти это было результатом следования в то время внешнеполитической линии СССР, который на первых порах поддержал идею раздела Палестины и создания Израиля.

Кроме того, и это следует особо подчеркнуть, в Китае никогда не было предубеждения против евреев и антисемитизма. Во-первых, не было собственно китайских еврейских общин, а члены крупных еврейских общин, что существовали к 1949 г. в иностранных селттельментах в Харбине, Тяньцзине и Шанхае, не выделялись китайцами от общей массы иностранцев. Поэтому перспектива установления

дипломатических отношений с Израилем не вызывала у китайского руководства никакого отторжения .

9 января 1950 г. министр иностранных дел Израиля Моше Шаретт направил министру иностранных дел КНР Чжоу Эньлаю телеграмму следующего содержания: «Имею честь информировать Ваше Превосходительство о том, что Правительство Израиля приняло решение признать Ваше Правительство де-юре правительством Китая. С радостью пользуюсь возможностью выразить Вашему Превосходительству от Моего Правительства искренние надежды на процветание Китайского народа, также как и мои самые лучшие пожелания» [5, с. 21]. В ответной телеграмме 16 января, Чжоу Эньлай передал «дружеский привет и пожелания процветания Израилю» [3, с. 83].

Израильское правительство официально разорвало дипломатические отношения с КР. Тем не менее, несмотря на взаимное признание, полноценные дипломатические отношения между двумя странами не были установлены. По мнению современных израильских историков, руководство Израиля сделало в начале 1950-х гг. всё для установления полноценных отношений между двумя странами. Однако факты заставляют в этом усомниться. Нет сомнений, что израильское руководство в начале 1950-х гг. оказалось перед непростым выбором: наряду с ухудшением советско-израильских отношений, молодое еврейское государство попало в сильную зависимость от помощи США. Судя по всему, правительство Израиля было заинтересовано в развитии связей с Китаем, но ему приходилось лавировать, чтобы не вызывать недовольства США.

В конце января 1950 г. израильский МИД проинформировал своё посольство в Москве, что у правительства, по причине финансовых затруднений, нет намерения открывать представительство в Пекине, и что предполагается использовать израильское посольство в Советском Союзе для осуществления дипломатических контактов с КНР [5, с. 23].

Что касается китайской стороны, то ею были предприняты несколько попыток прямых контактов с израильскими дипломатами, главным образом, через посольство Израиля в СССР. В июне 1950 г. посол КНР посетил израильское посольство в Москве, где имел разговор с послом Израиля. Как информировал своё правительство израильский посол в телеграмме от 20 июня 1950 г. китайский дипломат поинтересовался «планирует ли Израиль направить к ним дипломатическую миссию... Я ответил... что проблема главным образом финансовая, и что мы в высшей степени заинтересованы в поддержании тесных контактов с Народным Китаем» [3, с. 83—84]. Этот факт свидетельствовал о серьёзности намерений руководства КНР установить дипломатические отношения с Израилем. Не вызывает и сомнений, что этот шаг был согласован с советским руководством.

В ответ на телеграмму посла, он был проинформирован, что «Правительство решило в принципе установить дипломатические отношения с Народным Китаем, но ничего не будет сделано в этом направлении вплоть до прояснения ситуации на Дальнем Востоке» [5, с. 23].

В целом же, отношение Израиля к КНР носило дружественный характер. 19 сентября 1950 г., на Генассамблее ООН, Израиль проголосовал за лишение КР места в ООН и передаче его КНР. Две недели спустя израильский посол посетил приём, организованный китайским посольством в Москве по случаю первой годовщины провозглашения КНР.

В этой связи не имело серьёзных последствий голосование 1 февраля 1951 г. израильского представителя в ООН за резолюцию, осуждающего КНР как агрессора в Корее. Китайское правительство довольно спокойно восприняло тот факт, что за резолюцию голосовал ряд государств, уже официально признавших КНР, и не стало предпринимать по этому поводу серьёзных демаршей и даже постарались дать этому как можно более мягкое объяснение. «Даже те страны, которые голосовали за клеветническую резолюцию, поддержали американскую гибельную авантюру не от чистого сердца. Это было сделано под беспрецедентным давлением – открытой угрозой и скрытыми посулами – вот так они провели резолюцию» [5, с. 24].

Также не сказалось на израильско-китайских отношениях голосование Израиля 18 мая 1951 г. за резолюцию, вводившую против КНР экономические санкции за её действия в Корее. В октябре 1951 г. израильский министр, в сове телеграмме на имя Чжоу Энляя поздравил его со второй годовщиной провозглашения КНР: «Имею честь передать Вашему Превосходительству, Правительству и народу Китайской Народной Республики поздравления и самые лучшие пожелания от моего имени, от имени Правительства и народа Израиля по случаю годовщины основания Китайской Народной Республики» [5, с. 24]. Кроме того, 6 ноября 1951 г. и 25 октября 1952 г. израильский представитель в ООН голосовал против американской резолюции о том, чтобы отложить обсуждение вопроса о представительстве КНР в ООН.

Определённое охлаждение между КНР и Израилем имело место в конце 1952 – начале 1953 гг., и совпало с ухудшением отношений между Израилем и СССР – наивысшей точкой которого стал отзыв в мае 1953 г. советского посла из Израиля. Нет сомнений, что КНР, находясь в тот момент в сильной зависимости от Советского Союза, пошёл на ухудшение отношений с Израилем под давление советского руководства. Именно в это время в китайской печати впервые появились статьи, критикующие сионизм и политику Израиля.

Скорее всего, это объясняет некоторые изменения политики Израиля в отношении Китая. 15 сентября 1953 г. израильский представитель впервые воздержался при голосовании по вопросу статуса КНР в ООН – позиция, которой Израиль (за несколькими исключениями) будет придерживаться до 1965 г.

Тем не менее, в конце 1953 г. китайское внешнеполитическое ведомство приняло шаги по возобновлению диалога с Израилем. Встречи между китайскими и израильскими дипломатами, в основном по китайской инициативе, состоялись в Москве, Хельсинки и Лондоне. Наиболее плодотворный диалог состоялся в Рангуне (теперь – Янгон) Бирма (теперь – Мьянма) между китайским послом в Бирме Яо Чжунмином и израильским послом Давидом Хакоэном. В ходе встречи, китайский посол официально проинформировал израильского дипломата о том, что правительство Китая приветствует открытие израильской миссии в Бирме, и в частности поинтересовался, рассматривает ли Израиль возможность «более тесных связей с Пекином» [3, с. 84]. В январе 1954 г. китайская сторона проинформировала Хакоэна о том, что она надеется на установление торговых отношений с Израилем и хотела бы знать о товарах, в которых израильская сторона заинтересована.

Китайские усилия были поддержаны советской стороной. 19 января 1954 г. советский посол в Бирме, в частной беседе, порекомендовал Хакоэну оказать воздействие на своё правительство с целью развивать торговые связи с КНР.

На дипломатическом приёме в Рангуне 29 июня 1954 г. Яо Чжоумин представил Хакоэна Чжоу Энляю, который находился в Рангуне по пути домой из своего

первого визита по странам Африки. Китайский премьер заверил израильского посла в заинтересованности КНР в торговле с Израилем, и выразил надежду, что скоро увидит своего собеседника в Пекине.

14 сентября 1954 г. израильское правительство получило официальное приглашение от МИДа КНР прислать делегацию для обсуждения вопросов взаимной торговли, а также других вопросов, «касающихся двух дружественных стран» [3, с. 26]. Несколько дней спустя, на I сессии Национального Народного Конгресса 23 сентября 1954 г. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай сказал: «Предпринимаются контакты по установлению нормальных отношений между Китаем и Афганистаном, также как и между Китаем и Израилем» [3, с. 84].

Все это происходило в условиях всё более неблагоприятных для развития китайско-израильских отношений. В то время как в израильское руководство склонялось к расширению связей, китайское, наоборот, проявляло всё большие колебания. Это можно объяснить тем, что к 1955 г. для КНР наметилась гораздо более перспектива нормализации отношений с арабскими странами, что было гораздо более важно в плане прорыва внешнеполитической изоляции.

Кроме того, в позиции Израйля в ООН наметились определённые изменения. За три дня до официального приглашения Китаем израильской торговой делегации, израильский представитель в ООН впервые проголосовал за то, чтобы отложить обсуждение в ООН китайского вопроса. После речи Чжоу Эньлая израильское правительство постаралось сгладить неловкую ситуацию: в ноте израильского МИДа, которая была передана через посольство в Рангуне, утверждалось, что данное голосование – результат недоразумения, и что посол голосовал вопреки инструкциям израильского правительства [5, с. 26]. Неделями позже, израильский премьер-министр поздравил Чжоу Эньлая с пятой годовщиной создания КНР.

В ноябре, когда израильское правительство приняло окончательное решение об отправке делегации, её члены были проинструктированы вести переговоры только о вопросах, непосредственно связанных с организацией торговли, не поднимая вопроса установления дипломатических отношений. В случае, если китайская сторона бы подняла этот вопрос, предполагалось ответить утвердительно, но в неопределённых выражениях [5, с. 26].

С 28 января по 21 февраля израильская торговая делегация во главе с послом Хакоэном находилась в КНР. В её состав входили представители израильского бизнеса, включая директора департамента Азии израильского МИДа. Внешне визит проходил в благожелательной атмосфере, китайские представители на переговорах подчёркивали, что «Китайский народ и его правительство – добрые друзья Израйлю и еврейскому народу» [3, с. 85]. Замминистра торговли КНР проявил интерес к покупке в Израйле самого широкого спектра товаров: химикатов, удобрений, запчастей, грузовиков, промышленных алмазов, покрышек, стоматологического оборудования, причём в «больших количествах» [3, с. 85]. Обсуждался и вопрос установления дипломатических отношений между двумя странами, причём китайская сторона проявила явную заинтересованность в данном вопросе. Так она даже предложила предоставить бесплатно помещение в Пекине для израильского представительства в качестве компенсации за еврейскую собственность, национализированную в Шанхае [5, с. 26]. По итогам визита был подписан совместный израильско-китайский протокол из 5 пунктов, в котором говорилось о желании двух стран установить торговые отношения. Вплоть до 1990 г. протокол оставался единственным совместным израильско-китайским документом.

Несмотря на внешне дружественный приём, чувствовалась некоторая скованность с китайской стороны. Израильских представителей встречали чиновники в ранге заместителей, ни один из высших руководителей КНР их не принял. В официальных китайских СМИ про визит практически не упоминалось, а в то время, в условиях американской блокады, любые визиты из-за рубежа в КНР подробно освещались в китайской прессе. На то были серьёзные причины.

Охлаждение руководства КНР к идее установления прямых официальных отношений с Израилем не было вызвано какой-либо его враждебностью по отношению к нему. Не обоснованы утверждения, что КНР пыталась как-то использовать в своих интересах арабо-израильский конфликт. Судя по всему, лидеры КНР стремились на первых порах сохранить беспристрастность в арабо-израильском конфликте, но обстоятельства поставили их перед необходимостью выбора.

Колебания правительства КНР были вызваны ситуацией, сложившейся вокруг предстоящей конференцией Афро-Азиатских государств в Бандунге (Индонезия). В декабре 1954 г. в Богоре (Индонезия) состоялась вторая встреча Держав Коломбо, посвященная организационным вопросам, предстоящего саммита в Бандунге. Острые дискуссии вызвал вопрос списка приглашенных на конференцию стран. 20 декабря Генеральный секретарь Лиги Арабских Государств (ЛАГ) представил организаторам конференции записку, в которой, среди прочего, говорилось: «Политика арабских государств состоит в том, чтобы не принимать участие в какой-либо региональной конференции, где представлен Израиль. У арабских государств нет каких-либо сомнений, что Израиль не будет приглашён на эту конференцию и не будет в ней участвовать» [5, с. 51].

В начале апреля 1955 г. Китай на Конференции азиатских стран в Нью-Дели впервые поддержал резолюцию в поддержку палестинцев, в которой содержалось осуждение Израиля. Резолюция была выдержана в гораздо более резком тоне, чем принятая позже в том же месяце резолюция Бандунгской конференции по этому вопросу. Впрочем поддержка резолюции вовсе не означала, что КНР встало на откровенно враждебные позиции по отношению к Государству Израиль. Так, председатель Китайской делегации на конференции Го Можо настаивал, чтобы все международные проблемы, в том числе и ближневосточные, должны решаться на основе "Пяти принципов мирного сосуществования" [5, с. 52].

На состоявшейся 18—24 апреля 1955 г. Бандунгской конференции из 24 представленных на ней стран, 18 к моменту проведения конференции не имели дипломатических отношений с КНР. Возможность нормализации отношений сразу с большим количеством государств значило для Китая гораздо больше в деле выхода из состояния международной изоляции, нежели с одним Израилем. Поэтому руководство КНР сделало окончательный выбор в пользу налаживания отношений с арабскими государствами.

В ходе конференции, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай встречался с руководителем Египта Г.А. Насером и заместителем генерального секретаря ЛАГ Ахмедом Шукейри (с 1964 г. — председатель Организации освобождения Палестины). 19 апреля 1955 г., в своём выступлении на конференции, китайский премьер подчеркнул, что «проблема арабских беженцев в Палестине всё ещё нуждается в разрешении» [5, с. 53]. Вместе с тем, переход китайской стороны на антиизраильские позиции на первых порах носил достаточно осторожный характер. Китайские СМИ поначалу избегали прямых обвинений в адрес Израиля, критикуя прежде всего политику западных держав на Ближнем Востоке.

Не смогли переломить ситуацию и запоздалые попытки Израиля начать переговоры об установлении китайско-израильских дипломатических отношений. 3 апреля 1955 г. министр иностранных дел Израиля направил в МИД КНР официальное приглашение для китайской торговой делегации. Хотя в ноте израильского МИДа и не упоминалось об установлении официальных отношений между двумя странами, посол Хакоэн был проинструктирован довести до китайского посла в Бирме желание Израиля установить с КНР дипломатические отношения. 29 апреля 1955 г. последовало формальное обращение израильского министра иностранных дел Д. Левина к Чжоу Энляо о том, что Израильское правительство "желает установить полные дипломатические отношения с правительством КНР в как можно более близкий удобный момент" [3, с. 85]. Однако только 21 мая 1955 г. Глава Азиатского отдела МИД КНР в вежливо, но в весьма неопределённых словах сообщил израильскую сторону, что о её предложении доложено правительству КНР.

В июле 1955 г. в Китай прибыл с частным визитом посол Израиля в СССР, был принят ректором Китайского народного университета международных отношений и заместителем министра иностранных дел КНР. Оба беседовали с израильским представителем в весьма благожелательном духе, показав хорошую информированность в израильских делах. Но когда был поднят вопрос дипломатических отношений, оба китайских собеседника ответили, что время ещё не созрело для таких отношений, добавив, что сотрудничество должно быть продолжено в различных областях, и очень скоро, возможно, придет время для установления дипломатических отношений [5, с. 56].

Между тем, в июле 1956 г. впервые в китайской печати появились публикации, критиковавшие сионизм. Незадолго до этого, были установлены дипломатические отношения между КНР и Египтом (16 мая 1956 г.), а вскоре ещё с несколькими арабскими странами.

В период Суэцкого кризиса осенью 1956 г. КНР заняло однозначно проарабскую позицию. Впервые в официальных заявлениях китайских руководителей Израиль был назван «инструментом империалистической агрессии» [5, с. 58]. Тем не менее, в апреле-мае 1957 г., по приглашению Всекитайской студенческой федерации, КНР посетила группа израильских студентов.

В ноябре 1957 г. довольно курьёзный эпизод произошёл на Совещании лидеров коммунистических партий в Москве. Генеральный секретарь израильской компартии Шмуэль Микунис, в ходе встречи с Мао Цзэдуном, попросил последнего похлопотать перед Н.С. Хрущёвым о возрождении еврейской культуры в СССР [4, с. 90].

Дальнейшее ухудшение китайско-израильских отношений, вплоть до полного замораживания каких-либо прямых контактов относится к концу 1950-х – началу 1960-х гг. В это время руководство КНР во внешней политике взяло курс на поддержку революционных движений в странах «Третьего мира». В частности, это выразилось в поддержке борьбы палестинцев против Израиля. В январе 1965 г. КНР официально признало Организацию освобождения Палестины (ООП), в Пекине было открыто её представительство. Когда в марте 1965 г. председатель ООП Ахмед Шукейри прибыл с визитом КНР, его принимали по разряду руководителей государств, он был принят всеми высшими руководителями КНР: Мао Цзэдуном, Чжоу Энляем, Лю Шаоци [2, с. 44]. Мао Цзэдун заверил Шукейри, что КНР «никогда не сможет признать Израиль, потому что он – база для американских, британских, французских и западногерманских империалистов» [3, с. 118].

К этому времени руководство КНР заняло откровенно враждебную по отношению к Израилю позицию, что выразилось не только в устной, но и практической – поставками оружия, поддержке ООП. В 1965—1969 гг. ООП получило от Китая оружия на 5 млн. долларов [3, с. 119]. При этом правительства арабских стран критиковались как в китайской прессе, так и на официальном уровне за недостаточно решительную позицию по отношению к Израилю. Решения Хартумской встречи 1967 г. критиковались в КНР как «недостаточно революционные». КНР не одобрила принятие Г.А. Насером в июне 1970 г. плана Роджерса по ближневосточному урегулированию и августовское 1970 г. соглашение о прекращении огня в зоне Суэцкого канала.

Израиль, в эти годы, в свою очередь, развивал сотрудничество с властями Китайской Республики на Тайване. В частности, в 1970-х гг. он передал Тайваню технологии по производству американских тактических ракет [1, с. 19].

С восстановлением в 1971 г. членства КНР в ООН, и последующая нормализация отношений с ведущими западными державами, способствовали смягчению позиции Китая в ближневосточном вопросе. При сохранении антиизраильской риторики, с 1973 поддержка КНР ООП носила скорее словесный характер [2, с. 47].

После смерти в сентябре 1976 г. Мао Цзэдуна и приходу к руководству КНР прагматиков во главе с Дэн Сяопином, наметилась перспектива постепенной нормализации израильско-китайских отношений.

Так, в частных беседах с западными дипломатами, китайские официальные лица положительно отзывались о египетско-израильском мирном диалоге, хотя и воздержались от их поддержки на официальном уровне. В 1979 г. руководство КНР отказалось осудить Кэмп-Дэвидские соглашения, посоветовав ООП «принять практические шаги и соединять принципиальную позицию с гибкой стратегией» [3, с. 168].

Хотя во второй половине 1970-х гг. в китайской прессе ещё говорилось об Израиле как «искусственном образовании» империализма и «кинжале в сердце арабского мира», неофициальные контакты между двумя государствами начинают налаживаться.

В первую очередь, китайско-израильские контакты имели место даже в 1960-е гг., в первую очередь, через Сянган, где до 1975 г. действовало израильское консульство (вновь открыто в 1985 г.). Так в 1974 г. 6.5% израильского экспорта приходилось на Сянган [3, с. 170]. Нет сомнения, что значительная его часть уходила в КНР.

В марте 1978 г. официальное издание КПК газета «Жэньминь жибао» заявило о возможности признания Китаем Израиля, если тот откажется от политики агрессии и экспансионизма. В июне 1978 г. министр иностранных дел КНР Хуан Хуа тайно встречался с израильским министром обороны Эзером Вейцманом в Швейцарии.

Важное значение в поиске точек соприкосновения обеих стран имели контакты в военной сфере. На Парижском авиасалоне в июне 1975 г. китайские представители впервые проявили открытый интерес к израильскому истребителю «Кфир». В 1978 на выставке вооружений в Швейцарии, китайские и израильские представители обсуждали сотрудничество в военной сфере, после чего международный торговец оружием Шауль Эйзенберг организовал в марте 1979 г. тайный визит в КНР группы израильских официальных лиц с целью инициировать «экономические и культурные связи». Месяц спустя эта история всплыла на страницах газеты «Гаарец».

С этого времени Израиль сворачивает военное сотрудничество с Тайванем, в частности, в 1978 г., отказался от продажи Тайваню истребителей «Кфир».

В апреле 1979 г. Хуан Хуа на встрече с членами комитета по иностранным делам Сената США заявил, что Китай с пониманием относится к нужде Израиля в безопасности и не желает, чтобы еврейское государство «было сброшено в море» [3, с. 172].

В январе 1981 г. ответственный сотрудник Секретариата ООН от КНР, посетил Израиль, формально в составе миссии ООН с инспекцией миротворцев ООН, неофициально имел встречи с официальными лицами Израиля.

Вместе с тем, китайская сторона старалась на первых порах как можно меньше афишировать свои контакты с Израилем в военной сфере. В марте 1981 г. китайское правительство выступило с заявлением, что оно «не имеет никаких дел с Израилем, поскольку он оккупирует арабские территории»; утверждения, что он покупает оружие у Израиля были названы фальшивкой [3, с. 235].

В начале 1985 г. китайская делегация в области сельского хозяйства посетила Израиль, как результат в июне 1985 г. группа израильских бизнесменов посетила КНР, подписав ряд контрактов.

В апреле 1986 г. имела место тайная встреча главы офиса премьер-министра Израиля Абрахама Тамира с китайскими представителями в Париже. В марте 1987 г. А.Тамир, уже в качестве генерального директора МИД Израиля, встречался с главой китайской делегации в ООН Ли Луе.

В декабре 1989 г., в ходе визита в Египет, председатель КНР Ян Шанкунь официально признал, что Китай поддерживает неофициальные научные и культурные связи с Израилем. В феврале 1990 г. было открыто бюро туристического агентства КНР в Тель-Авиве, а июне того же года в Пекине открылось бюро по связям Израильской Академии Наук, чей персонал включал отставных сотрудников МИД Израиля. Вскоре бюро возглавил Зеев Сифотт – отставной израильский посол.

В марте 1991 г. Израиль посетил глава Департамента Западной Азии МИД КНР, бывший посол в Сирии. Ответный визит Реувена Мерхава, генерального директора МИД Израиля, бывшего генерального консула в Сянгане.

В ноябре 1991 г. министр обороны Израиля Моше Аренс посетил Пекин, где среди прочих вопросов обсуждал проблему продажи Китаю оружия некоторым, на взгляд израильского руководства, радикальным арабским режимам. В декабре 1991 заместитель министра иностранных дел КНР Ян Фучан посетил Израиль.

Официальные дипломатические отношения между Израилем и КНР были установлены 24 января 1992 г. в ходе визита в КНР министра иностранных дел Израиля Давида Леви. Обе страны договорились развивать отношения на основе «Пяти принципов мирного сосуществования», Израиль признал правительство КНР как «единственное законное правительство, представляющее весь Китай», а Тайвань его неотъемлемой частью.

Литература

1. Goldstein J. The Republic of China and Israel // China and Israel, 1949—1998: a fifty year retrospective / ed. by Jonathan Goldstein.— Westpoint, Conn.: Praeger, 1999.—P.1—35.
2. Haddad W.W., Foeldy-Hardy M. Chinese – Palestinian relations // China and the Middle East: the quest for influence / ed. by Kumaraswamy.— New Delhi; Thousand Oaks (Calif): Sage Publications, 1999.— P.42—51.

3. Harris. L.C. China considers the Middle East. — London: I.B. Tauris, 1993.
4. Shai A. The Israeli Communist Party's Policy toward the People's Republic of China, 1949—1998 // China and Israel, 1949—1998: a fifty year retrospective / ed. by Jonathan Goldstein.— Westpoint, Conn.: Praeger, 1999.—P.83—94.
5. Shichor Y. The Middle East in China's foreign policy, 1949—1977. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979.

Литвиновский И. А.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,

Белорусский государственный университет

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ — КИТАЙ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ

Начало XX в. явилось чрезвычайно сложным и весьма беспокойным периодом для двух крупнейших держав мира – России и Китая. Для России столетие началось с революционных событий 1905 – 1907 гг., войны с Японией, первой в истории человечества мировой войны, двух революций в 1917 г.

В Китае набирает силу революционное движение за освобождение страны от маньчжурского владычества. Выдающаяся роль в нем принадлежала Сунь Ятсену. Осенью 1911 г. мощный социально-политический взрыв уничтожил Цинскую империю. 1 января 1912 г. Китай впервые в своей истории становится республикой. Сунь Ятсен приносит президентскую присягу и формирует правительство [1, с. 370]. Революция победила в последних числах 1911 г., года синьхай по традиционному китайскому календарю, и поэтому получила название Синьхайской. Ее победа была достигнута согласованными действиями разнородных социально-политических сил китайской нации, благодаря сплочению их в единый фронт. Но после победы оказалось, что революционные демократы во главе с Сунь Ятсеном, сыгравшие решающую роль в Синьхайской революции, а также их программа «государственного социализма» еще не имеют массовой социальной базы в стране.

С другой стороны, попытки наиболее реакционных сил Китая восстановить монархию привели к гражданской войне 1916 г. Страна на многие годы погрузилась в пучину политической неразберихи. В условиях резкого ослабления центральной власти активизируются центробежные силы. Наиболее влиятельные политические лидеры, группы местных бюрократов, особенно военачальники, используют ситуацию для утверждения своей бесконтрольной власти на местах, в провинциях, путем создания так называемых милитаристских режимов. Их социальная природа была предельно проста. Опираясь на армию, они удерживали власть в определенном районе, что давало им возможность собирать налоги и использовать полученные средства для личного обогащения и содержания войск. Иными словами, это были паразитические военно-бюрократические режимы. Соперничество милитаристов между собой давало возможность западным государствам и Японии использовать их для расширения своего влияния в Китае. На многие годы распри между милитаристами, вооруженные столкновения между ними стали неотъемлемой чертой политической жизни Китая, усугублявшей раздробленность страны, ее децентрализацию.

Победа Октябрьской революции в России оказала огромное влияние на Китай. Растет идейно-политическая активность сторонников революционных преобразований в стране. С осени 1919 г. по инициативе Сунь Ятсена начинается длительный и сложный процесс превращения партии Гоминьдан в ведущую политическую силу в стране. Южная провинция Гуандун превращается в базу революционных сил, оплот объединительного военного похода на север. В союзе с советской Россией Сунь Ятсен видел важный фактор успеха революционного движения в Китае, объединения страны и ликвидации ее полуколониального статуса. Опираясь на помощь Коминтерна в июле 1921 г. создается Коммунистическая партия Китая [1, с. 436].

Советское правительство уже в первых своих документах заявило о приверженности новым принципам в осуществлении международной политики. Оно отказывалось от тайной дипломатии и неравноправных договоров, заключенных прежними правительствами России. «Тайную дипломатию правительство отменяет, – говорилось в Декрете о мире, первом внешнеполитическом документе новой власти, – со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов... Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененными» [2, с. 34].

В документе, принятом 8 ноября 1917 г. Вторым Всероссийским съездом Советов, выражается также поддержка борьбе народов колониальных и зависимых стран за независимость. В этой связи в Декрете о мире, наряду с решительным осуждением аннексии, четко определяется, что это есть насильственное владение чужой территорией: «под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает... всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности...» [2, с. 33]. В декрете также декларировались такие важные положения, как полный отказ от всяких форм агрессии, принцип самоопределения наций, идея равенства больших и малых народов.

В инструкции Наркомата по иностранным делам РСФСР, направленной в феврале 1918 г. международным отделам краевых советов, подчеркивалась важность «в отношении к соседним народам... руководствоваться принципами, изложенными в Декрете о мире...». Что же касается Китая, в инструкции отмечалась сложность ситуации в стране, по существу охваченной пламенем гражданской войны, где «...нынешнее Пекинское правительство... ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного севера народом Южного Китая...» [2, с. 37].

Внешнеполитические документы новой власти в России, принятые уже в первые дни существования советского государства были нацелены на формирование равноправных добрососедских отношений между государствами. В этом плане были начаты переговоры и с китайским посланником в Петрограде Лю Цзинжэнем.

Пекинскому правительству, формально считавшемуся правительством Китайской Республики (в это время в Китае существовало два правительства Севера и Юга Китая, в Пекине и Гуанчжоу (Кантоне)), было предложено вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех, касающихся Китая, соглашений России с Японией с 1907 по 1916 годы. При этом советское правительство заявило о возвращении китайскому народу всего, что было отнято у него царским правительством самостоятельно, либо совместно с другими державами.

Все документы, касающиеся строительства внешней политики советского государства, доводились до сведения Китая. С первых дней после взятия власти правительством большевиков прилагало немало усилий для установления контактов с китайской стороной. Эти усилия предпринимались как в Петрограде, так и в Пекине. С китайским посланником в российской столице Лю Цзинжэнем недавно созданный Народный комиссариат иностранных дел вступил в переговоры уже в ноябре 1917 г. Следует отметить, что китайские дипломаты в Петрограде были в числе первых иностранных представителей в России, кто вступил в переговоры с советской властью.

На переговорах обсуждались совместные предложения о выработке общего договора с Китаем, где была бы зафиксирована ликвидация ранее существовавших неравноправных отношений между странами [3, с. 317].

Одновременно Совет Народных Комиссаров предпринимал шаги по созданию дипломатического представительства новой России в Китае. После отказа (Петроград не получил ответа) руководства российской дипломатии в Пекине «проводить ту международную политику, которая преуказана Съездом Советов» Наркоминдел в декабре 1917 г. освободил от выполнения должностных обязанностей царского посланника в Китае Кудашева и других дипломатов. Новым представителем России в Китае стал А.Н. Вознесенский – в прошлом вице-консул в Шанхае, уволенный в свое время царским правительством за политические взгляды, не совпадавшие с линией правительства [3, с. 317 – 318].

Переговоры в Петрограде были достаточно продуктивными. По отзывам китайских дипломатов, «была разработана стройная политическая программа тесного сближения между Русской и Китайской демократиями».

В январе 1918 г. в переговорный процесс был включен вопрос «об упорядочении КВЖД» с целью решения проблем, связанных с восстановлением нормальной работы дороги.

Некоторое время у пекинского правительства были намерения использовать Советскую Россию для укрепления национальных интересов Китая и это влияло на позицию китайских дипломатов [3, с. 318, 326, 330]. Однако, вскоре после начала в Петрограде советско-китайских переговоров на китайскую сторону стало оказываться давление, исходящее от дипломатов стран Антанты. Это имело место как в Петрограде, так и в Пекине. Наиболее серьезной акцией была нота Франции, врученная китайскому правительству 5 марта 1918 г. В ней, в частности, отмечалось, например, что о судьбе Китайской Восточной железной дороги никто не может вести каких-либо переговоров «без ведома и участия в них единственного авторитетного представителя Франции в Пекине графа де Мортеля» [3, с. 333].

Французская нота свидетельствовала о том, что страны Антанты были решительно настроены относительно того, чтобы не позволить Китаю самостоятельно урегулировать этот один из ключевых вопросов в советско-китайских отношениях. Вместе с тем, в начале 1918 г. все явственнее вырисовывалась возможность военного вмешательства стран Антанты во внутренние дела в России. Этот вопрос обсуждался их представителями в Яссах еще в январе 1918 г. В совместных действиях против советской власти планировалось использовать и китайских солдат. В начале 1918 г. Япония ведет переговоры с китайским правительством о заключении соглашения о военном сотрудничестве, которое и было подписано 16 мая этого же года [4, с. 17].

В этой обстановке дипломаты стран Антанты покидают Советскую Россию. 12 марта 1918 г. газета «Известия» опубликовала сообщение о том, что японская и китайская миссии уехали на Дальний Восток. Вместе с ними выехал и штат американского посольства. И хотя отдельные сотрудники китайского представительства еще некоторое время оставались в Петрограде, советско-китайские переговоры были прекращены. 24 августа пекинское правительство опубликовало официальную декларацию о посылке своих войск в Сибирь. Советско-китайские отношения осложнились [3, с. 334, 352].

Новым важным шагом, предпринятым правительством Советской России по нормализации отношений с Китаем было принятие 25 июля 1919 г. «Обращения Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного

и Северного Китая». В документе отмечалось, что советское правительство отказывается от всех привилегий и завоеваний, которые сделало царское правительство в Китае. Советское правительство обращалось к китайскому народу, в лице его правительства, с предложением вступить в официальные отношения [2, с. 113].

3 марта 1920 г., вскоре после того, как Красная Армия, преследуя силы белого движения в Сибири, вступила в Иркутск, уполномоченный Наркоминдела РСФСР в Сибири и на Дальнем Востоке Я.Д. Янсон вручил текст Обращения СНК китайскому консулу. Документ также был напечатан в газетах Иркутска и Верхнеудинска (Улан-Удэ). Две недели спустя уполномоченный СНК В.Д. Виленский-Сибиряков доставил текст обращения во Владивосток. 19 марта оно было напечатано в местной газете «Красное знамя». В марте 1920 г. текст документа был передан радиостанциями Иркутска (на французском языке) и Владивостока. Радиосигнал был принят редакцией, выходившей на русском языке газеты «Шанхайская жизнь». 25 марта документ советского правительства появился на страницах газеты и специального приложения тиражом 1 млн. экземпляров. 26 марта Обращение перепечатали почти все шанхайские газеты, а затем периодические издания Пекина, Тяньцзиня и других городов страны [4, с. 35; 5, с. 13 – 14].

Пекинское правительство проявило заинтересованность к обращению советского правительства и, в первую очередь, к содержащемуся там заявлению СНК РСФСР об отказе от специальных прав и привилегий в Китае. Об этом было видно из сообщений китайской печати. В конце апреля 1920 г. китайский представитель в Копенгагене в беседе с советским дипломатом также подтвердил, что его правительство с интересом отнеслось к советским предложениям, но оно не может самостоятельно решить вопрос о признании государства. «Решение этого вопроса будет зависеть от позиции западных держав», – сказал он [5, с. 23; 3, с. 395].

Тем не менее, несмотря на всю свою нерешительность и осмотрительность в вопросах внешней политики, постоянные опасения подвергнуться критике со стороны западных держав, китайское правительство 6 мая 1920 г. принимает решение направить в Москву неофициальную миссию для более конкретного выяснения позиции советского правительства. Иными словами, поездка китайской делегации носила чисто ознакомительный характер, никакие соглашения подписывать она была неправомерна. Миссию возглавил генерал Чжан Сылинь. Она везла с собой несколько тысяч пудов муки в подарок детям Москвы и Петрограда, а также китайцам, находившимся в России [3, с. 408].

В середине июня миссия перешла линию фронта и обратилась с просьбой пропустить ее в Верхнеудинск, тогдашнюю столицу Дальневосточной Республики (ДВР). Несмотря на отсутствие у делегации необходимых полномочий, В.И. Ленин распорядился пропустить ее в Москву, куда она и прибыла 5 сентября 1920 [3, с. 409].

Военно-дипломатическая миссия во главе с генералом Чжан Сылинем была принята в Москве на самом высоком уровне. Ей были обеспечены благоприятные условия для пребывания и работы, для знакомства с положением в РСФСР, жизнью народа, структурой советского государства, политикой правительства. Советское правительство очень серьезно отнеслось к переговорам с миссией. В них принимали участие члены правительства РСФСР, руководители Наркоминдела, Чжан Сылинь принимал В.И. Ленин. 27 сентября миссии были вручены предложения советского правительства о принципах строительства дружественных и равноправных отноше-

ний с Китайской Республикой. В них была изложена точка зрения советского руководства на пути нормализации отношений с Китаем. В форме статей будущего двустороннего соглашения в ноте НКВД получили свое дальнейшее развитие ранее сформулированные в таких документах как Декрет о мире, Обращение СНК РСФСР от 25 июля 1919 г., принципы советской политики по отношению к Китаю.

Определенным шагом китайского правительства в направлении нормализации отношений с Советской Россией, предпринятым во время пребывания миссии Чжан Сылиня в России, был отказ Пекина признавать полномочия царских дипломатов. 23 сентября 1920 г. президент Китая издал по этому вопросу специальный указ. Китайская сторона устояла и перед дипломатическими усилиями западных стран в намерении заставить Пекин отменить это решение. Отказ пекинского правительства поддерживать отношения с миссией царской России устранял одно из серьезных препятствий на пути нормализации советско-китайских отношений [4, с. 52].

Китайская миссия вернулась на родину в декабре 1920 г. Чжан Сылинь восторженно отозвался об оказанном ему приеме и заявил, что имеются большие надежды на восстановление дипломатических отношений. «Русское московское правительство выражает большое желание отказаться от всех прав, полученных при царизме, начать дружественные переговоры с Китаем, восстановить торговые отношения», – заявил он на первой же встрече с представителями китайских средств массовой информации [4, с. 60].

Трехмесячное пребывание в Советской России китайской военно-дипломатической миссии имело важные последствия для двусторонних отношений. Между государствами было положено начало отношений *de facto*. Официальных же отношений пекинское правительство устанавливать еще не решалось. Китай не обладал возможностью самостоятельно строить свою внешнюю политику. Как заметил другой китайский дипломат – посланник в США, а в недалеком будущем министр иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнь (Веллингтон Ку), в этих вопросах Пекин не мог «идти в разрез с политикой Соединенных Штатов и других государств» [6, с. 109].

Обращение СНК РСФСР от 25 июля 1919 г. и нота НКВД РСФСР от 27 сентября 1920 г. – два ключевых документа советского государства о принципах строительства новых отношений с Китаем. Китайские исследователи обращают внимание на следующие положения, содержащиеся в этих документах: «Советское правительство... предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 года и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 годы». «Советское правительство отказалось от всех завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области», «Правительство Российской Социалистической Советской Республики объявляет не имеющими силы все договоры, заключенные прежним правительством России с Китаем, отказывается от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращает Китаю безвозмездно и на вечные времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией» [2, с. 44, 52].

«Итак, – отмечает один из исследователей истории советско-китайских отношений Ю.М. Галенович, – начало советско-китайских отношений в интерпретации китайских авторов было ознаменовано публичной неоднократной декларацией, обещанием вернуть Китаю отторгнутые у него Россией территории» [7, с. 38 – 39].

Российские исследователи отмечают, что именно эти положения трактуются в Китае на протяжении всего нашего столетия (после 1919 г., естественно) как признание российской стороной исторической несправедливости, допущенной по отношению к Китаю, как обещание возвратить ему территории, захваченные Россией. Эти же положения лежат в основе утверждения об исторической задолженности (прежде всего территориальной) России перед Китаем [7, с. 39].

Тому, что китайское правительство, последовав примеру стран Антанты, отозвало в марте 1918 г. своего посланника из России, т.е. фактически разорвало с Россией, вопреки своим национальным интересам, дипломатические отношения, были определенные объяснения. Являясь зависимым от стран Запада, китайское правительство вынуждено было проводить согласованную с ними политику по отношению к советскому государству. Эти же обстоятельства тормозили и процесс нормализации отношений в начале 1920-х годов. Китай не мог пойти на установление дипломатических отношений с Советской Россией раньше, чем это сделают страны Запада.

Учитывая эту ситуацию, советское руководство решило использовать для установления непосредственных добрососедских отношений с Пекином Дальневосточную Республику, образованную в апреле 1920 г. С этой целью в августе 1920 г. в Пекин была направлена официальная миссия ДВР во главе с заместителем министра иностранных дел И.Л. Юриным. В правительственном сообщении указывалось, что в задачу миссии входило установление дружеских политических и экономических взаимоотношений ДВР с Китаем [6, с. 108].

Миссия работала в Китае с августа 1920 по май 1921 г. Ей удалось закрепить ликвидацию царской дипломатической миссии и царских консульств в Китае, решить некоторые экономические вопросы, как например, достигнуть соглашения о совместном использовании пограничных рек Амура и Сунгари. Однако пекинское правительство уходило от ответа на вопросы о нормализации отношений с РСФСР и ДВР, подписания торгового договора и др.

Тем не менее, Дальбюро ЦК РКП(б) положительно оценило итоги работы миссии и высказалось за ее продолжение. Власти ДВР исходили из того, что миссия И.Л. Юрина добилась важных не столько экономических, сколько морально-политических результатов. Она приковала к себе внимание китайской общественности, способствовала популяризации советской внешней политики в Китае [6, с. 108 – 112].

Учитывая это правительство Дальневосточной Республики решило повторно направить миссию в Китай, придав ей более высокий статус. С этой целью И.Л. Юрин был назначен министром иностранных дел ДВР, чрезвычайным уполномоченным в Пекине для продолжения переговоров. Он также имел право вести переговоры от имени РСФСР [6, с. 111].

В свой второй приезд миссия И.Л. Юрина находилась в Пекине с июля по октябрь 1921 г. На этот раз условия ее работы осложнились. В начале июня 1921 г. части Красной Армии вступили во Внешнюю Монголию. Их вывод оттуда китайские власти выдвигали в качестве условия для начала переговоров. Имели место нападения русских белогвардейцев на миссию. От предложения перенести переговоры на территорию ДВР в Читу (столицу республики с октября 1920 г.), китайские власти отказались. Усилился нажим на правительство со стороны США и Японии, которые «усиленно «советовали» Пекину «не торопиться» с заключением торгового договора и не спешить с завязкой дипломатических отношений с Дальневосточной Республикой» [6, с. 113].

И хотя Дальневосточной Республике не удалось установить дипломатические отношения с Пекином, в ходе ее переговоров был поднят широкий круг вопросов советско-китайских отношений, выходявших за рамки локальных дальневосточных проблем. По существу, миссия представляла в Китае Советскую Россию. Китай де-факто ДВР не признал, но полуофициальные отношения поддерживал. В Пекине находилась дипломатическая миссия ДВР, на территории ДВР – китайские консульские представители [3, с. 407].

Правительство РСФСР продолжило поиск путей нормализации отношений со своим важнейшим соседом на Дальнем Востоке. В марте 1921 г. Пекин подтвердил получение ноты от 27 сентября 1920 г., врученной Чжан Сылиню. Китайское правительство сообщило, что оно готово начать непосредственные переговоры с РСФСР. Согласование вопроса о приеме советской делегации проходило в процессе длительной переписки, осуществлявшейся через торгового представителя РСФСР в Англии Л.Б. Красина и китайскую миссию в Лондоне. Согласование всех вопросов заняло довольно много времени [4, с. 69 – 71].

Приезд советской делегации китайское правительство оговорило целым рядом условий, как то: неофициальный характер визита, ведение переговоров о заключении торгового договора. Время для переговоров было крайне неудачным, как в плане международной обстановки, так и внутренней ситуации в Китае. Красная Армия вела активные боевые действия против белогвардейских формирований во Внешней Монголии, в США начала работать Вашингтонская конференция, где китайский вопрос занимал важное место, в самом Китае обострились отношения между враждующими военными группировками.

Литература

1. История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. – М.: Изд-во МГУ; Изд. дом ОНИКС 21 век, 2004. – 752 с.
2. Советско-китайские отношения. 1917 – 1957. Сб. документов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 468 с.
3. Хейфец, А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918 – 1920) / А.Н. Хейфец. – М.: Наука, 1964. – 472 с.
4. Капица, М.С. Советско-китайские отношения / М.С. Капица. – М.: Политиздат, 1958. – 424 с.
5. Мировицкая, Р.А. Движение в Китае за признание Советской России (1920 – 1924) / Р.А. Мировицкая. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 68 с.
6. Степанов, А.С. Заслуга нашей дипломатии (ленинская политика мира на Дальнем Востоке. 1917 – 1922) / А.С. Степанов. – М.: «Прометей», 1991. – 168 с.
7. Галенович, Ю.М. «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений / Ю.М. Галенович. – М.: НДВ РАН, 1992. – Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г. – 170 с.

Федорцева Т.А.

*Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии
зарубежных стран географического факультета,
Белорусский государственный университет*

МЕСТО И РОЛЬ КИТАЯ В МИРОВОМ ТУРИСТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В XXI ВЕКЕ

Туризм играет одну из главных ролей в мировой экономике. Эта отрасль мирового хозяйства развивается быстрыми темпами и в ближайшее время станет наиболее важным его сектором. По прогнозам Всемирной Туристской Организации (ЮНВТО), рост туристской индустрии в XXI будет необратим. В последнее десятилетие ежегодный рост инвестиций в индустрию туризма составляет около 30%.

Особенно важна роль туризма в современных условиях, так как туризм может стать частью усилий по решению экономических проблем, с которыми сталкивается мировая экономика. В условиях повышения экономической неопределенности, чрезвычайно высокой безработицы и других проблем, вызванных мировым финансовым кризисом во многих странах, пришло время вспомнить о той роли, которую туризм может играть в увеличении экспорта, стимулировании экономического роста и в создании рабочих мест. Особенно это значимо сейчас, когда экономики многих стран восстанавливаются после кризиса и создают новые рабочие места. Туризм как опорная и ведущая отрасль сферы услуг играет важную роль в расширении занятости. По данным Всемирной Туристской Организации, каждое новое рабочее место в отрасли туризма сопровождается появлением 5 – 7 новых рабочих мест в других отраслях.

Благодаря мультипликативному влиянию туризма на другие сектора экономики с точки зрения производства и особенно занятости, а также его вкладу в минимизацию торговых дисбалансов многих стран и в содействие региональному развитию, значение туризма в мировом хозяйстве еще более возрастает. В этом смысле в современных условиях туризм нужно рассматривать как своеобразный стабилизатор социально-экономического развития стран и регионов.

Опираясь на прогнозы экспертов Всемирной Туристской Организации, согласно которым в 2012 году международные границы пересекут один миллиард туристов, следует рассматривать туризм в целом как важный фактор поступательного мирового развития.

Уже давно международный туризм во многих странах играет значительную роль в формировании валового внутреннего продукта, активизации внешнеторгового баланса, создании дополнительных рабочих мест и обеспечении занятости населения. Он оказывает огромное влияние на такие ключевые отрасли экономики, как транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления и другие.

В связи с этим представляется весьма актуальным проанализировать развитие туризма в XXI веке в одной из самых динамичных экономик мира, которой является Китай для того, чтобы извлечь положительные уроки столь эффективного развития туристского сектора.

Китай – одна из триллионных долларовых экономик нашей планеты. По объему ВВП страна занимает 2 место в мире после США (7,4 трилл. долл. – 2010 г.). Темпы роста ВВП в 2010 г. составили 10,3% (5 место в мире). Доля Китая в мировом

промышленном производстве составляет 12,9% (2-е место в мире после США), а в мировом сельскохозяйственном производстве – 23,8% (1 место в мире).

Как туристская дестинация Китай входит в Азиатско-Тихоокеанский туристский регион – самый быстрорастущий туристский регион мира, темпы роста которого в 1999–2000 гг. были в 2 раза выше (6,8 %) среднемировых показателей. Еще более высокие темпы роста характерны для этого региона в настоящее время (14%, 2010 г.). Основными причинами роста туризма в этом регионе являются растущий уровень жизни населения, динамичное развитие туристской инфраструктуры, упрощение туристских формальностей и др.

Мировая туристская статистика показывает, что Китай относится к регионам, где туристский бум начался буквально в последние десятилетия. В число стран-лидеров по международным туристским прибытиям Китай вошел в 1990 г., заняв 7-ю позицию в рейтинге, в 1999 г. он уже поднялся на 5-е место (31,2 млн. прибытий), пропустив вперед Францию, Испанию, США, Италию.

Современный рынок китайского туризма – крупнейший в мире. В первые годы нового века международный (въездной и выездной) и внутренний туризм в Китае получили бурное развитие. По количеству внутренних туристов, темпам развития и потенциалу внутреннего туризма Китай занимает первое место в мире. Благодаря стабильному развитию международного туризма, Китай, несмотря на мировую экономическую рецессию, по-прежнему, занимает первое место в Азии.

С начала реформ в 1978 году, при внимании и поддержке Правительства и властей Китая на различных уровнях, туристская индустрия стала наиболее перспективной индустрией в Китае.

В качестве важной особенности развития туризма в Китае следует отметить, что развитие туризма в стране носит централизованный характер. Китайское правительство с 1978 года приняло решение об опережающем росте туризма по сравнению с другими отраслями экономики. Была поставлена цель в начале XXI в. вывести туристскую индустрию на уровень западных стран по качеству обслуживания туристов и технической оснащенности. По планам китайского правительства развитие туризма должно осуществляться с учетом национальной специфики. Для достижения намеченной цели был взят курс на мобилизацию усилий на всех уровнях: государственном, местном, ведомственном, коллективном и индивидуальном. Было принято решение развивать туризм за счет внутренних ресурсов с привлечением иностранного капитала.

Высшим административным органом управления туризмом в Китае является Государственное Управление по делам туризма (ГУТ КНР). Основные направления его деятельности включают разработку законодательной базы для налаживания управленческой деятельности в области туризма, привлечение туристов из-за рубежа и создание благоприятных условий для пребывания туристов в Китае. В задачи ГУТ КНР также входит укрепление двусторонних взаимовыгодных связей с зарубежными странами. В настоящее время открыто 17 представительств Китая в 14 странах мира: в Австралии, Великобритании, Германии, Индии, Испании, Канаде, Непале, России, Сингапуре, США, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии. Помимо ГУТ КНР, в каждой провинции создан орган управления туризмом.

За последние годы ГУТ Китая, приложив огромные усилия, разработал ряд привлекательных специализированных туристских продуктов, таких как «Путешествие по великому шелковому пути», «Путешествие по трем ущельям Янцзы», «Путешествие по великому императорскому каналу», «Путешествие по родным местам

Конфуция», «Путешествие по местам Шанглиры», «Путешествие с целью ознакомления с традиционными народными празднествами». Параллельно были разработаны десятки узкоспециальных туристских продуктов, таких как «Путешествие по музеям Китая», «Путешествие по местам экстремального туризма», «Туристский альпинизм» и др.

Благодаря поддержке со стороны государства, туристская индустрия Китая развивается быстро и интенсивно. Это развитие характерно для всех трех основных направлений: въездной туризм, внутренний туризм, выездной туризм.

В результате страна играет все более заметную роль на мировом туристском рынке. Если в 1978 г. по приему туристов Китай занимал лишь 41-е место в мире, то в 2005 г. – он переместился на четвертую позицию, а по доходам от международного туризма – на шестую. В 2010 г. по туристским прибытиям Китай занял 3-е место, после Франции и США и по доходам от международного туризма 4-е место в мире, обогнав Италию, Японию, Францию и Великобританию (табл.1).

Следует отметить, что бурное развитие Китая как туристского региона подчинено влиянию современных мировых тенденций развития туристской сферы, развитие которой в настоящее основывается не только и не столько на рекреационных ресурсах, как важнейшем факторе развития туристской отрасли на протяжении всего предыдущего периода ее истории, но и на успехах в социально-экономическом развитии страны, которые поражают мир своим постоянством и темпами. Именно они привели к динамичному развитию инфраструктуры туризма, росту благосостояния населения, формируя спрос на внутренний и международный туризм.

В то же время большая роль в привлечении зарубежных туристов принадлежит природной, историко-культурной, этнической и конфессиональной аттрактивности страны, которая в сочетании с развитием туристской инфраструктуры и формирует территориальные особенности туризма Китая.

Таблица 1. Лидеры мирового туризма [составлена автором по [1, с.17].

Туристские прибытия, млн. чел.				Поступления от международного туризма, млрд. долл.			
ранг	страны	2009 г.	2010 г.	ранг	страны	2009 г.	2010 г.
1	Франция	76,8	76,8	1	США	94,2	103,5
2	США	55,5	59,7	2	Испания	53,2	52,5
3	Китай	50,9	55,7	3	Франция	49,4	46,3
4	Испания	52,2	52,7	4	Китай	39,7	45,8
5	Италия	43,2	43,6	5	Италия	40,2	38,8
6	Великобритания	28,2	28,1	6	Германия	34,6	34,7
7	Турция	25,5	27,0	7	Великобритания	30,1	30,4
8	Германия	24,2	26,9	8	Австралия	25,4	30,1
9	Малайзия	23,6	24,6	9	Гонконг (Китай)	16,4	23,0
10	Мексика	21,5	22,4	10	Турция	21,3	20,8

Туристская индустрия в XXI веке стала новой точкой роста народного хозяйства Китая. На ее долю приходится 6% ВВП страны. Во многих провинциях и городах она занимает доминирующее положение в местной экономике. Отмечается боль-

шой вклад туристской индустрии в улучшение инвестиционного климата, совершенствование структуры национальной экономики, повышение открытости страны, углубление экономического сотрудничества между ее регионами, рост качества жизни населения, а также укрепление взаимопонимания между китайским народом и народами других стран.

Продвижение правительством Китая, являющегося в XXI веке 3-ей страной в мире по числу въезжающих туристов и 4-й страной в мире по числу выезжающих туристов, стратегии развития туризма стало мощной движущей силой для развития мирового туризма (табл.2,3).

С возрождением глобальной экономики темпы восстановления туристской отрасли в Китае значительно превысили прогнозы: количество международных туристов в 2010 году возросло, по сравнению с 2009 годом, на 9,4% (табл.1).

Непрерывно возрастает роль и место китайской туристской индустрии на мировом туристском рынке, где на ее долю приходится 6,0%, а также в Азиатско-Тихоокеанском туристском регионе (доля Китая 27,3%) и Северо-Восточной Азии, где Китаю принадлежит почти 50% туристских прибытий и около 40% поступлений от международного туризма (табл.2,3).

Таблица 2. Динамика прибытий международных туристов, млн.чел.[составлена автором по [2, с.53].

Регионы	Туристские прибытия, млн. чел					Доля в мир. тур.рынке, %	
	1990 г.	1995 г.	2000г.	2005г	2010г.	2005г.	2010г.
Мир	435	528	675	798	940	100	100
Азиатско-Тихоокеанский регион	46,5	80,7	90,2	140,8	203,8	17,6	21,7
Северо-Восточная Азия	22,6	36,2	44,5	70,8	111,6	8,9	11,9
Китай	2,2	8,7	16,2	29,3	55,7	3,7	6,0
Доля Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, %	4,8	10,8	18,0	20,8	27,3		
Доля Китая в Северо-Восточной Азии, %	9,8	24,1	36,5	41,4	49,9		

Таблица 3 Динамика поступлений от международного туризма, млрд.долл.[составлена автором по [2, с.54].

Регионы	Поступления от международного туризма, млрд.долл.					Доля в мир. тур. рынке, %	
	1990 г.	1995 г.	2000г.	2005г	2010г.	2005г.	2010г.
Мир	262	403	475	679	919	100	100
Азиатско-Тихоокеанский регион	56,2	82,5	110,6	155,4	248,7	22,9	27,1
Северо-Восточная Азия	26,4	41,3	58,4	87,6	122,4	18,0	13,3
Китай	10,5	20,0	31,2	46,8	54,9	6,9	6,0

Доля Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, %	18,7	24,2	28,2	30,1	22,1		
Доля Китая в Северо-Восточной Азии, %	39,8	48,4	53,4	53,4	44,9		

Согласно данным Всемирной Туристской Организации, Китай в 1978 году по количеству въездных туристов занимал 41 место в мире. В 2004 году, тот же показатель въехавших в страну с ночлегом туристов достиг 41,76 миллионов человек, резко подняв Китай на 4 место в мире. Валютный доход достиг 25,7 миллиарда долларов США (7 место в мире).

В 2005 году, Китай принял 120 миллионов въехавших в страну туристов, из них 46,81 миллионов с ночлегом, прирост по сравнению с прошедшим годом достиг 10,3% и 12,1% соответственно. Доход от международного туризма составил 29,3 миллиарда долларов США, увеличившись на 13,8% по сравнению с прошлым (2004) годом. Прирост по сравнению с последним 2000 годом «девятой пятилетки», оставил 69%, досрочно достигнув целевого уровня, установленного для «десятой пятилетки» [3, с. 62].

В настоящее время Китай возглавляет список азиатских стран по туристским прибытиям, а в дальнейшем по прогнозам ВТО он будет лидировать не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мире. К 2020 г. прогнозный въездной поток в Китай (включая Сянган) достигнет 196 млн. прибытий, т. е. больше, чем в США и Францию в 2 раза, Испанию — в 3 раза, Италию и Великобританию — в 4 раза [2, с. 5].

В период 2006–2010 гг. (годы 11 пятилетки) ежегодный рост внутреннего туризма в Китае составлял в среднем 12%. За это время количество въезжающих туристов, находящихся в стране с ночевкой, ежегодно прирастало на 3,5%. Выездной туризм возрастал каждый год на 19%. По приему туристов из-за рубежа Китай вышел на 3-е место, а по количеству выезжающих туристов на 4-е место в мире. За прошедшие 5 лет, при всемерной поддержке правительства, туристская отрасль Китая, воспользовавшись благоприятными шансами, которые ей дали Олимпиада в Пекине и Всемирная универсальная выставка ЭКСПО-2010 в Шанхае, даже с учетом неблагоприятных факторов (разрушительное землетрясение в Вэньчуане, мировой финансовый кризис), выполнила основные задачи, намеченные 11-й пятилеткой.

В этот период туристской отрасли сложилась ситуация довольно стабильного и быстрого развития: в масштабах страны общие доходы от туризма ежегодно росли на 15%, в среднем на каждого жителя Китая приходилось до 1,5 туристских поездок в год; расходы, связанные с туризмом, составили более 10% в графе социальных расходов. Еще более заметной стала та позитивная роль, которую отрасль туризма играла в социально-экономическом развитии страны в целом.

По данным китайской статистики в 2010 году, на фоне сравнительно стабильного и быстрого развития туризма в стране, валовой доход туристской отрасли составил 1,57 трлн. юаней (1 доллар США – 6,56 юаня). Это превысило аналогичный показатель предыдущего года на 21,7 %, а охват туризмом достиг 2,1 млрд. человеко-дней, что на 10,6% больше, чем в предыдущем году.[4, с. 71].

Успехи Китая в развитии туризма связывают с модернизацией экономики страны, с переходом от плановой модели хозяйствования к рыночной и, прежде

всего, к политике «открытых дверей». Экономический рост страны повлиял на рост благосостояния общества и раскрыл потенциальные возможности развития как въездного, так и выездного туризма.

В 2010 году ВВП Китая на душу населения составил 7400 долл. США. Доход на душу населения составляет меньше 4000 долл. США. В ближайшие 20 лет прогнозируется увеличение доходов жителей Китая, что повлечет за собой изменение потребительской модели, возрастут расходы на отдых и путешествия. Быстро растущий китайский средний класс, улучшающаяся транспортная инфраструктура и все большее число благоприятных политических мер способствуют процветанию рынка зарубежного туризма и туризма внутри страны. В настоящее время в стране реализуется план по введению системы оплачиваемых отпусков. Продолжительность отпуска составит 2 недели в год. Основными днями отдыха сейчас являются три недели общегосударственных праздников в мае, октябре и феврале, так называемые «золотые недели», на которые приходятся пики выездного и внутреннего туризма.

За последние годы была значительно упрощена процедура получения загранничных паспортов, увеличилось количество турагентств, аккредитованных на работу в туризме, расширился перечень стран, официально рекомендованных правительством для посещения с целью туризма.

Особую роль играет Китай в мировом рынке выездного туризма (табл.4). Имея самую большую в мире численность населения, Китай обладает огромным потенциалом для его развития. За последние 10 лет ежегодные темпы роста выездного туризма составили 20 %.

Таблица 4. Лидеры по расходам на международный туризм.[составлена автором по [1, с.14].

Ранг	Страны	Расходы на международный туризм, млрд. долл.		Доля рынка, %	Население, млн. чел.	Доходы на душу нас., долл.
		2009 г.	2010 г.	2010 г.	2010 г.	2010 г.
	МИР	851	919	100	6 879	134
1	Германия	81,2	77,7	8,5	82	952
2	США	74,1	75,5	8,2	310	244
3	Китай	43,7	54,9	6,0	1341	41
4	Великобритания	50,1	48,6	5,3	62	780
5	Франция	38,5	39,4	4,3	63	625
6	Канада	24,2	29,5	3,2	34	866
7	Япония	25,1	27,9	3,0	127	219
8	Италия	27,9	21,7	2,9	60	449
9	Россия	20,9	26,5	2,9	140	189
10	Австралия	17,6	22,5	2,5	22	1014

Китайские туристы – это не только количество, но и высокий уровень потребительских расходов. Лишь 30-50% затрачиваемых на поездку средств, приходится на оплату туристского пакета, большая часть оставшихся средств расходуется на покупки. Это отличает китайских туристов от западных путешественников, основная доля расходов которых приходится на размещение и услуги. По этой причине все страны мира стремятся привлечь китайских туристов: упрощаются процедуры выдачи виз, учреждаются представительства, проводятся расчеты в юанях и экскурсии

на китайском языке. Туристы из КНР, которые отличаются высоким уровнем потребительских расходов, практически стали главной движущей силой мировой экономики. Их огромный поток и большие потребительские расходы способствуют тому, что все страны заинтересованы в привлечении туристов из Китая.

Литература

1. UNWTO Tourism Highlights. – Madrid, 2011.
2. UNWTO World Tourism Barometer. Volume 8, № 3 – Madrid, 2010.
3. Ежегодник туризма Китая 2007. – Пекин, 2008.
4. Ежегодник туризма Китая 2010. – Пекин, 2011.
5. Бородаевский, А. Д. Тенденции социально-экономического развития в разных регионах мира / А. Д. Бородаевский // Мировая экономика и междунар. отношения. 2007. № 4.

Савков Н. А.

Студент 2 курса специальности «лингвострановедение» факультета международных отношений,

Белорусский государственный университет

КНР И СТРАНЫ АФРИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Китай – государство с мощным производственным потенциалом, требующим значительной сырьевой базы. Чтобы получить доступ к необходимым ресурсам, руководство КНР проводит последовательную политику поиска внешнеторговых партнёров, в том числе и на Африканском континенте. В 2000-х годах, под влиянием своего стремительного экономического роста, Китай резко увеличил свою активность на африканском направлении, а во время последнего мирового финансового кризиса Китай стал заполнять пустоты, образовавшиеся с уходом западных держав из зон риска.

Цели Пекина в отношении стран Африки можно разделить на три категории:

I) Политические:

1) помощь в ООН: дружественные режимы (около ¼ всех мест в ООН) поддерживают китайские инициативы и отклоняют предложения, направленные против КНР [1, с. 2; 2, с. 5];

2) блокирование тайваньских интересов. Китай стремится лишить Тайвань экономических и политических точек опоры, чтобы интеграция острова и континентального Китая стала неизбежной [2, с. 3].

В отличие от стран Запада, КНР не выдвигает африканским правительствам требований демократических реформ, что автоматически улучшает отношения Китая и стран Африки и раздражает западные страны, которые на Чёрном континенте традиционно воспринимаются как «носители неокOLONиализма». Так, министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь в университете Намибии в 1992 году заявил: «Только африканцы знают реалии своей страны. Лишь они имеют право и способны выбирать путь развития. Китай относится с абсолютным уважением к выбору их социальной системы и модели развития, которая соответствует ситуации, сложившейся в той или иной стране» [3, с. 7].

КНР развивает отношения со всеми странами континента, в т.ч. и с находящимися в международной изоляции, например, с Зимбабве (почти весь экспорт местного табака приходится на Китай) [1, с. 5]. Жёсткую политическую позицию путём разрыва дипломатических отношений Китайская Народная Республика занимает только в отношении стран, признавших независимость Тайваня (Гамбия, Свазиленд и т.д.). Однако, благодаря росту экономического влияния КНР в мире, число таких стран постепенно сокращается [1, с. 1].

II) Экономические:

1) сбыт товаров. По мнению аналитиков, быстрый демографический рост в Африке будет сопутствовать экономическому росту, что приведёт к увеличению количества местных представителей среднего класса, а, следовательно, и к увеличению его покупательской способности [2, с. 6].

2) закупка сырья. Значительная часть китайского импорта сырья приходится на Африку: нефть (Нигерия, Конго, Судан, Габон и т.д.) фосфаты и кобальт (Марокко), древесина (страны Центральной Африки), кофе и какао (Кот д'Ивуар), марганец (Габон), табак (Зимбабве) и т.д. [2, с. 5].

Китай ввёл новое понятие в торговле с Чёрным континентом, т.н. «Ангольскую формулу». Это представляет собой бартерную торговлю при отсутствии денежных отношений: Китай получает полезные ископаемые в обмен на реализацию инфраструктурных работ [4].

Для расширения и закрепления взаимного сотрудничества, Китай оказывает африканским государствам значительную помощь в развитии:

- 1) списание долгов ряда африканских стран;
- 2) гуманитарная помощь;
- 3) льготное кредитование;
- 4) создание совместных предприятий;
- 5) развитие местной инфраструктуры;
- 6) внедрение китайских специалистов.

По словам официального представителя МИД КНР Цзян Юй, уже построено более 900 полных проектов, 2233 км. железных дорог, 3391 км. автодорог, 42 стадиона, 54 больницы, направлены медицинские бригады более чем из 18 тыс. человек и внедрено 350 тыс. технических специалистов[5].

III) Культурные:

Расширение сферы влияния китайской культуры происходит благодаря:

- 1) открытию Институтов Конфуция;
- 2) обучению африканских студентов в ВУЗах КНР;
- 3) развитию китайского туризма на африканском направлении [2, с. 9].

Для обсуждения межрегионального политического и экономического сотрудничества с 2000 года каждые три года проводятся саммиты «Форума сотрудничества Китай-Африка» между китайскими лидерами и представителями африканских стран [6]. На данный момент прошло уже четыре саммита данного форума:

- 1) в 2000 году в Пекине;
- 2) в 2003 году в Аддис-Абеба;
- 3) в 2006 году в Пекине;
- 4) в 2009 году в Шарм-эш-Шейх. Следующий саммит должен быть проведён в 2012 году в Пекине.

По словам экспертов, масштаб африканских экономик и потенциал для роста не до конца осознан, за последние 20 лет инвестиционные возможности сопоставимого масштаба возникали только после распада СССР [3, с. 9]. Африка – перспективнейший рынок сбыта, и Китай, со своим производственным потенциалом, понимает это как никто другой. С точки зрения африканцев, Китай является источником капитала и технологий, которые Запад не мог или не захотел предоставить; сам факт существования Китая как потенциального покупателя и партнера позволяет африканским странам занимать более жесткую позицию в переговорах с западными игроками. Острая потребность китайской промышленности в природных ресурсах дает африканским странам шанс получить значительные средства для экономического развития.

За последние одиннадцать лет объём афро-китайской торговли вырос на порядок: если в 2000 году он составлял всего 10 млрд. долларов США, то к 2008 году превысил 100 млрд., а в настоящее время Китай является крупнейшим торговым партнером Африки, так как объем китайско-африканской торговли за 2010 год достиг 129,6 млрд. долл. США, при этом дефицит торгового баланса Китая составил почти 7 млрд. долл. США. Запас прямых инвестиций Китая в Африку превысил 10 млрд. долл. США, учреждены более чем 1600 предприятий с китайским капиталом

в различных сферах социально-экономического развития стран Африки, что создало почти 350 тыс. рабочих мест для этого региона [5].

Современный Китай обладает двойственным статусом: с одной стороны, это самая влиятельная развивающаяся страна, с другой стороны, это одна из самых экономически мощных держав. Китай подчёркивает своё невмешательство во внутренние дела стран-партнёров и свой статус развивающегося государства, что привлекает на его сторону многие страны континента. Своим примером Китай демонстрирует опыт построения успешной государственной модели, альтернативной западной [7]. Благодаря огромным золотовалютным резервам и стремительному росту китайской экономики, китайское влияние в мире будет расти и далее, что уже можно наблюдать на примере афро-китайских отношений.

Литература

1. Официальный сайт МИД Франции. Нике, В. Стратегия Китая в Африке [Электронный ресурс] Режим доступа: www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0805-Niquet-RUS.pdf— Дата доступа: 22.11.2011.
2. Официальный сайт МГИМО. Дегтерёв, Д.А. Китайская экспансия в Африку: «свято место пусто не бывает»? [Электронный ресурс] Режим доступа: www.mgimo.ru/files/34528/34528.pdf— Дата доступа: 20.11.2011.
3. Университетская информационная система «Россия». Деминцева, Е., Федюкин, И. Китайская экспансия в Африке [Электронный ресурс] Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2008/2-3/ProEtContra_2008_12_2-3_07.pdf— Дата доступа: 22.11.2011.
4. Политический еженедельник «Левая Россия». Бюсселен, Т. Китайская экспансия в Африке [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://left.ru/2009/6/busselen188.phtml>— Дата доступа: 18.11.2011.
5. Официальный сайт МИД Китая. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhhdh/t870044.htm>— Дата доступа: 20.11.2011.
6. Русско-китайский новостной портал. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://russian.news.cn/economic/2010-12/23/c_13661940.htm— Дата доступа: 22.11.2011.
7. Аналитический веб-журнал «Globoscope». Фризекке, У. Китайская экспансия в Африке [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.globoscope.ru/content/articles/1233/>— Дата доступа: 21.11.2011.

Artsemyeu S.

*Doctoral researcher in the Faculty of Humanities and Social Sciences,
Dalian University of Technology
(Dalian, China)*

Hong Xiaonan

*Ph.D. Professor, Dean of the Faculty of Humanities and Social Sciences,
Dalian University of Technology
(Dalian, China)*

Liu Yigong

*Ph.D. Professor of Law at the Department of law, School of Public Administration and
Law, Faculty of Humanities and Social Sciences,
Dalian University of Technology
(Dalian, China)*

CHARACTERISTICS AND PECULIARITIES OF THE CONCEPT OF CONSTITUTIONALISM IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

I. Introduction.

This paper argues that in order to understand the normative aspect of temporary Chinese constitutionalism it is necessary to have enough knowledge about other levels of the complex phenomenon of constitutionalism in China: epistemological (starting point), ontological and ideal (prescriptive aspect of constitutionalism). Only in this case it seems possible to get sound and reasonable opinion of what the Chinese constitutionalism is and what is even more important what it will be in the nearest future. The approach mentioned above seems quite reliable and close to the idea that every systematic analysis of any sphere of social reality requires comprehension of at least three aspects: 1) tradition; 2) recent changes in people's life influenced by economic development; 3) trends in the development of the global civilization.

The category of constitutionalism is multifaceted, it includes not only a formal legal phenomenon, but also non-legal social, economic, political and cultural phenomena. Of course, these elements can be part of the notion of constitutionalism to the extent they serve as the sociocultural conditions for the formation of constitutionalism and as a sphere of its existence and development, so they are not particularly analysed in this paper.

While Chinese experience of constitutionalism may be overshadowed by the economic success of China, but the same time it has strong relationship with it both on political level and on economic level, and together with other factors constitute so called "Chinese model".

What is the core idea of constitutionalism as a concept?

The concept itself has obvious connection with the word "constitution" both in English and in Chinese. So in order to understand the phenomenon of Chinese constitutionalism we are supposed to think about the following questions. What values and functions of the Constitution of PRC are? Which values can the Constitution embody except the values of constitutionalism? Why does the Chinese constitution cannot be used in the courts of law? Understanding this question can help us to understand the current state of the Chinese constitutionalism.

Usually the supporters of the liberal constitutionalism claim that the core idea of the constitutionalism is limitation of governmental powers. But it seems that the threat to the society may come not only from a state, but also from others participants of political and economic spheres of a society. So it seems correctly to say, that the idea of constitutionalism is *to subject and limit important actors of political system, i.e. to “constitutionalize” a society in order not to let different actors of political and economic system of the society encroach on and infringe rights and freedoms of an individual*. Also it needs to mention that a concept of the supremacy of the constitution plays very important role.

II Understanding by means of comparison.

If to look retrospectively on the process of formation and development of constitutional ideas and institutions, it seems reasonable and fair to agree with idea that constitutionalism belongs to the group of phenomena that were materialized as a part of social practice and reality much earlier than the relevant theories and concept about constitutionalism were created. Different legal, philosophical, historical, cultural views of thinkers of the past contributed to the creation of the theoretical foundation of constitutionalism. But what about China? Can we apply to Chinese experience of constitutionalism the expression that was once given by a famous Hungarian constitutionalist scholar on ex-Soviet and eastern European countries? He characterized the set of modern east European concepts of constitutionalism as all sorts of ideas, except the idea of classical constitutionalism [1, p. 11].

But what is the classical constitutionalism? It seems reasonable to state that the classical constitutionalism is a stratum of culture in the unique legal history of the Anglo-Saxon world (very often researchers refer to that civilization as the Western one, but due to ambiguity of the term it seems more preferable to use the adjective Anglo-Saxon). Private property, limitation (sometimes “self-limitation”) of state power in favor of civil society and individual liberty (and as the result the appearance of the subjective public right of an individual against the society represented by the state and its officials) are usually considered as main characteristic of the classical constitutionalism. Taking this statement as a true one, we may say from this point of view *the difference between classical (Anglo-Saxon) constitutionalism and Chinese constitutionalism is the difference between political and legal constitutional manner of handling or dealing with private property, the dissimilarity of level of development of civil society as well as different approaches to ways and methods of limitation of public power*. In this perspective a difference between the Chinese constitutionalism and classical one is de facto the difference between the concept of socialist democratic state and the concept of liberal democratic state, the developed society and developing society.

From the point of view of legal tradition (practice) (that factor seems a key one when we distinguish different legal families) there is no single unified teaching or theory about constitutionalism. In different academic works about legal and political theory and practice of constitutionalism we can observe thoughts about most developed models of constitutionalism which are American, French, German. It happens mainly due to the following two facts (a) that in real world this countries show the consistency and practical coordination of all four basic elements of constitutionalism: the ideas are mainly the result of native thinking (or imported long time ago) and are clearly reflected in norms, which are applied to the fullest degree in comparison with other countries and societies, and the factor of constitutional awareness should be considered as an important factor of social life in the correspondent societies; and (b) this countries’ national economies are ones of the largest in the world and apparently their models will look very interesting and appealing. Also

there is no such a big gap between officially proclaimed theory and real practice, between traditions of the society and the essence of constitutionalism, between objective (formal) requirements and subjective perception of what is necessary or possible. The current success of the three models for external observer may look like a result of sheer luck.

Due to the fact that the term "constitutionalism" was firstly used in the late XVIII - early XIX century to refer mainly to the American doctrine of the supremacy of the written constitution we start from mentioning the main pillars of the most famous national model of liberal constitutionalism, that is American constitutionalism, then we mention unique features of other national models of constitutionalism or their theoretical constructs.

Taking glance at American constitutionalism we may point out next basic features of it: it is based on the idea of sovereignty of the people, constitution as the supreme law, and not as the program political document, representative government; public administration is exercised on the basis of principles of limited government, separation of powers, system of checks and balances, the rule of law; the presence of constitutional control; inability to suspend or cancel the constitution; rigidity of the constitution; protection of rights and freedoms of individuals.

In contrast to American constitutionalism, there is the historical variability of constitutional systems in France. But legal continuation still can be observed mainly due to constancy of the state administrative structure.

Dominant concept of constitutionalism in Germany is close to American one. But it is particularly focused on principle of the rule of majority and the same time providing a minority with an opportunity to create political opposition and as a result a potential chance to become a majority.

According to representatives of contemporary Post-Soviet legal science constitutionalism should be treated as a complex phenomenon that includes: a) constitutional ideas and categories, which reflect the primary underlying values of society; b) constitutional consciousness of the general population; c) the constitutional rules and regulations as a structured external expression of the two above-mentioned elements; d) the constitutional order as the process of implementation of constitutional norms.

So what does this method of using comparables gives us? It gives us an idea that in order to understand the special characteristics of Chinese constitutionalism we should consider, analyse, verify the factors that contribute the key elements of constitutionalism of different types:

- 1) What is a character of descriptive constitutionalism in China. Is it smooth like in the USA or Britain, or a quite disruptive as in the cases of France?
- 2) What are the primary constitutional ideas embodied in Chinese Constitution?
- 3) How is the supremacy of the Constitution differ in China from American, Russian or French one?
- 4) How is the constitutional control may be understood according to China' Constitution?

III. Trends of constitutionalism:

Constitutionalism is a dynamic complex politico-legal system and it is permanently evolving. Trends in modern constitutionalism can be characterized as the main directions of its development. The ultimate legitimacy of all national laws and regulations to some degree depends on the adequacy of the national constitutionalism to this worldwide trend.

Some of the observed trends appear to be of particular interest. First of all, *a trend of politicization* of constitutionalism should be mentioned. It reflects the influence of po-

litical means and methods on constitutional relationships (in particular power relationships), and their regulation. Politics is closely related to constitutional law (mainly, due to the specifics of its subjects). It is worthy to recollect here one of the thesis of Marxist school of law that all legal phenomena has basically a political nature. The essence of the constitutional law (and constitutionalism) cannot be understood in full without using political categories. This aspect of constitutionalism cannot be ignored even in a situation where politics is perceived not as the relationship between rulers and ruled, but as self-government.

Because constitutionalism involves the relationship between a person, society and state with usual priority of the human dimension, so the *tendency of its socialization* also takes place. This tendency is expressed in the concepts of social welfare state and social state. In the case of China, this trend has a shape of “*xiaokang shehui*”.

The same time we can observe the tendency which is quite opposite to the mentioned above that is to say *the tendency of economization of constitutional law* (constitutional economics). In China this trend appears to have the form of socialistic market economy (the dominancy of state owned sector is not unique to China (there are a plenty of other countries where public sector is dominant or very important (Belarus, for example), what is unique to China is that it is officially proclaimed constitutional model).

Biologization trend is characterized by the development of constitutionalism in terms of "human dimension". There are many evidences of this trend recently in China. The most interesting ones we think are *reduction of the number of capital crimes*.

The trend of informatization is one of the "young" areas in the development of constitutionalism. It corresponds to the concept of post-industrial society (the information society (at domestic level) and globalism (the international arena). In case of China it play important role in development of institutions of direct democracy [3].

One of the most complicated trends is the *trend of internationalization* of constitutionalism. This trend is expressed primarily in the convergency of national constitutional law and international public law. In 90-ies China has ratified all documents that constitute International Bill of Human Rights and already submitted national report to the UNO. This trend also can be observed taking into consideration the importance and also problematic effect (especially with regard to the property and economic rights) of documents of WTO for Chinese constitutionalism [4, p. 104-105; 5, p. 19].

The trend of democratization of constitutionalism affects all these trends. When discussing this trend we should mention the fact of development of institution of direct democracy in China and Chinese electoral system. The introduction and development of direct and competitive election of deputies of the lowest level of the Chinese five tier people's congress system, as well as direct election of village mayors system may be seen as a good example of the trend.

IV. Descriptive aspect of Chinese constitutionalism:

While analysing the concept of constitutionalism in China from the point of view of tradition we should clearly understand that originally Chinese constitutionalism is a kind of intellectual import from abroad. Historically some of the elements of the Western⁹ phe-

⁹ It seems necessary to mention that when we analyse the influence of the so cold Western constitutionalism on Chinese constitutionalism we should clearly understand that, historically, the modifier “Western” is very contradictable when we discuss the phenomena of constitutionalism and de facto there is no single West in social reality. The term seems not very suitable for scholar, academic debates. (Huntington

nomena of constitutionalism in China passed through a “filter” of Japanese constitutionalism experience owing to the fact of influence of Japanese period of reform (Meiji) on the Chinese intellectual and political movements in the second half of the 19th century and first decades of the 20th century. Before Xinhai revolution happened 100 years ago in 1911 China had a long history of a society ruled by an absolute monarch, so when idea of constitutionalism was introduced in China in the end of the 19th century it was the idea of limited constitutional monarchy (how the monarchy should be limited different scholars of that time had different opinions) [6, p. 23-25]. After the revolution abolished Qing government the development of constitutionalism in China was connected with republicanism. There were several documents in China bearing the name of the Constitution adopted before 1949. Next period of historical development of constitutionalism in China start with creation of the new Chinese state¹⁰.

But why did Chinese scholars want to borrow and advocate the idea of constitutionalism?

Wang Renbo mentioned when Chinese scholars were exploring the American constitutionalism, they ignored some its core values (freedom, for example) but rather treated it as a tool to reinforce and modernise the Chinese state, to increase the welfare of the nation. Apparently, it was a predominantly instrumental approach [7]. *From the very beginning, it was a type of communitarian constitutionalism for the society and state’ development sake* (its logic was like this: these two entities (state and society) are the key factors for existence of human beings). So under such a circumstance the concept was transplanted into the Chinese soil. In consequence of ignoring some key values of classic constitutionalism (apparently classic individualistic British-American constitutionalism) the concept was viewed a bit transcended and not simply as a structural framework, which in China was modified as a tool to increase the welfare of the nation (on the fundamental level). On the second level, constitutionalism was sometimes seen as an effective tool to break with traditional Chinese authoritarian rule. However, seemingly, there was a contradiction between this two aims (from one point of view constitutionalism was seen as a method to reinforce the state, from another as a tool to limit state powers).

In China scholars usually admit that both American and European constitutionalism, its components, ideas were a great inspiration for Chinese intellectuals (language, terms, way of thinking, methods all this were accepted by Chinese intellectual elite (from this point of view this is a sign and a prove that contemporary China is also a type of a Westernised nation, due to the fact that last 20th century China was actively absorbing and re-thinking many political and legal ideas (including Marxism) which were very far from what was seen as core issues of Chinese (Confusion) civilization).

So answering the question where Chinese constitutionalism was ultimately born (in the terms of its final ideal source) we can say that it was born in the region which in Chinese literature is usually called West. But can we make a prediction that due to this fact the practice of Chinese constitutionalism will eventually develop according to the principles of the development of their “maternal” constitutionalism following the development of the national economy? *We think that these expectation are false ones, and not only because they ignore the structural unique features of Chinese constitution and its ideal and political*

mentioned that there was no single East, it seems he forgot to mention that the same is true in Occidental direction. The idea that there is no single West (both historically and nowadays) is important to understand the nature of the phenomena in question

¹⁰ Mao Zedong understanding of the constitutionalism as a democratic government played very important role during that time.

sources, but also because they do not take into consideration more fundamental tradition of Chinese society, its national spirit, its civilisation code.

V. Current state of Chinese constitutionalism.

If a written constitution (or a document of a constitutional character) exists in a country we have a right to discuss that country's constitutionalism experience in practical terms of realisation of its (Constitution) norms (every modern country has its own unique experience (practice) of constitutionalism, it can be good or bad, advanced or out-dated, formal (proclaimed) or real). But in order to make an evaluation we should accept that every country's constitutional experience (it is always a system) can be estimated from the point of its own formally proclaimed criteria (what the system claims to be).

The new period of Chinese constitutionalism started in 1982 with adoption of the new Constitution. On one hand it was based on existing tradition, on another hand it was brought to life by the changes in Chinese society and, even more, changes the society itself.

Traditionally the mainstream approach to analysis of the phenomenon of constitutionalism (which almost became not only dominant but also almost official) was to underline mutual dependence between constitutionalism (constitutional government) and democracy. In Chinese special literature, there was traditional understanding that socialist constitutionalism was peoples' democracy constitutionalism (the theoretical construct of people's democracy was in its turn elaborated in Soviet Union). Such an understanding of constitutionalism is opposite to the liberal constitutionalism.

Randal Peerenbom, an American professor, believed that the People's Republic of China had evolved from being a socialist state having a scratch legal system into a phenomena that he called "a unique twenty-first-century version of a socialist state that has endorsed a market economy and rule of law" in which the civil and political rights are still the issue, but the progress in this direction is very impressive. However, according to him in order to understand the direction of development of practice of constitutionalism in China it is necessary to understand the peculiarities of construction of constitutional democracy of other East Asia Countries (Japan and South Korea) and that China will eventually establish rights-based democracy, but not necessarily liberal democracy. In a 2005 paper, Peerenbom advocated the idea and clarified the principles of "the East Asian Path to constitutional democracy" [8]. The majority of Chinese observers technically can agree with his conclusions on the pragmatism grounds that a Chinese constitutionalism cannot be assessed accurately without taking into consideration the Chinese past and cultural differences. The same time the weak point of his paper seems that he ignores (or not pay enough attention to the theoretical and legal constitutional frameworks of Chinese constitutionalism (ideal and legal sources (forms) are very different from Japanese and Koreans).

In China, due to the terms of the national Constitution and will of the ruling communist party, a concept of constitutionalism is different from "western constitutionalism". Chinese model of constitutionalism is socialistic people's constitutionalism (the stress here lies on democracy, socialism (it should be fully understood, that the Chinese socialism (or socialism with Chinese characteristics the concept is broad enough, and we can say that, at least, it is different both from socialism how it was seen and understood in USSR, and from socialism how it was understood during the first 30 years after creation of People's Republic of China).

Many scholars try to develop their concept of the constitutionalism in nowadays China. For example, they suggest for a kind of revision of Marxist doctrine in the essentially liberal directions due to changes in the society and political situations, so advocating the idea of *liberal democratic socialistic constitutionalism* in China. As an illustration, one

scholar proposes that the conceptual elements of the liberal constitutionalism can be used only as supplementary mechanism to the traditional Chinese democratic constitutionalism with its stress on social equality [9, p. 22] (apparently this idea can be typologically similar to the idea of social state ruled by law). One of such supplementation may be further development of the constitutional control in China (in China, there is no specialized judicial constitutional control; due to provisions of the national Constitution constitutional control is vested into National People's Assembly and, since 2004 there have been *the Regulation Filing and Review Office* (a special organ of constitutional control in China)).

Some scholars in China gradually develop the idea of Mao Zedong that constitutionalism is, first of a democratic government and so from this theoretical foundation try to explain the phenomena of constitutionalism; some scholars consider that constitutionalism should be understood as a compound phenomenon of rule of law, democracy and human rights. For example, Li Buyun considers that constitutionalism indicates to govern people fully according to a contemporary constitution, which has embodied basic democratic principles, strictly adhere to principles of the rule of law, carefully observe human rights. Some scholars try to advocate idea of constitutionalism from the point of view of state powers' distribution. Some scholars advocate that constitutionalism is a process. In this case, they advocate that its starting point is the adoption of the constitution. They see democracy as its content, and rule of law as its principle, and human rights as the goal of a political process. From this perspective, they see constitutionalism as positive normative recognition of constitutional ideas, and realization of the norms of the constitutional law and as a consequence "constituzialization" of public life. So, in this case, constitutionalism is a concept about transforming ideas from theory to practice [5, p. 9-11].

Xuzong Bai and Wang Shuwen consider that modern constitutionalism must be considered from several points of view (that is to say) reasonableness and rationality of the acting constitution, establishment of the constitution, functionality of the constitution and regulative force of the constitution, the core problem of the constitutionalism from this point of view is how to make that a written constitution, a constitution which exists on the paper will become an authoritative, effective and regulatory one. Zhuang Gangjian considers that constitutionalism is only a step to democratization, and that its main principle lies in freedom and not in democracy, and according to his opinion, constitutionalism itself cannot guarantee that people of the country will become the master of the country, and merely can guarantee that people of the country will become a free nation. So the only reason of the constitutionalism is to protect people freedom from different infringement. Wu Dexing advocates the idea (a kind of a compromise between the two) that pure democracy is not always constitutional, but constitutionalism should always be democratic, constitutionalism according to her, first of all, protects freedom [5, p. 9-11].

Here, we can also mention that theoretically, the ideas of Chinese constitutionalism approaches were heavily influenced by the western European and northern American philosophical thoughts (with their understanding of natural rights, a concept of evil human being, theory of the contract, elected government, opposition between a civil society and a state, representative system (parliamentarism), constitutional control, guarantees of human rights). However, Chinese preconditions of the constitutionalism are the following: powers belong to people and originate from the people, all public officials are servants of the people, all state apparatus work for the people (the concept of cooperation between state and society). Clearly, we can see the fundamental contradictions between two approaches. Due to peculiarities of Chinese constitution (cinisized Marxism and socialism with Chinese characteristics the system of people's congresses and parties cooperation, national cultural

autonomies have both legal and official philosophical and political support while the same time parliamentarism, multiparty system, general election lack a legitimate basis in China)

It seems proper to generalise some principles and ideas that are crucial to understand theoretical foundation of Chinese constitutionalism:

1) The idea of People's sovereignty means that all public powers originate from the people. In China there is an embodiment of this concept, i.e. peoples' congress system, which is different from parliamentary system of government.

2) The supremacy of the constitution theoretically can be recognized due to it was enacted by people's representatives in PPCS, so the supremacy of the constitution follows the principle of people's sovereignty.

3) The guarantee of human rights with special importance of social, cultural and economic rights.

4) The differentiation between organ of state power (the National People's Congress and other representative organs, for example). So technically (in terms of theoretical foundation) *courts in China are not organs of state power*, but they act as the "agents" of corresponding organs of state power.

5) Principle of governance on the basis of law. The practical importance of that principle can be seen if to take into consideration that 70 % of State official in China work for executive organs and 80 percent of all Chinese laws are executed by them. Xin Chunying also mentions that in 2009 there were 229 state laws in China, and the work to adopt new laws will be accelerated [10, p. 330 – 334].

VI. The future of the constitutionalism in China.

Some scholars try to make predictions about how China will develop its constitutional system in the future. One of the most interesting works that deals with it was written by Yu Keping (who is often seen as one of the closest advisors of President Hu Jintao). According to him China will continue the following policies [11, p. 3 - 35]:

1) Separation between communist party and the Chinese state (especially administrative organs of the State)

2) Development of institution of civil society

3) Rule of law as a goal for China's Political Development

4) Broadening the scope of local elections and self-governance

5) Separation of state and enterprise.

It also seems necessary to mention the paper of Thomas E. Kellogg in which he mentions that due to some recent decisions of the Supreme Court in China and following the establishment of practice (still very rare) of citation of the Constitution by courts Chinese constitutionalism will be more judicialised [12].

VII. Conclusions

In modern legal literature constitutionalism is often interpreted in relation to the limitation of state power and as a kind of a belief in the existence of constitutional methods for establishing limitation for a government. Each country may have its specific characteristics and features (historical, political, national, ideological, economic, cultural) which determine the ability to create its own unique model of constitutionalism or to follow the model created by other countries. *It seems that China has a potential and wish to create, maintain and develop its own system of constitutionalism.*

Chinese constitutionalism as a social phenomenon possesses its unique axiological, teleological, praxeological features. Although it is a type of socialist democratic constitutionalism, but in many important details it differs greatly from anything that existed in

Soviet Union or in countries of Eastern Europe. This type of constitutionalism appeared in order to meet the challenges which the Chinese society was faced with in the 20th century and to reflect and cinisize the most important values of the modern civilization. These values are a kind of a concentrated manifest of the social laws of democratic organization of a society and a state, which are based on the balance of power and freedom with underlying the importance of the society as a sphere where an individual can realise its rights and an idea of rule of law.

The world integration processes caused the globalization of both theory and practice of constitutionalism and China also was influenced by these trends. Constitutionalism becomes an axiomatic worldwide value because constitutionalism (both political and legal) is an important tool and condition for building the state ruled by of law. In China constitutionalism has not received a unified definition and is interpreted differently. Overview of its different characteristics leads to the conclusion that there are several main approaches to its definition: a political, philosophical, historical and legal.

Chinese constitutionalism as a philosophical and legal category can be understood from one of the four points of view:

1. The doctrinal constitutionalism in China is a philosophical legal theory, the system of political and legal ideas and concepts about a constitution, a constitutional basis of organization of government, the nature of the relationship between society, state and person. All these can serve as epistemological components of constitutionalism. In this respect the key concepts of Chinese constitutionalism are: the concept of “four principles”, mentioned in the Chinese constitution, the concepts of harmonious society, and the concept of scientific development, the people’s congress system of organization of the Chinese state. For the discourse’s sake we may assume that the ideology of the constitutionalism in China has its own primary unique sources, which are mentioned in the Introduction to the Chinese Constitution of 1982 and usually referred as “four principles”. The ideas forming the body of these principles are not only detailed in other parts of the Constitution, but technically speaking the whole meaning of the text of the Constitution cannot be understood properly and correctly in term of its normative force without taking into consideration the ideas expressed in the Introduction to the Chinese Constitution.

2. Secondly, we can speak about legal constitutionalism as a system of constitutional positivism. In this case, constitutionalism is a normative legal hierarchy, which is a subordinate of a constitution as the supreme formal legal imperative of a society and a state. The Chinese constitution is at the top of the pyramid of the Chinese legal system, and is the supreme law of the country; all actors of social life must act within the legal frames of the Constitution and according to the laws adopted on the basis of the Constitution. But the same time, due to provisions of the Constitution and long-standing doctrinal and political factors Chinese Constitution is not viewed as an ordinary legal normative act, but also as a political document and so it mainly establishes norms which regulate the law-making process.

3. Thirdly, we can consider ontological constitutionalism, which emerges as a constitutional practice in its broadest sense. Constitutional practice develops in China in several directions: developing the potential of the National Peoples’ Congress (creation of the Regulation Filing and Review Office) and slow acceptance of the Constitution by Chinese courts as a direct normative source in handling the case.

4. Fourthly, constitutionalism as a philosophical and legal category embodies the characteristics of a form of social awareness. The last one indicates the unity of constitu-

tional psychology and constitutional ideology and, in its turn, appears as the decisive prerequisite for the formation of a new type of legal way of thinking – a constitutional frame of mind.

As for the future of the constitutionalism in China, it seems that it will follow its development as basically socialistic democratic constitutionalism with increasing influence of elements of classical (liberal) constitutionalism.

Bibliography

1. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). – М.: Юристъ, 1999.
2. Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Пред. Миронов В.В., Солонин Ю.Н.; издание Московско-Петербургского философского клуба. — М.: Летний сад, 2010.
3. Ліу Йігонг, Артем'єв С.Ю. Електронна демократія в інформаційну епоху: досвід Китаю // Право України. - 2011. - № 10. - С. 218-224
4. 中国宪法（第二版）；作者：胡锦涛、韩大元著；出版日期：2007-11-01
5. 李林，肖君拥.中国宪法的宪政取向与缺失—基于中国现行宪法的文本分析 // 法律科学. – 2003 年第 3 期
6. 马小红.近代中国宪政的历史考察 // 政法论坛 第 29 卷第 1 期 2011 年
7. 王人博.宪政的中国语境 // 法学研究. 第 2 期 2001
8. Randall Peerenboom. Law and Development of Constitutional Democracy: Is China a Problem Case? // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science 2006 603: 192 {<http://ann.sagepub.com/content/603/1/192>}
9. 郑贤君.各科专论论我国宪政模式的走向 // 中国法学. 第 1 期 2003
10. Yu Keping. Democracy and Rule of Law in China. BRILL – 2010
11. 信春鹰.通过法律实现社会改革与进步 // Papers of the Plenary session, Global Harmony and rule of law IVR 24th World Congress. 330-334
12. Thomas E. Kellogg. Constitutionalism with Chinese Characteristics?: Constitutional Development and Civil Litigation in China // http://www.indiana.edu/~rccpb/Working_Paper/RCCPB_WP1_Kellogg_Feb_08.pdf

芦文龙¹，文成伟¹，洪威雷²

芦文龙，大连理工大学博士研究生；

文成伟，大连理工大学人文与社会科学学部教授、副部长；

洪威雷，武汉东湖学院传媒与艺术设计学院教授、院长，湖北大学公文写作研究所所长，国际应用文写作学会常务副会长。

（1. 大连理工大学，大连；2. 武汉东湖学院，武汉，中国）

弘扬优秀行政文化 建设现代和谐行政文化

2011年中国共产党第十七届中央委员会第六次全体会议通过了《中共中央关于深化文化体制改革 推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定》，提出要以建设社会主义核心价值体系为根本任务，增强国家文化软实力，弘扬中华文化，努力建设社会主义文化强国。这是对夺取全面建设小康社会新胜利、开创中国特色社会主义事业新局面、实现中华民族伟大复兴的具有重大而深远意义的重大决定。具体到公共管理和服务领域，应该思考如何建设现代和谐行政文化，以为建设社会主义文化强国这一宏伟目标服务。即就是说，建设现代和谐行政文化，是建设社会主义文化强国的题中之义。

建设中国现代和谐行政文化是一个巨大的系统工程。它既可以通过研究“行政文化”自身发展规律来探究其建设措施，如通过研究中国传统行政文化、当代行政文化及西方行政文化等，又可以通过研究与行政文化发展密切相关的“行政实践”来进行，如通过对行政体制及其他相关制度体系的思考等，还可以通过对“人”这个文化缔造主体的研究去探讨。为弘扬中华文化，增强国家文化软实力，建设社会主义文化强国，本文主要通过对中国传统优秀行政文化的挖掘，来探究建设现代和谐行政文化的有益措施。

中国传统文化瑰丽多姿、博大精深，它以其独特的魅力为中国社会的进步和人类文明的发展做出了巨大的贡献。构建现代和谐行政文化，必须以批判的眼光去审视传统行政文化，对于传统行政文化的优秀成分，必须创造性地加以改造和更新。

一、吸收儒家文化中行政文化的精华

（一）继承和发扬“民本”思想，树立依靠人民、为人民服务的观念

中国早在西周时期就产生了朴素的民本意识。“天视自我民视，天听自我民听……民之所欲，天必从之。”^[1]虽然这种思想直接与“天意”相结合，属于唯心的天命观思想，但民众在这时却得到了一定程度的重视，这在当时很有进步意义。此后，民本思想逐渐得到了不同程度的阐述和发展。如孔子曰：“百姓足，君孰与不足？百姓不足，君孰与足？”^[2]到了孟子，就形成了一套比较系统的以民为本的治国理论和方案。他说：“民为贵，社稷次之，君为轻。是故得乎丘民而为天子。”^[3]辛弃疾在给宋孝宗赵昚的奏文《美芹十论》中论道：“自古天下离合之势常系乎民心，民心叛服之由实基于喜怒。”^[4]第138页^[5]朱元璋说：“民，国之本。”^[5]像这种包含民本思想的论述不胜枚举。那时的“民”专指老百姓，是作为被统治阶级而存在的，由于阶级的局限性，这些富于民本色彩、肯定人的作用的思想大都烙上了明显的工具性标记。但是，民众在历史进程中表现出的巨大力量促使统治阶级不得不认识到民众的重要性，上述传统的民本思想也无一不说明人民乃国家之本、政治之基，统治者要体恤民意重视民心。

建设现代和谐行政文化，要继承和发扬传统“民本”思想，就是要树立依靠人民、为人民服务的观念。中国宪法规定“中华人民共和国的一切权力属于人民”，这就决定了社会主义民主的本质和核心是人民当家作主。要反对传统行政文化中的“官本位”思想和封建主义的特权思想，继承和发扬以民为本的思想，确定亲民、爱民、为民的根本立场，确立以民为本、以民为重、以民为先的价值取向，树立依靠人民群众，执政为民，全心全意为人民服务的行政观念。政府机关必须合法运用人民授予的权力，必须坚持走“从群众中来，到群众中去”的思想工作路线，真正做到权为民所用、情为民所系、利为民所谋。

（二）改造“大一统”思想，树立中央政府必要的权威

“大一统”的正式提出始见于《公羊传》，即隐公元年：“何言乎‘王正月’？大一统也。”东汉经学家何休在注解《公羊传》时，将其解释为：“大”乃为“推崇、重视”之义；“一统”乃“元始”之义，是根基、基础的意思。可见，“大一统”一词最早主要是对王朝建立的理论基础所做的说明。后来更进一步引申为国家在政治和文化上的高度统一^[6]。中国封建社会历朝历代都把统治天下、建立统一的中央集权国家作为自己的政治理想和目标。正是在这种“大一统”思想的强力影响下，中国历史上虽然有过四分五裂的局面，但最终又回到国家统一的局面。“大一统”追求的不仅仅是疆土意义上的统一，历任的统治者在统一思想上所花费的心血远远大于在统一疆土上花费的工夫。在许多中国人眼里，“大一统”是国家强大的象征。

中国的“大一统”观念可谓源远流长，它已经成了中华民族的一种凝聚力，不仅在历史上发挥了极其重要的作用，而且在现实生活中仍有着相当重要的影响。构建现代和谐行政文化，应该改造和发展“大一统”思想，树立行政系统参与人的集体主义意识，强化行政人员的凝聚力，树立中央政府必要的权威，维护社会安定、民族团结和祖国统一。

（三）继承和发扬“德治”思想，塑造行政人员的德性

“德治”思想是中国传统行政文化中的重要内容之一。孔子曰：“为政以德，譬如北辰居其所，而众星共之。”^[7]如何才能实现“德治”呢？孔子作了细致的阐述，如“政者，正也。子帅以正，孰敢不正”^[8]，“其身正，不令而行；其身不正，虽令不从”^[9]。孔子认为，为政者应该起到榜样的作用，只要自身正了，带头走正道，其他人就会跟着走正道。如果为政者自己以身作则，做事正当，就是不下命令老百姓也会做；反之，就算是下达了命令老百姓也不会听。《论语》又载，齐景公问政于孔子，孔子对曰：“君君、臣臣、父父、子子。”公曰：“善哉！信如君不君、臣不臣、父不父、子不子，虽有粟，吾得而食诸？”^[10]对“君君、臣臣、父父、子子”，人们大都认为是封建社会中纲常的主要内容，应持批判态度。其实，它还可以从另一个角度去理解，即一种责任意识，是一种君、臣、父、子之间的契约。人人尽责，国家必然安宁康泰。即就是处于什么角色的人，就应该尽到该角色的责任。只要每个人都尽了自己的责任，国家就长治久安了。

分析传统行政文化中的“德治”思想，有助于现代行政人员的德性的塑造。行政人员的德性，是指行政人员在管理公共事务过程中所形成的对自己所应该承担的行政责任的道德感和自我评价能力以及这种道德感和自我评价能力转化为自觉履行行政责任行为的道德内涵。行政人员的德性既包括行政人员主观的心理形式，即看到由于自己失职使人民利益受到损害而焦虑不安，深深自责；又包括把客观化的行政责任落到实处的行为^[11]。所以，行政人员在行政管理过程中，要注重塑造自身的行政德性，用美好的德性来引导自己的行为，尽职尽责，这样行政

行为就能达到预期的效果，行政系统就能有序运行，行政文化也会不断地得以发展。

（四）继承和发扬“贵和”思想，营造和谐的行政环境

“贵和”思想是中华民族悠久的文化传统，也是中国传统行政文化的主要内容之一。早在春秋时期就有“和实生物，同则不继”^[12]的观点。《论语》记载：“礼之用，和为贵。”把和作为处事、行礼的最高境界。传统行政文化中的“贵和”思想是处理人与自然、人际关系以及处理民族关系、国家关系的法则，故有“君子和而不同，小人同而不和”^[13]、“均无贫，和无寡”^[14]之说；故有“百姓昭明，协和万邦，黎民於变时雍”^[15]之说。从这些论述中可以看出，“和”、“和谐”并不是取消差异、取消多样性，也并不是无矛盾、无差别。

“和谐”是一种有矛盾、有内在运行机理的状态，是一种在承认差别、多样性基础上，在不断解决矛盾的过程中实现的一种协调有序、持续前进的态势。在目前城乡差别、工农差别、地区差别都客观存在，且不是短时期内能够消灭的情况下，认同“和而不同”的思想极为重要。“贵和”思想是构建和谐社会所必须的^[16]第15页。构建和谐行政文化，也应继承和发扬“贵和”思想，应包容多样，尊重差异，求同存异，应最广泛地在行政体系中形成共同的行政价值观，既有效率又有效果地进行行政实践活动；应该重视行政组织内部成员之间的情感沟通、强调人们之间相互亲善的思想；应该在行政系统内部形成一种上下和谐、关系融洽的工作氛围。

二、重视法家思想，坚持行政法治原则

法家是先秦诸子中最为重视法律的一派，以主张“法治”而闻名。法家主要有三个学派：赵国人慎到重“势”，韩国人申不害重“术”，魏国人商鞅重“法”，这三个学派的思想由韩非集大成，构成法家思想的终极核心。

古代法家思想内容丰富，精华与糟粕并存。构建现代和谐行政文化，应该取其精华，继承并发扬法家思想中有价值的内容。首先必须梳理出古代法家思想中有价值的内容：第一，法是用来规范和衡量人们行为的客观的、公正的准则，并因此把法比拟为度量衡。《商君书》载：“法者，国之权衡也。”“先王悬权衡，立尺寸，而至今法之，其分明也。”^[17]韩非子进一步指出，法不单是行为的标准，更是纠正不当行为的一种建设性力量：“椎鍛者，所以平不夷也。榜檠者，所以矫不直也。圣人之为法也，所以平不夷，矫不直也。”^[18]第二，法家强调“法”与“刑”的结合。法家认为“法”不同于“礼”，法要以国家强制力做后盾，违法者必受国家刑罚。法家所讲的“法”，主要是赏罚之法，韩非子继承了这种观念，故曰：“赏刑明，则民尽死；民尽死，则兵强主尊。”^[19]“凡赏罚之必者，劝禁也。赏罚敬信，民虽寡，强。”^[20]他还专门著《二柄》篇，阐释了刑赏二柄的思想。第三，法家所提倡的“法”，在一定程度上也符合老百姓的利益。《管子》认为，立法应考虑民情的好坏，只有顺乎民心的法令，才能为民众所拥护，才能行得通。“令顺民心，则威令行”、“人主之所以令则行，禁则止者，必令于民之所好，而禁于民之所恶也”^[21]。第四，法家主张法的平等性。法家提出“不别亲疏，不殊贵贱，一断于法”^[22]的主张。这种法律平等适用的观念，虽然有其局限的，虽然有其作为巩固王权、对抗贵族的政治斗争中的武器的作用，但是作为一种思想，它仍有其超越其时代局限的意义和价值。第五，法家强调法的权威性和约束力，强调人民、官员甚至国君都应该守法和依法办事。《商君书》认为君主应受到法的制约：“世之为治者，多释法而任私议，此国之所以乱也。”“是故明王任法去私，而国无隙蠹矣。”《韩非子》也有

记载：“释法术而任心治，尧舜不能正一国；去规矩而妄意度，奚仲不能成一轮；废尺寸而差短长，王尔不能半中。”^[23]第六，法应公布、清晰、易明是法家的核心主张之一。《韩非子》中论述：“法者，编著之图籍，设之于官府，而布之于百姓也。……是以明主言法，则境内卑贱，莫不闻知也，不独满于堂。”^[24]第七，法家特别强调法的统一性和稳定性。《管子》说：“号令已出又易之，礼义已行又止之，度量已制又迁之，刑法已措又移之，如是庆赏虽重，民不劝也；杀戮虽繁，民不畏也。”^[25]《韩非子》指出：“治大国而数变法，则民苦之。”^[26]“法禁变易，号令数下者，可亡也。”^[27]法家反对朝令夕改，但并不是主张法永久不变，相反，他们主张法应该随社会变化而变化^[28]。

构建现代和谐行政文化，借鉴古代法家思想，就是要坚持依法行政。2004年国务院专门制定了《全面推进依法行政实施纲要》，确定了“依法行政，建立法治政府”的目标，并提出中国要在十年内基本建成法治政府。依法行政，就是行政机关自身的设定(包括职能的确定、组织设定、权力来源)、行政机关的运行(尤其是行使行政权力)都必须依据法律的规定并遵守相应程序，一切行政行为都要接受法律的监督，违法行政应承担法定责任。依法行政的原则包括职权法定原则，法律优先原则，依据法律原则，程序公开原则。

三、借鉴道家思想，构建有限型行政文化

道家对行政文化产生影响最为深远的当属“无为而治”思想。“无为”是《道德经》中的重要概念，如第三章中载：“为无为，则无不治。”“无为”就是顺应自然，不妄为的意思，即按照道和自然规律而为，则没有不能治理的（天下大治）。第四十八章：“无为而无不为，取天下常以无事；及其有事，不足以取天下。”意思是说，如果能够做到无为，即不妄为，那么任何事情都可以有所作为。治理国家的人，要经常以不骚扰人民为治国之本，如果经常以繁苛之政扰害民众，那就不配治理国家了。可见，老子所说的“无为”，并不是指什么都不作为，而是一种在更高层次上的顺其自然的行为。道家说“治大国，若烹小鲜”^[29]，是说治理大国如同烹饪小鲜一样，只有小心翼翼地掌握好“火候”，才能治理好国家。那么，如何才能掌握好治理国家的“火候”呢？这就是要讨论的关于有限型和谐行政文化的构建问题了。

道家的“无为”思想足以引起对全能政府与有限政府的思考。全能政府推崇政府无所不能、无所不为。事实上，全能政府有可能最终导致政府全无能的局面。因为，政府的职责在于掌好服务的大舵，而不是具体的划桨。为了政府行政的有效，必须对全能、全为政府这种观念进行反思，必须建立有限政府，构建有限型行政文化。与有限政府相适应的必须是有限型行政文化。有限型行政文化主要包括以下四个方面的内容：其一，政府权力有限。政府的权力来源于人民，政府的权力不能无限膨胀，必须受到一定的监督和制约。其二，政府职能有限。根据我国宪法和法律规定，我国政府的职能对内主要分为公共服务、保障人权、社会管理、宏观调控和市场监管。其三，政府责任有限。责任和权力是相辅相成的，一般地，政府在行使权力的同时，负有保护国家安全与社会稳定、保障人权不受侵犯、促进社会公正、维护市场秩序等责任。其四，政府权力行使的方式有限。政府必须按照法定的程序公开、公正地行使权力。限制政府权力行使的方式也是防止政府权力滥用的有效方式。

四、汲取佛学精髓，构建和谐行政文化

中国著名国学大师南怀瑾说：“佛学汪洋浩瀚，无可崖岸，后世分河饮水，但取瓢饮而鼓腹者，只各适其志，润其知见，而无妨于雨露之广，河海之量，猗欤盛哉！”^[30]第471页佛学博大精深，是中国文化的结晶，也是传统文化的重要组成部分。我们构建现代和谐行政文化，扬弃传统文化，当然也离不开对佛学思想的借鉴。

“佛教”与“佛学”的区别在于，前者是宗教，后者是哲学。佛教除了是一个有组织的宗教，还有它的哲学，即佛学。佛教的追求是内求，是人性的追求。佛学是内学，是人性的学问。佛学对人做了真实而细致的分析，是以人为中心的哲学。汲取佛学精髓，构建和谐行政文化，就是要坚持以人为本的原则，就是不仅要把管理作为控制、协调，而且也是一种教化、教育^[31]。佛学深渊广博，与行政管理有着十分密切的关系。《法界次第》有云：“知前得乐众生，悉有佛性……是以敬之如佛。”^[32]第692.3—693.1页意指要对所有的众生都要敬之如佛，因为他们都内含佛性，这就是佛学中尊重个人的意和文化。只有这样做，人们在相互交往乃至与大千世界其他生物的联系过程中，身、语、意业才不会产生贡高我慢之举。同样在行政管理中对所有行政主体、行政相对人在人格上都同等尊敬，是行政效率得以提高的有力保证，这有助于和谐行政文化的构建。此外，行政组织是人的组织，行政行为是人的行为，在行政系统中，人既是执行管理的主体，又是被管理的客体，任何有效的管理，都要通过人来实现。在管理中，执行力来自于“自觉”，生产力来自于“禅定”，领导力来自于“利他”，凝聚力来自于“慈悲”，创造力来自于“智慧”，忠诚来自于“报恩”，持续发展来自于“精进”和“皆大欢喜”^[33]。作为行政管理，当然也不例外。

司马迁的父亲西汉太史令司马谈在《论六家要旨》中，把先秦学派概括为阴阳、儒、墨、名、法、道德六家。而这六家的相关言论和思想也是我国传统文化的重要构成要件。本文只是从儒、法、道和佛几个流派中择其几点内容，例证了现代和谐行政文化的构建应该继承和发扬我国传统行政文化。然而，传统行政文化对现代和谐行政文化建设的积极作用不能尽述，上面的例证最多只是提供一个分析和研究此问题的路径罢了。总之，中国传统行政文化内容十分丰富，且良莠不齐。只有弘扬优秀的传统行政文化，才能构建出真正具有中华民族特色的和谐行政文化，才能实现建设社会主义文化强国得伟大目标。

参考文献

- [1]《尚书·周书·太誓》
- [2]《论语·颜渊》
- [3]《孟子·尽心下》
- [4]《辛弃疾词文选注》注释组：《辛弃疾词文选注》之《美芹十论·观衅第三》，上海人民出版社1977年。
- [5]《明太祖实录》卷二五六
- [6]李增洪：《中西古代“大一统”理念之比较》，<http://lunwen.freekaoyan.com/wenshilunwen/zhongguoshi/20061128/116470548874206.shtml>.2006-11-28.
- [7]《论语·为政》
- [8]《论语·颜渊》
- [9]《论语·子路》
- [10]《论语·颜渊》

- [11]张康之，李传军：《行政伦理学教程》，中国人民大学出版社 2004 年。
- [12]《国语·郑语》
- [13]《论语·子路》
- [14]《论语·季氏》
- [15]《尚书·尧典》
- [16]王保畬：《弘扬优良传统 劲吹和谐东风》，载湖北省炎黄文化研究会编《传统文化与和谐社会》，香港天马出版有限公司 2005 年。
- [17]《商君书·修权》
- [18]《韩非子·外储说右下》
- [19]《韩非子·饰邪》
- [20]《韩非子·六反》
- [21]《管子·形势解》
- [22]《史记·太史公自序》
- [23]《韩非子·用人》
- [24]《韩非子·难三》
- [25]《管子·法法》
- [26]《韩非子·解老》
- [27]《韩非子·亡征》
- [28]中国法学网，陈弘毅：《法家思想传统的现代反思》，<http://www.jcrb.com/zyw/n495/ca340772.htm>, 2002-01-24.
- [29]《道德经·第六十章》
- [30]南怀瑾：《南怀瑾选集》第 6 卷，复旦大学出版社 2005 年。
- [31]王永会：《佛教管理学初探》，《宗教学研究》1999 年第 43 期。
- [32]《法界次第》卷下，《大正藏》册 46。
- [33]中华品牌管理网：《李天清：佛学与企业文化管理》，http://www.cnbm.net.cn/course/course_print.asp?id=10061, 2007-11-03.

ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Введение

XXI век – это век развития информационных технологий, где неотъемлемой частью жизни человека являются компьютеры и телекоммуникационные технологии. С внедрением в жизнь человека компьютера многие процессы упростились, однако на смену преступлениям против жизни, здоровья, собственности пришли новые преступления до этого неведомые человечеству. На сегодняшний день для совершения преступления вовсе необязательно выходить из дома, достаточно иметь компьютер и доступ во всемирную паутину. Данный вид преступления получил название «киберпреступление» -- это преступление совершенное в так называемом виртуальном пространстве. Виртуальное пространство можно определить как моделируемое с помощью компьютера информационное пространство, в котором находятся сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, представленные в математическом, символьном или любом другом виде и находящиеся в процессе движения по локальным и глобальным компьютерным сетям, либо сведения, хранящиеся в памяти любого физического или виртуального устройства, а также другого носителя, специально предназначенного для их хранения, обработки и передачи[1].

Это определение соответствует рекомендациям экспертов ООН. По их мнению, термин «киберпреступность» подразумевает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети. Таким образом, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде[2]. С точки зрения уголовного законодательства преступление, совершенное в киберпространстве, — это виновное противоправное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ[3].

Наиболее распространенные виды киберпреступлений

1. Спаминг – рассылка незапрашиваемых массовых сообщений по электронной почте. В рассылаемое сообщение входит рекламный текст или иное нежелательное содержимое – письмо о призах в вымышленных лотереях, фишинг-письма для выманивания PIN-кодов, программы-вирусы для «зомбирования» компьютера.
2. Кардинг – «жаргонное» название преступлений с банковскими картами – в них незаконно используются сами карты или информация о них. Различают «кардинг-он-лайн», включающий применение скомпрометированных карт в Интернет-магазинах, «кардинг-офф-лайн» – использование карт для расчета в традиционных торгово-сервисных предприятиях (ТСП) и «кэшинг» – съем денег в банкомате (АТМ) по скомпрометированным картам.
3. Фишинг (phishing – производное от phone – телефон и fishing - рыбалка) - преступление, в котором все персональные данные о картах и счетах клиента до-

бывается злоупотреблением доверием (мошенничеством) - всю требуемую информацию владельцы карт передают преступникам добровольно. Часто фишинг осуществляется рассылкой по электронной почте официального письма якобы от имени представителя банка.

4. Бот-сети (botnets) – сети в Интернет зомбированных (инфицированных) компьютеров. Зараженный компьютер-бот в дальнейшем используется для рассылки спама, проведения «атак на отказ в обслуживании» (Distributed Denial of Service - DDoS), организации клик-фрода. Необходимая для инфицирования программа-вирус скрытно устанавливается на каждый компьютер бот-сети. По данным Commtouch и PandaLabs более 10 миллионов компьютеров-зомби, подключенных к Интернет, ежедневно рассылают спам в составе преступных бот-сетей, сами владельцы этих компьютеров даже не подозревают об этом.[4]

В связи с развитием информационных и телекоммуникационных технологий захватывающих все сферы жизнедеятельности во всех развивающихся странах мира появилась необходимость внедрения данного понятия, т.к динамика роста киберпреступлений увеличивается с каждым днем. Однако на сегодняшний день не существует единого понятия киберпреступления.

Согласно результатам исследования, проведенного антивирусным подразделением Symantec, финансовые потери интернет-сообщества от действий киберпреступников составляют около 114 млрд. долл. в год, включая расходы на ликвидацию последствий сетевых атак.

Еще 274 миллиарда, по оценкам пользователей, стоит совокупный простой, связанный с аварийными работами. Итоговая сумма — \$388 млрд. — сравнима с выручкой, которую криминальные элементы ежегодно получают от оборота наркотиков (\$411 млрд.).[5]

Киберпреступления против организаций Китая

С 80-х годов XX века киберпреступность поразила общество Китая. Стремительное развитие Китая в информационном пространстве предопределило и развитие совершаемых киберпреступлений.

Информационный центр интернет-инфраструктуры Китая (CNNIC) подсчитал, что количество веб-пользователей в стране за последние полгода увеличилось на 5,8%.

Доступ в Сеть есть сейчас у 513 млн жителей КНР, или приблизительно у 38,3% от всего населения. Около 391,8 млн человек подключены к Интернету по широкополосным каналам из дома; 355,6 млн выходят в онлайн с мобильных устройств.

В среднем китайцы проводят в Сети почти 19 часов в неделю. В стране более 250 млн подписчиков микроблогов. С электронной почтой работают 47,9% пользователей; форумы посещают 28,2% жителей КНР с выходом в Интернет.

В Китае зарегистрировано 7,7 млн доменных имён; функционирует приблизительно 2,3 млн сайтов. В списке наиболее посещаемых сетевых ресурсов Китая значатся поисковая система Baidu, сервис обмена мгновенными сообщениями QQ.com и служба микроблогов Weibo (аналог запрещённого в стране Twitter) [6].

Кибер-преступления внесли в уголовное законодательство Китая только в 2009-м году, когда страна уже стала одной из главных жертв хакеров. С тех пор было обезврежено больше 80 групп онлайн-преступников. Статистика Китая в плане онлайн-преступности, впрочем, печальна и на сегодняшний день:

Около 42 000 китайских сайтов были атакованы хакерами, в том числе более 200 правительственных.

8 из 10 компьютеров в Китае являются или когда-либо были частью чужих ботнетов, в том числе более 1 миллиона IP-адресов, когда среднемировой показатель заражённости — 3.2 компьютера из 10 [7].

Согласно статистике Symantec, точечные атаки в азиатских странах выше, это связано с плотностью распределения этих атак (с учетом общей численности интернет-пользователей). Лидером является Китай, где от них страдает каждый 4-й участник Сети. Главными мишенями целевых спам-рассылок в прошлом году стали госструктуры (20,5 атак в сутки), химико-фармацевтические предприятия (18,6) и сфера производства (13,6). При этом злоумышленники отдают предпочтение крупным корпорациям, численность штата которых превышает 2,5 тыс. человек (36,7 атак в сутки)[5].

Правовое противодействие Китая киберпреступности

Правительство Китая принимает решительные нормативно-правовые меры для борьбы с киберпреступностью.

В 2000 году Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение о InternetSecurity. Также в 2000 году Китай выпустил ряд интернет-правил, которые запретили распространение любой порнографии, вирусов, а также действия онлайн-мошенников.

В 2003 году Китай подписал резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 57/239 «Создание глобальной культуры кибербезопасности». В 2003 году также была подписана Женевская декларация принципов Всемирного саммита по информационному обществу.

В 2005 году Китай подписал Лондонский план действий в области спама — международные усилия по обузданию этой проблемы. А в 2006 году состоялся Международный Anti-Spam Саммит на котором была подписана «Пекинская декларация» Анти-Спам.

В июле 2006 г. в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ), в который вошел Китай, выступили с заявлением, что ее члены должны осуществлять киберпреступность и кибербезопасность законов "в соответствии с их национальными условиями и, обращаясь к соответствующим международным договорам".

В 2009 г. между АСЕАН и Китаем было принято рамочное соглашение по сетевой и информационной безопасности в чрезвычайных ситуациях.

В 2009 году было принято соглашение в рамках Шанхайской организации сотрудничества в области информационной безопасности.

Рабочей группой АТЭС по телекоммуникациям был согласован план действий на 2010-2015 годы, который включал «укрепление безопасной и надежной ИКТ среды».[8]

Что касается технических мер по предотвращению киберпреступлений, то следует отметить что в Китае стало труднее регистрировать новые домены в интернете, а также они поставлены на строгий контроль. Это сделано для того чтобы уменьшить спам.

Заключение

В эпоху построения информационного общества глобальная компьютеризация внесла не только положительный вклад, но и породила новый вид преступности, так называемые компьютерные преступления. Преступления в компьютерных сетях

способны причинить вред не только одному лицу или группе лиц, но и нанести невозместимый урон государству любой страны. Эта категория преступлений отличается не только своей пространственной масштабностью. Что же касается материальной стороны, то за всю историю развития преступлений категории материальных, ни один из преступников не обогатился на те суммы о которых речь идет в киберпреступлениях. Объектом же посягательства в данной категории преступлений зачастую является информация.

Итак, Китай твердо стал на путь борьбы с преступлениями совершаемыми в информационном пространстве. В стране принят ряд нормативно-правовых документов как на национальном уровне так и на международном. Однако этого оказывается недостаточно в связи с тем, что количество киберпреступлений из года в год продолжает увеличиваться, способы совершения становятся все более модифицированными, а местом совершения является весь мир.

Международный кибертерроризм часто бросает вызов эффективности внутренних и международных правоохранительных органов и права. Потому что существующие законы во многих странах, не приспособлены для борьбы с киберпреступностью. Преступники стали больше проводить преступлений в Интернете для того, чтобы воспользоваться преимуществами менее сурового наказания или трудности прослеживаются. Независимо от того, в развивающихся или развитых странах, правительства постепенно осознали колоссальную угрозу киберпреступности на экономической и политической безопасности и общественных интересах. Однако, сложность в типах и формах киберпреступности увеличивает сложность борьбы с ними. В этом смысле, борьба с киберпреступностью требует международного сотрудничества. Различные организации и правительства уже сделали совместные усилия в установлении глобальных стандартов законодательства и правоприменительной практики как на региональном, так и в международном масштабе.

В связи с этим есть смысл говорить о едином международном нормативно-правовом акте в котором было бы прежде всего определено единое понятие киберпреступления, а также конкретизированы виды данных преступлений. Это будет способствовать признанию самого факта совершения преступления, основанием для возбуждения уголовного дела независимо от места его совершения. Также есть необходимость в создании единой мировой базы «хакеров» киберпреступников, а также методы их экстрадиции в случае необходимости.

Данный документ в случае его ратификации всеми развитыми странами значительно повысит эффективность борьбы с киберпреступностью.

Литература

1. Голубев В.А. «Кибертерроризм» — миф или реальность? // <http://www.crime-research.org>
2. Преступления, связанные с использованием компьютерной сети / Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями //A/CONF. 187/10.
3. <http://www.crime-research.ru>
4. <http://www.gorodfinansov.ru>
5. <http://www.securelist.com>
6. <http://net.compulenta.ru>
7. <http://www.mipko.ru/blog/2010/11/kitaj-kiberprestupnost-priznana-globalnoj-problemoj/>

8. <http://www.ewi.info/china>

**ПОДСЕКЦИЯ 2: ЭКОНОМИКА КНР В XXI ВЕКЕ И ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Давыденко Е. Л.

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры международных экономических отношений,

Белорусский государственный университет

КИТАЙ И БЕЛАРУСЬ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ ТОВАРОВ ИКТ-СЕКТОРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение

В настоящее время в условиях глобализации экономик возрастает зависимость национальных хозяйств от мирового рынка и факторов, определяющих его развитие. В последние десятилетия важнейшей тенденцией стало быстрое расширение мирового спроса и, соответственно, международной торговли товарами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Рынок товаров ИКТ-сектора превратился в один из наиболее динамичных и емких секторов мирового хозяйства, что привело к усилению международной конкуренции в этой области и побудило многие страны к увеличению затрат на НИОКР, инновации и продвижение продукции для обеспечения лидерства в глобальной индустрии ИКТ.

Бурный прогресс в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) привел к пересмотру традиционных взглядов на возможности и пути эволюции современного общества. Сутью экономической трансформации, связанной с широким применением ИКТ, является их способность содействовать распространению и использованию знаний. ИКТ рассматриваются сегодня зарубежными странами не только как источник наращивания экспортного потенциала за счет увеличения торговли ими, но и как одно из важнейших средств укрепления конкурентоспособности промышленных отраслей и экономики в целом.

Актуальность изучения различных аспектов функционирования международного рынка товаров ИКТ повышается в связи с его быстро меняющейся структурой и пространственной конфигурацией, диверсификацией товаров ИКТ и состава фирм - участниц торговли, появлением новых форм торговли и организации трансграничного бизнеса в сфере ИКТ, возникновением специфических проблем в регулировании рынка товаров ИКТ на различных уровнях, в том числе по обеспечению информационной безопасности, совместимости и стандартизации.

Белорусский сегмент индустрии ИКТ в последние годы развивается, но преимущественно в качестве ее зависимого звена, и не оказывает существенного стимулирующего влияния на национальную экономику. В связи с этим существует необходимость изучения опыта зарубежных стран по использованию ИКТ для повышения конкурентоспособности и качества экономического роста в Беларуси, исследования тенденций и особенностей развития международного рынка товаров ИКТ для их учета при разработке стратегии интернационализации национальной индустрии ИКТ-сектора, диверсификации национального экспорта, что предполагает углубленный анализ зарубежной практики в этой области.

Анализ международной торговли товарами ИКТ-сектора

Международный рынок информационно-коммуникационных технологий до 2009 г. развивался стремительно и являлся одним из наиболее динамичных секторов современной экономики. С 2003 г. его темпы прироста составляли в среднем 9 % и

превышали рост мировой экономики в целом (4 %). Однако в период мирового экономического кризиса произошло снижение общемировых затрат на ИКТ на 4,5 % и рынок сократился до 3,2 трлн. долл. в 2009 г. [1].

Регион БРИК, доля которого в потреблении ИКТ составляет почти 13 %, являлся драйвером позитивного развития рынка: в 2009 г. спрос в этих странах вырос на 4,9 %. Изменение региональной структуры международного рынка обусловлено тем, что в развитых странах спрос на ИКТ практически достиг точки насыщения, а развивающиеся страны все чаще заявляют о себе не только в качестве поставщиков, но и потребителей ИКТ-товаров и услуг. Динамика международного рынка ИКТ и его сегментов представлена в таблице 1.1:

Таблица 1. 1 – Динамика международного рынка ИКТ и его сегментов

Период	ИКТ-рынок	Коммуникации	ИТ-услуги	Аппаратное обеспечение
2009 г., трлн. долл.	3,223	1,892	0,998	0,333
темпы прироста, %	-4,50%	-3,40%	-3,50%	-12,50%
2010 г., трлн. долл.	3,394	1,988	1,053	0,353
темпы прироста, %	5,30%	5,10%	5,50%	6%

Примечание – Источник: [3].

По данным ЮНКТАД, в 2008 году мировой экспорт товаров ИКТ составил 1,636 трлн. долл., а в 2009 экспорт сократился до 1,404 трлн. долл. В структуре экспорта лидируют развивающиеся страны – они обеспечивают 0,909 трлн. долл. мирового экспорта, тогда как по объемам импорта развитые и развивающиеся страны практически равны. Страны с переходной экономикой в 2009 году экспортировали лишь 1,82 млрд. долл., а импортировали товаров ИКТ на сумму 17,45 млрд. долл.. Такая статистика свидетельствует о том, что странах с переходной экономикой недостаточно развито собственное производство товаров ИКТ и внутренний спрос удовлетворяется, главным образом, за счет импорта (см. рис. 1.1):

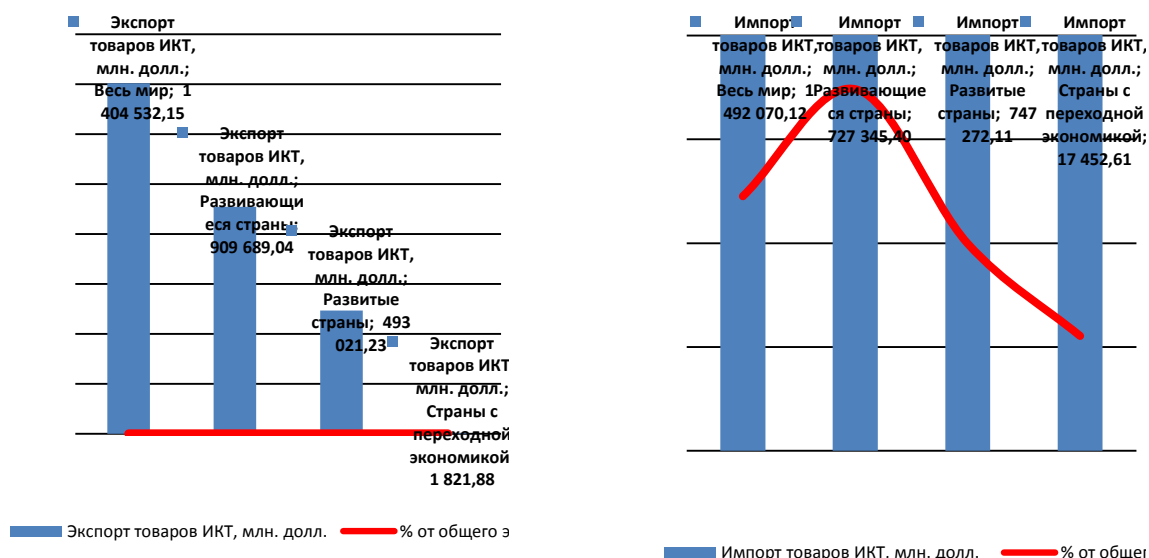

Рисунок 1.1 – Торговля товарами ИКТ, млн. долл. (2009)
Примечание – Источник: <http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableView.aspx>

Китай является крупнейшим экспортером товаров ИКТ, а Индия – крупнейшим экспортером компьютерных и информационных услуг. Восточная Европа, Мексика начинают играть все более важную роль в качестве производителей и растущих рынков.

Страны Азии играют все более важную роль в производственных сетях товаров, которые являются важными компонентами сборки и реэкспорта, при этом значительно возросла роль Китая как центра производства и привлечения сторонних ресурсов. В 2008 г. объем экспорта ИКТ Китая лишь ненамного отставал от совокупного объема экспорта Соединенных Штатов, 27 стран ЕС (за исключением внутривосточной торговли) и Японии. Новые регионы поставок появляются по мере продолжения поиска менее затратных условий и реорганизации глобальных инновационных сетей и цепочек поставок.

Глобальный экспорт товаров ИКТ, составляющий 12 процентов мировой торговли товарами в 2009 году, все больше характеризуется доминированием Азии. На Азиатские страны приходится 66,3 процента мирового экспорта товаров информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в 2009 году (по сравнению с 63,8 процента в 2008 году), около одной трети мирового экспорта товаров ИКТ в настоящее время экспортируется из Китая и Гонконга [5]. Такой рост доли Азиатских стран в мировом экспорте ИКТ поддерживает последние выводы о том, что мировой финансовый кризис привел к значительным сдвигам в мировой торговле ИКТ-товарами в сторону Азии.

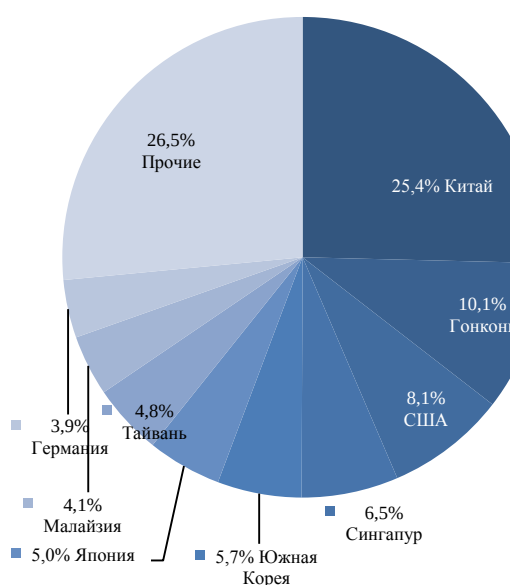
Семь из десяти крупнейших экспортеров товаров ИКТ находятся в Азии (см. рис. 1.2). Китай является самым крупным поставщиком товаров ИКТ (порядка 356 млрд. долл. в 2009 году), затем Гонконг (142 млрд. долл.), третье место занимают США (113 млрд. долл.) [5]. ИКТ товары имеют большое значение для многих развивающихся стран. Ориентация на продукты ИКТ наиболее ярко проявляется в случае с Гонконгом и Китаем, где такие товары представляют около 40 процентов всего экспорта.

Другими странами, в которых ИКТ товары составляют 30 или более процентов экспорта, являются Сингапур (33,9 процента), Тайвань (33 процента), Малайзия (36,5 процента) и Филиппины (36,4 процента) [6].

Хотя экспорт товаров ИКТ упал в 2009 году в результате финансового кризиса, спад был особенно заметен среди ряда европейских стран. Например, экспорт товаров ИКТ в Португалии и Финляндии сократился более чем на половину, в Ирландии - на 36 процентов, и более чем на 20 процентов в Чехии, Франции, Германии и Швеции [5].

С другой стороны, некоторые страны в период финансового кризиса смогли нарастить экспорт товаров ИКТ. Индийский экспорт увеличился на 244 процентов, экспорт Малайзии - на 18 процентов [6]. Кроме того, снижение экспортных объемов Китаем, Гонконгом, Филиппинами, Республикой Кореей, Таиландом было относительно небольшим.

Структура мирового экспорта товаров ИКТ

Структура мирового импорта товаров ИКТ

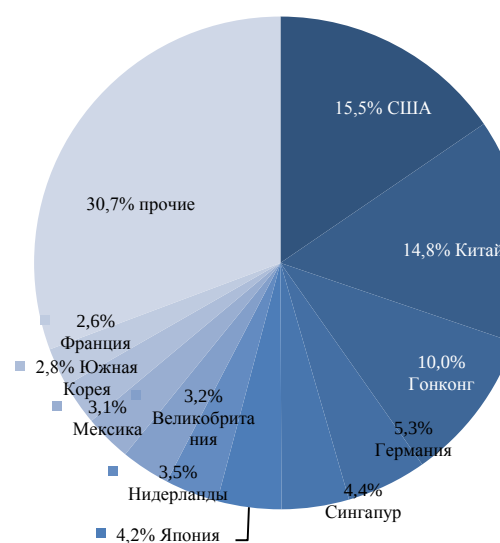

Рисунок 1.2 – Региональная структура мирового рынка товаров ИКТ, (%)
Примечание – Источник: <http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableView.aspx>

Что касается импорта товаров ИКТ, то здесь США возглавляет список, затем идут Китай и Гонконг (см. рис. 1.2). Крупнейшими импортерами ИКТ-товаров в 2009 году являлись Соединенные Штаты Америки (231 млрд. долл.), Китай (220 млрд. долл.), Гонконг (150 млрд. долл.), Германия (78 млрд. долл.), Сингапур (66 млрд. долл.), Японии (63 млрд. долл.), Нидерланды (52 млрд. долл.), Великобритания (48 млрд. долл.), Мексика (46 млрд. долл.) и Республика Корея (42 млрд. долл.) [5].

Среди основных импортеров, снижение более чем на 35 процентов было зарегистрировано в Финляндии, Ирландии, Португалии, России и Испании. С другой стороны, в Индии наблюдался быстрый рост импорта товаров ИКТ (20 млрд. долл.), что позволило ей занять 17 позицию в мировом рейтинге импортеров [5]. Страны, в которых товары ИКТ представляют наибольшую долю в совокупном импорте, расположены в Восточной и Юго-Восточной Азии. Несколько стран Латинской Америки также показывают высокую зависимость от импорта товаров ИКТ, в том числе Коста-Рика (17 процента), Мексика (20 процентов) и Парагвай (26 процентов) [5].

Место Китая в международной торговле товарами

Китай является главным мировым экспортером товаров ИКТ и занимает вторую позицию в структуре мирового импорта. Наибольший объем экспорта Китая приходится на вычислительные машины и устройства для обработки данных, т.е. компьютеры (101,58 млрд. долл. или 28,5% всего экспорта товаров ИКТ). Также значительную долю экспорта составляют телефонные аппараты, в том числе, мобильные (86,47 млрд. долл. или 24,3%). На части и комплектующие приходится около 10% экспорта товаров ИКТ, на мониторы и проекторы – 7,5% экспорта (см. таблицу 1.2).

Таблица 1.2 – Экспорт товаров ИКТ Китая по товарным позициям, млрд. долл.

Наименование товара	2007	2008	2009
Принтеры, копировальные аппараты	18,725	19,865	17,076
Вычислительные машины и карманные устройства для записи данных	1,438	1,418	1,184
Вычислительные машины и устройства для обработки данных	93,510	105,652	101,584
Телефоны	78,749	89,876	86,468
Микрофоны; громкоговорители; наушники	6,883	8,057	7,089
Аппаратура звукозаписывающая или звуковоспроизводящая	2,845	1,425	0,966
Аппаратура видеозаписывающая или видеовоспроизводящая	7,225	10,517	10,86
Части и комплектующие	47,728	48,500	38,994
Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных	6,547	7,669	6,402
Аппаратура передающая для радиовещания или телевидения	10,703	10,850	9,719
Аппаратура приемная для радиовещания	4,893	4,450	3,055
Мониторы и проекторы	36,615	35,230	26,663
Лампы и трубки электронные с термокатодом, холодным катодом или фотокатодом	1,114	1,036	0,536
Диоды, транзисторы и аналогичные полупроводниковые приборы	9,976	17,020	15,476
Схемы электронные интегральные	23,874	24,69	23,614
Оборудование для офиса	1,020	1,156	1,187
Всего	358,851	396,424	356,301

Примечание – Источник: UN Comtrade Database

В страновой структуре экспорта важнейших товаров ИКТ (компьютеров и телефонов) доминируют Азиатские страны, главным образом, Гонконг (12,4% экспорта компьютеров и 29,1% экспорта телефонов). Кроме того, главным торговым партнером Китая являются США: в США экспортируется 31,2% компьютеров и 14% телефонов [5].

Китайское руководство подошло к развитию научно-технического прогресса и информатизации самым основательным образом. С начала 1980-х гг. в стране принимаются многочисленные государственные программы развития и внедрения высоких технологий. Программа «Факел», реализация которой началась в 1988 году,

является основной программой создания индустрии высоких и новейших технологий. Программа нацелена на развитие национальной науки и техники и одновременно скорейшее внедрение в производство передовых отечественных разработок. Финансирование программы предполагает использование государственных ассигнований только по ряду направлений, в то время как основные инвестиции поступают из негосударственных источников. Тем самым правительство стимулировало развитие частного сектора экономики, что привело к взрывному росту негосударственных и совместных предприятий по высоким технологиям.

В результате дальновидной экономической политики к концу 1990-х гг. в Китае было построено множество новейших высокотехнологичных производств, продукция которых собирается полностью из китайских комплектующих.

Ведущую роль в развитии китайской компьютерной индустрии играют тайваньские компании, заинтересованные в перенесении собственного производства на континент по причине меньших налогов и затрат на оплату труда. Крупные тайваньские производители ноутбуков (First International Computer, Compal, Acer, и др.) во второй половины 1990-х гг. наладили производство комплектующих и частичную сборку в Китае. Эти компании лоббировали законы, позволяющие наладить полное производство ноутбуков на континенте, что было запрещено тайваньским законодательством из-за политических противоречий между Тайванем и Китаем. Участие тайваньских компаний в создании китайских ИТ-производств является весьма существенным фактором для экономики Китая, с Тайваня на материк также перемещаются центры по выпуску микросхем, карманных компьютеров, смартфонов и другие высокотехнологичные производства [4].

Японские компании с 2001 г. начали переносить свои производственные линии в Китай из Таиланда, Сингапура, Малайзии, Индонезии и Филиппин. В результате в этих странах были закрыты десятки тысяч рабочих мест. В 2002 г. компания NEC перевела свое производство ПК из Малайзии в Китай, в 2001 г. в Сингапуре и Малайзии были закрыты заводы Hitachi, выпускающие электронно-лучевые трубки, а производство переведено в Китай. В декабре 2002 г. компания Samsung Electronics решила последовать за тайваньскими и японскими ИТ-производителями и наладить производство ноутбуков в Китае.

Научно-исследовательские организации и высокотехнологичные производства в Китае концентрируются в специально создаваемых с конца 1970-х гг. особых экономических районах с благоприятным режимом в отношении зарубежных инвесторов, включая льготный визовый режим для иностранных граждан, а также с особым законодательством, стимулирующим иностранные инвестиции. Администрации специальных экономических зон наделены самыми широкими полномочиями в области введения льготного налогообложения предприятий, ценообразования, трудового законодательства. Дополнительно в 1984 г. Китай открыл для внешних инвестиций 14 приморских городов, включая самый густонаселенный город страны Шанхай. В этих городах, как и в специальных экономических зонах, действует особое законодательство.

По примеру других азиатских стран с начала 1990-х гг. в КНР создаются специальные хай-тек зоны для концентрации научных организаций и высокотехнологичных производств на единой территории. Хай-тек зоны являются территорией, по большей части, закрытой для иностранного участия в силу военного характера многих научно-технических проектов в сфере ИТ. Однако организационная структура,

а также территориальное расположение хай-тек зон по существу на единой территории со свободными экономическими зонами, на практике способствует усилению контактов китайских ученых из хай-тек зон с организациями и фирмами свободных экономических зон.

Итак, успех в экономике Китая был предрешен не только за счет создания технопарков и центров технологий, но, прежде всего, за счет правильного и своевременного проведения реформ, начатых еще в 80-х годах прошлого столетия. Экономические условия хозяйствования субъектов подтвердили тот факт, что они являются основой развития любой страны, любого государства, независимо от социально-экономической формации.

Внешняя торговля товарами ИКТ в Республике Беларусь

Импорт товаров ИКТ в 7-8 раз превышает экспорт соответствующей продукции. В 2009 году было импортировано около 580 млн. долл. против 860 млн. долл. в 2008 году. В 2009 году отрицательное сальдо торговли товарами ИКТ-сектора составило 500 млн. долл. или 7% общего отрицательного сальдо внешней торговли Беларуси (см. табл. 1.3).

В структуре импорта товаров ИКТ Республики Беларусь доминируют телефонные аппараты (157,3 млн. долл. или 27% всего импорта ИКТ в 2009 году), компьютеры (122,2 млн. долл. или 21% всего импорта ИКТ в 2009 году), мониторы и проекторы (69,9 млн. долл. или 12% всего импорта ИКТ в 2009 году) (см. табл. 1.3).

Структура экспорта характеризуется явным доминированием интегральных схем (32 млн. долл. или 40% всего экспорта ИКТ в 2009 году), Беларусь имеет активное сальдо только по данной позиции (см. таблицу 1.3):

Таблица 1.3 – Импорт и экспорт товаров ИКТ Республики Беларусь по товарным позициям, млн. долл.

Товарная позиция	Импорт		Экспорт		Сальдо	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009
Аппаратура видеозаписывающая или видеовоспроизводящая	11,684	4,061	0,1646	0,0476	-11,5194	-4,0134
Аппаратура звукозаписывающая или звуковоспроизводящая	2,08	0,964	0,0434	0,0807	-2,0366	-0,8833
Аппаратура передающая для радиовещания или телевидения	28,883	16,917	0,8547	1,057	-28,0283	-15,86
Аппаратура приемная для радиовещания	12,021	5,293	0,4168	0,0649	-11,6042	-5,2281
Вычислительные машины и карманные устройства для записи данных	7,588	5,795	0,0509	0,288	-7,5371	-5,507
Вычислительные машины и устройства для обработки данных	153,186	122,198	3,283	11,547	-149,903	-110,651
Диоды, транзисторы и аналогичные полупроводниковые приборы	13,515	10,179	11,278	5,97	-2,237	-4,209
Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных	40,851	30,194	1,482	1,372	-39,369	-28,822
Лампы и трубки электронные с термокатодом, холодным катодом или фотокатодом	44,374	29,238	3,219	0,8571	-41,155	-28,3809
Микрофоны; громкоговорители; наушники	19,289	11,412	0,1166	0,1082	-19,1724	-11,3038
Мониторы и проекторы	105,2	69,947	36,785	19,365	-68,415	-50,582
Оборудование для офиса	9,668	3,809	0,308	0,0873	-9,36	-3,7217
Принтеры, копировальные аппараты	94,734	55,77	0,5401	0,4045	-94,1939	-55,3655
Схемы электронные интегральные	24,673	17,496	39,424	32,044	14,751	14,548
Телефоны	238,074	157,314	1,665	1,388	-236,409	-155,926
Части и комплектующие	52,717	38,8091	4,3719	5,7624	-48,3451	-33,0467
Всего	858,537	579,396	104,003	80,443	-754,534	-498,953

Примечание – Источник: UN Comtrade Database

Анализ структуры импорта по наиболее значимым позициям показывает, что более половины импорта телефонов и компьютеров приходится на Китай. Также на белорусском рынке сильны позиции европейских производителей из Швеции, Германии, Венгрии, Чехии. Самый главный торговый партнер Беларуси – Российская Федерация – по данным товарным позициям не имеет лидерства на рынке (4,4% импорта телефонов и 3,6% импорта компьютеров) [6].

Основными проблемами, препятствующие развитию массового производства товаров ИКТ в Беларуси, являются следующие:

- экономическая среда, высокие инвестиционные риски в стране;
- несовершенство системы налогообложения;
- проблемы защиты интеллектуальной собственности;
- валютный кризис 2011 г. и незащищенное положение импортеров.

Создание технопарка передовых технологий как новой свободной экономической зоны в Беларуси

В 2010 году вслед за Парком высоких технологий начали звучать кардинально новые предложения по поводу создания новой структуры в виде технопарка. До конца 2010 года планировалось создать Парк передовых технологий. Инициатором проекта выступала Национальная Академия Наук.

Предполагалось, что в Парк передовых технологий войдут примерно 30 предприятий в области лазерной, оптической и электронной техники. Роль науки для них является определяющей. Для таких предприятий будет создан ряд преференций. Планируется, что деятельность резидентов нового парка будет осуществляться по трем основным направлениям - лазерные технологии, микроэлектроника и оптика. Деньги, которые по планам останутся в результате действия налоговых и таможенных льгот, будут находиться на этих предприятиях и пойдут на новые разработки.

По подсчетам экспертов, заинтересованных в создании ППТ организаций около сорока. Среди них «ПЛАНАР», «Бел-ОМО», «Оптик», «Радиоволна», «Измеритель», «ПЕЛЕНГ», «НИИ ЭВМ», «АГАТ-Систем», Институт физики имени Б.И. Степанова, «Феррит», «ЛОТИС ТИИ» и другие. Парк передовых технологий Беларуси, по предварительным оценкам, сможет ежегодно производить продукции более чем на 200 млн. долл.

Главный недостаток идей создания технопарков в Беларуси – это стремление сделать из белорусских предприятий драйверов научно-технического прогресса не только внутри страны, но и в СНГ. Однако данный вариант развития уже имеющихся в стране производств оценивается как бесперспективный, в виду чрезвычайно низкой конкурентоспособности продукции компаний, недостаточно устойчивого финансового положения и сильной зависимости от государственных заказов, благодаря которым, зачастую, и обеспечивается положительная рентабельность организаций сектора ИКТ. Исходя из этого, наиболее перспективным направлением развития подобного проекта, по убеждению автора, является создание технопарка передовых технологий на территории, прилегающей к СЭЗ «Минск», с заключением инвестиционного договора и привлечением в качестве резидентов таких транснациональных компаний, как Nokia, Dell и Hewlett-Packard и других мировых инновационных лидеров.

Литература

1. Анализ тенденций развития ИКТ и их применение в социально-экономической сфере. Часть 1. // Журнал «Инфобизнес» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.ibusiness.ru/analytics/30608/>.- Дата доступа: 05.10.2011.
2. Доклад Партнерства для статистического измерения информационно-коммуникационных технологий в интересах развития: статистика информационно-коммуникационных технологий // International Telecommunication Union [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.itu.int/ITU-D/ict/partnership/material/2009-19-ICT-R.pdf> – Дата доступа: 19.05.2011.
3. Ковалев, М. М., Развитие экспорта ИТ-услуг в посткризисной перспективе / М.М. Ковалев, О. И. Лаврова // Веснік сувязі. – № 3. – 2010. – С.21-25.
4. Ткачева, Н.В. Информационные стратегии стран Восточной Азии в условиях рыночных реформ / Н.В. Ткачева. – М.: РИП-холдинг – 2003. – 57 с.
5. UNCTADstat database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.ibusiness.ru/analytics/30608/>.-http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_referer=&sCS_ChosenLang=en<http://old.ibusiness.ru/analytics/30608/>.- Дата доступа: 09.09.2011.
6. Comtrade database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://comtrade.un.org/db/><http://old.ibusiness.ru/analytics/30608/>.- Дата доступа: 19.10.2011.

Данильченко А. В.

*Профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой международных экономических отношений,
Белорусский государственный университет*

Калинин Д. С.

*Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Белорусский государственный университет*

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Исторически сложилось так, что промышленно развитые страны (ПРС) обладают технологически развитой и финансово мощной экономической системой. Субъекты хозяйствования, базирующиеся в этих странах, характеризуются значительной обособленностью от органов государственной власти, а также высоким уровнем конкурентоспособности и инвестиционной обеспеченности, позволяющей им на протяжении долгих лет осуществлять активную международную экспансию в глобальном масштабе. В отличие от них, подавляющее большинство крупных хозяйственных структур Республики Беларусь находятся в государственной собственности или тесно с ней связаны. Все они сформировались в условиях высоко защищенного внутреннего рынка с ограниченной конкурентной борьбой, что обуславливает слабую приспособленность большинства из них к острой международной конкуренции. Поэтому, выходя на зарубежные рынки и тем более осуществляя экономическую транснационализацию, связанную со значительными финансовыми затратами и огромными рисками потерь, белорусские компании нуждаются в значительной поддержке со стороны государства, причем не только в области финансирования, но и страхования, информационного и политического обеспечения зарубежной активности.

Традиционно в Республике Беларусь, в связи со сравнительно незначительным ее включением в международные экономические процессы, наибольшее внимание уделяется государственному регулированию и поддержке международной торговой (экспортной) деятельности. Однако, по мере все более широкого включения страны в международные инвестиционные процессы возникает необходимость формирования эффективного механизма государственной поддержки экономической транснационализации, предполагающего принципиально новые стратегические установки и соответственно иной инструментарий по их достижению.

Конечно же, любая государственная поддержка может быть ориентирована на широчайший спектр сфер деловой активности. Однако такое всестороннее участие может подрывать самостоятельность и инициативность субъектов хозяйствования, а также потребует от государства вовлечения неоправданно большого объема централизованных ресурсов. Поэтому, на наш взгляд, государственная поддержка экономической транснационализации Республики Беларусь должна быть направлена, прежде всего, на решение наиболее приоритетных задач и преодоления наиболее значимых трудностей, с которыми сталкиваются субъекты хозяйствования и при реализации которых им не обойтись без протекции.

Международный опыт свидетельствует, что основные трудности, с которыми сталкиваются компании, ставящие перед собой цель осуществления экономической транснационализации и достижения на ее основе успешной международной экспансии, как правило, связаны с недостаточной их ресурсной и информационной обеспеченностью, противодействием со стороны зарубежных конкурентов и правительств, а также рисками инвестиционных потерь [1].

В связи с тем, что экономическая транснационализация напрямую связана с осуществлением зарубежных капиталовложений (порой очень больших), одной из наиболее значимых проблем, возникающих перед компаниями, является наличие у них необходимых для этого инвестиционных ресурсов. Даже обладая свободными средствами, необходимыми для реализации зарубежного инвестиционного проекта, инвесторы зачастую сталкиваются с тем, что первоначально запланированных капиталовложений оказывается недостаточно. Порой дополнительные инвестиции, необходимые для полноценной организации зарубежной деловой активности, значительно превышают стартовые капиталовложения. Поэтому, ставшие на путь экономической транснационализации компании могут столкнуться с ситуацией, при которой перед ними встает выбор между вовлечением дополнительных ресурсов, которыми они не располагают, и закрытием зарубежного проекта, что зачастую связано со значительными инвестиционными потерями. Результатом такого рода «провала» в осуществлении экономической транснационализации может стать неверное представление руководства компании о дальнейших перспективах этого процесса, что способно значительно затормозить и/или окончательно прервать международную экспансию вполне подходящего для этого хозяйствующего субъекта.

Для активизации экономической транснационализации белорусских компаний, на наш взгляд, целесообразно построение действенного организационно-управленческого механизма инвестиционной поддержки этого процесса со стороны государства. В качестве составных ее элементов могут выступать: 1) льготное кредитование отечественных субъектов хозяйствования, инвестирующих за рубеж; 2) целевое финансирование отдельных зарубежных проектов в форме безвозмездных финансовых субсидий; 3) участие специализированных государственных структур в организации совместных с отечественными компаниями зарубежных проектов, особенно связанных с долгосрочными капиталовложениями в наиболее приоритетных и стратегически важных для страны сферах. Для эффективной реализации указанных направлений государственной поддержки целесообразно выделить существующие и/или создать новые специализированные структуры, через которые она будет осуществляться.

Одна из наиболее ключевых ролей в сфере осуществления господдержки экономической транснационализации страны, на наш взгляд, может быть возложена на государственный инвестиционный фонд, основной целью которого будет поддержка и/или развитие зарубежных капиталовложений отечественных субъектов хозяйствования. В указанном фонде будут аккумулироваться значительные объемы государственных финансовых ресурсов, которые на основании селективного подхода (учитывая государственные приоритеты), будут выделяться отдельным нуждающимся в этом компаниям, реализующим зарубежные инвестиционные проекты. Во избежание нецелевого расходования государственных средств, а также эффективного их использования, целесообразно возложить на фонд задачи по контролю и мониторингу реализации финансируемых им инвестиционных проектов. Такой подход поз-

волит Республике Беларусь значительно активизировать и вместе с тем оптимизировать транснациональную деятельность национальных субъектов хозяйствования, имеющих необходимый для этого потенциал, но испытывающих дефицит свободных инвестиционных ресурсов. Тем не менее, в связи с ограниченностью объема ресурсов самого инвестиционного фонда и безвозмездным характером осуществляемой им поддержки, на нее сможет рассчитывать лишь незначительное количество компаний, причем, скорее всего, находящихся в государственной собственности.

Для более широкомасштабной активизации экономической транснационализации Республики Беларусь, на наш взгляд, уместно организовать дополнительную систему государственной поддержки, которая бы ориентировалась на более широкий спектр субъектов хозяйствования, в том числе не государственных, и выступала бы дополнительным источником их инвестиционного обеспечения. В качестве примера может служить «Экспортно-импортный банк Китая», который являясь крупной банковской структурой, полностью находящейся в собственности государства, отвечает за инвестиционную поддержку отечественных субъектов хозяйствования, развивающих экономическую транснационализацию. Изначально, данная банковская структура формировалась исключительно для кредитования экспортной активности китайских производителей. Однако, в настоящее время «Экспортно-импортный банк Китая» все больше трансформируется в сторону поддержки инвестиционной экспансии национальных компаний посредством льготного их кредитования. В 2007 г. доля финансирования зарубежных инвестиционных проектов, реализуемых китайскими субъектами хозяйствования, достигла почти 19% от общего объема выданных банком кредитных средств [2]. К зарубежным инвестиционным проектам, поддерживаемым Экспортно-импортным банком Китая, относятся:

- разработка и добыча природно-сырьевых ресурсов за рубежом;
- производственные и торговые проекты, способствующие развитию экспорта китайских технологий, оборудования и продукции;
- строительство зарубежных заводов или производств;
- строительство зарубежных объектов инфраструктуры;
- организация зарубежных НИОКР центров, способствующих модернизации китайской продукции и повышению их конкурентоспособности;
- организация зарубежных маркетинговых и сервисно-сбытовых центров;
- зарубежные слияния и поглощения (СиП), а также создание совместных предприятий (СП), способствующих развитию мировых товарных рынков, модернизации и повышению международной конкурентоспособности китайских производителей.

К настоящему времени «Экспортно-импортный банк Китая» прямо или косвенно принял участие в реализации целого ряда зарубежных инвестиционных проектов, содействующих экономической транснационализации китайских компаний. Одним из них является предоставление в 2007 г. льготного кредита в размере 300 млн. долл. США китайской текстильной компании «Shanghai Tianli Enterprises Holdings» для их дальнейшего инвестирования в создание крупного текстильного производства на территории Мавритании. Благодаря этому китайская компания организовала первое в этой стране специализированное текстильное производство, что не только позволило усилить ее конкурентные преимущества, но и стать одним из наиболее стратегически важных инвесторов, способствующих экономическому развитию Мавритании.

По примеру Экспортно-импортного банка Китая, на наш взгляд, Республике Беларусь также целесообразно выделить из существующих или организовать новую крупную специализированную банковскую структуру, находящуюся в государственной собственности. К основным ее функциям уместно будет отнести льготное кредитование национальных субъектов хозяйствования, осуществляющих за рубежом инвестиционные проекты. С одной стороны, подобная господдержка способна значительно интенсифицировать зарубежную инвестиционную активность национальных субъектов хозяйствования, повысить их системную конкурентоспособность по сравнению с зарубежными конкурентами, развивающимися либо за свой счет, либо оплачивающие значительные процентные ставки по кредитам. С другой – не нарушает рыночных механизмов функционирования субъектов хозяйствования, их самостоятельности и ответственности за эффективную реализацию инвестиционных проектов. И наконец, в связи с тем, что инвестиционная поддержка, предполагающая льготные условия кредитования, не является безвозмездной, она не вызовет значительного давления на госбюджет, а более интенсивное развитие экономической транснационализации отечественных компаний, вызванное ею, будет способствовать развитию и самого государственного кредитора.

Одним из важных элементов государственной поддержки экономической транснационализации страны посредством национальных банковских структур, как свидетельствует опыт КНР, может стать расширение их присутствия на наиболее важных и/или перспективных в плане реализации инвестиционных проектов зарубежных рынках. Речь идет о создании такой транснациональной банковской системы, которая, присутствуя за рубежом, могла бы финансировать реализацию инвестиционных проектов национальных субъектов хозяйствования, а также облегчать им текущие расчеты, репатриацию полученной прибыли и ее реинвестирование без долговременных бюрократических процедур.

В КНР одной из основных банковских структур, активно развивающей свою экономическую транснационализацию и осуществляющей благодаря этому финансовую поддержку национальных субъектов хозяйствования за рубежом, является находящийся под контролем государства «Industrial & Commercial Bank of China» (ICBC). На сегодняшний момент «ICBC» имеет за рубежом 120 филиалов/дочерних предприятий, расположенных в 15 странах, среди которых: ЮАР, Великобритания, Япония, Гонконг, Индонезия, Австралия, Россия и др.. Кроме того, «ICBC» стал первым за почти 20 лет иностранным банком, который, несмотря на целый ряд трудностей, добился разрешения на осуществление своей деятельности на территории США. Как видно, подавляющее большинство стран-реципиентов зарубежных подразделений китайского банка являются основными торговыми и инвестиционными партнерами КНР. Одним из наиболее примечательных инвестиционных проектов реализованных «ICBC» является приобретение им за 5,6 млрд. долл. США 20%-ой доли в южно-африканском банке «Standard Bank». По мнению экспертов, данная сделка ориентирована не только на закрепление стратегических позиций китайского банка в финансовой системе ЮАР, но и на улучшение условий финансирования китайских компаний, инвестирующих значительные ресурсы в целый ряд проектов в нефтяной и горнорудной промышленности этой страны [2].

По примеру китайского «ICBC», Республике Беларусь целесообразно активизировать экономическую транснационализацию национального банковского сектора. Конечно же финансовая мощь, а следовательно масштабы и скорость между-

народной экспансии этого китайского банка несопоставимы даже с самыми мощными банковскими структурами стран СНГ. Однако, концептуально опыт КНР может быть успешно нами использован. Во-первых, создание полноценной транснациональной банковской структуры предполагает значительные капиталовложения в формирование географически разветвленной системы зарубежных филиалов, нацеленных не столько на получение краткосрочной прибыли, сколько на стратегическую поддержку международной экспансии национальной экономики. Поэтому, основной упор уместно делать не столько на частные, сколько значительно более обеспеченные финансовыми ресурсами государственные банковские структуры. Во-вторых, целесообразно выделить один или несколько таких банков, на базе которых при самом активном и прямом участии государства будет развиваться транснациональная система, основная цель которой будет заключаться в финансировании национальных субъектов хозяйствования непосредственно на территории зарубежных государств. И, в-третьих, развитие экономической транснационализации выбранной банковской структуры должно быть нацелено на достижение первоочередного ее присутствия лишь на территории наиболее важных и перспективных торговых и инвестиционных зарубежных стран-партнеров. На наш взгляд, опираясь на указанные принципы Республика Беларусь способна в кратчайшие сроки и без значительных инвестиционных затрат сформировать действенную систему зарубежной финансовой поддержки экономической транснационализации отечественных субъектов хозяйствования.

Наряду со стоящей перед компаниями, осуществляющими экономическую транснационализацию, проблемой обеспеченности инвестиционными ресурсами большое значение для них имеет вопрос информационного сопровождения этого процесса. Многие белорусские компании, особенно находящиеся на начальных этапах развития своей международной деятельности, имеют ограниченное представление об условиях инвестиционной деятельности за рубежом, особенно если это касается географически и психологически отдаленных стран и регионов. Условия деловой активности в них отличаются не только законодательством в области инвестирования, но и национальными особенностями государственного и общественного регулирования, культурными и деловыми традициями и многим другим, что способно существенно повлиять на успешность реализации инвестиционного проекта. В отличие от традиционных экспортных операций, характеризующихся незначительной ресурсной вовлеченностью в зарубежные рынки, инвестиционная деятельность сопряжена со значительными объемами капиталовложений. Поэтому, риски потерь в процессе экономической транснационализации компании значительно возрастают и требуют более продуманных и взвешенных действий. Для разработки эффективной программы реализации зарубежного инвестиционного проекта особое значение приобретает знание специфики страны-реципиента, наличие информации о потенциальных партнерах, местных природно-сырьевых и человеческих ресурсах.

В отличие от крупных компаний ПРС, большинство белорусских субъектов хозяйствования не имеют полноценного доступа к необходимой информации о зарубежных странах, достаточно квалифицированным аналитическим и управленческим кадрам, а также не располагают значительными финансовыми ресурсами для учреждения разветвленной сети зарубежных представительств, которые могли бы помочь избежать и/или снизить риски неоправданных действий. В такой ситуации, как свидетельствует мировой опыт, функцию информационной поддержки экономической транснационализации национальных субъектов хозяйствования должно

взять на себя государство. Например, в КНР с целью содействия национальным капиталовложениям за рубеж Министерством внешнеэкономических связей и внешней торговли создан «Банк данных по инфраструктуре различных стран с точки зрения зарубежного в них инвестирования». Большую роль в сборе и анализе информации о зарубежных странах и их инвестиционной привлекательности также играют специальные торговые отделы, организованные при каждом посольстве КНР. Создаются специализированные государственные консультационные организации, облегчающие разработку стратегий проникновения китайских компаний на зарубежные рынки, а также осуществляющие информационное сопровождение зарубежных инвестиционных проектов китайских субъектов хозяйствования.

В настоящее время одним из важнейших направлений государственной поддержки экономической транснационализации в КНР стало проведение специализированных мероприятий, посвященных развитию международного инвестиционного сотрудничества китайских субъектов хозяйствования с их зарубежными партнерами. Первоначально так называемые инвестиционные ярмарки имели направленность исключительно на привлечение в КНР зарубежных инвесторов. Однако на протяжении последних нескольких лет на традиционных инвестиционных ярмарках все больше внимания стало уделяться вопросам развития внешненаправленной экономической транснационализации китайских компаний. Так, в 2008 г. по результатам проведенной Министерством коммерции КНР 12-ой Китайской торгово-экономической и инвестиционной ярмарки были заключены контракты по 517 инвестиционным проектам на общую сумму 8,1 млрд. долл. США, среди которых традиционно подавляющее большинство касалось привлечения в КНР зарубежных капиталовложений. Вместе с тем, в ходе этого мероприятия китайские компании также подписали протоколы о намерениях по финансированию 21 зарубежного проекта на общую сумму 83,4 млн. долл. США. Указанное направление получает в КНР все большую популярность и развитие. Ярким свидетельством этому является реализация в ближайшие годы Министерством коммерции КНР китайской ярмарки по внешнему инвестиционному сотрудничеству, начиная с первой ярмарки, проведенной в Пекине в 2009 г. Характерно, что данное мероприятие было посвящено исключительно развитию внешненаправленной экономической транснационализации китайских субъектов хозяйствования. По замыслу организаторов - это долговременная платформа инвестиционного сотрудничества КНР с зарубежными странами.

Государственная поддержка экономической транснационализации в Республике Беларусь также должна включать целый перечень мероприятий, направленных на информационное, инфраструктурное и организационное обеспечение этого процесса. Специализированным государственным ведомствам и организациям, отвечающим за внешнеэкономическое развитие национальной экономики, уместно возложить на себя выполнение указанных функций.

По примеру КНР белорусским государственным органам, опираясь на информационную поддержку национальных загранучреждений, необходимо сформировать базы данных, содержащие полную и объективную информацию об инвестиционном климате зарубежных стран. При их подготовке особый акцент целесообразно сделать на местных особенностях правовой системы, потребительского спроса, партнерской базы и конкурентной среды, а также реализуемых и/или планируемых инвестиционных проектах. Указанная информационная поддержка позволит национальным компаниям значительно сократить расходы, связанные с изучением зару-

бежных стран-реципиентов, получить предварительное представление о потенциальных возможностях и трудностях, с которыми они могут столкнуться при реализации зарубежных проектов. В результате это позволит сократить риски зарубежной инвестиционной деятельности национальных субъектов хозяйствования, задействовать их предпринимательскую активность, в том числе менее ресурсообеспеченных компаний.

Отдельное место в системе государственной поддержки развития экономической транснационализации страны должны получить мероприятия, направленные на привлечение внимания потенциальных партнеров (стран-реципиентов) к инвестиционным возможностям национальных субъектов хозяйствования. Необходима переориентация Республики Беларусь к активной демонстрации своих конкурентных позиций, посредством организации инвестиционных ярмарок либо в потенциальных странах-реципиентах, либо на собственной территории. На наш взгляд, последний вариант представляется более экономичным и перспективным, поскольку позволяет охватить более широкие слои потенциальных партнеров за счет приглашения к участию в централизованном мероприятии представителей сразу всех зарубежных стран, включая органы их государственной власти и деловые круги. Оказанная таким образом государственная поддержка имеет целый ряд преимуществ. Во-первых, в подобных мероприятиях может принять участие большое количество национальных компаний, что позволит не распылять финансовые ресурсы на продвижение каждой из них по отдельности. Во-вторых, национальные компании, воспользовавшись форматом мероприятия, имеют возможность представить свои инвестиционные проекты одновременно большому количеству потенциальных партнеров, оценить с последними предварительные перспективы их реализации, а также напрямую узнать предъявляемые к ним требования.

Развивая свою инвестиционную активность за рубежом, как свидетельствует мировой опыт, компании достаточно часто сталкиваются со значительным на них давлением. С одной стороны, реализация зарубежных инвестиционных проектов предполагает внедрение субъектов хозяйствования в экономическую систему других государств, часто связанное с ростом влияния страны базирования инвесторов на экономическое и политическое положение стран-реципиентов. Это не может не вызывать определенные опасения местных правительств и деловых кругов за сохранение их суверенитета и независимости. Поэтому, часто активизация инвестиционного сотрудничества воспринимается ими как угроза своим национальным интересам, особенно если это касается инвесторов из значительно более мощных и/или недружественных государств. С другой – реализуя зарубежные инвестиционные проекты, компании фактически расширяют зону своего экономического хозяйствования и соответственно ограничивают ее у других отраслевых участников, местных и/или иностранных. Как правило, это вызывает обострение конкурентной борьбы, характеризующейся не только экономическими методами соперничества, но и задействованием политического инструментария. Правительства стран базирования зарубежных компаний-инвесторов, идя на определенные уступки и предложения, стараются добиться от соответствующих органов стран-реципиентов привилегированного положения исключительно собственных субъектов хозяйствования. В этой связи, как правило, компании из ПРС потенциально обладают гораздо большей политической поддержкой по сравнению с белорусскими субъектами хозяйствования.

На наш взгляд, единственным выходом для Республики Беларусь, в случае если она намерена активно развивать экономическую транснационализацию, является расширение ее международного политического влияния, установления дружественных и даже стратегических (союзнических) отношений с потенциальными странами-реципиентами. Важно не просто поддерживать активные контакты с правительствами зарубежных стран, а добиться такого политического их расположения, при котором инвестиционная экспансия национальных компаний не будет восприниматься как угроза суверенитету, а наоборот как возможность взаимного экономического развития. В такой ситуации, как свидетельствует опыт КНР, местными правительствами может отдаваться предпочтение не тем зарубежным инвесторам, которые предлагают более экономически эффективные проекты, а тем, которые базируются в политически близких для них государствах.

В связи с тем, что сферы влияния в мировой хозяйственной системе уже устойчиво распределены преимущественно между ПРС, имеющими значительный финансовый и технологический потенциал, правительством КНР делается акцент на интенсивное закрепление своих стратегических позиций в странах и регионах, относительно слабо включенных в их орбиту. Наиболее интенсивная активность по развитию политических связей направлена, прежде всего, на те государства, которые имеют значительный потенциал сотрудничества, но по тем или иным причинам слабо вовлечены в международные отношения, а также страны, правительства которых имеют близкие с КНР политические ориентиры (взгляды).

Особый акцент в развитии международного политического и экономического влияния КНР делает на страны африканского континента. Китайским правительством регулярно проводятся различного рода мероприятия по активизации сотрудничества с этими странами. Характерно, что КНР единственная страна, которой удалось собрать на одном из Африкано-Китайских саммитов почти всех глав африканских государств для обсуждения путей совместного социально-экономического развития. В настоящее время КНР предоставляет наиболее значительную экономическую поддержку африканским странам, что позволяет ей оказывать на них значительное влияние, в том числе в вопросах, касающихся реализации инвестиционных проектов. Важной чертой китайской экспансии африканского континента является то, что КНР, завоевав доверие и оказывая определенное влияние на местные правительственные круги, всячески стремится поддерживать последних, в том числе в военно-политической сфере. Так, для стабилизации внутривнутриполитической ситуации в Демократической Республике Конго, в которой заинтересована китайская сторона, из КНР интенсивно осуществляются поставки различных видов оружия, которое используется для борьбы с вооруженными группировками в отдельных регионах этого африканского государства. А, например, в Судане, с этой же целью при участии КНР построены заводы по производству оружия, что позволяет ослабить последствия эмбарго на его поставки. Именно, благодаря подобной политике КНР активно теснит из ряда развивающихся стран и особенно Африки целый ряд компаний из других, в том числе ПРС [1; 2].

Опираясь на опыт КНР, Республике Беларусь целесообразно активизировать свою международную политическую и иную деятельность с потенциальными странами-реципиентами национального капитала. Тем не менее, в отличие от КНР, наша страна не способна развивать подобную активность по масштабам даже близко сопоставимую с китайской. На наш взгляд, гораздо уместнее определить наиболее стратегически важные вектора развития международных политических связей.

Необходимо выбрать несколько наиболее потенциальных в налаживании стратегических внешнеполитических связей зарубежных государств, обладающих необходимыми ресурсами и/или рынками сбыта, и концентрировано направлять усилия на укрепления в них своих позиций. Отдельным шагом государственной поддержки экономической транснационализации, лежащим во внешнеполитической плоскости, должна быть активность в заключении двухсторонних и многосторонних соглашений о защите инвестиций, присоединении к международным антимонополистическим соглашениям, а также участии в различного рода международных интеграционных объединениях.

Литература

1. Калинин, Д.С. Формирование стратегии интернационализации машиностроительных предприятий Республики Беларусь : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Д.С. Калинин. – Минск, 2008.
2. Ху, Ц. Ж. Экономическая транснационализация стран с транзитивной экономикой (на примере Китайской Народной Республики): дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 /Цзюнь Жун Ху – Минск, 2010.

Демьянов С. А.
Магистр географических наук, преподаватель
Полесский государственный университет

МИРОВЫЕ ГОРОДА В СТРУКТУРЕ ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, РОЛЬ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Качественно новое позиционирование Китая на мировом рынке товаров и услуг обусловило формирование на его территории нескольких мировых городов. Современный Китай представляет собой экономический «локомотив» Азиатско-Тихоокеанского региона, опередив в 2010 году по объему ВВП Японию. Беспрецедентный рост экономики Китая привел к быстрому развитию крупных промышленных и финансовых центров. По данным национального статистического бюро Китая, в настоящий момент в Китае насчитывается свыше 95 городов-миллионеров, то есть половина всех городов-миллионеров в мире. Такой колоссальный рост урбанизации привел к формированию здесь мегалополисов, которые превратились в поляризованные центры промышленного и нематериального производства.

Внимание всего мира приковано к набирающим силу молодым мировым городам Китая, однако скептики не спешат признавать их таковыми. Поэтому, для того чтобы выяснить истинный статус китайских мегалополисов в мировом хозяйстве необходимо определить степень соответствия критериям мировых городов. Существует немало трудностей на пути изучения мировых городов. Часть из этих трудностей обусловлена динамичным развитием, постоянным усложнением геополитического и геоэкономического пространства и стремительными трансформационными процессами в городских зонах, другая – тесно связана с определенными слабостями современной международной статистики и неотработанностью методической базы исследования. Авторы используют самые различные оценки и подходы к выделению и изучению мировых городов. Так, согласно теории мировых городов Дж. Фридмана, мировые города должны отвечать ряду критериев [1, с. 12]:

1) Форма и степень интеграции глобального города в мировую экономику, его функции в рамках нового международного разделения труда имеют решающее значение для любых изменений внутренних городских структур.

2) Ведущие города во всем мире используются глобальным капиталом как «основные узлы» пространственной организации производства и сбыта.

3) Функции контроля и управления мировой экономикой в глобальных городах получают непосредственное отражение в структуре и динамике городской экономики, занятости населения.

4) Мировые города служат главными центрами концентрации и накопления международного капитала.

5) Глобальные города привлекают большое число внутренних и международных мигрантов.

6) Глобальные города выступают носителями главных противоречий индустриального капитализма, включая социальную и пространственную поляризацию населения.

7) Рост мировых городов приводит к росту социальных издержек темпами, превышающими фискальные возможности государства.

В настоящее время, согласно разработкам исследовательской группы GaWC, в Китае выделяются три мировых города разного ранга: Гонконг, Пекин и Шанхай. Первый из них включается в высшую категорию (α^+ группу глобальных центров) [2, с. 33-34]. Пекин и Шанхай относятся к более низкой категории – α -группе мировых городов, которые имеют преимущественно региональное значение. Для определения статуса мирового города для Шанхая и Пекина следует подробно рассмотреть степень их соответствия критериям глобальных «мировых городов».

Гонконг всегда имел крайне важное значение для материкового Китая. Значительный промежуток времени Гонконг оставался единственным коммуникативным каналом, соединяющим Китай и Запад. Вплоть до 90-х гг. XX века Гонконг являлся главным центром реэкспорта продукции Китая, основным экономическим посредником в «общении» с Западом. Значительную часть экспорта Гонконга составляет реэкспорт, то есть продукция, произведённая вне границ территории, в основном на материковом Китае, и распространяемая через Гонконг. Ещё до передачи суверенитета Китаю, Гонконг установил довольно тесные торговые и инвестиционные связи с материковым Китаем [3, с. 56-58]. Автономный статус территории позволил ему выполнять роль ворот для инвестиций и ресурсов, направляющихся на континент.

По численности населения Гонконг значительно уступает Шанхаю и Пекину, население здесь составляет около 6,8 миллионов человек, однако по плотности населения Гонконг занимает одно из первых мест в мире. Экономика Гонконга имеет типичную для мировых геоэкономических центров структуру, где основным источником доходов выступает третичный сектор экономики. Гонконг обладает одной из наиболее чистых капиталистических экономических систем в мире, которая основывается на свободном рынке, низком налогообложении и невмешательстве государства в экономику. Это важный центр международных финансов и торговли, а уровень концентрации штаб-квартир является самым высоким в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По многим показателям социально-экономического развития Гонконг занимает лидирующие позиции. Так, например, годовой объем ВВП Гонконга равен 254 млрд. долл. США, а совокупный товарооборот составляет свыше 400 млрд. долл. США, что вдвое больше чем в Шанхае и втрое – чем у Пекина [4, с. 18]. Уровень доходов достигает 38 000 долл. США, что гораздо выше минимального порога уровня доходов мирового города и в четыре раза выше, чем в Пекине. Кроме того, Гонконг занимает 14-ое место в мире среди ведущих геоэкономических центров мира (Шанхай в этом же списке занимает 32-ю позицию).

В настоящий момент на территории Гонконга зафиксировано более 1500 зарубежных компаний с региональными штаб-квартирами и 3000 компаний с региональными представительствами. Гонконг является вторым по значению финансовым центром Азии. Его главная особенность — спекулятивная направленность совершаемых операций. Гонконгская фондовая биржа — седьмая по величине биржа в мире, в феврале 2007 года её капитализация составляла 1,69 трлн. долларов США [4, с. 23]. Согласно индексу финансовых центров мира 2007 года Гонконг является третьим финансовым центром мира и первым в Азии. Город занимает третье место (после Лондона и Нью-Йорка) в мире по объему сделок на рынке золота, пятое (ежедневно более 90 млрд. долл., 5% от мирового объема) на валютной бирже и восьмое (280 млрд. долл.) на рынке ценных бумаг. Гонконг является 11-м по значению мировым банковским центром. Здесь действуют отделения и представительства около 550 банков и финансовых компаний из 40 стран, в том числе 85 из 100 крупнейших

банков мира. По состоянию на 2006 год, в Гонконге функционировали консульства 114 стран — больше, чем в любом другом городе мира.

Пекин — столица Китая, геополитический и административный центр страны. По численности населения Пекин занимает вторую, после Шанхая, позицию (19,7 миллионов жителей и 10 миллионов внутренних мигрантов) и входит в десятку крупнейших городов-миллионеров в мире. Также Пекин является геополитическим центром не только Китая, но и одним из мировых центров, поскольку влияние Пекина в вопросах международной безопасности и дальнейшего развития мирового сообщества довольно велико. Пекин вырабатывает фундаментальные решения о проведении внешнеэкономической деятельности, о ведении внутренней политики, а также сосредотачивает всю законодательную и исполнительную власть Китая. Пекин также является крупным образовательным, культурным и туристическим центром страны. Наряду с этим, Пекин становится локомотивом предпринимательской деятельности и основным полем для создания инновационного центра Азии. По данным исследовательской группы компании «THE BEIJING AXIS» ВВП Пекина в 2010 году составил 145 млрд. долл. США, а душевой доход превысил 9 500 долл. США, что ниже среднего дохода мировых городов (15 000 – 25 000 долл. США) [5, с. 44, 47].

Пекин позиционирует себя как главный образовательный и научный центр страны, здесь расположено более 60 высших учебных заведений, в том числе несколько университетов международного значения (Пекинский университет и Университет Цинхуа). На территории Пекина расположено свыше 100 научно-исследовательских центров и китайская «силиконовая долина» Чжунгуаньцунь. В последней зарегистрировано около 23 000 компаний, а научную деятельность осуществляют порядка 200 научно-исследовательских институтов, Академия наук Китая и ведущие университеты Китая [5, с. 49]. В Чжунгуаньцуне также расположены центры НИОКР компаний Microsoft, Intel, Nokia, IBM и около сотни других корпораций. В последнее время Пекин приобретает всё большую известность в качестве центра инновационного предпринимательства и успешного венчурного бизнеса. Его рост усиливается благодаря большому количеству китайских и зарубежных фирм, специализирующихся на венчурном финансировании, таких как Sequoia Capital, штаб-квартира которой расположена в районе Чаоян.

Пекин является крупным дипломатическим и геоэкономическим центром. В городе расположено 165 посольств и дипломатических представительств, 23 штаб-квартиры международных организаций и 337 офисов зарубежных информационных агентств [5, с. 52]. Помимо этого, Пекин становится крупным выставочным центром, где проходят выставки и ярмарки, имеющие международное значение. Огромное значение для имиджа Пекина как мирового города сыграло проведение XXIX Летних Олимпийских Игр. Благодаря играм значительно повысился интерес международных СМИ к Пекину. Статус мировой столицы спорта на время проведения игр позволил использовать все выгоды этого положения. Огромные средства, потраченные на переустройство Пекина, вкупе с грамотной рекламой города повысили статус Пекина не только как спортивного мирового центра, но и как информационного, культурного и экономического центра.

Пекин имеет вторую по мощности транспортную систему в Китае. Пекин обслуживает международный аэропорт Цзинь, чей годовой пассажирооборот составил в 2010 году 75 миллионов человек. Ежедневно здесь производится в среднем 1100 рейсов. В 2008 Пекин Столичный обслужил 55,937,289 пассажиров, и стал 8-м по

загруженности пассажирским аэропортом мира [6]. Пекинское метро состоит из 14 веток, насчитывающих 147 станций. В городе также насчитывается более 600 автобусных и троллейбусных маршрутов. Вместе с ростом города, вызванным экономическими реформами, Пекин превратился в важный транспортный узел. Через город и вокруг него проходят пять дорожных колец, девять скоростных автодорог, одиннадцать государственных автомагистралей, семь железнодорожных линий. Пекин обслуживают три крупных вокзала: Пекинский вокзал, Южный Пекинский вокзал и Западный Пекинский вокзал. Кроме того есть три железнодорожные станции, находящиеся в городской зоне: Пекин-восточный, Пекин-Северный и станция Фэнтай. Пекинский вокзал ежедневно принимает 170 составов, Западный пекинский вокзал – 176 составов поездов [6, с. 11]. Железнодорожные пути соединяют Пекин с Гуанчжоу, Шанхаем, Харбином, Баотоу, Тайюанем, Чэндэ и Циньхуандао.

Таким образом, Пекин является перспективным кандидатом на вхождение в $\alpha+$ группу мировых городов. Однако этот процесс связан с огромными трудностями, с которыми столкнулось правительство Китая. Пекин пока не достиг минимального уровня доходов мирового города, в нем отсутствует развитая сфера услуг и мощный промышленный потенциал. Однако, в последние годы, активное развитие города и сильная поддержка государства обусловило серьезные сдвиги в лучшую сторону.

Шанхай — это геоэкономический лидер Китая, ключевой узел в реализации его мирохозяйственных связей. Именно поэтому китайское правительство делает ставку на Шанхай и способствует реализации его потенциала для выполнения функций мирового города. В КНР провозглашена цель: «К 2020 г. превратить Шанхай в экономический, финансовый, торговый и транспортный центр мира, современный глобальный город» [7, с. 8]. Грамотная политика китайского государства в области создания мегалополисов, активная внутренняя миграция, значительное присутствие иностранного капитала на рынке и быстрый рост экономики страны создают благоприятные условия для формирования мировых городов. Интенсификация данных процессов также объясняется геополитической стратегией Китая, а также его положением в мировом хозяйстве.

Шанхай, в отличие от Пекина, не обладает политическими полномочиями, однако выполняет роль торгово-промышленного центра Китая с претензией на место главного экономического центра Азиатско-Тихоокеанского региона. Шанхай – самый населенный город Китая, в настоящее время в нем проживает свыше 25 миллионов человек, а если учитывать внутренних мигрантов, то население Шанхая составит более 30 миллионов человек [7]. До 90-х годов XX века налоговые поступления из Шанхая составляли более 70% всех налоговых поступлений Китая, что существенно ослабляло его экономику. Начиная с 1992 года, после санкционирования рыночных преобразований в экономике города, в Шанхае начался бурный рост экономики. Но, несмотря на снижение налогового бремени, Шанхай до сих пор обеспечивает 20% всех налоговых поступлений в казну. В 2010 году объем ВВП Шанхая составил 200 млрд. долл. США, а доходы на душу населения превысили 10 000 долл. США [7, с. 146]. После вступления в 2001 году Китая в ВТО роль города существенно изменилась. В 2005 году Шанхай стал крупнейшим в мире портом по грузообороту (443 млн. т. груза) и имел тесные торговые связи с 205 странами мира [8, с. 25]. Этот факт заставил говорить о том, что Шанхай стал суперцентром по обработке транзитных грузов.

В 1990 году в Шанхае была открыта Шанхайская фондовая биржа, которая стала одной из крупнейших и престижных бирж мира (9-ое место в мире) и создала

предпосылки для увеличения притока прямых иностранных инвестиций. В финансовой сфере также произошли значительные сдвиги: на территории Шанхая было открыто более 123 иностранных финансовых учреждений (из них 29 имели в Шанхае головной офис). Шанхай также зарекомендовал себя как крупный научный и образовательный центр. Здесь расположено более 60 высших учебных заведений, причем большинство из них специализируется на сфере бизнеса. Мощная научно-исследовательская и конструкторская база представлена несколькими сотнями НИИ, что позволяет создавать новые наукоемкие производства.

Шанхай является крупным информационным и дипломатическим центром Азии, здесь расположено более 80 офисов новостных агентств из 20 стран мира, а также 55 дипломатических представительств. В Шанхае в настоящее время действует 124 штаб-квартиры ТНК, 130 иностранных инвестиционных компаний, 170 центров НИОКР ТНК [8, с. 31]. Кроме того, исключительно важным фактором подъема международного имиджа Шанхая выступило проведение международной выставки «EXPO-2010: лучший город – лучшая жизнь». Выставка такого ранга была впервые проведена в развивающейся стране, что показало уважение и признание не только Шанхая, но и всего Китая важным субъектом мирового хозяйства.

В Шанхае действует современная транспортная система и, в отличие от многих других крупных городов Китая, улицы города содержатся в чистоте, а по качеству воздуха он превосходит многие другие крупные города страны. Шанхай обслуживают два аэропорта: аэропорт Хунцяо и Международный аэропорт Пудун, где действует более 50 иностранных авиакомпаний и совокупный пассажиропоток которых уступает в Китае лишь аэропорту Гонконга. Через глубоководный порт Яншань город имеет связь со всеми странами мира. В Шанхае соединяются три железных дороги: железная дорога Цзинху (Пекин-Шанхай), проходящая через Нанкин, линия Хухан, соединяющая Шанхай и Ханчжоу, а также линия Сяоюн — между Сяошанем и Нинбо. В Шанхае находятся три вокзала: Шанхайский вокзал и Южный Шанхайский вокзал. Скоростные автомагистрали включают автотрассу Цзинху (Пекин-Шанхай), а также сеть современных автострад вокруг города. Кроме того, Шанхай имеет развитую внутреннюю инфраструктуру: более 1000 автобусных линий, метро с 13 линиями и первая в мире скоростная железнодорожная линия на магнитной подвеске. Таким образом, Шанхай является городом с самым развитым транспортным сообщением континентального Китая.

Выбор Шанхая в качестве главного мирового города Китая небезоснователен. Этот выбор определяется рядом конкурентных преимуществ:

- 1) Выгодное экономико-географическое положение (Шанхай – это крупнейший город-порт Китая, расположенный на пересечении крупных транспортных путей, имеющих мировое значение);
- 2) Высокий уровень адаптации промышленного и торгового комплекса города к рыночным условиям (за исторически очень короткий период Шанхай превратился в торгово-промышленный центр Китая);
- 3) Высокий инновационный потенциал (большая численность высококвалифицированных рабочих, научно-исследовательских центров, парков высоких технологий и т.д.);
- 4) Городская среда, сформированная на западных традициях с китайской спецификой;
- 5) Активное участие государства и преференциальные условия развития города.

Все вышеперечисленные преимущества создают положительный конкурентоспособный образ Шанхая как главного азиатского мирового города. Однако XXI век ознаменовался жесточайшим противоборством между Шанхаем и Гонконгом за обладание статусом геоэкономического центра Китая. На тот момент у Гонконга был многовековой зарубежный опыт ведения бизнеса, мощная материальная и техническая база производства, широкие связи с другими странами мира. У Шанхая же были прочные связи с центральным правительством и провинциями, а также сильная производственная база и техническое вооружение промышленности. Шанхай, опираясь на сильную поддержку китайского правительства, целенаправленно создающего условия для развития мирохозяйственных функций, уже избрал свой собственный путь. Формируясь как инновационно-индустриальный и логистический глобальный центр, он имеет все шансы занять особую нишу в системе мировых городов.

Помимо вышеперечисленных мировых городов китайское правительство разработало план по созданию к 2015 году на юге Китая нового супергорода с населением более 42 миллионов человек. По площади (40 тыс. кв. километров) самый большой город планеты совсем немного будет уступать таким странам, как Нидерланды или Дания. Согласно обнародованному правительством КНР проекту, супергород намечено образовать путем слияния девяти городов-миллионеров, расположенных в южной провинции Гуандун в дельте Жемчужной реки: Гуанчжоу, Фошаня, Донггуана, Чжуншаня, Чжухая, Цзянмыня, Учжоу, Чжаочиня и Шэньчжэня. Супергород в дельте Жемчужной реки будет самым большим не только по численности населения и по площади, но и по промышленному потенциалу. Расположенный недалеко от Гонконга, в одном из самых промышленно развитых районов КНР, он будет производить около 1/10 ВВП Китая. Проектная смета проекта оценивается в 300 млрд. долл. США.

В качестве итога следует отметить неоспоримые моменты, с которыми нужно считаться:

Китайские мегалополисы это локомотивы китайской экономики, полюса концентрации промышленного, финансового и научного потенциала и скопления большой массы трудовых ресурсов;

Бурное развитие экономики и высокий рост урбанизации привел к образованию крупных промышленных центров;

Большой поток прямых иностранных инвестиций, а также высокая степень участия иностранных ТНК позволили сформировать крупные научные и финансовые центры.

Литература

1. Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. № 4. P. 72.
2. Taylor P. The New Geography of Global Civil Society: NGOs in the World City Network // GaWC Research Bulletin. 2004. № 144.
3. Edmonds. China and Europe ThSince 1978: A European Perspective. London: Cambridge University Press, 2002.
4. Third annual report by the European Commission on the Hong Kong Special Administrative Region. Hong Kong, 2009.
5. Доклад о положении в стране, 2009 // Гл. ред. Лянь Юэмин. Пекин: Национальное статистическое бюро Китая, 2009.

6. Сюеюань Т., Чжунцин И. Общие сведения о Китае: Политический строй Китая. Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2004.
7. Люй Юйинь. Экономический анализ развития городов. Шанхай, 2009.
8. Статистический ежегодник Шанхая, 2009. Пекин: Национальное статистическое бюро Китая 2009.

Кириченко Н. В.

Ассистент,

*Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
(Одесса, Украина)*

РЫНОК ЭНЕРГОРЕСУРСОВ КИТАЯ

Нефть и газ в ближайшем будущем останутся основными источниками энергии в мире, поэтому рынок энергоресурсов, а так же обеспеченность энергоресурсами и диверсификация их поставок сейчас являются актуальными вопросами. Запасы углеводородных природных ресурсов с каждым годом сокращаются, тогда как их потребление в мире растет.

В связи с этим страны сталкиваются со следующими проблемами:

1. Проблема ограниченности углеводородных энергоресурсов, спрос на которые постоянно растет в связи с ростом мировой экономики.

2. Проблема обеспеченности энергоресурсами. Она является одной из самых важных мировых проблем. Эта проблема актуальна для любой страны мира.

3. Проблема неравномерного распределения месторождений нефти и газа. Основные месторождения нефти и газа находятся в странах Ближнего и Среднего Востока.

4. Проблема диверсификации источников энергии. Государства применяют инновационные технологии для сбережения имеющихся ресурсов и пытаются использовать альтернативные источники энергии, однако проблема энергобезопасности является первоочередной для любого государства.

5. Проблема неразвитой системы транспортировки энергоносителей. Свойственна многим странам, Китай не является исключением.

Для Китайской Народной Республики (КНР) свойственны все эти проблемы. Рынок энергоресурсов развивается быстрыми темпами. Потребление нефти в КНР за последние 40 лет возросло более чем в 25 раз. С 1991 г. КНР увеличила свою долю в мировом энергобалансе с 9 до 16%, вплотную приблизившись к Европе (18%) и крупнейшему потребителю – США (21%). К 2018 г. Китай догонит США по потреблению нефти (превысит 20 млн. баррелей в сутки), к 2025 г. ему нужно будет нефти вдвое больше (примерно 40 млн. баррелей в сутки), а в 2030 г. его суточный спрос превысит 50 млн. баррелей. Потребление нефти в КНР за последние 5 лет росло в среднем на 4,9% в год, но в декабре 2009 г. было зафиксировано рекордное увеличение – на 7,3% [1, с. 33].

Удельные доли выбросов загрязняющих веществ, расход энергетических, материальных и водных ресурсов на единицу ВВП в Китае в 4 – 6 раз выше, чем в развитых странах. На подавляющем большинстве предприятий (особенно на периферии) используются отсталые, ресурсоемкие, неэкологические технологии, устаревшее и неэффективное природоохранное оборудование, на многих отсутствуют очистные сооружения. Объем выбросов загрязняющих веществ превышает способность самоочищения экологических комплексов. Бедственное состояние окружающей среды усугубляет социальную нестабильность, обостряет соперничество между городом и деревней, промышленностью и земледелием за доступ к природным ресурсам [2, с. 71]

Сегодня правительство Китая больше всего обеспокоено проблемой энергобезопасности. Потребление нефти в КНР за последние 5 лет росло в среднем на 4,9%

в год, но в декабре 2009 г. было зафиксировано рекордное увеличение – на 7,3%. Это прежде всего связано с достаточно большой энергоемкостью экономики Китая и экстенсивным типом экономического роста, а так же с отставанием в развитии энергосберегающих технологий.

Производство нефти в Китае сосредоточено на месторождениях в семи районах страны, расположенных далеко друг от друга. Значительная часть запасов уже исчерпана, добыча растет минимально – в 2012 г. достигнет, как ожидается, 3,9 млн. баррелей в день, а затем к 2030 г. постепенно сократится до 2,7 млн. баррелей в день. Хотя за последние годы открыты несколько богатых месторождений нефти и газа в стране, добыча на них еще не началась и правительство КНР проводит политику диверсификации поставок энергоресурсов.

Китайские нефтяные компании осуществляют свою деятельность на рынках практически всех стран Африки, осуществляя при этом инвестиции в инфраструктуру этих стран, обеспечивая местное население рабочими местами. Кроме того на долю Ближнего востока приходится больше половины китайского импорта энергоресурсов, из них 19% на Саудовскую Аравию.

Ведущими государственными корпорациями, такими как China National Petroleum Corporation, China National Offshore Oil Corporation и China Petroleum & Chemical Corporation, проводится политика по экспансии в нефтедобывающие отрасли других стран. Политика компаний такова: корпорации обеспечивают себе ощутимую долю в добыче на месторождениях в других странах, тем самым, страхуясь от скачков цен на нефть на мировых рынках, а затем экспортируют нефть в Китай. Так происходит в большинстве стран на Африканском континенте. Сегодня на Африку приходится 25 – 28% всего объема импорта нефти в Китай. К 2045 г. предполагается увеличить этот показатель до 45%. [1, с. 34].

Что касается рынка газа в Китае, то на нем доминируют поставки сжиженного природного газа (СПГ) из таких стран: Индонезия, Малайзия, Австралия, Мьянма, Оман, Катар, ОАЭ, а также Алжир, Египет, Нигерия. Кроме того, ведутся переговоры с Россией о возможности прокладки газопроводов для поставки топлива в Китай.

Наиболее значительную роль приобрел Китай в нефтяной сфере Судана. Китай успешно вышел на энергетический рынок Судана после того как западные ТНК были вынуждены покинуть эту страну из-за экономических санкций, которые наложили США в 1997 году. В 2008 г. на долю Китая приходилось 55% суданского нефтяного экспорта (26% – на долю Японии, 11 – Индонезии, 5 – Индии, 3% – других стран). Объем торговли между КНР и Суданом достиг в 2008 г. \$8,2 млрд, в основном за счет импорта нефти.

Кроме того, Китай обеспечил свой рынок поставками сырья из Экваториальной Гвинеи, заняв в 2006 году третье место по импорту нефти после США и Испании. О стремлении китайских компаний получить максимальный доступ к африканской нефти свидетельствует эволюция взаимоотношений Китая с Чадом. До 2006 г. Чад сохранял дипотношения с Тайванем, который был держателем акций его нефтяных концессий. А в 2006 г. попытки Пекина привлечь Чад на свою сторону завершились его дипломатическим триумфом. В настоящее время в Чаде действует совместная компания, в которой по 50% акций принадлежат канадской Энсана и китайской Синопек. Все более активно действуют китайские компании и на африканских рынках минерального сырья, где они также вступают в конкуренцию с США и странами ЕС. Так, например, после многих лет доминирования Франции в сфере добычи урана

в Нигере, сюда вторгаются китайские компании. В 2009 г. Эксим-банк Китая предоставил Нигеру льготный кредит под 2% годовых в размере \$95 млн. на добычу урановой руды, которая должна начаться в 2010 г.; ее будет вести СП SOMINA, в котором участвует Чайна Нейшнл Корпорейшн (SINO-U) и 33% акций принадлежат правительству Нигера [3, с. 16].

До 2008 г. США опережали Китай по объему торговли с Африкой. В 2007 г. торговый оборот США составлял \$99,5 млрд, китайско-африканский - \$74 млрд., однако уже в 2009 г. в условиях глобального кризиса объем торговли как США, так и Китая сократился. Экспорт Китая в Африку снизился на 6%, импорт - на 24%, что привело к сокращению объема китайско-африканского товарооборота на 16%, в итоге он составил \$90 млрд. Еще больше мировой финансовый кризис повлиял на торговлю США с Африкой, которая составила в 2009 г. \$86,1 млрд. Таким образом в 2009 г. Китай обошел Соединенные Штаты, став ведущим торговым партнером стран континента. Мировой финансовый кризис отразился на торговых потоках, однако китайско-африканская торговля продолжала развиваться отчасти потому, что она сконцентрирована на нефти и минеральных ресурсах. Это подтверждает список ведущих торговых партнеров Китая в Африке. В 2009 г. 56% китайской торговли с Африкой пришлось на 5 стран: Анголу (19%), ЮАР (17%), Нигерию (7%), Судан (7%), Египет (7%)³⁰. Так, импорт Китаем ангольской нефти стал главным фактором бурного роста объема китайско-ангольского товарооборота, составившего в 2008 г. \$25,3 млрд, что сделало Анголу ведущим торговым партнером Китая в Африке. При этом по объему торговли с Анголой Китай более чем вдвое опередил США [3, с. 17].

Китайским компаниям интересны ресурсные рынки Африки, однако существует и обратная заинтересованность стран Африки в инвестициях из Китая. Так КНР реализует различные инфраструктурные проекты. В обмен на поставки сырья, страны Африки получают новые шоссейные и железные дороги, промышленные и хозяйственные объекты. Таким образом, вложения Китая в инфраструктуру Африканских стран являются своего рода конкурентным преимуществом, дела добычу и экспорт сырьевых ресурсов в Китай более выгодным, а так же, китайские компании являются для африканских стран источником новых рабочих мест.

В данный момент Китай использует разные стратегии для получения конкурентных преимуществ, описание нами ранее не единственные. Китайские государственные и частные компании занимаются поиском свободных сегментов рынка, используют тактику приобретения небольших долей в месторождениях, либо акций крупных холдинговых компаний, а затем расширяют свою долю в акциях, постепенно выкупаю акции. Сейчас, Китай больше стремится контролировать источники сырья, тем самым, обезопасив себя от резких ценовых колебаний на рынках. Инвестируя в проекты в районах добычи сырья, правительство Китая взамен гарантирует местному бизнесу более широкий доступ на китайские рынки в отдельных отраслях промышленности. Это позволяет сделать китайские вложения в экономику еще более привлекательными по отношению к другим инвесторам.

В то же время КНР планирует продвижение китайского юаня в качестве мировой резервной валюты. С этой целью был увеличен золотой запас с 600 т в 2003 г. до 1054 т в 2009 г. В июне 2009 г. предприятиям в провинции Гуандун разрешено заключать деловые сделки с партнерами из Макао, Гонконга и стран АСЕАН в юанях, минуя конвертацию в доллары. Кроме того, с Аргентиной, Южной Кореей, Индонезией, Малайзией и Белоруссией заключены соглашения на выдачу ссуд, номи-

нированных в юанях. Развивая двусторонние отношения, Китай изучает перспективы продвижения национальной валюты в качестве международного средства финансового обращения. К такой практике в 1950 - 1960 гг. широко прибегала Япония, выплачивая в иенах военные репарации и предоставляя кредиты странам Юго-Восточной Азии, что повлияло в значительной мере на становление иены как мировой валюты [4, с. 3].

Инвестиционный климат КНР, как составная часть общего предпринимательского климата на всех уровнях национальной экономики, оценивается как один из наиболее благоприятных в мире, вследствие чего Китай добился одного из самых высоких в мире объемов притока капиталов в свою экономику. Причем это относится к инвестициям как из внутренних, так и из внешних источников [5, с. 279].

Растущий в мире спрос на китайскую продукцию поставил перед страной задачу адаптации к международным стандартам - в частности, к требованиям международного сертификата качества систем экологического менеджмента. Под воздействием внешних и внутренних факторов руководство КНР в годы 11-й пятилетки совершенствовало законодательную и исполнительную базы экологического регулирования, вводило меры ужесточения государственного экологического контроля. За 2006 – 2010 гг. была проведена ревизия нормативно-правовой базы земле- и водопользования, а в связи с вступлением в ВТО – инвентаризация не соответствующих международным нормам экологических стандартов: утверждены новые, соответствующие мировым; переработано около 2 тыс. государственных стандартов качества окружающей среды. Изменение нормативно-правовой базы не могло не отразиться на рынке энергоресурсов Китая.

В интересах экологичности экономического развития вводятся свободные цены на энергетическое сырье, повышаются отдельные экспортные пошлины и ограничиваются инвестиции в отрасли, наиболее загрязняющие окружающую среду. Компаниям, работающим в энергоемких и экологически вредных отраслях, повышены тарифы на электроэнергию и воду.

К концу 2010 г. затраты энергоресурсов на производство единицы ВВП снижены на 29% по сравнению с концом 2005 г.

Вопреки глобальному финансовому кризису в КНР не сократились вложения в экологически чистые технологии и новые источники энергии. В 2008 г. инвестиции в освоение ветроэнергии выросли на 88%, атомной энергии – на 72%, гидроэнергии – на 19,2%, суточные мощности по очистке воды увеличились на 11,49 млн. т, энергозатраты на единицу ВВП снизились на 4,59% по сравнению с 2007 г. Продвигается разработка технологий электропередачи постоянного тока с напряжением ± 800 кВ и переменного тока со сверхвысоким напряжением 1000 кВ, а также технологии обеспечения безопасности электросетей.

Атомная энергетика становится наиболее перспективным источником электроэнергии в КНР. Особое внимание уделяется освоению технологий АЭС на крупных реакторах с водой под давлением (третьего поколения) и технологии промышленного экспериментирования высокотемпературного реактора с газовым охлаждением. Усиливается надзор за безопасностью строящихся АЭС, форсируется контроль за радиацией действующих исследовательских реакторов и устройств по циклическому обороту ядерного топлива. Плавающие АЭС позволяют использовать морскую воду (т.е. экономить пресную) при получении энергии [1, с. 71-75].

Хотя КНР присущи ряд проблем, связанных с энергоресурсами, правительству удастся эффективно с ними бороться и минимизировать последствия. Как было

сказано ранее, рынок энергоресурсов Китая является крайне привлекательным для иностранных инвесторов, кроме того национальные компании, как частные, так и государственные, стремятся диверсифицировать свои риски, связанные с поставками энергоресурсов в страну. На данном этапе развития экономики можно сказать, что Китай стремится к установлению рыночных отношений на рынке энергоресурсов в стране.

Литература

1. Троекурова И., Пелевина К. Перспективы Китая на рынке энергоресурсов. // Проблемы Дальнего Востока, № 5, 2010, С. 32-42
2. Кранина Е. Инновационная модель обеспечения экологической безопасности Китая. // Проблемы Дальнего Востока, № 2, 2011, С. 71-80
3. Дейч Т.Л. „Большая игра”: Китай и США на африканских сырьевых рынках. // Азия и Африка сегодня, № 8, 2010, С. 15-20
4. Самарцев В.В. Китай скупает ресурсы. // Азия и Африка сегодня, № 10, 2010, С. 2-8
5. Черковец О. Мировая экономика в ожидании нового лидера: и им будет Китай. // Общество и экономика, № 8, 2011, С. 277-291

Мартюшевская Е.Н.

*Магистр права, преподаватель кафедры таможенного дела факультета международных отношений,
Белорусский государственный университет*

ОПЫТ КНР В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Вводная часть

За последнее десятилетие в таможенном законодательстве Китайской Народной Республики была проведена существенная работа как над уже имеющимися нормативными правовыми актами, так и над разработкой новых актов законодательства в области таможенного дела. Результатом данной работы явились: Таможенный кодекс Китайской Народной Республики [1], Нормы и правила «О валютном регулировании» [2], Нормы и правила «О таможенной защите прав интеллектуальной собственности» [3].

Для Республики Беларусь опыт Китайской Народной Республики является весьма актуальным, прежде всего потому, что Беларусь, как государство-член Таможенного союза, стремиться к гармонизации и унификации законодательства в таможенной сфере.

Таможенное законодательство КНР ориентировано на решение таких задач, как контроль за правильностью взимания таможенных пошлин и налогов, регулирование экспорта и импорта, борьба с контрабандой, защита прав интеллектуальной собственности и многое другое. Необходимо отметить, что с тщательной переработкой законодательства Китай, как индустриальная страна нового типа, стремится не только к сохранению, но и наращиванию и эффективному использованию своего потенциала.

История формирования таможенного законодательства в КНР

С 1983 года Китай стал полноправным членом Всемирной таможенной организации (WCO). Так, таможенная служба КНР активно участвовала в Постоянном Техническом Комитете, Комитете Гармонизированной системы (HS), Техническом Комитете по таможенной оценке, Техническом комитете по правилам страны происхождения и Подкомиссии по автоматической обработке данных, и приняла активное участие в пересмотре Киотской конвенции [4] и Найробийской конвенции [5], обзора Согласованной системы и формулировки правил происхождения товаров [6].

Таким образом, в начале 1980-х гг. Китай начал активную работу над переработкой законодательства в области таможенного регулирования. С 1985 г. в Китае вступил в силу «Закон о патентах» [7]. После этого один за другим были обнародованы такие нормативные документы, как «Правила применения Закона о патентах», «Положение о службе патентных поверенных», «Порядок административного исполнения законоположений о патентах» и др. Был опубликован также ряд соответствующих правил применения данных нормативных актов и юридических толкований. С начала 1990-х гг. в КНР наблюдается тенденция к усилению охраны промышленной собственности, которая выразилась как в принятии новых законов, например о пресечении недобросовестной конкуренции (1993 г.), так и в пересмотре действующих [8]. 14 января 1997 г. вступил в силу Закон «О валютном регулировании» [9], в который были внесены изменения Решением Государственного совета КНР «О внесении изменений в Нормы и правила «О валютном регулировании» на 20-м засе-

данием Государственного совета КНР 1 августа 2008 г. Вместе с тем претерпел серьезные изменения Таможенный кодекс КНР, принятый на 19-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) шестого созыва 22 января 1987 г. Данные изменения были внесены на основании принятого на 16-м заседании ПК ВСНП девятого созыва 8 июля 2000 г. Постановления «О внесении изменений в «Таможенный кодекс Китайской Народной Республики». Новая редакция Таможенного кодекса закрепила в себе Правила регулирования места прохождения товаров для применения преференций при экспорте и импорте. Следует отметить, что данные правила разработаны на основании как Таможенного кодекса КНР, так и Норм и правил «Об импортной и экспортной пошлине» и Норм и правил «О месте происхождения импортируемых и экспортируемых товаров».

В настоящее время продолжается работа по совершенствованию нормативной правовой базы в Китайской Народной Республике, это обусловлено тем, что по-прежнему остаются неразрешенными вопросы защиты прав интеллектуальной собственности. В этой связи в области таможенного регулирования нашли отражение следующие нормативные правовые акты: Положения по защите прав интеллектуальной собственности, закрепленные в Уголовном кодексе КНР [10], Таможенные инструкции Китайской Народной Республики по защите прав интеллектуальной собственности, таможенные правила Китайской Народной Республики для применения таможенной инструкции Китайской Народной Республики по защите прав интеллектуальной собственности [11].

Исторически сложилось так, что в Китае остро стоят вопросы противодействия контрабанде. 1999 год определил направление активной работы полиции КНР. 5 января 1999 года при отделах таможни КНР формально была создана полиция по борьбе с контрабандой под двойным руководством, в первую очередь со стороны администрации таможни, а затем министерства общественной безопасности. Данное решение было принято УК КПК и Госсоветом Китая в связи с возросшей долей контрабандных товаров и необходимостью проведения реформы существующего механизма борьбы с контрабандой. Под юрисдикцией созданной таможенной полиции находятся: законное расследование всех случаев преступлений, связанных с уклонением от уплаты пошлины и налогов, контрабандного провоза товаров, наложение санкций на нарушителей закона, проведение задержания, аресты и допросы лиц, подозреваемых в совершении преступления. При таможнях было открыто 42 департамента в дополнение к бюро и 104 офисам этих ведомств, начавшим борьбу с контрабандой и уклонениям от уплаты пошлины или провозом товаров, минуя таможню в пределах ее юрисдикции. Эти департаменты в 1999 г. расследовали 3231 случай нарушений с выявлением уклонений от RMB уплаты на сумму 10.76 млрд. юаней и 3.93 млрд. юаней за уклонение от уплаты пошлины. Одновременно было зарегистрировано 1351 случай нарушений RMB и уклонений уплаты пошлины на 8.7 и 3.33 млрд. юаней соответственно. Было задержано 3077 человек, подозреваемых в контрабанде, 783 из них попали под следствие.

Разного уровня специальные департаменты по борьбе с контрабандой (черная полиция) нацеливают свою работу на раскрытие крупных преступлений, нанесение ударов по организованной преступности, аресты укрывающихся преступников, последовательно и успешно проводят важные мероприятия намеченные УК КПК и Госсоветом. Данные операции ориентированы на пресечение организованной контрабанды, эффективно сдерживают рост и процветание контрабанды запрещенных к ввозу и вывозу товаров.

В Китае существует разветвленная система государственных органов по противодействию борьбе с наркотиками, в нее входят правительства разных ступеней, ее курируют соответствующие отделы органов общественной безопасности, практически занимаются соответствующие правительственные подразделения, в работе участвуют и общественные организации. В 1990 г. китайским правительством был создан Государственный комитет по борьбе с наркотиками (ГКБН) в составе представителей 25 министерств и других ведомств, включая Министерство общественной безопасности. Министерство здравоохранения, Главное таможенное управление и прочие государственные органы, который в едином порядке руководит противодействию наркотикам в стране также отвечает за международное сотрудничество в этой области. Рабочий орган комитета находится в Министерстве общественной безопасности. В 1998 г. по решению Госсовета было создано Управление по борьбе с наркотиками при Министерстве общественной безопасности, которое в то же время является рабочим органом ГКБН [12].

В 1999 г. при тесном сотрудничестве с компетентными органами китайская полиция практиковала применение наказания с одновременной профилактикой преступлений, стоит отметить, что профилактике уделялось основное внимание. Полиция активно проводила всестороннюю общественную работу, что способствовало в значительной мере накоплению опыта в деле предупреждения, профилактики преступлений.

Следует также отметить, что к настоящему моменту Китай присоединился к целому ряду конвенций и договоров, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности, среди них – Парижская конвенция ВОИС об охране промышленной собственности [13], Мадридское соглашение о международной регистрации знаков [14], Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений [15], Всемирная конвенция об авторском праве [16] и ряд других.

Данные преобразования привели китайское законодательство в соответствие с международными стандартами и правилами, выработанными ВТамО.

Правовая ответственность за нарушение законодательства в области таможенного регулирования в КНР

В соответствии с законодательством Китайской Народной Республики за противоправные деяния в сфере таможенного регулирования предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Так, в частности при нарушении Норм и правил «О таможенной защите прав интеллектуальной собственности» может наступать административная или уголовная ответственность, что зависит от состава противоправного деяния. В соответствии со статьей 27 Главы IV Норм и правил «О таможенной защите прав интеллектуальной собственности» в случае установления факта нарушения прав интеллектуальной собственности по результатам проверки таможенные органы конфискуют удержанные товары. После конфискации товаров, нарушающих права интеллектуальной собственности, таможенные органы должны уведомить в письменной форме правообладателя о данных товарах.

В случае если товары, нарушающие права интеллектуальной собственности, могут быть использованы для общественной благотворительности, таможенные органы должны передать данные товары соответствующей благотворительной структуре для использования товаров в благотворительных целях; если правообладатель выражает намерение выкупить товары, таможенные органы должны на компенсационной основе передать данные товары правообладателю. В случае невозможности использования конфискованных товаров на общественную благотворительность или

отсутствия у правообладателя намерения выкупить товары, таможенные органы должны согласно закону продать данные товары при помощи аукциона после ликвидации особенности, составляющей нарушение прав; однако в случае импорта контрафактных товаров, нарушающих право на торговые марки, не допускается допуск товаров к реализации только после ликвидации обозначения торговой марки на товаре, за исключением особых обстоятельств; в случае невозможности ликвидации особенности, составляющей нарушение прав, таможенные органы должны уничтожить конфискованные товары.

Согласно статье 29 Норм и правил при наличии состава преступления в нарушении прав интеллектуальной собственности при экспорте или импорте, необходимо привлечение к уголовной ответственности.

Данным документом предусмотрена также ответственность сотрудников таможенных органов КНР. В статье 30 в случае халатности, злоупотребления полномочиями, действий из корыстных побуждений сотрудников таможенных органов в ходе осуществления защиты прав интеллектуальной собственности, при наличии состава преступления необходимо привлечение к уголовной ответственности; при отсутствии состава преступления, необходимо согласно закону применить административное наказание.

В соответствии с Нормами и правилами «О валютном регулировании» предусмотрена правовая ответственность за нарушение таможенных правил. В статье 39 закреплено следующее. В случае перемещения за рубеж иностранной валюты из КНР в нарушение правил или перемещения за рубеж капитала из КНР с использованием мошеннических способов или иных действий по избеганию валютного регулирования, орган валютного регулирования издает предписание о возврате иностранной валюты в установленный срок, а также применяет штраф в размере до 30% от суммы вывезенных средств в иностранной валюте; при наличии отягчающих обстоятельств, применяется штраф в размере от 30% до 100% от суммы выведенных средств; при наличии состава преступления необходимо привлечение к уголовной ответственности.

Согласно статье 40 в случае осуществления выплаты в иностранной валюте по платежу, который должен быть оплачен в юанях жэньминьби, в нарушение правил, или использования поддельных или недействительных документов, подтверждающих операции для приобретения обманным путем валюты в финансово-кредитном учреждении, осуществляющем обмен и продажу иностранной валюты, и иных действий незаконного валютного арбитража, орган валютного регулирования издает предписание об обратной конвертации средств, полученных в ходе незаконного валютного арбитража, а также применяет штраф в размере до 30% от незаконно полученной иностранной валюты; при наличии отягчающих обстоятельств, применяется штраф в размере от 30% до 100% от суммы незаконно полученной иностранной валюты; при наличии состава преступления необходимо привлечение к уголовной ответственности.

В соответствии со статьей 45 в случае самовольного осуществления купли-продажи, скрытой купли-продажи, незаконной купли-продажи или незаконного посредничества в купле-продаже сравнительно больших сумм иностранной валюты, орган валютного регулирования выносит предупреждение, конфискует незаконно полученный доход, а также применяет штраф в размере до 30% от суммы средств; при наличии отягчающих обстоятельств, применяется штраф в размере от 30% до

100% от суммы средств; при наличии состава преступления необходимо привлечение к уголовной ответственности.

Статья 46 Норм и правил закрепляет норму в отношении обмена и продажи иностранной валюты. Так, в случае самовольного ведения деятельности по обмену и продаже иностранной валюты без соответствующего разрешения, орган валютного регулирования издает предписание об исправлении данного положения, при наличии незаконно полученного дохода – конфискует незаконно полученный доход; если сумма незаконно полученного дохода составляет более 500 000 юаней жэньминьби, дополнительно применяется штраф в размере от 1-кратной до 5-кратной сумме незаконно полученного дохода; при отсутствии незаконно полученного дохода или сумме такого дохода менее 500 000 юаней жэньминьби, применяется штраф в размере от 500 000 до 2 000 000 юаней жэньминьби; при наличииотячающих обстоятельств, соответствующий компетентный орган издает предписание о приостановке деятельности и проведении упорядочивания или аннулировании лицензии на право ведения деятельности; при наличии состава преступления необходимо привлечение к уголовной ответственности.

Нормы и правила также предусматривают ответственность должностных лиц таможенных органов Китайской Народной Республики. Согласно статье 50 Норм и правил в случае действий из корыстных побуждений, злоупотребления должностными полномочиями, халатности сотрудников органов валютного регулирования, при наличии состава преступления необходимо привлечение к уголовной ответственности; при отсутствии состава преступления, необходимо согласно закону применить административное наказание.

В случае несогласия с конкретными административными действиями, принятыми органами валютного регулирования, сторона может согласно закону обратиться с заявлением о проведении административного пересмотра; в случае несогласия с решением по результатам административного пересмотра, допускается согласно закону обращение с иском в народный суд (статья 51).

В случае нарушения настоящих Правил, наличия в действиях признаков контрабанды, нарушений правил таможенного надзора и контроля или иных нарушений Таможенного кодекса КНР, таможенные органы применяют административное наказание в соответствии с положениями Таможенного кодекса КНР и «Нормами и правилами применения таможенных административных наказаний»; при наличии состава преступления необходимо привлечение к уголовной ответственности.

В Уголовном кодексе КНР закреплены статьи, посвященные анализу всех возможных видов контрабанды, а также виды противоправных действий, попадающих под квалификацию контрабанды.

Отличительной чертой УК КНР является то, что в статье 151 предложено подробное разграничение контрабанды в соответствии с предметом контрабанды, а именно:

1. контрабанда оружия, боеприпасов, ядерных материалов или фальшивой валюты;
2. контрабанда запрещенных государством к вывозу из страны культурных ценностей, золота, серебра и прочих драгоценных металлов, а также запрещенных государством к ввозу в страну ценных животных и произведенной из них продукции;
3. контрабанда запрещенных государством к вывозу из страны уникальных растений и продукции из них.

Более того, данная статья содержит в себе оговорку о том, что преступления, упомянутые в настоящей статье, при особо отягчающих обстоятельствах – наказываются бессрочным лишением свободы или смертной казнью, а также конфискацией имущества. Если преступления, упомянутые в данной статье, совершены организацией, по отношению к организации применяются штрафные санкции, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие лица, несущие непосредственную ответственность, наказываются в соответствии с каждой из частей настоящей статьи.

Статья 152 УК КНР содержит положение о контрабанде с целью извлечения прибыли или распространения порнографических кинофильмов, видеокассет, аудиокассет, картинок, печатной продукции и иных порнографических материалов.

В статье 153 УК КНР предусматривается ответственность по факту контрабанды не запрещенных, но ограниченных к ввозу либо вывозу товаров с учетом количественного ограничения, выраженного в денежном эквиваленте.

1. контрабанда товаров и предметов с уклонением от уплаты налогов, сумма подлежащих уплате налогов на которые составляет более 500 тыс. юаней;
2. контрабанда товаров и предметов с уклонением от уплаты налогов, сумма подлежащих уплате налогов на которые составляет более 150 тыс. юаней, но менее 500 тыс. юаней;
3. контрабанда товаров и предметов с уклонением от уплаты налогов, сумма подлежащих уплате налогов на которые составляет более 50 тыс. юаней, но менее 150 тыс. юаней.

В соответствии со статьей 154 УК КНР законодатель предусмотрел уголовную ответственность за контрабандные действия, которые квалифицируются как преступления и наказываются в соответствии со статьей 153 настоящего Кодекса:

1. самовольная реализация на внутреннем рынке с целью получения прибыли без санкции таможенных органов и без доплаты соответствующей суммы налогов утвержденных к ввозу в страну с применением льготного налогообложения давальческого сырья, деталей для комплектации и сборки, являющихся предметом компенсационной торговли сырьем, запчастями, изделиями, оборудованием;
2. самовольная реализация на внутреннем рынке с целью получения прибыли без санкции таможенных органов и без доплаты соответствующей суммы налогов импортных товаров и предметов, в отношении которых было применено налогообложение по пониженной ставке или которые были освобождены от налогообложения.

Статья 155 УК КНР в свою очередь содержит в себе перечень действий, которые квалифицируются как контрабанда.

1. незаконное приобретение непосредственно у контрабандиста товаров, запрещенных государством к ввозу в страну, или незаконное приобретение непосредственно у контрабандиста иных контрабандно ввезенных в страну товаров и предметов в сравнительно крупных размерах;
2. перевозка, покупка, перепродажа во внутренних морях и территориальных водах продукции, запрещенной государством к ввозу и вывозу из страны, или перевозка, покупка, перепродажа в сравнительно крупных размерах без наличия законного разрешения товаров и предметов, ввоз и вывоз из страны которых государством ограничен;

3. ввоз из-за границы на территорию страны твердых отходов без проверки таможенных органов.

Статья 156 УК КНР, раскрывает возможность взаимодействия лица, совершающего преступление, и государственного служащего, а именно «сговор с контрабандистом, предоставление ему кредита, денежных средств, номера счета, чека, свидетельства или оказание ему транспортных услуг, услуг по хранению и почтовой пересылке рассматриваются как участие в групповой контрабанде».

В УК КНР закреплена статья 157 Вооруженное прикрытие контрабанды, предусматривающая самые суровые из мер наказания – наказывается, предусмотренных частями первой и четвертой статьи 151 настоящего Кодекса. Вместе с тем, данной статьей предусмотрено препятствование задержанию контрабандистов посредством угроз и насилия рассматривается и наказывается по совокупности преступлений как контрабанда и на основании статьи 277 настоящего Кодекса как препятствование работникам государственных органов в выполнении их обязанностей в соответствии с законом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель КНР накопил достаточный опыт в разработке мер борьбы с таможенными преступлениями и правонарушениями. В результате в законодательстве Китайской Народной Республики предусмотрены различного рода правовые инструменты, направленные на соблюдение таможенных правил и норм как на уровне национальных правовых актов в сфере таможенного регулирования, так и международных конвенций и соглашений.

Литература

1. Таможенный кодекс Китайской Народной Республики. Принят на 19-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 22 января 1987 г., изменения внесены на основании принятого на 16-м заседании ПК ВСНП девятого созыва 8 июля 2000 г. Постановления «О внесении изменений в «Таможенный кодекс Китайской Народной Республики».[Электронный ресурс] Русскоязычная версия официального сайта законодательства Китая. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_patent_ch1. Дата доступа: 26.10.2011.

2. Постановление Государственного совета КНР № 193 26 января 1996 г.; в Нормы и правила внесены изменения Решением Государственного совета КНР «О внесении изменений в Нормы и правила «О валютном регулировании» 14 января 1997 г.; в Нормы и правила внесены изменения 20-м заседанием Государственного совета КНР 1 августа 2008 г.) ». [Электронный ресурс] Русскоязычная версия официального сайта законодательства Китая. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/economic_law/statute_foreign_exchange_administration. Дата доступа: 26.10.2011.

3. Постановление Государственного совета КНР № 395 2 декабря 2003 г.; изменены в соответствии с Решением Государственного совета КНР «О внесении изменений в Нормы и правила «О таможенной защите прав интеллектуальной собственности» 24 марта 2010 г. [Электронный ресурс] Русскоязычная версия официального сайта законодательства Китая. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/economic_law/statute_customs_protection_ipr. Дата доступа: 26.10.2011.

4. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция) 18 мая 1973 года в редакции Протокола от 26 июня

1999 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=404 Дата доступа: 26.10.2011.

5. Найробийская Конвенция от 9 июня 1977 года, «Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений, Найроби, 9 июня 1977 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.ph Дата доступа: 26.10.2011.

6. Официальный сайт таможенной службы Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://english.customs.gov.cn/publish/portal191/> Дата доступа: 14.11.2011.

7. Закон КНР «О патентах» Закон принят на 4-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва 12 марта 1984 г.; 1-е изменение внесено Решением «О внесении изменений в Закон КНР «О патентах» на 27-м заседании Постоянного комитета ВСНП 7-го созыва 4 сентября 1992 г.; 2-е изменение внесено Решением «О внесении изменений в Закон КНР «О патентах» на 17-м заседании Постоянного комитета ВСНП 9-го созыва 25 августа 2000 г.; 3-е изменение внесено Решением «О внесении изменений в Закон КНР «О патентах» на 6-м заседании Постоянного комитета ВСНП 11-го созыва 27 декабря 2008 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_patent_ch1 Дата доступа: 14.11.2011.

8. Павлова, Т.Я. Законодательство КНР по защите прав интеллектуальной собственности. // Беларусь в современном мире: материалы VII Междунар. науч. конф., Минск, 29 окт. 2008 г. – Минск: Тесей, 2008.

9. Нормы и правила «О валютном регулировании» (опубликованы Постановлением Государственного совета КНР № 193 26 января 1996 г.; в Нормы и правила внесены изменения Решением Государственного совета КНР «О внесении изменений в Нормы и правила «О валютном регулировании» 14 января 1997 г.; в Нормы и правила внесены изменения 20-м заседанием Государственного совета КНР 1 августа 2008 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/economic_law/statute_foreign_exchange_administration_ch7 Дата доступа: 14.11.2011.

10. Criminal Law of the People's Republic of China (Provisions of Intellectual property Crime) (Adopted by the Second Session of the Fifth National People's Congress on July 1, 1979 and amended by the Fifth Session of the Eighth National People's Congress on March 14, 1997) [Электронный ресурс] Английская версия официального сайта таможенной службы КНР.– Режим доступа: <http://english.customs.gov.cn/publish/portal191/tab7041/info70278.htm> Дата доступа: 26.10.2011.

11. Rules of the Customs of People's Republic of China for Implementing the Regulations of People's Republic of China on Customs Protection of Intellectual Property Rights (Adopted at the Executive Meeting of the General Administration of Customs on April 22, 2004, , promulgated by Decree No.114 of the General Administration of Customs on May 25, 2004, and effective as of July 1, 2004) [Электронный ресурс] Английская версия официального сайта таможенной службы КНР.– Режим доступа: <http://english.customs.gov.cn/publish/portal191/tab7041/info70275.htm> Дата доступа: 26.10.2011.

12. Азиатский информационный ресурс бизнес сообщества [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.abirus.ru/content/564/623/627/719/11281.html> Дата доступа: 26.10.2011.

13. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года и изменена 2 октября 1979 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.ph Дата доступа: 26.10.2011.

14. Мадридское Соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. (пересмотрено в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Ницце 15 июня 1957 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г.) Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.wipo.int/treaties/ru/convention/trtdocs_wo029.html Дата доступа: 26.10.2011.

15. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., дополненная в Париже 4 мая 1896 г., пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 г., дополненная в Берне 20 марта 1914 г., и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 г., в Брюсселе 26 июня 1948 г., в Стокгольме 14 июля 1967 г. и в Париже 24 июля 1971 г, измененная 28 сентября 1979 г. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.wipo.int/treaties/ru/convention/trtdocs_wo029.html Дата доступа: 26.10.2011.

16. Всемирная конвенция об авторском праве. Подписана в Женеве 6 сентября 1952 г. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.wipo.int/treaties/ru/convention/trtdocs_wo029.html Дата доступа: 26.10.2011.

17. Regulations Governing Customs Penalty of People's Republic of China (Provision related to intellectual property protection) (Adopted at the 62nd Executive Meeting of the State Council on September 1, 2004, promulgated by Decree No.420 of the State Council of the People's Republic of China on September 19, 2004, and effective as of November 1, 2004.) [Электронный ресурс] Английская версия официального сайта таможенной службы КНР.– Режим доступа: <http://english.customs.gov.cn/publish/portal191/tab7041/info70276.htm> Дата доступа: 26.10.2011.

18. Regulations of the People's Republic of China on Customs Protection of Intellectual Property Rights (Adopted at the 30th Executive Meeting of the State Council on November 26, 2003, promulgated by Decree No. 395 of the State Council of the People's Republic of China on December 2, 2003, and effective as of March 1, 2004) [Электронный ресурс] Английская версия официального сайта таможенной службы КНР.– Режим доступа: <http://english.customs.gov.cn/publish/portal191/tab7041/info70274.htm>. - Дата доступа: 26.10.2011.

Юрова Н.В.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений,

Белорусский государственный университет

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В КНР: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

За последние несколько десятилетий Китай не только обратил на себя внимание всего мирового сообщества, как страна с устойчивым социально-экономическим развитием, но и заставил заговорить о себе как о достойном участнике международных экономических отношений, с потенциалом лидера. Многие ученые считают, что социально-экономическое развитие КНР можно условно разделить на два основных периода: этап до экономических реформ 1979 года под руководством Дэн Сяопина и этап после реализации реформ. Поскольку именно после внедрения в жизнь политики экономического реформирования Китай стал страной с динамично развивающейся экономикой. [1] Несмотря на огромные трудности на пути реформирования китайской экономической системы, положительный эффект был достигнут именно благодаря политике, которая учитывала интересы и потребности человека, а также базировалась на рыночном механизме. С момента реформ в КНР ВВП прирастал примерно на 9,8% ежегодно, доход на душу населения увеличился в 50 раз, 500 млн. человек удалось вывести из состояния нищеты.[2, с. 1] В соответствии с Докладом Всемирного банка, уровень бедности в Китае кардинально снизился. В период 1981-2004 гг. абсолютное число бедных сократилось с 652 млн. человек, до 135 млн. человек (с 65,2% населения до 10,4%), проживающих на 1 доллар в день.

Индекс развития человеческого потенциала Китая, по данным Доклада о человеческом развитии 2011 г., составил 0,687 (для сравнения в 2010 г. – 0,682), что соответствует группе стран со средним уровнем человеческого развития. Китай в мировом рейтинге по ИРЧП занимает 101 место. [3, с. 128]

Достижение страной экономического роста не является самоцелью. Доход и материальные блага являются источником роста благосостояния, но есть и целый ряд других факторов, которые выходят за рамки экономической теории, такие как участие в принятии решений, равенство возможностей, гендерное равенство и т.д. Экономический рост страны должен способствовать расширению возможностей человека, создавать условия для реализации его потенциала, в том числе в процессе труда, а это, несомненно, станет новым импульсом экономического развития.

Впервые на наднациональном уровне в рамках ПРООН обратили внимание на человеческое развитие, определив его как «процесс обеспечения людей более широким выбором». По мнению международных экспертов «принципиально этот выбор может быть бесконечным и изменяться со временем. Но на всех уровнях развития главными аспектами человеческого развития являются возможность прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни» [4, с. 11]. «Развитие человека... соединяет производство и распределение товаров с расширением и использованием человеческих способностей. Оно также фокусируется на выборе – на том, что люди должны иметь, чем они должны являться и что должны делать для того, чтобы обеспечить себе средства к существованию. Кроме того, развитие человека касается не только удовлетворения основных потребностей, но и развития человека как общего и динамического

процесса. Оно в равной мере применимо как к менее развитым, так и к высокоразвитым странам» [4, с. 12]. Таким образом, экономический рост и человеческое развитие неразрывно связаны и могут выступать как причиной, так и следствием друг друга. В экономическом аспекте для оценки человеческого развития часто применяется такая социально-экономическая категория как «человеческий капитал». Теория человеческого капитала существует с 60-х гг. XX в. Одним из последних является определение «человеческого капитала» в Докладе ОЭСР как «знаний, навыков, компетенций и других свойств, воплощенных в человеке (людях), которые способствуют созданию личного, социального и экономического благосостояния» [5, с. 18]. В большинстве стран мира человеческий капитал составляет около 60% национального богатства, поэтому его значение в экономическом, инновационном развитии, а также в решении проблем неравенства и сокращения бедности весьма велико. Если рассматривать во взаимосвязи вышеназванные категории, то стоит придерживаться следующей логики: человеческий потенциал может быть реализован в форме человеческого капитала, что является проявлением процесса человеческого развития, при этом экономический рост способствует развитию человеческого потенциала и получает дополнительный импульс при устойчивом человеческом развитии.

В Китае, с 1/5 населения мира, сегодня стоит проблема трансформации экономического роста в человеческое развитие. В данном случае экономический скачок страны в большей степени должен стать причиной повышения уровня национального человеческого потенциала.

При реализации экономической политики численность населения Китая воспринимается как источник конкурентных преимуществ. Однако есть ряд сдерживающих структурных проблем. Большая часть населения Китая проживает в сельской местности, а это в свою очередь сдерживает развитие человеческого потенциала, особенно в его качественном проявлении. Городское население увеличилось в 1980-2000 гг. на 270 млн. человек, к 2015 г. прогнозируется увеличение еще на 200 млн. человек. При этом существует диспропорция участия населения в общественном производстве и создании ВВП страны. Так, городское население, которое составляет 30%, создает около 60% ВВП.

Процесс урбанизации был свойственен многим развитым странам. Например, в США в конце IX в. 80% населения было занято в сельском хозяйстве, в начале XX в. эта цифра составила 40%, а в настоящее время, лишь 3% трудовых ресурсов задействовано в сельскохозяйственном производстве. Итого за 200 лет американское сельское хозяйство потеряло примерно 77% трудовых ресурсов. В КНР нет такой активной миграционной динамики (в 2003 г. 60% населения проживало в сельской местности), однако тенденция оттока населения в города сохраняется [6].

Главной причиной урбанизации является наличие вакансий на рынке труда в городах и более высокая заработная плата. Однако следует указать трудности использования трудовых ресурсов в китайском общественном производстве. Огромная армия рабочих и специалистов (особенно из сельской местности) не могут соответствовать в профессиональном плане динамично изменяющимся технологиям, применяемым в создании товаров и услуг, а также профессиональная подготовка и переподготовка специалистов в качественном плане отстает от требований глобальной экономики. Следствием вышеназванных проблем является то, что с 2000 года Китай потерял более 4,5 рабочих мест в сфере реального производства [6].

Проблема повышения качества человеческого потенциала КНР является одной из актуальнейших в свете удержания численности населения как конкурентного

преимущества и достижения устойчивого экономического роста. Особенно это важно при отрицательных прогнозах по приросту населения в будущем. Так, в 2012 году ожидается нулевой прирост населения, а затем будут наблюдаться процессы сокращения и старения населения. Такая тенденция во многом является следствием демографической политики государства (политика «одного ребенка») и миграционных процессов. Обнадеживающими в данном случае становятся исследования человеческого капитала в Китае [7], которые показывают, что прирост человеческого капитала уже в настоящее время происходит динамично (примерно 7% в год) и не за счет увеличения населения, а по причине повышения уровня образования.

В аспекте приобретения знаний как условия человеческого развития, следует отметить, что в Китае существенно изменился подход к образовательной системе и возможности получения образования на всех его ступенях. В традиционном, культурном и философском плане система образования Китая отличается от западных стандартов, что снижает возможности выпускников вузов занять достойную должность в западных ТНК, функционирующих в Китае, а так же в компаниях за рубежом. При этом есть положительный итог понимания высокой роли образования и его влияния на качество жизни. Если в 1995 г. только 95% детей воспользовались своим правом и закончили начальную школу, то уже в 2004 г. их количество достигло 99%.

В сфере высшего образования существуют проблемы подготовки кадров не в количественном, а в качественном плане. В количественном плане наблюдается активный рост образовательного потенциала. Если в 2001 г. выпускниками вузов и аспирантур стал 1 млн. человек, то уже в 2004 году – 2,4 млн. человек. Качественную сторону данного прироста могут проиллюстрировать затраты на образование страны. В Китае в 2003 г. было затрачено 2,2% ВВП на образование. Для сравнения в США эти затраты составили 4,8 %, к тому же американская система образования компактней, да и большая часть образовательных программ финансируется частным бизнесом. По мнению западных специалистов, для китайской образовательной системы следует предусмотреть повышение затрат на каждого студента, а так же совершенствовать систему обучения с учетом изменяющихся условий хозяйствования и глобализации [6].

Если анализировать расширение возможностей в получении профессионального образования во взаимосвязи с процессами урбанизации, то можно отметить следующее. Приток населения в города дает возможность получения более высокого дохода, что приводит к финансовой возможности получения качественного образования, которое будет, несомненно, способствовать карьерному росту и росту личного благосостояния. При учете современных требований к специалистам и наличия профессионального образования трудовые ресурсы устремятся в наиболее перспективные, высокопроизводительные, бурно развивающиеся отрасли, что в свою очередь сформирует спрос на современные профессиональные знания и придаст импульс развитию образовательной системы и накоплению качественного человеческого капитала. В долгосрочной перспективе данная закономерность проявится в положительной динамике показателей человеческого развития в КНР.

Литература

1. Aimei Zhang. Economic Growth and Human Development in China. Occasional Paper 28.
2. China human development report 2009/10. China and a Sustainable Future: Towards a Low Carbon Economy and Society, English. Compiled by United Nations Development Program. –Beijing: China Translation and Publishing Corporation, April 2010. – 181 p.
3. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех. / Пер. с англ.; ПРООН. – М., Издательство «Весь Мир», 2011. – 188 с.
4. Доклад о человеческом развитии 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. / Пер. с англ.; ПРООН. – М., Издательство «Весь Мир», 2010. – 228 с.
5. OECD (2001), The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital, OECD, Paris. – 118 p.
6. Human Capital in China. China Center for Human Capital and Labor Market Research Central University of Finance and Economics. Beijing, China, October 2010. Режим доступа: <http://humancapital.cufe.edu.cn/>
7. Haizheng Li. Human Capital in China. The 31st General Conference of The International Association for Research in Income and Wealth. St. Gallen, Switzerland, August 22-28, 2010. Режим доступа:<http://www.iariw.org>

Урбан М. М.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры международных экономических отношений

Белорусский государственный университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ

По данным шестой всекитайской переписи населения в 2010 году, общая численность населения в континентальной части страны составляла 1 млрд. 339 млн. 724 тыс. 852 человека. По численности населения Китай занимает первое место в мире.

С образованием КНР (1949 г.) страна вступила в период расширенного воспроизводства населения, сопровождаемого рядом демографических повышательных волн (первая волна 1954-1957 гг. – абсолютный прирост составил 58 млн. чел., вторая волна 1962-1970 гг. – 179 млн. чел., третья волна 1981-1990 гг. – 157 млн. чел.). Демографическими причинами роста численности населения стали быстрое снижение смертности (1949 г. – 20,0‰, 1957 г. – 10,8‰, 1979 г. – 6,21 ‰), увеличение средней продолжительности жизни (до образования КНР средняя продолжительность жизни составляла менее 40 лет, в 1957 г. – 57 лет, в 1982 г. – 67,9 лет, в 1995 г. – 70,6 лет, в начале 21 века – около 71 лет) при традиционно высокой рождаемости (1949 г. – 36‰, 1957 г. – 34,03 ‰, 1963 г. – 43,37‰, 1988 г. – 24,57‰).

Фактор народонаселения имеет судьбоносное значение в социально-экономическом развитии страны и жизни общества. Несоответствие роста численности населения и запасов природных ресурсов (особенно невозобновляемых) ложится тяжелым бременем на экономику страны, осложняет повышение уровня жизни людей. Китай является страной с чрезвычайно малыми запасами на душу населения таких ресурсов, как: обеспеченность пахотной землей на душу населения – в три раза меньше среднемирового уровня (площадь возделываемой земли составляет около 10%); потребление воды составляет $\frac{1}{4}$ среднемирового уровня; лесные ресурсы – в 8 раз меньше среднемирового уровня. Благоприятные для жизнедеятельности людей влажные и полувлажные земли составляют 46% от всей территории, на них проживает 94% всего населения страны. Нагрузка на окружающую среду в ряде районной из-за различий в плотности населения превышает предел выносимости экологической системы.

Быстрый прирост населения отрицательно сказывается не только на обеспеченности людей необходимыми природными ресурсами, но и на их благосостоянии. Средний годовой доход на душу населения в целом по стране, по официальным данным, составляет 500 долл., а по оценкам – около 100 долл. и является одним из самых низких в мире. В основном развиваются и богатеют северная и восточная части страны. Жители остальной территории, особенно в сельской местности, где проживает более 800 млн. чел., в большинстве своем живут в бедности. Доходы населения на востоке и западе разнятся в пять раз. Однако улучшение жизни происходит крайне неравномерно. На сегодняшний день при уровне урбанизации 48%¹¹ (по прогнозам ООН, население китайских городов возрастет к 2030 году до 884 млн. чел.,

¹¹ <http://demoscope.ru/weekly/2011/0449/gazeta027.php>

составит 59,1 % всего населения страны и в целом достигнет времени среднемирового уровня)¹² доходы горожан растут темпами 8-9% в год, жителей села – 4-5%. В результате горожане в шесть раз богаче сельских жителей, соотношение верхней и нижней децильных групп по уровню располагаемых ресурсов составляет 32 раза (10% населения верхней шкалы располагают 45% личной и частной собственности, 10% бедного населения – 1,4% такой же собственности). Дифференциация доходов приближается к опасной черте социальной поляризации¹³.

Чтобы сдержать рост населения, в 1979 году Китай перешёл к политике ограничения рождаемости – один ребёнок в семье, с исключениями для этнических меньшинств и сельских районов. Для них допускалось, что у семьи может быть второй ребёнок в случае, если первый является девочкой или имеет физические отклонения.

Политика "одна семья – один ребенок" в демографическом измерении привела к гендерному дисбалансу: на 100 девочек рождается 119 мальчиков (биологическое соотношение 100:105). Через четверть века пятая часть мужчин, желающих завести семью, будет вынуждена искать невест за рубежом, т.к. местных невест им не хватит.¹⁴

Вышеотмеченные факты иллюстрируют, насколько силен прессинг многочисленного населения Китая на окружающую среду и социально-экономическую ситуацию в стране.

В результате введения жестких мер по ограничению рождаемости (административное и материальное наказание лиц, нарушающих установленные требования по количеству детей) среднегодовые темпы роста населения с 2000-го по 2010 год стали неуклонно снижаться на 0,57 процента в год. Суммарный коэффициент рождаемости (то есть число детей, которые могут появиться на свет у женщины детородного возраста) составляет 1,4, что ниже коэффициента замещения в 2,1 (число детей, которые должны родиться у женщины, чтобы обеспечить численную замену поколений). Несмотря на то, что естественный прирост населения в Китае уже снизился, оно из-за огромной базисной цифры по-прежнему из года в год будет возрастать. Согласно трем вариантам демографического прогноза, к 2050 г. численность населения Китая может достигнуть: 1449,92 млн. чел. (прогноз, основанный на низкой рождаемости), 1528,60 млн. чел. (прогноз, основанный на средней рождаемости), 1610,60 млн. чел. (прогноз, основанный на высокой рождаемости)¹⁵.

Контроль над численностью населения в условиях его высокого естественного прироста, ограниченности природных ресурсов будет способствовать дальнейшему социально-экономическому развитию. Однако уменьшение рождаемости изменит возрастной вектор демографической структуры: население будет стареть. В Китае интенсивность старения населения и увеличение доли пожилых людей в возрастной структуре населения обусловлена не только уменьшением рождаемости, но и увеличением средней продолжительности жизни.

¹²http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0#.D0.AD.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BC.D0.B8.D0.BA.D0.B0

¹³ См.: <http://www.1zam.com/37-socialnye-i-demograficheskie-problemy-kitaya.html>

¹⁴ <http://www.pravda.ru/society/fashion/21-05-2011/1077688-china-0/>

¹⁵ См.: Лю Мин Ся. Нарастание волны серебряных волос. Минск: «Беларускі кнігазбор», 2000. С. 101-103.

Возрастная структура населения претерпела большие изменения после образования КНР. В 1964 г. при сохраняющейся высокой рождаемости и резком снижении детской смертности традиционно молодое население страны еще более помолодело. Медианный возраст (значение показателя, которое стоит в центре ряда распределения по достижению всех жителей в порядке возрастания полных лет) снизился почти до 20 лет, доля детского населения (0-14 лет) составила 40,4%, пожилого (65 лет и старше) – 4,3%. В 1982 г. доля детей (0-14 лет) составила около трети населения, лиц пожилого возраста (65 лет и старше) – 6,2%. В 1990 г. доля детей снизилась до 27,7%, пожилых – 7,2%; медианный возраст составил более 25 лет. В 2010 г. доля детей составила 21,1%, доля пожилых – 13,3%, медианный возраст населения возрос до 34 лет.

Дальнейшее снижение деторождения приведет к уменьшению доли трудоспособного населения. После 2015 г. из трудоспособного возраста в посттрудоспособный начнет переходить население первой повышательной демографической волны. Относительное и абсолютное уменьшение трудоспособного населения способствует ускорению старения. К 2020 г. доля пожилых превысит 16%, доля детей составит чуть более 18%, доля трудоспособного – колебаться около 64%. В начале третьего десятилетия произойдет выравнивание доли до- и посттрудоспособного населения с устойчивым уменьшением доли трудоспособного до 61-60%. После этого момента наступит ситуация, когда численность пожилых людей начнет превышать детское население. К середине 21 века сложится следующее соотношение возрастных групп: 0-14 лет – 14%, 15-59 лет – 56%, 60 лет и старше – 30%. Численность пожилых людей составит больше половины трудоспособных. Медианный возраст достигнет 39 лет.

Произойдут изменения в возрастной структуре трудоспособного населения. В начале 90-х гг. в ней преобладала доля лиц младшей возрастной группы 15-29 лет – 48,6%. К 2000 г. эта группа уменьшилась до 38%, в 2020 г. она составит около 34%, в середине столетия – порядка 30%. Соответственно, доля старшей трудоспособной группы 45-59 лет будет нарастать с 19% (1990г.) до более, чем 37% (2050г.). Изменится соотношение между младшей и старшей возрастными трудоспособными группами: 1995г. – 1:0,5, 2050 – 1:1,23.

Старение рабочей силы будет иметь серьезные отрицательные последствия: необходимые производственные операции по физиологическим причинам будут выполняться за более длительное время, что приведет к сокращению работающих старших возрастов; вытеснению работников старшего возраста будут способствовать внедрения результатов научно-технического прогресса и новых технологий производства. Что касается возможного недостатка рабочей силы как следствие старения населения, то, по мнению ряда экспертов, при существующем избытке рабочей силы и во многом несовершенных промышленных технологий и оборудовании нет оснований ожидать подобных последствий.¹⁶

Возрастная структура посттрудоспособного населения также претерпит значительные трансформации. Наряду с увеличением доли этой когорты будет увеличиваться численность лиц 80 лет и старше: 2000 г. – 13,2 млн. чел., 2020 г. – 25 млн. чел., 2040 г. – свыше 56 млн. Средний возраст пожилых людей увеличится с 68,5 лет (1990 г.) до 71,8 лет (середина 21 века).

¹⁶ См.: Лю Мин Ся. Нарастание волны серебряных волос. Минск: «Беларускі кнігазбор», 2000. С. 125.

Вышеназванные изменения возрастной структуры населения вызовут изменения иждивенческой нагрузки на трудоспособное население. До середины второго десятилетия будет снижаться общая иждивенческая нагрузка (дети и пожилые) на трудоспособное население, т.к. к этому времени доля трудоспособного населения достигнет максимального уровня. В последующем в результате уменьшения доли трудоспособного населения и продолжения старения населения иждивенческая нагрузка станет увеличиваться: к 2030 г. – до 66%, к 2040 г. – до 78%, к 2050 г. – до 79%. Последствия усиления иждивенческой нагрузки приведут к изменению таких сфер общественной жизни, как семья, пенсионное обеспечение, экономическая структура.

Старение населения окажет влияние на изменения структуры спроса на товары и услуги. Наряду с возрастанием спроса в целом он сместится на товары и услуги, необходимые для обеспечения потребностей возрастающего количества пожилых людей. От производителей на это потребуются определенные материальные издержки, но сами изменения будут происходить в виде обычного замещения производства одних товаров другими в течение некоторого отрезка времени, что не создаст угрозы экономическому росту страны. Кроме того, по мере дальнейшего роста благосостояния народа позитивные изменения произойдут в сфере услуг (торговля, транспорт, медицинское обслуживание, досуг). Потребуется увеличение оказания таких услуг, как доставка питания на дом, разнообразная разовая помощь в быту, уход за престарелыми на дому, сопровождение пожилых людей в различных поездках и т.д. Сфера услуг станет не только средством решения многих проблем пожилых людей, но и увеличит занятость трудоспособных граждан.

В условиях ограниченной рождаемости до 1 – 2 детей на семью возрастет доля лиц, оставшихся в старости без детей, что потребует развития сети специализированных заведений для престарелых граждан. Возрастет потребность в медицинских услугах, что поспособствует развитию сети частных здравоохранительных учреждений. Однако наиболее серьезные изменения должны произойти в пенсионной системе Китая, которая в настоящее время находится в состоянии становления¹⁷.

С начала экономических реформ в Китае в первой половине 1980-х годов городская пенсионная система страны пережила серию преобразований. До реформы эта система действовала только в государственном и городском коллективном секторах и представляла собой прямые выплаты госпредприятий своим сотрудникам. В 1997 году пенсионные фонды стали создаваться в провинциях; они стремились охватывать всех городских работников, независимо от того, в чьей собственности находятся предприятия, а взносы начислялись на индивидуальные счета. Тогда же были укрупнены пенсионные фонды в масштабе провинций и распространена пенсионная система на частные предприятия.

Ожидалось, что консолидация пенсионных фондов позволит в кратчайшие сроки ослабить финансовые затруднения некоторых местных фондов. Расширение масштаба фондов до уровня провинции позволит местным фондам, где образовался профицит, субсидировать те, что страдают от дефицита средств, и увеличит шансы на то, что пенсионеры в неблагополучных в экономическом плане районах будут получать пенсии без задержек.

Новая система должна состоять из трех основных компонентов: 1 – фиксированных государственных ассигнований, предназначенных для перераспределения, 2

¹⁷ <http://www.inliberty.ru/library/study/2387/>

– обязательных четко оговоренных накопительных взносов каждого работника и 3 – добровольной дополнительной прибавки к пенсии, устанавливаемой самими фирмами и частными страховыми компаниями. Первый компонент будет финансироваться за счет налога на зарплату в размере 13%, взимаемого из доходов предприятий до уплаты налога, и гарантировать пенсионеру – при уплате взносов в течение как минимум 15 лет – получение суммы, эквивалентной 20% средней зарплаты. Второй компонент составят поступления от налога на зарплату в размере 11%.

Однако пенсионная система породила ряд проблем, связанных с нарушениями и уклонениями от обязательств.

Главная проблема пенсионной системы в ее нынешнем виде связана с большими масштабами невыполнения обязательств или уклонения от них. Для предприятий, уже участвующих в пенсионной системе, наиболее распространенный способ – занижение количества работающих и объема фонда зарплаты в отчетности, чтобы тем самым сократить взносы в пенсионный фонд. В результате предприятия-участники к июню 2000 г. задолжали системе выплаты 41,4 миллиарда юаней. Одна из главных причин гигантского дефицита, образовавшегося за последние годы в пенсионной системе, связана с подтасовкой отчетности о количестве работников и их зарплатах.

Для тех хозяйствующих субъектов, которые традиционно оставались за рамками пенсионной системы (частных фирм и людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью), основная форма уклонения – отказ присоединиться к ней. На этих предприятиях работают в среднем довольно молодые люди. Уклонение проявляется в медленных темпах расширения охвата. Главной причиной нарушений и уклонения является отсутствие у предприятий и физических лиц стимулов для участия в системе. Правительство не имеет мощных принудительных рычагов в отношении таких предприятий. Обязательное участие в системе не даст нужного эффекта, если не будут созданы соответствующие стимулы.

Первым антистимулом является наличие в пенсионном обеспечении большого перераспределительного государственного механизма.

Второй и самый главный антистимул – низкая доходность взносов на индивидуальные счета. Эти взносы не инвестируются. Индивидуальные счета являются номинальными – поступающие на них средства идут на выплаты тем, кто уже вышел на пенсию. В рамках системы номинальных счетов доходность взносов определяется административным путем, государство устанавливает низкие процентные ставки. Поэтому трудящиеся предпочитают инвестировать свои деньги на собственные сберегательные счета, а не пенсионные, следовательно, нарушения и уклонения становятся неизбежными.

Когда индивидуальные счета становятся инструментами перераспределения, обязательные взносы начинают рассматриваться не как выгодные вложения, а как еще одна форма налога. Таким образом, участие в нынешней пенсионной системе равносильно налогообложению в размере 24%. Для частных предприятий присоединение к ней означает существенное усиление налогового бремени, чего они будут пытаться избежать, уклоняясь от участия в системе, а если их к этому вынуждают, занижать в отчетности фонд зарплаты и количество персонала или «уходить в подполье».

Иными словами, стимулы для участия предприятий и граждан в пенсионной системе весьма слабы, поскольку обязательный налог на зарплату высок, система

носит перераспределительный характер, а доходность индивидуальных счетов невелика.

Пенсионная реформа не смогла преодолеть финансовую несбалансированность пенсионной системы, результатом которой стали хронические задержки выплаты пенсий. Кроме того, она не решила задач, связанных с долгосрочной проблемой пенсионного обеспечения в условиях быстрого старения населения при его низких доходах.

Новый закон о социальном страховании, вступивший в силу в июле 2011г., декларирует, что постепенно все пенсионеры в стране будут получать пенсию. Им будут открыты специальные счета, куда предприятия будут перечислять деньги. В новом законе говорится, что сумма пенсионной страховки будет повышаться в зависимости от повышения уровня инфляции и цен на товары в стране. Однако, по мнению экспертов, это мало чем поможет пенсионерам, так как официальные данные по уровню инфляции и индекс потребительских цен не отражают реальной ситуации в этой области. В стране законы не играют роли и нарушаются повсеместно. Вопреки законам, запрещающим детям чиновников заниматься бизнесом, все дети чиновников являются владельцами предприятий в наиболее прибыльных отраслях; в области трудового законодательства – число сверхурочных часов не должно превышать 12 в неделю, но рабочие не только работают без выходных, но зачастую им ещё и не платят за сверхурочные часы.¹⁸

Ситуация с материальным обеспечением пожилых людей и с созданием системы социального обеспечения всего населения остается сложной. Сегодняшняя противоречивая и немотивированная система социального обеспечения не выполняет должным образом своих функций и не охватывает все население. Жители села практически не охвачены этой системой. Ранее их достойная старость зависела от количества детей. В настоящее время ограничение рождаемости создает реальную угрозу дожития в посттрудовом возрасте. С учетом этого обстоятельства увеличение иждивенческой нагрузки со стороны лиц пожилого возраста может привести к возврату высокой рождаемости в семьях, невзирая на административные, юридические и иные запреты.

Литература

1. Лю Мин Ся. Нарастание волны серебряных волос. Минск: «Беларускі кнігазбор», 2000.

¹⁸ <http://www.sunhome.ru/journal/132392>

Нечай А. А.
Кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КИТАЕ: ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ.

Экономическая модернизация крупнейшей страны мира с богатейшим разнообразием природных и социально – экономических условий, произошедшая за исторически короткий промежуток времени, вызывает интерес как со стороны ученых экономистов, социологов, политологов, так и со стороны политических и государственных деятелей разных стран мира. Не случайно вопросы движущих сил китайской модернизации, роли государства и рынка в процессе реформирования, взаимосвязь внутренних и внешних факторов в развитии народного хозяйства КНР, истоки универсальности и специфичности модели модернизации стали предметом острых дискуссий среди ученых.

В экономической литературе на Западе и в постсоциалистических странах недооценивалась, на наш взгляд, степень научной разработанности взаимосвязанного комплекса стратегии, политики и практики в процессе экономических реформ в КНР, в том числе вопросов координации мирохозяйственного курса с общей экономической стратегией и внешней политикой. Следует заметить, что с самого начала в научной разработке политики реформирования принимали участие институты Академии общественных наук КНР, а также исследовательские учреждения других ведомств. За 90-е годы в Китае создано 22 государственных научно-исследовательских института, занимающихся изучением опыта структурных преобразований в разных странах.

Модель реформирования экономики КНР была разработана китайскими учеными на основе обобщения мирового опыта экономического развития стран Запада и социалистических стран. В основу был положен метод сравнительного анализа противоположных систем в целях заимствования наиболее эффективных форм хозяйствования, соответствующих условиям национальной экономики. Использование данной модели позволило не только предотвратить кризисные явления в связи со сменой советской модели социализма на «социализм с китайской спецификой», но и добиться выдающихся экономических успехов и избежать крупных социальных потрясений. Большое практическое значение получили работы Сунь Ефана, У Цзилина и других китайских ученых экономистов, так что можно сказать, что экономические реформы в КНР оказались наиболее теоретически проработанными, постепенными и проходили практическую апробацию в течение нескольких лет.

На общем фоне успешных, относительно успешных, незаконченных, частичных, прерванных и даже сорванных модернизаций современный Китай выступает на мировой арене с наиболее полной моделью модернизации. Здесь наблюдаются достаточно удачные пропорции между отдельными компонентами: экономическими, политическими, идеологическими. Предпосылки модернизации Китая во многом взяты из опыта модернизации в послевоенной Японии, опыта рыночных преобразований в Венгрии, а также на Тайване «рост при равенстве», («рост со стабильностью»). Преемственность реформ просматривается и в «опоре на собственные силы». Известно, что в середине 80-х годов Мировой банк предложил Китаю бес-

прецедентно крупный кредит на приобретение оборудования для легкой промышленности и сельского хозяйства. Предполагалось, что специализация на производстве и экспорте трудоемкой продукции станет основой для страны. В КНР это предложение отклонили, а затем приложили значительные усилия к модернизации машиностроения и самостоятельному освоению более высоких технологических этапов экспортной специализации.

Для ликвидации диспропорций в народном хозяйстве важно совмещение задач экономической эффективности и накопления. Весь начальный период реформ в КНР (около 5 лет) был «временем» урегулирования», когда не спешили с «ускорением» и «форсированием программ роста», но и не затягивали решение задач валютно-финансовой стабилизации.

Модель модернизации КНР постоянно корректировалась по мере изменений внутренних и внешних условий и требований времени. В силу определенных исторических причин пришлось отказаться от теории «новой демократии» Мао Цзедунa, суть которой заключалась в становлении национального капитализма под контролем государства, представляющего интересы всех основных общественных классов и руководимого коалиционным правительством во главе с КПК. Теория «новой демократии» выдвигалась в качестве альтернативы капитализму советского образца. И то и другое было неосуществимо в условиях экономической и культурной отсталости Китая. Позже Дэн Сяопин акцент делает на самобытности китайской модели модернизации, предопределенной «слабой экономической основой» и «большим населением при малом количестве пахотной земли». Потребовался пересмотр идейно-теоретической платформы КПК, отказ от тех устоявшихся положений в марксизме, которые препятствуют проведению необходимых преобразований: отказ от догматического противопоставления плана и рынка, от уравниловки в зарплате, от установок по проведению «классовой борьбы» и т.п.

Руководствуясь принципом «реалистического подхода к действительности» (идеи Мао), в 80-х годах была принята концепция «начальной стадии социализма», согласно которой нынешнюю политику придется проводить около 100 лет, не отказываясь от социализма как цели развития. Существенную роль сыграли события «культурной революции», объясняемые допущенными ошибками, а не системой социализма. Глубина и нарастающая массовость нищеты населения вынудили руководство КПК осознать необходимость перемен. В свою очередь население, ощутив хотя бы минимальную возможность самому строить свою жизнь, с готовностью включились в экономический процесс. В статье Чжоу Синьчэна, директора Института Восточной Европы и Средней Азии Народного университета Китая (Пекин) утверждается, что социалистический строй и социалистическая система – разные вещи. Это значит, что, во-первых, нельзя ставить целью преобразований ликвидацию социалистического строя, во-вторых, объектом реформы должна стать высокоцентрализованная плановая экономическая система. Необходимо радикально преобразовать саму модель экономической системы и базисный механизм хозяйствования, т.е. осуществить определенный переход от плановой экономики к рыночной [1].

Анализ показывает, что многие конкретные аспекты китайской практики модернизации при более внимательном рассмотрении не являются сугубо китайским изобретением, не имеющими аналогов в модернизации других стран. Так, идея постепенной имплантации рыночных принципов в народное хозяйство страны, по признанию самих китайцев, заимствовано у венгерских экономистов. О китайской спе-

цифике можно говорить оценивая одновременность индустриализации, экономической реформы и открытия внешнему миру, а из конкретных начинаний - привнесение модернизационного начала в деревню за счет масштабного развития волостных и поселковых предприятий. Другое дело, что Китай по ряду направлений сумел работать эффективнее, чем другие страны, например, в привлечении капиталов зарубежной диаспоры и в создании специальных экономических зон.

Заметим, что на фоне многочисленных кризисов в современном мире экономика и общество Китая выглядят достаточно устойчивыми, опираясь не только на рынок, но и на устойчивую валютно-финансовую систему. Более того, как замечают исследователи (А.И.Некlessа), « Китай сохранил в принципе возможности и механизмы перехода к мобилизационной экономике, обладая огромным внутренним рынком. В силу этого он лучше других подготовлен к грядущему периоду хаотизации и имеет весьма реальные шансы оказаться наверху новой мировой иерархии» [2, с. 48].

Особого внимания заслуживают международные последствия модернизации и форсированного экономического роста современного Китая, которые оцениваются весьма противоречиво и вызывают необходимость более тщательного анализа современного состояния экономики КНР и особенно ее роли в глобализирующейся экономике.

Литература

1. Чжоу Синьчэнь. Экономическая трансформация в Китае: достижения и задачи/ Чжоу Синьчэнь (на кит. яз.) [Электронный ресурс.]// Китайская электронная сеть. — Режим доступа: <http://www.ce.cn/xwzx/gdxw/201009/26/t2010092621848095.shtml>. — Дата доступа: 10.09.2010
2. Китай: универсальная модель модернизации: материалы научного семинара «Современные проблемы развития»// Мировая экономика и международные отношения».2009.№7.С. 48.

Нестерова А. А.

*Ст. преподаватель кафедры международных экономических отношений,
Белорусский государственный университет*

РЕФОРМЫ КИТАЙСКОГО РЫНКА ТРУДА

С начала экономических реформ 1978 года китайский рынок труда претерпел множество изменений, которые повлияли на трудовую жизнь и благосостояние граждан КНР. Как и другие быстро растущие развивающиеся страны, в Китае структурные изменения привели к устойчивому переливу работников из сельского хозяйства в промышленность, из сельской местности в город.

После 1978 года, рынок труда Китая был сегментирован не только по формам собственности, но по географическому признаку. Исследователи отмечают, что разница в доходах в регионах сначала сокращалась, а затем выросла в годы после начала экономических реформ. Два фактора способствовали дифференциации в пользу восточных регионов Китая. Первый – падение доли сельского хозяйства в ВВП и увеличение доли промышленности, который был более выражен в восточных прибрежных районах, чем в центре. Во-вторых, было развитие свободных экономических зон, которые были расположены в восточных прибрежных районах. В результате такой политики восточные прибрежные районы были наделены преимуществом в развитии производственной структуры [1, с. 690].

Упадок сельского хозяйства и создание на территории предприятия лишь усугубили и без того сложную ситуацию. В дореформенный период, были установлены барьеры, чтобы предотвратить межрегиональные потоки капитала и труда, которые обычно возникают в ответ на сигналы рынка. Это было сделано, чтобы убедиться, что капитал и труд будут идти только в приоритетные сектора. Народная система Коммун и регистрации по месту жительства (более известна как система прописки) были реализованы для снижения мобильности ресурсов.

До начала реформы (1978 год) пополнение рабочей силы в городах почти целиком опиралось на выпускников высших учебных заведений, демобилизованных и перепрофилирующихся военнослужащих. В сельском хозяйстве, в соответствии со стратегической линией на "производство хлеба в качестве основного звена экономики", крестьяне не имели свободного выбора работы и самостоятельного хозяйствования. По мере того, как численность населения увеличивалась, площадь пахотной земли на душу населения уменьшалась. В течение 26 лет (с 1952 по 1978 год) удельный вес занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых уменьшился с 83,5% до 70,5% [2, с. 23-25].

Во время реформы в Китае были проведены два мероприятия, которые оказали большое влияние на занятость в сельских районах страны. Во-первых, крестьянам разрешили свободно выбирать профессии и самостоятельно вести хозяйственную деятельность; во-вторых, крестьянам разрешили заниматься бизнесом в городах. Первая мера привела к трудоустройству 125 миллионов работников на предприятиях в сельских местностях. Вторая - к переезду примерно 60-80 миллионов крестьян из сельских районов в города. В течение 23 лет (с 1978 по 2001 год) удельный вес занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых уменьшился с 70,5% до 50,0% [3, с. 820].

На государственных предприятиях в городах начала осуществляться политика по уменьшению числа работников с целью повышения эффективности хозяйствования. Таким образом, реформы привели к быстрому образованию рынка труда как в городе, так и в сельской местности. При этом люди, имеющие городскую прописку и предъявляющие более высокие требования к характеру будущей работы, почти не обращаются на сельский рынок. А на городском рынке (за исключением нескольких маленьких приморских городков) люди с сельской пропиской могут лишь в редких случаях найти себе работу.

Рынок труда в городах тоже разделен на два сектора: государственный и негосударственный. Хотя в Китае эти секторы рынка труда имеют некоторые общие черты, однако нет единой системы оплаты труда, системы отбора персонала, системы социального обеспечения. Имеются различия в соотношении спроса и предложения рабочей силы. В связи с этим политика, направленная на урегулирование спроса и предложения на рынке труда, в некоторых случаях не приносит положительных результатов, а иногда дает даже отрицательный эффект. Например, для того, чтобы уволенные работники государственных предприятий имели больше шансов на трудоустройство, в некоторых городах принимались меры по ограничению миграции крестьян в города; однако бывшие работники государственных предприятий предпочитали безработицу, чем занятость на более тяжелых и низкооплачиваемых работах и т.д. Меры по ограничению занятости крестьян в городах не облегчили ситуации с трудоустройством уволенных работников государственных предприятий, а, наоборот, привели к тому, что кое-где возник даже дефицит предложения рабочей силы.

До середины 90-х гг. усиливалась конкуренция между государственными и негосударственными секторами. Муниципальные власти старались защитить места городских рабочих от сельских мигрантов, но и продолжали устраивать выпускников на государственные предприятия, даже если они и не требовались. Таким образом, практически отсутствовала безработица. Страна полностью использовала трудовой ресурс, но несла огромные издержки неэффективного распределения ресурсов по конкретным видам деятельности.

С середины 90-х гг. правительство стала реформировать государственные предприятия, и позволило неэффективным предприятиям сократить занятость или обанкротиться. Эти меры привели к увольнениям 10 млн. рабочих в 1997 году и 27 млн. с 1998 по 2004 гг. Численность работников государственного сектора снизилась с пиковых 113 млн. в 1995 до 88 млн. в 1998 и 64 в 2004 году [4, с. 207]. Однако, в стране отсутствует система достоверной и своевременной оценки уровня безработицы, поскольку считаются лишь официально зарегистрированные.

С конца 90-х создание новых рабочих мест – основной приоритет правительства КНР на рынке труда.

Содействовать подготовке человеческих ресурсов и трудоустройству граждан - это требование звучит в Китае как призыв создать «державу высококвалифицированных работников». Решение этой задачи является приоритетным для нынешнего этапа развития Китая. Для ее осуществления необходимо выполнить ряд условий.

Хотя в настоящее время рождаемость в Китае уже уменьшилась до уровня многих развитых стран мира, но общая численность населения, в том числе населения в трудоспособном возрасте, еще имеет тенденцию к увеличению. Численность населения в трудоспособном возрасте (мужчин - с 16 до 59 лет; женщин - с 16 до 54 лет) в 1995 году составила 731 млн. человек, в 2000 году - 888 млн. человек, в 2007

году она увеличилась до 910 млн. человек, а в 2016 году достигнет максимальной величины - 950 млн. человек. Уменьшение рождаемости в ближайшие годы скажется на уменьшении населения в трудоспособном возрасте лишь после 2016 года; только к 2030 году численность населения в трудоспособном возрасте будет соответствовать уровню 2000 года [4, с. 212-213].

Целесообразно сократить длительность рабочей недели на предприятиях, контролировать уровень безработицы, создать широкую сеть бирж труда, обеспечивая первоочередное трудоустройство квалифицированных работников в соответствии с их профессиональной подготовкой. В случае приближения уровня безработицы к критической отметке необходимо расширять занятость в сфере общественных работ, помогать перемещению безработных в развивающиеся районы и отрасли, способствуя тем самым снижению уровня социальной напряженности.

Подготовку и рациональное использование человеческих ресурсов, представляющих собой основную и постоянно действующую движущую силу прогресса современного Китая, следует поставить во главу угла стратегии долговременного развития страны. Ведь ее крупнейший в мире человеческий потенциал - мощное конкурентное преимущество. Задача заключается в том, чтобы придать этому ресурсу такие качества, которые бы позволили реализовать его в полной мере. Это возможно посредством массового и существенного повышения квалификации работающего населения.

Разрабатывая и осуществляя стратегию эффективного использования человеческих ресурсов в народном хозяйстве, финансируя меры по содействию трудоустройству населения, правительство влияет на формирование качества рабочей силы, соответствующего современному научно-техническому уровню.

В первую очередь речь идет об увеличении возможностей для трудоустройства путем создания новых рабочих мест в промышленности и сфере обслуживания (потребности которой в рабочей силе весьма велики). Во-вторых, целесообразно проводить курс на развитие городов и поселков, привлечение свободной рабочей силы из деревень, строго контролируя соответствующие миграционные процессы. В-третьих, улучшать ситуацию на рынке труда, формируя институты и механизмы трудоустройства, адекватные рыночной экономике. В-четвертых, усилить внимание к профессиональной подготовке, ввести общую систему определения уровня квалификации, единую для страны и позволяющую легче переходить в те отрасли и регионы, которые быстро развиваются и испытывают потребность в кадрах. Это позволит оптимизировать профессионально-квалификационную структуру занятых. Важно изыскивать возможности для вторичной занятости, поддерживать развитие негосударственных предприятий, поощрять нестандартную занятость, гибкие режимы труда.

В бывшей системе плановой экономики Китая работа городским жителям предоставлялась главным образом правительственными организациями и предприятиями. По мере углубления экономической реформы каналы, по которым осуществляются поиски работы, стали более многообразными. Однако сеть общественной поддержки занятости еще несовершенна. Особенно это касается общественной поддержки трудоустройства безработных. В Китае не хватает опыта и не создана действенная официальная сеть общественной поддержки занятости. При поиске новой работы в большинстве случаев приходится опираться на помощь родственников и друзей, т.е. на неофициальную общественную сеть. По данным выборочного обследо-

дования безработных и их семей, которое было проведено группой изучения социально-экономических проблем Пекина в июне 1999 года, в процессе поиска работы 50,3% безработных опирались на рекомендации родственников, друзей и других структур неофициальных общественных организаций; 22,3% обращались в профессиональные агентства по трудоустройству, в центры по продвижению способных людей, к рекламе работодателей и т.п.; 10,8% опирались на рекомендации и помощь прежних организаций; 9,9% обращались к административному комитету улицы и сети местного самоуправления; только 2,3% искали работу через Центр обслуживания повторного трудоустройства и 4,4% - через прочие каналы. Это явление существует не только в Пекине [5, с. 59-61].

Важная роль, которую в процессе поиска работы играет связь с родственниками и друзьями, возможно, объясняется общественной структурой и традиционной культурой Китая, основой которых является семья. Но нестабильность рыночных каналов и отсутствие официальной системы трудоустройства в период перехода к рыночной экономике могут сыграть решающую роль. Для большинства безработных поиск работы через родственников и друзей - самый дешевый способ трудоустройства.

Известное положение о том, что процессы социально-экономического развития, сохранения окружающей среды и использования человеческих ресурсов взаимосвязаны, необходимо подкрепить системой мер, обеспечивающих их координацию на практике. Например, при разработке фундаментальных направлений экономической политики и составлении общегосударственных проектов и программ, связанных с перестройкой народного хозяйства, следует в обязательном порядке оценивать их влияние на человеческие ресурсы и занятость населения. Формируя политику в области финансов и налогообложения, важно уделять особое внимание и оказывать поддержку тем организациям и отраслям хозяйства, которые создают новые рабочие места, способствуют трудоустройству граждан, повышению уровня их квалификации, внедряют передовую технику и технологии, позволяющие снизить затраты материалов и энергии, уменьшить загрязнение окружающей среды.

Пока что успехи Китая в области использования человеческих ресурсов и трудоустройстве граждан невелики. Безусловно, создать и усовершенствовать эффективный механизм, способный расширить масштабы трудоустройства в стране, где человеческие ресурсы огромны, а количество рабочих рук избыточно, непросто. Тем более что в системе хозяйствования сосуществуют рыночные и нерыночные элементы. Логика диктует сложный алгоритм действий.

С одной стороны, согласно требованиям реформы государственных предприятий в целях создания современной системы рыночного производства, следует всемерно активизировать выход на рынок труда как можно большей части человеческих ресурсов городов и сельских поселений, расширять обмен информацией о спросе и предложении труда, повышая при этом строгость отбора работников.

С другой стороны, нельзя допустить, чтобы рынок стал единственным регулятором отношений в сфере занятости. Так, в отношении бывших военнослужащих было бы целесообразно соединить рыночный механизм отбора с предоставлением этой категории граждан некоторых преимуществ, в том числе в области профессиональной переподготовки или в форме определенных компенсаций.

Но главное воздействие государства на состояние занятости и рынок труда — это применение страхования на случай безработицы, поддержка занятости (на ос-

нове соответствующих правовых, экономических и административных мер макро-регулирующего), финансирование соответствующих направлений профессиональной подготовки населения, а также развитие инфраструктуры служб, занимающихся трудоустройством.

Что касается сокращения излишних работников и возвращения их на рынок труда, то их материальная поддержка в период поиска нового места работы должна обеспечиваться не за счет государственных пособий, а средствами страхования от безработицы.

Еще одно направление деятельности государства, способное оживить рынок труда, реформирование системы обеспечения права на жилье и свободу передвижения, цель которого – постепенное разрушение существующих барьеров между городом и деревней и облегчение миграции населения по регионам страны. Важно без спешки и планомерно решать проблемы использования деревенской рабочей силы по месту проживания или перемещения ее в городские поселения, применяя всю совокупность соответствующих правовых, экономических и административных мер.

Государство, выражая общенациональные цели, заинтересовано в том, чтобы разрабатывать и применять на практике справедливые и рациональные правила конкуренции на рынке труда и предоставлять всестороннюю симметричную информацию всем участникам трудовых отношений, действующим как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Власти должны обеспечивать периодическую публикацию и доступность информации о состоянии рынка труда, разрабатывать прогнозы занятости, контролировать работу государственных организаций, обслуживающих население, заботиться об их техническом оснащении и поддержании высоких этических стандартов в работе специалистов, осуществляющих прием граждан.

При этом, как представляется, правительство станет постепенно - по мере развития рыночных отношений в стране – переносить центр тяжести своих усилий по регулированию отношений занятости от прямых административных мер на опосредованное управление с использованием системы налогов, льгот и других экономических инструментов. В частности, в сфере подготовки и переподготовки квалифицированных профессиональных кадров оно, очевидно, не должно мешать выходу на рынок труда различных негосударственных организаций, предоставляющих образовательные услуги и способных на состязательных началах удовлетворять потребности предприятий в рабочей силе нужного качества.

Наличие у Китая огромных человеческих ресурсов позволяет говорить о том, что, помимо развития техноемких и высокотехнологичных отраслей промышленности, он может позволить себе развивать и трудоемкие отрасли, требующие высокой концентрации рабочей силы и обеспечивающие рост занятости. Хотя, конечно, некоторые формы безработицы неизбежно будут существовать, оказывая определенное давление на экономику и трудовые отношения. Очень важно не допустить превращения безработицы в массовую и использовать время "простоя" людей для их профессиональной подготовки и переподготовки, для наращивания таким образом их человеческого капитала и повышения конкурентоспособности на рынке труда.

Среди факторов, определяющих рост спроса на рабочую силу, первым является показатель экономического роста, вторым – показатель изменения социально-экономической структуры. Исходя из показателей экономического роста (при расчете по среднегодовому темпу прироста ВВП, равному 7%, и коэффициенту эластичности занятости по нему 0,13), в период с 2000 по 2005 год ежегодно будет появляться около 6,5 млн. рабочих мест, что не будет удовлетворено дополнительным

предложением на рынке труда, которое составляет в среднем 8 млн. человек в год [6, с. 254-257]. С другой стороны, исходя из показателей изменения социально-экономической структуры, потенциал увеличения спроса на рабочую силу еще велик.

Коэффициенты эластичности занятости в отдельных отраслях существенно отличаются. Начиная с 90-х годов, из-за сокращения абсолютной численности рабочих в сельском хозяйстве коэффициент эластичности занятости по отношению к росту сельского хозяйства все время был отрицательной величиной; коэффициент эластичности занятости по отношению к росту промышленности находился в интервале между 0,12 и 0,16; а коэффициент эластичности занятости по отношению к росту сферы услуг в среднем достигал 0,75. В настоящее время в Китае доля работающих в сфере услуг составляет меньше 30% (в развивающихся странах – в среднем около 40%, в Индии – 55%; в развитых странах – в среднем 70%, в США – 80%). Если бы доля занятых в сфере услуг Китая равнялась среднему уровню развивающихся стран, то это позволило бы создать около 90 млн. рабочих мест [7, с. 172-173].

Кроме этого, стимулирование развития негосударственных предприятий тоже способствует увеличению потенциала спроса на рабочую силу. Большинство негосударственных предприятий являются средними или малыми. Они имеют многообразные каналы трудоустройства, гибкие способы занятости и относительно низкие требования при приеме на работу. Эти характеристики особо значимы для привлечения рабочей силы. В ближайшие несколько лет более 95% прироста новых рабочих мест в Китае будет опираться на развитие экономики в негосударственном секторе. Особое место в этом процессе будет принадлежать такой быстроразвивающейся отрасли, как информационная.

В экономических реформах Китая рынок труда сыграл важную роль. Китай пережил сложные моменты в период перестройки экономики, когда возросло количество безработных, но начиная с 2002 года уровень безработицы сокращается и стал гораздо более управляемым. Используются новые схемы социального страхования, но они обладают неполным охватом. Финансовая и промышленные политики направлены на поддержку капиталоемких отраслей, что ведет к снижению спроса на низкоквалифицированную рабочую силу.

Практически отсутствуют барьеры для перемещения рабочей силы внутри страны. Миграционные потоки существенно возросли, помогая интегрировать рынки труда в сельских и городских районах, а также по регионам. Однако продолжает оставаться разрыв в доходах сельских и городских рабочих.

В результате реформы сократилась доля занятых на государственных предприятиях, однако государственные предприятия по-прежнему обеспечивают более высокую заработную плату и пособия, чем другие типы предприятий (исключением являются иностранные предприятия). Добровольная мобильность рабочей силы из государственного сектора остается на низком уровне.

Таким образом, на рынке труда Китая остаются следующие ключевые проблемы:

- разработка точной и своевременной информационной системы;
- обеспечение эффективной защиты безработных;
- разработка систем социального страхования, которые имеют максимальных охват;
- интеграция мигрантов из сельских районов за счет расширения доступа к образованию и более широкого охвата программами социального страхования;
- отмена системы регистрации.

Литература

1. Du, Yang Migration and Rural Poverty in China. / Du, Yang, Albert Park, Sangui Wang //Journal of Comparative Economics. - 2005. - №33. - p. 688-709.
2. Brandt, Loren China's Great Economic Transformation / Loren Brandt, Thomas Rawski. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009 – 259p.
3. Chan, Kam Wing The Hukou System and Rural-Urban Migration in China: Processes and Changes / Chan, Kam Wing, and Li Zhang // The China Quarterly. – 1999 - №160. - p. 818-855.
4. Knight, John, Wages, Firm Profitability and Labor Market Segmentation in Urban China. / Knight, John, and Shi Li // China Economic Review . 2008. - №16. - p. 205-228.
5. Cook, Sarah. Surplus Labor and Productivity in Chinese Agriculture: Evidence from Household Survey Data / Cook Sarah // The Journal of Development Studies. – 1999 - №35. - p. 57-87
6. Appleton, Simon Labor Retrenchment in China: Determinants and Consequences. / Appleton, Simon, John Knight, Lina Song, Qingjie Xia // China Economic Review. – 2002 - № 13. - p. 252-275.
7. Dong, Xiao-yuan Segmentation and Discrimination in China's Emerging Industrial Labor Market / Dong, Xiao-yuan, Paul Bowles // China Economic Review. 2002. - №17. - p. 170-196.

Кирвель О. Ч.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений,

Белорусский государственный университет

ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Экономические успехи КНР во многом определены проводимой валютной политикой, выбором механизма ее координации с другими инструментами макроэкономического регулирования.

На современном этапе развития международных экономических отношений происходит активное реформирование механизма курсообразования китайского юаня. Результаты и перспективы преобразований в валютной сфере Китая являются предметом острой дискуссии в экономической литературе, одновременно переходя в политическую плоскость взаимоотношений КНР с США, ЕС, странами БРИКС. Поэтому необходимо оценить изменения, происходящие в валютной политике КНР, их причины и возможные последствия.

Прежде всего, выделим основные этапы в развитии валютной политики Китая.

С 1994 по 2005 гг. Центральный банк Китая придерживался политики фиксированного валютного курса, сохраняя его на уровне 8,3 юаня за доллар США.

Рисунок 1 – Курсовое соотношение долл./юань (2001-2011 гг.)
Примечание – Источник: [1]

До 1994 г. в Китае существовала система множественных валютных курсов и практически отсутствовали золотовалютные резервы. В 1994 г. была проведена реформа финансовой системы и осуществлен переход к единому валютному курсу. С этого времени началась политика наращивания экспорта и накопления золотовалютных резервов. К 1997 г. уровень валютных резервов достиг 120 млрд. долл. США. Низкий курс национальной валюты способствовал росту конкурентоспособности китайских товаров и улучшению инвестиционного климата. После кризиса в странах

Юго-Восточной Азии, начался период опережающих темпов роста экономики Китая, что привело к противостоянию между Китаем и США по вопросу валютной политики. С 2001 по 2008 гг. дефицит США в торговле с Китаем вырос в 3.2 раза, а доля КНР в отрицательном торговом сальдо США поднялась с 20 до 32 %. Начиная с 2004-2005 гг. США подняли проблему недооцененного курса юаня и выдвинули требования по его ревальвации.

С 2005 г. Народный Банк Китая официально перешел от фиксированного курса Китая к управляемому плаванию. В 2005 г. обменный курс повысился с 8, 28 до 8, 11 юаня за доллар. До 2008 г. наблюдался период плавной ревальвации юаня к доллару, которая достигла в сентябре отметки 6, 82 юаня за доллар США. В целом с 2005 по 2008 гг. китайский юань подорожал по отношению к американскому доллару на 20%.

Со второй половины 2008 г. в связи с мировым финансовым кризисом Китай вновь вернулся к политике фиксированного валютного курса и достигнутый уровень в 6,8 юаня за доллар США сохранился до середины 2010 г. Отметим, что в этот период наблюдалась тенденция роста курса доллара США по отношению к евро и другим основным валютам. Как следствие, укрепление юаня к доллару приостановилось, но в отличие от многих других валют развивающихся стран, юань не обесценивался.

С 19 июня 2010 г. НБК перешел к более гибкому режиму курсообразования, включающем управляемое плавание и привязку юаня по отношению к корзине валют основных торговых партнеров Китая – доллару США, евро, иене, российскому рублю. Принципиально новым является официально заявленный переход от политики снижения к политике укрепления курса национальной валюты. Но, как отмечают китайские экономисты, укрепление юаня должно осуществляться постепенно и не очень высокими темпами, в пределах 3-4% в год. Реформирование валютной политики приведет к неизбежному снижению объема экспорта, но одновременно и к возрастанию цены на экспортируемые товары. Объем продукции, не реализованный на международных рынках, обеспечит возрастающий спрос потребителей на внутреннем рынке. Низкие темпы укрепления юаня позволят постепенно перестроиться экономике Китая при частичном переходе с международных рынков на внутренний [2]. Так, к марту 2011г. китайская валюта относительно доллара подорожала примерно на 2%.

Вместе с тем нацеленность Китая на низкие темпы укрепления юаня критикуется со стороны США, валютный спор между Китаем и США продолжается и принимает все более ожесточенный характер. По мнению Фреда Бергстена из авторитетного Института международной экономики Питерсона (Peterson Institute for International Economics, PИЕ) стоимость юаня занижена на целых 40%. В итоге Конгресс выступил с законодательной инициативой, предлагающей расценивать "фундаментальное занижение" валютного курса как экспортную субвенцию и применять штрафные пошлины (China Currency Act) [3]. Оценки МВФ не совпадают с оценками США, МВФ считает, что занижение курса юаня составляет 23%.

Перед сеульским саммитом "Группы двадцати" в ноябре 2010 г. американский министр финансов Тимоти Гайтнер выступил с критикой входящих в организацию стран-экспортеров, вроде Китая и Германии, которые, по его словам, развивают свою экономику за счет стран с высоким спросом, таких как США. Поэтому он пред-

ложил ограничить предельно допустимый дефицит и профицит текущего платежного баланса государств "большой двадцатки" 4% от валового внутреннего продукта (ВВП) [3].

Саммит «Группы двадцати» явно обнаружил две противоположные точки зрения на происходящее в мировой валютной системе – развитых и развивающихся стран. США недовольны заниженным курсом юаня, и тем, что были девальвированы некоторые другие валюты быстрорастущих экономик. Развивающиеся страны обеспокоены сильными колебаниями курсов доллара-евро, а также безответственной, по их мнению, политикой Вашингтона. Председатель совета директоров Банка Китая Сяо Ган прямо называет Федеральную резервную систему «главной силой, подрывающей доллар», а политику денежного смягчения опасной. По словам господина Сяо, США проводят политику разорения соседа, пытаясь интернационализировать госдолг, образовавшийся вследствие национализации частных долгов в период кризиса [4, с. 168-169].

Таким образом, Китай полностью опровергает обвинения США в заниженном курсе юаня, а в качестве причины торговых дисбалансов выдвигает мягкую денежно-кредитную политику Вашингтона.

Валютный конфликт США и Китая сложен тем, что фактически мировое сообщество не имеет рычагов воздействия на него. С одной стороны МВФ не может заставить США отказаться от кредитной экспансии, с другой – фонд не обладает полномочиями на случай заниженного курса валюты при большом профиците торгового баланса.

Проведенный анализ реформирования валютной политики КНР на современном этапе позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Китай реализует политику постепенного перехода к плавающему валютному курсу с целью достижения внутреннего равновесия национальной экономики;
- 2) управляемое плавание китайского юаня сочетается с контролем над движением капитала, что позволяет снизить риски волатильности главных валют и спекуляций на финансовых рынках;
- 3) Китай заинтересован в либерализации валютной сферы в долгосрочной перспективе для повышения роли юаня в международных расчетах и мировых золотовалютных резервах.

Литература

1. Лиу Синьхуа: Самая важная задача — стимулировать внутренний спрос. – июнь 2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.odnako.org/magazine/new/>. – Дата доступа: 08.11.11.
2. Политика снижения курса национальной валюты в Китае. – 20.10. 2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.worldofeconomy.ru/index.php?do=cat&category=economy_articles. – Дата доступа: 08.11.11.
3. Й. Брамль, А. Мёллер и К. Шмуккер К чему ведет валютная политика Европы, США и Китая? – 07.03.2011[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.germania-online.ru>– Дата доступа: 08.11.11.
4. Буторина, О. Валютные войны. Кто оплатит выход из кризиса?/ О. Буторина // Россия в глобальной политике. – 2011. – №1. – С.165 – 178.

Сюй Люмэй
магистрант факультета международных отношений,
Белорусский государственный университет
руководитель Гаврилко Г.Н.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР И США: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Китай – одна из крупнейших держав мира. На его территории проживает свыше 21% населения мира. Хозяйство КНР характеризуется устойчиво высокими темпами развития.

Наиболее развитой формой внешнеэкономических связей Китая является внешняя торговля. Доля КНР в мировой торговле за период с 1978 по 2009гг. возросла в десять раз, и составляет около 8% (в 1978г. 0,75%). На 2010 год экономика КНР занимает 2 место в мире по величине номинального ВВП, обогнав Японию, рассчитанному по паритету покупательной способности. Рост ВВП Китая в 2010г. составил 10,3%. Так, согласно прогнозу МВФ, в 2011г. – 9,7%.

Экономический потенциал Китая

На 2010 год экономика КНР занимает 2 место в мире по величине номинального ВВП, обогнав Японию, рассчитанному по паритету покупательной способности. Рост ВВП Китая в 2010г. составил 10,3%. Ярким показателем экономического роста страны является потребление энергоносителей. Китай некогда обеспечивал энергоресурсами не только себя, но и своих соседей – Южную Корею и Японию. С 1993 года он переместился из первой группы поставщиков энергоресурсов во вторую, став нетто-импортёром нефти, а ещё через 17 лет – в 2010г. он занял второе место в мире после США по импорту нефти. С этих пор Пекину требуется проводить чётко проработанную стратегию энергетической безопасности во внешней политике. На сегодня Китай потребляет 10—11% от всего мирового объема нефти.

Потребление природного газа КНР в 2008 году составило 50 млрд куб. м. Согласно прогнозам, к 2020 году потребление газа вырастет примерно до 200 млрд куб. м.

Объём потребления электроэнергии в 2008 году составил 2,456 трлн кВт•ч. При этом некоторые районы Северного и Южного Китая страдают от нехватки электроэнергии [5].

Главными торговыми партнёрами по экспорту КНР выступают США – 21,0% от общего объёма экспорта (приблизительно 125 млрд. долларов), Гонконг (особая административная область Китая, однако в статистической информации источника рассматривается в качестве направления экспорта) – 17% (100 млрд. долларов), Япония – 12,4% (74 млрд. долларов), Южная Корея – 4,7% (28 млрд. долларов) и Германия – 4,0% (24 млрд. долларов).

Не последнюю роль в развитии Китая сыграло наличие свободных экономических зон. В настоящее время в КНР действуют 4 специальные экономические зоны (регионы) – Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, 14 зон свободной (беспошлинной) торговли, 53 зоны высоких и новых технологий, более 70 научно-технических зон для специалистов, получивших образование за границей, 38 зон переработки продукции, ориентированной на экспорт.

По объёму ВВП, рассчитанному по покупательной способности валют, Китай занимает в настоящее время второе место в мире после США. Резко возросли валютные резервы. Объём внешней торговли к 2008 году превысил 850 млрд долл.

Таким образом Китай в начале XXI века является космической и ядерной державой. Построение рыночной экономики осуществляется в Китае под руководством Коммунистической партии на основе пятилетних планов. Экономика сохраняет свою многоукладность. При высоких темпах экономического роста правительство планировало замедлить темпы прироста ВВП Китая до 7,5 % в год против нынешних 10 %. Освободившиеся средства были направлены на сокращение разрыва между уровнем жизни городского населения [11, с. 12-15].

В 14 апреля 2011г. на курортном острове Хайнань в Китае пройдет саммит БРИКС. Страны БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай – вошли в семерку государств, чьи города на фоне других стран дадут к 2025 году самый значительный экономический прирост и к этому периоду обеспечат 40% прироста ВВП городов мира.

Экономические «пузыри» в Китае

Китайская экономика, бурный экономический рост которой стал локомотивом для мировой экономики, при этом является и главным источником риска нового кризиса. Опасность представляют "пузыри", которые могут появиться на финансовых рынках Китая, предупреждает World Economic Forum (WEF). Впрочем, КНР уже предпринимает меры по охлаждению экономики. Каждый из этих "пузырей" несет риск дестабилизации и потери довольно хрупкого равновесия в политическом устройстве государства, которому для сохранения стабильности и статус-кво необходим рост ВВП на 8% в год. Именно столько требуется, чтобы абсорбировать прибывающих из внутренних регионов Китая мигрантов, не создавая при этом социальной напряженности.

Во-первых, как отмечает эксперт, курс национальной валюты КНР к доллару является очень низким, не отражая торговые условия Китая. По прогнозам 18 инвестбанков, опрошенных Bloomberg, уже в 2011г. юань будет стоить на 8-10% дороже и при этом все равно останется сильно недооцененным. Реальный курс юаня, рассчитанный по методике МВФ, значительно снизился на рубеже веков (с 300 пунктов в начале 1980-х гг. до 100 пунктов в 2004г.). И это еще заниженный показатель реального ослабления юаня, поскольку его привязка к доллару создавала иллюзию укрепления валюты в конце 1990-х гг. и во время острой фазы финансового кризиса 2008-2009 гг [3].

Во-вторых, что рост цен на недвижимость в КНР вновь начинает приближаться к 10% в год, что не так много по российским меркам, но в разы превышает инфляцию в стране.

В-третьих, проблемой является избыточное кредитование, особенно в секторе жилищного и инфраструктурного строительства. В итоге к концу 2009г. суммарный объем коммерческих кредитов в КНР составил 40 трлн юаней (5,85 трлн. долл.), что на 32% выше, чем в конце 2008г. и в 20 раз больше уровня 1992г. При этом с 2000г. по 2008г. объемы кредитования в стране увеличивались приблизительно на 14% в год, что в целом совпадало с номинальным ростом экономики. Оптимисты могут возразить, что произошло достаточно сильное падение показателей просроченных кредитов (то есть улучшилось их качество), но, к сожалению, это может являться лишь следствием более частого использования методов "креативного бухучета". Более того, суммарный долг всех экономических субъектов в Китае вырос в 2009г., по данным McKinsey, до 160% против 142% в Бразилии, 130% в Индии и 71% в России,

а доля кредитов предприятиям подобралась к отметке 100%, превысив показатели большинства развитых стран (выше она только в Швейцарии и Великобритании) [4, с. 656].

В-четвертых, негативным фактором является избыток денежной массы, обусловленный огромными программами стимулирования экономики и необходимостью печатать юани для сохранения заниженного курса национальной валюты против валют основных торговых партнеров. В итоге денежная масса (агрегат M2) в Китае в конце 2009г. достигла 60,6 трлн юаней (около 8,8 трлн. долл.), увеличившись на 28% относительно предыдущего года, тогда как, например, в США этот показатель составляет порядка 8,5 трлн долл. В то же время ВВП Китая и США равны порядка 4,3 трлн долл. и 14 трлн долл. соответственно. Таким образом, уровень монетизации китайской экономики в 3,5 раза выше, чем у проблемной американской, что несет в себе значительную угрозу выхода инфляции в стране из-под контроля [9, с. 372].

В-пятых, проблемой для Китая является массовое увлечение населения фондовым рынком. Количество открытых брокерских счетов уже приближается к суммарному количеству населения России, еженедельно увеличиваясь на 300-350 тыс. В таких условиях локальный фондовый рынок, защищенный от глобальных игроков и имеющий ограничения по операциям с короткими позициями ("шортам"), характеризуется одним из самых высоких уровней переоцененности в мире, в которые заложены достаточно оптимистичные прогнозы роста прибылей. Более того, одни и те же китайские компании, имеющие листинг еще и в Гонконге, могут стоить в Шанхае в разы больше. Например, PetroChina на локальном рынке стоит на 70% больше, чем в Гонконге, а Aluminium Corporation of China - почти на 90% [2, с. 18-20].

Наконец, проблема заключается в дисбалансе закупок и конечного потребления сырья в КНР. На финансовых рынках давно существует мнение, что именно китайский спрос на сырьевые товары является основанием для постоянного роста цен на них. Однако закупки сырья компаниями КНР зачастую выступают такой же спекулятивной игрой на повышение, как и сделки американских спекулянтов на фьючерсном рынке. Это связано с тем, что значительные ограничения на операции по финансовому балансу (сложность с вывозом капитала за рубеж) заставляют китайцев инвестировать в сырье под видом закупок для бизнеса. Более того, огромный прирост парка автомобилей в Китае (страна в 2009г. стала крупнейшим авторынком в мире) не сопровождается сколько-нибудь похожим увеличением потребления бензина, а ведь это было одним из основных факторов роста цен на нефть [10, с. 149].

В китайской экономике в целом много проблем, но китайское правительство своей умной просчитанной политикой успешно справляется с ними и это видно по дальнейшему росту и стабильности в кризисный период, так как показатели экономики держатся на более стабильном уровне, чем в европейских странах и США.

Состояние и тенденция торгово-экономических отношений КНР и США

В 2010 году Китай занял второе место в мире по объёму товарного экспорта, уступая здесь лишь и США. Именно США с их требовательным и ненасытным рынком стали главным объектом экспансии китайских экспортеров. В результате чистый экспорт КНР в США вплотную приблизился к 170 млрд. долл. и продолжает расти, укрепляя, с одной стороны, позиции американских протекционистов, а, с другой стороны, вполне устраивая американских потребителей: изобилие недорогих китайских товаров на потребительском рынке служит серьезным препятствием развитию инфляции и росту цен. Транснациональные компании США, в свою

очередь, обеспечили значительную долю иностранных вложений в китайскую экономику.

В 13 ноября 2010 г. Обама и президент Китая Ху Цзиньтао выступали перед руководителями компаний Азиатско-тихоокеанского региона на следующий день после саммита "Большой двадцатки" в Сеуле, где лидеры смогли добиться только неопределенных обещаний поддерживать хрупкое восстановление мировой экономики [1, с. 126].

Они присоединились к лидерам организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), чтобы принять участие в переговорах о достижении сбалансированного роста и создании обширной зоны свободной торговли в самом быстрорастущем регионе мира.

"Один из важнейших уроков экономического кризиса учит нас, что есть границы в том, чтобы полагаться преимущественно на американских потребителей и азиатский экспорт для стимулирования экономического роста", – сказал Обама. – "В будущем ни одна нация не должна считать, что экспорт в Америку вымостит ей путь к процветанию". Ху Цзиньтао заявил, что Китай хочет ускорить рост внутреннего спроса и по-прежнему верен обязательству реформировать валютную политику "на базе сохранения собственной инициативы, подконтрольности и постепенности".

Во второй половине января 2011г. основное внимание на событии, имеющем непосредственную связь с формированием современной системы международных отношений – государственному визиту председателя КНР Ху Цзиньтао в США (18-21 января 2011 г.). Столь пристальный интерес к визиту китайского лидера можно объяснить целым рядом факторов, к главным из которых следует отнести постепенное изменение баланса сил в современном мире и обострившиеся в 2010 году разногласия в китайско-американских двусторонних связях.

Выход Китая на 2-ое место среди мировых экономик, сохранение, несмотря на негативное влияние мирового финансового кризиса, высоких темпов экономического роста (в 2010 г. – 10,3%), положение лидера в области кредитования развивающихся стран (в 2009–2010 гг. КНР выделила кредитов на сумму в 110 млрд дол., обогнав Всемирный Банк), увеличение золотовалютных резервов до рекордного показателя 2,847 трлн дол. (рост на 18,7% по сравнению с 2009 г.), рост военных расходов, – все это привело к значительному усилению геополитической мощи Китая, росту его влияния на всю систему международных отношений. Данный факт несколько нервно и с опасением воспринимается Соединенными Штатами, которые, к тому же, постепенно утрачивают возможность оказания давления на КНР в том или ином вопросе [6, с. 39].

Накануне визита Ху Цзиньтао в США китайская делегация по содействию торговле и инвестициям подписала с американской стороной шесть соглашений по торговле и инвестициям на общую сумму 600 млн дол. В ходе визита было заключено более 70 контрактов на общую сумму в 45 млрд дол. о поставке в Китай продукции американских компаний, работающих в сферах от сельского хозяйства до производства автомобилей с гибридными двигателями. Одним из самых крупных контрактов стало соглашение на поставку в КНР 200 самолётов компании Boeing на сумму в 19 млрд дол. Кроме того, соглашения с Китаем подписали такие крупнейшие американские компании, как алюминиевый гигант Alcoa, аэрокосмическая корпорация Honeywell, производитель ядерных реакторов и оборудования для АЭС Westinghouse, Caterpillar, специализирующаяся на

строительной и горнодобывающей технике, а также General Electric. Достигнутые с КНР договорённости, по словам президента США Б.Обамы, позволят обеспечить работой около 235 тыс. американцев.

Особого внимания заслуживают достигнутые двумя странами договорённости в области «чистой» энергетики и экспорта высокотехнологичных товаров. На прошедшем в рамках визита американо-китайском форуме по сотрудничеству в «чистой» энергетике ведущими компаниями США и КНР был подписан ряд крупных соглашений в данной сфере, а также заключено соглашение о развитии сотрудничества в рамках Американо-Китайского центра по исследованиям в области «чистой» энергии. По мнению министра науки и техники КНР Вань Гана, данное направление станет одним из наиболее важных в двустороннем сотрудничестве [8].

Соглашение об увеличении импорта Китаем американских высокотехнологичных товаров свидетельствует о крепкой взаимозависимости экономик США и Китая: ранее Соединенные Штаты отказывались продавать интересующую КНР продукцию передовых технологий. Данное соглашение позволит сбалансировать внешнюю торговлю между государствами, уменьшить разрыв – в 2010 г. на долю США пришлось 99% активного сальдо внешней торговли КНР (181,3 млрд дол.) [7].

В качестве основной причины огромного дефицита в своей торговле с КНР американская сторона называет обменный курс китайской национальной валюты, который, по мнению США, серьезно занижен. В ходе состоявшегося визита со стороны администрации Обамы в очередной раз последовал уже ставший привычным вопрос о курсе китайского юаня, на который, в очередной же раз, был получен привычный ответ о намерении КНР проводить реформы в своей валютно-финансовой системе постепенно и осмотрительно.

В ходе визита состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между двумя странами по созданию китайско-американского форума на уровне губернаторов в целях содействия сотрудничеству на местном уровне. Форум может стать важной платформой контактов между губернаторами, с тем чтобы углубить взаимодействие по линии торговли, инвестиций, энергетики, охраны окружающей среды и гуманитарном сотрудничестве.

В целом в ходе визита Ху Цзиньтао в США обеим сторонам удалось продемонстрировать способность к поиску компромиссов в спорных вопросах. Тесное переплетение и взаимозависимость экономик двух государств, а также обоюдные опасения и страх перед возможным ущербом в случае ухудшения двусторонних отношений явились сильнейшим стимулом для конструктивного диалога. США продолжает оставаться крупнейшим экспортным рынком для Китая, Китай же остается крупнейшим держателем гособлигаций США (906,8 млрд дол.).

Состоявшиеся переговоры сложно назвать значительным прорывом в развитии китайско-американских отношениях, скорее, они символизировали собой новую отправную точку, начало нового этапа сотрудничества и взаимодействия двух государств в XXI веке. Визит Ху Цзиньтао в США может стать той базой, на которой будет развиваться двустороннее сотрудничество в среднесрочной перспективе.

В итоге можно отметить, что, пройдя долгий и достаточно сложный путь становления и урегулирования торговых взаимоотношений, США и КНР в последние годы активно взаимодействуют, стараются решать возникающие проблемы и ищут новые возможности для сотрудничества.

Литература

1. Всемирная торговая организация: ориентиры для экономистов и юристов / В. Ф. Медведев, С. В. Михневич, В. В. Почекина и др.; Под ред. П. Г. Никитенко. – Мн.: НО ООО «БИП-С», 2008. – 126 с.
2. Демидова, Л. Сфера услуг в постиндустриальной экономике // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 2. – С.17 – 25.
3. Иванов, Г. Рынок услуг / Г. Иванов // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://bp21.org.by/ru/art/a041031.html>. – Дата доступа: 22.03.2010.
4. Мовсисян, А.Г. Мировая экономика / А.Г. Мовсисян, С.Б. Огневцев; под ред. А.Г. Мовсисяна. – М: Финансы и статистика, 2001. – 656 с.
5. Статистика КНР // Официальный сайт КНР [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: www.china.com/figures. – Дата доступа: 22.03.2010.
6. Федотов А.С. Формирование механизмов в сфере безопасности в АТР: Позиция США // Проблемы Дальнего Востока. - № 1. - 2001. – С. 39–43.
7. Фроленков В. С. Экономический диалог «Китай – Центральная Азия»: проблемы и возможные перспективы // Китай в мировой политике. История и современность. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006.
8. Чжунго тунцзи чжайяо-2004 [Краткий статистический справочник Китая-2004]. — Пекин, 2004.
9. Экономика Китая / Под ред. Чэнь Цзягуи. – М.: Наука, 2009. – 372 с.
10. Якимцев С.К. Проблема безопасности Китая в АТР // Проблемы Дальнего Востока. - № 1. – 2000. – С. 149.
11. Занегин Б.Н. США и Китай // США и Канада. – 2000. - № 7. –С.12 – 15

Бертош Е.В.

Магистр экономических наук, аспирант кафедры международных экономических отношений,

Белорусский государственный университет

ОПЫТ КНР В ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ

В группу развивающихся стран мира входит достаточно большое количество государств различных по уровню экономического развития. Для данной группы стран развитие отношений по поводу международного трансфера технологий приходится на период 60-х гг. XX в. Развивающиеся страны мира являются технологически импортоориентированные – более 50-ти лет по данной группе стран наблюдается отрицательное сальдо торговли технологиями. Несмотря на многочисленность этой группы стран, их удельный вес в общем объеме мировых технологических поступлений составляет не более 2% (2009 г. – 1,9%), причем в период 90-х гг. XX в. доля стран составляла около 0,5%.

Однако следует заметить, что технологическими лидерами по данной группе стран являются в основном азиатские страны. Сингапур в 2009 г. получил 38% (1339748,882 тыс. долл. США) всех экспортных технологических поступлений данной группы стран, что приблизительно в 15 раз больше чем в 2000 г. (85102,86774 тыс. долл. США). Далее следуют Бразилия и Китай с долей поступлений около 12%, но за период с 2000 по 2009 гг. Китай достиг темпа роста поступлений в размере 534%, а Бразилия около 346% [1, 2]. В результате чего, согласно данным ВТО, КНР в 2008 г. оказалась в списке 15 ведущих государств мира по экспорту и импорту технологий и занимает 11 и 6 место среди стран экспортеров и импортеров соответственно [3, 4]. Завоевание таких позиций в рейтинге топ-15 ведущих технологических держав не могло не отразиться на общем индексе конкурентоспособности страны. За период 2009-2010 гг. среди 134 стран мира Китай занимает 29 место, а по индексу технологического развития – 79. [5].

Приведенные данные подтверждают тот факт, что азиатские страны среди всех развивающихся стран мира занимают лидирующие позиции в рамках технологического пространства, и как подчеркнул, Ф. Бергстен «...китайская, точнее, восточноазиатская модель развития обладает неотразимой привлекательностью для всех развивающихся стран, ибо только она обеспечила беспрецедентный, не имеющий аналогов в мировой истории рост» [6, с. 23].

Согласно данным технологического развития стран можно констатировать, что КНР является наиболее перспективной страной среди развивающихся стран мира в области международного технологического обмена. Китайская модель международного трансфера технологий имеет свои отличительные черты и характеристики не схожие с моделью развитых стран.

Участие страны в международном технологическом обмене в качестве активного потребителя технологий стало следствием реализации стратегии «догоняющего развития» и провозглашенной в конце XX в. политики «... «технология в обмен на рынок», т.е. уступка части национального рынка транснациональным компаниям в обмен на получение от них передовых технологий при создании совместных предприятий» [6, с.27] Однако уже в первом десятилетии XXI в. данная стратегия была

подвергнута критике. Лу Фен – профессор Пекинского университета на основе анализа национальной автопромышленности доказал, что «... отрасль ... попала в порочный круг «отсталость – закупка технологий – отсталость» (сейчас 90% китайского авторынга контролируется ТНК). В свою очередь заместитель министра науки и техники Китая, Лу Йаньхуа, в 2005 г. назвал ее провальной [6, с. 28].

Для современного Китая характерна реализация государственной стратегии развития науки и техники, основанной на становлении высокотехнологичных отраслей народного хозяйства, активного трансфера национальных технологий в соответствии с планом 863 (План исследования и развития высоких технологий), «факел», «искра» и другие. Выполнение ряда мероприятий стратегии привело к увеличению числа наукоемких отраслей в течении последнего десятилетия с 1% до 15%, и их доли в ВВП с 36 до 217 млрд. долл. США [7, с.22-23]. Стремительное развитие КНР по мнению Дин Жуджуна стало результатом «... регулирование иностранных инвестиций и их направление в сектора новых и высоких технологий. Государство ставило всяческие барьеры на пути импорта в страну устаревших или второстепенных технологий, а во-вторых – всячески стимулировало создание иностранными корпорациями научных центров на территории КНР» [8, с. 378].

Формирование, накопление научно-технического знания и опыта для развития высокотехнологичных производств в стране стимулируется государством при помощи Государственного комитета фонда естественных наук, основной задачей которого является поддержка развития отечественной фундаментальной и прикладной науки при помощи государственных средств. Наиболее перспективными, с точки зрения правительства КНР, являются прикладные исследования. В целом распределение средств на развитие научно-технического потенциала страны выглядит следующим образом: на фундаментальные и прикладные исследования приходится около 20%, на испытания и освоение технологических разработок соответственно 80% всех капиталовложений страны на НИОКР [9].

Китайскую институциональную структуру науки как «...единую научно-исследовательскую систему, Дин Жуджун определяет как ... академия наук и ее региональные отделения, вузы, отраслевые и оборонные ведомства, местные научно-исследовательские организации... особую важность в научно-техническом развитии, как отмечает ученый, приобрели исследования, проводимые вузами. Ученые вузов активно сотрудничают с исследовательскими центрами Академии наук, ведомствами, а также с производственной сферой. Вузы являются главными консультантами средних и малых промышленных предприятий ... с помощью теории решаются вопросы возникшие на практике...» [8, с. 360]. Кроме этого для развития фундаментальной науки в Китае действует порядка 160 государственных ведущих лабораторий, учрежденных Государственным комитетом по делам развития и реформы. Государственные ведущие лаборатории создаются на базе вузов и НИИ с целью подготовки высококвалифицированных специалистов востребованных в условиях развития экономики знаний, а также проведения фундаментальных исследований в различных научных областях. На базе лабораторий реализуются крупные государственные научно-технические программы, в соответствии с планом развития фундаментальных исследований (план «973»). Для оценки эффективности научных исследований в Китае созданы государственные аналитические и измерительные центры [10, с. 30].

Основу научно-технического развития Китая составляют ученые и инженеры, число которых за период с 2005 г. находится в пределах 70% от общей величины

исследователей КНР. В целом число исследователей на 1000 занятого населения в эквиваленте полной занятости составило в 2008 г. – 2,5%, что на 261% больше чем в 1995 г. и на 70% больше чем в 2005 г. Основная масса исследователей страны сосредоточена в предпринимательском секторе на его долю приходится 68,4%, на государственный и сектор высшего образования приходится 15,2% и 16,4% ученых соответственно. Такое распределение научно-исследовательских работников по сферам деятельности характерно для начала XXI ст., еще в 1995 г. наблюдалось приблизительно равномерное распределение ученых в государственном, частном и секторе высшего образования, 35,4%, 37,0% и 25,3% всех исследователей соответственно [11].

Сосредоточение исследователей в производственном секторе обусловлено тем, что реализуемая научно-техническая политика Китая способствует организации на территории КНР научно-исследовательских центров иностранных ТНК, для которых главными стимулами являются сравнительно низкая себестоимость научных исследований, людские ресурсы и высокое качество научных разработок, охрана интеллектуальной собственности. Как отмечает Дин Жуджун «Проводимая в последние годы политика китайского руководства, предпринятые меры в области защиты интеллектуальной собственности заслужили широкое признание ТНК. ... в результате ряд ТНК ... создают в Китае филиалы своих центров по исследованиям и разработкам. В кооперации ... с ведущими вузами Китая и Академии наук Китая эти филиалы учреждают совместные лаборатории, проекты и научные центры..., в результате чего по мнению исследователя, ... ТНК вместе с созданными научными центрами и во взаимодействии с местными поставщиками комплектующих фактически создали в Китае современные по производству автомобилей, мобильных телефонов, компьютеров, офисного оборудования и др.». Таким образом, в КНР организован процесс передачи технологий от зарубежных компаний, при чем «... уровень применяемых в Китае большинством ТНК технологий относится и к самой передовой, и , к сравнительно передовой по сравнению с материнской компанией» [8, с. 379].

Развитию трансфера технологий и высокотехнологичных производств в Китае способствует деятельность субъектов инновационной инфраструктуры, формирование которой произошло в результате реализации программы инноваций Министерством науки и технологий. Резидентами инновационной инфраструктуры являются технопарки (около 53 организаций), среди которых ведущее место занимает Пекинская экспериментальная зона новых и высоких технологий и технопарк Наньху на территории которого действует «... 12 вузов, 30 НИИ, 210 многопрофильных и исследовательских лабораторий, 220 предприятий высокой и новейшей технологии, в числе которых 30 компаний с участием иностранного капитала общей суммой около 7 млрд. долл.» [8, с. 379]. Специфическими субъектами инновационной инфраструктуры являются зоны технико-экономического развития, которые организованы с целью привлечения иностранных инвестиций и развития научно-технической сферы. Они имеют льготный режим налогообложения и самостоятельно принимают решения в вопросах ведения бизнеса связанного с внедрением и развитием технологий.

Шанхайская технологическая биржа, как субъект инновационной инфраструктуры, предоставляет всевозможного рода услуги инновационно-технологического характера: оценка и экспертиза технологического предложения и заключение соглашения о сотрудничестве, оценка степени риска практической реализации разработки при необходимости привлечение венчурного инвестора. Основной задачей

биржи является поиск партнеров в ходе трансфера технологий. «Членами биржи являются свыше 400 китайских научных организаций, высших учебных заведений и компаний. Шанхайская технологическая биржа поддерживает контакты со 127 организациями в 42 странах мира» [12, с. 37].

Деятельность представителей инновационной инфраструктуры влияет на уровень технологического развития, так как предпринимательский сектор экономики страны заинтересован во внедрении технологий. Этому способствует не только развитая инновационная инфраструктура, но активная государственная политика направленной на стимулирование предпринимательской активности в высокотехнологичных отраслях экономики. Для предприятий с иностранными инвестициями занятых в высокотехнологичных и инфраструктурных отраслях предполагаются налоговые каникулы сроком на 5 лет, для отечественных предприятий той же сферы деятельности 1 год, а для совместных предприятий срок налоговых каникул предусмотрен в размере 2 лет. Так в начале XXI в. в стране насчитывалось более 500 тыс. предприятий с иностранным участием, которые «... оплачивают три четверти суммы, затрачиваемой ... на приобретение новых технологий» задействуют более 10% городского населения КНР и имеют в качестве инвесторов 400 из 500 крупнейших ТНК мира [8, с.24, 278]. Поведение политики по привлечению иностранного капитала в страну связано с тем, что ... «прямые иностранные инвестиции, по мнению ученых, ... служат инструментом получения новых идей, новых технологий и нового опыта ... после вступления в ВТО Китай стремиться направлять иностранные инвестиции в высокотехнологичные отрасли и отрасли с высокой добавленной стоимостью» [8, с.26]. Привлечению КНР прогрессивных технологий происходит не только за счет потоков иностранного инвестирования, в последнее время наблюдается тенденция увеличения сделок по слиянию и поглощению за период с 2006 по 2008 гг. их число находилось в пределах 0,8% от общего количества сделок. За два квартала 2009 г. число сделок по покупке компаний составило 27 соглашений или 1,5% от общего количества сделок по слиянию и поглощению в мире [13]. В основном «... представители Поднебесной находят объекты для инвестирования в развивающихся и переходных странах ... поскольку политические круги ЕС и США препятствуют скупке национальных компаний китайцами» [8, с. 28].

Для развития экономических отношений связанных с международным трансфером технологий не маловажным является наличие развитых венчурных институтов в стране. В Китае создана венчурная система, включая в себя около 200 компаний, 90% из которых принадлежит государству. Так только в 2008 г. объем венчурного финансирования увеличился на 33% по сравнению с 2007 г. и 25% крупных и средних компаний КНР осуществляют рискованную инновационную деятельность [14, с. 28;15].

Достижение высокого уровня инновационной активности субъектов хозяйствования объясняется тем, что в начале XXI в. в КНР проводилась реформа преобразования научно-исследовательских институтов подчиненных различных министерствах и ведомствах в акционерные общества. В результате, на базе 242 научно-исследовательских институтов были созданы акционерные общества, что привело не только к смене формы собственности, но и к объединению научного и финансового капитала [10, с. 87]. Тем самым руководство КНР переняло практику Японии по преобразованию научных организаций, для которых главной целью является производство знаний, в акционерные общества, что дает им возможность не только ге-

нерировать новые знания, но и получать доход в результате коммерциализации результатов НИОКР. О высокой инновационной активности бизнеса Китая свидетельствует статистика о количестве выданных патентов. В 2009 г. на долю предпринимательского сектора приходилось около 72% патентных заявок, поданных по системе РТС [16].

На ряду с позитивными тенденциями экономического развития Китая, по мнению А.А. Дынкин страна, «...по его научному потенциалу, не сможет стать пионером в области фундаментальных исследований и обеспечить широкий приток прорывных технологий в следующие 15 лет» [17, с. 319]. Ученый объясняет это тем, что Китай все еще проводит политику активного заимствования технологий. Основными поставщиками технологий в КНР являются США, Япония и страны ЕС. При чем отечественные и зарубежные ученые указывают на то, что овеществленную технологию (машины и оборудования) Китай в основном приобретает у Японии, а технологическую документацию, ноу-хау и высокотехнологичную продукции импортируют у США и стран.

В КНР наблюдается отрицательное сальдо технологического баланса, которое в 2009 г. сложилось на уровне 10635,82 млн. долл. США, что на 885% больше чем в 2000 г. Доля технологических поступлений в общем объеме средств составляет 3,73%, соответственно 96,26% приходится на импорт технологий. Экспорт технологий КНР (порядка 90%) представлен комплектным оборудование, продуктами новых и высоких технологий и производственными линиями в области компьютерной техники, связи, электроники, оптоэлектронного оборудования, фармацевтики. [18, с. 167]. Следовательно, технологические поступления Китай получает за счет экспорта высокотехнологичной продукции. Согласно данным Всемирного банка китайский экспорт высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта составил порядка 29% и достиг темпа прироста по сравнению с 2000 г. в размере 154%, что превышает темпы прироста высокотехнологичного экспорта таких стран азиатского региона как Филиппины, Сингапур, Республика Корея, Таиланд, Япония [19].

Дальнейшему развитию высокотехнологичного экспорта и международному трансферу национальных технологий может способствовать деятельность ТНК КНР, создаваемых на основе приватизированных государственных предприятий. Среди топ-100 не финансовых ТНК развивающихся стран 11 компаний (11%) приходится на Китай [20]. Развитие китайской корпоративной сети позволит не только наладить международное сотрудничество, но и даст возможность эффективно реализовывать результаты национального научно-технической деятельности, расширять рынки сбыта и заимствовать зарубежные технологии в ходе распространения филиалов и дочерних компаний в других странах мира.

Таким образом, в Китае, на сегодняшний момент формируется собственная модель экономического развития и трансфера технологий. «Китайская, а точнее, восточноазиатская модель развития, как отмечает Ф. Бергстен, обладает неотразимой привлекательностью для всех развивающихся стран, ибо только она обеспечила беспрецедентный, не имеющий аналогов в мировой экономической истории рост ... именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые...» к которым, по мнению ученого, по мимо Японии, Южной Кореи относится «... Китай с пятой частью мирового населения» [6, с. 23]. В свою очередь А. Девятков это объясняет тем, что «... в зону коренных интересов Китая, как мировой фабрики XXI века, отошли ресурсы Центральной, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, ограниченные рамками ШОС и АСЕАН» [21, с.6].

На основании вышесказанного можно предположить, что для Китая характерна высокая степень вмешательства государства в процессы трансфера технологий. Это проявляется в том, что: 1) средства венчурной системы на 90% принадлежат государству; 2) развитие частного бизнеса и крупных ТНК происходит в результате приватизации отечественных предприятий; 3) привлечение иностранных инвестиций и технологий происходит, согласно научно-технической политике, только в приоритетные отрасли науки и производства; 4) активной государственной поддержке субъектов инновационной инфраструктуры; 5) стимулировании развития деятельности центров НИОКР зарубежных ТНК.

Отличительной чертой процесса трансфера технологий в КНР, является то, что на данный момент времени кооперационные связи по передачи результатов НИОКР, выполненных в научной среде в частный бизнес находятся на стадии своего формирования, так как пока не определены законодательные нормы позволяющие создавать при университетах малые рискованные фирмы, коммерциализирующие научные достижения. Однако, процесс формирования таких связей в КНР уже начат в результате преобразования НИИ в АО и предоставления право на патентование результатов НИОКР выполненных за счет государственных средств непосредственно их исполнителю. Государственные НИИ, преобразованные в АО, имеют возможность помимо выполнения научных функций заниматься предпринимательской деятельностью связанной с коммерциализацией полученных результатов исследования. Между тем в Китае сформирован крупный сектор частных предприятий, проявляющий высокую инновационную активность. Его развитию в первую очередь способствуют государственные программы, направленные на поддержку негосударственных предприятий, наличие льготной системы налогообложения, а также политика страны по привлечению в частный бизнес иностранных инвестиций и политика акционирования крупных и средних государственных предприятий.

Следовательно, можно констатировать, что экономическое развитие Китая на протяжении XX в. осуществлялось путем проведения соответствующих реформ, которые с начала XXI ст. имеют своей целью – осуществить переход от подражания к самостоятельному передовому развитию.

Литература

1. Royalty and license fees, receipts (BoP, current US\$) // Worldbank 2010 [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.ROYL.CD/countries/1A-BY?display=default>. – Date of access: 25.02.2011.
2. Royalty and license fees, payments (BoP, current US\$) // Worldbank 2010 [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.ROYL.CD/countries/1A-BY?display=default>. – Date of access: 25.02.2011.
3. International Trade Statistics 2009 // World Trade Organization [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/its2009_e/its09_toc_e.htm. – Date of access: 17.11.2009.
4. Major economies for receipts and payments of royalties and license fees, 2008 // World Trade Organization [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/its2010_e/its10_trade_category_e.htm. – Date of access: 23.04.2010.

5. The Global Competitiveness Report 2009-2010// World Economic Forum [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access:http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2009-10.pdf. – Date of access: 10.03.2010.
6. Бергстен, Ф. Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве / Ф. Бергстен, Б. Гилл, Д. Мичелл / пер. с англ. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007. – 256 с.
7. Зарубежный опыт поддержки инновационного предпринимательства / Представительство ООН в РБ.; отв. ред. Быкова Т.П. – Минск: Интегралполиграф, 2009. – 80с.
8. Дин, Жуджун Феномен экономического развития Китая : монография / Дин Жуджун, М.М. Ковалев, В.В. Новик. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2008. – 446 с.
9. Basic Statistics on Scientific and Technological Activities // China National Bureau of Statistics [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2009/indexeh.htm>. – Date of access: 05.04.2011
10. Кэ, Я. Наука и техника Китая – Реформа и развитие / Кэ Янь. – Межконтинентальное издательство Китая, 2005. – 211 с., с.30
11. Main Science and Technology Indicators. Volume 2010/1// OECD 2010 [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.oecd.org/publishing/corrigenda>. – Date of access: 26.01.2011.
12. Лукашевич, Ю. Беларусь–Китай: перспективы научно-технического сотрудничества / Ю. Лукашевич // Новости науки и технологий. – №2. – 2010. – С. 35-38.
13. World Investment report. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development // United nations conference of trade and development [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.unctad.org>. – Date of access: 10.02.2010.
14. Иванова, Н., Данилин, И. Антикризисные программы в инновационной сфере // Мировая экономика и международные отношения, 2010.– №1. – С. 26-37.
15. Basic Statistics on Science and Technology Activities of Large and Medium-sized Industrial Enterprises // China National Bureau of Statistics [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2009/indexeh.htm>. – Date of access: 05.04.2011.
16. Total number of patent applications by resident and non-resident (1985-2008). The World Intellectual Property Indicators 2010 provides a wide range of indicators covering various areas of intellectual property: patents, utility models, trademarks, industrial designs and microorganisms. It draws on data from national and regional IP offices, WIPO, the World Bank and UNESCO // WIPO 2010[Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/patents/>. – Date of access: 10.01.2011.
17. Мировая экономика : прогноз до 2020 года / под ред. Акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. – М. : Магистр, 2008. – 429 с.
18. Китай сегодня: Бизнес-справочник. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2003. – 464 с.
19. High-technology exports (% of manufactured exports) // World Bank [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS?display=default>. – Date of access: 10.12.2010.
20. World Investment report. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development // United nations conference of trade and development [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.unctad.org>. – Date of access: 10.02.2010.

21. Девятов, А. Оценка визита председателя КНР в США / А. Девятов // Международная экономика. – 2011. – №3. – С. 6.

Лю Сяомэй

Ведущий специалист центра информационной деятельности,

Республиканский институт китаеведения им. Конфуция БГУ

МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В КИТАЕ

В факторах экономического роста Китая внешняя торговля играет весьма важную роль. В провозглашенной политике открытости внешнему миру приоритет отдавался экспортной экспансии с целью получения валютной выручки для модернизации экономики путем закупок импортного оборудования и технологий. Активное развитие внешней торговли было главным приоритетом политики открытости, которое дополнялось эффективным привлечением иностранного капитала.

До начала экономических реформ внешнеторговый режим КНР обеспечивал доступ к внешней торговле более десяти крупным государственными предприятиями, занимавшимся в основном посреднической деятельностью в четко определенных отраслевых рамках. Данные компании контролировались плановыми ведомствами. Объемы импорта и экспорта товаров устанавливались внешнеторговым корпорациям прямыми указаниями и соответствовали плановым заданиям. Причем плановые объемы импорта рассчитывались исходя из предполагаемой разницы между внутренним спросом и предложением конкретных товаров, а экспорта – закладывались в объемах, необходимых для финансирования планируемого импорта [1, с. 170].

В реформировании системы внешнеторгового регулирования КНР можно выделить несколько этапов. Первый – 1978-1992 гг., второй – с 1992 г. до декабря 2001 г. Третий начался в декабре 2001 г., когда КНР присоединилась к ВТО, и продолжается до сегодняшнего дня. В этот период предусматривалось реализовать основные обязательства, принятые КНР в процессе присоединения к ВТО.

На первом этапе преобразования осуществлялись медленно и осторожно. Важнейшим шагом было открытие четырех приморских городов (Шень-чжень, Чжухай, Сямэнь, Шантоу) для торговли с внешним миром. Важным аспектом являлась децентрализация мер регулирования. Полномочия по установлению его правил передавались от структур центра органам местного самоуправления и их службам. Дополнительные полномочия получили региональные органы власти. В частности, они могли учреждать собственные внешнеторговые организации, осуществляющие торговлю некоторыми товарами. Эти реформы заложили основу специализации Китая на мировом рынке. Сформировались условия для накопления капитала предприятиями-участниками внешнеторговой деятельности, а также для перемещения избыточных людских ресурсов из менее развитых внутренних районов страны в более развитые приморские регионы, ускоренно развивающиеся за счет расширения внешней торговли.

В течение второго этапа внешнеторговой реформы в КНР, начавшегося в 1992 г., осуществлялся переход от модели развития системы ВЭД методом проб и ошибок к оптимальной схеме внешнеторгового регулирования на основе использования международного опыта. Была сформирована эффективная система тарифного и нетарифного регулирования на базе снижения ставок первых и отмены вторых [2, с. 11].

Однако в начале 90-х годов внешнеторговое регулирование в КНР имело ряд особенностей, одной из которых было наличие новой и старой его систем. Так, од-

новременно применялись механизм предоставления прав на осуществление торговли некоторыми видами товаров и механизм распределения лицензий посредством аукционов. Система административного предоставления прав для выхода на международные отраслевые рынки способствовала созданию монополий в торговле некоторыми товарами. В то же время распределение лицензий на ведение внешне-торговых операций на нескольких отраслевых рынках через аукционные торги являлось рыночной мерой.

Внешнеторговая система КНР основана на Законе КНР о внешней торговле, принятом в мае 1994 г. Его принятие стало важнейшим событием в проведении экономической реформы. Этот закон способствовал приближению внешнеторговой политики КНР к системе норм, принятых в мировом сообществе. Наиболее важными его положениями являются: установление единого порядка ведения внешнеторговой деятельности на всей территории страны; предоставление свободы выбора ее участникам; разрешение свободного импорта и экспорта товаров, услуг и технологий (кроме подлежащих особым законодательным изъятиям); создание системы внешнеторговых предприятий-агентов [3, с. 308]. Закон о внешней торговле был дополнен рядом других законодательных и нормативных актов, регулирующих различные ее аспекты и направления. Наиболее существенные результаты в области либерализации внешнеторгового регулирования благодаря этим законодательным новациям отмечались в сфере тарифного регулирования.

С 1992 г., после внедрения системы стандартизации и классификации товарных наименований и приведения тарифной системы в соответствие международным нормам, в КНР несколько раз снизились ввозные пошлины. Так, в 1992-1997 гг. средняя ставка импортного тарифа уменьшилась на 25,5 п.п., т.е. до 17%.

С 1978 г. среднегодовой прирост импортной и экспортной торговли Китая составляет около 16%. Это не только превышает темпы роста народного хозяйства страны, но и на 5 п.п. выше среднегодовых темпов прироста мировой торговли. В 1978 г. КНР занимала 32-е место в мировой торговле. В 2008 г. страна уже на третьем месте в мире по объему внешнеторгового товарооборота, причем как экспорта, так и импорта. Суммарный годовой объем последних составил 1761 млрд. долл. США. За период, начавшийся в 2000 г., Китай сумел добиться увеличения своей доли в мировом товарном экспорте более чем в два раза, а во второй половине 2007 г. впервые опередил по нему США [4, с. 29].

Такое преимущество Китая, как низкая себестоимость рабочей силы при ее относительно высоком качестве, принесло потребителям всех стран мира реальную пользу. С появлением на международном рынке китайской высококачественной, но сравнительно дешевой продукции в относительно большом количестве, снизились цены на некоторые основные виды традиционно дорогих товаров. В докладе Всемирного банка за 1994 г. отмечалось, что если бы американские потребители покупали аналогичные импортные товары не из Китая, а из других стран, то им пришлось бы ежегодно увеличивать расходы на 14 млрд. долл. Ныне, когда китайско-американская торговля выросла, расходы американских потребителей должны снизиться еще значительно. То же можно сказать и о потребителях из других стран и районов [3, с. 309].

Сегодня в КНР действует единая для страны система управления внешней торговлей. Ее правовая база, кроме Закона КНР о внешней торговле, включает таможенные, валютные, налоговые, антидемпинговые, антидотационные правовые акты,

нормативные акты о проверке товаров, об их импорте и экспорте, о праве на импорт-экспорт и т.д.

Закон КНР о внешней торговле – главный законодательный акт в данной сфере. Им определены основы внешнеторговой системы Китая; правила установления внешнеторговых отношений; сформулированы основные принципы импорта и экспорта товаров и технологий, а также международной торговли и услуг. Указанным законом:

- закреплена система лицензий на внешнеторговое хозяйствование;
- для импорта и экспорта товаров и технологий и при установлении принципов их свободы определены позиции запрета и ограничения. В отношении ограничения импортно-экспортных товаров и технологий предусмотрены квоты и лицензии;
- определены статус наибольшего благоприятствования во внешней торговле, национальный режим и порядок выхода на рынок международной торговли и услуг; предусмотрено, что Китай в соответствии с международными договорами и соглашениями, которые он заключил или к которым присоединился, будет постепенно открывать свои торговые рынки и рынок услуг для стран, подписавших эти документы либо к ним присоединившихся;
- закреплены системы антидемпингового, антидотационных расследований и гарантийных мер по охране справедливого рыночного порядка;
- предусмотрен ряд мер по стимулированию внешнеторгового развития, включая создание импортно-экспортных банков, учреждение фондов внешнеторгового развития и рисков, возврат налогов за экспортированную продукцию, поощрение развития внешнеторговых консультационных услуг [5, с. 311].

В соответствии с действующим законодательством, в КНР в отношении ряда товаров продолжает применяться система импортного и экспортного лицензирования. Органами, занимающимися выдачей участникам внешнеэкономической деятельности, лицензий на закупки по импорту и продажи по экспорту ряда товаров, является Управление по делам квотирования и лицензирования Министерства коммерции КНР и подразделения Минкоммерции провинций, автономных районов, городов центрального подчинения. Лицензирующие органы в пределах полномочий занимаются выдачей лицензий на импорт и экспорт определенных товаров. На сайте Управления по делам квотирования и лицензирования Министерства коммерции КНР публикуются списки товаров, закупки которых по импорту и продажи по экспорту лицензируются. Совместными приказами Министерства коммерции КНР и Главного таможенного управления Китая ежегодно утверждаются списки товаров, экспорт и импорт которых возможен только при получении соответствующей лицензии.

В 2002 г. в Китае импортные квоты применялись к следующим 8 видам товаров: нефтепродукты, натуральный каучук, автомобильные шасси, автомобили и их ключевые детали, мотоциклы и их ключевые детали, фотоаппараты и их корпуса, часы, автомобильные грузоподъемники и их шасси.

Импортные лицензии – к 4 видам: производственное оборудование для компакт-дисков, контролируемые химические продукты, химические вещества, легко обретающие токсичность, и вещества, вредные для озонного слоя в биосфере.

При импорте всех товаров, за исключением подлежащих импортному квотированию изделий машиностроения и электроники (механического оборудования,

электронной продукции, ее деталей и элементов), в Китае осуществляется безлимитное управление. В частности, в Каталог особой продукции включены ввозимые изделия машиностроения и электроники, требующиеся для ускоренного развития страны, но все еще переживающие начальный этап промышленного производства (они закупаются главным образом посредством международных торгов). В отношении других видов машиностроительных и электронных изделий безлимитного импорта внедряется порядок автоматической регистрации, всем импортирующим предприятиям надлежит заполнять регистрационные бланки. Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества должно отвечать за эту работу [6, с. 107].

В 2002 г. в Китае осуществлялось экспортное лицензирование по 54 видам товаров. В частности, получили распространение такие формы, как лицензии на экспортную квоту, конкурсные торги на экспортную квоту, платное пользование экспортной квотой, бесплатные публичные торги на экспортную квоту и лицензия на экспорт.

Применяемое в Китае квотирование части экспортных товаров имеет две разновидности. Во-первых, существует квотирование, обусловленное тем, что страны-импортеры вводят количественные ограничения и требуют через торговые соглашения и переговоры, чтобы Китай сам ограничивал объемы своего экспорта, что можно квалифицировать как «пассивное квотирование». Под него подпадают преимущественно текстильные изделия. Во-вторых, КНР принимает активные меры по ограничению количества вывозимых видов продукции для сохранения рыночного порядка в сфере своих экспортных товаров, оберегает внутренние ресурсы и экологию. Это можно квалифицировать как «активное квотирование». Оно касается главным образом некоторых важных видов сельскохозяйственной и промышленной продукции, невозобновляемых ресурсов, а также главных и традиционных экспортных товаров [5, с. 317].

Таможенная политика Китая направлена на дальнейшее расширение открытости внешнему миру, постепенное снижение уровня ввозных пошлин. В основе определения таможенных тарифов – принцип стимулирования народнохозяйственного развития страны путем поощрения выручки от экспорта и расширения импорта, необходимых стране товаров.

В целях поощрения развития торговли переработкой правительство устанавливает ряд льгот. Во-первых, импортное оборудование, предоставленное зарубежными коммерсантами (за исключением незначительной части товаров, облагаемых пошлиной согласно государственным предписаниям), освобождается от уплаты таможенных пошлин и налогов на добавленную стоимость в импортном звене. Во-вторых, при ввозе сырьевых материалов и деталей осуществляется таможенный протекционизм. В-третьих, за вычетом весьма незначительной части «чувствительных» товаров количество ввозимых в рамках такой коммерции сырья и деталей не ограничивается.

Контроль за товарами дифференцированный. Импортные сырьевые материалы и детали в качестве товаров подразделяются на запрещенные, ограничиваемые и разрешенные. Под первыми подразумеваются те товары, импорт которых запрещен предписаниями, предусмотренными Законом КНР о внешней торговле, и таможня не может осуществлять беспошлинный контроль за ним. Ограничиваемые – это «чувствительные» товары, разница в пенах на которые внутри и вне страны

весьма велика, и таможням трудно контролировать их ввоз. При импорте ограничиваемых товаров для предприятий работающих на ввозных материалах, таможня взимает экспортные гарантийные депозиты за экспортированную продукцию. К разрешенным относятся товары, которые не включены в перечни запрещенных и ограничиваемых. Это в подавляющем большинстве товары, импортируемые по линии торговли переработкой, для них не требуются гарантийные депозиты [3, с. 320].

Фактическое снижение тарифов в КНР к концу 2004 г. превысило показатели, заявленные китайской стороной в ходе переговоров о присоединении к ВТО. Так, в 2003 г. средняя ставка импортного тарифа по обычному режиму торговли и режиму наибольшего благоприятствования составляла 11,5%, а в начале 2004 г. – 10,4% (к 2005 г. она снизилась до 16,2%) [7, с. 93].

Меньшие успехи достигнуты в области нетарифного регулирования. Так, спектр нетарифных инструментов регулирования внешней торговли, используемых в КНР, еще очень широк. По оценкам экспертов Всемирного банка, тарифный эквивалент нетарифных ограничений в 1996 г. равнялся 9,3%. В последующие годы существенных изменений механизмов внешнеторгового регулирования не произошло, т.е. суммарная оценка высоты барьера, препятствующего входу на китайский рынок, превышает 26% (по меркам режимов свободной торговли, он очень высок).

Порядок функционирования всех форм нетарифного регулирования усложнен, в связи с чем многие товары подпадают под действие нескольких из них, поэтому китайскую систему можно охарактеризовать как непрозрачную, дискриминационную и непредсказуемую. Нетарифные ограничения являются для КНР своеобразным заменителем тарифных мер регулирования. Последовательное снижение таможенных пошлин компенсируется сохранением нетарифных форм управления параметрами внешней торговли [3, с. 323].

К числу нетарифных барьеров относятся неявные преимущества для китайских производителей и импортеров, которые они получают за счет предоставления льгот, существенно корректирующих параметры и характер конкуренции на китайском рынке.

После 1992 г. прямые ограничения импорта товаров последовательно отменялись, и в течение 10 лет в КНР были отменены квотные и лицензионные ограничения на 800 видов товаров.

Обобщая вышеизложенное отметим, что система регулирования внешней торговли КНР в 1992-2007 гг. стала прозрачнее и либеральнее по сравнению с существовавшей в 80-е годы.

Перспективы дальнейшего развития международной торговли в условиях мирового кризиса связаны с сокращением различных нетаможенных сборов и ограничений. В течение пяти лет после вступления в ВТО Китай перешел от системы наложения резолюции на право ведения внешней торговли к системе регистрации, расширение территории, открытых для банковского дела иностранцев, еще большему числу иностранных финансовых и страховых компаний дает возможность вступления на рынок, постепенно увеличивает число создаваемых в Китае иностранцами фондовых организаций, расширяет осуществление розничной торговли иностранными предприятиями на административные центры всех провинций. Китай присоединился к установленным ВТО единым принципам правительственных закупок, унифицировал положение об источниках экспорта и импорта [3, с. 342].

Китайские власти, выполняя обязательства, принятые при вступлении в ВТО, отменили 830 законов и правил, внесли поправки в 2300 документов [8, с. 94].

Вместе с тем многие нетарифные барьеры сохранялись, например, китайская почта под предлогом борьбы с распространением спор сибирской язвы сохранила монополию на письма и пакеты весом до 500 г. Фактически были сохранены квоты на ввоз автомобилей. Сохранялись разные ставки НДС на чипы для компьютеров: на импортные – 17 %, на отечественные – 3 %. Борьба с пиратским копированием интеллектуальной собственности продолжала вестись весьма вяло. [3, с. 324].

В условиях мирового кризиса Китай планирует отменить все нетаможенные сборы, не соответствующие соглашениям ВТО. Для финансовых организаций китайского и иностранного капитала установить равные «условия». Надзор и управление финансовым рынком, на котором сосуществуют финансовые организации китайского и иностранного капитала, вести в соответствии с международными принципами. Продолжить смягчение инвестиционной политики вплоть до достижения свободы инвестиций. Всесторонне совершенствовать систему аттестации продукции, активно создавать международную или региональную систему многостороннего и двустороннего взаимного признания. Сделать систему прав на информацию важной составной частью единой системы науки и техники, культуры, экономики и торговли.

Китай в 2005 г. осуществил взаимное признание сертификатов к измерительным приборам с Австралией, Южной Кореей, Японией, Тайванем и Сингапуром. Необходимо создать административный надзор за соблюдением прав на информацию, усовершенствовать и юридические, и административные меры по соблюдению законов на интеллектуальные права.

Со времени вступления Китая в ВТО общий уровень пошлин снизился с 15,6 % в 2000 г. до 10,1 % в 2008 г., в частности, таможенные пошлины на промышленную продукцию снизились до 9,3%, на сельскохозяйственную продукцию снизились до 15,6%, на продукцию, предусмотренную Соглашением ВТО по информационным технологиям, – до нуля [9, с. 98].

1 июля 2004 г. в Китае вступил в силу новый исправленный Закон КНР о внешней торговле. В законе в целях стимулирования развития внешней торговли режим рассмотрения и утверждения права на ведение внешнеторговых операций, действовавший в стране 50 лет, был заменен системой регистрации и сформулированы четкие положения, касающиеся импорта и экспорта товаров и технологий, международной торговли услугами, внешнеторгового порядка, а также защиты интеллектуальной собственности, отвечающей внешнеторговому мировому порядку.

В Китае подготовлены условия для всестороннего участия в глобализации экономики в условиях мирового кризиса. К 2010 г. Китай планирует стать крупнейшим экспортером мира и будет иметь десятую долю мировой торговли. По сравнению с другими странами, китайские товары обладают многими преимуществами в международной конкуренции. Вместе с тем не только конкурентоспособность товаров обеспечивает успех экспансии на внешние рынки – важна и внешнеторговая стратегия и тактика. Во-первых, это преимущества государственной поддержки экспорта и достижение правительством Китая в любой стране благоприятных условий для экспорта. Во-вторых, сплоченность, профессионализм и упорство китайцев, работающих за рубежом. Зарубежные товаропроводящие сети, как правило, создаются этническими китайцами, проживающими за рубежом, которые хорошо знают страну проживания и имеют в ней связи. В-третьих, Китай успешно использует неравномерность экономического развития различных регионов мира и формирует различные формы торгово-экономического сотрудничества с разными странами. Это дает

Китаю возможность осуществлять широкое всестороннее многоуровневое сотрудничество с различными странами и районами. В-четвертых, Китай накопил значительный опыт участия в глобализации экономики и ведения многосторонних переговоров, что является очень ценным достоянием и позволяет ему активно участвовать в процессах глобализации экономики и в рамках ВТО [10]. Вступление Китая в ВТО позволило в том числе участвовать в выработке положений о международной торгово-экономической конкуренции.

Китайский рынок является доступным для иностранного бизнеса. Открытость внешнему миру, проводимая в Китае имеет своим центром тяжести экономическую открытость, в то же время включает открытость в широкой сфере, например, активное налаживание международного обмена и сотрудничества. Следует указать, что открытый курс Китая подразумевает контакты со всеми странами и регионами мира. Китай желает развивать на равноправной и взаимовыгодной основе торгово-экономические отношения со всеми странами независимо от их характера и стереотипа, независимо от того, богаты они или бедны.

Опыт Китая в проведении реформы и открытости свидетельствует о том, что от реформы и открытости прежде всего выигрывает страна, проводящая реформы. В то же время при этом получают выгоду и другие страны. Открывая свой рынок другим странам, китайское государство получает доступ на открытый и широкий зарубежный рынок. Разумеется, в процессе внешней открытости Китай постоянно следит за тем, чтобы сохранить свой суверенитет и социально-экономическую безопасность, предупредить и смягчить влияние международного риска. Вступление Китая в 2001 году в ВТО означает, что открытость Китая из прежней, ограниченной превратилась в открытость по всем координатам, из открытости односторонней (только со стороны Китая) превратилась во взаимную открытость с другими странами-членами ВТО.

Литература

1. Фишмен, Т. Китай Inc. Восход сверхмощного глобального конкурента. – М.: Эксмо, 2007. – 444 с.
2. Авдокушин, Е.Ф. Конкурентоспособность китайской экономики и в глобализирующемся мире // Экономические науки. – 2007. – № 2. – С. 8-12.
3. Дин Жуджунь. Феномен экономического развития Китая: Монография / Дин Жуджунь, М.М. Ковалев, В.В. Новик. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2008. – 448 с.
4. Сюйдун Чжан, Инфэн Чжоу, Ло Ша. Десять признаков прогресса // Китай. – 2008. – № 3. – С. 27-29.
5. Дайнеко, А.С. Система регулирования внешней торговли Китая // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Матер. межд. науч.-практ. конф.: В 4 т. – Мн., 2007. – Т. 1. – С. 307-326.
6. Фисенко, А.И. Особенности китайского опыта таможенного регулирования и возможности его использования в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2008. – № 1. – С. 105-110.
7. Ху Цзюньжун. Современная внешнеэкономическая стратегия Китая // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономических процессов: Матер. межд. науч.-практ. конф. В 4 т. – 2008. – Т. 4. – С. 92-94.
8. Войтович, А.И. Внешнеэкономическая деятельность. – Мн.: Акад. упр. при Президенте РБ, 2003. – 220 с. 94.

9. Чжан Дэлин. Регулирование законодательства по экономике после вступления во ВТО./ Из. Юридической литературы.-2008 с.98.
10. Официальный сайт ВТО: <http://www.wto.ru/chto.asp?f=memb&t=7>

**СЕКЦИЯ 2:ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОЙ И
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ**

Шунейко Е. Ф.

кандидат искусствоведения, доцент, профессор,

Белорусская государственная академия искусств

ТЕМЫ КИТАЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИИ И ИСКУССТВЕ 1950-Х ГГ. ИЗ ОПЫТА КУЛЬТУРНОГО СБЛИЖЕНИЯ

Современное расширение культурных связей Беларуси и Китая позволяет по-новому обратиться к отечественному творческому и научному наследию, связанному с китайской тематикой конца 1940-х – 1950-х гг. Она начала очень активно находить свое место в советском искусствоведении и искусстве (имеющим самое непосредственное отношение к нашей республике, входившей тогда в состав СССР) буквально с момента провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года. В тот памятный день на пекинской площади Тяньаньмынь присутствовали с альбомами для набросков и быстрых зарисовок известные советские художники С.Герасимов и К.Финогенов [1, с. 5].

С того памятного события не было случая, чтобы художники из Москвы, Минска, Киева и других городов Советского Союза не направлялись в молодую и независимую страну Дальнего Востока в составе разных правительственных делегаций, для организаций выставок, с целью обучения молодых китайских художников и т.д. Это были достаточно длительные поездки, которые длились месяцами и годами. Согласно воспоминаниям художников, они смогли в таких условиях очень хорошо изучить жизнь китайского народа не только в столице, но и в других городах, включая и отдаленный южный портовый центр Кантон (ныне Гуаньчжоу). Была организована не одна встреча с руководством КНР, творческой интеллигенцией, представителями разных слоев общества. В результате, художники с небывалым вдохновением создали многочисленные образы китайской природы, городской и сельской производственной среды, неоднократно обращались к изображению представителей китайской нации разных поколений и занятий. За считанные годы в Китае побывали многие ведущие, а также молодые многообещающие советские художники, и каждый из них привез из таких плодотворных командировок очень богатый материал жизненных впечатлений, который способствовал тому, что китайская тема стала одной из ведущих в их творчестве, утверждающая международную дружбу, мирный созидательный труд, значимость свободной человеческой личности и др. Китайское искусство также быстро становилось близким и затребованным в советском культурном пространстве.

Первым значительным событием, которое заложило незыблемую основу для всех дальнейших подобных ему, стала Первая выставка китайского традиционного и современного искусства из КНР в Государственной Третьяковской галерее в Москве в октябре-ноябре 1950 г., а затем в Государственном Эрмитаже в Ленинграде была настолько значительным смотром китайских творческих достижений разных времен и стилей, что она стала точкой отсчета для развития послевоенного советского искусствоведения и показательным творческим примером сближением советских и китайских художников. Давая первые оценки выставке, молодой, но уже известный тогда исследователь (в будущем доктор искусствоведения) А.Чегодаев отмечал, что китайские художники не воспринимаются искусствоведами и зрителями как начинающие ученики непревзойденного советского профессионального опыта,

а как творческие единомышленники и талантливые полноценные коллеги, создающие вместе с советскими мастерами единый современный художественный стиль, который отличается своей трепетной связью с яркими и прогрессивными переменами в жизни [2, с. 80]. Можно добавить уже с позиции нашего времени, что этот профессиональный художественный стиль, охвативший в 1950-е гг. грандиозное трансконтинентальное пространство со многими значительными столичными центрами, мог стать вскоре и надолго ведущим в мировом художественном процессе, если бы не произошло известное политическое охлаждение по отношению к великой дальневосточной стране и не были бы нарушены прекрасно налаженные творческие взаимосвязи.

Было директивно приостановлено дальнейшее развитие дружественной китайской тематики, а многочисленные уже созданные ее образцы были запрятаны в закрытых спец-фондах или безвозвратно утеряны. К счастью, чудесным образом сохранились основные искусствоведческие издания того эпохального времени, а из дальних запасников музеев в наше время были извлечены на всеобщее обозрение замечательные образцы искусства, рожденного в живом соприкосновении с китайской действительностью 1950-х. Это позволяет дать новые непредвзятые оценки великих творческих достижений, которые являются большой исторической и художественной ценностью.

Прежде всего надо еще раз назвать имена тех художников, которые наиболее ярко проявили себя в обращении к китайским образам. Это живописцы, графики и скульпторы З. Азгур, В. Богаткин, И. Богдеско, О. Верейский, А. Герасимов, Н. Жуков, Э. Калныньш, В. Климашин, А. Константиновский, К. Максимов, А. Мыльников, С. Селиханов, А. Усубалиев, Л. Кербель и многие другие. Как говорить, на одном дыхании, они создали обобщенный и очень конкретный образ молодой страны, обращенной в будущее, с небывалым энтузиазмом возрождаемой своим многомиллионным народом после тяжелейших военных испытаний. Уже в 1954 г. талантливый белорусский скульптор-портретист З. Азгур подарил в знак особого уважения китайскому народу мраморную скульптуру классика национальной литературы Лу Синя, активного пропагандиста культурного сближения с Советским Союзом. Также и другие художники вносили в свои произведения доказательства истинной дружбы и искренние проявления братских чувств. Поэтому такими проникновенными и близкими воспринимаются на их полотнах, графических листах, скульптурных изваяниях известные китайские деятели культуры, люди труда, а особенно полные оптимизма дети, «первые ростки» достойного будущего. Белорусский скульптор С. Селиханов создал одну из лучших своих серий современников, посвященных людям труда, именно на материале своих поездок в Китай. Ему посчастливилось вместе с другими коллегами изобразить с натуры старейшего китайского художника Ци Байши, который очень старательно позировал советским мастерам прямо в своем пекинском доме. Поэтому такие неповторимые образы этого величайшего мастера традиционной живописи го хуа были созданы не только С.Селихановым, но и А. Константиновским, В. Климашиным и др. Во время близких творческих контактов были запечатлены также другие выдающиеся художники (Цзян Чжаохэ, Ци Мудуна), ведущий переводчик советской литературы Гао Ман, многие уважаемые педагоги, писатели, актеры, политические деятели и др. Можно сказать, что такой свободы и непосредственности образов трудно было добиться в портретном творче-

стве, посвященном, например, советским современникам, ибо художников здесь не-много ограничивал определенный идеологический регламент, требующий усиления нарочито-героических, монументально-обобщенных начал.

В китайской тематике слишком явных установок не существовало. Поэтому такие жизненно-убедительные были результаты творческих поездок и образных открытий. Это относится также и к другим жанрам изобразительного искусства, связанного с пейзажными и жанровыми зарисовками, сюжетно-тематическими композициями. О. Верейский и А. Константиновский проявили себя как настоящие наблюдатели уличных сценок из жизни китайских городов, художник-фронтовик В. Богаткин, который не расставался с 1940-х гг. с блокнотом и карандашом в своих китайских поездках стал неповторимым хроникером созидательных перемен в результате самоотверженного восстановления страны («Остров Хайнань», «Город Ухань. Строительство нового моста» и др.). Помимо потрясающих по красоте мотивов китайской природы художники показывали в своих первичных зарисовках для будущих картин не менее потрясающие стройки новых кварталов, промышленных объектов, водохранилищ и т.п. (К. Финогенов «Водохранилище Шисаньлин», А.Таран «В доках Шанхая» и др.).

Их творческим планам не суждено было тогда осуществиться по независимых от их желаний причинам. Но ничто сейчас, собственно говоря, не является помехой, чтобы продолжить на современном художественном уровне столь достойные начинания. Конечно же, необходимо пересмотреть роль художников в строительстве нынешних незыблемых отношений с КНР и регулярно включать белорусских художников в состав многих делегаций, регулярно посещающих многие китайские города и промышленные объекты. Также очень много выдающихся представителей китайской нации, достойных художественного изображения, бывают в нашей стране, а многочисленная китайская молодежь (уже поколение внуков некогда изображенных «Детей свободного Китая») учится в ВНУ Беларуси. Осознавая важность художественных начал 1950-х гг., можно с уверенностью обратиться к юным образам будущих лидеров китайского общества в разных сферах созидательной деятельности.

В советском искусствоведении до 1959 года было завершено и увидело свет ряд основополагающих исследований, посвященных современным и традиционным примерам китайского искусства и архитектуры, которые и по сей день сохраняют свою научную значимость. Не останавливаясь на многочисленных публикациях в периодике того времени, необходимо акцентировать внимание на главных монографических работах. Это, прежде всего работы О. Глухаревой, К. Кравченко и Е. Ащепкова [3,4,5]. Указанные авторы не раз побывали в КНР, изучали творческий процесс, овладевая при этом и китайским языком, изучая многие традиции жизненного уклада дружественного народа. В результате ими были написаны очень впечатляющие научные работы, где были даны высокие оценки художественных достижений и определены многие этапные произведения разных периодов и видов искусства. О. Глухарева обобщила все достижения искусства народного Китая. К. Кравченко ярко передала свои впечатления от встреч с художниками и их творческим наследием на китайской земле. Е. Ащепков в своей книге, посвященной архитектурному наследию Поднебесной, совершил настоящее творческое и научное восхождение на исследовательские вершины, не только основательно изучив все виды и образцы культовой и светской традиционной архитектуры, включая храмы, монастыри, пагоды, дворцы и народные жилища, но и изображая их неповторимый вид в

сотнях авторских фотографий, акварельных и графических этюдах, набросков и точнейших конструктивных прорисовках архитектурных деталей! В этой новаторской работе искусствоведы получили самую необходимую помощь со стороны китайских университетов и других научных учреждений, многих заинтересованных личностей. Тем более, их труд можно считать примером настоящего сотрудничества и взаимопонимания.

Наше время ставит перед нами невиданные еще задачи исследования китайского наследия и современных достижений в области культуры и искусства. Они обращены в далекое и перспективное будущее, которое носит очень гуманный и глобальный характер. Поэтому так важно опираться на достойные отечественные начала, которые скреплены дружбой и глубоким уважением к великой дальневосточной цивилизации и ее талантливому, трудолюбивому народу.

Литература

1. Советские художники о Китае. – Москва: Издательство Академии художеств СССР, 1959
2. Китайское изобразительное искусство. По материалам выставки 1950 года в Москве. – Москва: Издательство Академии художеств СССР, 1952
3. Глухарева О.Н. Искусство народного Китая. –Москва: Искусство, 1958
4. Кравченко К. У китайских друзей. – Москва: Советский художник, 1959
5. Е.А.Ащепков Архитектура Китая. – Москва: Государственное издательство по архитектуре и строительным материалам, 1959

Шимелевич А. Г.
Кандидат искусствоведения, доцент,
Белорусская государственная академия искусств

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА В КИТАЕ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Изучение китайского искусства — одна из интереснейших задач белорусского гуманитарного образования. В подготовке студентов по специальностям искусств — дизайнеров, художников, искусствоведов — знакомство с живописью Китая и традиционными художественными ремеслами играет пока небольшую роль, однако очевидно, что это направление интенсивно развивается, а сами студенты проявляют большой интерес. В Белорусской государственной академии искусств внимание студентов к шедеврам китайского искусства привлекают, прежде всего, лекции учебных дисциплин «История изобразительного искусства» и «Искусство Востока».

Наш доклад связан с опытом преподавания «Основ музейного дела», специального учебного предмета, включенного в систему подготовки будущих искусствоведов. Однако понимание специфики художественных музеев Китая в ретроспективе их прошлого развития и в будущей перспективе необходимо не только узким специалистам. С развитием международного туризма, и, особенно, глобальных информационных сетей, все больше людей проявляют интерес к культурному достоянию Поднебесной.

Первое знакомство европейцев с китайским искусством, как правило, происходит в стенах знаменитых западных музеев, таких как, например, Британский музей. Для тех, кто интересуется китайской культурой в границах русскоязычного культурного пространства, особое значение имеют экспозиции Государственного музея Востока в Москве и Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Долгое время экспонаты этих коллекций служили, пожалуй, единственными доступными образцами китайского искусства. Однако как бы ни были богаты наши коллекции, и как бы хорошо они ни были интерпретированы, они, безусловно, имеют ограниченный характер. Кроме того, по остроумному замечанию китайских искусствоведов, «несмотря на то, что дуньхуанские сутры, украденные Аурелом Стейном, находятся в Британском музее, сам Дуньхуан находится в Китае, и в Китае также остается центр дуньхуанских исследований» [1, с. 1].

В традиционной культуре Китая всегда уделялось особое внимание вопросам сохранения произведений искусства, с древних времен знатоки и коллекционеры бережно хранили старинные картины и изделия мастеров художественного ремесла. Таким образом, традиция коллекционирования произведений искусства имеет в Китае древние корни и богатейшие, самобытные традиции. Наряду с частным коллекционированием, многовековую историю имеют императорские художественные собрания. Важно, что собирание произведений искусства для императоров на протяжении полутора тысячелетий, с X века, было в Китае государственным делом, находилось в ведении чиновников специального департамента.

На то, какую важную роль практика частного и, особенно, императорского коллекционирования играла в художественном процессе сунского Китая, обратила внимание Т.А. Пострелова. В своей монографии, посвященной академии живописи в Китае X–XIII вв., она пишет: «С первых лет существования Сунской империи ...

издается ряд указов по охране памятников — произведений великих мастеров: каллиграфов и живописцев ранних эпох. При императорском дворе была создана богатая коллекция древних каллиграфических надписей и живописных свитков. Эта коллекция послужила основой для собирания в дальнейшем не только шедевров каллиграфии и живописи, но и древних изделий из бронзы, камня... Был издан указ всем княжествам Поднебесной о собирании произведений... Ответственность за сбор и коллекционирование шедевров была возложена на... члена департамента тайной письменности, в который стекались тысячи свитков и альбомов. Чиновники-эксперты... были обязаны находить шедевры, разбросанные по всей стране» [2, с. 47].

Интересные факты об истоках музейного дела в Китае собрала В.Г. Белозерова [3]. К примеру, при императоре Тай-цзуне (627–650 гг.) по всему Китаю был организован поиск произведений знаменитого каллиграфа IV века Ван Си-чжи. Объявлялось, что свитки каллиграфа представляют столь высокую художественную ценность, что должны быть переданы из частных собраний в государственную собственность.

Как профессионал в области реставрационного дела, Белозерова обратила внимание на «высокий уровень разработки проблем, связанных с атрибуцией, оценкой, экспозицией и хранением коллекционируемых произведений искусства» [3, с. 152]. И это было не только суммой практических навыков, которые могли передаваться от учителей ученикам, а нечто большее. Описания и каталоги наиболее богатых художественных коллекций публиковались еще в эпоху Сун. Только с X по XIV век появилось около десяти специальных трактатов. Вопросам сохранения произведений живописи посвящен и труд ЦаоЧжао "Гегуяо лунь" (1387) самый фундаментальный и наиболее известный в последующих столетиях.

Культура обращения с произведениями искусства включала в себя правила развертывания и сворачивания свитков, их периодической просушки и развески, причем эти действия «были превращены в эстетическое действо и зачислены в разряд "добродетельных развлечений"» [4, с. 15–16]. Как пишет В.Г. Белозерова, «китайская традиция объединяет хранительскую и оформительскую проблематику под общим наименованием янь-нянь-ишоу, что дословно переводится как "продление долголетия и прибавление сохранности"» [4, с. 3–4]. Исследовательница справедливо полагает, что специфические представления о бытовании произведения искусства в традиционном Китае вобрали в себя ключевые положения традиционной эстетики: «В китайской культуре сформировалась оригинальная философия жизни памятника, за которым признавалась возможность на самостоятельную историческую судьбу. Последняя, по мнению китайских теоретиков, определяется двумя обстоятельствами: эстетической ценностью памятника и способностью зрителей должным образом реагировать на его художественные достоинства. Знатокам, восхищающимся и оберегающим памятники, китайские авторы противопоставляют профанов, по чьей вине произведения гибнут. Имена тех и других вносились в сочинения по истории живописи, которые представляют собой описание судеб памятников на протяжении столетий» [4, с. 17].

«Памятник, атрибутированный знатоком как подлинный, имеет сложный состав, — пишет Белозерова. — Основу его образует авторская часть, или оригинал (юаньбэнь), но его непременно дополняет историческая часть, состоящая из печатей коллекционеров, эпиграмм, надписей, которые делаются прямо на оригинале или подклеиваются к нему. Все это считается столь же подлинным и обязательным для

памятника, как и его авторская часть. Следы естественного старения материалов являются признаком подлинности (чжэнь) памятника. Печать времени воспринималась как нечто неотъемлемое от оригинала, в котором никогда не стремились видеть только что сделанное» [4, с. 17]. Уже в древнем Китае приметы древности произведения расценивались как эстетический фактор, обостряющий эстетическое восприятие.

Можно было бы предположить, что в Китае — стране богатейших художественных коллекций и древних традиций собирания произведений искусства — создание художественных музеев станет лишь вопросом времени, и музейные коллекции искусства легко унаследуют богатство и блеск старинных императорских собраний. Однако история развития музейного дела в XX веке здесь оказалась сложной в силу исторических обстоятельств. Как известно, на протяжении XX века огромное количество художественных и исторических ценностей было вывезено из Китая европейскими и американскими экспедициями, причем ряд реликвий до сих пор считается незаконно вывезенными. «В Китае из-за социальных катастроф процесс перераспределения художественного наследия между частными коллекциями и музейными собраниями происходил ... ненормальным путем», — считает В.Г. Белозерова [1, с. 17].

Первый музей в Китае, в городе Наньтун (провинция Цзянсу) основал ЧжанЦзянь в 1905 году. В 1912 году министерством просвещения был основан Национальный исторический музей в Пекине, в 1925 был превращен в музей "Гугун" императорский дворцовый комплекс, а после 1945 года в распоряжение музея был отдан весь Запретный город.

Однако на протяжении всей первой половины XX века, по мнению ЧжанВенбина, генерального директора Государственного бюро культурных реликвий КНР, развитие музейного дела в стране сталкивалось с большими проблемами: «К 1949 году, — пишет он, — во всей стране насчитывался всего 21 музей. Они размещались в ветхих, полуразвалившихся зданиях, а экспозиции были бедны. Естественно, посетителей музеев было немного» [5, с. 5].

Сейчас в Китае более 2 000 музеев, коллекции которых посвящены развитию социальной и политической истории, геологии и минералам, науке и технологиям. Большое количество музеев носит мемориальный характер. Однако наибольший интерес для нас представляют музейные коллекции произведений китайского искусства, которые сконцентрированы в исторических и художественных музеях страны.

В развитии музейного дела наши китайские коллеги во многом ориентируются на опыт стран Запада. При том, что современные принципы экспонирования и реставрации обеспечивают сохранность произведений искусства, а оборудование и принципы работы музеев в целом дают возможность огромному количеству людей познакомиться с драгоценными шедеврами, в музейной экспозиции, разумеется, сложно погрузиться во вдумчивое созерцание свитка так, как это делали знатоки искусства в традиционном Китае. «Переход от частного коллекционирования к крупным государственным музеям повлек за собой отказ от традиционных форм рассмотрения произведений искусства (т. е. в избранном кругу и в небольшом количестве), следствием чего явилось падение культуры созерцания. Обилие вещей неизбежно обрекало зрителей на поверхностный осмотр, а многочисленность посетителей мешала сосредоточить внимание на отдельном произведении», — пишет В.Г. Белозерова [1, с. 163].

Если в странах Запада сформировалась устойчивая традиция экспонировать предметы искусства по хронологическому принципу, т. е. в рамках конкретной коллекции «выстраивать» временной ряд от самых древних к более поздним произведениям, то в Китае исторически сложился другой подход. Там произведения классифицировались в первую очередь по материалу и назначению — керамика и фарфор, бронза, мебель и т. д. По мнению В.Г. Белозеровой, это связано «с пониманием времени в китайской культуре в целом, когда не осознавалось глубокое различие между вечностью и древностью, древностью и современностью. Такая философия времени обусловила традиционность китайского искусства, что при непрерывности развития китайской культуры предопределило большую важность канонизированной основы художественной формы перед приметами конкретного времени» [1, с. 165].

В этой связи интересно отметить, что даже исторические и краеведческие музеи Китая, обладающие богатыми коллекциями произведений традиционного искусства, сохраняют дань этой традиции. Так, Национальный музей истории в своем полном каталоге [6] представляет коллекции бронзы, керамики, фарфора, камнерезного искусства, мебели, эмалей, предметов одежды и аксессуаров. Как указано в предисловии, первоначально этот музей, основанный в 1955 году, носил название Национального музея исторических артефактов.

Широкая выставочная активность, развитие туризма и медиасферы способствуют стремительному развитию музейного дела в Китае. «К концу прошлого века больших и малых музеев в Китае образовалось такое множество, что их описание могло бы вписаться в объемистую книгу», — пишет Н. Виноградова в статье «Музеи Китая» [7]. В этом обзоре особое внимание уделено уникальным музейным объектам, которые существуют только в Китае — «историко-археологическим музеям, возникшим на местах существования древних поселений, относящихся к эпохе неолита, бронзовому веку, времени процветания могущественных династий» [7]. Н. Виноградова, разумеется, имеет в виду музей неолитического поселения, обнаруженного в окрестностях города Сиань в 1953–1954 гг. (сейчас место раскопок законсервировано и открыто для осмотра), а также всемирно известную «терракотовую армию» Цинь-Шихуана, открытую близ его погребального холма в 1974 г.

Особым своеобразием обладают также музеи-заповедники. Помимо комплекса «Гугун» в Пекине, о котором говорилось выше, следует упомянуть музеифицированные средневековые садово-парковые усадьбы южных городов Сучжоу, Уси, Янчжоу. «Мир средневековых усадеб, приобщающий зрителей к атмосфере поэзии, тишины и философских раздумий, стал еще одной разновидностью китайских современных музеев, оберегаемых как национальное сокровище и открытых для всеобщего обозрения» — считает Н. Виноградова, известный российский исследователь китайского искусства [7].

Крупнейшие художественные музеи Китая в Пекине, Сиане, Тяньцзине, Шанхае, Лояне и других крупных городах, разместились в современных специальных зданиях, архитектура которых зачастую носит символический характер, в современных конструкциях воплощая традиционные формы и символы. Постоянно совершенствуя музейную инфраструктуру, используя современные формы просветительской и реставрационной работы, наши китайские коллеги бережно сохраняют художественные сокровища древней цивилизации.

Литература

1. Li, Xianao. China's Museums: Treasures of Civilization / X. Li, Z. Luo, transl. M. Avery/ - Beijing: China International Press, 2010.
2. Пострелова Т.А. Академия живописи в Китае в X-XIII вв. / Т.А. Пострелова; АН СССР, отд-ние истории, Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1976. 240 с.
3. Белозерова, В.Г. История музеев и реставрационного дела в КНР // Художественное наследие. - 1980. 6/36, С. 152-169.
4. Белозерова, В.Г. Проблемы хранения, оформления и реставрации традиционной живописи в Китае. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03 Музееведение, консервация, реставрация и хранение художественных ценностей. М.: РГГУ, 1995. 24 с.
5. Li, Chungsheng. Museums: Treasure Houses of History / transl.: He Jun and oth. Beijing, ForeignLanguagesPress, 2002/ - 109 p.
6. Catalogue of Exquisite Collection. - Beijing: National museum of History, s. a.
7. Виноградова, Н. Музеи Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://art.1september.ru/2004/10/no10_1.htm. Дата доступа: 21.11.2011.

Волонцевич Н.С.

*кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории искусств,
Белорусская государственная академия искусств*

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СИСТЕМЕ ТВОРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ-ТЕАТРОВЕДОВ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСКУССТВ

Богатейшее театральное наследие китайской цивилизации студенты направлений специальности «Искусствоведение (театроведение)» и «Искусствоведение (организация театральной деятельности)» Белорусской государственной академии искусств изучают в рамках дисциплины «История театра Востока» (22 из 72 часов).

Одной из задач преподавания этой составной части курса является формирование представлений о специфике восточного мировоззрения и эстетических традиций региона. Студенты-театроведы, анализируя драматургические произведения Китая и их сценическое воплощение через традиционную систему амплуа, средств и приемов актерской выразительности, должны понимать сходства и различия форм и жанров китайского и европейского театрального искусства.

К сожалению, до сих пор, в странах СНГ не разработаны специальные учебные пособия и методические материалы по данной проблематике. Конечно, изданы еще в конце 1950-х годов работы о театре Поднебесной А. Анастасьева [1], С. Образцова [2] и И. Гайды [3], в которых характеризуется сценическая культура Китая, но в целом они носят скорее информационно-ознакомительный характер, а не обобщающий. Отдельно следует отметить монографию С. Серовой, где китайский театр рассматривается как эстетический образ мира [4]. В работах М. Кравцовой [5] и В. Малявина [6], посвященных развитию китайской цивилизации, есть небольшие разделы о сценическом искусстве Китая. Большой блок источников посвящен китайской литературе, в частности, классической драме (работы Н.Федоренко, В.Сорокина и др.) [7-10].

Прежде чем учить понимать и ценить великие художественные достижения китайских драматургов и актеров, необходимо акцентировать внимание студентов на том, что в Китае все содержания культуры воспринимаются через отнесение их к числам и абстрактным символам: инь-ян, триграммам, гексаграммам, пяти элементам. Постигание смысла Бытия и самого себя оказываются синонимами, поэтому любое произведение культуры — литературное, философское, живописное — имеет космический смысл. Китайцы считали сущностью театра чистую радость игры (*си*), которая выступала как акт внутреннего самоопределения человека. На вводном занятии ведется разговор и об иероглифической письменности, ибо иероглифы «рисуют» смысл, т.е. образуют некое смысловое поле, и дается информация историографического характера. 10-летний опыт преподавания показывает, что наша аудитория зачастую впервые слышит о событиях китайской цивилизации в различные эпохи.

Изучение китайского театрального искусства на третьем курсе имеет богатейший просветительский и воспитательный потенциал. Студенты-театроведы, которые на протяжении первых лет обучения познакомились с театрально-художествен-

ным наследием Беларуси, России, Западной Европы и Америки, с увлечением открывают для себя драматургическое и сценическое искусство еще одной из древнейших цивилизаций Земли.

Театр в Китае сложился довольно поздно — лишь в начале II тысячелетия — и всегда имел синкретическую природу. В отличие от театра Древней Греции или Индии, он не мог наследовать традиции эпоса, каковой в Древнем Китае не было, и черпал свой материал из разрозненных элементов древних культов и празднеств, народных танцев и сказа, пения и цирковых представлений. Отнюдь не случайно рождение театра в Китае совпало с наступлением эпохи поздних империй, характеризующейся расцветом городской культуры и новым уровнем культурного самосознания.

Китайский театр не знал ничего подобного жанрам античного (европейского) театра. Представления в нем различались в зависимости от общего стиля постановки, отражавшего общепринятые различия в китайском искусстве — например, различие между «гражданским» и «военным» стилями. Вся постановка сопровождалась музыкой, а ее сюжет не имел большого значения. В XIV в. складываются основы классической китайской драмы с законченным набором актерских амплуа (главным героем, отрицательным героем, женскими персонажами, комиком и ролью «старика из народа»), возникают устойчивые традиции музыкального сопровождения пьес и каноны сценического действия.

Развитие классического театра в соответствии с общими установками китайской культуры шло по линии все более тщательной стилизации представления. Театр в Китае — это искусство не отражения, а правильного обозначения явлений жизни, что сообщает жизни ее возвышенные качества. Поэтому китайский театр допускает очень высокую степень условности и символизации. Его канон сводится к строго заданному репертуару сценических приемов, и задачей китайского актера является их максимально точное воспроизведение. Каждый персонаж китайского театра являет собою определенный человеческий тип, на который указывает символика его грима и костюма.

На лекциях особое внимание уделяется разновидностям китайской музыкальной драмы, каждая из которых имела свою музыкальную и сценическую стилистику. В середине XVI в. возникло большое число локальных театральных традиций (по мнению ученых, к началу XX в. их насчитывалось более 300). Наибольшую известность получили театры провинций Цзянси, Хунани, Сычуани, Чжэцзяна и других областей. С конца XVIII в. на основе синтеза нескольких традиций сложилась так называемая Пекинская опера — наиболее совершенный продукт почти тысячелетней эволюции китайской музыкальной драмы.

Оценивая принципы актерской игры, студенты-театроведы понимают, что в этой театральной форме вовсе не требуется создание иллюзии действительной жизни. Декораций на сцене почти не было, а действия актеров обозначались символически. Степень символизации действия служит одним из критериев разграничения народного и классического театров: народные представления в целом отличались гораздо большим натурализмом вплоть до применения в них настоящего оружия.

В заключение хочется еще раз сформулировать основную цель изучения китайского театрального искусства студентами-театроведами Белорусской государственной академии искусств: они должны прежде всего прийти к убеждению, что изучение литературных и сценических шедевров необходимо для анализа современ-

ного творчества. Именно в них заключена красота, отражается восточное представление о мире, что позволяет нам постичь доселе неизвестную культуру и обогатить собственный творческий арсенал.

Литература

1. Анастасьев А. О китайском театре. – М., 1957.
2. Образцов С. Театр китайского народа. – М., 1957.
3. Гайда И. О народных истоках китайского театра // Проблемы востоковедения. – 1959. – № 1.
4. Серова С. Китайский театр: эстетический образ мира. – М., 2005.
5. Кравцова М. История культуры Китая. – Спб., 1999.
6. Малявин В. Китайская цивилизация. – М., 2000.
7. Федоренко Н. Гуань Хань-цин – великий драматург Китая. – М., 1958.
8. Юаньская драма. – Л., 1966.
9. Сорокин В. Китайская классическая драма XIII – XIV вв. Генезис, структура, образы, сюжеты. – М., 1979.
10. Современная китайская драма. – М., 1990.

*Бохан А. С.
Кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт,
Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў*

ТЭКСТЫЛЬНЫ АРНАМЕНТ У ТРАДЫЦЫЙНЫМ МАСТАЦТВЕ КІТАЯ І БЕЛАРУСІ

Шматлікія народы свету маюць старажытную традыцыю арнаментальнага аздаблення тэкстыльных вырабаў.

Уважлівае стаўленне да архаічнай арнаментальнай традыцыі уласціва і кітайскаму і беларускаму народу.

Натуральна, што вялікая адлегласць і розныя кліматычныя, гістарычныя ўмовы дыктавалі свае асаблівасці развіцця традыцыі аздаблення тэкстыльных вырабаў. Тым не менш, у вытворчасці традыцыйных тэкстыльных узораў мастацтва Кітая і Беларусі можна знайсці падобныя рысы.

Арнамент Кітая і арнамент Беларусі яднае цесная сувязь традыцыйнага мастацтва з міфалагічнымі ўяўленнямі. Менавіта выкананне канонаў пры стварэнні рэчаў, якія адыгрывалі актыўную ролю ў рытуалах, дазволіла доўгі перыяд захоўваць архаічныя знакі, што ўвасаблялі разуменне светабудовы.

Кітай – краіна з найбагатымі традыцыямі ткацтва і вышывання. Вырабамі мастацкай творчасці славяцца такія раёны, як Сучжоў, Хунань, Сычуань і Гуандун. Сваім майстэрствам адметныя пекінскія майстры, а таксама майстры з Вэньчжоў (правінцыя Чжэцзян – вышыванне "оу"), Шанхая (вышыванне "гу"), Кайфэна (правінцыя Хэнань – вышыванне "бянь"). У Шанхаі і Яньтаі развіта вышыванне воўнай, сярод народнасці мяо – вышыўкі "Мяо". Адным з цэнтраў карункавання лічыцца Шаньдун, дзе ствараюцца тусканскія карункі; шырока вядомы таксама плеченыя карункі правінцыі Гуандун і сяюшаньскія карункі правінцыі Чжэцзян. Сваёй вытанчанасцю славяцца кітайская парча, лепшымі відамі якой лічыцца т.зв. воблачная парча, якая вырабляецца ў Нанкіне, сычуаньская парча з Чэнду, сунская – з Сучжоў і парча шэнчжы з Ханчжоў. Не меншай папулярнасцю карыстаецца парча, вытанкая малымі народнасцямі Чжуан, Тай, Тун і Туцзя. [1].

Кітайскія даследчыкі адзначаюць, што, аналізуючы дэкор кітайскага традыцыйнага касцюма, можна вылучыць зааморфны (які ўключае фантастычныя істоты), раслінны, геаметрычны і астральны арнаменты. У аснове ўсіх арнаментаў ляжыць адзіная філасофска-рэлігійная канцэпцыя - адзінства прыроды і чалавека [2, с. 21].

У беларускім традыцыйным арнаменце існуе геаметрычны, зааморфны (у асноўным арнітаморфны), антрапаморфны, раслінны арнамент. У сваю чаргу, геаметрычны арнамент, які складаецца з старажытных графем, утрымоўвае сімвалы, увасабляючыя часава-прасторавыя каардынаты, і сімвалы, якія перадаюць астральныя з'явы, сімвалы плоднасці, звязаныя з аграрнай магіяй.

Бадай, самым істотным адрозненнем у разуменні асноў аздаблення тэкстыльных вырабаў з самых старажытных перыядаў з'яўляецца рознае стаўленне да геаметрычнага і фігуратыўнага арнаменту.

Геаметрычны арнамент Кітая фарміраваўся не так актыўна, як фігуратыўны. Больш за астатнія элементы быў папулярны меандр. Менавіта раслінны і жывёльны свет сталі на працягу тысячагоддзяў асноўнай крыніцай натхнення кітайскага арна-

менту. У часы "Змагаючыхся царстваў" узнік такі тып кітайскага арнаменту: пераплеценыя драконы, размешчаныя гарызантальнымі палосамі. Да таго ж часу адносяцца папулярныя сцэны палявання, змагання, музыцыравання, у якіх задзейнічана мноства чалавечых фігурак. З прыходам будызму адным з улюбёных сімвалаў стаў лотас, іншыя расліны. Хрызантэма пазначала восень, дзікая сліва – зіму. Адзінкавыя іерогліфы ці нават тэкст маглі дадавацца да арнаментальнай кампазіцыі, бо каліграфія ўсё ж з'яўлялася найважнейшым з мастацтваў. Дэкаратыўныя арнаменты Кітая складаныя, рухомыя, менавіта іх мудрагелісты абрыс падказаў выкшталцонныя ўзоры еўрапейскаму стылю ракако [3].

Арнаментыка традыцыйных беларускіх тканін складаецца ў асноўным менавіта з геаметрычных элементаў. Графемы, якія ўтрымлівае геаметрычны арнамент традыцыйнага тэкстылю, прасочваюцца на тэрыторыі Беларусі ў археалагічных помніках каменнага, бронзавага, жалезнага вякоў і ў помніках ранняга сярэднявеччя. Набор арнаментальных сімвалаў застаўся практычна нязменным з часоў неаліту і бронзавага веку, калі ўсталяваліся земляробчыя культы, якія заўсёды ігралі вялікую ролю для насельнікаў Беларусі.

Аздабленне мастацкага тэкстылю Кітая ўяўляе сабой надзвычай складаную з'яву. Кітайскі традыцыйны арнамент – гэта дастаткова шырокае паняцце. Яго карані у глыбокім мінулым, ён утрымлівае і ўзоры малых народнасцей, і прыдворны ўзор, і рэлігійны ўзор. Безумоўна, існуе мноства тыпаў гэтага арнаменту, якія развіліся на працягу гісторыі. Сэнсавая напоўненасць і разнастайнасць формаў кітайскага ўзору шматлікія, аднак, калі гаварыць у цэлым, існуе стылёвае адзінства ўсіх узораў, характэрныя яго асаблівасці – увага да прыгажосці формы і глыбіні сэнсу.

Гэты від найстаражытнай мастацкай практыкі Кітая шмат у чым паўплываў на развіццё тэкстыльных рамёстваў Захаду і Усходу, асабліва шаўкаткацтва. Традыцыйная кітайская вышыўка лічыцца найстарэйшай у свеце, яна з'яўляецца здабыткам нацыянальнай культуры і мастацтва. Некаторымі даследчыкамі адзначалася, што развіццё ткацтва ў Кітаі цесна звязана з навакольным светам чалавека ў гэтай краіне, экалагічным асяроддзем. Калі заходні светапогляд, заснаваны на дасягненнях навукі, скіраваны на пазнанне і змяненне прыроды, то традыцыйнае кітайскае мысленне заўсёды знаходзілася пад уплывам філасофскіх поглядаў аб адзінстве чалавека і прыроды. Гэта вылучае творы кітайскага мастацкага тэкстылю [4, с. 6-7].

І рэальны і міфічны свет знайшлі ўвасабленне ў арнаментальнай традыцыі Кітая. Драконы, коні, птушкі, якія лунаюць паміж кучаравых хмар і гойдаюцца на рытмічных хвалях, робяць так званы "кітайскі стыль" самабытным і пазнавальным. У тэкстыльных арнаментах Кітая фігуратыўныя элементы набываюць надзвычайны дэкаратыўны эфект.

У Кітаі, у адрозненне ад Еўропы, дэкаратыўна-прыкладное мастацтва разглядаецца як асноўны від мастацтва. Галоўнымі якасцямі кітайскага арнаменту з'яўляюцца надзвычайная ўвага да колеру і матэрыялаў, выпрацаванае пачуццё рытму, імкненне да дынамізму і стылізацыі, перавага вобразаў прыроды, скрупулёзнасць выканання.

З моманту з'яўлення кітайскай цывілізацыі мастацтва рэгіёна развівалася па сваім асаблівым шляху, а да часу з'яўлення дынастыі Хань гэты шлях, можна сказаць, падзяліўся на чатыры напрамкі: палацавае мастацтва, арыентаванае на арыстакратыю; мастацтва інтэлігенцыі, вучоных мужоў; рэлігійнае мастацтва, якое сфарміравалася пад уплывам будызму, даасізму і іншых вучэнняў; народнае

мастацтва, гэта значыць – мастацтва сялянства. Нягледзячы на ўсе стылістычныя адрозненні, любы з чатырох прадстаўленых напрамкаў актыўна выкарыстоўваў у сваёй практыцы арнамент.

Цікавае як да эстэтычнага, так і да змястоўнага боку ўзораў сфаріравала эстэтычнае пачуццё кітайскага народа. Разнастайнае мастацтва арнаменту, якое з'яўляецца неад'емнай часткай кітайскай культуры, увабрала ў сябе народную філасофію, традыцыйны лад мыслення, эстэтыку, дасягненні тысячагоддзяў культуры і гісторыі Кітая [4, с. 12].

Кітай – велізарная і этнічна неаднастайная краіна, таму варыяцый тэкстыльнай аздобы такія шматлікія. Ёсць некалькі найбольш цікавых прыкладаў развіцця вышыўкі ў Кітаі.

Адным з яркіх прыкладаў з'яўляюцца так званыя сунцзянскія тканіны – мастацтва народнасці Лі, сярод іх асабліва вылучаюцца пакрывалы з вышытымі феніксамі і галінкамі. Тканіны народнасці Лі таксама называліся «тканінамі з акругі Я», іх бралі ў якасці даніны. У народзе Лі гэтую тканіну называлі «луской дракона»; пры дынастыі Сун лічылася, што кошт тканіны вызначаецца па колькасці колераў, такім чынам, самая дарагая тканіна магла налічваць да ста дваццаці колераў па гарызанталі. Не менш характэрнай з'яўляліся лічацца вышыўкі народнасці Гаошань.

Даследчыкі адзначаюць сувязь традыцыйнай кітайскай вышыўкі з татуіроўкамі, якія захаваліся ў культуры малых народнасцяў Кітая да цяперашняга часу. Падобная традыцыя здаўна існуе ў народаў Лі і Гаошань. У некаторых плямён сувязь ткацтва і татуіроўкі была вельмі цеснай: татуіроўкі на твары жанчыны былі прыкметай майстэрства ткачыні, а некаторыя рабілі татуіроўкі з новымі, самастойна прыдуманымі ўзорамі на грудзях або на сцягне. Шматвяковая традыцыя татуажа ў народаў Лі і гаошань аказала велізарны ўплыў на сюжэты іх вышывак. Па-сутнасці, вышыўкі атрымалі ў спадчыну функцыі татуіровак: глыбокая пашана татэму, задавальненне эстэтычных патрэб, знак племя і г.д. [4, с. 10].

Археалагічныя знаходкі сведчаць пра тое, што на тэрыторыі Беларусі займаліся вырабам тканіны і прадзеннем яшчэ ў перыяд неаліту [5, с. 610]. Продкі беларусаў пачалі асэнсоўваць сусвет менавіта праз элементарныя арнаментальныя знакі. Арнаментам маглі аздабляць прылады працы, побытавыя і культавыя рэчы. Арнамент адзення (для якога ў першую чаргу і вырабляліся тканіны) варта разглядаць як з'яву, што паходзіць з часоў, калі існаваў звычай пакрываць цела знакамі, якія неслі самую розную інфармацыю пра ўзрост чалавека, яго сацыяльны статус і г. д. Развіццё міфалогіі спрыяла з'яўленню сімвалічных вобразаў. Адчуванне прапорцый, сіметрыі нараджалася пад час назіранняў за жывой прыродай, за самім чалавекам і за рытмам чалавечай працы.

Выраб тканін займаў адно з галоўных месцаў у гаспадарцы беларусаў як вытворчасць, звязаная са стварэннем культавых і побытавых рэчаў. У старажытным грамадстве арнаменты не былі проста дэкорам, якім яны сталі пазней. Пэўныя арнаментальныя формы замацоўваліся за родавымі калектывамі, плямёнамі. Паступова арнамент становіўся прадметам мастацкай культуры і пачынаў падначальвацца кананам намернасцяў яе развіцця. Кампазіцыі, якія ўпрыгожваюць адзенне і рытуальныя тканіны, найперш ручнікі, найлепшым чынам захавалі старажытныя матывы дзякуючы таму, што іх аздабленне было строга рэгламентаваным.

Колер з'яўляецца адным з найважнейшых фактараў у арнаменце, якія дазваляюць змяняць унутраны строй узораў, бо дынаміку пабудовы можна вар'іраваць чаргаваннем каляровых спалучэнняў. У тэкстыльных вырабах нараўне з рознымі

спосабамі арганізацыі – рытмам, маштабам – часта менавіта колеравае рашэнне вызначае спецыфіку ўспрымання кампазіцыі арнаментальнага дэкору. У народным тэкстылі і Кітая, і Беларусі характэрныя колеравыя спалучэнні могуць разглядацца як адметная рыса.

Натуральна, што ўстойлівыя колеравыя спалучэнні адрозніваюцца, але існаванне працяглай традыцыі выкарыстання ўстойлівых спалучэнняў ёсць і ў кітайцаў, і ў беларусаў.

Каля чатырох тысяч гадоў таму ў Кітаі вылучыліся асноўныя кананічныя колеры, склалася традыцыя пазначаць колерам кірункі свету: усход – сіні, поўдзень – чырвоны, захад – белы, поўнач – чорны. Таксама склаліся ўстойлівыя спалучэнні: белы – сіні, чырвоны – чорны і г.д.

У Кітаі на традыцыйную колеравую сімволіку наклала адбітак канфуцыянства. Паводле гэтага канона пурпурны колер пазначае цноту, зялёны – гуманнасць, чырвоны – цырыманію і парадак, жоўты – веру, белы – ісціну, абавязак, самаахвяраванне, чорны – мудрасць і веды. Асабліва ярка адлюстравана сімволіка колеру ў адзенні.

Многія сучасныя іерогліфы для апісання адцення колеру ўтрымліваюць корань іерогліфа, якія абазначае шоўк. У працы Шуо Вэн Цзэ Цзы (Тлумачэнне іерогліфаў і выказаў) выкарыстоўваюцца 24 іерогліфы для апісання расфарбовак шаўковай тканіны: чырвоны, зялёны, фіялетава, глыбокі чырвоны (малінавы), бліскучы чырвоны, цёмна-чырвоны (цёмна-фіялетава), светла-блакітны, аранжава-чырвоны, белы і г.д. Усе гэтыя адценні колеру паказваюць, наколькі была развіта вытворчасць шаўковых тканін ў старажытным Кітаі [6].

Вобразна-мастацкая сістэма традыцыйнага беларускага арнаменту, якая грунтуецца на белым, чырвоным і чорным колерах, сведчыць аб выключнай архаічнасці гэтай з'явы. Несумненна, што ў аснове колеравага спалучэння ляжаць агульначалавечыя прадстаўленні ранніх эпох развіцця, але сэнсавое нападзенне колеравай сістэмы надзвычай разнастайнае. Успрымання колеру залежала не толькі ад трансцэндэнтных адчуванняў, але і ад канкрэтных умоў існавання грамадства, спецыфікі вызначаных міфалагічных уяўленняў.

Даследчыкамі арнаменту адзначалася трываласць традыцыі афармлення тканін на ўсёй тэрыторыі Беларусі, адзінства ў тэхнічным выкананні і перавага бела-чырвона-чорных узораў [7, с. 240]. Такая колеравая гама панавала ў дэкоры ручнікоў, ручніковых галаўных убораў, кашуль і фартухоў да сярэдзіны ХХ ст. Паліхромнасць у аздабленні вышыванага адзення, як адзначыў выдатны знаўца традыцыйнага беларускага касцюма М. Раманюк, стала пашыранай толькі ў 1960-я гады [8, с. 28].

Што тычыцца перамен у складзе элементаў арнаменту на працягу вялікага гістарычнага перыяду, можна адзначыць, што ў кітайскім дэкаратыўна-прыкладным мастацтве, у адрозненне ад беларускага, гэтыя змены адбываліся ў відавочнай залежнасці ад палітычных падзей.

Дынастыі Чжоў і Хань заклалі асновы мастацка-дэкаратыўнага афармлення касцюма. Анімістычныя вераванні – абагаўленне міфічных жывёл, з'яў прыроды (грамавы арнамент) і інш. ігралі вядучую ролю ў арнаментальных матывах. Далей склад арнаментальных элементаў і іх трактоўка пастаянна мяняліся. Эпоха Тан замацавала за вобразамі жывой прыроды сацыяльныя функцыі, тады пашырылася тэматыка малюнкаў, адбылася ўніфікацыя вобразаў, прадыхаваная сцвярджаннем цэнтралізаванай дзяржаўнасці. Вобразы жывёл і птушак адпавядалі рангавай

градацыі чыноўнікаў. Мангольская дынастыя Юань прытрымлівалася курсу на зацвярджэнне прывілеяў мангольскага этнасу. І тады традыцыйныя вобразы дракона і фенікса, якія паказвалі на прывілеяваны статус эліты, сталі агульнадаступнымі. Дынастыя Цын, узяўшы за аснову выпрацаваную папярэднімі (кітайскімі) дынастыямі сістэму сацыяльнай іерархіі, замацаваную ў кодавых малюнках, значна ўскладніла яе, дапоўніла вобразамі ўласнай карціны свету. Імператарскімі ўказами строга рэгламентавалася колькасць малюнкаў і іх размяшчэнне паводле статуту, што асабліва выразна выявілася ў кампазіцыі арнаментаў «драконавага халата» [2, с. 21-22].

Малая колькасць іканаграфічных і адсутнасць пісьмовых крыніц не дазваляе дакладна прасачыць трансфармацыі тэкстыльных арнаментаў бронзавага, жалезнага вякоў і ранняга сярэднявечжа на тэрыторыі Беларусі. Але відавочнае падабенства археалагічнага матэрыялу з этнаграфічнымі прыкладамі пачатку XX ст. дазваляюць гаварыць пра надзвычай устойлівы склад арнаментальных элементаў, прынамсі, у аздабленні вясковых тканін. На змены ў трактоўцы арнаментальных элементаў і кампазіцый уплывалі сацыякультурныя працэсы. Аднак перамены ў тыпалогіі і стылістыцы беларускага арнаменту адбываліся надзвычай марудна.

На сённяшні дзень у Кітаі актыўна падтрымліваюць захаванне традыцыйных рамёстваў, у тым ліку і выраб разнастайнага тэкстылю. Асабліва цікавыя прыклады стварэння фальклорных вёсак-музеяў на востраве Хайнань, дзе мясцовыя жыхары знаёмяць турыстаў з ладам жыцця і традыцыйнымі заняткамі карэнных жыхароў. І зараз можна назіраць за віртуознай работай вядомых сваім тэкстылем майстрых Лі і Мяо – найдасканалай шаўковай вышыўкай, батыкам. Традыцыйныя арнаменты гэтых твораў – птушкі, кветкі, жывёлы і краявіды [9].

У Беларусі захаваннем традыцыйнага рамяства займаюцца на самых розных узроўнях. Гэта і педагогі, якія працуюць з моладдзю ў Дамах рамёстваў, гуртках пры Палацах моладзі, школах, і практыкі з цэнтра народных рамёстваў “Скарбніца”, і асобныя майстры, якія захоўваюць традыцыі ткацтва, вышыўкі, пляцення.

Як у Кітаі, так і ў Беларусі форма і змест арнаментаў змяняліся на працягу ўсёй гісторыі іх існавання. Гэтая трансфармацыя адлюстроўвала шматлікія перамены ў ладзе жыцця жыхароў краін. Традыцыі аздаблення тэкстылю сталі важнай часткай культуры. І ў Кітаі, і ў Беларусі працягваюць жыць народныя рамёствы, многія сучасныя мастакі выкарыстоўваюць набыткі продкаў. Сёння традыцыйны нацыянальны арнамент у абедзвюх краінах успрымаецца як мастацкі твор, які нясе ў зашыфраваным узоры функцыю добра, абярэгу, сімвалізуе павязь з продкамі.

Літаратура

1. Китай. Основные искусства и ремесла// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: comradechina.ru/content.php?lv2=55: 07.11.2011.
2. Хэ Чжиюнь. Эволюция китайского традиционного костюма в Северном Китае как репрезентация социокультурных кодов картины мира: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата культурологи/ ДВПИ им. В.В. Куйбышева. – Владивосток, 2010. – 27 с.
3. Влиятельность китайского орнамента// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: uzorvostoka.ru/ornamentyi.../vliyatelnost-kitaysk: 20.11.2011.
4. Тянь Хэ. Система текстильного орнамента в искусстве Китая. Традиции и новации: Автореферат диссертации на соискание учёной степени.

5. кандидата искусствоведения/ Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная Академия им. А.Л. Штиглица. – С-Пб, 2011. –23 с.
6. Дучыц, Л.У. Тканіна / Л.У. Дучыц // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: В.В. Гетаў і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 610.
7. Роль цвета в китайской традиционной культуре //[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/32142/4>: : 20.11.2011.
8. Цітоў, В.С. Народная спадчына / В.С. Цітоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 300 с.
9. Раманюк, М.Ф. Песні і строі Піншчыны / М.Ф. Раманюк, В.Д. Ліцвінка, У.І. Раговіч. – Мінск: Беларускі інстытут праблем культуры, 1994. – 36 с.
10. Фольклорная деревня Ли и Мяо// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hainan-apartment.ru/index.php: 20.11.2011.

Воронович И. Н.

*Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии,
Белорусский государственный университет культуры и искусств*

КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Китайская цивилизация своеобразна и многолика, удивляет и восхищает иностранцев своим особым колоритом, сформированным тысячелетними культурными традициями. Ее история является одной из древнейших и представляет собой совершенно уникальный тип культуры: «...на первом месте всегда была социальная этика и административная практика, а не оторванные от реальности абстракции или индивидуализм. Эталонами для подражания в Китае до сих пор считаются прежде всего те, кто учил жить достойно и в соответствии с принятыми нормами, жить ради жизни, а не во имя блаженства на том свете или спасения от страданий» [1, с. 514].

Своеобразие современной китайской культуры объясняется наличием разнообразных письменных источников, археологических данных, которые воссоздают социально-культурные процессы, политическую жизнь, начиная с глубокой древности. Во многом развитие китайской цивилизации и мировоззрение народа формировалось под влиянием канонизированных древнекитайских текстов религиозно-философского и исторического содержания. Особое место в этой нише занимает учение Конфуция. Каждый человек характеризуется высокой социально-политической активностью, устремлен к достижению счастья и благополучия в реальной земной жизни, которые непосредственно зависят от его собственных усилий. Вовлеченность каждого отдельного индивида в подобные процессы объясняет многочисленные массовые народные движения в истории Китая и высокую социальную мобильность.

Не менее значимым фактором, определявшим своеобразие китайской цивилизации, является многовековое культурное и политическое взаимопроникновение и взаимодействие с многочисленными окружающими азиатскими народами: «свойственная культуре способность к интеграции и ассимиляции разных культурных традиций проявилась не только на уровне внутрикитайских межнациональных взаимодействий. Гунны, тюрки, монголы, маньчжуры, персы, индийцы, арабы, вьетнамцы, корейцы и другие народы Азии сыграли важнейшую роль в истории Китая и оказали влияние на его религию, философию, искусство» [2, с. 5].

Прочные позиции Китая на мировом рынке, летняя Олимпиада 2008 г. в Пекине пробудили к нему огромный интерес у представителей совершенно иных культурных традиций. Особый интерес вызывает изучение китайской цивилизации как дальневосточного типа культуры у студентов в учебном курсе «Культурология».

Поражает абсолютно каждая составляющая этой великой страны: городская и деревенская инфраструктура, повседневный образ жизни, исторические и культурные памятники и т.д.

Городская и деревенская жизнь определяется современными мировыми процессами. Отмечается по-прежнему стремительный рост городов, которые «растут» в основном вверх, поскольку территория земли ограничена. Дома так называемые «хрущевки» сносятся и строятся совершенно новые и модернизированные. 30–40-а

этажные постройки уже никого не удивляют (микрорайоны в Янтае, Даляне, Хербине).

В том числе современная китайская деревня отличается тем, что в ней можно встретить многоэтажные дома (южные территории). Ярким примером может служить самая богатая деревня в Китае Хуаси. В северных и центральных территориях встречаются еще глиняные постройки с земляными полами.

В Китае много городов, население которых составляет несколько миллионов человек. Наиболее крупными считаются Чунцин (30,5 млн.), Шанхай (16,4 млн.), Пекин (13,5 млн.), Чэнду (11,1 млн) и др. Центры крупных китайских городов по своему внешнему виду все больше напоминают европейские и американские города. Отмечается обилие рекламных щитов. Однако сохраняется неповторимый китайский колорит – «узкие, зачастую красивые улочки с традиционными приземистыми постройками, расположенными в маленьких двориках» [3]. Особое внимание со сто-

роны властей отводится финансированию и сохранению исторических памятников, храмов, императорских дворцов и т.д. Весь Китай представляет собой страну исторических памятников.

В традиционной архитектуре можно встретить и европейские постройки (жилые, торговые и общественные здания).

Во внутреннем убранстве китайских квартир прослеживается множество аксессуаров: легкие занавески с иероглифами, маленькие китайские фигурки, красные фонари, китайские зонтики. Пространство напоминает этнокультурную традицию: каждая деталь оригинальна, неповторима.

На улицах городов неимоверное количество спешащих людей. Создается ощущение, что на тебя надвигается людской поток, который подхватывает и уносит в городскую суету. На автомобильных дорогах мчится транспорт (машины, авто-

бусы, троллейбусы, велосипеды и т.д.) и всегда раздастся звук сигнала: чувство постоянного движения и шума. Тротуары улиц заполнены торговыми рядами с овощами, фруктами, предметами одежды, обуви, галантереи и т.п. Розничная торговля является частным делом. Продавцы зачастую не

только торгуют в маленьких лавочках, примыкающих к домам, но и живут в них. Здесь же и располагаются мастерские люди, которые готовы починить обувь, велосипеды и т.д.

В основном это люди, приехавшие из деревень,

маленьких городов и волостных центров. Их жизнь представляется достаточно сложной: работа начинается с рассвета и до полной темноты. Обычно торговец живет и работает вместе со своей семьей, члены которой помогают ему. Рядом могут располагаться братья и сестры с их семьями. Покупателей у них всегда

много и их доход составляет приличную сумму. Однако у них нет полноценного жилья, медицинской страховки, и права на пенсию.

Популярны на улицах китайских городов небольшие ресторанчики, закусочные, кафе бары, а особенно небольшие «едальни», которые расположены на тротуарах, где готовят вкусную традиционную китайскую еду.

Индивидуальная сфера деятельности распространяется на культуру, образование, здравоохранение. Можно встретить небольшие частные библиотеки, кинотеатры, школы, спортплощадки, пункты неотложной медицинской помощи, курсов иностранных языков и т.д. Так, наличие коллективного и индивидуального предпринимательства «рассасывает» избыточные трудовые ресурсы, резко сокращает безработицу, повышает материальный уровень жизни пенсионеров с низкими доходами и одновременно улучшает обслуживание широких масс населения, делает сферу услуг более доступной и разнообразной» [3].

Нельзя не отметить изобилие промышленных товаров в специализированных магазинах и торговых центрах. Большинство товаров произведено по зарубежным лицензиям, соглашениям и на совместном производстве. Весьма популярны товары итальянских, французских, английских, американских и других брендов. Можно купить и оригинальные иностранные товары. Привлекает внимание западных инве-

сторов прежде всего политическая и экономическая стабильность. В стране имеются все наиболее известные западные и японские корпорации и банки.

Популярностью пользуются и заведения быстрого питания, такие как «Макдональдс», «Кентуки». Большие супермаркеты создаются с участием японских, корейских, французских, немецких, английских и других иностранных фирм.

Удивляет умение китайцев сочетать практичность и эстетичность. Например, крупнейший китайский концерн по производству очистителей воздуха, вентиляционных систем, воздухоочистителей, кондиционеров, ванных комнат с подогревом и отоплением, электрических подогревателей Dimnei ничем не напоминает завод в нашем обычном представлении. Его месторасположение напоминает паркообразную территорию.

Качество автомобильных дорог в Китае также заслуживает уважения. Повсеместно взимается плата за пользование шоссе и мостов. На обочинах дорог можно встретить торговцев-крестьян овощей и фруктов, которые они вырастили на своих землях.

В большинстве случаев разница цен на продукты питания между рынком и государственными магазинами не ощущается.

В целом, отмечается повышение уровня жизни китайцев, их материального благосостояния, доходов. Тем не менее, прослеживается процесс расслоения общества, разрыв в доходах. В городах появились очень богатые люди «син фу», «син гуй». Они разбогатели в силу сложившихся ситуаций, их успехи рекламируются, транслируются по телевидению. Поскольку это люди из крестьянских семей, не

имеют образования, однако благодаря своей предприимчивости и успеху смогли достичь высокого финансового уровня.

В повседневной жизни китайцев заметно изменилась манера одеваться (одеваются ярко, стильно и модно). На предметах одежды широко используется символика. Например, студенты носят металлический прямоугольный значок белого цвета, на котором иероглифами изображено название ВУЗа, аспиранты носят аналогичные оранжевые значки, преподаватели – красного.

Испытываешь удовольствие от отсутствия пьяных людей, и практически невозможно встретить курящую женщину. Китайцы внимательно следят за своим здоровьем. День начинается с обязательной зарядки: все выходят на улицу и делают комплекс гимнастических упражнений, ушу.

В то же время существует и серьезная проблема китайских мегаполисов – их загрязненность. Поэтому по-прежнему существуют общественные движения, которые акцентируют внимание на поведение в быту, гигиене и т.п. Требования подобных движений выражаются для китайцев в традиционной манере – «с использованием цифр, например “семь правил поведения в общественных местах”, или “пять не надо”, т.е. то, что, напротив, не следует делать. Во всех этих случаях присутствуют цифровые обозначения» [3].

У китайцев очень развит культ природы, как ни у какого другого народа. Их созерцательно-философское отношение к окружающему миру проявляется в чувстве глубокого поклонения ко всему живому. Они одушевляют растения, птиц, зверей и наделяют их особым характером. Пион

символизирует знатность и богатство, бамбук – скромность и высокую нравственность и т.д.

Абсолютно во всех китайских провинциях находится большое количество заповедников и национальных парков. Все города отличаются наличием большого количества садов, цветников, палисадников, живописных мест на берегах рек и озер, а также потрясающих водопадов. Очень впечатляет, например, парк «Сад скромного чиновника» в г. Сучжоу, которому насчитывают 500 лет. Территория парка простирается на пять гектар с маленькими озерами; мостиками, которые пересекают каналы не по прямой, а зигзагами; дорожками, выложенными из мелкой гальки разных оттенков серого; большим количеством «золотых» рыбок в прудах; цветочными клумбами, которые поднимаются и переплетают деревья; открытыми беседками; изысканной мебелью из лакированного дерева и напольными фарфоровыми вазами.

Беседки, которые имеются в подобных садах и парках имеют свои названия: «зал орхидей и снега», «зал далекого благоухания», «беседка ожидания инея» и др. В таких садах и парках люди наслаждаются красотой природы, облагораживают

душу, проникаются красотой. Данное своеобразие духовного наполнения объясняется осознанием необходимости человека в единении с природой в современной цивилизации.

Не менее яркое впечатление остается от общения с людьми. Невозможно себе даже представить на самом деле как их много. Однако по-прежнему осуществляется политика ограничения рождаемости и одного ребенка в семье: «одна семья – один ребенок». Практически доказано, что данная политика ограничения рождаемости является ошибочной и приносит больше вреда, чем пользы: во-первых, резко увеличилась численность пожилого населения и снизилась молодого поколения, а во-вторых, наблюдается сильный перекося в сторону увеличения числа мужского населения. На протяжении многих лет политика ограничения рождаемости является постоянным предметом споров и научных обсуждений, периодически в СМИ появляются сообщения «об очередном жестоком насильственном аборте или же стерилизации, сделанных женщинам, которые родили или собираются родить ребенка “сверх нормы”» [4].

В 2011 г. увеличилось число новорожденных и в 2012 г. ожидается высокое число рождаемости. Данный факт объясняется с точки зрения древних верований китайцев. Так, рожденные дети в год кролика и год дракона будут обязательно счастливы. Одновременно они столкнутся с рядом проблем такого характера как переполненность групп в садах, школах, университетах и т.д. Что естественно будет требовать от них большого вложения внутренних сил и развивать дух соперничества. В семье же единственный ребенок получает «гипер» любовь со стороны родителей, родственников, его называют «сяо хуанди», то есть «маленький император».

В современном Китае можно встретить молодых людей, живущих в гражданских браках без официальной регистрации, но, тем не менее, отношения между полами остались традиционными. Институту семьи отводится очень важная роль. В последние годы наметилась тенденция более позднего вступления в брак, касается это преимущественно образованных людей. Ребенка заводят на рубеже 30-летия, поскольку стремятся получить ученую степень.

Вечерний Китай ведет не менее активный образ жизни, чем дневной. На улицах звучит эстрадная западная и китайская музыка. На концерты поп-музыкантов собирается до 10-20 тысяч зрителей. Поражают своим величием и вечерние шоу. Например, в знаменитом парке «Millennium city park». Человек оказывается словно в период Северной династии Сун и наслаждается зажиточной, культурной жизнью тех лет. Парк расположен в старом городе Кайфэн (бывший Bianjing) в провинции Хэнань. На территории парка располагается несколько архитектурных комплексов (различные павильоны, башня, радужный мост, магазины и т.д.). В представлении принимает участие огромное количество артистов (более 1000), которые подробно показывают жизнь того периода. Люди-артисты в различных одеждах, указывающих на их социальное положение и профессии, выполняют отведенную им роль в спектакле: акробатические трюки, петушиные бои, кукольные спектакли, сцены свадьбы и др.

По традиции вечернее время китайцы предпочитают проводить в кругу семьи, чтобы всем вместе принять вечернюю трапезу. Особенно интересным оказывается культура еды и чаепития.

Китайская пища достаточно разнообразна. Во время официальных ужинов в честь гостей (а китайцы очень гостеприимны) заказывается не меньше 20 – 25 блюд. Родственники собираются вместе в кален-

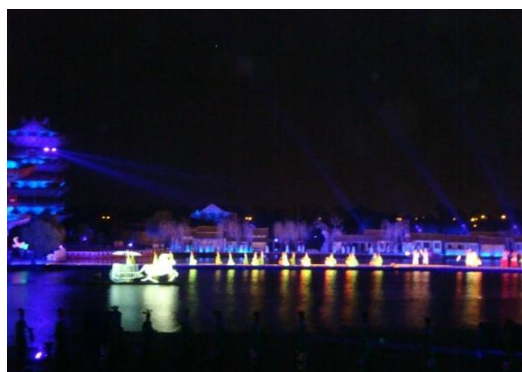
дарные праздники – естественная смена сезонов, связанных хозяйственным циклом (Новый год, «Весна», «Фонари», «Двойная девятка» и другие).

Различные стороны китайской цивилизации представляют собой уникальный тип культуры. Своеобразие последнего, его философия проявляется в соединении Инь и Ян, вертикалей и горизонталей, прямых линий и изгибов, пустоты и наполнения, природы и архитектуры. Возможно, именно обособленность Китая в течение многих веков позволила выработать и сохранить определенные традиции, которые почитаются и в начале XXI в., и, несомненно, становятся предметом изучения у представителей других культур.

Литература

1. Мировая художественная культура : учеб. пособ. / колл. Авт. : Б.А.Эренгросс, В.Р. Арсеньев, Н.Н. Воробьев и др.; под ред. Б.А.Эренгросс. – М.: Высш.шк., 2001. – 767с.
2. Сунь Цянь Китайское танцевальное искусство XX века: взаимодействие национальных и западных традиций / Сунь Цянь. – Минск : Энциклопедикс, 2010. – 200с.
3. Буров, В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого / В.Г.Буров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/405138/>. – Дата доступа: 3.11. 2011г.
4. Политика ограничения рождаемости в Китае является ошибочной, считают ученые [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/39136/4/>. – Дата доступа: 15.11.2011г.

Андреева С. Г.

Кандидат исторических наук, н.с. Отдела Китая

Института востоковедения Российской Академии наук

Российская Федерация, г. Москва

ПРАВОСЛАВИЕ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (XX – XXI ВВ.)

Для понимания сложившейся ныне в Китае ситуации с православием необходимо обратиться к истории.

Как известно, история российско-китайских отношений характеризуется особой спецификой – на протяжении длительного периода межгосударственные отношения России и Китая осуществлялись не через дипломатическое представительство, а посредством религиозного учреждения – Российской (Православной) Духовной Миссии в Пекине (РДМ) (1715 – 1954 гг.).

РДМ – самое первое учреждение миссионерского характера среди тех, которые организовывались российским правительством и русской православной церковью за границей, прежде всего, в странах Востока. В силу различных исторических обстоятельств Православная Миссия в Китае стала не чисто религиозной организацией, но в течение практически 150 лет выполняла функции дипломатического представительства России в Цинской империи. Играя важную роль в сборе политической, экономической и иной информации, она вместе с тем являлась, по сути, научно-исследовательским центром по изучению истории, филологии и культуры Китая, а также сопредельных с ним стран.

До начала XX в. РДМ в Пекине являлась главным православным административным учреждением в Китае. Все вновь открывавшиеся на территории Цинской империи православные храмы (преимущественно в крупных городах, где проживали российские подданные), а также миссионерские станы канонически и юридически подчинялись РДМ и непосредственно ее Начальнику. Начиная с середины XIX в., когда свобода проповеди христианства была официально закреплена международными Тяньцзиньскими договорами, масштабы миссионерской деятельности РДМ постепенно стали увеличиваться, достигнув своего «расцвета» в период пребывания в Пекине 18-ой Миссии (1896-1931) во главе с архимандритом (впоследствии епископом) Иннокентием (И.А.Фигуровским, 1863-1931), однако никогда не достигали подлинного размаха, особенно в сравнении с, например, успехами католических миссионеров. Тем не менее, РДМ имела свою паству, при ней действовали училища, в том числе катехизаторское, появлялись первые священники из китайцев.

В 1902 г. на территории Китая учреждается православная епископская кафедра, и начальник РДМ, архимандрит Иннокентий становится первым православным епископом в Цинской империи с присвоением титула Переславский. Это решение Св. Синода обуславливалось не только стремлением устроить религиозную деятельность российских миссионеров на более прочных канонических началах, но и было связано с образованием в результате начала строительства в 1896 г. в Северной Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) обширного района компактного проживания русских подданных, исповедовавших православие.

В 1907 г. Св. Синод постановил передать православные церкви по линии КВЖД Куанченцзы – Пограничная из юрисдикции епископа Переславского в ведение Владивостокского архиепископа. Таким образом, на территории Китая складывался еще один православный религиозный центр, где основную паству составляли

выходцы из России, и, соответственно, работа православного духовенства здесь была направлена, прежде всего, на исполнение их религиозных нужд.

В силу различных обстоятельств православные миссионеры в Китае достаточно скептически смотрели на возможность обращения населения Цинской империи в православие. Тем не менее, такая работа (в доступных формах и масштабах) велась. Важным направлением этой работы становится охват возможно большей территории Китая миссионерскими станами, деятельность в области образования, подготовка священнических кадров из китайцев. Однако недостаточность финансирования, не всегда должный уровень квалификации российских миссионеров и, тем более, священников из китайцев, а также многие другие факторы не позволяли достигать надлежащей результативности.

Переломным событием в истории РДМ стала Октябрьская революция 1917 г. в России. Фактически с этого момента для Миссии начинается новый этап.

Связь с церковным центром – Московской Патриархией была практически прервана. РДМ в Китае, как и другие зарубежные учреждения Русской Православной Церкви, на основании постановления Патриарха Тихона и Высшего Церковного совета от 1920 г. перешла в подчинение Зарубежного Архиерейского Синода. Определением Зарубежного Синода в 1922 г. была образована новая епархия – Пекинская и Китайская. Ее возглавил начальник РДМ архиепископ (с 1921 г., 1928 г. – митрополит) Иннокентий (Фигуровский). В пределах Пекинской епархии в том же году были образованы викариатства: в Шанхае во главе с епископом Симоном (Виноградовым) и в Тяньцзине во главе с епископом Ионой (Покровским). На территории Маньчжурии была создана также Харбинская епархия (1922), непосредственно подчинявшаяся Зарубежному Синоду и управлявшаяся митрополитом Харбинским Мефодием (М.Л. Герасимов, 1856-1931).

Приоритеты деятельности РДМ существенно изменились. В 1919 г. на территории Китая были закрыты все миссионерские станы. Собственно проповедническая деятельность стала невозможной. Главной задачей для РДМ становится забота об эмигрантах из России.

После смерти митрополита Иннокентия в 1931 г. на его место был назначен архиепископ Симон (С.А. Виноградов, 1876-1933). Но даже краткий период существования 19-ой Миссии (1931-1933) (до смерти архиепископа Симона в 1933 г.) был омрачен конфликтами. С этого времени начинаются разногласия между российским и китайским духовенством.

В 1932 г. по решению Архиерейского Синода архимандрит Виктор (Святин) в Белградском соборе был рукоположен во епископа Шанхайского. А после смерти архиепископа Симона в 1933 г. он возглавил 20-ю РДМ(1933-1956) в Китае.

Епископ Виктор провел ряд энергичных мер, результатом которых стало укрепление административной структуры и финансового положения РДМ как правящего центра епархии Пекинской и Китайской.

В 1937 г. в связи с военными действиями Японии против Китая, в том числе захвата Пекина, деятельность и само существование РДМ были крайне затруднены. А с началом второй мировой войны для русского православного духовенства Китая наступило особенно тяжелое время.

С 1941 г. Православная Церковь в Китае оказалась в изоляции от всего остального православного мира, в том числе и от Заграничного Синода. Ситуация с китайской православной церковью складывалась непросто. Титул епископа Пекинского и

Китайского принадлежал архиепископу Виктору, начальнику 20-й РДМ. Представителем Заграничного Синода в Китае являлся епископ Мелетий (М.В. Заборовский, (1868-1946)), находившийся в Харбине. Харбинская епархия была самостоятельна в своем управлении. А после создания Японией марионеточного государства Маньчжоуго эта епархия как находившаяся за пределами Китайской Республики оказалась практически оторвана от Пекинской Миссии.

По окончании войны в виду отсутствия сведений о Зарубежном Синоде в Харбине было проведено Епископское Собрание по вопросу о вхождении в юрисдикцию Московского Патриарха. Пекинская епархия должна была сама решать этот вопрос, и в 1945 г. архиепископ Виктор согласился принять новую юрисдикцию. [1, с. 90]

При этом возникла сложная юридическая ситуация. Во-первых, не все российское духовенство, прежде всего, в Харбине, приняло юрисдикцию Московского Патриарха. Кроме того, почти одновременно с вынесением решения о принятии Пекинской епархии в ведение Патриарха, в Китае епископом Иоанном Шанхайским (М.Б. Максимович, (1896-1966) рукоположен Заграничным Синодом в 1934 г.) были получены известия о том, что Зарубежный Синод действует.

Так наметилось разделение, приведшее затем фактически к расколу. В 1946 г. епископ Иоанн, оставшийся в юрисдикции Зарубежного Синода, был возведен в сан архиепископа, чем было положено начало самостоятельной Шанхайской епархии. Владыка Иоанн издал указ о том, что он является единственным законным начальником православных церквей Шанхая и перестает подчиняться распоряжениям архиепископа Виктора.

Фактически, на территории Китая образовалось несколько православных центров с различным юридическим и каноническим подчинением, что означало раскол единой системы.

В 1946 г. указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия I архиепископ Пекинский и Китайский Виктор был утвержден в должности начальника РДМ в Китае. В 1947 г. распоряжение аналогичного содержания было издано Архиерейским Синодом Русской православной церкви за границей в отношении архиепископа Иоанна Шанхайского. Китайское правительство в Нанкине признало законным начальником Миссии владыку Иоанна.

В это же время по решению Московского Патриархата в пределах Китая и Кореи был образован единый митрополичий округ с присвоением митрополиту титула Харбинский и Восточно-Азиатский. Управляющим был назначен архиепископ Нестор (Н.А. Анисимов, (1885-1962)).

Патриаршим указом от 1946 г. Митрополичий округ был преобразован в Восточно-Азиатский Экзархат. Патриаршим Экзархом назначался архиепископ Нестор с возведением его в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. РДМ оставалась в непосредственном подчинении Патриархии. Начальником РДМ был утвержден архиепископ Виктор.

Таким образом, образовалось 2 церковных центра – Экзархат в Харбине и Миссия в Пекине. В то же время гоминьдановское правительство Китая признавало законным начальником РДМ архиепископа Иоанна Шанхайского.

С образованием в 1949 г. КНР начинается новый этап истории российского православия в Китае. В качестве главного направления работы была выделена миссионерская работа. Впервые говорилось о необходимости создания Китайской Православной Церкви.

В 1950 г. был решен вопрос о правовом статусе Миссии. Указом Патриарха архиепископ Пекинский Виктор назначался Патриаршим Экзархом Восточно-Азиатского Экзархата и Начальником 20-й Миссии с резиденцией в Пекине. В составе Экзархата учреждалось 5 епархий: Пекинская, Харбинская, Шанхайская, Тяньцзинская и Синьцзянская [1, с. 122].

Также в 1950 г. состоялось возведение в сан первого епископа – китайца. Им стал Симеон (Ду) (был назначен епископом Тяньцзинским, затем распоряжением Экзарха переведен в Шанхай). Это был первый шаг к созданию национального клира, но, одновременно, и база для новых конфликтов между русским и китайским духовенством.

Важно отметить, что в начале 50-х гг. все китайские религиозные объединения сформировали и зарегистрировали свои «патриотические ассоциации», кроме Православной церкви. Епископ Симеон не мог представлять Церковь, не будучи Экзархом, а архиепископ Виктор – поскольку был иностранцем.

Трудности при образовании Китайской церкви были связаны и с малочисленностью китайской паствы, отсутствием китайских приходов, недостатком квалифицированного китайского духовенства и т.д.

В 1954 г. Св. Синод постановил упразднить РДМ в Китае, а вскоре было принято решение об упразднении и Восточно-Азиатского Экзархата [1, с. 140].

Все недвижимое имущество Экзархата подлежало передаче китайскому правительству. Собственность Экзархата в Пекине (Бэйгуань) передавалась Советскому посольству.

Нарастал конфликт между российскими иерархами в Китае и китайским духовенством в лице епископа Симеона (Ду), претендовавшего на пост главы Православной Церкви Китая. Патриархия считала его кандидатуру неподходящей. Было решено назначить на эту должность архимандрита Василия (Яо Шуан), на что 24 апреля 1956 г. было получено согласие китайских властей. 22 мая 1957 г. в Москве архимандрит Василий (Шуан) был возведен в сан епископа Пекинского. Однако по каноническим правилам, глава Китайской Православной Церкви должен был быть избран Поместным Собором, провести который в силу различных обстоятельств оказалось невозможным. Таким образом, создание Китайской Православной Церкви осталось формальным.

Со смертью в середине 60-х гг. и Василия (Шуана), и Симеона (Ду) Китайская Автономная Православная Церковь лишилась своих архиереев. Начавшийся вскоре в Китае период «культурной революции», когда почти все православные храмы были разрушены или утрачены, большая часть национального клира погибла, а православная паства стремительно сокращалась, обусловил фактическое «исчезновение» православия на территории Китая.

Ситуация начала постепенно изменяться в 80 – 90 гг. с введением в КНР курса реформ и открытости. Становилось возможным ведение религиозной жизни и осуществление религиозной деятельности в определенной форме. Стали возрождаться религиозные организации. При этом необходимо сразу отметить, что правительство КНР, постепенно и понемногу «отпуская вожжи» своего контроля в этой области, провозглашая безусловное следование общепринятым принципам свободы вероисповедания и равенства всех религий, все же сохраняет за собой достаточно плотное руководство в данной сфере общественной жизни и деятельности (как, впрочем, и в других сферах). Таким образом правительство стремится сохранять стабильность в столь огромном по численности и разнообразном по национальному, этническому,

религиозному, культурному составу китайском обществе. В настоящее время правительство Китая реализует достаточно серьезные нормативные ограничения в отношении религиозной деятельности нерезидентов в пределах территории КНР.

Высшим правительственным ведомством, осуществляющим административное руководство и контроль в рассматриваемой области, является Государственное управление по делам религий – орган непосредственного подчинения Госсовета КНР [2].

Оно осуществляет свою деятельность через местные административные органы различных уровней. Основными функциями Управления является мониторинг ситуации в стране, изучение и анализ событий и явлений в религиозной сфере, разработка общего правительственного курса в данном направлении; подготовка законопроектов по делам религий, разработка и реализация нормативов и конкретных практических мероприятий, надзор и контроль за исполнением соответствующих законоположений; контроль за учреждением религиозных организаций, содействие их развитию и деятельности в соответствии с законодательством, в интересах государства в целом и непосредственно верующих; руководство деятельностью местных органов, ответственных за работу с религиозными организациями, предотвращение и противодействие возможным нарушениям в данной сфере, препятствование возможному проникновению иностранного влияния через религию и религиозные организации, и т.д. А также, что особенно важно в данном контексте, - осуществление всей административной работы по сотрудничеству с правительствами, религиозными организациями и деятелями других стран, контроль за деятельностью соответствующих ведомств и религиозных кругов в их связях с зарубежными религиозными организациями, а также поддержка и обеспечение надлежащей работы и контактов в религиозной сфере с другими государствами и территориями вне материковой части Китая (Гонконг, Макао, Тайвань) [2].

Необходимо сказать несколько слов о действующем религиозном законодательстве КНР, поскольку именно оно определяет текущую ситуацию с религиозными течениями и организациями в Китае, в том числе нынешний статус православия и его перспективы.

В качестве примера приведем некоторые статьи «Положения по практической реализации законодательства по контролю за религиозной деятельностью иностранных граждан на территории КНР», принятого Государственным управлением по делам религий 26.09.2000. В нем, в частности, присутствуют следующие статьи:

Ст. 16. Иностранные граждане, осуществляющие религиозную деятельность на территории Китая, обязаны соблюдать законодательство и соответствующие нормативы КНР. Иностранные граждане не имеют права вмешиваться в случае учреждения новых или изменения существующих в Китае религиозных общин и мест для религиозной деятельности; не должны вмешиваться в осуществляемый китайскими религиозными общинами процесс отбора, назначения и изменения структуры штата своих служащих. Также иностранные граждане не имеют права вмешиваться или руководить другими внутренними делами китайских религиозных общин.

Иностранные граждане на территории КНР не имеют права учреждать, от чьего-либо имени и в какой-либо форме, религиозные общины, создавать религиозные административные структуры, организовывать места для религиозной деятельности, а также открывать образовательные учреждения религиозного характера или устраивать группы и курсы религиозного обучения и воспитания.

Ст. 17. Иностранцы граждане не имеют право осуществлять на территории Китая следующие виды миссионерской деятельности:

- (1) путем назначения религиозные служителей из числа граждан КНР;
- (2) путем распространения религиозного учения увеличивать количество своих последователей из числа граждан КНР;
- (3) самовольно вести проповедь и проводить службы в местах религиозной деятельности;
- (4) без соответствующего разрешения проводить службы, читать проповеди, устраивать религиозные встречи в каких-либо местах, кроме официально зарегистрированных мест для религиозной деятельности;
- (5) устраивать какие-либо религиозные мероприятия во временных местах при предполагаемом участии китайских граждан, кроме случаев, когда для руководства этими мероприятиями приглашаются священнослужители – граждане КНР;
- (6) производить и реализовывать религиозную печатную, аудио-видео продукцию, электронные издания религиозного характера и иные объекты религиозного назначения;
- (7) распространять религиозные пропагандистские материалы;
- (8) осуществлять иную миссионерскую деятельность в любой форме.

Ст. 18. В случае если какая-либо международная религиозная организация или структура, их сотрудники или члены выражают намерение установить контакты или осуществлять иные виды деятельности в религиозной сфере совместно с китайскими религиозными общинами, религиозными учреждениями и отдельными религиозными деятелями, необходимо обратиться в соответствующее отделение по религиозным делам при народном правительстве провинциального уровня за получением соответствующего разрешения. [2]

Таким образом очевидно, что существуют определенные объективные препятствия и ограничения для деятельности в сфере проповеди православия в Китае, в частности, для работы Русской Православной Церкви, в том числе в порядке содействия процессу возрождения Китайской Автономной Православной Церкви.

Характеризуя нынешнюю ситуацию с православием в Китае, необходимо учитывать следующие моменты.

Прежде всего, вопрос о наличии в Китае православной паствы.

В настоящее время численность православных верующих на территории Китая по разным источникам составляет от 10 до 15 тыс. чел. Расхождения в оценках определяются различными причинами, связанными с очевидной сложностью подсчета, возникающей вследствие неоднородности и недостаточной определенности идентификации представителей населения, которых можно было бы отнести к исповедующим православие. Прежде всего, необходимо отметить, что православные верующие в Китае подразделяются на две категории: русские (как этнические, так и иные, выходцы из СССР, РФ, стран СНГ, идентифицирующие себя с православием), временно или постоянно проживающие на территории Китая, сохраняющие свое гражданство и не планирующие становиться гражданами КНР. Другая категория, представляющая в определенном смысле больший интерес, – это граждане КНР, потомки переселенцев из России и Советского Союза разных волн, а также дети от

смешанных браков (эмигрантов из России и граждан Китая). При этом нужно подчеркнуть, что в настоящее время в силу различных причин прямых потомков эмигрантов уже практически не осталось, поэтому данная категория состоит из так называемых «метисов» различных поколений.

Важно учитывать, что эта категория населения в настоящее время представляет собой одно из официально признанных правительством КНР национальных меньшинств и именуется «Элосыцзу» или «Эцзу» (т.е., «русские»). Это граждане КНР, населяющие некоторые определенные районы страны. Любопытно отметить, что принадлежность этих людей как к русским, так и к православию устанавливается зачастую косвенно и нередко основывается лишь на собственных заявлениях этих людей или кого-либо из предшествующих поколений. В настоящее время местами проживания этого национального меньшинства Китая являются, в основном, Синьцзян-Уйгурский Автономный район (СУАР), а также Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ), где, по сравнению с СУАР, количество русских несколько меньше, однако большая компактность их проживания привела к созданию правительством КНР единственной пока в Китае русской национальной волости Шивэй.

Следует учитывать, что в настоящее время представители этого национального меньшинства уже мало чем отличаются как русские от других граждан КНР. Они практически не знают русского языка и не стремятся его изучать, так как не видят в этом практического смысла. Сохраняются некоторые особенности уклада жизни, а также определенные традиции, так или иначе восходящие к русским корням. В этих условиях фактически единственным реальным средством их национальной самоидентификации как русских становится принадлежность к православию, что, в свою очередь, также связано с рядом объективных проблем.

В настоящее время единственным институтом русского православия в КНР считается Китайская Автономная Православная Церковь. Как видно из приведенных выше статей китайского законодательства, религиозные организации КНР не могут управляться из-за границы. Поэтому присутствие Русской Православной Церкви на территории КНР невозможно. При этом существование КАПЦ представляется формальным, так как она не имеет собственной структуры, иерархии, руководства, персонала священнослужителей и т.д. Китайская Православная Церковь в свое время не создала официальное учреждение типа «Православной патриотической ассоциации» (как это сделали, например, католики («Патриотическая ассоциация католиков Китая» - 1957 г., и другие религиозные общины), призванное служить своего рода организационной структурой, через которую выстраивались бы отношения церкви и государства. В результате Китайская Автономная Православная Церковь, по сути, не признана на официальном уровне как единая юридическая структура. Существуют лишь отдельные приходы в разных частях страны, но, опять же, нечетко и, по большей части, формально.

Существенной является проблема церковного имущества, поскольку вследствие добровольной передачи архиепископом Виктором (Святым) в 1956 г. всего недвижимого имущества церкви китайским властям для национализации ныне Китайская Православная Церковь лишена возможности потребовать возврата этой собственности.

Как известно, практически все православные церкви и храмы на территории Китая в разное время были так или иначе утрачены. В 1990-х гг. была начата деятельность по постепенному восстановлению некоторых храмов.

В конце 90-х гг. в Пекине на территории Посольства РФ в КНР была возрождена практика проведения религиозных богослужений. Одно время они совершались в сохранившемся при Посольстве храме во имя Святителя Иннокентия Иркутского. Теперь же богослужения проводятся в восстановленном в 2009 г. и ныне действующем Успенском храме, имеющем также статус музея. Следует отметить, что православные граждане КНР в виду различных административных ограничений практически не имеют возможности посещать эти службы.

В Шанхае также власти пока не соглашаются передать православным храм для богослужений, прежде всего потому, что здесь нет православной общины, которая обладала бы юридическим статусом. Городские власти Шанхая объявили архитектурно-историческими памятниками и взяли под свою охрану два сохранившихся православных храма – кафедральный собор в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных» и Свято-Николаевский храм. В мае 2010 г. власти Шанхая дали разрешение на временное использование Николаевского храма для совершения богослужений православной общиной иностранцев, проживающих в Шанхае [3].

Некоторые меры по восстановлению православных храмов были предприняты и в указанных выше районах проживания китайских граждан, относящихся к русскому национальному меньшинству КНР (СУАР и АРВМ). Так, на средства китайских властей в 1990 г. были восстановлены Свято-Никольский храм в Урумчи (Синьцзян), однако он остается неосвященным по причине отсутствия священников. В 2000 г. на частные средства одной представительницы прихожан был построен храм Св. Николая в Кульдже (Инин, СУАР). В 2008 г. китайскими властями было заявлено о возможном финансировании строительства православного храма в Чугучаке. В 1990 г. православный храм во имя святителя Иннокентия Иркутского был построен в г. Лабдарин (Эргуна (Аргунь), АРВМ) [3].

Отдельно стоит сказать о ситуации в Харбине – бывшем «русском» городе, имевшем несколько прекрасных храмов. В настоящее время в Харбине формально существуют два православных храма. Прежде всего, это Софийский собор (Храм Софии Премудрости Божией), в 1998 г. отреставрированный местными властями и ныне входящий в список памятников культуры КНР. Сейчас в нем располагается музей, представляющий фотографии с видами «старого» Харбина. Единственным ныне официально действующим православным храмом Харбина является церковь Покрова Святой Богородицы на старом русском кладбище. Службы в нем достаточно регулярно велись до 2000 г., когда были прекращены в связи с кончиной последнего православного священника – китайца иеромонаха Григория Чжу. Формально храм открыт для верующих. С 2010 г. власти Харбина иногда предоставляют возможность проводить здесь богослужения для иностранных верующих, проживающих в Харбине.

В 2003 г. деятельность Русской Православной Церкви была возобновлена в Гонконге. Здесь по благословению Патриарха Алексия было основано Православное Братство святых апостолов Петра и Павла. Целью деятельности Братства является исполнение духовных нужд граждан России, проживающих в Гонконге, а также возможное содействие и поддержка Китайской Автономной Православной Церкви. С 2008 г. определением Синода РПЦ возобновлена деятельность прихода св. апостолов Петра и Павла, существовавшего здесь с 1933 по 1970 гг. Богослужения совершаются в домовом храме на церковно-славянском, китайском и английском языках. В настоящее время этот приход является единственным православным приходом в Китае, имеющим официальный канонический и юридический статус [3].

Самой большой проблемой Китайской Православной Церкви в настоящее время является отсутствие национального клира. На территории Китая сейчас фактически нет православных священников – китайцев. По сути, последним реально действовавшим православным священником – китайцем был иерей Григорий Чжу (Шипу) – настоятель Покровского храма Харбина. С его смертью в 2000 г. проведение богослужений прекратилось. Два шанхайских священнослужителя – священник Михаил Ван (Цюаньшэн) и диакон Евангел Лу – иногда принимают участие в богослужениях, проводимых общиной Русской Православной Церкви для русских и иностранных граждан. Однако, учитывая возраст (обоим за 80), их вряд ли можно считать реальными «кадрами» Китайской Автономной Православной Церкви.

Таким образом, в настоящее время Китайская Автономная Православная Церковь не имеет собственного главы (Предстоятеля), собственных священнослужителей, а также специальных учебных заведений, где можно было бы готовить национальные кадры служения на территории Китая.

В такой ситуации РПЦ, позиционируя себя как Церковь-Мать, предпринимает усилия по оказанию содействия Китайской Автономной Православной Церкви. 7 февраля 1997 г. Священный Синод Русской Православной Церкви постановил в связи с исполняющимся в 1997 г. 40-летним юбилеем дарования автономии Китайской Православной Церкви в более полной мере осуществлять попечение о пастве Китайской Автономной Православной Церкви. Принято было также решение о том, что впредь до избрания Поместным Собором КАПЦ своего Предстоятеля каноническое попечение о приходах на территории КНР осуществляется Патриархом Московским и всея Руси. Последующими определениями Св. Синода попечение о пастве Синьцзян-Уйгурского Автономного Района КНР поручалось клиру Казахстанской митрополии, а об общинах Внутренней Монголии – Читинско-Забайкальской епархии Русской Православной Церкви [3].

Очевидно, что любые реальные шаги могут быть предприняты РПЦ только при взаимодействии с Государственным управлением по делам религий. Определенные контакты в этом направлении уже налажены.

В ноябре 2009 г. делегация Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации при участии представителей Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата посетила Китай по приглашению Государственного управления КНР по делам религий. Состоялись переговоры о развитии российско-китайского сотрудничества в религиозной сфере в соответствии с утвержденными главами двух государств Планом действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2009 – 2012 гг.

В результате состоявшегося в 2009 году визита подписаны два меморандума. Один документ касается общих вопросов развития российско-китайских контактов и сотрудничества в религиозной сфере. Другой определяет порядок обучения китайских православных студентов в духовных школах Русской Православной Церкви. На основании меморандума о взаимопонимании между Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и Государственным управлением КНР по делам религий по вопросам развития российско-китайских контактов и сотрудничества в религиозной сфере была учреждена российско-китайская группа по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере [3].

Таким образом, как представляется, постепенно «разрабатывается» еще одно возможное направление в целях расширения и упрочения внешнеполитических и культурных контактов России и Китая.

Литература

1. Священник Дионисий Поздняев. «Православие в Китае (1900-1997 гг.)», М., 1998
2. Официальный сайт Государственного управления по религиозным делам КНР www.sara.gov.cn.
3. Официальный сайт Московского Патриархата www.patriarchia.ru.

Воробьева С. В.
Кандидат философских наук, доцент,
Белорусский государственный университет

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНФУЦИАНСКОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ

Конфуцианская философия за пять веков до появления христианства обнаружила и зафиксировала структуру личности и поддерживающую ее систему ценностей. Актуальность данного вопроса определяется достигнутыми результатами в области когнитивного и поведенческого моделирования личности в конфуцианской философии. Результаты включают практическое решение проблем, связанных с функционированием личности в языке и социуме. Логико-методологические аспекты моделирования личности касаются двух взаимно обусловленных функциональных структур сознания как динамической модели мира. Одна функциональная структура представляет собой *язык* как средство мышления, вторая – *мышление*, конструирующее собственные версии реальности.

Когнитивное и поведенческое моделирование личности в конфуцианской модели включает *синхронические и диахронические аспекты языка и способы социального мышления*, способные поддержать общезначимые представления о дискурсе [3]. В процессе формирования высказывания в синхроническом аспекте участвуют не только поверхностные, но и глубинные структуры языка. Глубинные множественные структуры проявляются на поверхности в различных логических формах (высказывания, имена, функторы), реализуя свернутые предикативные цепи. Глубинные уровни отделены от сознания личности. Подобные процессы в современной западной философии называют трансцендентными движениями в языке.

В конфуцианской философии значимыми трансцендентными движениями в языке являются этические предикативные цепи. Конфуцианская модель личности максимизировала этические аспекты языка, функционирующие в диахронии, формализовав соответствующие предикативные цепи. Примерами цепей могут служить максимы – схемы, в соответствии с которыми реализуются замыслы коммуникаторов в общении. В частности, согласно максиме одобрения, минимизация неодобрения Другого более значима по сравнению с максимизацией его восхваления. Согласно максиме скромности, минимизация восхваления себя более значима по сравнению с максимизацией неодобрения себя.

В конфуцианской модели личности синхрония связана с носителем языка и проявляется в конструировании с помощью этого языка различных версий реальности. Диахрония языка обусловлена его становлением, которое детерминировано социально-культурными условиями. Исследование синхронии и диахронии языка носит логический характер, так как никакая формализация не может быть нелогической. Именно по этой причине нельзя утверждать, что в древнекитайской философии не было логики. Она была, но, в отличие от европейской логики, исследовала не экстенциональные, а интенциональные (содержательные) структуры языка. Интенциональный характер древнекитайской логики был обусловлен именно ее предметом: язык в диахроническом срезе [1, с. 189-197.].

Содержательные структуры языка обусловлены практикой реальной жизни. Этический контекст использования языка обусловлен логическими параметрами. В рамках конфуцианства был открыт и обоснован практический логический принцип:

противоположности не являются противоречиями, а дополняют друг друга. Приблизительно в таком виде он был сформулирован Н. Бором в контексте квантовой логики и с перспективой применения к диалогу культур. Социальный смысл *уравнивания противоположностей*, обеспечивающего равновесие в обществе и внутреннем мире человека, был раскрыт в древнекитайской философии и логике. В конфуцианстве и даосизме были зафиксированы *пределы когнитивных интерпретаций*, обеспечивающих приспособление человека к внешней реальности. Предельные значения описываются с помощью противоположных категорий ничтожного и великого, ограниченного и бесконечного, расслабленности и воли, неопытной молодости и мудрой старости, порядка и хаоса.

Уравнивание противоположностей как способ влияния на социальные процессы означает, что личность не задана, а формируется в определенном контексте. Личность можно создавать, на личность и ее поведение можно влиять. Например, ключевая противоположность «индивидуальное – коллективное» детерминировала поиск наиболее приемлемых условий существования человека, поддерживаемого соответствующими когнитивными интерпретациями, в которых участвуют язык как инструмент мышления и мышление как способ конструирования реальности. Слишком индивидуалистическое сознание, независимое от сознания других людей, оказывается менее продуктивным, по сравнению с сознанием, ориентированным на Другое. Индивидуализм и тотальная свобода от иного идентифицируются в настоящее время как шизоидное мышление.

В древних китайских трактатах отсутствуют понятия «я», «мое», «мне». Личность тождественна социальной роли. Поддержание высокой степени социальности человека обусловлено необходимостью сильной привязки к другим. Человек свободен свободой других или совместно с другими. Степень социальности человека зависит от его места и роли в обществе, которые определяют силу привязки к другим людям.

В европейской философии XX века одним из ключевых стал вопрос баланса индивидуального и общественного, поскольку решение большинства экономических, политических и иных проблем связано именно с отношением «Я – Другой». Э. Левинас – знаковая фигура в этих исследованиях – подчеркивал, что какими бы ни были решения, резоны следует искать «не в контексте собственной свободы, а свободы других людей». При этом надлежит использовать не индивидуалистическое мышление, а «мышление коллективистское, уравнивающее интериорное (внутреннее) и экстериорное (внешнее)» [7, с. 175]. Это означает, что истинная мораль заключается в несвободе Я от Другого и полной свободе Другого от Я.

В рамках конфуцианского подхода к личности были разграничены *намерения как глубинные цели личности и поведение как поверхностное проявление этих намерений*. В качестве более продуктивного признано коммуникативное воздействие не на поведенческие проявления, а на их глубинные основания, что подтверждается интересом к этическим аспектам функционирования языка. Именно этические формулы позволяют отделить проблемное поведение от позитивного намерения, а затем с помощью «освобожденного» позитивного намерения внедрить альтернативные виды поведения.

С логико-методологической точки зрения конфуцианская модель личности является критической. Критический пафос подтверждается свойственным конфуцианскому подходу поиском недостатков в поведении людей и их идеях, вследствие

чего применяются *логико-методологические категории проблемы, ошибки и решения (результата)*. Критические замечания на уровне глубинных структур можно разделить на онтологические и гносеологические. Критические замечания онтологического характера формулируются в виде экзистенциальных высказываний: «Существует <проблема, ошибка или решение>» или «Не существует <проблема, ошибка или решение>». Критические замечания гносеологического характера связаны с ответом на вопрос «Как?»: «Как мы узнаем об этом, что существует или не существует <проблема, ошибка или решение>?».

Структуру личности поддерживают ценности, составляющие глубинные структуры сознания и выступающие основаниями для намерений человека. На поверхности они определяются как оценка: оценивая другое, человек раскрывает свой внутренний мир и свой характер. Конфуцианская модель личности включает *оценку реализации программных идей*. Оценка – как установление соответствия между решаемой проблемой (реализуемой целью или позитивным намерением) и заключением решения этой проблемы (достигнутыми результатами) – реализуется в языке и в мышлении. Средствами языка как *личностного тезауруса* и мышления как *организатора поведения* выносятся оценка и определяется содержание и сущность последующей критики. Например, на вопрос «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» Конфуций ответил: «Это слово взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе». «В ссоре или конфликте я не отличаюсь от других людей. Но если вы претендуете на привилегированное отличие от меня, то первое, что я сделаю, это постараюсь уйти от конфликта». В соответствии с принципом «ли» каждый должен пойти на компромисс, чтобы реализовать идею взаимности». Принцип «ли» требует исполнения норм и приверженности определенным формам поведения. При этом персональный суверенитет личности определяется правом выбора действий, поступков и жизни в целом.

Критерием оценки и критики в общественной деятельности, согласно конфуцианству, выступает *социальная польза*. Именно полезность и практичность определяют точность и соответствие оценки и критики. Данная определенность не допускает противоречие, свойственное европейской модели личности. Конфуцианская модель личности строится на практической морали. Это означает, что добро и справедливость являются атрибутами человека и конституируют его личность. Если в конфуцианской модели, как и во всей китайской философии, ценностные структуры личности созидают ее когнитивные и поведенческие акты, то в христианстве ценности не отделены от Бога. Христианская нравственность вступает в противоречие с действующей практической моралью, так как мифологический подтекст несовместим с реалиями повседневности и диктуемым образом жизнедеятельности. Например, китайская версия чести обязывает расплатиться за все, западная версия – разрешает конкуренцию и не исключает агрессию. Существует также разница в трактовке обязанностей. Западный человек интерпретирует себя в отношении к прошлому как наследник, житель Поднебесной считает себя должником, что влечет обязанности. Долг обязывает расплатиться, поэтому порядочный человек переживает как оскорбление, так и милость.

Конфуцианская философия была ориентирована, в первую очередь, на вопросы, связанные с социальной организацией общества и необходимыми для этого расчетами и планированием. По этой причине в зоне внимания оказались вопросы, связанные с установлением *общественного согласия*: его сущность, способы достижения, методы преодоления препятствий к его установлению и др. Общественное

согласие составляет цель, к которой должен стремиться человек в социальной коммуникации.

Конфуцианский подход к личности – это поиск условий, необходимых для установления и поддержания общественного согласия. Общественное согласие находится в корреляции с уровнем активного внутреннего протеста, необходимого для предотвращения зла и недопущения насилия в отношении других. Поэтому для установления общественного согласия требовалась система социально-коммуникативных ориентиров, сдерживающих или побуждающих к физической или психической активности. При этом учитывалось, что язык и мышление, управляющие концептуализацией, определяют зону восприятия и детерминируют характеристики объекта, оказавшегося в зоне восприятия.

Концептуализация, реализуемая в коммуникации с помощью языка и мышления, порождает этический контекст. С этической точки зрения конфуцианская модель личности представляет собой доктрину *бесконфликтной морали*. Ее сущность заключается в формализации этических аспектов мысленных отображений реальности, являющихся наиболее гармоничными и продуктивными. Предельным выражением непродуктивности считался конфликт. Вопросы преодоления конфликта в конфуцианской модели личности решаются в контексте отношения обусловливания: поведение человека обусловлено его характером, должный характер обусловлен человеколюбием. Поэтому ключевая максима в поведении: каждый должен сохранить свое лицо в конфликте, для чего исключаются ультиматумы и угрозы.

Конфуций в трактате «Лунь юй» («Беседы и суждения») изложил *образец поведения* («чэнь»), которого должен придерживаться любой человек, а также раскрыл базисную позицию личности – любовь ко всему человечеству («жэнь») – и ее потенциал в формировании характера человека и контроле над внутренними представлениями. В частности, Конфуций подчеркнул: «Тот, кто искренне стремится к человеколюбию, не совершит зла». Человеколюбие является следствием пяти черт характера человека: почтительности, обходительности, правдивости, сметливости и доброты. «Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, то он добивается успехов. Если человек добр, он может использовать других». «Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве, и в семье к тебе не будут чувствовать вражды» [4, с. 522].

Концептуализацией как способом использования языка и мышления определяется конфуцианский интерес к лингвистическим структурам чувственного опыта и к внутренней логике естественного языка, особенно, к именам – языковым выражениям, связывающим язык и реальность. Например, на вопрос «Правильно ли отвечать добром на зло?» Конфуций ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром» [4, с. 532]. В рассуждении о шести пороках Конфуций указывает на когнитивные ошибки, возникающие при нежелании человека осваивать новое. «Любить человеколюбие и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тупости. Любить мудрость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тому, что человек разбрасывается. Любить правдивость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к нанесению ущерба самому себе. Любить прямоту и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к грубости. Любить мужество и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к смутьянству. Любить твердость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к сумасбродству» [5, с. 171].

Интерес к когнитивному и поведенческому моделированию личности был обусловлен обнаруженной *связью между характером человека и внутренней системой его представлений как иерархией предикатов*. Особое значение характеру придавал Сунь-цзы, разработавший характерологический образ полководца и систему контроля над внутренней системой представлений военного деятеля. Согласно его военной доктрине, «полководец, обладающий пониманием преимуществ девяти изменений, знает, как использовать армию». Полководец обладает пятью опасными чертами характера, которые могут повлечь гибель армии или смерть полководца: «Полководец, стремящийся умереть, может быть убит. Полководец, стремящийся жить, может быть пленен. Полководец, легко приходящий в ярость и необдуманно действующий, может быть оскорблен. Полководец, желающий быть добросовестным и чистым, может быть опозорен. Полководец, любящий людей, может оказаться в затруднении» [6, с. 172-173].

В конфуцианской модели личности сформированы *представления о сенситивности характера человека*. Они включают вопросы чувствительности к разным воздействиям (порог раздражительности), астеничности (акцентуации внимания на внутреннем мире, сопровождаемом чувством подавленности и пассивного страха), локализации мышления на утилитарных потребностях, фатализма. Решение этих вопросов осуществляется в плоскости структуры личности, которая обусловлена биологически и социально. От природы люди равны. Биологическое равенство обеспечивается тремя составными частями природы человека («жэнь син»): 1) физиологическими потребностями и соответствующей деятельностью, направленной на их удовлетворение; 2) социальной деятельностью; 3) «оценочным умом». «Оценочный ум» направлен на установление различий в соответствии с кодексом социального поведения и с принципом противоположности: «благородный – подлый», «правильный – неправильный», «достойный – недостойный». Те, кто наиболее эффективно используют социальную деятельность и «оценочный ум», имеют право на установление особых отношений с Небом, закрытых для остальных.

Социальное поведение, основанное на оптимальном функционировании «оценочного ума» или на подражании «образцам», демонстрирующим эффективное использование «оценочного ума», квалифицируется как «высокоморальное». Нормы морали как глубинные структуры сознания становятся приоритетными по отношению к «неморальным» свойствам – уму, знатному происхождению или силе, которые имеют лишь второстепенное значение. Следует, согласно конфуцианским взглядам, с помощью системы образования и самовоспитания активизировать деятельность «оценочного ума». Только это способствует формированию бесконфликтной личности и предотвращению пороков в человеческом поведении.

Таким образом, в конфуцианской модели личности была зафиксирована и обоснована серия вопросов логико-методологического характера, сохранивших свою актуальность до сегодняшнего дня и для многих сфер научного знания. Наиболее значимые из них – это исследование взаимной обусловленности языка, мышления и поведения, а также формализация этических аспектов интеракций, функционирующих в диахроническом аспекте и статистически подтверждаемых воспроизведением в каждом языке.

Литература

1. Воробьева, С.В. Древнекитайская практическая логика и современные социальные технологии / С.В.Воробьева // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. 1.

Ч. 2. / редкол. А.Н.Гордей (отв. Ред.), У Хунбинь (зам. отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2006.

2. Воробьева, С.В. Китайская логика / С.В.Воробьева // Всемирная энциклопедия: Философия. – М.-Мн., 2001.

3. Воробьева, С.В. Логика и коммуникация / С.В.Воробьева. Минск: БГУ, 2010.

4. Конфуций. Беседы и суждения / Конфуций. СПб., 1999.

5. Древнекитайская философия. В 2 т. М. 1972-1973. Т.1.

6. Овчинникова, А.Н. Сунь-цзы «Искусство войны»: опыт смысловой компрессии / А.Н. Овчинникова. // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. 1. Ч. 1. / редкол. А.Н.Гордей (отв. Ред.), У Хунбинь (зам. отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2006.

7. Lévinas, E. Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité / E. Lévinas. Kluwer Academic, 1991.

Гутько О. Л.

Кандидат культурологии, ст. преподаватель кафедры режиссуры обрядов и праздников,

Белорусский государственный университет культуры и искусств

НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Культура Китая объединяет более пятидесяти народов, которые проживали на территории разрозненных государств в период феодальной раздробленности. У каждого этноса был сформирован свой язык и письменность, сложились неповторимые праздничные традиции. Тем не менее, исторические условия не стали помехой к единению народов Китая в нацию, у которой были утверждены общие язык, письменность и государственное устройство. Праздничная культура Китая обладала региональными особенностями, и в то же время был ряд праздников, которые были общезначимы. Концентрируя внимание на исследовании традиций проведения праздников и обрядов, можно утверждать, что они не были подвержены значительным преобразованиям: в каждой провинции праздничные обряды проводились традиционно, не подвергались значительному изменению на протяжении нескольких столетий, в некоторых случаях и тысячелетий. Поэтому в настоящее время можно говорить не о возврате к архаическому наследию китайских народов, а скорее об утверждении принципа творческой интеграции духовной жизни современных цивилизаций, европейской и китайской.

Новогодние праздничные обряды – массовые театрализованные действия, которые проводятся с целью умилоствления духов, которые благоприятствуют будущему урожаю, содействуют рождению потомства и сопутствуют удаче, богатству и другим жизненным благам человека.

Этапы празднования Нового года включают:

- канун Нового года – Малый Новый год (отмечается пятого числа первого лунного месяца);
- праздник фонарей (проводится в тринадцатый день первого лунного месяца);
- Новый год (наступает пятнадцатого числа первого лунного месяца)».

В канун Нового года устраиваются маскарадные шествия с изгнанием нечисти, проходят жертвоприношения предкам и богу домашнего очага. В период Малого Нового года происходит уборка дома, подготовка обрядовой пищи. «После проводов Цзаована (бога домашнего очага) завершали генеральную уборку дома. С этой целью единственный раз в году сдвигали тяжелую мебель и выметали весь накопившийся в помещениях сор, усердно протирали стены и окна, мыли утварь, чистили очаг» [1, с. 25]. Можно говорить, что очищение дома от сора и пыли в соответствии с миропониманием китайцев – это избавление дома от духов, которые его населяют. Духи, населяющие дом, самые разнообразные: как содействующие человеку, так и противоборствующие ему. Существует в китайской мифологии легенда о купце Оумине, который взял в жены дочь подводного царя. Через некоторое время, когда купец разлюбил ее, она исчезла в новогоднюю ночь в нечистотах. Поэтому в народном фольклоре нечистоты в новогодний период прочно отождествились с кладом. «В Фуцзяни нечистоты скрытно выносили в глухое место лишь на пятый день года, а взамен приносили домой камень. Это называлось “добыть сокровище”» [1, с. 48].

Таким образом можно предположить, что уборка китайского жилища – это символическое действие, которое совершается для ритуальных целей. Было принято, что очищению жилища от мусора сопутствовали публичные изгнания нечисти. Тем самым подтверждается мысль, что чистота в китайских домах – это редкое, чаще недопустимое явление. Вытирание пыли и выброс мусора – это изгнание божеств, которые не только мешают достижению счастья, но и благоприятствуют человеку. Поведение китайских студентов, находящихся на обучении в Беларуси, соответствует обозначенному принципу, так как они наотрез отказываются проводить уборку комнат в общежитии, где они проживают.

В канун Нового года считается традицией «украшение входа в дом ветками ели, кипариса или сосны, связанными красными бумажными лентами. Внутри дома на стены помещались новогодние картины (из лубка) с пожеланиями благополучия» [1, с. 27]. Именно декоративное украшение из хвойных веток с декором из ленточек и сувениров приобретает статус традиционного украшения входных дверей в жилых домах, витрин магазинов и пр. Рассматриваемый обычай декоративного оформления имеет под собой не только западноевропейские корни, но и корни восточной культуры.

Одним из главных ритуальных блюд в Северном Китае считаются пельмени с разнообразной начинкой, как мясной, так и растительной. «Обычай предписывал наедаться пельменями до отвала» [1, с. 44]. В прежние времена люди обычно ели мясо лишь в новогодние праздники. Сейчас пельмени, как утверждают сами студенты-китайцы, не считаются обрядовой пищей. Другими словами, пельмени стали повседневной пищей, которая утратила магическое значение в современном китайском социуме. Поэтому можно говорить об ассимиляции рассматриваемого обряда в обычай.

Один из самых красивых обычаев новогодних празднований в Китае – это украшение фонарями дома, его дворовой части и улиц. «Обязательной принадлежностью новогоднего убранства дома были масляные фонари, нередко с начертанными на них «счастливыми» иероглифами» [1, с. 34]. Праздник фонарей проводится в тринадцатый день первого лунного месяца. В ряде районов Китая сохранился старинный обычай строить на праздник фонарей помосты с фигурами зверей и богов, с беседками, пагодами, священными треножниками и прочими сооружениями, изготовленными из разноцветной бумаги и освещенными фонариками [1, с. 70]. Украшение домов и улиц фонарями стало одной из самых оригинальных достопримечательностей туристов, которые привлекают всех на новогоднее празднование в Китай.

Перевоплощение юношей в девушек, детей в старцев – один из самых абсурдных и постоянных признаков обрядовых действий на праздниках не только Китая, но и во всех культурах мира. К примеру, в XIX столетии парни разыгрывали представление, связанное с традицией шествия на «сухопутной лодке». «Несколько веток, покрытых свисавшим до земли куском красной материи, изображали некое подобие лодки. Один юноша, наряженный девушкой, стоял посередине конструкции, другой становился позади него и выступал в роли лодочника. Нижняя часть тела актеров была закрыта занавесом, так что создавалось впечатление, будто они плывут. «Девушка» пела песню, а ее спутник отвечал ей репликами, полными грубоватого народного юмора» [1, с. 71]. Кроме приведенного примера существует обычай обхода домов с чиновником фонарей и его свитой. «В дни праздника чиновник фонарей отправлялся «инспектировать» освещенный огнями город. Шутовского чиновника сопровождали комично одетые воины и дети, изображавшие ученых старцев». Цель

обхода домов заключалась во взимании штрафа в тех домах, где не соблюдался обычай. В описании этого обряда прослеживается перевоплощение человека в новый образ, который чаще всего соответствует его антиподу в обычной жизни. Таким образом, можно подтвердить, что он рассматривается как один из признаков карнавальской традиции, которая свойственна всем народам, населяющим нашу планету.

Танец дракона и танец львов – самые популярные зрелища в Китае на новогодние праздники. Их обобщенный смысл заключается в разрушении или сожжении конструкций, которые олицетворяют эти персонажи. Дракон – это символ зла, мифическое существо, которое стремится поглотить огненный шар, вероятнее всего, солнце, и угрожает прекращением жизни на земле. Львы, в свою очередь, также представлены как отрицательные персонажи, которые символизируют угрозу для людей. В некоторых провинциях львы изображались в масках «кота, собаки, петуха, быка, обезьяны. О связи этого представления с «танцем львов» напоминало лишь то обстоятельство, что все его участники назывались «львами»» [1, с. 73] Каждое новогоднее шествие сопровождалось оглушительными взрывами хлопушек и ракет. Как считают сами китайцы, необходимость взрывов позволяла избавляться от вредоносных духов, которые препятствуют человеческому счастью.

На основании диахронного анализа развития новогодних празднований Китая на основе сравнения с белорусскими традициями новогодних торжеств можно сделать выводы о том, что:

- прослеживается ассимиляция некоторых китайских новогодних обрядов на территории Китая – обрядовая пища не считается запретом в повседневности; в некоторых провинциях Китая танец львов не соответствует изображаемым маскам зверей, хотя название обрядового зрелища остается неизменным;

- используются заимствования китайских и западноевропейских новогодних традиций в белорусской культуре – в новогодние праздники в Беларуси интенсивно применяются китайские пиротехнические изобретения – петарды, хлопушки и ракеты, входные двери домов украшаются новогодними венками из хвойных веток с красными ленточками;

- отмечаются общие универсальные принципы, свойственные всем обрядовым представлениям в мировых культурах. А именно, феномен ряженых – переодевания мужчин в женщин, детей в стариков.

Литература

1. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год : монография / Отв. ред. : Р.Ш. Джарылгасинова, М.В. Крюков. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 264 с.

Баранова А. С.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики,

Минский государственный лингвистический университет

РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Интенсивное развитие международных экономических связей и расширение сотрудничества между странами в различных областях экономики и общественной жизни диктуют необходимость развития культурной компетентности специалистов. Достижение согласий по тем или иным вопросам возможно в результате изучения и принятия особенностей культурных традиций, привычек, способов восприятия и интерпретации событий, религиозных воззрений, другого образа жизни. Целостное постижение другой культуры возможно при глубоком постижении литературы, искусства другой культуры. Так, например, для китайцев, японцев совершенно неприемлемо развитие в ущерб традиционным культурным ценностям, ориентированным в прошлое.

В современном обществе повысились социальные требования к поведенческой, функционально-деловой и эмоционально-нравственной культуре граждан. Приобрели значимость профессионализм и компетентность, здравый смысл, ответственность, корректность. Актуальным стало знание культурного наследия своего народа и народов других стран, в целом культурной компетентности.

Термин «культурная компетентность» ввёл Ю.Е. Прохоров. Среди прочих значений термин означает личностный рост на основе освоения культуры, эстетики. Общекультурные компетенции, выделенные И.А.Зимней, предполагают познание и опыт деятельности в вопросах национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственных основ жизни человека и человечества. Важнейшая часть культурной компетентности определяет общение членов социума, диктуя им определённые ограничения, нормы, правила, ритуалы, обязательные для исполнения в рамках данной культуры. Эти положения с исчерпывающей полнотой раскрыты в конфуцианстве. В учении Конфуция есть суждения об ограничениях, нормах, правилах, ритуалах, эстетике, необходимые для формирования культурной компетентности.

Для современного специалиста важна способность выразить свою точку зрения, обосновать её необходимость в конкретном случае, важно грамотное использование понятий и терминов, соблюдение тона доброжелательности. От специалиста требуется спокойствие духа, умение защищать свои идеалы и предпочтения, немаловажно умение заимствовать лучшие этикетные образцы у других культур и народов.

Конфуцианство учит спокойствию и постоянству, достижению состояния равновесия, в котором можно познать самого себя, свою природу и свой путь.

Сущность конфуцианства состоит в достижении гармонии с самим собой и с окружающим миром. Для этого человеку необходимо 5 постоянных добродетелей:

1. Отношения с другими людьми: совершенный человек стремится быть в гармонии с людьми, жить с ними в ладу.

2. Надлежащий образ действий: совершенный человек знает правила этикета, знает все церемонии и ритуалы, относящиеся к почитанию предков, знает, как сесть, встать, беседовать, ходить, владеть лицом при любых обстоятельствах.

3. Знание: совершенный человек – человек знающий. Цель конфуцианства – постепенное развитие человека до такого уровня, когда выученные правила становятся привычкой. Предметами, которые формируют у человека правильные нравственные привычки, являются история, литература, гражданское право, которые составляли китайскую классику.

4. Состояние духа: совершенный человек должен развить такое состояние духа, которое необходимо, чтобы оставаться верным себе и милосердным к ближним.

5. Постоянство. Достигнув первых четырех добродетелей, совершенный человек их придерживается. Он неизменно добр и полезен. Он прорастил семена добродетели в глубине своей души, находится в гармонии со всем во вселенной. Так как он находится в гармонии с самим собой, он является частью космической гармонии [1].

Самоограничение по Конфуцию воспитывается в процессе взаимного исполнения всеми гражданами установленных ритуалов, народных обычаев и традиций, соблюдения должного правила «ли», которое выше любого общего знания.

Ключевой момент учения Конфуция символизирует китайский иероглиф *Жэнь*, который воплощает великодушие, добродетель и любовь к человечеству. Это очень напоминает христианское понимание милосердия. Конфуций настаивал на важности в повседневной жизни этикета и выполнения традиционных обрядов. Но это выполнение должно быть осмысленным; превращаясь в простую формальность, оно вызывает духовные болезни как личности, так и общества в целом. Целью Конфуция было воспитание *цзюнь-цзы* (благородных мужей), которые жили бы гармоничной и добродетельной жизнью, свободной от тревог и страданий. Главный постулат Конфуция, *Жэнь*, получил множество толкований. Само это слово переводилось по-разному: нравственное совершенство, великодушие, гуманность, милосердие, а то и просто альтруизм. Китайский иероглиф *Жэнь* состоит из двух элементов: «человек» и «два». Человек + два = человек для человечества. Другими словами, *Жэнь* не сосредоточивается на индивидуальной духовной нравственности, он относится к социальному поведению или нравственному характеру, проявляющемуся в публичном окружении. Конфуций раскрыл смысл *Жэнь* в своих «Высказываниях» (или «*Лунь Юй*», часто называемых «Аналектами» или «Суждениями и беседами»): «Когда его спросили, что означает *Жэнь*, Конфуций ответил: «Он означает любовь к окружающим человеческим существам». Позже он развил эту идею: «Есть пять вещей, которые каждый должен включить в исполнение *Жэнь*: почтительность, терпимость, надежность, сообразительное усердие и великодушие. Если человек почтителен, ему не будет грозить высокомерие, если он терпим, он овладеет массами. Если он надежен, люди сами будут доверяться ему. Если он усерден и сообразителен, то добьется результатов. Если он великодушен, то будет достаточно хорош для того, чтобы руководить другими людьми» [1]. Конфуций рассматривал *Жэнь* как часть образования. Другими словами, человека лучше научить такому поведению, нежели он будет учиться ему на собственном опыте. Во времена Конфуция образование считалось скорее обучением тому, как себя вести, нежели приобретением специальных знаний. Конфуций разделял эту позицию. Приобретение знания было мудростью, а не *Жэнь*. Последнее включало в себя не только этику, но и многие традиционные ценности китайцев, особенно почтительное отношение детей к родителям, значившее намного больше, чем просто уважение родителей, и подразумевавшее реализацию целой системы традиционных ценностей и ритуалов.

Конфуций говорил о том, что необходимо возвращать личную способность к добродетели. Она может отличаться у разных людей, но все мы должны возвращать ее, вне зависимости от того, каким нравственным потенциалом обладаем. Возращение добродетели должно стать нашей главной нравственной заботой, неспособность к таковому вызвала озабоченность Конфуция: «Неспособность возвращать добродетель, неспособность размышлять над тем, что узнал, невозможность стоять на том, что точно знаешь, невозможность исправлять свои недостатки — все это беспокоит меня». [2, с. 47]. Добродетель рождает многие хорошие качества: «Добродетель не бывает одинокой, у неё непременно есть соседи» [4, с. 34].

Культурная компетентность предполагает не только широкое образование, знание культуры, обычаев, нравов, традиций народов, но и практическую способность действовать профессионально. Конфуций показал необходимую связь практических способностей и образованности: «Представьте себе человека, который может наизусть декламировать все три сотни поэм из традиционной Книги Песен. Вы дадите ему ответственный пост, но на нем он окажется некомпетентным. Вы пошлете его за границу с дипломатической миссией, но он докажет свою неспособность проявить инициативу. Что пользы от этих поэм, независимо от того, сколько их он выучил наизусть?» [4, с. 82].

В учении Конфуция содержатся советы, помогающие реализовать себя в условиях различных культур: «Если твои речи честны и правдивы, а поступки благородны и исполнены почтительности, то проявишь себя даже в землях варваров. Но как сможешь проявить себя, пусть даже и в родных краях, если речи твои лживы и нечестны, а поступки лишены благородства и почтительности?» [4, с. 98].

Основным залогом достижения Конфуцием своих целей были его педагогические способности. Главная задача его школы состояла в подготовке государственных служащих, которые могли бы пропагандировать его социальные и политические идеи — культивировать человеческое поведение и доброжелательное общение. Он всегда подчеркивал, что цель *Жэнь* — это выгода не одного человека, но общества в целом. «Жэнь возрос настолько, что может принести мир и счастье всему народу». Предполагалось, что эти новые администраторы будут считать свою работу призванием, а не средством собственного продвижения и возвышения. «Позорно делать жалование своей единственной целью». Честный человек не должен бояться бедности. *Жэнь* — важная категория конфуцианской этики, которая означает человеколюбие. *Ли* (буквально «почтительность», «церемониал», «церемонии», «ритуал») — понятие конфуцианской этики, объединяющее широкий круг правил, имеющих целью регулирование отношений между правителями и их подданными, между всеми общественными группами (сословиями, родами, семьями) и внутри их, а также отношений между отдельными людьми [2, с. 191]. Конфуций утверждал: «Если же наставлять людей с помощью нравственных требований и устанавливать правило поведения согласно *ли*, то люди не только не будут стыдиться плохих дел, но и искренне возвратятся на праведный путь» [2, с. 193].

Конфуций отмечал, что почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости. Если государь должным образом относится к родственникам, в народе процветает человеколюбие. Если государь не забывает о друзьях, в народе нет подлости.

Культурная компетентность предполагает широкую образованность. В наше время актуален совет Конфуция «Начинают образование с поэзии, закрепляют его

изучением правил *Ли* и завершают обрядовой музыкой» [2, с. 193]. В процессе формирования культурной компетенции необходимо соблюдать принцип непрерывности. В понимании Конфуция этот принцип означает следующее: «Всё, что видишь, всё, что слышишь, молча откладывая в сердце. Не чувствуй пресыщения от усердного учения, неустанно учи других» [2, с. 195]. Культурная компетентность предполагает не только знание обычаев, традиций, обрядов своей страны и других стран, но и собственные размышления по поводу особенностей тех или иных традиций, обрядов, обычаев. Конфуций утверждал: «Если только учиться и не стремиться к размышлениям, то от этого мало будет толку. А если только размышлять и не учиться, то это приведёт к возникновению сомнений и непостоянству» [2, с. 195]. Конфуций призывал постоянно учиться, «в молчании запоминать, учиться ненасытно и наставлять других без усталости» [4, с. 47].

Конфуций разработал критерии учёности, признаки учёного мужа, принятые в настоящее время во всех культурах: «Учёным может называться человек, стыдливый в своём поведении, способный с честью выполнить приказ правителя во время миссии в чужом краю, названный в роду почтительным к родителям, названный в деревне чтящим старших, его речи всегда искренни, а действия решительны» [4, с. 85]. Учёность тесно связана с человечностью, он думает, заботится, отвечает за других, трудится не покладая рук до последних дней своей жизни: «Учёный человек не может не быть твёрдым и решительным, ибо его ноша тяжела и путь далёк. Ношей ему служит человечность – это ли не тяжесть? Завершает путь, лишь умирая, – это ли не даль?» [4, с. 54].

Учёность несовместима с безнравственностью: «Блистай ты хоть великолепием талантов князя Чжоу, но если скуп ты и заносчив, из остального в тебе будет не на что смотреть» [4, с. 55]. Учёный человек должен быть сдержанным и соблюдать правила ритуала: «Благородный муж, овладевая всей учёностью, тоже может грань не перейти, если будет себя сдерживать правилами ритуала» [4, с. 55]. Конфуций отмечал, что «учёным может называться человек, способный увещать и быть доброжелательным. Он увещает друга и относится с доброжелательностью к брату» [4, с. 87]. Благородного человека отличает чувство долга, ответственности, самопожертвования: «Когда служат государю, относятся с благоговением к своим обязанностям и не придают значения тому, какое получают жалованье» [4, с. 104]. Благородного человека отличает справедливость, малый человек стремится к выгоде: «Благородный муж постигает справедливость, малый человек постигает выгоду» [4, с. 33].

Формирование культурной компетенции предполагает гармоническое всестороннее развитие личности, воспитание меры, умеренности, гармонии. В учении Конфуция отчётливо раскрывается понятие меры, гармонии. В человеке должны сочетаться внутреннее и внешнее: «Суть в простоте затмила лоск, в педанте лоск затмил всю суть, лишь в благородном муже суть с лоском ровно смешаны» [4, с. 44]. Благородный человек принципиален, но не упрям: «Благородный муж твёрд в принципах, но не упрям» [4, с. 104]. У благородного человека слово не расходится с делом: «Он прежде видит в слове дело, а после – сказанному следует» [4, с. 23]. Умеренность, разумные ограничения необходимы для достижения внутреннего спокойствия, душевного равновесия и успехов. Конфуций предлагал практиковать три запрета: «Благородный муж выполняет три запрета: в молодости, когда горячи дыхание и кровь, он избегает наслаждений; в зрелости, когда сильны дыхание и кровь, он избегает ссор; в старости, когда слабы дыхание и кровь, он избегает жадности» [4, с.

107]. Конфуций призывал к сдержанности: «У сдержанного человека меньше промахов» [4, с. 34].

Конфуций придавал большое значение гармонии, но ещё большее значение придавал ритуалу: «Из назначений ритуала всего ценней гармония. Она делает прекрасным путь древних царей, а им следуют в малом и великом. Но и гармония бывает применима не всегда. Если знают лишь гармонию, не заключая её в рамки ритуала, она не может претвориться в жизнь» [4, с. 107]. Ритуал означает разумный порядок вещей, уместность, целесообразность, например, «при исполнении ритуала бережливость предпочтительнее расточительности; на похоронах чувство скорби предпочтительнее тщательности» [4, с. 26].

В процессе формирования культурной компетенции совершенствуется личность. Стремление к совершенству – длительный и сложный процесс. Однако стремление к совершенству – это первый этап. Осуществление совершенных поступков встречается реже, поэтому Конфуций говорит о том, что речи о стремлении к совершенству можно услышать, а совершенные, достойные поступки можно редко увидеть или не увидеть вовсе: «Стремлюсь к хорошему, словно опасаясь его упустить, от плохого же отскакиваю, как ошпаренный». Я встречал таких людей и такие речи слышал. «Живу уединённо в поиске того, к чему стремится сердце; делаю то, что справедливо, и тем самым достигаю своего пути» Я такие речи слышал, но не встречал таких людей» [4, с. 108]. Однако учиться, постоянно добиваться совершенства, дружить приятно: «Не радостно ли учиться и постоянно добиваться совершенства? И не приятно ли, когда друзья приходят издалека? Не то ли благороден муж, кто не досадует, что неизвестен людям?» [4, с. 17]. Конфуций советовал не печалиться о том, «что тебе нет места, а печалься о своём несовершенстве; не печалься, что тебя никто не знает, но стремись к тому, чтоб заслужить известность» [4, с. 32].

В работах Конфуция представлена ступенчатая система достижения совершенства, которая от постоянства ведёт к положительным качествам хорошего человека, благородного мужа, а затем к совершенной мудрости: «Я не надеюсь уж на встречу с человеком совершенной мудрости. Если удалось бы встретиться с благородным мужем, то этого было бы достаточно... Я не надеюсь уже встретиться с хорошим человеком. Если удалось бы встретить обладающего постоянством, то этого было бы достаточно. Трудно тому быть постоянным, кто, не имея, претендует на наличие, пустое выдаёт за полное, нужду считает избытком» [4, с. 50-51].

Культурная компетенция предполагает милосердие, гуманность, уважение к личности. Конфуций наставлял: «Казнить тех, кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие; медлить с приказом и при этом добиваться срочности, значит наносить ущерб; и в любом случае скупиться, оделяя чем-либо людей, значит поступать казённо» [3, с. 56].

В работах Конфуция разработано учение о человечности. На вопрос о том. Что такое человечность, учитель ответил: «Это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд; не делают другим того, что не хотят себе; не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе» [4, с. 75]. Люди высшей мудрости поступают человечно. Конфуций отмечал: «Прекрасно там, где человечность. Как может умный человек, имея выбор, в её краях не поселиться?» [4, с. 30]. Высоко-нравственный человек «даёт другим опору, желая сам её иметь, и помогает им до-

стичь успеха, желая сам его достигнуть» [4, с. 46]. На вопрос о том, что такое человечность, Учитель ответил: «Держать себя с почтительностью дома, благоговейно относиться к делу и честно поступать с другими. От этого нельзя отказываться, даже когда едешь к варварам» [4, с. 85]. У человеческого слово не расходится с делом. Конфуций следующим образом раскрывает понятие человечности: «Кто человечен, тот говорит с трудом», ибо «можно ли без труда сказать о том, что трудно сделать» [4, с. 75]. Благородный, высококультурный человек стремится говорить безыскусно, а действовать искусно» [4, с. 34].

Человечность приносит наслаждение и пользу: «Лишённый человечности не может долго оставаться в бедности, не может постоянно пребывать в благополучии. Кто человечен, для того человечность – наслаждение, а мудрому она приносит пользу» [4, с. 46].

Человечность и жертвенность связаны между собой: «Мужи высоких помыслов и те, кто полны человечности, не согласятся ради сохранения своей жизни нанести вред человечности, но могут лишь пожертвовать собой, чтобы до конца быть человечными» [4, с. 99]. Конфуций ответил на вопрос о том, как обрести человечность. Воспитанию человечности помогает дружба с достойными и человечными людьми: «Ремесленник сначала обязательно наточит инструмент, чтобы успешно выполнить свою работу. Когда живёшь в какой-либо стране, служи лишь наиболее достойным из её сановников и веди дружбу с её самыми человечными мужами» [4, с. 99].

Конфуций утверждал, что человечность не предполагает безрассудства и неразумных действий. На вопрос о том, бросился бы в колодец милосердный человек, узнав, что кто-то из людей, известных своей человечностью, упал в колодец, Конфуций ответил: «Зачем ему так поступать? Ведь благородный муж готов идти на смерть, но оно не может гибнуть безрассудно; его способны обмануть, но сделать из него глупца нельзя» [4, с. 45].

Формирование культурной компетентности предполагает постоянное движение, добродетель, человечность, любовь к искусствам. Конфуций представил идеал саморазвития: «Привязан всей душой к пути, ищу поддержку в добродетели, исполнен веры в человечность, утеху нахожу в искусствах» [4, с. 47]. Однако человечность не означает безрассудства. На вопрос, с кем бы он был, когда б вели войска, он ответил: «Не с тем, кто может броситься на тигра с голыми руками или кинуться в реку, не дожидаясь лодки, и умереть без сожаленья. Но непременно – с тем, кто, приступая к делу, полон осторожности и со своей любовью к составлению планов добивается успеха» [4, с. 48]. Человечность сочетается с твёрдостью, решительностью, простотой, скромностью: «Кто твёрд, решителен, бесхитроу и говорит с трудом, тот близок к человечности» [4, с. 48]. Благородство также сопряжено с участием, с отсутствием пристрастности: «Благородный муж участлив, но лишён пристрастности. Малый человек пристрастен, но лишён участливости» [4, с. 23].

Непременное качество культурного человека – скромность и умеренность во всём: «Он не отказывался от обрушенного риса и измельчённого мяса. Не ел скисающего риса, начавших портиться рыбы или мяса. Не ел пищу с дурным запахом и цветом. Не ел того, что было плохо приготовлено и подано не вовремя. Не ел неправильно разделанного мяса. Не ел без соответствующего соуса. Пусть даже было бы и много мяса, он избегал съедать его больше, чем риса. И лишь в вине себя не ограничивал, но не был пьяным...ел немного» [4, с. 64-65]. Разумное ограничение способствует гармонии и совершенству. Учитель огорчился, когда видел, что «сынки

стали дерзки и фамильярны. Они достигли всяких совершенств, но не умеют себя ограничивать» [4, с. 39].

Формирование культурной компетентности личности ставит задачей избегание грубости, уважение старших, память об умерших, достойное поведение. Конфуций учил: «Какая грубость может быть там, где благородный муж?» [4, с. 60]. Он говорил о том, что надо «на стороне служить князю и сановникам, а дома – своему отцу и старшим братьям; не смей пренебрегать заботой об умерших и пьяным от вина не быть» [4, с. 60].

Нравственность, человечность, милосердие в учении Конфуция сочетается со скромностью: «Разве посмею я претендовать на то, что обладаю высшей мудростью и человечностью? Но я стремлюсь к ним ненасытно, учу других без усталости, вот это лишь и могу обо мне сказать» [4, с. 52]. Скромность тесно связана с милосердием, ответственностью, служением другим, с выполнением долга: «Вот Юй – я в нём не нахожу изъяна. Он питался очень скудно, но богам и духам приносил обильные дары; одевался худо, но на свою ритуальную одежду украшений не жалел; жил в лачуге, но отдавал все силы рытью каналов, чтобы отвести воды потопа. Я в нём не нахожу изъяна» [4, с. 48]. Скромность может сочетаться с раскованностью, но не может сочетаться со спесью: «В благородном муже скромность сочетается с раскованностью, в малом человеке при отсутствии раскованности много спеси» [4, с. 87]. Скромность доставляет удовольствие, так как обеспечивает душевный покой, которого невозможно достичь нечестным путём: «Я радость нахожу и в том, когда живу на отрубях с водой, сплю, подложив ладошку вместо изголовья. Богатство, знатность, обретенные нечестно, мне кажутся проплывшим мимо облаком» [4, с. 49].

Конфуций был великолепным педагогом, и многие его ученики стали весьма успешными администраторами. В работах Конфуция представлен образ учителя. Это ищущий, добродетельный, человечный, высокообразованный человек: «Привязан всей душой к пути, ищу поддержку в добродетели, исполнен веры в человечность, утешу нахожу в искусствах» [4, с. 47]. Его задача и предназначение – «в молчании напоминать, учиться ненасытно и наставлять других без усталости» [4, с. 47]. Конфуций отмечал, что Учителю должны быть «чужды четыре недостатка: склонность к домыслам, излишняя категоричность, упрямство, себялюбие» [4, с. 47]. О результатах деятельности Учителя Конфуций сказал следующее [4, с. 44]. «Если хороший человек учил людей семь лет, их можно посылать в сражение» [4, с. 87]. Предназначение Учителя – учить всех, ему «можно учить всех, не делая различий» [4, с. 104]. Благородного человека отличает уважение к великим людям, учителям, к мудрости: «Благородный муж трижды испытывает трепет: он трепещет перед Повелением Неба, с трепетом относится к великим людям и трепещет перед словом людей высшей мудрости. Малый человек, не зная Повелений Неба, перед ними не трепещет, непочтительно ведёт себя с великими людьми и пренебрегает словом людей высшей мудрости» [4, с. 107]. Учитель сравнивал себя с «драгоценным жертвенным сосудом» [4, с. 35]. Он учил находить хорошее в людях, учиться хорошему у других: «Я непременно нахожу себе наставника в каждом из двоих моих попутчиков. Я выбираю то, что есть у них хорошего, и слеую ему, а нехорошего у них избегаю» [4, с. 50]. Конфуций сформулировал программу обучения: «Учитель обучал по четырём разделам: учёности, поступкам, честности и преданности» [4, с. 50].

Формирование культурной компетенции предполагает культуру общения, воспитание искренности, благородства, справедливости. Конфуций советовал не тратить время попусту в общении с глупым и обогащаться в беседе с умным: «Когда

не говорите с тем, с кем можно говорить, то упускаете таланты; когда же говорите с тем, с кем говорить нельзя, то тратите слова напрасно. Но умный никогда не упускает и не тратит слов напрасно» [4, с. 87]. Благородство предполагает справедливость, искренность: «Благородный муж видит в справедливости неприкрашенную суть. Ритуалы используются, чтобы воплотить её в поступках, смиренность – чтобы дать ей проявиться, а искренность – чтобы достичь в ней совершенства. Благородный муж именно такой!» [2, с. 101]. В процессе общения «встретив достойного человека, стремитесь с ним сравняться; встретив недостойного, вникайте внутрь себя» [4, с. 33]. Важное качество культурного человека – исполнять обещания: «Сначала я общался с людьми так: внимая сказанному, верил, что исполнят; теперь же я веду себя иначе: внимая сказанному, жду, когда исполнят» [4, с. 37]. Культурный человек «говорит ко времени – и никто не устаёт от его слов; смеётся, когда весело, – и никому не докучает его смех; приобретает, если справедлив, – и никого не тяготит его приобретательство» [4, с. 90].

Конфуций проанализировал ошибки, которые допускают в процессе общения. Культура общения предполагает знание, когда уместно говорить и молчать: «Рядом с благородным мужем допускают три ошибки: говорить, когда не время говорить, – это опрометчивость; не говорить, когда настало время говорить, – это скрытность; и говорить, не замечая его мимики, – это слепота» [4, с. 107].

Рассуждая о дружбе, Конфуций назвал три полезных и три вредных друга: «Бывают три полезных друга и три друга, приносящих вред. Полезны справедливый друг, чистосердечный друг, и друг, который много знает. А вредны лстивый друг, двуличный друг и друг красноречивый» [4, с. 106]. Настоящая дружба не приемлет лести, неискренности: «Искусные слова, умильный взор, почтительность сверх меры – всё это вызывало в Цзо Цюмине стыд и вызывает стыд во мне. Дружить с тем, кого втайне ненавидишь, – такое вызывало в Цзо Цюмине стыд и вызывает стыд во мне» [4, с. 39].

Конфуций также определил три полезных и три вредных радости: «Есть три полезных и три вредных радости. Полезно радоваться правильно исполненному ритуалу с музыкой, речам о чём-нибудь хорошем в людях и тому, что дружите со многими достойными людьми. Но вредно предаваться радостям тщеславия, безделья и застолья» [4, с. 106-107].

В процессе формирования культурной компетентности будущие педагоги знакомятся с иерархией культурных ценностей. Конфуций представил иерархию ценностей, которые ведут к совершенству: «Утратят непременно, даже если обретут, то, для чего ума хватает, но человечности, чтобы хранить, недостаёт. Может хватать для этого ума и человечности, но если управлять без строгого приличия, народ не преисполнится почтительности. Когда хватает и ума, и человечности, и правят, соблюдая строгое приличие, но не побуждают к действию при помощи обрядов, то совершенства ещё нет» [4, с. 103]. Человечность для Конфуция значит больше, чем ум, ещё выше стоит разумное управление, но выше всего в системе ценностей стоят обряды, и всё вместе взятое ведёт к совершенству.

Честность, правдивость, справедливость являются общечеловеческими ценностями и ценятся во всех культурах. Культурно компетентный человек правдив и обязателен. Конфуций говорил: «Человеку и не быть правдивым? Не ведаю, возможно ли такое. Если у малой ли, большой повозки не скреплены оглобли с перекладиной, разве на них какая-то езда возможна?» [4, с. 24]. Конфуций создал образ высококультурного человека: «Благородный муж вынашивает девять дум. Когда

глядит, то думает, ясно ли увидел; а слышит – думает, верно ли услышал; он думает, ласково ли выражение его лица, почтительны ли его манеры, искренна ли речь, благоговейно ли отношение к делу; при сомнении думает о том, чтоб посоветоваться; когда же гневается, думает об отрицательных последствиях; и перед тем, как что-то обрести, думает о справедливости» [4, с. 107-108].

Знакомство с учением Конфуция учит уважать собственную культуру, традиции и обычаи других народов, способствует выработке определённых правил общепринятого поведения, пробуждает интерес к различным формам жизни, способствует развитию культурной компетенции будущих педагогов. На современном этапе развития общества конфуцианство играет большую роль в формировании культурной компетенции будущих педагогов, способствует формированию высококультурной, совершенной личности будущего специалиста.

Литература

1. www.confucianism.ru/ режим доступа 5.11.2011
2. Антология мировой философии в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1969. – 576с.
3. Антология мировой политической мысли. Том 1. зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1977. – 831с.
4. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – 958с.

Мацевич М.Я.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет*

Валейтёнок В.В.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и социального управления,
Белорусский национальный технический университет*

СТЕРЖНЕВАЯ РОЛЬ ОБЫДЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В незапамятно древнем нет приёмов, и великая целостность не рассеяна. Когда же великая целостность рассеяна, появляются приёмы.

Ши Тао (рубеж XII-XVIII вв.)

В своей основополагающей составляющей китайцы всегда были коллективистами. И эта парадигма получила широкое признание, применение во многих исследованиях по Китаю [1, р. 753–779]. С другой стороны, китайцы известны как великолепные предприниматели с индивидуалистической хитринкой. Как примирить эти противоречия? Китайский «средний путь», давнее мировоззрение интеграции и гармонии, и есть исток к пониманию этого кажущегося парадокса. В хоровой музыке противоположные голоса на самом деле звучат в гармонии. Подобным же образом в китайской философской традиции «срединный путь» обеспечивает перспективы хорового звучания. В отличие от аналитических притязаний европейского мышления, которое основывается на разбиении целого на части, китайский менталитет берёт за исток интегративную точку зрения, где интеграция – не сумма или комбинация частей (парадигма основана на западной философии), а скорее, – совокупность отношений, в которой все части соединились вместе. Относительно китайской культуры уместно использовать не глобалистскую метафору «плавильного котла», а метафору «салата» (философии баланса и гармонии).

Одна из сильнейших сторон западной культуры – аналитика. Напротив, сила китайского мышления в синтезе и интеграции. Известен китайский термин «вэй-дзи» (кризис, открывающий новые возможности), до сих пор не эффективно используемый в европейских технологиях управления.

Разгадка понимания функционирования простого китайца на уровне повседневности кроется в природе особого восприятия им обыденности, в парадоксальной интеграции, когда две противоположности (например, «я» и «окружающий мир») могут быть взаимозависимыми по своей природе и вместе образуют совокупность (целостную интеграцию), являясь хорошей возможностью для «трансцендирования». Подобное понимание обыденности, склонность к парадоксальной интеграции представляют собой наиболее полную и перспективную форму осознания парадоксальности мира в целом.

«Я научился делать мой взгляд большим, как Вселенная», – пишет Максин Хонг Кингстон [2], – «так, чтобы было место для парадоксов». По сути, понимание

греческого слова «парадокс» как странность, неожиданность на практике и есть следование китайскому «срединному пути». Произшедшее от двух греческих слов, понятие «парадокс» – пункт, для «прошлого» или «вопреки прошлому», «кажимость», зазор в бытии, тривиально трансформированный европейской культурой с течением времени в состояния, отношения, которые за пределами разумного или логики.

Заземление парадоксов посредством философии Аристотеля, Декарта и Ньютона требовало синтаксического разбора явлений во всё меньших и всё более разнородных частях. Тем не менее, формальная логика, основанная на «или/или» мышления, неспособна понять тонкости парадоксальности китайской обыденности.

Пэнг и Нисбетт [3] в своём исследовании расходящихся культурных подходов при анализе противоречий эмпирически показали, что американские участники поляризовали свои взгляды, когда им были представлены два явно противоречивые предложения, в то время как китайские участники, чаще всего выбирали АС-концепции и предложения. В своём объяснении результатов исследования авторы отмечают, что китайские способы борьбы с кажущимся противоречием в конечном результате диалектичны, то есть, они стремятся сохранить основные элементы противоположной перспективы, стремясь к «срединности пути». В то время как западный подход, вытекающие из логики Аристотеля, приводит к поляризации, индивидуализации, интенсификации, конкурентоспособности, консервативной правильности и детерминизму. А Пул и Ван де Вен [4] показали, что «парадокс» может быть разрешён эффективно в исследовании с помощью таких методов, как временное разделение (то, что занимает много времени во внимании респондентов) и пространственное разделение (уровни анализа). Постепенно европейцы начали признавать, что некоторые возможные отношения могут успешно существовать и между противоположностями. В действительности китайский «срединный путь» философски подчёркивает принципиальную целостность в анализе и парадоксальность в сравнении эксклюзивных противоречий и противоположностей, что в конечном итоге оказывается плодотворным источником для продвижения и созидания.

«Срединный путь», «срединное царство» – данные термины очень часто понимаются весьма ошибочно. Иногда думают, что китайцы высокомерно считают себя «превосходными» люди, занимающими центр Вселенной. Недоразумения ещё больше множатся, когда порой собрание изречений Конфуция в Европе переводят как «Книга средств». Философские истоки термина «срединный путь» и стержневой роли обыденности в китайской культуре берут начало от учения таких влиятельных мыслителей как Конфуций и Лао-Цзы. Ими полагаемый смысл слова «средний» передает динамическую концепцию, активную «гармоничную интеграцию» противоположностей. Китайцы считают, что все вещи во Вселенной содержат конкурирующие тенденции и должны быть сбалансированы. Философской основой «среднего царствования» является призыв к поддержанию целостной жизни, уравнивания этих крайностей. Китайская культура и сегодня продолжает уделять большое значение «срединности» пути.

С точки зрения Конфуция, если он (срединный путь) будет достигнут, значит, небо и земля будут на месте, и всё будет расти. Согласно данной позиции, система гармонична только тогда, когда она достигла баланса между парадоксальными тенденциями. Средний путь китайской философии, таким образом, охватывает две противоположные, но взаимозависимые идеи: холизма и парадоксальности.

Знакомство с досократической философией Демокрита (460-360 до н.э.), эксплицирующей стиль западного мышления, предполагает и первоначальное ознакомление с особенностями европейской аналитики. Действительно, греческие корни «анализа» обозначают «ослабление» или «разваливание». В соответствии с этим «атомистский» подход к Вселенной в западной философии в целом отражает конкретное, мозаичное рассмотрение таких противоположных идей, как я и другие, жизнь и смерть, добро и зло. В отличие от вышеизложенного, китайское мышление традиционно приняло интегративную тенденцию. В восточной концепции холизма все вещи в жизни неотделимы от их противоположности. Отдельные элементы рассматриваются как интегрированные части составления космического калейдоскопа: нет картины мира, а есть «салат мира», «мировая мозаика», «калейдоскоп Вселенной».

Краеугольным камнем подобной философии является взаимозависимость отношений, и, таким образом, семьи, духовности, даже социальные связи не рассматриваются как отдельные, скорее, каждый аспект жизни является инертным, спонтанным. Идея самостоятельности «Другого» лежит в основе всей китайской культурной традиции. В китайском мышлении подчёркивается, что я и иные – зависящие друг от друга противоположности, которые могут быть определены только вместе, как часть пары. Таким образом, мысли о себе и других не диаметрально противоположны, но двойственны, не дуальны, а дуалистичны. Эта же идея репрезентирована и в знаменитом китайском выражении: «Смыслом человека является жэнь». С китайской точки зрения, ни одно лицо реально не существует, за исключением отношения к другому. В социальном контексте частных лиц нет, единичное становится частным, подчиняясь всеобщему благу.

В самом деле, понятие взаимозависимых противоположностей встроено в китайском языке. Ряд общих китайских слов состоит из двух символов, которые охватывают противоречивые идеи. Например, иероглиф «много» и иероглиф «мало» в совокупности означают «сколько», а слово «конфликт» может быть выражено путём присоединения символов «копьё» и «щит». Символы «внутри» и «снаружи» вместе означают «во всём мире». Объединение иероглифов «древний» и «современный» отражает понятие «история»; иероглифы формы «жизни» и «смерти» вместе становятся словосочетанием «поворотный момент».

Кризис рассматривается не как непреодолимые проблемы, но в зависимости от преобразований, как процесс, в котором парадоксальное мышление может привести к своевременной самореализации. Есть значительные различия между китайской и европейской интеллектуальной парадигмами представлений о времени и производительности. В китайской культуре время считается циклическим. Вместо того, чтобы следовать друг за другом, как в западном понимании времени, события являются упругими и сосуществуют. Этот целостный взгляд на время занимает центральное место в китайском философском мировоззрении. Долгосрочные перспективы вводятся в контекст большого целого и подчёркивают соединение, систему, а не отдельные моменты. Аналогично, эффективность деятельности оценивается в гармонии и с точки зрения общих достижений, а не согласно западным стандартам производительности, прогрессивности.

Стратегия «срединного пути» чётко обрисовывает контраст между двумя философскими системами: холизм (по сравнению с западным анализом частей) и парадоксальная интеграция (по сравнению с эксклюзивными противоположностями).

Следует, однако, отметить, что практическое применение способа «среднего мышления» не лишено недостатков, особенно с западной точки зрения. Желание гармонии на рабочем месте у китайца часто приводит к компромиссам в сфере получения качественных результатов, компромисс часто означает, что послушание власти, послушание миру берёт верх над конкурентоспособностью и квалифицированностью. Конфуцианские принципы гармонии и холизма весьма абстрактны, они применяются часто только к тем сегментам общества, к которым человек имеет сильную привязанность, таким как семья, община или семейный бизнес. Эгоцентризм является характерной чертой китайского образа жизни, но, в отличие от эгоцентризма европейского, он сосредотачивается вокруг семьи и клана, а не отдельного индивида.

Восточная система мышления содержит полезные инструменты для Запада, стремящегося управлять парадоксами и кризисами. Метафорически, взаимодействие между двумя противоположностями аналогично тому, как молчание и звук танцуют вместе, они неразделимы и не имеют никакого смысла друг без друга. Баланс по существу – в целостности, где все двойственности, полярности, и дополнительные силы находят своё разрешение.

Понимание природы ума является сложной и до сих пор нерешенной проблемой на Западе, но, кажется, есть некоторое общее мнение, что ум должен быть понят с точки зрения таких дефиниций, как мысли, чувства, надежды, страхи, убеждения, ценности, концепции выбора, оценки, и так далее. Вероятно, самой важной проблемой в области европейской философии сознания была связь между сознанием и физическим телом или в современной формулировке, отношения между разумом и мозгом.

Но, что интересно, этот последний аспект не был доминирующим в восточной философии. В поздних версиях китайского чань-буддизма, интерес, как правило, сосредотачивался на двух аспектах ума. Эти два аспекта обычно называют «чистым умом» и «осквернённым умом», в то время как на Западе подобные проблемы пытаются разрешить посредством взаимоотношений между физическим и психическим.

Европейская культура жадно впитала в себя и укоренила понятие «бытие», став пассивной жертвой его семантической роли. В китайской же культуре, например, подобная грамматическая структура вообще отсутствует. Чжан Дун-сунь («Китайская логика», 1969 г.) рассуждал о том, что отсутствие в китайском языке связки «быть» (есть) влечет за собой отсутствие идеи тождества, китайцы интересуются только взаимодействиями и их не «тревожат» субстанции [5, с. 121]. Вместо термина «бытие» китайскому мироощущению свойственно «наличие-обладание», а «небытие» транспонируется в «отсутствие-неимение». Возможно, изначально миру было присуще «бытие-обладание», а далее, уже в процессе эволюции, европейская культура сконцентрировалась на бытии в онтологическом аспекте, восточная культура – на бытии «аксиологическом».

Хотя, в античной философии добро, красота, истина, единое были понятиями одного порядка. Но затем познавательные и оценочные суждения разделились. Оценочная деятельность стала рассматриваться в качестве особого типа деятельности, отличного от познавательной, а иногда и являющейся её условием. В современной культуре, как бы прочно мы не были убеждены в том, что ценности обладают независимой от нас значимостью и придают нашему существованию объективный смысл, чаще всего они доступны простому обывателю лишь постольку, поскольку

обнаруживаются в действительных, гарантированных повседневных и социальных благах.

Теоретический взгляд на ценность должен зависеть от умения пережить нечто как ценное. И так как творчество ценностей прежде знания, то восточная культура и европейская (в ранних периодах развития) имплицитно выступали сотворчеством ценностей. Восток репрезентировал невозможность становления ценности продуктом познавательного процесса. Наоборот, сам познавательный процесс исходил из ценности.

Правда, вера в прогресс, в тотальность рационального устройства мира перестали к концу XX-го века быть всеобщей догмой и для европейской цивилизации. Целый ряд ученых, эпистемологов поставили под сомнение ее кумулятивный характер эволюции. Выяснилось, что прогрессирующая «рационализация», «материализация» отнюдь не являлись нормами порядка вещей, а скорее наоборот, ознаменовали собой разрыв, духовную деградацию. Как подчеркивалось в большинстве работ Р. Генона, то, что «мы» называли Возрождением, Новым временем, на самом деле оказалось профанацией, симуляцией, сведением духа, сакрально истинного знания к низшим уровням эмпирического и аналитического изучения фактов. Кроме того, с появлением А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, А. Камю, М. Фуко дискурс рациональности стал вытесняться дискурсом безумия. Однако на поверку дня и любое индивидуальное, иррациональное сопротивление перестало быть маргинализированным, превращаясь в «сети», среду максимальной множественности и безграничной сингулярности. Граница между рациональным и иррациональным трансформировалась в диалектику дивергенции-конвергенции общества контроля и биовласти.

До недавнего времени материя, рациональность были вполне категориально определены, составляя концептуальный базис многих идеологических учений. Сегодня ученые больше не настаивают однозначно на подобной точке зрения, так как есть бесчисленное множество материальных явлений, которые недоступны нашим ощущениям. Познаваемый объект и окружающая среда не существуют как изначальная заданность, а выступают как продукт «различения».

Китайская философия, как и китайская культура в целом, никогда не знали, что такое «небытие». Небытия нет, есть «сверхнебытие», «отсутствие отсутствующего». В «небытии небытия», как в просвете разверзается, открывается громадное. Здесь имеет смысл зафиксировать момент «полного», «всякого» отсутствия, отсутствие наличия даже каких-либо следов самого отсутствия. Но, отвлекаясь от этимологической путаницы, хотелось бы, особо подчеркнуть существенную значимость самого различия в понимании нюансов отсутствия. Оказывается: можно «просто отсутствовать», можно «отсутствовать в наличии», а может быть и «наличие отсутствия». Подобными «пируэтами» в XX-ом веке и в европейской культуре любил наслаждаться М. Хайдеггер. И эти же «словесные арабески», по мнению авторов статьи, очень многое проясняют, а порой даже и более того, выкристаллизовывают особую нигитологию существования экзистенциалистов.

Форма бытия европейской культуры даёт возможность ускользнуть, даёт возможность быть не выявленным, не схваченным. Тогда как китайское «бытие-наличие» обязательно предполагает самообнаружение, данность, учтённость. Объект может мыслиться просто существующим вне всякой связи с субъектом, но, если он мыслится имеющимся или наличествует, то здесь уже подразумевается его явление субъекту. Имеющееся – это то, что ты сам имеешь [6, с. 124].

Интерпретация «Ничто» в восточной традиции не предполагает онтологического дуализма, дихотомии, хаотической отрицательности. Так, в буддистской философии «Ничто» (шуньята) – исток всех феноменов, нечто, выглядевшее надутым, вздутым, но внутри пустое. Буддистское (махаянское) «Ничто» констатирует отсутствие сердцевины, всё возникает вместе и соразмерно, созависимо, форма есть пустота, а пустота есть форма. Так как нет сердцевины, нет и иерархии сущностей, иерархии феноменальной реальности [7, с. 19].

Что есть обыденность? Ничто. Это – некая реальность, доступная лишь в символическом измерении, но переживаемая самим человеком как нечто первичное, предшествующее объективному опыту и знанию. Иными словами, «обыденность» есть нечто отсутствующее в любой данности и поэтому весьма лелеемое и сокровенное.

В центре любого культурного процесса встаёт проблема символической связи между внешней данностью и внутренними ощущениями простого обывателя. Не случайно в контексте восточной традиции красота выступает динамическим единством сокрытия и выражения.

Практика общения в ходе образовательного процесса с китайскими студентами показала, что творчество в их культуре никогда не выделялось в качестве самостоятельной области исследования. Неразделимость творческого и природно-естественного, творческого и практического воплощается в энергетической непосредственности китайских студентов. Любого из них, в не зависимости от социальной иерархии, с детства, прежде всего, обучают «хитрости». Но дифференциация, именование описываемого явления в контексте «хитрости» происходит с точки зрения западного человека или простого обывателя, а не китайца. Сам же китайский ребёнок ощущает подобное как умение бесконечно быть самоизменчивым, быть «пустым»; в каждой точке пространства, в каждый момент времени претерпевать превращение.

Любой китаец видит мир не через своё отношение к нему, а посредством «духовной затронутости», различных перспектив видения. Сначала он учится видеть мир, как его постигают другие: в традиции, ритуалах, этикете и т.д. Творчество приближается к подлинности. «Непротивление» создает некую творческую атмосферу. Творческий человек ощущает природную ритмичность и произвольность происходящего. Истинное творчество беспричинно и безучастно к внешнему, в нём нет ни неприязни, ни раздражения к большинству, не могущему его понять. Нельзя сказать, что творческий человек полностью равнодушен к общественному мнению, просто оно его не касается. Как соловей поёт свои песни не ради толпы, а потому, что поётся.

Мы не можем сказать, что нечто есть или его нет. Мы изначально обременяем эти утверждения модальностью. Ибо наши «познавательные» усилия – следствия того, что происходит в нас самих. Не только то, что происходит между вещами, но и то, что творится в них, представляет настоящее реальное явление. Наш субъективный мир – единственный случай, в котором мы познаем внутреннюю природу вещи и имеем *cognitionem rei*, а не только *cognitionem circa rem*. Единственный путь составить себе представление о внутренней сущности, природе вещей – это мыслить их по аналогии с нами. Но «значимое» по возможности освобождено от притязаний индивидуального сознания. Оно очищено от субъективности и чисто объективно в той форме, в какой естественнонаучная объективность занимается поиском действительных предметов.

Предметы требуют от нас своего права на осмысление. Оказывается, что предметы – это то, что противопоставляется мне и моим мыслям как трансцендентное. При их опрашивании мы получаем ответ, зависимый от направлений вопроса. И рядом с осознанием физической действительности поднимается вопрос о признании особого статуса значения, должного.

Еще И. Кантом отмечалось, что существование не есть общее свойство всех вещей, и вследствие этого сущее не есть общий род, определяемый этим свойством. Это было знамение разрыва наук о сущем и наук о сущем «как таковом», знамением того, что мы вообще ничего не утверждаем о действительности, а скорее утверждаем нечто об утверждениях о действительности. Существование не является настоящим предикатом. Существование есть определенное свойство понятий, и оно не выражимо реальными предикатами, выражающими свойства вещей.

Вопросы существования – это вопросы существования категориально определённых объектов, образующих соответствующий универсум. Но объекты различных универсумов разнородны; то есть группы взаимоисключающих предикатов, выражающих возможные свойства и отношения объектов данного универсума, принципиально не применимы к объектам другого универсума.

Наивно считать, что люди являются субъектами, которые «провоцируют» творческий процесс в обыденности существования, реально – это она их «провоцирует», чтобы заполнить «нами» свой семантический и прагматический вакуум.

В существующей технически-образовательной системе высокие аксиологические приоритеты и цели больше не имеют смысла, а также, практической значимости. Человек становится обычным средством использования или, что еще страшнее, просто ресурсом, который никогда не иссякает. Граждане автоматически участвуют в марафонском забеге по совершенствованию своего и чужого потенциала, но, объективно, не ради смысла, метафизической сути, а по инерции, ради самого процесса, ради дальнейшего роста. Если в принципе остановиться и задуматься, то, как у простолюдина, так и у «господина», нет особых целей и задач, есть «векторность», но нет реального направления. Точнее, «простолудин» и «господин» равнозначно становятся частью системы, которая никого и ничто не направляет, а лишь стремится к тотальной мобилизации и повышению качества виртуального благополучия, комфортабельности «всего сущего» для нас самих.

В китайской традиции средний уровень мастерства обучаемого – научиться повествованию, риторической завершенности, типизации. Высший же уровень – научиться «преемственности духа». Истинность познания в контексте китайской культуры удостоверяется эмоциональной непосредственностью познающего. В противоположность Индии, Японии, где жизнь является творческим, эстетическим процессом, в Китае творчество является продолжением жизни, «образностью без образов», как у В.В. Розанова, «рукописанием души».

Когда А. Швейцер показывал, что современная европейская культура не несёт в себе этического характера, он апеллировал к тому, что европейская этика занимается «нашим отношением к людям», вместо того чтобы иметь предметом «наши отношения к сущему».

Метафизическое творческое начало в китайской культуре обусловлено онтологизацией творчества. Творческая метафизика не тождественна метафизике творчества. В силу последнего, современный китайский философ Фэн Ю-Лань полагает, что мир только тогда можно осмыслить этически, творчески-духовно, когда этика,

творчество не специфицируются ни предметно, ни методологически, ни категориально.

Таким образом, в китайской культуре обыденность является чем-то, подобным Абсолюту, она произвольна и не подлежит рациональному рассмотрению. Такое понимание обыденности соответствует «контексту предельного смысла» (в терминах П. Тиллиха), который, сам не будучи «смыслом», в перспективе задаёт последовательность всех культурных, семантических констант, в том числе, и иерархию взаимоотношений, иерархию правил коммуникации.

Литература

1. Newman K.L., Nollen S.D. Culture and Congruence: The Fit Between Management Practices and National Culture // *Journal of International Business Studies*. № 27. 1996. P. 753–779
2. Kingston Maxine Hong. *The Woman Warrior*. New York: Vintage, 1975.
3. Peng, K., Nisbett R.E. Culture, Dialectics, and Reasoning About Contradiction // *American Psychologist*. № 54. 1999. P. 741–754.
4. Poole M.S., Van de Ven A.H. Using Paradox to Build Management and Organization Theories // *Academy of Management Review*. № 14. 1989. P. 562–578.
5. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. Лит, 2006. Т. 1.: Философия.
6. Там же.
7. Waldenfels H. *Absolute Nothingness: Foundations for a Buddhist-Christian Dialogue* / trans. J.W. Heisig. New York, 1989.

Шубаро О. В.
Кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет

КОНФУЦИАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Современный этап цивилизационного развития мира сопровождается постоянно обостряющимися конфликтами и кризисами, возникающими то в одном, то в другом регионе планеты. По мере того как на пути к новому международному порядку возникает все больше экономических, политических и иного рода вызовов, все явственнее осознается необходимость поиска мировоззренческой парадигмы, способной привести к созданию гармоничного всемирного сообщества, фундированного на основе проверенных тысячелетиями ценностей.

В этом контексте стоит обратить особое внимание на ценности конфуцианского мировоззрения, позволяющие китайской цивилизации, история которой насчитывает более двух с половиной тысячелетий, при всех ее циклических фазах сохранять преемственность основных традиций, культуры, форм общественных связей. В конфуцианстве, а также в даосизме, буддизме китайское общество находило основные гуманистические принципы, на основе которых развивались традиции поддержания порядка, социальной стабильности, мира и согласия.

Культура Китая — это культура гармонии, согласия, единения. Основные принципы идеологии и религиозных учений Китая заключаются в стремлении поддержания порядка, стабильности и мира. Эти главные традиции конфуцианства и других учений определили специфику китайского мировоззрения как гармоничного комплекса идей, которые, не только не исключали расхождений во взглядах и мнениях, но рассматривали разногласия как основу для выработки мирных методов разрешения конфликтов и противоречий.

Неслучайно конфуцианство приобретает все большую популярность в мире, становится одним из важных символов культуры Востока в глобальном пространстве мировой истории и культуры. Основанная великим мыслителем философская школа конфуцианства на протяжении веков оказывала глубочайшее влияние на различные аспекты общественной жизни древнего Китая, продолжает пользоваться огромным авторитетом у современных китайцев и находит все больше ценителей ее нравственно-этических норм во всем мире.

Конфуций — великий древнекитайский философ, политик и педагог. Его учение во главу угла ставит человеколюбие, из чего следует, что система эффективного управления государством и народом реализуется прежде всего на основе добродетели. В конфуцианстве делается акцент на уважении ритуала и нравственно-этических норм, в основе которых сыновья почтительность и уважение к старшим по возрасту и положению.

Современная история Китая продолжала развиваться на основе конфуцианской модели ценностей. В новейшей истории Китая адаптация «социалистических» или «капиталистических» ценностей осуществлялась с учетом конфуцианских традиций. Реформы, проводимые в разных областях жизни Китая, могли приобретать оттенок, свойственный различным политическим позициям и лозунгам, но в основе своей эти новации фундированы традиционными китайскими ценностями.

Специфика исторического развития Китая заключалась не в подражательности созданной им экономической и социальной модели развития, а в усвоении и

адаптации к своим условиям иного опыта, в своевременном переосмыслении главных традиций и мировоззрения китайского народа. Конфуцианские принципы «работают» и в современных условиях глобализации, поскольку они открыты воздействию многих учений, включая западные представления об историческом развитии или рыночных методах ведения хозяйства. Чем сильнее проявляется внешнее влияние на традиционные китайские структуры со стороны европейской цивилизации, тем более сильной оказывается консолидация социальных сил на основе консервативных традиций китайской культуры и образа жизни.

Следствием подобных установок стали реальные достижения Китая, который в XXI веке демонстрирует высокие темпы роста экономики. Китай можно назвать лидером мирового хозяйственного развития. Соответствующие успехи объясняются тем, что, признавая необходимость следования основным экономическим законам, китайская цивилизация не отказывается от базовой установки – признания в качестве абсолюта законов высшей Мудрости, сформулированных в конфуцианском учении: «Государь обращается с подданными в соответствии с ритуалом, а подданные служат государю, основываясь на преданности» [1, 3-19].

Конфуций рекомендует правителям в отношениях со своими подданными руководствоваться строгими нормами. В этом случае ритуал приобретет обязательный характер, если он будет соблюдаться на самом верху. Те нормы, которых придерживаются верхи, могут охватить все ступени социальной иерархии. Таким образом, смыслом конфуцианского учения является достижение полной социальной гармонии в рамках мудро управляемого государства.

Эта цель достигалась на основе принципа приоритета государства над подданными, коллектива над личностью. Конфуций сравнивает власть с ветром, а народ – с травой: «Вам стоит только захотеть добра, и народ станет добрым. Ведь благие способности совершенного мужа подобны ветру, тогда как благие способности маленьких людей подобны траве, а трава склоняется, когда дует ветер» [1, 12-19].

Но чтобы народ был покорным, власть, с точки зрения Конфуция, должна быть достойной, т.е. как минимум должна быть ненасильственной, а как максимум – руководствоваться человеколюбием: «Если управлять народом посредством распоряжений и наводить порядок посредством наказаний, то народ станет уклоняться от распоряжений и наказаний и утратит стыд. Если же управлять народом посредством силы *дэ* и поддерживать в нем порядок посредством надлежащих норм поведения, то народ сохранит стыд и будет управляем» [1, 2-3].

Конфуций полагал, что всему хорошему в себе, равно как и всему дурному, народ обязан власти. Народ – это «объект воздействия» (травы), а власть – «субъект воздействия» (ветер). Однако идея Конфуция заключалась не в том, чтобы показать зависимость как бесправие народа, а в том, чтобы показать, что уровень духовного, нравственного развития народ зависит от власти; т.е. сделать народ нравственным – это задача власти.

Следовательно, того, кто оказывает народу щедрую помощь, можно назвать мудрым: «Зачем ограничиваться человеколюбием! Не следует ли говорить здесь о совершенной мудрости?» [1, 6-31]. Следует отметить, что традиционный принцип приоритета государственных интересов над личностными сохранился поныне в структуре общественных отношений в Китае. Все преобразования в новейшей истории Китая были направлены на укрепление государственности в рамках конфуцианских построений.

Определяющая роль государства, основанного на сильной централизованной власти, выступает в качестве основы китайской модели и относительной стабильности развития современной китайской цивилизации. В конфуцианской традиции авторитаризм, общество и государство всегда отождествлялись с патриархальной семьей. Знаменитый тезис Конфуция о государстве как большой семье играл большую роль в формировании единства китайского народа. Он означал повиновение власти, необходимость поступаться своими личными интересами ради общих, то есть государственных целей. Залогом вечности Поднебесной империи конфуцианство считало подчиненность низшего высшему: подданного — государю, детей — родителям, жены — мужу и т. д.

В современном Китае государство продолжает оставаться воплощением воли общества, хранителем нравственности и порядка. Возможно, именно иерархичность китайской модели управления во многом способствовала китайскому «экономическому чуду», поскольку дисциплинированность рабочей силы, готовность китайцев безропотно сносить лишения и исполнять приказы стали факторами, которые обеспечили политическую стабильность и высокую производственную дисциплину.

Конечно, нельзя согласиться с тем, что роль государства в современном Китае абсолютна и традиционная модель управления сохранилась в неизменном виде. XXI век отличается огромным количеством различных преобразований, в том числе в системе традиционных мировоззренческих ценностей. В современном Китае наблюдается плюрализм мнений в ходе обсуждения различных национальных проблем и путей политического развития. Большое значение уделяется изучению общественного мнения, в том числе зарубежного, без которого было чрезвычайно трудно выйти на дорогу оптимального перехода к современному уровню требований научно-технической, экономической и социальной жизни. Следствием плюрализма в политической жизни страны является формирование политических группировок и фракций в КПК.

Выработанные в конфуцианстве традиции коллективной ответственности сыграли значительную роль в успешном проведении многих экономических реформ и преобразований в стране. В Китае огромную силу имели семейно-клановые связи, освященные и возвеличенные конфуцианством. Большие кланы, включавшие несколько семей, представляли собой, как правило, мощные и крепкие организации, основанные на принципах солидарности и взаимопомощи. В данной системе общественных взаимосвязей действовал традиционный конфуцианский принцип равных возможностей, заменявший в Китае западные принципы демократии. Этот принцип сводился к тому, что каждый, независимо от своего происхождения, мог стать чиновником и войти в элитный слой китайского общества.

И все-таки главной в конфуцианской доктрине управления была идея о внутреннем самоусовершенствовании человека. Это подтверждают высказывания Конфуция: «Не научившись служить людям, можно ли служить духам?» [1, 11-12]; «Какие трудности могут возникнуть у тебя при управлении государством, если ты сам занимаешься выправлением себя самого? Но если ты не занимаешься выправлением себя самого, то как же ты выправишь других?» [1, 13-13].

Эти высказывания можно интерпретировать следующим образом: не научившись управлять собой, не научишься управлять людьми. Подобное самоусовершенствование достигалось путем нравственного развития на основе соблюдения норм поведения (этикета), которые строились на почтительности и уважении к старшим по возрасту и положению, почитании родителей, преданности государю и т. д.

Основной критерий отношения к людям был выражен Конфуцием в широко известной формулировке: «Не делай другим того, чего не желаешь себе. И тогда не будет обиженных ни в государстве, ни в семье» [1, 12-2].

Современная рыночная экономика Китая развивалась, опираясь на определенные этические нормы. Обогащение справедливо, утверждает китайская мудрость, когда оно достигнуто честно, а не грабежом и обманом. Китайские ученые видят отличительные черты национальных форм перехода к рынку, в отличие от западной модели, прежде всего в соблюдении этических установок, заложенных еще Конфуцием. Это означало, что наряду с соблюдением законов, предприниматели имеют возможность следования лучшим традициям национальной культуры, в основе которой принцип гуманности.

Идея гуманности (*жэнь*) тесно связана с учением о трансформации обычного (маленького) человека в человека преображенного, т.е. в *цзюнь-цзы*, «совершенного мужа». Достижение подобного состояния представлено в конфуцианстве в виде целостной системы. Начало «преображения» в *совершенного мужа* связано с внутренней работой, т.е. с «преодолением себя». Это свидетельствует об изменениях в психологической сфере: «Преодолей себя и обратись к ритуалу. Это и есть гуманность. Если кто-либо в течение одного дня сумеет преодолеть самого себя и обратиться к ритуалу, то [вся] Поднебесная обратится к нему как к человеколюбивому. Ведь [корни] гуманности в нас самих. Разве они в других людях?» [1, 12-1].

Идеи конфуцианского учения универсальны и перекликаются с высказываниями такого духовного лидера, как Будда: «Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой – величайший победитель в битве» [2, VIII-103].

В данном контексте речь идет о преодолении своекорыстия, не преодолев которое, нельзя продвигаться в деле самосовершенствования. После преодоления своекорыстия человек в психологическом плане достигает состояния полного внутреннего спокойствия. В социальном смысле это выражается в том, что человек приобретает способность относиться к другим как к себе самому. Если такой, занятый самосовершенствованием человек, согласовывает свое отношение к другим людям с выполнением необходимых норм, ритуалов, то, попав на государственную службу, он сможет благодетельствовать народ.

Социальный аспект гуманности предполагает, что, в процессе управления «совершенный муж» как бы переносит вовне свой внутренний покой, способствуя созиданию спокойной жизни во всей Поднебесной: «Совершенный муж почтителен и не допускает ошибок. Если он с уважением относится к другим людям, соблюдая при этом надлежащие нормы поведения, то тогда для него в пределах четырех морей все люди – братья» [1, 12-5].

Переход от внутренней гуманности к ее социальному измерению был чрезвычайно важен для китайской культурной традиции, так как люди, лишенные гуманности, не обладали стабильностью поведения, а значит могли явиться источником хаоса и социальной нестабильности. Если человек ведет себя неправильно, то его приказы никто выполнять не будет. И наоборот, те люди, которые достигли самосовершенствования, могут обеспечить стабильность и процветание стране: «Если бы хорошие люди правили государством в течение ста лет, то они могли бы победить насилие и прекратить убийства» [1, 13-11].

В системе воспитания и в процессе самоусовершенствования особое значение имеет сила воли человека: «Совершенный муж, - говорил Конфуций, - не изменяет

гуманности даже в момент принятия пищи. Он должен обладать ею даже во время стихийный бедствий» [1, 4-5]. Тот человек, чья воля устремлена к гуманности, не будет творить зло, так как гуманность отвращает человека от совершения осознанного зла. Сама психологическая установка на достижение гуманности уже дает благотворные результаты, но нужно иметь волю, чтобы следовать по этому пути: «Стойкость и твердость, простота и немногословие приближают человека к гуманности» [1, 13-27].

Китайская цивилизация, с ее традиционным приматом политики над экономикой, в настоящее время успешно справляется с сильным воздействием внешних (в первую очередь, западных) факторов, влияющих на внутренние процессы развития. В этом контексте одной из первостепенных задач государства является осуществление синтеза традиционных и современных основ развития. Китайское общество успешно впитывает и перерабатывает практически все западные современные достижения экономического и технологического характера. К началу XXI века в стране сформировалась эффективная информационно-аналитическая база. Следует отметить, что освоению новейших достижений способствовали и старые конфуцианские традиции бережливости и качественного труда, умение органично использовать старые вещи и опыт прошлого.

Защитники традиционных ценностей китайской культуры и опыта конфуцианства не без основания утверждают, что именно конфуцианская модель ценностей способствовала процессу модернизации страны, потому что в ней делается акцент на нравственном воспитании человека, актуализируется идея сплоченности людей, подчеркивается значимость социального долга и личной ответственности каждого за положение дел в стране.

Одной из главных установок в современном развитии Китая является необходимость сочетания традиций и новаций, восточной и западной моделей развития общества и культуры. Китайское руководство ориентировано на создание условий открытости китайской экономики и китайского общества в целом. Китайская экономика является одной из ключевых и, пожалуй, самой динамично развивающейся в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, можно сделать вывод, что Китай достойно ответил на вызов, брошенный временем, реализовав сложнейшие задачи в экономической и социальной сфере и достигнув уровня крупнейших мировых держав. Значительную роль в этом процессе сыграло гармоничное сочетание национальных ценностей традиционной китайской культуры, особенно ценностей конфуцианства, с приоритетными достижениями мировой экономики и культуры.

Литература

1. Лунь юй // Мартынов, А.С. // А.С. Мартынов / Конфуцианство. «Лунь юй». В 2 т., СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.- Т.2.- С.209-370;
2. Дхаммапада // Буддизм. Четыре благородных истины, М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999.- С.41.

Жарко С. Б.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и Украины исторического факультета,
Белорусский государственный университет*

Кудрявцева М. Г.

*Студентка исторического факультета,
Белорусский государственный университет*

МАРКО ПОЛО: 24 ГОДА В КИТАЕ

Целью статьи является изложение жизни путешественника Марко Поло в Китае, освещение такого вопроса, как место европейца при дворе хана Хубилая и рассмотрение сведений о Китае в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло. Актуальным является решение вопроса о том, был ли Марко в Китае, т.к. в среде ученых в последнее время возникают мнения о том, что Марко не посещал Китай.

Жизнь выдающегося путешественника Марко Поло полна загадок, вызывая интерес к своей личности во все времена. Популярность Марко, несомненно, связана с выпавшими на его долю приключениями. «С тех пор, как Господь Бог собственными руками сотворил Адама, нашего праотца, и Еву, и доныне не было такого христианина, сарацина, язычника, татарина или индийца, или иного какого человека из других народов, кто видел бы разузнавал бы и знал столько о различных частях мира о великих диковинах так же точно, как господин Марко Поло; никто другой не путешествовал столько и ни у кого другого не было столько возможностей видеть и знать» [1, с. 69].

Своего отца Марко впервые увидел в 1269 году в возрасте пятнадцати лет, когда отец Никколо и Маттео – дядя Марко, вернулись на свою родину в Венецию из Китая, уже к тому времени побывав при дворе великого хана Хубилая. По просьбе хана Никколо и Маттео должны были привезти из Иерусалима елеса от Святого Гроба Господня и сотню христиан, но в связи с тем, что в это время умер папа Климент IV, они, так и не дождавшись избрания нового главы Римской католической церкви, вынуждены были самостоятельно отправиться в Иерусалим, заручившись лишь поддержкой папского легата. Так для Марко Поло началась новая жизнь, поскольку решено было взять с собой оставшегося без матери к тому времени мальчика. Семейство Поло отправилось в обратный путь в 1271 г. К счастью путешественников, именно этот папский легат в скором времени и был выбран новым папой под именем Григорий X. Понтификом была обдумана миссия в Китай с целью его христианизации, для чего вместе с семейством Поло было отправлено два монаха «действительно самых ученых и достойных во всей провинции» [2, с. 52]. «Одного звали брат Николай из Виченцы, другого – брат Гильом из Триполи» [2, с. 52]. Однако в Армении эти два монаха вынуждены были отказаться от выбранного пути.

Весь путь, который прошел Марко Поло, описан в его книге, названной «Книгой о разнообразии мира». Из нее можно узнать о тех событиях, которые подстерегали на пути семейство Поло и то, что представляли собой города, народы и уклад жизни людей, встречающихся на пути странникам.

В 1275 году семейство прибывает в первый китайский город Шачжа, который в книге Марко Поло назван Сасион. В этом же году они добираются до летней резиденции великого хана в Шаньду. В своей книге Марко Поло так описывает встречу

с Хубилаем: «Увидел великий хан Марко – а тот тогда был молодцом – и спросил: «Это кто?» «Государь, – отвечал Николай, – это мой сын, а твой слуга». «Добро пожаловать», – сказал великий хан» [3, с. 18].

Далее Марко Поло подробно описывает летнюю резиденцию хана в Шаньду, указывая на то, что хан живет здесь только три месяца: июнь, июль и август.

В целом же следует отметить, что Марко Поло дает подробное описание жизни средневекового Китая. Из его книги можно узнать о том, что хан любит охоту, держит зверей и птиц. Кроме всего прочего, Марко дает и биографическую справку о хане, рассказывая про его предков и так же про борьбу, которую вел хан со своими родственниками. Кроме описания внешности хана Хубилая немалое внимание уделено и организации досуга правителя: всевозможным пирам, устраиваемым во дворце. Рассказано и о введении квадратной письменности в империи. «Эта письменность была изобретена по специальному заказу Хубилая тибетским монахом Пагба-ламой. <...> Она была проще китайской, и ей могли легко научиться иноземцы» [4, с. 9].

О способе управления империей сказано, что помимо хана есть ещё и двенадцать министров. Однако здесь следует заметить, что в империи неоднократно вспыхивали восстания против монгольского правителя. И даже Марко Поло – человек, глубоко уважающий хана, упоминает об этих эпизодах. Сюда можно отнести эпизод раскрытия преступления против хана и народа в городе Камбалу. Марко Поло повествует о том, что один из министров Хубилая Ахмед, муж мудрый и способный, был в большом почете у императора, который доверял ему многое. Хан доверял Ахмеду, а тот злоупотреблял полномочиями (распоряжался управлением и назначениями, наказывал преступников). «...Всякий раз, когда он желал погубить, по делам или несправедливо, ненавистного ему, шел он к великому хану и говорил ему: «Такой-то заслуживает казни, оскорбил он ваше величество так-то». Великий хан говорил ему: «Делай как знаешь», – а он тотчас же казнил его» [3, с. 150]. Против этого министра в народе был учинен заговор, в результате чего тот был убит катаями по имени Ченху и Ванху.

«Нужно знать, что все катая не любят управления великого хана, потому что поставил он над ними татар и всего чаще сарацин; а этого катая не выносили, так как обходились с ними как с рабами. Великий хан овладел Катаем не по праву, а силой и не доверял катаям, а отдал страну в управление татарам, сарацинам и христианам, людям из его рода, верным и не туземцам» [3, с. 153]. После этого события заговорщики были казнены, как и те, которые собрались поднять восстание против хана в других городах. Но великий хан, вернувшийся в Камбалу и пожелавший узнать причину этого происшествия, нашел, что сей Ахмах (т.е. Ахмед) с сыновьями натворил много зла. Впоследствии сыновья Ахмеда были казнены. Интересно, что «эта глава находится только в издании Рамузио; тем не менее, нельзя сомневаться в том, что она была написана самим Марко Поло или с его слов. Речь идет об убийстве мусульманского министра Хубилая, Ахмеда (1282 г.); подробности этого события приблизительно так же рассказаны в китайских летописях, где сказано, что расследование дела об убийстве было поручено члену тайного совета По-ло, т. е. речь идет о Марко Поло» [3, с. 150].

Интересно Марко Поло рассказывает о том, что Хубилай ввел в своей стране бумажные деньги. В книге превозносится умение монетного двора Хубилая хана в Камбулаке. «Он устроен таким образом, что великий властитель овладел искусством алхимии в совершенстве» [3, с. 175]. Затем дается описание создания бумажных

денег. «Марко пытается убедить недоверчивую европейскую аудиторию, да и самого себя в достоинстве и действенности бумажных денег Хубилай-хана» [2, с. 155]. Кроме того, к хану постоянно прибывали караваны купцов, от которых казна Хубилай-хана получала огромную выгоду. «Независимо от характера сделки чиновники Хубилай-хана требовали, чтобы купец обменял свою валюту, обычно в форме ценных монет, а иногда – драгоценных камней, на монгольские бумажные деньги. <...> Хотя Марко и трудно было поверить, что бумажные деньги могут чего-то стоить, он видел – собственным глазами, как он любил повторять, – что они служили основной гибкой и практичной экономической системы и распространяли экономическое влияние монголов на большое расстояние без применения силы или принудительных мер. <...> Это было секретное оружие Хубилай-хана» [2, с. 156].

Что же к вопросу о роли Марко Поло при дворе, можно заметить, что в своей книге он без лишней скромности указывает на то, что «Марко, сын Николая, как-то очень скоро присмотрелся к татарским обычаям и научился их языку и письменам. Скажу вам по истинной правде, научился он их языку, и четырем азбукам, и письму в очень короткое время, вскоре по приходе ко двору великого хана. Был он умен и сметлив. За все хорошее в нем да за способность великий хан был к нему милостив» [3, с. 18-19].

Хубилай стал приглашать на службу иноземцев. Среди таких людей Марко Поло упоминает бухарца Насыр-ар-Дина, покорителя Бирмы, несторианина Маар-Саргиса, бухарца Ахмеда. «Из китайских и персидских источников мы знаем о том, что любимым врачом Хубилая был «человек из Рима» (очевидно итальянец) Айсе, одним из полководцев – бухарец Сейид-Аджаль, что при дворе его были астрологи, врачи и военные специалисты – сирийцы, арабы, персы и уйгуры» [4, с. 10].

Конечно же, при таком раскладе место при дворе нашлось и самому Марко. «Как увидел великий хан, что Марко – человек умный, послал он его гонцом в такую страну, куда шесть месяцев ходу; а молодчик дело сделал хорошо и толково. Видел он и слышал много раз, как к великому хану возвращались гонцы, которых он посылал в разные части света; о деле, зачем ходили, доложить, а новостей о тех странах, куда ходили, не умели сказывать великому хану; а великий хан называл их за то глупцами и незнайками и говаривал, что хотелось бы услышать не только об одном том, зачем гонца посылали, но и вестей, и о нравах, и об обычаях иноземных. Марко знал все это, а когда отправился в посольство, примечал все обычаи и диковины и сумел поэтому пересказать великому хану обо всем» [3, с. 19]. Таким образом, молодой посол не жалел сил и времени для того, чтобы угодить хану. Учтя все недостатки послов хана, а в частности то, что последние не рассказывают хану о жизни и нравах простых людей, их обычаях и традициях, Марко решает выслужиться перед Хубилаем и предоставляет хану ту информацию, которая интересует правителя. «Он же (М. Поло) считал себя честным и добросовестным исполнителем воли хана и беспрестанным хроникером» [2, с. 158].

Без лишней скромности Марко Поло говорит, что после первого посольства хан и все, кто слушал европейца, стали говорить, что непременно быть Марко мудрецом и человеком важным. После этого же посольства «стали его звать молодым господином Марко Поло <...> потому что поистине был он умен и сметлив» [3, с. 20]. Безусловно, Марко проявил талант красноречия, чем и вызвал уважения хана, но далее в книге говорится о том, что «полюбил он (хан) его, оказывал ему почет, к себе приблизил, и начали тому завидовать другие князья» [3, с. 21]. Но все-таки Марко, наверняка, преувеличивает свою роль в жизни хана, так как наравне с ним

при дворе хана служили и другие иноземцы, которым хан, по всей видимости, уделял не меньше внимания, чем венецианцу.

Так же автор дает описание благотворительной политике хана, который в случае нехватки зерна, раздает его из своих запасов неимущим. «Рассылает великий хан гонцов по всем своим землям, царствам и областям узнавать, не погиб ли где хлеб от непогоды, града или другого какого бедствия. Узнает, кто пострадал, без хлеба; с таких не приказывает брать податей за год, а еще приказывает дать им своего хлеба для прокормления и на обсеменение. И великая та милость великого хана! Это делается летом, а зимою раздает скотину: как узнает, что у такого-то пал скот, приказывает дать ему скотину, помогает ему и тот год податей с него не берет» [3, с. 183].

Кроме всего прочего, описания Марко наполнены сведениями о богатстве ханского двора и изобилии увлечений правителя. Перед нами создан образ мудрейшего правителя, которым восхищается венецианец Марко. «Если Марко и случалось разочаровываться в деятельности и суждениях Хубилай-хана, он умолчал об этом, однако признавал, что, пока он находился в Китае, он не более чем один из многочисленных придворных великодушного, но капризного правителя. При этом не знал, надолго ли ему придется задержаться. Его отец и дядя собирались тем же неспешным порядком доставить Хубилай-хану папское послание и вернуться с молодым Марко в Венецию, запасшись шелками, драгоценными камнями и прочими ценными товарами. Однако все трое запутались в интригах монгольского двора» [2, с. 200].

Таким образом, постепенно перед семейством Поло встал вопрос о возвращении на родину. Однако такая возможность представилась лишь по возвращении из посольства Марко в Индию. «Но, не смотря на то, что Марко и старшие Поло вели привольную и сытую жизнь при дворе хана и уже составили себе значительное состояние, они понимали, что положение их – чуждых как местному населению, так и монгольским завоевателям – очень непрочное. Смерть Хубилая должна была принести серьезные перемены, и положение Марко Поло могло резко измениться к худшему» [4, с. 10]. По сути, за время пребывания при дворе семейство Поло стало не только почетными гостями, но и пленниками. Венецианцы несколько раз просили хана отпустить их на родину, но тот отказывал. И лишь стечение обстоятельств смогли вернуть семейство на родину. «Вернувшись из посольства в Индию, Марко Поло узнает, что трое посланцев Аргуна, хана восточных татар, прибыли в Китай (за невестой из того же самого рода, что и царица Болгана, его жена, что померла). Обратно пустились по суше, но начались сражения, путь оказался опасен, и дипломаты вынуждены вернуться к Хубилаю. Марко предлагает сопроводить Посланников Аргуна и принцессу морем. Предложение было принято» [1, с. 81]. «Когда корабли были готовы, три князя с невестой, господин Никколо и господин Маффео и господин Марко оставили службу Великого хана» [3, с. 23-24]. Марко Поло дает описание и этому последнему поручению хана.

«Кроме того, в книге «О разнообразии мира» Марко Поло рассказывает не только о землях, где они высаживались, но также о местах, куда, весьма вероятно, он никогда не ездил: Мадагаскаре, Занзибаре, Абиссинии, Адене. В рассказе он опирается на устные и письменные источники, а не на собственный опыт» [1, с. 82]. В Венецию семейство Поло прибыло лишь в 1295 году, проведя, таким образом, двадцать четыре года в разъездах.

В биографии Марко, изложенной Хартом есть следующие строчки, которые как нельзя лучше создают образ венецианца: «Что же за человек был мессер Марко

Поло, проживший столь богатую приключениями жизнь?» И здесь же, Харт приводит крылатую фразу другого исследователя — Орландини: «Образ этого человека остается весьма загадочным» [5, с. 272].

Таким образом, следует отметить, что Марко Поло, проведя значительную часть своей жизни в Китае смог зарекомендовать себя как грамотного человека, способного выполнять поручения Хубилая, но в то же время, слишком превозносившего свое значение в истории этой империи. То, что Марко точно был в Китае, подтверждают источники, к примеру, китайские летописи, которые повествуют о похожих событиях, описанных и в книге венецианца. Однако же следует учитывать и тот факт, что книга была записана пизанцем Рустичано со слов Марко, вследствие чего допустимо думать, что пизанец также мог преувеличивать достижения Марко и не понять его рассказов, т.е. исказить материал. Надо думать, что истинная роль венецианца Марко Поло при дворе Хубилая не сможет быть точно установлена, хотя она, несомненно, была меньше, чем это описывал сам Марко.

Литература

1. Дреж Ж-П. Марко Поло и Шелковый путь. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2006. – 192 с.
2. Бергрин Л. М. Марко Поло. От Венеции до Ксанду. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 476 с.
3. Поло М. Книга о разнообразии мира. М.: Эксмо, 2005. – 479 с.
4. Поло М. Путешествие. Л.: Гослитиздат, 1940. – 316 с.
5. Харт Г. Венецианец Марко Поло. М.: Изд. иностр. литр., 1956. – 318 с.

Ермолич С. Я.

*Кандидат педагогических наук, ст. преподаватель кафедры социальной работы,
Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка*

КОНФУЦИЙ О РАЗВИТИИ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ ЛИЧНОСТИ

Фундаментальную роль во всей истории этической и политической мысли Китая сыграло учение Конфуция (551–479 гг. до н. э.). Его взгляды изложены в книге "Лунь юй" ("Беседы и высказывания"), составленной его учениками. На протяжении многих веков эта книга оказывала значительное влияние на мировоззрение и образ жизни китайцев. Ее заучивали наизусть дети, к ее авторитету апеллировали взрослые в делах семейных и политических. Учение Конфуция стало основой государственного управления, культуры и политики огромной страны. В настоящее время в связи с необходимостью совершенствования нравственно-правовых знаний личности учение Конфуция приобретает особую актуальность.

Конфуций говорил о человечности и моральном долге, о знании и любви, о том, что значит быть благородным мужем, который живет высокими помыслами своей души и стремится к общему Благу, и что значит быть маленьким человеком, который стремится лишь к собственной выгоде и комфорту.

Конфуций описывает мир, в котором есть Небо и есть Земля, есть вечное и есть преходящее, мир, в котором все существа объединены в одно целое, мир, в котором фокусом всех связей между Небом и Землей выступает Человек, особенно правитель, чей долг — следовать закону Неба, быть справедливым. Тогда и подданные будут справедливыми, ибо правитель — это «исправитель» [1]. Сущность правления Конфуций рассматривал как исправление: «Правление есть исправление» [2, с. 78]. Исправление других начинается с исправления самого себя: «Когда ты исправляешь сам себя, то с чем не справишься в правлении? Когда не сможешь сам себя исправить, то как же будешь исправлять других?» [2, с. 78]. Величие человека в том, чтобы содействовать распространению добра, просвещения, знаний: «Благородный муж способствует тому, чтобы в человеке побеждало всё, что есть в нём самого хорошего, а не плохое. Малый человек способствует обратному» [2, с. 78]. В этом мире Конфуций видел единственное предназначение — быть человечными, а значит, сострадательными и великодушными.

Опираясь на традиционные воззрения, Конфуций развивал патриархально-патерналистскую концепцию государства. Государство трактуется им как большая семья. Власть императора ("сына неба") уподобляется власти отца, а отношения правящих и подданных — семейным отношениям, где младшие зависят от старших. Изображаемая Конфуцием социально-политическая иерархия строится на принципе неравенства людей: "темные люди", "простолюдины", "низкие", "младшие" должны подчиняться "благородным мужам", "лучшим", "высшим", "старшим". Тем самым Конфуций выступал за аристократическую концепцию правления, поскольку простой народ полностью отстранялся от участия в управлении государством.

Конфуций разработал учение об управлении государством. Управление государством состоит в том, чтобы в нём было достаточно еды, достаточно оружия и было доверие народа. Из перечисленного в случае необходимости первым можно было исключить оружие, из оставшегося первым можно было исключить еду. Однако ни при каких условиях нельзя было исключить доверие народа: «Смерти издревле никто не может избежать, когда ж народ не верит, то не устоять» [2, с. 31].

Управление государством Конфуций сравнивал с управлением семьёй. Когда Конфуция спросили, почему он не участвует в управлении государством, он ответил: «В Книге сказано: «Как ты почтителен к родителям! Ты почитаешь их, относишься с любовью к братьям и проявляешь всё это в делах правления». Это и есть управление государством. Зачем же для участия в нём поступать на службу?» [2, с. 24].

На вопрос о том, в чём заключается управление государством Конфуций ответил: «Да будет государём государь, слуга – слугой, отцом – отец и сыном – сын» [2, с. 31].

В работах Конфуция содержатся ценные советы по развитию нравственно-правовых знаний. Они предназначались правителям, могли использоваться в процессе воспитания идеального человека «цзюнь цзы» (буквально: «сын правителя»). Большое значение Конфуций придавал ритуалу, который являлся и принципом иерархического понимания бытия и методом структурирования космоса и социума. Мыслитель выступал за гуманные формы правления: «Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережётся, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [2, с. 20].

В основу управления государством Конфуций положил определённые нравственно-правовые нормы. На вопрос о том, какие нужно принять меры для того, чтобы народ подчинился, Конфуций ответил: «Если выдвигать справедливых людей и устранять несправедливых, народ будет подчиняться. Если же выдвигать несправедливых и устранять справедливых, народ не будет подчиняться» [4]. Для того, чтобы сделать народ почтительным, преданным и старательным, Конфуций советовал: «Если вы будете в общении с народом строги, то народ будет почтителен. Если вы проявите сыновнюю почтительность к своим родителям и будете милостивы к народу, то народ будет предан. Если вы будете выдвигать добродетельных людей и наставлять тех, кто не может быть добродетельным, то народ будет старательным» [4].

Нравственно-правовые устои Конфуций рассматривал как основу мира, правопорядка, социальной устойчивости и гармонии: «Если возвысить и поставить честных над бесчестными, то народ придёт к покорности. Если возвышать бесчестных, ставя их над честными, то народ не покорится» [2, с. 24].

Управление государством требует особого искусства, оно тесно связано с просвещением, наставлением народа: «Будь с ним серьёзен, и он станет почтителен; соблюдай долг сына и отца, и он будет предан, возвысь способных, наставь неумелых, и он воодушевится» [2, с. 24].

В работах Конфуция представлен идеальный образ высоко- нравственного, просвещённого, милосердного правителя, который заботится о народе, опирается на справедливые законы, соблюдает этические нормы. Он утверждал мысль о том, что, правя, «надо быть тщательным в делах, правдивым, любить людей, экономить средства и пробуждать народ к труду в соответствии со сменой сезонов» [3, с. 48]. Этика правителя заключалась в том, что «благородный муж, оказывая милость, не несёт расходов, не вызывает злобы у людей, когда заставляет их трудиться, его желания несовместимы с жадностью, он полон величавости, но чужд высокомерия, он грозен, но в нём нет свирепости. Благородный муж носит надлежащим образом шапку и платье, его взор полон достоинства, он внушителен» [3, с. 56]. Конфуций называет

четыре достоинства, которыми обладал благородный муж: «Он вёл себя благоговейно, с почитательностью служил высшим, был благосклонен к простым людям и обходился с ними справедливо» [2, с. 38]. Мыслитель утверждал, что к управлению государством можно привлекать человека решительного, понятливого, того, кто многое умеет. Правителю присущи долг и милосердие: «Не это ль благородный муж, кому мы можем вверить сироту, судьбу страны размером в сотню ли, кого нельзя склонить к измене долгу? Он, безусловно, благородный муж» [2, с. 54]. Благородный муж немногословен, у него слово не расходится с делом, «Он прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом» [2, с. 54].

В труде Конфуция «*Луньюй*», в 13 главе, которая называется «*Цзылу*» разработаны нравственно-правовые основы управления государством. Быть правителем означает побуждать к усердию своим примером, работать, не зная отдыха, быть примером для своих подданных, не винить за малые проступки, выдвигать достойных и способных, возвышать известных ему людей.

Конфуций придавал большое значение морали, нравственным нормам, соблюдению законов: «Благородный муж думает о морали; низкий человек думает о том, как бы получше устроиться. Благородный муж думает о том, как бы не нарушить законы; низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду» [4].

Правителя Конфуций уподоблял полярной звезде. Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий: «Правитель, положившийся на добродетель, подобен северной Полярной звезде, которая замёрзла на своём месте среди сонма обращающихся вокруг неё созвездий» [2, с. 20]. Конфуций отмечал, что добродетельный человек не остается одиноким, у него обязательно появятся близкие ему по духу люди, так как «добродетель никогда не бывает одинокой» [1].

Благородного правителя отличает забота о подданных. Даже в неурожайный год, когда на покрытие расходов не хватает средств, нельзя взимать больший налог. Правителю посоветовали взимать налог в размере лишь одной десятой части, на что правитель ответил, что ему не хватает и двух десятых, как же он обойдётся одной десятой. Мудрец ответил: «Как может Вам не хватать, когда будет хватать народу? Как может вам хватать, когда народу не хватает?» [2, с. 77].

Величие правителю придаёт просвещённость, возвышенность его стремлений. Просвещённого правителя славят народ. Конфуций приводит пример такого правителя: «Каким великим государём бал Яо! Как он возвышен, величав! Велико только Небо, и только Яо подражал ему. Как он необъятен! Народ не мог найти слова, чтобы его восславить. Как велики, возвышенны его свершения! Как лучезарна им предначертанная просвещённость!» [2, с. 56]. Дело просвещённого правителя переживает века, живёт в сердцах людей: «Разве после смерти государя Просвещённого тут, во мне, не уцелела просвещённость? Если бы небо пожелало эту просвещённость погубить, то я не смог бы приобщиться к ней. Но небеса её не погубили» [2, с. 58].

Просвещённый правитель должен быть толковым, знать толк в государственных делах, быть самостоятельным и знающим: «если знаешь наизусть все триста Песен, но не разбираешься в порученном тебе государственном деле и не можешь, посланный в чужие земли, самостоятельно вести переговоры, то какая польза в Песнях, пусть ты даже помнишь их так много!?» [2, с. 82].

Культура управления для Конфуция несовместима с жестокостью, насилием, скупостью, формализмом. Он ратует за милосердие и гуманность: «Казнить тех,

кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие; медлить с приказом и при этом добиваться срочности, значит наносить ущерб; и в любом случае скупиться, оделяя чем-либо людей, значит поступать казённо» [3, с. 56].

В основу управления государством должны быть положены справедливые и милосердные законы: «Какие могут быть затруднения, когда способны править государством в соответствии с ритуальным правилом уступчивости? К чему нужен ритуал, когда не способны править государством в соответствии с ритуальным правилом уступчивости?» [2, с.32].

Конфуций «чувствовал печаль, когда не улучшают нравы, не уясняют того, что учат, а зная долг, не могут ему следовать и не способны устранить порок» [2, с. 47].

Будучи сторонником ненасильственных методов правления, Конфуций призывал правителей, чиновников и подданных строить свои взаимоотношения на началах добродетели. Этот призыв прежде всего обращен к правящим, поскольку соблюдение ими требований добродетели играет решающую роль и предопределяет господство норм нравственности в поведении подданных. Отвергая насилие, Конфуций говорил: "Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благородного мужа (подобна) ветру; мораль низкого человека (подобна), траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер"[4].

Основная добродетель подданных состоит, согласно Конфуцию, в преданности правителю, в послушании и почтительности ко всем "старшим". Политическая этика Конфуция в целом направлена на достижение внутреннего мира между верхами и низами общества и стабилизации правления. Помимо моральных факторов он обращает внимание и на необходимость преодоления процессов поляризации богатства и бедности среди населения. "Когда богатства распределяются равномерно, – отмечал он, – то не будет бедности; когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен; когда царит мир (в отношениях между верхами и низами), не будет опасности свержения (правителя)". Отвергая бунты и борьбу за власть, Конфуций высоко оценивал блага гражданского мира.

Гармония социальных отношений для Конфуция основывается на нравственно-правовых нормах. Почтительность должна сочетаться со смелостью, терпимостью, человечностью, и добротой: «Почтительность вне ритуала утомляет, а осторожность вне его ведёт к трусости; при смелости вне ритуала поднимают смуту, от прямооты вне ритуала становятся нетерпимы. Если благородный муж привязан душой к близким, в народе процветает человечность; если не забыты им старые друзья, народ не поступает низко» [2, с. 53]. Конфуций ратовал за гармоничное обеспеченное общество: «Благородный муж не любит, когда не высказывают прямо своих побуждений, лишь стараются найти им оправдание....Того, кто правит государством или возглавляет знатный род, тревожит не отсутствие богатства, а его несоразмерное распределение, тяготит не малочисленность народа, а отсутствие благополучия. При соразмерности нет бедности; когда царит гармония, нет недостатка в людях; где утверждается благополучие, там не бывает потрясений» [2, с. 105].

Регулирование политических отношений посредством норм добродетели в учении Конфуция резко противопоставляется управлению на основе законов.

В целом добродетель в трактовке Конфуция – это обширный комплекс этико-правовых норм и принципов, в который входят правила ритуала (*ли*), человеколюбия

(жэнь), заботы о людях (шу), почтительного отношения к родителям (сяо), преданности правителю (чжун), долга (и) и т. д. Вся эта нормативная целостность, включающая в себя все основные формы социально-политического регулирования того времени, за исключением норм позитивного закона (фа), представляет собой единство моральных и правовых явлений.

Отрицательное отношение Конфуция к позитивным законам (фа) обусловлено их традиционно наказательным значением, их связью (на практике и в теоретических представлениях, в правосознании) с жестокими наказаниями.

Вместе с тем Конфуций не отвергал полностью значения законодательства, хотя наказаниям он уделял лишь вспомогательную роль.

Существенную социально-политическую и регулятивную нагрузку в учении Конфуция несет принцип "исправления имен" (чжэ мин). Цель "исправления имен" – привести "имена" (т. е. обозначения социальных, политических и правовых статусов различных лиц и групп населения в иерархической системе общества и государства) в соответствие с реальностью, обозначить место и ранг каждого в социальной системе, дать каждому соответствующее ему имя, чтобы государь был государём, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном, простолюдин – простолюдином, подданный – подданным. Правитель должен поддерживать в обществе гармонию, спокойствие и порядок. Под именем Конфуций понимает определённый порядок, предназначение человека: «Ведь если не подходит имя, то неуместно его толкование; коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле; а без успеха в деле не процветают ритуал и музыка; но если ритуал и музыка не процветают, то наказания бьют мимо цели, когда же наказания бьют мимо цели, народ находится в растерянности. Поэтому всё, что называет благородный муж, всегда можно растолковать, а что он растолковывает, всегда можно исполнить. Благородный муж лишь избегает в толковании небрежности» [2, с. 48]. Благородный муж печалится о своём несовершенстве, он не печалится о том, что неизвестен людям взыскателен к себе, «благородный муж, сознавая своё превосходство, никому его не показывает, он легко сходится с людьми, но остаётся беспристрастным» [2, с. 101].

Конфуций отмечал, что благородный муж должен быть справедливым, смиренным, искренним, он должен соблюдать ритуалы: «Благородный муж видит в справедливости неприкрашенную суть. Ритуалы используются, чтобы воплотить её в поступках, смиренность – чтобы дать ей проявиться, а искренность – чтобы достичь в ней совершенства. Благородный муж именно такой!» [2, с. 101].

Конфуций утверждал, что правитель должен любить порядок и ритуал: «Когда правитель любит ритуал, никто в народе не осмелится быть непочтительным; когда правитель любит справедливость, никто в народе не осмелится быть непослушным; когда правитель любит правду, никто в народе не посмеет быть нечестным. И если будет так, то отовсюду станет прибывать народ, неся с собою на спине своих детей. Зачем тогда правителю будет нужно самому пахать и сеять?» [2, с. 82].

Для нравственного совершенствования Конфуций советовал направлять свою волю на достижение правильного пути, придерживаться принципов морали, поступать в соответствии с человеколюбием, упражняться в искусствах. Конфуций печалился и скорбил, когда мораль не совершенствовали, изученное не повторяли, услышав о принципах долга, не в состоянии были им следовать, не могли исправлять недобрые поступки.

Конфуций отмечал, что нравственно-правовые нормы не предполагали безрассудства. На вопрос учителя о том, с кем он поведет в бой войско, он

ответил: «Не с тем, кто может броситься на тигра с голыми руками иль кинуться в реку, не дожидаясь лодки, и умереть без сожаленья. Но непременно – с тем, кто, приступая к делу, полон осторожности и со своей любовью к составлению планов добивается успеха»[2, с. 48].

Конфуций учил четырём вещам: пониманию книг, моральному поведению, преданности государю и правдивости. Он призывал есть простую пищу, пить воду, спать, подложив руку под голову, в этом мыслитель находил удовольствие. Богатство и знатность, полученные нечестно, для него были подобны облакам, плывущим по небу. Конфуций предупреждал, что расточительность ведет к непослушанию, а бережливость – к скаредности; но считал, что лучше быть скаредным, чем непочтительным.

Призывая к нравственному совершенствованию, Конфуций считал необходимым прощать ошибки, забывать то плохое, что было с человеком раньше. Когда трудно было говорить о морали, и один тамошний отрок захотел встретиться с Учителем, ученики отнеслись к этому с предубеждением, Учитель сказал, что он одобряет, что он очистился, и не одобряет того, что с ним было раньше, но зачем же сейчас так относиться к нему? Если человек сам очистился и пришел, мы обязаны приветствовать это, и не следует напоминать о прошлом.

Конфуций показывал большую роль нравственно-правовых знаний в развитии личности. Мыслитель учил правильному отношению к знанию. Зная что-либо, предлагал это считать тем, что знаешь; не зная чего-либо, предлагал считать тем, что не знаешь, – это и есть правильное отношение к знанию: «Считай знанием то, что знаешь, и считай незнанием незнание. Это и есть знание» [2, с. 23]. Конфуций отрицал наличие у человека врождённых идей, показал необходимость любви к знаниям, настойчивости, трудолюбия в их приобретении: "Я не родился со знаниями. Я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учебе"[4].

Для Конфуция традиции, долг и мужество, мудрость являются равнозначными и равноположенными. Конфуций утверждал: «Приносить жертвы духам не своих предков – проявление лести. Видеть то, осуществление чего требует долг, и не сделать есть отсутствие мужества»[4].

Нравственность, мудрость, милосердие, «человеколюбие» должны быть основой нравственно-правовых норм: « Там, где царит человеколюбие, прекрасно. Поэтому когда кто-либо поселяется там, где нет человеколюбия, разве он мудр?» [4]. Человечность для Конфуция была средством очищения от всего несовершенного, низкого, бесчеловечного: «Устремленность к человечности освобождает от всего дурного» [2, с. 31].

Степень человечности определяется поступками человека и его ошибками. Конфуций отмечал, «что каждый ошибается в зависимости от своей пристрастности. Вглядишься в ошибки человека – и познаешь степень его человечности» [2, с. 31].

Высота человеческого духа, благородство человека, его нравственность определяется его человечностью: «Кому приятна человечность, того не превзойти. Кому же отвратительна бесчеловечность, тот проявляет человечность и избегает соприкосновения со всем бесчеловечным»[2, с. 31].

Конфуций признаёт лишь честные способы достижения знатности и богатства, основанные на нравственно-правовых нормах: «Знатность и богатство – это то, к чему люди стремятся; если они нажиты не честно, благородный муж от них отказывается. Бедность и униженность – это то, что людям ненавистно. Если они неза-

служенны, благородный муж ими не гнушается. Как может благородный муж добиться имени, если отвергнет человечность? Благородный муж не расстаётся с человечностью даже на время трапезы. Он непременно с ней, когда спешит, и непременно с ней, когда находится в опасности» [2, с. 31].

Конфуций отмечал большую роль нравственного самосовершенствования в процессе развития нравственно-правовых знаний личности. Для нравственного развития необходимо выслушать совет, вникнуть в его суть, не только выслушивать правильные замечания и советы, но и поступать в соответствии с нравственно-правовыми нормами: «Как можно не соглашаться со справедливым замечанием? Но при этом важно самому исправиться. Как можно не радоваться деликатно высказанному совету? Нот при этом важно вникнуть в его суть. Я не могу помочь тем людям, которые лишь соглашаются, но себя не исправляют и радуются, не вникая в суть» [2, с. 61]. Конфуций призывал к нравственному совершенствованию, учил не бояться исправлять свои ошибки. Он наставлял: «Главное – будь честен и правдив; с теми, кто тебе не равен, не дружи и не бойся исправлять свои ошибки» [2, с. 61]. Честность, преданность, справедливость содействуют возвышению добродетели. На вопрос о том, как возвысить добродетель и обнаружить заблуждение, Учитель ответил: «Если для тебя всего важнее честность и преданность и ты стремишься к справедливости, то возвысишь добродетель» [2, с. 61].

У Учителя спросили, что значит возвысить добродетель, очиститься от скверны и обнаружить заблуждение? Учитель ответил: «Разве не возвысить добродетель, если дело предпочесть итогу? Разве не очиститься от скверны, если вступить в бой с дурным в себе и не касаться дурного у других? Разве не изведать заблуждение, если из-за краткой вспышки гнева позабыть себя и своих близких?» [2, с. 80].

Конфуций призывает использовать милосердные законы при управлении государством. Благотельный из Младших, беседуя с Конфуцием об управлении государством, спросил: «Что если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь?» Конфуций ответил: «В Ваших руках бразды правления, зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель – ветер, у малых же людей она – трава; склоняется трава вслед ветру» [2, с. 79].

Правильный образ жизни правителя воодушевляет подданных, «когда ведёшь себя правильно, то за тобой пойдут и без приказа; когда же ведёшь себя неправильно, то не послушают, хоть и прикажешь» [2, с. 82].

Конфуций определил критерии выдающихся людей. Учёный муж, который может называться прославленным, должен «всегда быть прославляемым в стране, всегда быть прославляемым в семействе..., а выдающийся бесхитроsten и прям, он любит справедливость, вникает в то, что люди ему говорят, и изучает выражение их лиц, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других. Он непременно будет выдающимся в стране и выдающимся в семействе. Кого же прославляют, тот внешне проявляет человечность, а поступает вопреки ей, и так живёт, не ведая сомнений. Вот он и будет непременно прославляемым в стране и прославляемым в семействе» [2, с. 79].

Конфуций раскрыл понятие «человечность». В понятие «человечность» входит любовь к людям, знание, в том числе знание людей. Конфуций раскрыл нравственно-правовые основы управления в государстве: «Если поставить честных над бесчестными, то можно всех бесчестных сделать честными» [2, с. 80].

В учении Конфуция раскрыто понятие дружбы. На вопрос о том, что значит быть кому-то другом, Учитель ответил: «Будь честен с ним, когда даёшь ему совет, и побуждай к хорошему. Но если он не слушает, то не настаивай, чтобы не быть униженным» [2, с. 80]. Просвещение, дружба, благородство рассматриваются Конфуцием в неразрывной связи: «Благородный муж завязывает дружеские связи с помощью своей учёности, а дружба помогает ему утвердиться в человечности» [2, с. 79].

Главной задачей правителя является стремление сделать народ богатым и просвещённым. Когда людей в государстве много, их надо обогатить, а если станут богаты, то их надо обучить.

Конфуций выступал против насилия и жестокости. Он утверждал, что «если власть в стране в течение ста лет будет принадлежать хорошим людям, то они могут справиться с насилием и обойтись без казней!» [2, с. 83].

Процесс утверждения нравственно-правовых норм в управлении Конфуций считал длительным и постепенным: «Даже когда приходит к власти истинный правитель, человечность может утвердиться лишь через поколение» [2, с. 83]. Но вопрос, что значит управление государством, Учитель ответил: «Это когда радуются те, что близко, и приходят те, что далеко» [2, с. 84].

Конфуций рассуждал о роли высказываний в расцвете или упадке страны. Он утверждал, что расцвета «нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: «Трудно быть правителем и нелегко быть подданным». Если поймёшь, как трудно быть правителем, то разве не приблизишься к тому, когда одним высказыванием приводят государства к процветанию» [2, с. 84]. Погубить страну также «нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: «мне доставляет радость быть правителем лишь то, когда не возражают на мои слова». Если то, о чём он говорит, прекрасно, разве плохо, что ему никто не возражает? Но если сказанное дурно, и никто не возражает, то разве не приблизишься к тому, чтобы одним высказыванием погубить государство?» [2, с. 84].

Конфуций разработал принципы управления государством: постепенность, постановка высоких, благородных целей: «Не рассчитывай на скорые успехи и не соблазняйся малой выгодой. Пospешишь – и не добьёшься цели, соблазнишься малым – и не сделаешь великого» [2, с. 84]. Конфуций раскрывает преимущества правления благородного правителя и отрицательные моменты правления «малого» человека: «Легко служить, когда правит благородный муж, но угодить ему не просто. Ему не угодить, если угождать, не следуя пути. Когда же он руководит людьми, то исходит из талантов каждого. Трудно служить, когда правит малый человек, но угодить ему легко. Ему можно угодить, если даже угождать, не следуя пути. Когда же он руководит людьми, то крайне к ним взыскателен» [2, с. 86].

Общество, основанное на нравственных законах (путь): справедливость, милосердие, забота о каждом, – содействует развитию каждого члена общества: «Когда в стране есть путь, будь прям в поступках и речах; когда в ней нет пути, будь прям в поступках, в речи осторожен» [2, с. 86].

Учение Конфуция о нравственно-правовых знаниях содержит разъяснение, каким можно считать нравственного человека: «Совершенным можно считать человека с умом Цзана Воинственного Второго, бескорыстием Гунчо, храбростью Чжуанцзы из Бяня, умелостью Жань Цю, облагороженными обрядами и музыкой.... Но зачем же совершенным людям быть обязательно такими в наше время? Ведь совер-

шенным также можно считать того, кто предпочитает справедливость личной выгоде, жертвует собой в момент опасности и никогда, даже пребывая длительное время в трудных обстоятельствах, не забывает своих обещаний» [2, с. 86].

Конфуций призывал к совершенствованию личности, призывал «совершенствовать себя, чтобы тем самым обеспечить благоденствие других, ...совершенствовать себя, чтобы тем самым обеспечить благоденствие народа» [2, с. 97].

Учение Конфуция на протяжении многих веков содействовало развитию нравственно-правовых знаний личности во всём мире. Особую актуальность это учение приобретает в связи с совершенствованием нравственно-правовых норм, системы управления, формированием высоконравственной гуманной личности.

Литература

1. file://localhost/I:/Конфуций.mht/ режим доступа 19.11.2011г.
2. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – 958с.
3. Антология мировой политической мысли. Том1.зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1977. – 831с.
4. window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=14668&p_page=2/режим доступа19 .11.2011г.

Ерышов А. В.

Старший преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока,
Белорусский государственный университет

ЦЕРЕМОНИАЛ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ДУХУ КОНФУЦИЯ SHI DIAN (祭奠) В ЯПОНСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ КОДЕКСЕ ЭНГИСИКИ

Согласно древнекитайской традиции жертвоприношения духу Конфуция *Shi dian* совершались два раза в году: весной во 2-м месяце по лунному календарю и осенью в восьмом месяце (**Li ji** 礼記). Жертвы приносились собственно духу Учителя Kong zi или Xian sheng 先聖, духу Xian shi 先師, которого более ранние интерпретации отождествляли с Zhou gong 周公, а поздние называли духом самого любимого ученика Конфуция Yan hui 顏回, духам т.н. *десяти мудрейших* 十哲, духам 72-х учеников Конфуция, духам 22-х прославленных ученых 賢. Помимо регулярно совершаемых жертвоприношений *shi dian* проводились т.н. жертвоприношения по случаю, например, при основании новой школы, при успешной сдаче экзаменов, или когда юный Сын Неба начинал свое образование. Традиция проведения *shi dian* восходит ко времени, когда ученики Конфуция после смерти Учителя совершали требы и жертвоприношения у его могилы (**Shi ji** 史記). Известно, также, что основатель династии Западная Хань император Gao zu 高祖 в 195 году до н.э. посетил родину Конфуция Lu 魯 и совершил там жертвоприношение духу Учителя с подношением мяса трех животных tai lao 太牢. Император династии Восточная Хань Guang wu 光武帝 в 29 году н.э. посетил Lu и чествовал духа Конфуция жертвоприношением. В правление императора Ming di (Восточная Хань) в 59 году н.э. все провинциальные школы должны были совершать обряд подношения духу Конфуция вина и приносить в жертву Учителю собаку (後漢書). В 241 году н.э. было проведено жертвоприношение tai lao в ознаменование основания в столице царства Wei городе Лоян университета, в этом жертвоприношении принял участие император, наследный принц и Двор. В 239 году н.э. при династии Западная Цзинь в столице был основан т.н. университет Guo zi xue 国子学, одновременно была проведена церемония поступления в университет юного императора, по этому случаю духа Конфуция почтили жертвоприношением *shi dian*. В 335 году н.э. император династии Восточная Цзинь юный Cheng di 成帝 приступил к изучению Shi jing 詩經, что ознаменовалось совершением жертвоприношения *shi dian*. В 357 году н.э. император Mu di 穆帝 участвовал в *shi dian* и читал лекцию по теме из Xiao jing 孝經. Весьма вероятно, что к 4-му веку н.э. участие в *shi dian* Сына Неба превращается в действо, посредством которого утверждалась легитимность государя. Эту церемонию совершали основатели династий и их потомки – вновь восшедшие на престол Сына Неба государи. В эпоху правления династии Тан был воздвигнут мавзолей Конфуция Kong zi miao (в 国子監 Guo zi jian), порядок проведения жертвоприношения духу Учителя был детально расписан в ритуальных кодексах Yong hui ling 永徽礼 (650-655) и Kai yuan ling 開元礼 (713-741). Согласно этим кодексам церемониал *shi dian* состоял из пяти этапов: очищения zhai jie 齋戒, жертвоприношения zhen she 陳設, славословия Конфуцию gui xiang 饋享, лекции 講讀 и банкета. Первое сообщение о проведении жертвоприношения *shi dian* (shakuten) в Японии датируется 701 годом н.э. Оно совершалось в соответствии

с установлениями ритуального кодекса Тан Yong hui ling и было проведено в 14 день 2 месяца по лунному календарю. В 720 году н.э. для проведения shi dian изготовили новую утварь (続日本紀・養老4年)[2,с.208]. В последующие времена жертвоприношение духу Конфуция совершалось в соответствии с другим кодексом ритуалов Тан – Kai yuan ling, и эти правила вошли в японский средневековый кодекс церемоний Engishiki. Согласно этим правилам в день проведения shi dian все участники церемонии засветло собирались у входа в поминальный храм Конфуция на территории т.н. университетского комплекса Daigakuryo 大学寮 и ожидали вестника от императора, который приносил повеление государя отпереть двери поминального храма. Участники жертвоприношения совершали омовение рук: принцы и высшие чины совершали омовение на специальном возвышении, остальные участники мыли руки подле, внизу. После омовения все входили в поминальный храм и занимали свои места. Приступали к жертвоприношению: духу Конфуция и его спутникам подносили ткани, еду и питье, которые раскладывались перед алтарями в ритуальных сосудах. Алтарей было два: один алтарь был посвящен Конфуцию или Xian sheng wen xuan wang и его любимому ученику Yan hui и перед этим алтарем устанавливали десять плетеных из бамбука столиков на высокой ножке bian, десять бронзовых жертвенных столиков на ножке dou, два жертвенных контейнера на ножках для проса gui, два жертвенных контейнера на ножках для риса fu, три бронзовых сосуда для жаркого на ножках deng, три бронзовых сосуда для супа на ножках xing, и три жертвенных столика для мяса трех животных zu. На жертвенных столиках bian помещали неочищенную соль arashio, сушеную рыбу, ядра водяного ореха hishi 菱, сушеные плоды дерева hannoki 榛, сушеные плоды дерева natsume или ююба 棗, каштаны kugi 栗, орехи лещины, вяленую оленину, клёцки из белого и черного (нешлифованного) риса. В жертвенные контейнеры dou укладывали квашенный аллиум niga 菰, соленья из рыбы и моллюсков shiokara 塩辛, маринованную редьку, солонину из оленины, квашенный омежник 芹, солонину из зайчатины, квашенные молодые побеги бамбука, засоленную рыбу, фарш из внутренностей оленя, приправленный специями и сало(?), которое в *Энгисики* обозначено иероглифами 豚脂 и в комментариях *Энгисики* описывается как 爪上重肉, т.е. «слоеное мясо выше копыта». В жертвенных сосудах gui подавали кашу из проса kibi 黍 и кашу из проса hie 稗. В жертвенных сосудах fu подносился рис и каша из чумизы 粟. Другой алтарь был посвящен 9-ти самым близким ученикам Конфуция и перед этим алтарем устанавливали два bian с каштанами и сушеной олениной, два dou с маринованной мальвой (?) 葵 и солониной из оленя, один gui с кашей из проса 稗, один fu с кашей из проса 黍, один deng, один xing и один zu[1, с. 515-516]. По древнекитайской традиции Конфуцию и его ученикам подносили жертвенное мясо трех животных. В Китае в жертву приносили быка, свинью и барана. В Японии жертвенными животными были большой и малый олени и заяц. Дело в том, что крупные домашние животные появились на японских островах только в конце 5-го века н.э. и употребление их мяса так и не получило широкого распространения. Древние японцы почитали оленя как воплощение духа плодородия и вестника божеств, и до появления в Японии буддизма в 6-м веке н.э., вожди и правители регулярно устраивали ритуальные охоты на оленя, мясо которого наделялось особой целительной силой. С другой стороны, традиционное религиозное мировоззрение древней Японии относилось к пролитой крови как скверне kegare и запрещало подношение сырого мяса и крови своим исконным божествам. Поэтому, в отличие от китайцев, которые включали в жертвоприношение shi dian подношение

духу Конфуция крови и шерсти убитого животного в специальном сосуде тао хие dou 毛血豆, японцы жертвовали только копченое или маринованное мясо, а если жертвоприношение совершалось накануне некоторых важных синтоистских праздников жертвенное мясо заменяли сушеной рыбой и другими морепродуктами. После жертвоприношения глава (ректор) университета произносил славословие Конфуцию и пил жертвенное вино. Все участники кланялись изображению Конфуция и переходили в *Столичный павильон* 都堂, расположенный к западу от поминального храма Конфуция. Участники выстраивались в ряд, появлялись профессора 博士 в церемониальных придворных одеждах, один из профессоров 音博士 зачитывал тему диспута, которую отбирали из конфуцианского канона *Семикнижие*: Xiao jing 孝經, Li ji 禮記, Shi jing 詩經, Shu jing 書經, Lun yu 論語, Yi jing 易經, Zuo zhuan 左傳. Далее совершался банкет: участники выпивали 5-6 чар в поминальном храме Конфуция и затем переходили в *Столичный павильон*, где происходило продолжение банкета или momodono 百度座, по окончании банкета принцы и высшие должностные лица уходили, начинался диспут по Lun yu и Xiao jing, он заканчивался банкетом, во время которого сочиняли стихи на заданную тему.

В отличие от китайских Сыновей Неба, японские правители tenno и наследные принцы никогда не принимали непосредственного участия в жертвоприношениях shi dian. Это можно объяснить тем, что к почитанию Конфуция относились как к культу иноземного божества. В Энгисики, например, к Конфуцию обращаются как к Xian sheng shen 先聖神 т.е. как к Достоправному божеству. Наряду с этим, считалось, что Японией с незапамятных времен управляет единственная непрерывно длящаяся династия sumeramikoto, происходящая от богини солнца Аматаэрасу, и, вероятно поэтому японские императоры или «явленные боги» не считали нужным подтверждать легитимность своей харизматической власти посредством публичного выражения пиетета Конфуцию. Думается, что почитание Конфуция в древней и средневековой Японии в отличие от Китая считалось обязанностью собственно подданных, и посредством церемониала shi dian выражалась не только благодарность Конфуцию, но и лояльность к правящему Дому.

Литература

1. Энгисики, т. 2, Токио, 1997.
2. Сёкунихонги, т. 1, Токио, 1995.

Исаченкова М.А.

Ст. преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока
Белорусский государственный университет

КУЛЬТ ПРЕДКОВ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУСОВ И КИТАЙЦЕВ

В каждой культуре присутствуют две традиции: элитарная, культура образованных кругов, и народная, стихийная, которая может, осложняться влиянием разных религиозных систем. У белорусов народная культура противопоставлена христианству, у китайцев – конфуцианству. Христианство было принесено на древние русские земли и по-своему адаптировалось разными слоями населения. Конфуций взял за основу исконно китайский архаический обряд, но придал ему особый этический смысл. Обряды в честь предков стали неотъемлемой частью не только семейной, но и государственной жизни.

Культ предков – одна из древнейших форм религиозных верований в истории человечества. Он является важнейшей и наиболее консервативной частью семейной обрядности разных народов, его отражение мы находим и в календарном цикле, так как в представлении народа усопшие предки становились покровителями плодородия и хранителями благосостояния потомков. Остановимся на некоторых моментах современной календарной традиции почитания предков у китайцев и белорусов. Сопоставительный анализ помогает вскрыть архаичные корни верований: утраченные мотивации одной традиции восполняются их сохранением в другой. По китайским представлениям, благосостояние каждого человека заключается в знании общих принципов и законов природы: «1. Небо управляет Землей; 2. И небо и земля совместно влияют на все сущее, и в ваших силах обратить это влияние в вашу пользу в наибольшей степени; 3. Счастье живых также зависит от доброй воли и повсеместного влияния умерших» [1, с. 23].

«Мой собственный жизненный дух, – говорит один из комментаторов изречений Конфуция, – есть жизненный дух моих прародителей. Когда я, со своей стороны, до предела исчерпаю искренность и уважение, поклоняясь им, тогда души моих предков пребудут во мне. Как новые корни появляются из зерна умершего растения, так и тождественный подлинный дух прошлых поколений связан с настоящим временем» [1, с. 27]. Как отмечает Эрнст Айтель, «простой люд придерживается представлений, которые, вне всяких сомнений, являются не более чем приложением к <...> философским теориям: души предков в их жизненной природе на какое-то время прикованы к могилам, в которые их тела помещены, в то время как своей духовной сущностью они ощущают потребность парить близ жилищ своих потомков» [1, с. 28]. Английского синолога можно поправить только в том смысле, что народные представления не просто приложение к более совершенным философским воззрениям, а одна из линий развития древнего видения мира.

Считается, что у китайцев три главных «праздника мертвых» (鬼节 *гуй цзе*): Праздник Чистого света (清明节 *Цинминцзе*), поминальные обряды 7-го месяца и праздник отправки зимней одежды умершим в 10-ом месяце в противопоставление трем «праздникам живых». На наш взгляд, это деление искусственное. В действительности поминовения предков происходят ежемесячно и являются неотъемлемой частью важных дат, в том числе, а может, и в первую очередь, так называемых «праздников живых»: праздника Весны – современного китайского Нового года (春

节 *Чуньцзе*), праздника Истинной середины (端午节 *Дуаньцзе*), и праздника Середины осени (中秋节 *Чжунцюцзе*). Выделение трех «праздников мертвых», возможно, связано с буддийским влиянием или просто с китайским стремлением к симметрии (три «праздника живых» и три «праздника мертвых»). Например, праздник отправки зимней одежды умершим в сокращенном виде повторяет обряды 7-го месяца. В современном традиционном календаре четко выделяются два периода, посвященных предкам: весенний праздник *Цинмин* и осенние поминальные обряды 7-го месяца.

Праздник Чистого света 清明节 *Цинминцзе* – единственный китайский праздник, сохраняющий связь с солнечным, а не лунным календарем. По времени он практически совпадает с нашей Пасхой и имеет много общих черт с пасхальным циклом, к которому примыкают весенние поминальные дни на могилах. *Цинмин* заменил собой древний обрядовый сельскохозяйственный цикл *Ханьши* (寒食 Холодной пищи). Самые ранние сообщения о *Ханьши* относятся к первой половине I тыс. до н. э., когда наступление весны отмечали зажжением нового огня. Старый огонь предварительно гасили, и в течение месяца все ели холодную пищу. Дату зажжения нового огня высчитывали по солнцу: сто пятый день после зимнего солнцестояния (5 апреля по европейскому календарю) [2, с. 36-46]. В. Эберхард обратил внимание на то, что весь комплекс обычаев, связанных с днем Холодной пищи сосредоточивается в Шаньси – центре первых высоких культур Дальнего Востока [3, с. 104]¹⁹. В письменных памятниках II-I вв. до н. э. сохранились легенды о Цзе Цытуе – слуге цзиньского царя, жившего в VI в. до н.э. Цзе Цытуй спас своего господина в трудные для того годы изгнания. Став правителем, господин забыл о верном подданном. Цзе Цытуй уединился в горах и не захотел выйти, когда, наконец, правитель вспомнил о нем. Разгневанный цзиньский ван приказал зажечь лес, однако слуга предпочел сгореть, но не подчиниться своему неблагодарному господину. В память о верном слуге правитель приказал гасить огонь в очагах в годовщину его смерти. Образ Цзе Цытуя в новой легенде заменил древнее божество, умирающее и воскресающее в соответствии с циклами природы. Известны мифы о чжоуском первопредке²⁰, получившем прозвание Хоуцзи (后稷 Князь-просо)²¹ за то, что научил людей возделывать зерновые культуры, но имя 弃 Ци 'брошенный', данное ему при рождении, скорее, свидетельствует о более архаичных представлениях о брошенном в землю зерне²². Легенды такого рода подчеркивают тесную связь культов плодородия и мертвых.

¹⁹ Когда в 30-х годах II в. н. э. чиновник Чжоу Цзю узнал, что жители Бинчжоу в конце зимы по месяцу не поддерживают огонь в очаге, он из гуманистических соображений повелел ограничиться тремя днями. Позднее Цао Цао пытался вообще запретить этот обычай. Во времена Северных династий праздник отмечался в течение трех дней. Ели приготовленную заранее ячменную кашу с овощами, молочные продукты. Существовал обычай изготавливать фигурки петухов и кур, устраивать петушинные бои [4, с. 213]. Всевозможные развлечения этого времени (соревнования по перетягиванию каната, качания на подвешенных между деревьями качелях и т. д.) носили магический характер. Возникший на Севере, праздник в танскую эпоху распространился по всему Китаю; известно, что существовал обычай дарить друг другу раскрашенные куриные яйца [5, с. 201].

²⁰ Племя чжоусцев расселилось на территории Северного Китая в конце II тыс. до н. э.

²¹ Образ, в соответствии с реконструкцией имени, восходит к архаическому женскому божеству Владычествующей над просом [6, с. 69-76].

²² Можно привести огромное количество параллелей из мировой мифологии; самыми яркими являются ближневосточная и средиземноморская традиции (ср. образы Осириса, Адониса, Аттиса, Думузи, Персефоны и т.д.).

Праздник *Цинмин*, как день поминовения умерших, появился в раннем средневековье [4, с. 213]. Поминальные обряды проходили практически одинаково по всему Китаю. Могилы посещали в один из трех дней до или после дня Цинмин²³. Утром глава семьи молился и приносил жертвы у домашнего алтаря. Затем все домочадцы отправлялись к семейному кладбищу, где первым делом приводили в порядок могилы²⁴. Жертвы приносили Небесному владыке, Божеству земли, потом – умершим родственникам. Минимальным подношением на могилах могла быть просяная каша, но каждая семья старалась как можно лучше угостить своих предков. Все члены семьи, вслед за главой, молились, опустившись перед могилами на колени. Умершим посвящались жертвенные деньги: их могли оставлять на могилах, привязывать к росшим поблизости деревьям, сжигать, предварительно вылив на них чашку вина. В провинции Фуцзянь вино лили также на могильную плиту. Гуандунцы расплескивали вино вокруг могил, что называлось «кормить предков». В Фуцзяни и на Тайване на могилы клали бобы с рисом, медные деньги и гвозди, символизировавшие соответственно изобилие пищи, богатство и процветание рода. Жители Тайваня клали на могилу и яичную скорлупу.

Если семья по каким-то причинам не могла посетить могилы, совершали «дикое жертвоприношение»: в бумажный мешок с изображением двух человеческих фигур клали жертвенные деньги, ставили его на импровизированный алтарь и раскладывали рядом жертвенные яства. Глава семьи отбивал поклоны перед алтарем, затем мешок выносили на улицу и сжигали до захода солнца, чтобы души умерших успели вернуться в свои подземные жилища.

На кладбище сжигали жертвенные деньги и для тех душ предков, имена которых стерлись в памяти потомков. Фуцзянцы преподносили специальные дары неупокоенным душам: бумажную одежду, деньги и маленькие пшеничные лепешки, посыпанные рисом. В Гуандуне нищие, которые выступали как бы олицетворением «чужих духов», просили на кладбище милостыню. В уезде Тай провинции Цзянсу жертвы неупокоенным душам приносили на заброшенных могилах, к которым добирались по реке на специальных лодках²⁵. В провинции Аньхой жертвенные деньги вешали на деревья у кладбища, что называлось «послать прощальный подарок диким духам». Крестьяне уезда Датянь провинции Фуцзянь называли их «рисом белых рос», что выражало пожелание снять урожай риса чистого, как роса. Как правило, соблюдение подобных обычаев связывали с обеспечением богатого урожая, а деревья выступали в роли медиаторов

По всему Китаю, особенно на Юге, после жертвоприношения у могил устраивали пиршества, в которых участвовали все члены клана.

²³ Китайцы, принявшие христианство, посещали семейные могилы на Пасху, украшали их цветами и там же ели холодные закуски.

²⁴ В просторечии Цинмин иногда называется Праздником подметания могил.

²⁵ Подобный обычай связан и с летним праздником Дуаньу.

Реликтом древнего культа плодородия остается традиция сажать в дни весенних празднеств плодовые деревья²⁶. Во многих районах Китая единственным местом, где росли деревья, являлись кладбища²⁷ или горы, связываемые в народе с обителью мертвых²⁸.

Исключительное значение по всему Китаю приписывалось иве, которая в народном быту выступала символом связи живущих с предками [2, с. 45-46]. В средневековом Китае существовал обычай в середине первого месяца прикреплять к воротам дома ветви ивы и совершать поклонения предкам в том направлении, куда они указывали. Таким образом, народные верования китайцев несут в себе отголоски широко распространенного в древности мотива связи душ умерших и ивы, сохранившегося и у европейцев. Хорошо известен обычай восточных славян украшать дома веточками ивы в Вербное воскресенье, в честь входа Христа в Иерусалим. Вербка в данном случае заменяет пальмовые ветви. Однако семантика использования вербы имеет явно дохристианское значение. Как отмечал Й. И. де Гроот в отношении китайцев, ива, будучи растением долголетним, чрезвычайно жизнестойким и распускающимся вместе с первыми весенними лучами солнца, слыла символом бессмертия и жизненной силы [2, с. 46]. Китайцы приписывали иве способность вызывать дождь, поэтому ее ветви использовали при молении о дожде [3, с. 106] (белорусы использовали ветки, чтобы остановить грозовую тучу). В день Цинмин молодыми побегами ивы украшали семейные могилы. Их также вешали под крышей дома и на ворота. В Ханчжоу это называлось «просветленный глаз» [5, с. 201]. Женщины и дети втыкали ветки в волосы. Все это делалось, чтобы отогнать нечисть, отвести болезни, привлечь добрых духов покойников.

К празднику *Цинмин* традиционно готовились и «весенние лепешки» с мясной или овощной начинкой. В деревнях Шаньдуна сохранился старинный обычай к весеннему празднику выпекать из рисовой муки фигурки ласточек, которых называли «ласточками Цытуя». Их можно сопоставить с весенним белорусским печеньем в виде птиц (жаворонков, куликов, аистов и др.), которое готовили ко дню Сорока мучеников (*Саракоў*) или, чаще, Благовещению. С этим печеньем выходили встречать возвращающихся из «вырая» птиц, якобы приносящих с собой тепло. Семантика обряда глубже и является следствием древнего представления о птицах как ипостасях душ умерших, а с помощью ритуального печенья устанавливали контакт с предками.

Так, период *Ханьши*, воплощающий культ плодородия, со временем стал главным поминальным праздником. Обычаи и обряды этого промежутка времени направлены на установление взаимосвязи с умершими и охватывают все категории усопших: «своих» и «чужих», умерших естественной и насильственной смертью.

Главные поминальные обряды осеннего периода совершаются в седьмом лунном месяце. Издревле седьмой месяц был временем благодарения душ за урожай. Чествование умерших начиналось с первых чисел и достигало кульминации в середине месяца. С VI века к этому периоду оказывается приуроченным буддийский праздник 盂兰盆 *Юйланьпэн*. Согласно житию буддийского святого Муляня, его

²⁶ Праздник Цинмин был также известен под именем Праздника насаждения деревьев.

²⁷ Раньше каждая семья в Китае имела собственное кладбище, которое, как правило, примыкало к семейному полю.

²⁸ Ср. народное название похорон *хуань шань* 还山 «возвращение в гору», посещение могил предков — *бай шань* 拜山 «поклонение горе».

мать после смерти переродилась в царстве голодных демонов. Любящий и почтительный сын спустился в ад, отыскал свою мать и попробовал накормить ее, но пища во рту грешницы тут же превращалась в горящий уголь. По совету Будды Мулянь в 15-й день 7-го месяца преподнес монашеской общине щедрые дары, и благодаря молитвам всех монашествующих его мать была избавлена от мучений в аду. Будда призвал совершать такой обряд каждый год и назвал его *Юйланьпэнь*. Китайцы, приняв эту легенду, в качестве названия дня используют термин *Чжунъюань* (中元 Срединная изначальность) даосского происхождения. 15-ый день 7-го месяца был датой одного из трех в году собраний всех высших даосских богов, собиравшихся для того, чтобы «осчастливить мир, верующих и государство» [2, с. 78]. Под влиянием буддизма *Чжунъюань* стал днем поминовения в первую очередь забытых и бесприютных душ. Сейчас это один из трех больших «праздников мертвых» в годовом цикле китайцев и сочетает буддийские, даосские и традиционные народные верования. Несмотря на пышные службы буддийских и даосских монахов в народе сохраняются представления далекой архаики. По народному поверью, в течение всего 7-го месяца врата преисподней открыты, а ее обитатели могут находиться в мире людей. Еще в начале XX в. в народе держалось поверье о том, что на время праздника *Чжунъюань* мертвые «возвращаются в родной дом» [2, с. 79].

В средние века каждая семья в этот день совершала подношения предкам. На длинный бамбуковый шест укрепляли корзину в виде фонаря, внутрь клали бумажную одежду, обувь, жертвенные деньги. После молений все это сжигали и гадали, насколько суровой будет зима. Жертвенные столики опутывали стеблями конопли, чтобы «сообщить предкам о наступлении осени» [5, с. 205].

Обряды этого периода включали в себя три последовательных этапа: встречу душ умерших, их чествование и проводы [2, с. 79-83]. Особый интерес представляют обычаи Северного Китая. В день встречи крестьяне выставляли по обеим сторонам ворот дома снопы проса и конопли. Стебли этих растений клали также у дверей, очага и семейного алтаря, раскладывали на семейном кладбище. Пучки проса и конопли жгли перед воротами дома в знак прибытия предков. В некоторых местностях Шаньдуна во дворе дома из стеблей проса и конопли сооружали небольшие шалаши и совершали в них положенные обряды. В окрестностях Пекина крестьяне ставили перед воротами три снопа проса и раскладывали перед ними в качестве жертвоприношения лапшу и фрукты. По-видимому, осенние обряды замыкали цикл, связанный с умирающим и воскресающим божеством. По крайней мере, исследователи давно обратили внимание на преемственность между представлением о связи проса и усопших предков и обожествлением проса как тотемного предка племени. «Заметим, что просо на Севере созревало в 7-м месяце и обычай выставлять перед домом и домашним алтарем стебли проса и конопли называли «благодарить за урожай», «сообщать об осеннем прибытке» или «сообщать о приобретенных осенью еде и одежде». Аналогичные обряды «встречи» предков во время праздника Нового года не оставляют сомнения в том, что просо у северных китайцев рассматривалось как средство коммуникации живых с их умершими предками [2, с. 79].

«Встреча» покойных предков сопровождалась подношениями различных яств в их честь. По всему Китаю семьи в полном составе выходили за ворота, кланялись, приветствуя воображаемых предков, сжигали жертвенные деньги. В некоторых городах провинции Цзянсу нищие ходили по улицам, нарядившись демонами. По всему Китаю у каждого дома в полнолуние 7-го месяца по вечерам зажигали фонари,

которые, как гласила молва, «освещали преисподнюю», указывая мертвым дорогу к их дому. Полагалось также поклониться могилам предков и привести их в порядок.

Возвращение в дом усопших предков отмечалось поклонениями на семейном алтаре. Предкам подносили чай и вино, лапшу, рис и мясные блюда, всевозможные фрукты, сладости, на юго-восточном побережье – морские продукты. В некоторых местностях провинции Шаньси было принято жертвовать баранину, а беднякам, не имевшим скота, посылали выпеченную из теста фигурку барана. Особенностью ритуальной еды в Ханчжоу были рисовые клецки *хуньтунь*. Перед табличками с именами предков постоянно курились благовония, утром и вечером обновлялись блюда с жертвенной едой, а перед каждой трапезой предков потчевали первыми. Особое внимание уделялось душам тех, кто умер недавно или бездетным.

Особенно прочно праздник *Чжунъюань* сохранял свою изначальную связь с благодарением умерших предков за урожай в деревнях. Известно, что в XIII в. жители Ханчжоу в эти дни приносили жертвы предкам, чтобы «отблагодарить за осеннюю жатву»²⁹. Крестьяне провинции Шаньси в полнолуние 7-го месяца ставили на меже шест с жертвенными деньгами или блюда с зерном в благодарность за урожай. В низовьях Янцзы крестьяне к этой дате приносили в жертву Полевому богу просо, рис, фрукты и овощи, раскладывая их на перекрестках тропинок, разделявших поля. Это называлось «чествовать голову полей» (интересно сравнить с обычаем оставлять «бороду» для духа поля у белорусов: небольшой пучок несрезанных колосьев выпалывали, связывали и внутрь получившегося «шалашика» клали кусок хлеба). В уезде Чаншоу провинции Сычуань крестьяне в ночь на 15-й день 7-го месяца ставили у своего поля еду и чашки с вином и по погоде гадали об урожае. О тесной связи празднеств 7-го месяца с видами на урожай свидетельствует и распространенная в Шаньдуне поговорка: «В 15-й день 7-го месяца быть засухе или наводнению, в 15-й день 8-го месяца быть урожаю». Забота об урожае занимала важное место и в празднике *Чжунъюань* в Гуандуне, как можно заключить из распространенного там обычая имитировать посевы риса с помощью сгоревших курительных палочек.

подавляющее большинство семей устраивали проводы душ умерших в 15-й день. После полудня глава семьи вновь приносил жертвы предкам и отбивал поклоны перед табличками с их именами. Вечером поклонения отбывающим душам устраивались у дверей, а затем и у ворот дома. В Гуандуне на улицу бросали связку медных монет, звон которых, как верили, отгонял нечисть. Эти монеты забирали мальчики.

Прощаясь с предками, их следовало снабдить всем необходимым для жизни в загробном мире. В специальный бумажный мешок вкладывали жертвенные деньги, бумажные имитации одежды, обуви, предметов домашнего обихода и пр. Мешок сжигали на импровизированных конусообразных лесах, воздвигнутых во дворе дома, и магическая сила огня переправляла все предметы в потусторонний мир, превращая их там в настоящие. На мешке проставляли надпись: «С почтением подношу», а также надписывали имена адресата и отправителя даров, чтобы на том свете не возникло недоразумения.

²⁹ Древние китайцы в эпоху централизованных империй жертвоприношение предкам совершали в восьмом месяце. В округе Хэдун он считался главным календарным праздником. Обряды просом и свининой совершались во время осеннего равноденствия на алтаре земли (тай шэ) и на могилах предков [7, с.254]. В современном календаре также встречаются локальные отличия в приуроченности осенних благодарений за урожай, что связано с климатическими условиями местности, а также со сроками созревания разных культур.

Вечером 15-го дня по всему Китаю совершали обряд пускания фонарей по воде. Для этого обычно использовались масляные лампадки из тростника и бумаги, миниатюрные лодочки или дощечки с прикрепленными к ним свечами, которые украшали бумажными имитациями цветов лотоса.

Согласно распространенному поверью, витавшие в воде неупокоенные души мертвых могли, схватив пущенный людьми огонек, найти дорогу обратно на землю и переродиться человеком. В то же время пускание огоньков по реке воспринималось в народном сознании и как символическое прощание с душами покойных родственников.

Поверья и обряды 7-го месяца, как и праздника Цинмин, своей главной целью имели восстановление связи с умершими. И если буддийские и даосские службы посвящены преимущественно неупокоенным душам, то в народном представлении этот период связан с поминовением всех предков. Нужно отметить, что главные весенние обряды проходили на могилах, а осенью души усопших принимали дома.

Таковы две главные даты почитания предков в современном китайском календаре.

В древности, на наш взгляд, дни почитания предков были связаны с главными точками солнечного года: зимним и летним солнцестоянием, весенним и осенним равноденствием. Возможно, главной датой являлось зимнее солнцестояние как наиболее важная и драматичная точка календарного года. Следы древних представлений сохраняются в современных праздниках, которые в связи с развитием китайской нумерологии изменили свою приуроченность.

Так, современный китайский праздник встречи нового года – *Чунцзе*, т.е. Праздник Весны, заменил древние торжества *чжа* 蜡 и *ла* 腊. По сведениям ранних памятников, «празднества *чжа* посвящались земледельческим богам и включали в себя жертвоприношения животных, красочные экзорцистские процессии и разного рода игрища. Празднества *ла*, по-видимому, были ориентированы на поклонение предкам и домашним божествам и, в свою очередь, тоже носили оргиастический характер. Хронологическая и содержательная близость этих двух праздников способствовала тому, что в середине I тысячелетия до н. э. в процессе складывания единой древнекитайской цивилизации они слились в один праздник *ла*» [7, с. 255]. Сейчас он приурочен к 8-му дню 12-го месяца. Главной обрядовой пищей данного праздника было приготовление «каши Восемерки месяца *ла*» (腊八粥 *лабачжоу*). Готовили кашу из разнообразных постных продуктов: круп (но не муки) различных злаков, миндаля, редьки, фасоли, бобов, орехов, гороха, каштанов, арбузных семечек и пр. Кашу раскладывали в чашки, покрывали сахарной пудрой и корицей, украшали миниатюрной фигуркой льва. Часть каши дарили родственникам и друзьям.

В позднейшем китайском фольклоре обряд приготовления каши *лабачжоу* оказался связанным с мотивами буддизма и конфуцианства: по преданию, всемиростивая богиня Гуаньинь преподнесла ее своему отцу, прежде чем постричься в монахини.

В древности празднества *ла* символизировали очищение от поветрий старого года и рождение новой жизни. Пережитки этих празднеств различимы в некоторых народных обычаях и поверьях, связанных с 8-м днем последнего месяца. Об их архаическом характере напоминает существовавший в провинции Шэньси обычай в этот день раздавать еду нищим, которые в представлениях древних, являлись свое-

образными медиаторами между мирами. О магии плодородия свидетельствует бытовавшее на Севере поверье, что *лабачжоу* надо есть целый день, дабы урожай был обильным.

В современном праздновании нового года сохраняются реликты древних верований. Важной частью новогодних торжеств остается почитание умерших предков. В уезде Дин провинции Хэбэй в канун Нового года от каждой семьи два человека, мужчина и мальчик, отправлялись к могилам предков. Придя на место, они зажигали пучки конопли и молили мертвых: «*Уважаемый дедушка, уважаемая бабушка, просим вернуться домой и поест пельменей*». Затем возвращались, следя, чтобы их факелы не погасли, и повторяя свое приглашение. Вернувшись, клали на домашний алтарь корни сгоревшей конопли и в течение пяти дней домочадцы поклонялись им. Предков проводжали обратно в могилу, сжигая им в дар бумажные деньги.

Календарные почитания предков у белорусов. Белорусское понятие *дзяды* кроме старших родственников обозначает и всех умерших предков, и поминальные дни в их честь. *Дедовать* – значит, устраивать поминальный ужин или обед в дни календарных поминок [СБЯ, 86, 98]. Поминальные даты могут называться *задушные дни* (д. Лисятичи Пинского р-на Брестской обл.) [86, с. 120]. Существует поверье, что при совершении определенных действий можно увидеть души прибывающих в дом умерших. Несмотря на то, что даты поминовения предков установлены христианским календарем, приурочение *дзядоў* отличается в разных частях Беларуси, что связано как с местной церковной, так и с дохристианской традициями. В белорусском народном календаре также выделяются два поминальных периода: осенний и весенний. Известно, например, что в Дисенском уезде (совр. Витебская обл.) отмечали двое *дзядоў*: *Наўскі Вялікдзень, веснавыя Дзяды*, посвящались только *наўцам*, т. е. недавно умершим близким родственникам, а *Вялікія дзяды* – осенью – всему роду, которые и отмечали раньше всем родом. За столом молились, старались вспомнить всех предков, приглашали умерших на ужин [9, с. 276-278]. В Могилевском уезде, как указывается в материалах П.В. Шейна, *дзядоў* у крестьян, как и по церковному уставу, четверо: *Духаўскія, Змітраўскія*, перед *масленым тыднем* и *Радуніца*. В некоторых деревнях есть пятые – перед Покровом (*Пакроўцы*). Все отмечаются одинаково, кроме Радуніцы [9, с. 278]. На Гомельщине различали *Дзеды* и *Бабы* (*Бабу, Бабу*): «*На першуй дзень Дзеды ў вечері, а на другі дзень, кажучь, это ужэ Бабу. На сьнеданне, кажучь, што это ужэ не дзяды прідуць, а бабу*»³⁰ (д. Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл.) [10, с. 185].

И осенью, и весной поминовение происходило в один день в доме, в другой – на кладбище. Как и у китайцев, главные весенние поминовения у белорусов проходили на могилах, осенние – в доме.

Обязательным было весеннее посещение могил. На территории Беларуси это главным образом *Радуніца* (вторник Фоминой недели, 9-й день после Пасхи), но на Брестско-Пинском Полесье *Наўскі Вялікдзень* или *Наўскі Чацвер* отмечали на пасхальной неделе³¹. В эти дни убирали могилы, зажигали свечи, молились, поминали умерших совместной трапезой, оставляли на могиле яйца, хлеб для нищих. Если среди родственников был утопленник, пищу бросали в воду [11, с. 253]. На Восточном Полесье радуничные обычаи объясняли проводами душ умерших в могилы:

³⁰ *Дзеды* отмечали в пятницу, а *Бабы* – в субботу. Подробнее см.: 8, с. 100-107.

³¹ На Брестско-Пинском Полесье *Наўскі Вялікдзень* или *Наўскі Чацвер* отмечали для «чистых» покойников, для «нечистых» или «заложных» – *Наўскую Тройцу* в четверг после Троицы.

«*Яны ж от Паскі у нас жылі...*» [11, с. 252]. Так в современной культуре сохраняется архаичное универсальное представление о периодах, когда умершие находятся среди живых. Несколько позже, как правило перед Троицей (*Сёмухай*), дома справляли *Сёмушны дзяды*.

Осенью на большей части территории поминальные дни приурочивались ко дню св. Дмитрия и назывались *Змітраўскія*, *Дзяды* или *Асяніны*. Дома празднование происходило приблизительно по одному сценарию: мужчины прятали на зиму сельскохозяйственные орудия, женщины тщательно убирали дом. Приготавливали поминальные блюда в соответствии с местными обычаями. Вечером семья собиралась за столом. Старший в семье зажигал свечу, произносил молитву, приглашал души умерших родственников: «*Святыя дзяды, заведем вас, хадзеце да нас! Ёсць тут усё, што бог даў, што я для вас ахвяраваў, чым толькі хата багата. Святыя дзяды, просім вас, хадзеце, ляціце да нас!*» Наливал водку, но так, чтобы немного пролилось на скатерть, «для дзядоў», выпивал. Взрослые члены семьи делали то же. Первую ложку каждого блюда откладывали в отдельную глиняную миску, потом ставили на подоконник или даже за окно. Все звуки воспринимали как знаки присутствия предков. За столом вспоминали умерших как живых. Поужинав, прощались с «гостями»: «*Святыя дзяды! Вы сюды прыляцелі, пілі і елі, ляцеце ж цяпер да сябе. Скажыце, чаго яшчэ вам трэба, а лепей ляцеце да неба, акыш, акыш, акыш!*» В некоторых местностях пекли особый хлеб *курэц*, который отдавали нищим [9, с. 66-67], что расценивалось как жертвоприношение умершим предкам. Обычно, к *Асянінам* приурочивалось и второе посещение могил, которое в обрядовом плане напоминало Радуницу. Интересное сообщение об осенних поминовениях в своих записях оставил Н.В. Гоголь: «В Белоруссии около так называемого *поминального дня* (задушного дня) простолюдины заказыва^{ют} обедню, собираются всем семейством в церковь, раздают милостыню бедным и потом отправляются на кладбище, где с полчаса все громко рыдают над могилами своих родственников, наконец возвращаются домой и вечером начинают поминать усопших: тайком готовится пир в какой-нибудь часовне или в пустом доме близ кладбища; ставят блюда с кушаньем, напитки, овощи; вызывают души покойников, зажигая вино и лен; по цвету пламени судят о явлении душ, призываемых следующ^{ими} словами: «Чего потребуешь, душечка, чтоб попасть в небо? Не хочешь яства и питья, оставь нас в покое, а если не слушаешь просьбы, то во имя отца и сына и св. духа! видишь господский крест, акыш!» Простой народ уверен, что такое угощение и песни доставляют отраду душам, находящимся в чистилище, и что покойники внушают за это какую-нибудь добрую и полезную мысль или дают совет. Где поблизости нет кладбища, там пир учреждается в доме. По окончании этого стола хозяин берет утиральник и один конец его вывешивает за окно, а на другом ставит рюмку или стакан воды и кладет по частице от всех кушаньев, приготовленных для покойников. К утру говорят, будто все пропадает, что же и остается, то раздают нищим. Вместе с Дедами или Большими осенинами в Минской и в смежн^{ых} губер^{ниях} отправляют 6-го ноября *прикладины*, то есть обкладыванье могил дерном. Малые или меньшие осенины празднуются в *госпожку*» [12, с. 426]. Отдельно хотелось бы обратить внимание на использование льна, которое напоминает действия китайцев с коноплей и просом³².

Таким образом, главные поминальные даты у белорусов также оказались связанными с весенним и осенним сезонами. В научных исследованиях преобладает

³² О сакральных свойствах конопли и льна свидетельствует и их использование белорусскими девушками во время гаданий в день св. Андрея.

мнение, что календарные поминовения согласуются с графиком сельскохозяйственных работ: весной необходимо заручиться поддержкой предков, а после уборки урожая отблагодарить их за помощь. Тем не менее, своих предков белорусы, как и китайцы, вспоминали во время всех главных дат. Ученые неоднократно обращали внимание на поминальный характер празднования *коляд*, Масленицы, Троицы и других славянских праздников [13, с. 23-34]. Святочный ужин представляет поминальный стол в честь покойников своей семьи. В это время: во-первых, употребляли обрядовую пищу – кашу (*кутью*) из цельного зерна³³, блины; во-вторых, откладывали часть каждого блюда в отдельную миску, оставляли стол неубранным, как на поминках; в-третьих, приглашали к столу мороз, что заменило древние призывания душ умерших (ср. с китайской традицией на Новый год и с белорусской на *Деды*); в-четвертых, выставляли пищу для «неупокоенных» душ³⁴ и пр.

Выводы. 1. Несмотря на то, что основные поминальные даты связаны с весенним и осенним сезоном (ср.: Пасха/Радуница, Осенины у белорусов, Цинмин и обряды 7-го месяца у китайцев), важные обряды в честь усопших совершались во время празднования Нового года (коляды – Чуныцзе) и летнего цикла (Троица/Купала – Дуаньу).

2. И в белорусском, и в китайском календарях выделяются «официальные» дни почитания предков, но в обеих традициях умерших родственников чествовали во время всех важных календарных праздников. Есть дни, которые в современном календаре не считаются поминальными, но они сохраняют соответствующую древнюю семантику. Прежде всего, это касается празднования Нового года.

3. Наблюдение за традиционным календарем свидетельствует о том, что в обеих традициях существует представление о поминальных днях для покойников «своих» – «чужих», «чистых» – «нечистых», близких – всего рода.

Таким образом, в народной традиции поминовения предков китайцев и белорусов мы обнаруживаем много общих черт: посещение и уборка могил, совместные трапезы на могилах членов семьи в весенний период; приглашение душ усопших на ужин во время осенних и зимних поминовений; оставление пищи для «неупокоенных» душ; использование вина и яиц (или яичной скорлупы) в качестве жертвенной пищи; приготовление поминальных блюд из зерна, главным образом, цельного; использование растений (например, конопля или проса у китайцев, конопля, льна у белорусов), веток деревьев, в первую очередь, ивы; магическая роль огня; представление о нищих как представителях иного мира, заместителях «чужих» покойников; представление о птицах как ипостасях душ умерших и т. д. Ритуальные действия направлены на установление коммуникации с предками. Сохраняется достаточно архаическое отношение к умершим, которые могут помочь потомкам в благополучии. Обращает внимание свободное и непринужденное поведение людей во

³³ «Зерно обладает свойством надолго сохранять и воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя – растение – семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни. Путем еды к этому процессу приобщаются люди. В животном мире зерну или семени, с точки зрения крестьянина, соответствует яйцо, обладающее тем же удивительным свойством, что и семя: оно сохраняет, содержит жизнь, воссоздает ее» [13, с. 26].

³⁴ Для умерших, не имевших потомства (их души бродили по улицам), оставляли блины на слуховом окне [13, с. 27].

время народных празднеств³⁵. Несколько отличается традиция образованной элиты. Для христиански и конфуциански образованных людей обряд служит средством самопознания. Часто подчеркивается, что Конфуций не говорил, верит ли он в бессмертие духов предков: «Не знаем, что такое жизнь, откуда же нам знать, что такое смерть» [14, с. 108]. Тем не менее, в момент особого сосредоточения Учитель видел великих наставников прошлого [14, с. 65, 85]. По-видимому, иномирная жизнь относилась к той области, о которой, по мнению Учителя, не надо говорить всуе. Каким образом мог устанавливаться контакт с предками? «Согласно конфуцианским представлениям, сын получает от отца (и потомки от предков вообще) *ци* (жизненную силу) особого рода. Совершение ритуала почитания предков с предельной силой искренности (*чэн*), с чувством их реального присутствия на ритуале (*жу цзай*) как бы стимулировало, питало (*ян*) эту жизненную силу, что способствовало как нравственному, так и физическому процветанию благочестивого потомка» [15, с. 122].

Об этой глубокой связи живущих с предками знали не только китайцы. Так в славянских сказках повторяется сюжет, когда умерший отец поднимается из могилы и помогает достойному сыну.

Связь с предками осознавалась и народом, и образованными верхами, только одни это чувствовали интуитивно, другие осознанно.

Литература

1. Айтель, Э. Фэншуй – наука китайской древности // Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию / Сост., вст. ст., пер., примеч. и указ. М.Е. Ермакова. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2003. – С. 15-62.
2. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. / Отв. редакторы Р.Ш. Джарылгасинова, М.В. Крюков – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1989. – 360 с.
3. Эберхард, В. Китайские праздники. Пер с англ. и предисловие Н. Мункуева. / В.Эберхард – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1977. – 128с.
4. Китайский этнос на пороге средних веков / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софронов – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 327 с.
5. Китайский этнос в средние века / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софронов – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 334 с.
6. Яншина, Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. / Отв. ред. В.В. Ветроградова, Л.Е.Померанцева / М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 248 с.
7. Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров – М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 415с.

³⁵ Ученые авторы старого Китая жаловались на то, что «глупый народ» во время пиршеств на кладбище в праздник Цинмин предается пьянству и непристойным увеселениям, а известное белорусское присловье гласит: «*На Радаўніцу да абеду паіуць, на абедзе плачуць, а к вечару скачуць*» [9, с. 373].

8. Толстая, С.М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. Д-И // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии, категория посессивности. / Ред. коллегия: С.Б. Бернштейн, Е.И. Демина, Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Попова, Л.Н. Смирнов, Н.И. Толстой, Т.В. Цивьян – М.: «Наука», 1986. – С. 98-131.
9. Земляробчы календар: Абрады і звычаі / Уклад., класіф., сістэм. матэрыялаў і камент. А.І. Гурскага; Уступ. арт. А.І. Гурскага, А.С. Ліса; Рэдкал.: А.С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 405 с.
10. Толстая, С.М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. А-Г // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте / Ред. коллегия: С.Б. Бернштейн, Е.И. Демина, Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Попова, Л.Н. Смирнов, Н.И. Толстой, Т.В. Цивьян – М.: «Наука», 1984. – С. 178-199.
11. Толстая, С.М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. Р-Я // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья / Ред. коллегия: Л.Н. Виноградова, А.А. Плотникова, С.М. Толстая, Н.И. Толстой – М.: «Индрик», 1995. – С. 251-317.
12. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Гл. ред. Н. Л. Мещеряков; Ред. В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937-1952. – Т. 9. Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский; Ред. тома Г. М. Фридлендер; Подгот. текста и коммент. И. Я. Айзенштока, А. А. Назаревского, Г. М. Фридлендера. – 1952. – 684 с.
13. Пропп, В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования) / В.Я. Пропп – СПб.: Терра-Азбука, 1995. – 176 с.
14. Луньей // Конфуций. Я верю в древность / Сост., перевод и коммент. И.И. Семененко. – М.: Республика, 1995. – С. 55-172.
15. Торчинов, Е.А. Религии мира: опыт запредельного. – С.-Пб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007. – 544 с.

Баженов Ю. В.

Зав. редакцией исторических и социально-экономических наук издательства «Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі»

КИТАЙСКОЕ КИНО 21 ВЕКА: ПРОГРЕСС И УГРОЗА ТРАДИЦИЯМ

Возродившись после «культурной революции» (с 1967 по 1972 годы художественных фильмов в стране не снималось вообще), китайское кино в 21 веке вошло в десятку самых мощных кинематографий мира. В 2008 году в Китае было снято 406 художественных фильмов и установлен новый рекорд в истории китайского кинематографа (по некоторым подсчетам, Китай занимает 4-е место в мире по количеству выпускаемых художественных фильмов после Индии, Нигерии и США). По своему же значению китайский кинематограф может претендовать и на ведущее место в мире. О роли художественного кино в отражении реальной жизни общества говорилось в моей статье в предыдущем сборнике. Сейчас я хочу углубить тему именно об отражении реальной современной жизни в Китайской Народной Республике средствами художественного кино, как в нем наглядно показываются злободневные процессы в обществе, каким предстает Китай перед зарубежными зрителями. Несмотря на большую открытость миру, фильмы КНР, ярко блеснув в советском кинопрокате периода перестройки и постперестройки, снова стали малодоступны широкому зрителю постсоветского пространства, в т.ч. Беларуси. Их редко показывают в кинопрокате и по телеканалам Беларуси и России, которые идут в Беларуси. Из этих сотен в год доходит не более десятка, и в основном костюмированные исторические боевики, а не кино о реальной жизни, которые занимают более 80% общего выпуска китайских фильмов.

В китайском кино, как и советском и западном (в отличие от индийского) человеческие истории и человеческие характеры развиваются на фоне развития общества, даже если это служит только фоном. И 21 веке прогресс развития общества не проходит незамеченным. Китай бурно развивается. По ряду фильмов можно наблюдать за жизнью больших городов, бурным строительством, стремительным транспортом и т.д. Показывается, как в жизни героев происходят большие изменения. Рассмотрим сначала два показательных фильма начала и конца нулевых – «Платформа» (режиссер Цзя Чжанкэ, 2000) и «Землетрясение» («Таншаньское землетрясение 1976», режиссер Фэн Сяоган, 2010). Застой и перестройка, коммунистическая идеология и пришедший с Запада дух коммерции — столь много общего в истории СССР и Китая. "Платформа", а лучше, наверное, перевести как "Перрон" — 10 лет из жизни китайской молодежи. Ностальгическая интонация фильма берет начало в 1979 году. Вчерашние школьники репетируют песни, прославляющие жизнь в социалистическом Китае. Но в стране начинаются рыночные реформы, а с ними меняется и репертуар агитбригады. Запоминается сцена, как девушка с завивкой, в красном платье исполняет зажигательный испанский танец фламенко на фоне портрета Мао Цзэдуна, всё ещё висящего в провинциальном клубе. Затем начинается эпоха современных западных шлягеров. Постепенно в течение двухчасового фильма меняется быт героев. Меняются автомобили. Меняется городская застройка. Всё это происходит как бы незаметно, сделано очень мастерски. Прогресс налицо, однако в конце фильма испытываешь какую-то грусть, ностальгию. Видимо, хотя это не говорится, а только чувствуется, это ностальгия по уходящему коллективизму, который сменяется меркантильностью, а может просто по ушедшей молодости. Ведь наши герои

стали старше на 10 лет. Фильм «Землетрясение» – рассказ о таншаньском землетрясении 1976 и истории одной семьи после него в течение 32 лет. Это настоящий эпос, грандиозное историческое полотно. В начале его можно рассматривать как отлично поставленный фильм-катастрофу, но эта катастрофа продолжается всего несколько минут, так что такая реклама фильма весьма условна. Погибает отец, а двое детей-близнецов мальчик и девочка оказываются под завалом. Матери предлагается спасти только одного, так двоих спасти якобы невозможно. И мать после душевных терзаний все же решается спасти сына. Придавленная дочь слышала всё. И случилось чудо: обреченная девочка выжила и даже выбралась сама. Ее воспитала бездетная пара военнослужащих. Девочка выросла, хорошо устроилась в жизни. Но слова матери никогда не забывались, и поэтому она не искала встречи с ней. И всё же им довелось увидеться и простить друг друга. Такова основная сюжетная линия при нескольких второстепенных. В фильме заложено много смыслов и идей: это прежде всего неиссякаемая сила духа китайского народа, возродившего Таншань, где ничего не напоминает о землетрясении кроме мемориального кладбища (погибло 240 тысяч человек). Это вера в прогресс, вера в гуманизм (показаны прекрасной души приемные родители девочки). В то же время семейные традиции подвергаются испытаниям, исподволь критикуется (я так понимаю) неизжитая древняя традиция предпочтения сыновей дочерям, которая так испортила жизнь главной героини. Новые рыночные реалии вносят свои непростые нюансы в отношения сына, ставшего бизнесменом, и невестки с матерью. Открытость нового Китая дала возможность главной героине выйти замуж за иностранца и уехать к нему в Канаду, что будет мешать ей чаще приезжать к матери. Фильм даёт очень яркое и наглядное представление о Китае всем другим странам. Не случайно он завоевал широкую популярность за рубежом и впервые принес там известность постановщику Фэн Сяогану. Обидно, что в Беларуси он так пока не демонстрировался и приходилось пользоваться другими источниками, чтобы его увидеть.

Впечатляющая картина грандиозного строительства ГЭС на реке Янцзы показана в фильме «Натюрморт». Шахтер Хань Саньмин приезжает в Фэнцзе, город «Трёх ущелий» (Санься), чтобы найти бывшую жену, которую не видел уже 16 лет. Они встречаются на берегу Янцзы и решают возобновить брак. Медсестра Шэнь Хун тоже приезжает в Фэнцзе, чтобы разыскать мужа, который не показывался дома два года. Они встречаются, обнимаются, танцуют на фоне величественной плотины Санься и понимают, что слишком разные, что им лучше расстаться. Люди покидают старый город и переезжают в строящийся новый. Они забирают то, что им действительно необходимо, и оставляют позади то, что стоит оставить позади. Шахтера Хань Саньмина из Шаньси играет шахтер Хань Саньмин из Шаньси, уникальная находка режиссера – его друг в жизни. И вообще, жизнь людей у Цзя Чжанкэ всегда подсвечена достоверностью многочисленных материальных и психологических деталей, которые никогда не перегружают кадр, но последовательно настаивают на посюсторонности происходящего. Стройка века и слом уходящих под 156-метровую толщу воды зданий в «Натюрморте» показаны так, что их потом можно будет смотреть как кинодокумент. В фильме нет безысходности и трагичности как «В прощании с Матёрой» Валентина Распутина. Наоборот, показан исторический оптимизм, вера в будущее китайского народа.

В то же время в 2000-е годы появились фильмы, где главной темой показан наметившийся кризис семейных отношений, так традиционно бывших прочными в Китае в течение веков и тысячелетий. В 2000 такую тему наметил один из ведущих

режиссеров Китая Чжан Имоу в фильме «Счастье на час». Старый холостяк-неудачник в очередной раз собирается жениться, а для этого нужны деньги. Он заявляет невесте – немолодой вдове, что у него собственный отель. Однако на самом деле этот «отель» «Счастье на час» – заброшенный старый автобус, который он с приятелем привел в порядок и превратил в «дом свиданий» для влюбленных пар. Поражает безжалостное, корыстное отношение вдовы к падчерице – слепой девушке. Наш герой Чжао «устраивает» ее массажисткой в свой «отель» (на этот раз он размещается в стенах закрытого завода), а пациентов изображают его друзья – бывшие рабочие этого завода, ныне пенсионеры. Чаевые они дают слепой вместо денег из-за их нехватки простыми бумажками. Когда девушка об этом узнаёт, она с пониманием относится к этим бедным людям, которые своё душевное расположение не могут подкрепить деньгами. Фильм начинается как комедия, но перерастает в драму. Конец оставляет очень тяжелое, хотя и не совсем безнадежное впечатление. Если девушке и дальше будут попадаться такие же добрые люди как Чжао и его друзья она, возможно, сумеет преодолеть свою беду. Но ведь есть и такие, как её мачеха.

Социальные проблемы молодых супругов-провинциалов в Пекине показаны в фильмах «Весеннее метро» (2002. режиссер Чжан Ибай) и «Потерянные в Пекине» («Яблоко», «Пин Гуо», 2007, женщина-режиссер Ли Юй). В первом молодые супруги уже 7 лет вместе, но не решаются завести ребенка, муж теряет работу, но не смеет рассказать жене уже два месяца. Во втором молодая жена Пин Гуо, массажистка в частном салоне, была изнасилована хозяином. Когда она забеременела, возник вопрос, от мужа или от хозяина. Немолодой хозяин с женой, не имеющие детей, решили купить будущего ребенка. Молодые согласились. Это сильнейший удар по семейным обычаям, разрушение традиционной морали. С большим мастерством длительное время показаны переполненные улицы Пекина – этаким современным Вавилоном, в котором не каждому просто найти счастье на фоне видимого богатства. Но родив, Пин Гуо меняет свое решение: возникшее материнское чувство не позволяет отдать ребёнка чужим людям. И она уходит, в т.ч. и от мужа, одержимого вкусом больших денег. Судьба её очень тревожна. Показательно, что в обоих фильмах молодые супруги живут отдельно, без родителей. Таких пар всё больше, особенно среди провинциалов, перебравшихся в мегаполис. Отрыв от старшего поколения делает их поведение всё менее традиционным.

Жизнь современного Китая отражена и в таких фильмах «лёгкого жанра» как «Нечестных прошу не беспокоить» («Если ты – та», режиссёр Фэн Сяоган, 2011), «Буддийская гора» (режиссер Ли Юй, 2011), «Ожидая в одиночестве» (режиссер У Шисянь, 2005), «Месть Софии» (режиссер Цзинь Имэн, 2009), «Прекрасная невеста» (режиссер А Манн, 2009) и др. В них показана прежде всего молодежь, со всеми радостями и проблемами. Фильмы легко смотрятся, имеют занимательный сюжет, часто веселы, ироничны, поставлены в жанре комедии. Но вот национального своеобразия всё меньше. Они во многом напоминают аналогичные голливудские фильмы. А последний фильм назвали китайским ответом британскому фильму «Дневник Бриджит Джонс». Китайская молодёжь всё больше становится похожей на своих американских сверстников, отличаясь наиболее сильно лишь лицами. И в этом видится общемировая тенденция всеобщей унификации – в одежде, манерах, образе жизни, идеалах и т.д. а главная героиня фильма «Кто сказал, что меня это не касается?», демонстрировавшегося в Минске на фестивале китайского кино в свои 13 лет прекрасно разбирается в идеалах женской и мужской красоты на примерах американских артистов, которые очень популярны в Китае. Хорошо ли всё это или

не очень? Ответ, как говорится, неоднозначный. Хорошо, что люди мира всё лучше понимают друг друга, но что-то хорошее, своеобразное тоже уходит.

Обращает внимание ещё одна черта современного Китая – стремительное возрождение интереса к религии, которая так жёстко преследовалась во времена «культурной революции». В упомянутых фильмах «Потерянные в Пекине», «Буддийская гора», «Нечестных прошу не беспокоить». Будде и буддийским святым молится не только старшее поколение, но и молодёжь. В этом Китай схож с республиками бывшего СССР. Но, как мне показалось, религия не сильно мотивирует жизненное поведение современных китайцев, оставаясь во многом интересным модным увлечением. И как ни парадоксально, в этом тоже заключается традиция: большинство китайцев и в прошлых веках не были фанатично религиозны, отличаясь от соседей – тибетцев (тоже буддистов) и особенно от народов, исповедующих ислам.

Итак, в современном Китае причудливо переплетаются прогресс и традиции, которым угрожает растворение в глобализирующемся мире. И кинематограф это наглядно отражает. Хотелось бы пожелать, чтобы такое прекрасное кино белорусские зрители могли бы увидеть в кинопрокате и по телевидению, а не только по Интернету, который пока не всемогущ и не вседоступен.

Дамасевіч В. А.

Старшы выкладчык

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт імя Максіма Танка

КІТАЙСКІ НАЦЫЯНАЛЬНЫ КАСЦЮМ

Касцюм, як частка культуры, з’яўлялася адлюстраваннем глыбокіх філасофскіх ведаў старажытных кітайцаў. Многім вядомыя дасягненні буддыстаў і даосаў у вобласці карэкцыі псіхасаматыкі чалавека. Але не ўсе ведаюць, што яшчэ ў дабуддзіскім Кітаі Канфуцыем былі распрацаваныя і апісаныя спосабы карэкцыі псіхафізічнага стану чалавека з дапамогаю адзення, яго пакрою, колеру, арнаменту і з акультнай сімволікай. Гэтыя прынцыпы ляглі ў аснову кітайскага нацыянальнага касцюма [1, с. 208].

Пад уплывам змешвання шматлікіх мясцовых культур у межах Кітая, а таксама гвалтоўных рэформаў з боку іншаземцаў мастацтва і касцюм перанеслі бясконцыя змены. Аднак асаблівасці сацыяльна-эканамічнага развіцця народа, яго філасофскае вучэнне аб прыродзе вызначылі тыя асноўныя рысы, якія на працягу шматлікіх стагоддзяў характарызавалі сімволіку формы, арнаментцыю і колер кітайскага касцюма.

Адной з рыс гістарычных дынастый была строгая сістэма поўнага касцюма. У кожнага класа была свая цэласнасць. Як у важнай частцы старажытнай кітайскай культуры, у старажытным адзенні ўвасоблены гарманічныя адносіны паміж людзьмі і прыродаю. Убор кожнай дынастыі прадстаўляў вобраз жыцця, сацыяльны статус, ідэалогію і менталітэт таго часу.

Культурных эпох у гісторыі Кітая некалькі: старажытны Кітай (ад II тыс да н.э.-да III ст. н.э.), дынастыі Шан (Інь) і Чжоу, Цынь і Хань; III-IX стст. — перыяды Паўднёвых і Паўночных дынастый, аб’яднання Кітая і ўтварэння танскай дзяржавы; IX-XIV стст. — пяць дынастый, утварэнне імперыі Сун, мангольскага заваявання і дынастыю Юань; XV-XIX стст. — дынастыю Мін, заваёўванне манчжурамі, дынастыю Цын [3, с. 101].

Існавалі тры асноўныя тыпы традыцыйнага кітайскага адзення: “ріен-фу”, “чан-р’ао” і “шэнь-я”. “Ріен-фу” — старажытны цэрэманіяльны касцюм-туніка тыпу — топ рознай даўжыні, якую насілі са спадніцай і штанамі. “Чан-р’ао” — аднапрдметны від адзення даўжынёю да пят. Найбольш распаўсюджаным відам было “шэнь-я” — нешта сярэдняе паміж імі, у склад уваходзілі туніка і спадніца (шылі разам) ці штаны. Тыповым з усіх трох відаў былі шырокія і аб’ёмныя рукавы, вельмі свабодная пасадка і мінімальная колькасць швоў. Із-за адносна простага дызайну і структуры іх ўпрыгожвалі ўзорамі на плячах, вышытымі бардзюрамі, паскамі з драпіраванага шоўку і паясамі ў якасці арнаменту. Гэты разнастайны дызайн стаў адным з унікальных асаблівасцяў традыцыйнай кітайскай сукенкі.

Форма, колер, арнамент старажытнага кітайскага народнага касцюма былі сімвалічнымі. Верхняя яго частка “і” чырвона-чорная, лічылася мужчынскай (сімвал Бацькі-Неба), ніжняя “шан” жоўтая — жаночай (сімвал Маці-Зямлі). Пазней структура адзення спросцілася, і на змену сукенцы прыйшоў аднакаляровы халат.

Спаднім адзеннем у Старажытным Кітаі былі штаны “ку” і сарочка. Штаны хаваліся пад доўгім адзеннем, так як паказываць іх лічылася непрыстойным. Яны былі шырокія, з вельмі нізкім шагам, віселі ззаду мяшком, падпярэзваліся поясам. Ніжняю частку тулава старажытныя кітайцы абгортвалі кавалкам тканіны — гэтае

верхняе паясное адзенне называлі “шан”. Шан закрэплялі на таліі поясам — мацерчатым “ню” ці скураным “гэдай”, а збоку ці ззаду да яго прыкрэпляліся “шоу” — каляровыя шнуры з нефрытавымі ўпрыгожваннямі, звязанымі ў сетку. У даўнія часы пояс лічыўся важнейшым атрыбутам кітайскага нацыянальнага касцюма. Да яго падвешвалі строга вызначаныя прадметы: нож, вогніва, кальцо для стральбы з лука, іголку для распутвання памятных вузлов шоу. Пазней гэтыя прадметы ператварыліся ва упрыгожанні, якія дапаўняліся дэкаратыўнымі нефрытавымі падвескамі “пэйной”. Касцюм з верхняга плячавога адзення “і” і верхняга паяснага адзення “шан” называўся “ішан”. Спераду на ішан апранаўся чырвоны, багата ўпрыгожаны фартух, неабходны для ахвяраванняў [5].

Імператар насіў халат жоўтага колеру, што сімвалізавала яго ўладу над зямлёю. Сімвалічны сэнс мелі таксама дэкаратыўныя адлюстраванні на паўсядзённым адзенні кітайцаў. Мужчынскія кофты і халаты часта ўпрыгожваліся іерогліфам “даўгалецце”. Нярэдка такі іерогліф меў аблямоўку ў выглядзе кола з пяці кажанаў (слова “кажан” і “шчасце” у кітайцаў мела аднолькавы сэнс).

Пры дынастыі Шан (з. 1600 г. да н.э. — 1000 г. да н.э.) распрацаваны зачаткі “hanfu”. Яно складалася з двух вухаў, вузкіх манжэтаў, тунікі, даўжынёю да каленяў, звязанай з поясам, вузкай да пят спадніцы “чанг”. Яркія асноўныя колеры і зялёныя былі выкарыстаны і з-за ступені тэхналогіі ў той час.

У Цынь (221-207 гг. да н.э.) і Хань (202 г. да н.э.-221 г. н.э.) змены ў стылі адзення былі драматычнымі. Імператар Цынь, які знаходзіўся пад уплывам канцэпцыі Інь і Ян, а таксама тэорыі Пяці Элементаў, марыў, каб дынастыі Цынь пакарыць бы Дынастыю Чжоу, як вада гасіць агонь. Любімы колер быў чорны, так як ён звязаны з вадой, яе сілаю. На працягу двух стагоддзяў дынастыі Заходняя Хань пануе “цёмны стыль” (агульны тэрмін — будзійскае адзенне і ў асноўным аднаслойныя паліто). Яго характарыстыкі: квадратныя рукавы, выразы пад нахілам, вісячыя ўпрыгожанні з нефрыту, Цыкада-как капялюша. Фармальныя сукенкі, якія выкарыстоўваліся для ахвяраванняў, мелі чырвоную аблямоўку. Не было аніякай розніцы ў стылі адзення чыноўнікаў і простых людзей. Існавалі два тыпу адзення, якія мелі класіфікацыю ў адпаведнасці са стылем пярэдняй часткі адзення. У адным выпадку матэрыя была завернута па дыяганалі ад каўняра, а ў другім — прама ўніз. А так як гэты стыль быў доўгі і свабодны, дык ён быў папулярным стылем у мужчын.

У перыяд “Guangwu” імператара, чырвоны лічыўся самым паважаным колерам, так як адлюстроўваўся з “агнём дабрачыннасці”. У Юнпін-перыяд чырвоны па-ранейшаму папулярны колер. Аблямаваны чырвоным, унутраны белы слой быў абавязковым пры выкананні ахвяравальных абрадаў. Адпаведна насілі чырвоныя шкарпэткі і абутак. Урадавыя чыноўнікі апрашаліся ў сезоннае адзенне ў адпаведнасці з тэорыяй пяці элементаў: вясна — адзенне шэра-зялёнага колеру, лета — чырвонага, восень — жоўтага, зіма — чорнага.

У дынастыі Хань жанчына была апрагнута ў кароткі пінжак і доўгую спадніцу з дэкаратыўным поясам да каленяў. Упрыгожанні былі асабліва дэлікатнымі. Мужчыны заўсёды апрашаліся ў кароткія курткі, штаны ў стылі “нос цяляці”, кароткую спадніцу. Гэты стыль быў аднолькавым для ўсіх: рабочых, фермераў, прадпрымальнікаў і вучоных. Паліто лічылася нефармальным адзеннем. Існавала вялікая розніца ў іх нашэнні ўнутры і паза межамі імператарскага палаца.

Шэн’і — тыповы касцюм, які насілі ў часы дынастыі Хань. Асабліва сць касцюма заключаецца ў тым, што верхняя і ніжняя часткі адзення з’яднаныя, і манжэты выдзеленыя іншаю тканінаю. Ён цалкам скрывае цела, не даючы

магчымасці ўбачыць ні кавалачка плоці, але дае праявіцца зграбнасці і раўнавазе. Шэн'і сімвалізуе адзінства Неба, Чалавека і маральных традыцыйных паняццяў храбрасці, справядлівасці і чысціні. Гэты касцюм з'яўляецца ўвасабленнем усіх рэчаў на зямлі. Шырокія манжэты рукава Шэн'і сімвалізуюць Юаньжун Нябеснага шляху (гармонію, дасканаласць і закончанасць). Налажэнне правай часткі каўняра на левую частку сімвалізуе яснасць і перпендыкулярнасць граняў Зямлі, адлюстроўвае канцэпцыі Інь і Ян. Інь (месяц) сімвалізуе ўспрымальнасць і пасіўнасць. Ян (сонца) сімвалізуе мужчынскі пачатак, дзею, рух і жар. Правы бок каўняра прадстаўляе Ян і знаходзіцца звонку. Левы бок прадстаўляе Інь і знаходзіцца ўнутры. Гэта таксама дэманструе незвычайнасць духа законнасці, справядлівасці і непрадузятасці, з якімі людзі адносяцца адзін да аднаго. Ззаду ў Шэн'і праходзіць прамы шоў ад аснавання да верха, які адлюстроўвае праведнасць чалавечых паводзінаў. Шырокі пояс абвязаны вакол таліі, сімвалізуючы рух наперад ці назад, і адказвае канцэпцыі раўнавагі. Верх зроблены з чатырох частак тканіны, сімвалізуючы поры года. Ніз адзення, ўтвораны з 12 частак тканіны, прадстаўляе 12 месяцаў года. Штодзённае жыццё чалавека павінна адпавядаць строгай цыклічнасці 12 месяцаў, таму форма і часткі, якія састаўляюць Шэн'і, не павінны мяняцца. Гэта таксама прадстаўляе традыцыйную кітайскую культуру, якая выдзяляе высакароднасць, выключае вульгарнасць, падкрэслівае дух вытанчанасці, унутранае значэнне і выток жыцця [3, с. 103-107].

Дынастыя Тан (VII-IXстст.) займае бліскучую старонку ў гісторыі кітайскага касцюма. Адкрытая палітыка і існаванне розных ідэалагічных школ паўплывалі на напрамкі касцюма. Форма адзення стала больш свабоднай, чым пры папярэдніх дынастыях. У гэты перыяд жаночае адзенне стала называцца модаю. Хутка мяняліся формы і ярка праяўлялася прыгажосць адзення. Моднае адзенне было вельмі папулярным, з ім нельга параўноўваць папярэднія перыяды гісторыі. Існавала шмат розных стыляў. Касцюмы падобныя на экзатычныя кветкі. Сукенка з глыбокім выразам і высокім поясам. Матэрыя была асабліва тонкая. Адзенне жанчын складалася з сарочкі і доўгай спадніцы, ці з доўгімі рукавамі і доўгай спадніцы, ці свабоднымі рукавамі, доўгай спадніцы і хусткі. Валасы скручаныя высока, так званае “воблака булачкі”. З адзення, у асноўным, кароткая куртка ці сарочка і доўгая спадніца з шалікам. Верхавенстваваў шырокі пояс. Гэта было прадыхаванае як касцю і колькасцю ўпрыгожванняў на поясе для абазначэння ранга чыноўнікаў. Напрыклад: чыноўнікі ніжэй першага ранга насілі меч ці нож, чыноўнікі вышэй трэцяга насілі няфрытавыя паясы, чацвёртага і пятага насілі залатыя паясы, а шостага і сёмага — срэбраныя. Простыя людзі маглі насіць толькі бронзавы ці жалезны нож.

Адзенне дынастыі Сун (960-1279 гг.) адрознівалася сціплым і вытанчаным стылем трох катэгорый. Высакародны — для імператрыцы, наложніц і жанчын усіх узроўняў; для ўрада і простага люду — “фармальнае адзенне” і выпадковы стыль для штодзённага выкарыстання. Адзенне для чыноўніка ўрада было надзвычай раскошным. Тканіны элігантныя і прычоскі асаблівыя. Некаторыя з іх былі плеченыя і звісалі на плечы, у той жа час некаторыя з іх былі, як воблака святла з тонкай паласы і ў падтрымку залаты фенікс. Людзі без грошаў выкарыстоўвалі паперу, упрыгожванні ў валасы, парфуму на цела і насілі абутак з вышытымі кветкамі.

Юньцзянь — сукенка, створаная ў часы дынастыі Суй і Тан. Яна абыходзіць вакол шыі і спускаецца на плечы. Форма Юньцзянь круглая звонку і квадратная ізнутры, што прадстаўляе “паняцце аб тым, што Нябёсы круглыя, а Зямля

квадратная”. На плячах Юньцзянь вышыты кветкі і садавіна, якія адпавядалі чатыром порам года, і прывязаны па баках доўгія зялёныя махры. Юньцзянь адлюстроўвае каштоўнасці цягпінасці і гармоніі ўсяго на зямлі ў традыцыйных кітайскіх прадметах адзення.

У дынастыю Юань (1206-1368 гг.) краінай кіравалі манголы. У гэты перыяд адзенне, натуральна, несла на сабе адметныя асаблівасці манголаў — спалучэнне раскошнага касцюма ханцаў і сціплага стылю.

Былі папулярнымі “Чжы ВС сукенкі”. Усе ўрадавыя чыноўнікі, музыканты і цэлаахоўнікі, усе класы людзей насілі іх для ўдзелу ва ўрачыстасцях унутры палаца. Яны маглі быць выраблены з матэрыялаў рознай вагі і якасці. Узімку і ўлетку адзенне імператара Чжы Сонца мела пятнаццаць рангаў (шляхам дзялення ўзроўню Zhi). Капелюшы, матэрыял, колер, аксесуары былі добра падабраныя. Зімовае адзенне чыноўнікаў мела 9 рангаў, у той час, як летняе — 14, і выраблялася з матэрыі рознага колеру і якасці. Двухбаковае скуранае паліто “Бі Цзьянь” насілі верхнія і ніжэйшыя класы. Яно было нашмат даўжэйшым, чым “та-гуа” (традыцыйнае кітайскае мужчынскае паліто). Яго ў Дынастыі Юань манголы называлі “па зі-да-ву”, і гэта быў прадмет адзення, які быў прыгодны для верхавой язды і палявання, бо яно не мела каўняра і рукавоў і было карацейшым спераду.

У дынастыю Мін (1368-1644 гг.) жаночае верхняе адзенне, так званая “Кветка-шляпа” — мела вялікія рукавы і круглыя каўнерыкі. У пачатку дынастыі Мін для пашыву спадніцы часта выкарыстоўвалі светлыя тканіны. Падол спадніцы меў вышытыя краі. Плісіраваныя спадніцы былі вельмі папулярнымі. Памер складаў ад невялікіх, размешчаных радам, да вялікіх. У адным з відаў было 24 складкі, і называлася яна “няфрытавая” спадніца. Спадніцы былі багата ўпрыгожаны. Адзін канкрэтны праект называўся “паласатая спадніца-гірлянда” ці “хвост фенікса”. Кожная паска была ўтворана з розных шматкоў каляровага атласу, і кожны шматок і птушка былі расшытыя залатою ніткаю. Яны трапяталі і танцавалі на вятру, таму і такая назва. Адну з гэтых пасак можна было выкарыстоўваць у якасці пояса. Асобы від плашча за сваю прыгожую форму меў назву “ружовае воблака мысу”. Мужчыны звычайна насілі халат з круглым каўняром блакітнага колеру і шырокімі рукавамі, з аблямоўкай чорнага колеру, мяккі цюрбан з чорнай ленты, на поясе рамень. Працавіты люд насіў штаны з тканіны чорнага колеру, доўгія чорныя хусткі і паліто ў шырокія рубцы. Касцюмы чыноўнікаў былі з атласу, боты чырвонага колеру.

У перыяд дынастыі Мін валасы на скронях зразаліся пад прамым вуглом, на ілбу — па прамой лініі, падкрэсліваючы яе тушшу, вузел крапіўся на цемні. Прычоску часта ўпрыгожвалі складанымі збудаваннямі з жэмчугу і нефрыту, іншы раз з фігуркамі феніксаў, якія трымаюць у дзюбе доўгія падвескі, якія спадалі струменчыкамі [5].

У дынастыю Цын (1644-1911 гг.) маньчжурскі стыль адзення з кароткімі вузкімі рукавамі быў таксама папулярным. Седлавідны каўнер быў дастаткова вялікім, каб пакрыць шчокі чалавека і абараніць твар. Канструкцыя часта ўпрыгожвалася вышыўкай. Адзенне выразалася зверху ўніз, не мела зморшчын і таліі. Пласціна кнопкі была размешчана на прыэднім правым баку ў якасці ўпрыгожвання. Каробчаты выгляд адзення прадстаўляў урачысты, злёгка высакамерны вобраз, які ўнушаў павагу. Было асобнае жаночае адзенне для фармальных (вяселле, пахаванне), выпадковых і бізнес-мерапрыемстваў. Бізнес-сукенка для імператрыцы і іншай знаці мела да 7 узроўняў. Халат і кароткае адзенне мелі форму кітайскага музычнага інструмента “пі” спераду. Каўняры і рукавы

ўпрыгожваліся ўстаўкамі і вышыўкаю. Адпаведна штаны і спадніцы мелі багаты прыгожы малюнак тканіны і ўпрыгожваліся вышыўкай. Стыль паўсядзённага адзення быў разнастайным у залежнасці ад функцыі.

Пры Кітайскім двары і імператар — сын Сонца, і імператрыца насілі шапачкі з атласу, упрыгожаныя “цын-цо” — шарыкамі з горнага крышталю — і пяром з паўліна. Доўгія буйныя пацеркі “соў-шу” надзявалі паверх аб’ёмных сукенак з вышытага атласу з разрэзамі па баках. Малюнак сукенак — змеі і драконы з пяццю пазногцямі — прывілеі імператарскай сям’і. Убор імператрыцы дапаўняўся доўгім гальштукам на шаўковым шнурку. Імператар трымаў скіпетр з няфрыта.

У мандарына (вышэйшага саноўніка) ў паўсядзённым адзенні веер і насавачка былі абавязковымі і для прыёму гасцей, і для нанясення візіту. Яны абавязаны былі насіць доўгія каралавыя пацеркі. Пяро з паўліна на шапачцы значна меншых памераў, чым тыя, што ўпрыгожвалі галовы імператара ці імператрыцы [с. 62-63].

Блізкаю да жывапісу па свайму характару і своеасабліваю па форме была ў XVII-XIX ст. вышыўка, якая ў Кітаі заўсёды з’яўлялася абавязковым элементам упрыгожвання адзення. Парадныя халаты, кофты, спадніцы і нават абутак пакрываліся цудоўнымі ўзорамі жанравага ці сімвалічнага характару [3, с. 190].

Тэрмін буцзы мае адносіны да вышытых шоўкам узораў птушак і звяроў на адзенні імператара і службовых асоб у часы кіравання дынастыі Мін і Цын. У традыцыйным Кітаі такія ўзоры жывёл служылі паказчыкам статуса той ці іншай афіцыйнай асобы. У 1393 годзе, ці на 26-ы год праўлення Хун у дынастыі Мін, імператарскім указам быў дакладна вызначаны парадак нашэння адзення для ўсіх чыноў. Грамадзянскім служачым, а таксама і вайскоўцам, паложана мець вышыўку буцзы як на грудзях, так і на спіне іх адзення. Як правіла на адзенні грамадзянскіх чыноўнікаў звычайна былі вышытыя птушкі, якія ляцяць, яўляючыя сабою грацыёзнасць, і ў той жа час падкрэсленую ветлівасць і такт, а вышыўкі на мундзірах вайскоўцаў сімвалізавалі адвагу і гераізм. Журавель мог з’явіцца выключна на адзенні чыноўнікаў вышэйшага ранга, знакам, які адрозніваў дзяржаўных служачых другога ранга быў жоўты фазан, трэцяга — паўлін, чацвёртага — дзікі гусь, пятага — срэбраны фазан, шостага — белая цапля, качачка-мандарынка абазначала сёмы ранг, перапёлка — восьмы, і доўгахвостая мухалоўка — дзевяты. Афіцэрскі састаў падраздзяляўся наступным чынам: цылінь (ці кітайскі адзінарог), з’яўляўся прэрагатывай вайскоўцаў першага рангу, леў указваў на другі ранг, леопард быў для трэцяга, тигр абазначаў чацвёрты, мядзведзь — пяты, ціграняты вышываліся на мундзірах афіцэраў шостага і сёмага рангаў, насарогі — восьмага, і марскія канькі ўказвалі на ўладальніка самага.

Звычай вышываць драконаў на імператарскім адзенні ўзыходзіць сваімі каранямі ў глыбокую даўніну, да часоў праўлення дынастыі Чжоу. Халат, упрыгожаны вышыўкаю ў выглядзе драконаў, маглі насіць толькі імператары. Пры Цын такая імператарская сукенка атрымала назву “адзенне дракона” і стала часткаю афіцыйнага параднага адзення кіраўніка. Такі “драконавы халат” як правіла быў жоўтага ці абрыкосавага колеру, на ім вышыты дзевяць жоўтых драконаў і пяць воблакаў. У воблакі ўплеценныя іншыя дванаццаць сімвалаў — сонца, месяц і зоркі (увасабляючы святло, якое зыходзіць ад прастола), горы (як сінонім стабільнасці і трываласці кіравання), драконы (якія сімвалізуюць здольнасць гнутка дзейнічаць у пераменлівых умовах), птушкі (якія выяўляюць прыгажосць і зграбнасць), рачны трыснёг (які ўяўляе сабою чысціню і бездакорнасць), і агонь (сімвал святла).

Дынастыя Цын у асноўным атрымала ў спадчыну мінскую сістэму буцзы, але пры гэтым унесла свае змены. Таму, паглядзеўшы на тое ці іншае адзенне з падобнаю вышыўкаю, нескладана зразумець, да якой эпохі яно адносіцца. Адрозненні пры гэтым наступныя: па-першае, пры Цын узоры сталі вышываць на жакетах, а не на балахонах, як пры Мін; па-другое, калі ў часы Мін сама вышыўка была на адзенні цалкам, то пры Цын яе прыйшлося раздзяліць на дзве часткі, бо цынскія жакеты спераду зашпільваліся; па-трэцяе, мінскія буцзы былі толькі на грудзях і на спіне, а пры Цын яны ўжо з’явіліся і на плячах. Больш таго, у часы Цын на адзенні членаў імператарскай сям’і вышыўкі сталі выконваць круглай формы, а для рознаго рода чыноўнікаў квадратнай [3, с. 190].

У прадстаўленнях старажытных кітайцаў-земляробаў пачаткам жыцця з’яўляецца адзінства дзвух супрацьлеглых сіл: Неба і Зямлі. Канкрэтным выражэннем іх зліцця быў дождж. Адсюль асноўны матыў кітайскага арнаменту: хвалі, ленты аблокаў і спіралі — сімвалы грому і маланкі. Адсюль і вобраз дракона — валадар дажджу, які плавае ў хвалях ці лунае сярод аблокаў і ў той жа час у абдымках полымя.

Старажытныя кітайцы не стрыглі валасоў, а збіралі іх у тугі вузел “цзы” і ўкладывалі на цемені, закрапляючы шпількаю. Над ілбом, на скронях і на патыліцы валасы былі старанна прыглажаныя. Пасля захопу Кітая манчжурамі ўсіх кітайскіх мужчын заставілі галіць пярэдняю частку галавы, а астатнія валасы заплетаць на патыліцы ў касу. Гэтая прычоска стала своеасаблівым сімвалам гнёту кітайскага народа, таму ўдзельнікі паўстанняў зразала касу.

У аснове ўсіх жаночых прычосак ляжаў вузел. Прычоскі былі складанымі, але лёгкімі і вытанчанымі. Іх укладывалі з прамых валасоў з некаторымі праборамі, сіметрычнымі валасянымі петлямі, валікамі. Каб валасяныя петлі добра трымаліся, іх змазвалі клейкімі саставамі і намотвалі на на валікі з аксаміту. Пучкі, якія ўяўлялі сабою высокія петлі, у прычосках закрапляліся на цемені ці на патыліцы. У кожнай прычосцы было па два-тры пучкі. Са скроняў валасы зачэсваліся наверх, а на ілбу была кароткая рэдкая чолка. Былі і іншыя варыянты жаночых прычосок, без чолкі, з прамымі пасамі, якія звісалі са скроняў, з прыкрэпленымі парнымі ўпрыгожаннямі. Знатныя дамы насілі парыкі.

Галаўныя ўборы кітайцаў былі разнастайнымі. Этыкет патрабаваў, каб галава заўсёды была пакрытая. У сярэднявечча ўвайшлі ў моду простыя галаўныя павязкі з чорнага газу, якія з цягам часу таксама сталі прамочвацца лакам.

Маньчжуры прыўняслі параўнальна простыя галаўныя ўборы: плеченыя канічныя (летнія) і круглыя з крута заламанымі палямі (зімовыя). У наверх шапкі ўстаўлялі шарык, колер якога абазначаў ранг таго, хто яго насіў. Нечыноўныя кітайцы насілі чорныя паўсферычныя шапачкі, якія састаялі з аकोлыша і шасці кліноў з гузічкам на макаўцы. У народзе насілі войлачныя каўпакі, белыя павязкі, плеченыя капелюшы. Этыкет нашэння галаўных убораў супрацьлеглы еўрапейскаму: усе рытуалы, а таксама выражэнне павагі абавязкова патрабавалі надзетага галаўнога ўбора.

Непаўналетнія юнакі насілі маленькія металічныя каўпачкі. У знатных юнакоў гэтыя каўпачкі маглі быць залатымі, упрыгожанамі каштоўнымі камянямі. Па дасягненні паўналецця (дваццаць гадоў) праводзіўся рытуал надзявання шапкі — “гуаньлі” [5]. Кітайскі імператар насіў галаўны ўбор, які называўся “мянь”. Яго маглі надзяваць і іншыя знатныя асобы ў час выканання свяшчэнных рытуалаў. Канструкцыя мянь была вельмі складанай, і ўсе яе дэталі мелі сімвалічны сэнс.

Кітайскія жанчыны галаўныя ўборы не насілі. Толькі на вяселле і ў самых урачыстых выпадках яны надзявалі складаны галаўны ўбор — “фэнгуань” [6].

Са старажытных часоў ў Кітаі мастацтва догляду сябе лічылася ўзвышаным і вытанчаным. Жанчыны наносілі на валасы эсенцыі і алей, змазывалі лакам і вэшчынай, пасыпалі зверху каляровай пудрай. Прычоскі ўпрыгожваліся кветачкамі, галінкамі з лісточкамі і дробнымі пупырышкамі. Маладой у скроневыя пасмы ўпляталі ніткі жэмчуга, каляровыя шаўковыя шнуры, гірлянды дробных кветак. Старажытныя кітайскія ваяры для запалохвання ворага распісвалі твар тушшу.

У X — XII ст. на скроні, лоб і шчокі жанчыны прыклеіваліся злёнены, сінія, чорныя мушкі, да якіх крапіліся каштоўныя камяні [7].

Свой любімы прадмет адзення самі цібетцы называюць “чжуба”. Гэта своеасаблівы халат служыць характэрнаю прыкметаю, па якой можна адрозніць цібетца ад прадстаўнікоў іншых этнічных груп. Цібецкі халат дастаткова прасторны, з доўгімі рукавамі, больш шырокім, чым звычайна, ліфам, і адкрыты па пераду з правага боку такім чынам, што закрывае левае плячо. Цібецкія жыватнаводы шыюць сабе гэтыя халаты са скуры, а фермеры з поўсці. Ад холаду кітайцаў спасалі апранутыя зверху нагавіцы, сцёганыя на ваце. У час працы рукавы падвязваліся спецыяльнай лентай, якая была скрыжаваная на грудзях. Практычна кожны мужчына носіць такое адзенне, прычым на ім няма кішэняў і гузікаў, замест гэтага абее палы халата падпаразваюцца рамнём такім чынам, што пярэдняя пала звісае над поясам, і ў адтуліну, якая ўтварылася, можна палажыць драўляную міску, мяшэчак з абжараная ячменнаю мукою, кавалачак масла, ці нават пасадзіць малое дрэва за пазуху. [5].

Сукенка маладой і на поўначы, і на поўдні была чырвонага колеру. Менавіта ён лічыцца колерам радасці, шчасця і доўгалецця. На поўначы сукенка расшывалася золатам і срэбрам, аблягала фігуру і падкрэслівала стройнасць дзяўчыны, а на поўдні гэта некалькі пышных спадніц, апранутых адна на другую, па-майстэрску ўпрыгожаных драконам і феніксам, якія сімвалізавалі баланс мужчынскай і жаночай энэргіі.

Людзі народнасці мяо маюць вялікую любоў да срэбра, асацыіруючы яго і ўпрыгожанні з гэтага метала, з прыгажосцю, дастаткам і годнасцю. Чысты колер срэбра адлюстроўвае іх міралюбівы характар і неўспрымання да такіх спакусаў, як багацце ці ўлада. А яшчэ яны лічаць, што срэбра ахоўвае ад зла.

Калі ў сям’і мяо нараджаецца дзяўчынка, то бацькі абавязкова падрыхтуюць для яе поўны камплект срэбраных упрыгожванняў, нават калі для гэтага ім прыдзецца эканоміць на ежы і іншых тратах, але такія ўжо звычай. Гэты набор, які састаўляе агульную вагу 15 кг, уключае ў сабе масіўныя завушніцы, срэбраны каўнер у выглядзе некалькіх тонкіх кольцаў, спецыяльны абярэг, які вешаўся на грудзях, шырокі пояс з асобным арнамантам і бранзалеты на рукі. Дзяўчыне патрабуецца больш за час для таго, каб поўнасцю аблачыцца ў адзенне і надзець усе аксесуары. Гэтыя ўпрыгожанні служаць у якасці абазначэння сямейнага становішча ці падарунка

Мяняць стыль адзення насельніцтва з прыходам новай дынастыі было звычайнаю справаю для старога Кітая.

Пасля таго, як манчжуры ў XVII стагоддзі захапілі і ўстанавілі сваю ўладу ў Паднябеснай, яны ўтварылі новы клас людзей, у які ўваходзілі пераважна самі манчжуры і знаць, адрозненнай рысай якіх былі асабістыя знамёны — розныя флагі (цы), а самі гэтыя людзі сталі называцца “знамённымя” (ціжэнь). У далейшым

паняцце “знамённые людзі” ператварылася ў нарыцацельнае, і так сталі называць увугле ўсіх манчжураў. Звычайна манчжурскія жанчыны насілі касцюм, які меў адзін прадмет. Ён атрымаў назву “цыпао” ці “касцюм знамённых”.

Цыпао не дастаўляе клопату пры апрананні, зручнае ў носцы, выдатна падкрэслівае фігуру кітаянак. Высокі каўнерык сукенкі зашпільваецца пад самаю шыяю, а рукавы могуць быць як самымі кароткімі, так і доўгімі — гэта залежыць ад пары году і пераваг гаспадыні. Сукенка запахваецца на правы бок і зашпільваецца на засцёжкі—печелькі. Свабоднае ў грудзях, прылягаючае па таліі і з двума разрэзамі па баках, яно спалучае ў сабе ўсё неабходнае для таго, каб як мага лепш падкрэсліць прыгажосць жаночых форм.

Сінхайская рэвалюцыя 1911 года пад кіраўніцтвам Сунь Ятсена звергла праўленне дынастыі Цын і заснавала Кітайскую Рэспубліку. Члены Нацыянальнай партыі прапанавалі змяніць нацыянальны касцюм. У ходзе абмеркавання доктар Сунь аддаў перавагу паўсядзённаму адзенню, якое было шырока распаўсюджана ў правінцыі Гуандан, аднак унёс некаторыя свае мадыфікацыі.

Дызайнеры ўлічылі яго ідэі, і ў выніку атрымалі фрэнч, які зашпільваўся пасярэдзіне на пяць гузікаў, меў чатыры накладныя кішэні і вывернуты да нізу каўнер. Ён глядзеўся проста, з густам, і ў тойжа час вельмі чынна. З той пары Сунь Ятсен падаў асабісты прыклад тым, што насіў гэты касцюм у самых розных выпадках і сітуацыях. І спатрэбілася зусім мала часу для таго, каб падобны стыль распаўсюдзіўся па ўсёй краіне.

Індустрыя моднага адзення сёння развіваецца ў Кітаі вельмі хуткімі тэмпамі, ідучы ў рэчышчы сучаснай сусветнай моды. Кітайскія мадэльеры маюць практычна неабмежаваныя магчымасці для творчасці і прафесійнага росту. Па словах члена Ёсекітайскай асацыяцыі мадэльераў г-на Сун Вэньвэня, ні ў адной вышэйшай установе Кітая раней не выкладалася такая дысцыпліна, як мадэліраванне адзення, і аніводная фабрыка па пашыву адзення дваццаць гадоў назад не мела ў штаце сваіх мадэльераў. Да слова сказаць, зараз гэтай спецыяльнасцю можна авалодаць у больш чым сарака каледжах і ўніверсітэтах. Па дадзеным, прыведзеным газетаю “China daily”, у Кітаі сёння працуюць 6-7 тысяч прафесійных мадэльераў, і тым не менш іх не хапае.

Зараз у свеце праяўляецца вялікі інтарэс да традыцыйнага нацыянальнага касцюма. Незвычайны поспех мела за мяжою калекцыя гістачычнага касцюма Шы Яньцынь, вядомага мадэльера і захавальніцы Музея гісторыі кітайскага касцюма ў Пекіне. Ёй пляскаў у далоні Парыж і Нью-Йорк. Г-жа Шы асабліва падкрэслівае, што ў яе калекцыі няма тэатральных касцюмаў, а толькі копіі сапраўдных убораў, апісанні якіх змяшчаюцца ў гістарычных раманах і хроніках. “Я ведаю, што замежная публіка пляскае ў далоні не асабіста мне як мадэльеру. Гэта сведчанне яе вялікай павагі да старажытнай кітайскай культуры, — гаворыць яна, — а наш паказ у гэтых адносінах вельмі пазнавальны” [6].

Сёння дызайнеры моды выкарыстоўваюць сумяць традыцыйных і сучасных ідэй, каб стварыць новую моду. Уключаюць векавыя матывы, такія як апекуна бажання, ільвоў, іерогліфы, маскі оперы, бронзу, драконы, феніксы, воблакі і маланкі, матывы з традыцыйнага кітайскага жывапісу.

Жаночая сукенка “чонсам” з тыпова кітайскімі характэрнымі рысамі ўверана заваёўвае папулярнасць у свеце высокай моды. У англаязычных дзяржавах гэтае адзенне больш знаёма пад назваю “чонсам”, што азначае па-простаму “доўгая сукенка”. Слова “чонсам” прыйшло з кантонскага дыялекту кітайскага языка, які

распаўсюжаны на поўдні, пераважна ў правінцыі Гуандан. У другіх жа частах краіны, у тым ліку і ў Пекіне, гэты від адзення называюць “цыпао”.

У сучасным грамадстве мужчыны апранаюцца на мерапрыемствах у дастойны і вытанчаны традыцыйны кітайскі доўгі халат, а жанчыны часта носяць цыпао, мадыфіцыраваную форму традыцыйнай моды дынастыі Цын на афіцыйных мерапрыемствах. Варыяцыі вышыні, даўжыні, шырыні і ўпрыгожання каўняра і рукавоў гэтай усходняй моды бязмежныя.

Шмат аксесуараў, такіх як макрамэ, упрыгожваюць плечы, ліф, кішэні, швы і адтуліны адзення, а таксама рамяні, каралі і ўпрыгожванні для валасоў. Ёсць прыклады паспяховага спалучэння сучасных і традыцыйных элементаў моды ў сучасным вясельным адзенні, заснаваныя на дызайну Сун і стылі правінцыі Хунань (вышытыя паясы ў традыцыйных чыстых колерах — чырвоным, сінім і зялёным). З гэтых прыкладаў відаць, як традыцыйныя кітайскія сукенкі з’яўляюцца асноваю сучаснай моды. Тым не менш, кітайцы таксама прынялі шматлікія заходнія стылі адзення, такія як дзелавыя касцюмы і джынсы [5].

Літаратура

2. Вейс, Г. Всеобщая история мировой культуры /Герман Вейс. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с: ил
3. Бессон, Ж.-Л. Костюмы народов мира /Ж.-Л. Бессон; Пер. с фр. Т.М. Леоновой. — М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Издательство АСТ”, 2002. — 77 с.: ил.
4. Гоголев, К.Н. Мировая художественная культура. Индия, Китай, Япония: учебное пособие /К.Н. Гоголев. — М.: Издательский центр АЗ, 1997. — 312 с.
5. www.Melina-design.com/china.html. Дата доступа 13 ноября 2011 г.
6. www.Hewzv.ru. Дата доступа 13 ноября 2011 г.

**СЕКЦИЯ 3: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: ОТ
ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ**

Михайлова Е. В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры языков

Белорусская государственная академия музыки

ТЕМА ОСЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. БОГДАНОВИЧА И КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Тема времен года занимает значительное место в мировой художественной культуре. В ней очень важно описание осени как времени умирания природы и ее подготовки к зимнему сну. Этой теме посвятили свои произведения многие белорусские поэты: Тетка (А.С. Пашкевич) «Восень» [1, с. 58–60], Я. Журба (И.Я. Ивашин) «Знікла зялёная траўка на полі...» [2, с. 13], «Ходзіць восень па палях...» [2, с. 87–88], «Элегія» [2, с. 91] и др., Я. Купала (И.Д. Луцевич) «Стужа збліжаецца» [3, с. 87–88], «Адцвітанне» [3, с. 94–95] и др., В.А. Жилка «Восень» [4, с. 56–57], «Восень» [4, с. 80–81] и др., А.А. Кулешов «Пра восень» [5, с. 78], «Пра асіны» [5, с. 123], «Глыбокі лістапад у Белавежы» [5, с. 130–131] и др.; китайские поэты: Тао Цянь «Хризантемы осенней...» [6, с. 48], Бао Чжао «Отвечаю отшельнику Сю» [6, с. 69], Цю Чи «Преподношу Хэ Сюню» [6, с. 95], Сяо Цзыфань «Смотрю на осеннюю луну» [6, с. 104], Мэн Хаожань «Ранние холода» [6, с. 113], Ли Бо «Песни осенней старицы» [6, с. 139] и др.; Су Ши «В начале осени посылаю Цзы-ю» [7, с. 52–54], «Написано к осеннему пейзажу Ли Ши-наня» [7, с. 58], «Луна середины осени» [7, с. 91–94], Гуань Хань-цин «Осень» [7, с. 174], «Поздней осени дни» [7, с. 181], «Девичья печаль» [7, с. 194–197], Ван Гуан-ян «Поднимаюсь на вышку почтовой станции у Южного моря» [7, с. 221], Цзин Чжун «Приехал из Байся в Цзюйли. Приглашаю друзей съездить в Шаньинь» [7, с. 433–434], «Осенний вечер в горах Шушань» [7, с. 435], Сюй Цзин-фань «С высокой башни гляжу вдаль» [7, с. 440] и др. Уделяли внимание этой теме и русские поэты: Г.Р. Державин «Осень во время осады Очакова» [8, с. 13–19], Н.М. Карамзин «Осень» [8, с. 20–21], А.И. Тургенев «Элегия» [8, с. 22–26], Н.И. Гнедич «Осень» [8, с. 27–28], Ф.Н. Глинка «Осень и сельское житье» [8, с. 29–30], «Осень» [8, с. 31], П.А. Вяземский «Осень 1830 года» [8, с. 32–35], «Осень» [8, с. 35–36], «Осень 1874 года» [8, с. 37], В.Ф. Раевский «Элегия II» (отрывок) [8, с. 38] и др. Значительное место тема осени заняла в творчестве А.С. Пушкина: «Благословленный Державиным Пушкин, воспев “прощальную красу” осени, в подробностях изобразил не только неповторимое очарование увядающей природы, но и естественным путем соединил свое восприятие осени с теми переживаниями и ощущениями, которые испытывает большинство читателей, из года в год погружающихся в обстоятельства русской осени» [9, с. 7]. И в других искусствах проявляется тема осени, в которой изобразительное начало доминирует над выразительным.

Названная тема имеет большое значение для художников: «Осень с ее неистощимым богатством красок неизменно привлекает внимание пейзажистов» [10, с. 19]. Осень рисовали белорусские художники: И.В. Карасев «Золотая осень» [11], В.К. Жолток «Осень» (2 картины), В.В. Кожух «Осенний триптих», В.А. Товстик «Осень», «Легенды осени» и др. [12] и др.; китайские художники: Го Си «Осенний туман рассеялся над горами и равнинами», «Осень в долине Желтой реки» [13], Ци Байши «Осенняя цикада на цветках лапины», «Осенний лотос» [14], Сюн Жуньчжун «Осень в горах» [15] и др. С удивительным мастерством изобразили это время года на своих картинах и русские живописцы: И.И. Левитан «Золотая осень», «Осенний

день. Сокольники», В.Д. Поленов «Золотая осень», К.А. Коровин «Осень. Аллея в Жуковке», М.В. Нестеров «Осенний пейзаж», И.Э. Грабарь «Сентябрьский снег», В.А. Серов «Осенний вечер. Домотканово», В.А. Серов «Октябрь. Домотканово» и др. [16].

В поэзии Максима Адамовича Богдановича (1891–1917) имеются различные поэтические произведения об осени. В стихотворении «Плакала лета, зямлю пакідаючы...» использован эпиграф из А.С. Пушкина, в котором говорится об осенних цветах: «Цветы последние милей // Роскошных первенцев полей» [17, с. 67]. Белорусский поэт создает образ плачущего лета, описывая появление цветов из его слез: «Плакала лета, зямлю пакідаючы; // Ціха ліліся слязінкі на поле. // Але прыгожаю восенню яснаю // Там, дзе упалі яны, вырасталі // Кветкі асеннія, кветкі, ўспаёныя // Тугаю, горам, слязінкамі лета» [17, с. 67]. Душе поэта близки осенние цветы, обреченные на очень короткую жизнь: «Кветкі асеннія, родныя, бледныя! // Выраслі вы, каб ураз жа і згінучь. // Можа таму-то душа надарваная // Гэтак любоўна вянок з вас сплятае» [17, с. 67].

Осенью часто идет дождь, поэтому стихотворение «Дзесь у хмарах живуць павукі...» можно считать реализующим рассматриваемую тему (пауки здесь предстают фантазмагорическими существами, создающими дождевую завесу): «Дзесь у хмарах живуць павукі, // Што снуюць павучыну дажджа. // Кожны тлусты і мяккі такі, // Скура слізкая, як у вужа; // Ёй целе стыгне халодная кроў, // Злосць бясцэльная ў мутных вачах... // Чуеш! Во шорах ног павукоў, // Аплятаючых сцены і дах» [17, с. 68]. Настроение в этом стихотворении является драматичным: «...пейзаж не просто пасмурно-осенний, а мифологический – нити осеннего дождя ткнут страшные злые пауки, которые живут в тучах... Словно мифологическая Арахна, паук смерти, они ткнут паутину времени, неумолимо оплетая ею не только “сцены і дах”, но и душу...» [18, с. 481].

В стихотворении «За дахамі места памеркла нябёс пазалота...» М.А. Богданович вспоминает осеннюю ночь: «І ўспомніў я час: срэдзь асенняй нахмуранай ночы // Музыка зайграла, агні ў вышыні запалалі, // І дыхалі грудзі шырока, свяціліся вочы... // Мы к светлу ўзляцелі... і шкло ўкруг яго напаткалі» [17, с. 98]. На эти воспоминания его натолкнуло наблюдение за мошкаркой, стремящейся пробиться внутрь фонаря и не имеющей возможности это сделать. В данном произведении нахмуренная осенняя ночь контрастирует со светом.

В стихотворении «Дзе вы, лясоў, палёў цвяты?» [17, с. 123] поэт изображает цветы, созданные морозом на стеклах: они и лирический герой не смогут разбудить прежнее чувство; ненастоящие цветы описываются на фоне живых, загубленных холодом: «Дзе вы, лясоў, палёў цвяты? // Вас холад загубіў! // Чаму ж ён срэбныя цвяты // На гэтым шкле ўзрасціў? // Ім, бледным, мёртвым, не збудзіць // Былога пачуцця, // Як не змагу яго збудзіць // Халодным вершам я» [17, с. 123].

Тема осени затронута и в стихотворном рассказе «Вераніка»: «Калі ж асеннія навіны // Змянялі сад, калі з бяроз // Рваў лісце вецер, а мароз, // Наліўшы ягады рабіны, // Траву губіў, і мы нагой // Ўзрывалі прэлых лісцяў слой...» [17, с. 149]. Поэт очень ярко рассказывает и о красных листьях деревьев, и об их голых ветках, и о буро-сизых тучах, и об осеннем ветре: «Калі патроху чырванелі // Чаромха, ліпа, стройны клён, // А гнёзды змрочныя варон // Між голага галля чарнелі, // І грозны вечара пажар // Пылаў між бура-шызых хмар; // Калі асенні вецер дзіка // Стагнаў і глуха па начах // Грымеў у наш жалезны дах...» [17, с. 150]. В это время Вероника

уезжала учиться в институт (начало учебного года – один из признаков осени): «Тады да лета Вераніка // Ад нас знікала ў інстытут...» [17, с. 150].

Стихотворение «Асенняй ночай» [17, с. 211] содержит идею осени в самом названии. Оно написано от лица мифического существа – водяного, живущего на мельнице. В первой строфе описывается осенняя природа: «Чарнеецца сажаю вечар. // Дождж б'ецца аб хвалі ракі; // Гуляе, гудзе над ёй вецер, // Заводзіць, што ў полі ваўкі» [17, с. 211]. Водяной лежит на дне возле мельницы, слушает жернова и дремлет: «Спакойна мне тут пад вадою: // Залёг я ля млына на дне; // Апруся на кола рукою, – // Млын казку старую пачне. // ... // І ўжо я драмлю, засыпаю // Пад шум непагоды глухой» [17, с. 211].

В связи с темой осени создается образ еще одного мифического существа – лешего – в стихотворении «Старасць»: «Палаюць асіны, каліны, // Чырвоныя сыплюць лісты // І вязкай жаўцеюшчай гліны // Цяжолыя крыюць пласты. // Брыдзецц, пахіліўшысь панура, // Лясун на раздоллі дарог. // Абшарпана старая скура, // Зламаўся аб дзерава рог» [17, с. 216]. М.А. Богданович описывает осеннюю грязь («Дарога ўся ў лужах. Размыта // Даждож праліўным каляя. // Гразь чаўкаець жадна капыта...» [17, с. 216]), уставшее, старое, замерзшее существо, которое по льду идет к трясине, поскольку там мягкие и теплые мхи («Касматая шэрсць перамокла, // Стаміўся ён, стары, прадлог; // Лёд тонкі і востры, як сцёкла, // Капыта царапаець ног. // Спяшыць ён дайсці да трасіны: // Там – мяккія, цёплыя мхі...» [17, с. 216]).

В стихотворении «Дождж у полі і холад... Імгла...» поэт объединяет темы осени и горькой судьбы своих соотечественников: «Дождж у полі і холад... Імгла... // Дзесь у вёсцы міргаюць агні. // Там, злякаўшысь, схавалась, лягла // Доля горкая ў чорным цяні. // І пад цёмнымі скрыдламі ночы // Не убачаць цяпер яе вочы» [17, с. 218]. Даже осенний ночной ветер поет о родной стороне и ее несчастной судьбе: «Только вецер асенні, начны // Ў полі сумна гудзіць і пяе // Аб радзімай старонцы глухой // Ды аб долі няшчаснай яе» [17, с. 218]. М.А. Богданович хочет, чтобы он громко пел на родной земле, чтобы пробудить в сердцах стыд, чтобы люди шли бороться с неправдой; песня не даст ночи спрятать черную судьбу: «Хай жа голасна вецер спявае, // Хай пяе ён у роднай зямлі, // Каб у сэрцах нам сорама збудзіць, // Каб змагацца з няпраўдай ішлі, // Ў чым сэрцы сумленне не спіць. // Долю чорную ноч не схавает, // Калі выльецца песня жывая!» [17, с. 218].

Рассматриваемую тему белорусский поэт затрагивает в песнях из раздела «Японскія»: «Дзіўна кволя, // Ірдзяныя, жоўтыя, // Сіняватыя // Лісточкі асеннія // Крыюць ядвабам шляхі» [17, с. 395]. В данной песне он подчеркивает красоту разноцветных осенних листьев.

Тема осени имеется у М.А. Богдановича и в других произведениях («Вечар на захадзе ў попеле тушыць...» [17, с. 65], «Осенью» [17, с. 333] и др.), а также в переводах («Chanson d'automne» [17, с. 173] – из П. Верлена, «Астры» [17, с. 194] – из Н. Чернявского и др.).

Китайская поэтесса Цю Цзинь (1875–1907) написала стихотворение «Осенней ночью» [19, с. 29]. В нем – классические приметы рассматриваемого времени года: опадение листвы с утуна – дерева из семейства платановых [19, с. 29], печаль на душе («С утуна лістыя падаюць на зямлю. // За окнамі іх шорох разлічаю. // І верыць свэрчок – ему я внемлю. // И сумерки. И на душе печально» [19, с. 29]), ветер, холод («К рассвету чаще ветер набегаёт, // И холод сквозь одежды проникает» [19, с. 29]). Индивидуально-авторской особенностью образа осени у Цю Цзинь можно

считать описание бессонницы («Не спится. Осень, что ли, будоражит? // Удары в гонг считаю каждой стражи» и др. [19, с. 29]). Тема осени затронута и в ее стихотворении «В пору юности я проживала...» [19, с. 33]. В данном произведении поэтесса пишет о празднике осени и прекрасных хризантемах: «В пору юности я проживала // Здесь, в пределах стольного града. // Праздник осени, как бывало, // Вновь встречаю, ему я рада. // У плетня хризантемы всюду // Распускаются пышным цветом. // Это осени светлое чудо, // Дар прощальный осени это» [19, с. 33].

Китайский поэт Лю Бань-нун (1891–1934) – автор стихотворения «Падающие листья» [19, с. 42]. Оно имеет философский характер – рассказывая об опавших листьях, которые, прежде чем умереть, решили прошелестеть, как в дни весны, поэт думает о скоротечности существования всего земного и необходимости яркой самореализации: «Осенний ветер сдул последний лист. // И на земле, вдали от веток, // Решили листья // Напоследок, // Как в дни весны, // Прошелестеть, // А завтра – завтра умереть. // Лишь миг до вечного забвенья. // И пусть! // Воспряньте на мгновенье! // Звучите, листья! // Это не беда, // Что вы // Потом // Уйдете навсегда» [19, с. 42]. Данный автор сочинил и стихотворение «Осенняя ночь в Париже» [19, с. 44]. Это настоящая поэтическая миниатюра, демонстрирующая мрачное и тихое представление об осени: «Дворик кажется колодцем – // Свет и утром не пробьется // В этот мрачный, тихий дом. // Сумрак стелется по стенам, // Да играет вялый ветер // На земле сухим листом» [19, с. 44].

Следует отметить, что китайские поэты создали много небольших по размеру стихотворений, наполненных сложным и глубоким концептуальным содержанием. Лю Да-бай (1880–1932) написал стихотворение «За окном опавших листьев тьма...» [19, с. 58]. Это одно четверостишие, в котором говорится о ветре, швыряющем опавшие листья куда попало: «За окном опавших листьев тьма, // Ветер, ветер, а тебе все мало; // Не швыряй ты их куда попало! // Ну зачем ты сводишь их с ума?» [19, с. 58]. Вопрос в конце стихотворения, остающийся без ответа, наводит на мысль о том, что автор, формулируя его, думал и о людях, и об их судьбах, а также о сложности человеческой жизни.

Цюй Цюй-бо (1899–1935) сочинил стихотворение «Осень» [19, с. 133–134]. Оно отличается от вышеописанных по настроению. В начале произведения говорится о ветре, опавших листьях, одинокой и печальной луне: «В лесу меж деревьев // Западный ветер бродит, // Поднимает опавшие листья, // И они, как прибой, звучат. // Луна, одиноко-печальна, // Слушает эту странность, // Душа ее в тихих звуках, // Душа ее в бледных лучах» [19, с. 133]. Луну закрывают тучи, однако они не могут быть сильнее, чем луч света: «Почти невесомые тучи // Ее закрывают собою, // Напрасны, напрасны старанья // Маленьких этих туч. // Сокрытые где-то силы // Сопротивленья и воли // Высвобождают вскоре // В тысячи чжанов луч! // Он пробивается снова, // Снова сияет ярко, // В нем сокровенная тайна – // Мира ночного огни» [19, с. 133–134]. Это произведение о рассматриваемом времени года заканчивается очень оптимистично: «Пусть эти черные тучи // Плынут по осеннему небу – // Я хочу над тщетою // Жалкой, смешной возни! » [19, с. 134].

Ай Цин (1910–1996) – автор стихотворения «Осеннее утро» [19, с. 201–202]. Поэт радуется прохладному осеннему утру и выражает свою любовь к Родине: «Доброе время пролады и бодрости – утро. // Солнца взошедшего первые проблески – утро. // Села, деревни, томящие жалостью, – утро» [19, с. 201]. Ай Цин создает метафорический образ невероятной красоты, воплощая осень в виде птицы: «...Два белых ока-круга – что за птица // Над стенами приземистого дома? // Она сидит на

черной черепице, // Задумавшись, глядит не наглядится // В пустотность, к пестрым облакам влекома. // Да, это осень» [19, с. 201]. Поэт вспоминает свое пребывание где-то в другом месте и признается, что очарование Родины трудно передать словами: «Вот уж год, как здесь я, // На здешнем юге. // Тропиков дыханья // И гордых пальм, сверлящих поднебесье, // Как будто нет... // Но есть очарованье, // Которое не высказать словами...» [19, с. 201]. В стихотворении «Осень» Ай Цин пишет о своем восприятии этого времени года: он чувствует осень по прохладе («Трубка глиняная со мною, // Осень где-то уже за спиною, // Осень рядом – прохладой веет // На реке, где парус белеет» [19, с. 212]), он неодинаково ощущает ее в разные периоды жизни («Прикасаюсь я к чутким струнам, // О себе вспоминаю юном // И о том, как любил я осень // За печаль, что с собой приносит. // Было радостно в чаще мгlistой // Слушать рог и ступать по листьям, // Но теперь осенняя благодать // Одинокому сердцу в тягость» [19, с. 212]). Он спокойно встречает и осень, и новый этап своей жизни: «Нет во мне ни любви, ни страха, // Мне известен ее характер, // И спокойно, с улыбкой светлой // Я встречаю угрозу ветра: // “Это осень, господин Ваншу!”» [19, с. 212].

Китайский поэт Вэнь И-до (1899–1946) создал ряд стихов об осени: «Отцвел, увял цветок...» [19, с. 234–235], «Думы о хризантеме» [19, с. 255–257], «Осенние краски» [19, с. 258–262], «Последняя ночь осени» [19, с. 263]. Проанализируем стихотворение «Отцвел, увял цветок...» [19, с. 234–235]. В нем Вэнь И-до описывает увядший цветок: «Отцвел, увял цветок, // созрел и высох плод, // Ни капли летний зной // в нем не оставил влаги // Осенний ветер дул, – // трепал и гнул – и вот // Лишь стебелек сухой // остался от бедняги» [19, с. 234]. Во второй строфе поэт уподобляет себя этому цветку, поскольку в его душе что-то произошло, и он не может больше сочинять гимны и оды: «Мороз трескуч и лют; // он в душу мне проник, – // И сердца струнный звук // заледенел, не льется; // Ни гимнов нет, ни од, – // их петь я так привык, // Но почему-то мне // сегодня не поется» [19, с. 234]. В последней строфе автор употребляет еще более глубокое сравнение, сопоставляя цветок с любовью, которая никогда не погибнет; выражает он уверенность и в том, что цветок будет жить (возможно, в произведениях поэта, которые обязательно будут написаны): «Цветок! Моя любовь! // Пусть песня не звучит, // Ты, право, не горюй: // ведь музыка – живая! // Покуда жив я сам // и свет в душе горит, // Ты не погибнешь, нет, // ты будешь жить, я знаю!» [19, с. 234–235].

Проанализированные поэтические произведения показывают, что тема осени неисчерпаема. Эта тема объективируется в различных национальных литературах. Она дает возможность для размышлений и сопоставлений на многочисленные темы. Белорусский поэт М.А. Богданович, описывая это время года, воплощает образ цветка – один из своих любимых образов, а также объективирует национальные мотивы (реализация образов водяного, лешего; привлечение образа ветра, связанного с осенью, для воплощения темы родной земли). Тема осени у поэта соотносится с темой природы, которая очень важна для него, особенно в сборнике «Венок»: «Своеобразным продолжением темы Родины является в “Венке” разработка темы природы, единения с ней человека» [20, с. 21]. Отношение белорусского поэта к процессам, происходящим в природном мире, является глубоко философским: «Природу М. Богданович видел не только в образах майских цветов. Цветок отцветает, чтобы дать плоды, зерно прорастает, чтобы дать цветок. За неиз-

бежным кругом ждет неизбежное, жизненные силы исчерпывают себя. Здесь драматизм, трагизм бытия, и такой поэт, как Богданович, не мог про них не писать» [20, с. 23].

Практически все рассмотренные стихи китайских поэтов содержат глубокий подтекст. Эта традиция давно имеется в данной литературе. И.С. Лисевич указывает: «В открывающихся взгляду картинах природы средневековому китайцу виделись сложные знаки и символы, исполненные глубокого смысла» [21, с. 8], поэтому живопись и поэзия в Китае были очень близки во многом: «...в объекте изображения, в мировосприятии, даже в материале, которым пользовались поэт и художник. Кисть, тушь и шелк служили и поэту, и живописцу, да и сам иероглиф зачастую все еще оставался пиктограммой – картинкой-символом» [21, с. 9]. Он выражает такое мнение: «Для китайца в произведении истинной поэзии почти всегда есть подтекст, поэзия не может говорить прямо; образы должны воссоздаваться не в произведении, а в самом сердце читателя, повинаясь закону созвучия подобного; только тогда они не останутся чем-то внешним, посторонним для читателя, только тогда будут для него истинно живыми. Приемы скрытой ассоциации, внутреннего параллелизма всегда почитались наивысшей ступенью поэтичности, и материалом для них всегда служили образы природы» [21, с. 11]. Наиболее часто названные китайские поэты в стихах об осени рассуждают о жизни человека и его судьбе, используя образы опавших листьев, ветра и др.: «...осенние думы – это очень часто и горькие раздумья человека в конце своего жизненного пути, когда многочисленные символы “заката года” словно бы подводят итог» [21, с. 12].

Общим в реализации темы осени и у М.А. Богдановича, и у китайских поэтов Серебряного века является философский характер стихов, посвященных данной теме или связанных с ней, а также наличие в поэтических произведениях значительного живописного элемента, что является подтверждением наличия связи между литературой и изобразительным искусством при воплощении темы времен года.

Литература

1. Цётка Выбраныя творы / Цётка; уклад., прадм. В. Коўтун; камент. С. Александровіча і В. Коўтун. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – 336 с.
2. Журба, Я. Творы: лірыка, вершы для дзяцей, проза, публіцыстыка / Я. Журба; уклад., прадм. і камент. А. Бельскага. – Мінск: Маст. літ., 2011. – 158 с.
3. Купала, Я. Спадчына: Вершы і паэмы: Для сярэд. і ст. шк. узросту / Я. Купала / аўт. прадм. і ўклад. У.М. Казбярук. – Мінск: Юнацтва, 1988. – 349 с.
4. Жылка, У.А. Матылі: вершы, паэмы, пераклады: для ст. шк. узросту / У.А. Жылка; прадм. В. Куставай. – Мінск: Маст. літ., 2009. – 189 с.
5. Куляшоў, А.А. Дарогі: Вершы, паэмы / А.А. Куляшоў; уклад. В. Куляшовай. – Мінск: Маст. літ., 2003. – 318 с.
6. Китайская пейзажная лирика / сост. и ред., вступ. ст., коммент. И.С. Лисевича. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 287 с.
7. Китайская классическая поэзия / сост., авт. предисл. и коммент. И. Смирнов. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 480 с.
8. Дождь стучит по крыше: стихи об осени [сост. С.Ф. Дмитренко]. – М.: Эксмо, 2009. – 352 с.

9. Дмитренко, С.Ф. Осанна, осень! Осени – осанна! / С.Ф. Дмитренко // Дождь стучит по крыше: стихи об осени [сост. С.Ф. Дмитренко]. – М.: Эксмо, 2009. – С. 5–12.
10. Ситнина, М.К. Текст / М.К. Ситнина // Времена года. Русская пейзажная живопись / авт. текста и сост. альбома М.К. Ситнина. – М.: Искусство, 1969. – С. 5–29.
11. Дзяржаўны мастацкі музей БССР / аўт. тэкста і склад. П.М. Герасімовіч, А.К. Рэсіна; пад рэд. Ю.А. Карачуна. – Мінск: Беларусь, 1979.
12. Режим доступа:
<http://forums.tut.by/showthread.php?styleid=3&t=11873025&page=13>. – Дата доступа: 13.11.2011.
13. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/100hudozh/2htm>. – Дата доступа: 13.11.2011.
14. Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/16641/4/> – Дата доступа: 18.11.2011.
15. Режим доступа: <http://www.bluefenix.ru/category-196/category-305.html>. – Дата доступа: 18.11.2011.
16. Времена года. Русская пейзажная живопись / авт. текста и сост. альбома М.К. Ситнина. – М.: Искусство, 1969.
17. Багдановіч, М.А. Поўны збор твораў: у 3 т. / М.А. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. – 752 с.
18. Чабан, Т. Космас «Вянка». Літаратурны каментарый да «Вянка» Максіма Багдановіча / Т. Чабан // Багдановіч, М.А. Поўны збор твораў: у 3 т. / М.А. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. – С. 463–518.
19. Китайская лирика. Серебряный век. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 352 с.
20. Лойка, А. Паэт нараджаецца не аднойчы / А. Лойка // Багдановіч, М.А. Поўны збор твораў: у 3 т. / М.А. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. – С. 7–49.
21. Лисевич, И.С. О том, что остается за строкой / И.С. Лисевич // Китайская пейзажная лирика / сост. и ред., вступ. ст., коммент. И.С. Лисевича. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – С. 3–30.

Буркова О. М.
преподаватель кафедры языков,
Белорусская государственная академия музыки

ВЕЛИКИЙ СЫН КИТАЙСКОГО НАРОДА

В большом ряду великих имен, прославивших китайскую литературу, Ли Бо (701-762) принадлежит одно из самых почетных мест. В его поэтическом творчестве с огромной образной силой выражены многосложные явления окружающей художника слова действительности в ее бесконечных противоречиях. Со времени рождения Ли Бо прошло почти тринадцать столетий. Но сквозь века пронес китайский народ живую и неугасающую любовь к своему гениальному поэту, творчество которого вобрало в себя жизнь народа и с необычайной яркостью запечатлело дух танской эпохи.

Литература каждого народа развивается в своих национальных формах, обусловленных особенностями исторического развития. Эти особенности каждой национальной литературы являются ее вкладом в мировую сокровищницу художественного творчества. Известно, однако, что буржуазная наука старательно пыталась ограничить мировую литературу лишь кругом господствующих наций Европы и Америки. В литературах Востока подчеркивалась их обособленность, феодальная замкнутость, экзотические черты.

Во всем пути бессмертного певца далекой старины, зримые лики которой воплощены в его поэзии, на протяжении минувших веков китайский народ видел высокий образец вдохновенного служения Ли Бо своей родной земле, служения бескорыстного, во имя идеалов гуманизма и правды. Народу особенно дорога была тонкая восприимчивость души поэта, позволявшая улавливать жизненные токи своего времени. В этом нельзя не видеть проявления целомудренной, стремящейся к чистоте души поэта. Для Ли Бо поэзия – судьба, все то, что ему было особенно дорого. И поэзия его стала памятью народа, китайского народа, который, как всякий другой, обладает цепкой памятью. И здесь открываются для нас черты индивидуальности величайшего художника слова, который выступает в образе высшего порядка, взвешивающего на обычный ход вещей, страсти и жизненную суету с высшей точки зрения, не подчиненной всем житейским волнениям, не сковывающей человеческий дух.

История донесла до нас немногие, но существенные сведения о жизни Ли Бо. Он трудно жил, страдая недугами неустроенного, полного испытаний современного ему мира. Юные годы его отмечены порывами гражданственности, состраданием к нуждам людей, защитой слабых и обиженных, мечтами о лучшей участи человека, о совершении подвигов.

В зрелые годы Ли Бо, прославившийся своим поэтическим творчеством, удостоился высшего академического звания «ханьлинь», которое открывало перед ним перспективу придворного благополучия и славы. Подобная карьера, однако, не привлекала поэта, человека независимых взглядов и своеобразного поведения. При дворе Ли Бо находился около трех лет. Но поэтом придворным быть не желал. Это, разумеется, требовало от него необыкновенной ясности ума и величия духа в обстановке непрестанных столкновений с враждебными ему силами, в конфронтациях повседневной жизни. Держался он с особым достоинством, гордо. *«Хочу ли Знатным и богатым быть? Нет! Время я хочу остановить»*, – говорит Ли Бо в «Стихах о краткости жизни». Независимость Ли Бо восхищала его современников. Известно,

что поэт отверг приглашение императора явиться и читать стихи ему и свите: *«Когда я пьян, я сам – небожитель»*, – неустрашимо заявил Ли Бо. Поэт был изгнан из дворца.

Выше всего Ли Бо дорожил свободой, и в этом – истоки уверенности поэта в торжестве разума, творческой мудрости. От великих своих предшественников Цюй Юаня и Тао Юань-мина он унаследовал культ свободной личности, культ эмоции и природы, горячую и непримиримую вражду к угнетению человека, неподвластного и вольного по своему складу и стремлениям. Ли Бо был воодушевлен благородным устремлением, высокочеловечной идеей добра и правды, идеей единства собственной позиции и поэтического творчества, в котором обнаруживается осуждение условий, обрекающих людей на страдания и муки. Поэт мечтал о таком обществе, где «чтут все чистое и истинное», где «talанты развиваются в покое и свете», где «внешний узор и внутреннее качество освещают друг друга» и где «светил на земле столько же, сколько звезд на осеннем небе».

Придворной карьере Ли Бо предпочел жизнь вольного странника, покинул столицу и многие годы провел в скитаниях. Здесь он сблизился с великим Ду Фу, жизнь которого была полна лишений и невзгод. *«По утрам я торчу У ворот богачей, Вечерами бегу За конями их сытыми. И куда ни приду, Все объедки дают. Плачет сердце мое, От обиды такой»*; *«По неделям валяюсь Голодный, больной. Уже сотни заплат На халате дырявом»*, – писал Ду Фу.

В многочисленных стихах Ли Бо выражается открытое недовольство современными общественными явлениями и порядками, царившей властью сильных и имущих: *«Много их, идущих против неба, Власть его присвоивших бесчинно»*, – говорил поэт в «Песне о восходе и заходе солнца», в которой ярко обнаруживается художественная выразительность мысли и движений души Ли Бо. Поэтическое творчество Ли Бо есть художественная форма самосознания, где нашло свое проявление образное раскрытие поэтом видения мира, судьбы человека и его родины.

В начале VII в. в Китае на смену феодальной раздробленности и междоусобице приходит объединенная империя Танской династии, ставшая едва ли не самым большим государством той исторической эпохи. Крупнейший город этого периода Чанъань (Сиань) имел миллионное население и являлся столицей могущественной Танской империи, которая установила наиболее оживленные торговые и дипломатические отношения с Византией, Индией, Японией, Персией и другими странами.

Китай переживал огромный экономический подъем: росли города, в которых шла интенсивная торговля, развивалось ремесло и прикладное искусство; дальнейшее укрепление получила надельная система землепользования; быстро развивалось также сельское хозяйство, появлялись новые сельскохозяйственные культуры, в частности культура чайного листа, которая впоследствии стала играть важнейшую роль в материальной и духовной жизни страны, – в Китае был создан своего рода культ поэзии о чайном листе.

Все это способствовало значительному развитию художественного творчества. Три столетия существования Танской империи обогатили китайскую поэзию неумирающими, вечно живыми творениями, являющимися гордостью китайского народа.

История искусства говорит нам, что всеобщее признание получают именно те произведения, в которых наиболее полно выражены самобытный гений народа, его национальные черты, конкретный специфический колорит его жизни и истории. Все культурное человечество признает Шекспира величайшим драматургом всех времен

и народов. Но это прежде всего потому, что Шекспир с предельной полнотой выразил гений английского народа исторически определенного времени – конца XVI и начала XVII в. Это вполне справедливо и в отношении великой триады древнегреческих трагиков – Софокла, Эсхила и Эврипида. То же самое можно сказать и о Байроне, Гете, Пушкине, Гоголе, Льве Толстом. Не в меньшей мере это справедливо и в отношении бессмертных поэтов танской эпохи – Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй и многие другие прославили «золотой век» китайской поэзии на вечные времена. Взлет их был настолько могуч, что время над ними оказалось не властным.

Ли Бо – создатель проникновенных творений, ярких образов, исполненных творческой фантазии, бурных эмоциональных порывов – представляет собой весьма значительное явление в поэтическом творчестве танской эпохи. Еще в далекую старину китайская литературная критика отмечала, что стих Ли Бо стремительно захватывает все. Ли Бо обладал необычайно яркой индивидуальностью. Он был поэтом исключительного темперамента и эмоциональности, постоянно преступавшим рубежи обыденного и ординарного. Воображение уносит поэта в мир мечтаний, и вот он думает о том, как бы перекинуть по небесному своду необыкновенной длины канат, чтобы привязать им стремящееся к западу яркое светило: *«Остановить бы Шестерых драконов И привязать их К дереву фусан»* («Стихи о краткости жизни»).

Романтическая гипербола, известная условность, даже фантастичность в ряде стихов Ли Бо своеобразно передают мироощущение поэта, стремившегося художественными средствами выразить сущность изображаемого: *«Я хочу смешать с землею небо, Слить всю необъятную природу С первозданным хаосом навеки»*.

Ли Бо был передовым умом своего времени, великим сыном китайского народа. Живя в эпоху могучего подъема своей родины, поэт жаждал свободы и творчества, будил мысль, укреплял веру в лучшие человеческие устремления.

Ли Бо создавал стихи на живом языке в духе народных песен. Он слышал бибение родной речи, вдохновлялся китайской природой, китайской историей, самобытной жизнью своей родины. Многие поэтические творения Ли Бо, отличающиеся необыкновенной простотой стиля и неповторимой задушевностью, продолжают жить в китайском народе как самые чтимые и близкие его сердцу. К их числу относятся «Думы тихой ночью», которые в Китае стали едва ли не народной колыбельной песней: *«У самой моей постели Легла от Луны дорожка, А может быть, это иней? – Я сам хорошо не знаю. Я голову поднимаю – Гляжу на луну в окошко, Я голову опускаю – И родину вспоминаю»*.

В конечном итоге, мерой моральных принципов, нравственной ценности человека с древнейших времен оказывалось его отношение к родине, к народу, его породившему. Иному, быть может, удастся обрести желанное благополучие, преуспеть в богатстве и знатности, но душевное его опустошение неотвратимо, если он поступился чувством верности родной земле. Нестареющая сила творений Ли Бо – в его пафосе любви к родине, вера в ее будущее.

Художественная литература всегда ставила вопросы о человеческой судьбе, о поведении человека, о смерти, о любви, об отношении к природе – вопросы, относящиеся к кругу тех «вечных» тем и мотивов, которые исстари волновали поэтов всех времен и народов. Ли Бо и многочисленные его подражатели идут той же дорогой. Но лирика их овеяна дыханием жизни, которая расцвела в эпоху танов – в век необыкновенного расцвета китайского искусства. Ли Бо умел воплощать в своих стихах тончайшие, еле уловимые переживания и эмоции. Поэт прекрасно знал, что легче без ущерба перенести бамбуковый куст на новую почву, чем жемчуг росы с

листка на листок, со стебля на стебель, не расплескав его. Природа и человек в их нерасторжимых взаимосвязях – одна из существенных тем творчества Ли Бо.

Прекрасны лирические стихи Ли Бо, для которых характерна простота, лаконичность, задушевность чувств и неповторимость настроений: *«В струящейся воде Осенняя луна, На южном озере Покой и тишина. И лотос хочет мне Сказать о чем-то грустном, Чтоб грустью и моя Душа была полна»* («Струящиеся воды»). Большой интерес к реальному миру, к человеку, к повседневной жизни в ее многосложности определяет творчество передовых танских поэтов и развитие их реалистического метода. Творчество Ли Бо и ряда других поэтов танской эпохи характеризуется большой жизненной полнотой и эмоциональной яркостью, интересом к реальному окружению человека, к общественным явлениям. Социальная значимость – неотъемлемая принадлежность подлинно поэтического творчества.

Благородство идей, патриотизм, чистота и просветленность видения жизни, сила духа, заключенные в творчестве Ли Бо, делают его поэзию неповторимым источником эстетического удовлетворения не только для китайцев, но и для других народов, для всего человечества.

Живой интерес русских людей к художественному творчеству народов Запада или Востока – это всегда интерес и к самому творцу, к народу, его духовным идеалам, неповторимой его самобытности. У всего истинно прекрасного свои законы движения, свои пути к человеку, к миру его мыслей и чувств. Подлинное искусство вечно живо удивительным, образной своей тайной. Ли Бо нерасторжимо был связан с эпохой, в которую создавал свои стихи, и потому остался вечен. И творчество его столь же глубоко национально, сколько и всеобще.

Творчество Ли Бо широко известно за пределами Китая. Особенно популярны стихи поэта в странах Дальнего Востока – Японии, Корее, Вьетнаме, где его произведения переиздаются на протяжении столетий.

В нашей стране поэзия Ли Бо получила известность в основном в послереволюционный период. Среди первых исследователей Ли Бо следует назвать В. М. Алексеева и Ю. К. Щуцкого, которые опубликовали свои переводы стихов Ли Бо в двадцатые годы в сборнике «Восток» и в Антологии китайской лирики. Многочисленные переводы произведений Ли Бо принадлежат также А. Гитовичу и А. Ахматовой.

Ли Бо есть «мировой поэт в полном смысле этого слова, то есть поэт, для которого границы (география) стран не имеют уже никакого значения, так как не имеют значения и те столетия времени, сквозь которые так легко и свободно он прошел» [1, с. 530].

Свое высшее призвание Ли Бо видел в том, чтобы «очистить и передать» в поэзии самое достойное и так, чтобы оно «засияло светом и озарило тысячелетие вперед». Поэтический свет Ли Бо отнюдь не угас и теперь, спустя тринадцать веков. Художественный гений его давно уже перешагнул национальные границы и приобрел мировую славу.

Литература

1. Китайская классическая поэзия / Сост. Т. И. Виноградова. С-П: «Северо-Запад Пресс», 2003. – 584 с.

Коренькова О. Л.

Ст. преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока факультета
международных отношений,
Белорусского государственного университета

Блинец Е. Г.

Магистрант,
Шанхайский педагогический университет
(Шанхай, КНР)

ПОЭЗИЯ ЛИ БО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

*Перевод китайской классики...
есть восхождение на вершины высочайших
гор,
что под силу только храброму,
разумному и умудренному опытом альпини-
сту
А. Гитович*

С высказыванием известного переводчика китайской поэзии А. Гитовича нельзя не согласиться. В китайском стихосложении существует целый ряд правил, соответствовать которым при переводе очень трудно, а иногда и невозможно.

- *Китайскому стиху присущ лаконизм, строжайшая экономия в использовании слов, суровая отрывистость в изложении мыслей, стремление к недосказанности, намеку.* Л. Эйшлин в связи с этим писал: «строка кончается, а мысль безгранична» [1, с. 158]. Китайская поэзия требует сотворчества от читателя в большей степени, чем какая-либо другая. Особенную, непреодолимую трудность представляет собой перевод четверостиший, которые с неподражаемым лаконизмом обыкновенно скорее намечают, чем подробно изображают поэтический образ и настроение поэта. Перевод по принципу «один иероглиф — одно слово», необходимый для сохранения этой специфики, представляется практически невозможным.

- *Мелодика подлинника* неизбежно утрачивается, поскольку в русском, да и в индоевропейских языках нет музыкального ударения.

- *В китайскую рифму* инициаль (начальная согласная) не входит, рифмуются только финали (конечные гласные); кроме того, она включает музыкальное ударение — «тон». Попытки передать ее по-русски В.М. Алексеев справедливо называл «фокусом сомнительной заслуги» [2, с. 15].

Для китайских классических стихов характерны: *сквозная рифма*, которая в больших по объему русскоязычных переводах может выглядеть искусственно; *парная рифма*, *рифма через одну строку* (нечетные не рифмуются), рифма типа *aaba* (для четверостиший). В китайской поэзии нет перекрестной и охватывающих рифм.

- *Китайской поэзии свойственна многозначность слов-иероглифов* и слово способно приобретать неожиданные оттенки в самом контексте.

- *Звукоповторы и повторы слов* (как полные, так и частичные, где повторяется инициаль либо финаль).

- *Для поэзии Китая важно графическое изображение стихотворения*

(иероглифический рисунок). Китайский стих воспринимается зрением в такой же мере, как и слухом. При переводе «картинка», неразрывно связанная с содержанием, утрачивается, теряется интерлингвистический смысл стиха.

Дополнительные трудности при переводе китайской классической поэзии вызывают:

- Малопонятные *реалии* тысячелетней давности, многочисленные *имена* и *географические названия*, которыми поэты любили украшать свои стихи. *Дяньгу* (典古) — реминисценции, бесчисленные переключки с прошлым, намеки литературные и исторические. Китайская поэзия изобилует *поэтическими образами*, восходящими к различным историческим, мифологическим, легендарным и литературным сюжетам и событиям.

- *Отсутствие личных местоимений, указаний времени и числа.*

- *Параллелизмы* смысловые, образные, грамматические.

- *Логическая композиция* стихотворения, *синтаксическая законченность* и *завершенность мысли* в каждой строке.

Классическая китайская поэзия создавалась на языке *вэньянь*, который в те далекие времена воспринимался как *литературный*, что в наше время вызывает трудности при определении соответствующего чтения иероглифов и их значений, а также правил их комбинаторики. Но какие бы трудности не возникали, китайская поэзия неизменно привлекает желающих «покорить» эту вершину мировой литературы, и, немного перефразировав Теодора Савори, можно сказать, что именно в его сложности, в многообразии попыток, которые делались для того, чтобы преодолеть трудности этого перевода, и в том, что не существует конечных и универсальных приемлемых решений, и заключена его привлекательность [3, с. 3].

Обратимся к стихотворению известного китайского поэта Ли Бо «Под луной одиноко пью», которое имеет огромное количество переводов на русский язык и на его примере рассмотрим трудности и особенности, возникающие у переводчиков (см. Приложение I).

Перевод стихотворения, выполненный В. Мартом, абсолютно не соответствует подстрочнику. Стихотворение написано совершенно в русском духе и с использованием старославянизмов (слово «юдоль»). Перевод А. Фурсова уже с первой строки говорит об отсутствии лексического и семантического соответствия: «Один. Цветы. И чарка водки», поэтому мы будем проводить сравнительный анализ подстрочника и переводов, сделанных только А. Гитовичем, Б. Мещеряковым, С. Торопцевым и Л. Меньшиковым.

Название: «Под луной в одиночку пью» («月下独酌»). В названии стихотворения разночтений не встречается: «Под луной одиноко пью» — у А. Гитовича и Б. Мещерякова, «В одиночестве пью под луной» — у С. Торопцева и Л. Меньшикова.

Рифма: в оригинале рифмуются между собой вторая и третья (人-ren2, 身-shen1), а также пятая, шестая и седьмая строки (乱-luan4, 散-san4, 汉-han4). Что касается рассматриваемых нами переводов, то три из них — рифмованные: С. Торопцев и Б. Мещеряков использовали традиционную русскую перекрестную рифму, создав благозвучие стиха, столь привычное для русского читателя, но не характерное для оригинала; у А. Гитовича рифмуется разбитая на две русские китайская строка. В переводе Л. Меньшикова рифма носит скорее «случайный» характер: «мною» — «весною».

Среди цветов один чайник вина,

Пью в одиночку нет взаимный/помогать близких/близкого.

А. Гитович:

Среди цветов *поставил я*
Кувшин в тиши ночной
И одиноко пью вино,
И друга нет со мной.

В данных строках в переводе А. Гитовича очевидно искажение семантики стихотворения-оригинала:

- автор перевода вводит словосочетания «*тишь ночная*» и «*поставил я*», «*со мной*», отсутствующие у Ли Бо. Эти вкрапления приводят к тому, что простая, лаконичная, минимизированная картина, рассчитанная на игру читательского воображения, исчезает в переводе.

- Переводчик опустил числительное «один» (то же характерно и для других авторов), но это не исказило семантику стихотворения.

- В оригинале употреблен иероглиф 壺 (hu2) — «чайник», в китайском языке существует название чайника для вина — 酒壺 (jiu3hu2) [4, с. 367]. А. Гитович же (как и С. Торопцев, Л. Меньшиков) использовал слово «кувшин», сочетающееся в сознании русскоязычного носителя с «вином», но не соответствующее стихотворению-оригиналу.

- У А. Гитовича — «*друга нет*», но это словосочетание по семантике очень близко к оригинальному «близкого нет».

- Повторяющийся союз «и» в третьей и четвертой строках, использованный переводчиком, несколько изменил свойственное оригиналу настроение.

Б. Мещеряков:

Меж цветенья *сижу*
и взираю на чайник вина.
Горько пить одному,
когда нету с тобою друзей.

Автор данного перевода использует глаголы: «*сижу*», «*взираю*», что приводит к изменению семантики — указанию на автора и действие в отличие от «статичности» оригинала (первых двух строк).

Особенностью китайских стихотворений является то, что главное в них не то, о чем сказано, а то, о чем поэт умолчал, Б. Мещеряков же в своем переводе отразил свое понимание текста: «*Горько пить одному*».

Л. Меньшиков:

Окружен я *цветами*,
кувшин мой *наполнен* вином.
В одиночестве пью —
из друзей *не нашел* никого я.

Употребленное переводчиком словосочетание «*окружен цветами*» семантически тождественно словосочетанию «среди цветов».

Краткое причастие «*наполнен*», как и у Б. Мещерякова, нарушает статичность стихотворения.

Л. Меньшиков в своем переводе искажает содержание стихотворения, вводя лирического героя в первой строке и подчеркивая его присутствие в остальных строках, и, кроме того, он неоправданно расширяет смысл стихотворения: «*друзей не нашел я*».

С. Торопцев:

Среди цветов *стоит* кувшин вина,
Я пью один, нет *никого* со мной.

Автор данного перевода вводит глагол «*стоит*», но его семантика вполне соответствует состоянию статичности, характерному для первой строки.

Вместо «друга, близкого» употреблено местоимение «*никого*», не совсем соответствующее содержанию стихотворения Ли Бо.

**Поднять чашку(кубок)пригласить ясную луну,
Добавить(сойтись с) тень(-ю) стать тремя людьми.**

А. Гитович:

Но в *собутельники* луну
Позвал я в добрый час,
И тень свою я пригласил —
И трое стало нас.

В отношении первых двух строк говорить о точности перевода не приходится, поскольку А. Гитовичем полностью утрачена смысловая связь с оригиналом. Слово «*собутельники*» не может быть связано с китайской действительностью VIII века, так как в то время бутылок еще не было [5, с.7]. И это же слово предает некоторый ироничный оттенок стихотворению.

В третьей и четвертой строках автор сохранил смысл, за исключением глагола «*пригласил*», семантика которого отлична от семантики глагола «*сойтись*», использованного в оригинале.

Пригласить — 1. Попросить прибыть, прийти. 2. Попросить выполнить какую-нибудь работу, поручение [6, с. 607].

Сходиться с — сблизиться, подружиться [7, с. 770].

Б. Мещеряков:

Чарку к небу тяну
и *тебя* приглашаю, луна,
Да еще свою тень —
на троих бы нам выпить, *ей-ей!*

Слово «*чарка*» не соответствует китайским реалиям:

Чарка — сосуд для питья крепких напитков, маленькая чара иногда имеющая поддон или шаровидную ножку. Многообразные формы чарок, украшавшиеся чернью, эмалями или чеканкой были характерны, были характерны для русского быта XVII—XVIII вв.

Чарка — русская единица измерения объема жидкости, применявшаяся до введения метрической системы мер и иначе называвшаяся соткой. 1 чарка = 1/100 ведра = 2 шкаликам. В пересчёте на метрическую систему 1 чарка = 0,12299 литра [8].

Бросается в глаза эмоциональность перевода Б. Мещерякова и некоторая фамильярность, в оригинале же подчеркивается уважительное отношение лирического героя к луне: он «*приглашает*» луну («*邀明月*»).

Л. Меньшиков:

Поднял я свой бокал,
ясный месяц к себе пригласил,
Тень с другой стороны —
и теперь уже стало нас трое.

В данном случае перевод выполнен вполне удачно: достаточно точно передано содержание оригинала, за исключением введения образа «*ясного месяца*». В русской

картине мира луна и месяц — синонимы:

Месяц – луна, спутник земли; ночное светило, казачье солнышко, месик, смол. [Вид луны, считаемый по четвертям: новый месяц, старый месяц [9].

Такая же синонимия существует и в китайском языке:

月(yuè) – 1) 地球最大的天然卫星 (亦称“月亮”、“月球”) : ~光 (月球反射太阳的光)。 2)计时单位: 一~³⁶[10]。

В Китае Луна является символом женского начала (богиня Нюйва изображается с лунным диском в руках). В русском же сознании месяц ассоциируется как с мужским так и женским началами: «В русском фольклоре месяц — это символ мужского, богатырского, начала, что и отражено в произведениях Пушкина:³⁷ *Из облаков месяц золотой, // Выходит ратник молодой. — // Меч острый на бедре сияет, // Копье десницу вооружает: // Надвинут на чело шолом, // И гибкой стан покрыт щитом: // Зарю латы серебрятся // Сквозь утренний в долине пар* ("Кольна")...Пушкин для определения *лика луны* (месяца) часто употребляет эпитет "двурогий", а именно так называли полную луну (один рог — символ молодой луны), что напрямую связано с культом плодородия, с женским началом. В "Евгении Онегине" Татьяна, верившая *"преданьям простонародной старины... и предсказаниям луны,"* *вдруг видит молодой двурогий лик луны.*" В "Кавказском пленнике" встреча пленника и черкешенки происходит в вечерний час, *"когда же рог луны сребристой блеснет за мрачною горой"*. Но и месяц у Пушкина порой выступает символом женщины: у героини сказки — *Месяц под косою блестит.*" Вероятно, здесь речь идет о лунницах, женских украшениях-оберегах из бронзы или серебра в виде полумесяца, являющихся символами плодородия» [11, с. 252].

Выражение Меньшикова *«тень с другой стороны»* равноценно оригинальному *«сойтись с луной»*, т.к. носитель русского языка в данном случае читает: *«тень [с другой стороны] присоединилась»*.

С. Торопцев:

*Взмахну бокалом – приходи, луна!
Ведь с тенью нас и вовсе будет трое.*

Автор пожертвовал точной передачей содержания стихотворения, создал радостную картину пирушки при помощи восклицательной конструкции и *«взмахивания»* бокалом.

Наречие *«вовсе»* и частица *«ведь»* придают ироничное звучание стихотворению, а во второй строке переводчик пожертвовал цезурой ради создания рифмы.

**Луна уже не понимает [как] пить [вино],
Тень только следует за моим телом.**

А. Гитович:

*Но разве, — спрашиваю я, —
Умеет пить луна?
И тень, хотя всегда за мной
Последует она?*

В своем переводе А. Гитович вводит прямую речь, риторические вопросы, что абсолютно искажает смысл стихотворения-оригинала. Налицо стремление создать «красивый» для русского читателя вариант.

36 Месяц – 1) Самый большой естественный спутник Земли (также называется Луной): лунный свет (отраженный от Солнца свет Луны). 2) Единица времени: один ~.

37 Образ славянского бога Велеса ассоциируется с ночью, луной, водой.

Б. Мецгеряков:

Но земного вина
не отведасть небесной луне,
Тень, как глупый школяр,
повторяет движенья за мной.

В первых двух строках Б. Мецгеряков немного подменяет смысл оригинала, используя эпитеты: «земное», «небесная», — передает одно из множества возможных его прочтений.

Сравнение со «школяром», используемое переводчиком в третьей строке, ошибочно, поскольку употребленный в иероглиф 徒, хотя и может переводиться как «ученик, элемент», в данном случае имеет значение «только, один».

Что же касается выражения «повторяет движенья за мной», то оно, в отношении тени, тождественно семантике оригинала — «следует за моим телом».

Л. Меньшиков:

Правда, месяц отстал,
пить вино он еще не привык.
Но зато моя тень
повторяет все точно за мною.

Как и в предыдущем переводе, в первых двух строках смысл оригинала утрачивается:

- уточнение — «правда»;
- «месяц отстал»;
- «пить вино не привык»;
- использованы союзы «но, зато», которые усиливают эмоциональное звучание стихотворения, но не имеют никакого отношения к подлиннику.

А. Торопцев:

Луна, конечно, не умеет пить,
Тень лишь копирует мои движенья,

Перевод этих, строк, выполненный А. Торопцевым вполне соответствует оригиналу, за исключением слова «конечно», употребленного вместо наречия «уже», однако в данном случае это оправданно, поскольку такая замена позволяет передать мысль автора не в ущерб поэтичности перевода.

Выражение «копирует мои движенья» семантически соответствует оригиналу.

**Временные партнеры(?компаньоны) луна и тень,
Заниматься весельем нужно достигнуть(сравнивать/также)
весна.**

А. Гитович:

А тень с луной не разделить,
И я в тиши ночной
Согласен с ними пировать
Хоть до весны самой.

Первые три строки этого варианта представляет собой вольную передачу мысли, глубоко отличную от содержания стихотворения Ли Бо:

- «тень с луной не разделить», а в оригинале луна и тень — «временные спутники (партнеры)» лирического героя.
- В оригинале отсутствует словосочетание «в тиши ночной».
- Герой А. Гитовича «соглашается пировать», тогда как у Ли Бо это желание «веселиться».

Б. Мещеряков:

Лишь на время луна
тень дала в сотоварищи мне,
Чтоб веселья пора
Продолжалась *вослед* за весной.

В первых двух строках автор вводит метафору «луна *тень дала в сотоварищи*», которая, с одной стороны, усиливает художественную выразительность стихотворения, а с другой — отдаляет от истинного смысла стихотворения.

В последней строке содержание перевода имеет отличия от стихотворения Ли Бо: Б. Мещеряков пишет «*вослед за весной*», а в оригинале может быть прочитано: «до весны» либо «также весной».

Л. Меньшиков:

Ненадолго сюда
ясный месяц привел мою тень,
Но ведь радость приходит
всегда мимолетной весной.

Авторское прочтение и интерпретация первых двух строк очень похожи на то, что мы читаем у Б. Мещерякова. Перевод третьей и четвертой строк абсолютно не соответствует содержанию стихотворения Ли Бо.

С. Торопцев:

И все-таки со мною разделить
Помогут мне весеннее брожение.

В данном случае автор, увязывая данную строфу с предыдущей: «*Тень лишь копирует мои движенья*», что не характерно для оригинала, пренебрегает точной передачей содержания в пользу создания рифмы.

Здесь следует отметить, что, переводя эту строфу, все авторы связали ее с весной (порой года, отрезком времени). Нам же кажется, что Ли Бо, указывая на то, что «луна и тень — [лишь] временные партнеры», т.е. до весны с ними никак не повеселишься (кроме того, есть еще «солнечное» время суток), имел ввиду, что «веселиться нужно как [на празднике] весны», когда празднуют с размахом и много веселятся.

**Моя песня(я пою) месяц колеблется,
Мои пляски(я качаюсь) тень хаотична.**

А. Гитович:

Я начинаю петь — и в такт
Кольшется луна,
Пляшу — и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.

Употребленные А. Гитовичем тире позволяют сохранить цезуру данного отрывка стихотворения. В первой строке переводчик вводит отсутствующее в оригинале словосочетание «в такт», а во второй заменяет слово «колеблется» синонимом «кольшется», но это не вносит значительные изменения в содержание стихотворения.

Четвертая строка принадлежит переводчику и ее появление, возможно, связано с необходимостью создания рифмы.

Б. Мещеряков:

Принимаюсь я петь
И луну начинает мутить,
Принимаюсь плясать,

Тень кривляется – просто беда.

Вторая и четвертая строки данного перевода абсолютно не соответствуют содержанию оригинала:

- «мутить» не является синонимом к слову «колеблется».

Мутить — мутнуть, мучивать (см. также мучить) жидкое, лишать чистоты и сквознины, делать что мутным, взмучить и возмущать; взбалтывать осадок в жидкости; быть причиной раздора, несогласия, ссор, беспорядка или народного ропота [12].

Колебать — колебнуть, колубливать что (колеблю и колебаю), качать, шатать, колыхать, волновать; клонить туда-сюда; раскачивать, покачивать. Смущать или тревожить кого, заставляя быть шатким, нерешительным; поселять в ком сомнение, нерешимость [13].

- «Тень кривляется, просто беда» — появляются негативные нотки, которых нет у Ли Бо.

Л. Меньшиков:

Я пою – и качается
месяц туда и сюда,
Я пляшу – и вослед
моя тень извивается странно.

Как и в переводе А. Гитовича, использованные Л. Меньшиковым тире позволяют сохранить цезуру оригинала.

Во второй строке автор вводит словосочетание «туда и сюда», дополняя этим глагол «качается» без изменения смысла стихотворения-оригинала.

В соответствии с оригиналом «тень хаотична», у Л. Меньшикова она «извивается странно», что, по нашему мнению, является вполне удачным отражением семантики оригинала.

С. Торопцев:

Луна шалее от моих рулад,
А тень сбивают с ног мои колена,

В этой строфе автор перевода использует метафоры, которые лишь частично передают содержание оригинала, но создают рифму с последующими строками. С. Торопцев создает картину кабацкого хмельного веселья.

**Когда бодрствовать вместе веселиться(оживленно
подружиться),**

Опьянеть после все рассредоточились(разрозненные).

А. Гитович:

Нам было весело, пока
Хмелели мы втроем,
А захмелели – разошлись,
Кто как – своим путем.

В данном отрывке А. Гитовичем сохранена цезура, достаточно точно передано содержание оригинала:

- автор вместо глагола «бодрствовать» употребил «хмелеть», более подходящий для адекватного восприятия русского текста;

- четвертая строка данного отрывка, отсутствующая у Ли Бо, усиливает семантику глагола «разошлись», являющегося синонимом глагола «рассредоточились».

Б. Мещеряков:

Мы, *покуда* трезвы,
станем весело вместе *кутить*.
А как будем пьяны,
разбредемся *поврозь* кто куда.

Содержание оригинала в данном случае передано верно, однако автор использовал просторечные выражения «*покуда*», «*поврозь*», не свойственные русскому литературному языку.

Кроме этого, употребленное им слово «*кутить*» по семантике не совпадает со словом «*веселиться*», однако в данном контексте такая замена вполне допустима.

Л. Меньшиков:

Мы, *покуда* трезвы,
наслаждаемся встречей нежданной,
Разбредемся потом,
когда будем *совсем уж пьяны*.

В данном отрывке Меньшиков искажил содержание оригинала:

- вместо «*веселиться*» он пишет «*наслаждаться встречей нежданной*»,
- глагол «опьянеть» он заменяет словосочетанием «*совсем уж пьяны*», тождественным словосочетанию «*сильно опьянеть*».
- Кроме того, он, как и Б. Мещеряков, использовал просторечное выражение «*покуда*».

С. Торопцев:

Пока мы пьем — *друг другу каждый рад*,
Упьемся — наша тройка *распадется*...

Автор передал содержание отрывка с некоторыми искажениями:

11. выражение «*друг другу каждый рад*» по своей семантике не соответствует слову «*веселиться*», употребленному в оригинале;
12. глагол «*распадется*» не тождественен семантически словам «*рассредоточивать*, *разрозненный*».

Распадаться — 1. Разделяться на составные части, разваливаться. 2. Состоять из частей, разделов [14, с. 681].

Рассредоточивать — Размещать небольшими частями на большом пространстве, в разных местах» [15].

С. Торопцев с помощью тире сохранил цезуру оригинала. Вполне оправданно употребленное им многоточие, позволяющее читателю осмыслить стихотворение, прежде чем он перейдет к «кульминационной» части.

**Навечно/долгий слились/соединились
бесчувственное[предать забвению все чувства] плаванье,
Взаимное обещание(договор) далекий Млечный Путь.**

А. Гитович:

И снова в жизни одному
Мне предстоит брести
До встречи — той, что между звезд,
У Млечного Пути.

Б. Мещеряков:

Обещайте же мне,
что, когда преступлю мира грань,
Выпьем мы в вышине,
на просторах заоблачной Хань.

Л. Меньшиков:

Нас связала навек
необычная эта прогулка,
Будет новая встреча —
на Млечном Пути за туманом.

С. Торопцев:

А что бы — дружба Земли прозрев,
Бродить мне с вами между звездных рек!

Особенностью последней строфы является ее насыщенность метафорами, трудными для восприятия русским читателем, и присутствие поэтического образа *Млечного Пути*, не столь характерного для русской лирики.

В поэзии Ли Бо луна, как отмечалось выше, неразрывно связана с вином. В данном случае хмельной напиток позволяет лирическому герою предать забвению все чувства, отрешиться от всего земного, приблизиться к Луне, встать вровень с нею в их совместном *бесчувственном плавании*. А позже они и вовсе встретятся у *Млечного Пути*, т.е. на Небе, куда мечтал попасть каждый даос, ведь попасть на Небо — это оказаться в числе бессмертных.

Авторы рассматриваемых нами поэтических переводов отразили свое понимание этой строфы, во многом связав ее с содержанием своего перевода так, чтобы она стала более или менее доступной русскоязычному читателю.

В процессе анализа стихотворения Ли Бо и различных вариантов его передачи на русском языке у нас возник свой поэтический вариант перевода:

Под луной пью в одиночку

Среди цветов – чайник вина,
Пью в одиночку: нет друга, чтоб помочь.
Поднимая чашку, приглашаю ясную луну,
И, добавив еще тень, становится нас трое.
Луна уже не может пить вино,
Тень только следует за мною.
Они – временные приятели,
И веселиться нужно *до упаду*.
Я пою – луна колышется,
Я пляшу – тень *из стороны в сторону шатается*.
Когда были трезвы, *веселье на троих делили*,
А опьянев, каждый *стал сам по себе*.
Мы навечно соединились этим бесчувственным плаваньем,
Пообещав друг другу *встретиться* у далекого Млечного Пути.
(перевод Е. Блинец)

В данном варианте присутствует только «случайная» рифма (*трое-мною*), расположение которой, однако, совпадает с расположением рифмы в стихотворении Ли Бо. Мы разбили китайскую строку на две во избежание нагромождения, сохранили цезуру, где это представлялось возможным. В седьмой строке мы заменили «луну и тень» местоимением «они» во избежание тавтологии: эти слова встречаются через строку и, если для китайского языка это вполне допустимо, то в русском это не соответствует стилистическим нормам языка. Содержащееся в оригинале слово «парт-

неры» (/«компаньоны»), вызывающее определенные ассоциации в сознании русского читателя, далекие от контекста данного стихотворения, мы заменили на «*приятели*»:

Приятель -я, м. 1. Близкий и дружески расположенный знакомый. Старинный мой п. 2. Фамильярное обращение к незнакомому лицу. Эй, п., посторонись-ка! П ж. приятельница, -ы (к 1 знач.). П прил. приятельский, -ая, -ое (к 1 знач.) [16].

Слову «хаотична» — в нашем варианте соответствует выражение «*из стороны в сторону шатается*», семантика которого удачно описывает движения тени захмелевшего человека.

Нами была употреблена метафора — «*веселье на троих делили*», отсутствующая в оригинале, но не искажающая его содержание.

Слову «разрозненный»(分散), употребленному в шестой строке подлинника, в соответствии с его лексическим значением(1. Несогласованный, лишенный единства; разобщенный, разъединенный. Разрозненные действия. Разрозненные группы. 2. Не имеющий полного комплекта (каких-н. частей, экземпляров). Разрозненные тома. Р сервис. || сущ. разрозненность, -и, ж. [17]) мы подобрали в соответствие выражение «*каждый сам по себе*».

В последней строфе введение нами местоимения «*мы*» и слова «*встретиться*», отсутствующих в тексте, было обусловлено необходимостью семантически целостного изложения содержания, мысли, записанной Ли Бо.

Таким образом, на примере переводов стихотворения Ли Бо «В одиночестве пью под луной» мы можем убедиться в том, какую сложность, а иногда даже и неразрешимую задачу, представляют собой переводы китайской классической поэзии, многие характеристики которой неизбежно утрачиваются или же подстраиваются под нормы иностранного языка в результате переводческой деятельности.

Рассмотрев четыре варианта перевода стихотворения Ли Бо «Под луной одиноко пью», мы убедились в том, что глубокое и серьезное знакомство с китайской лирикой и особенностями стихосложения не дает возможности в полной мере адекватно передать смысл и художественные особенности стихотворения-оригинала, в ряде случаев переводы остаются «верны родному языку»[18, с. 7].

Зачастую переводчикам приходится выбирать между достоверным, исполненным «китайским духом», но не совсем привычным русскому читателю переводным стихотворением и переводом благозвучным, но далеким от текста оригинала. Однако есть и промежуточный вариант, доказанный переводческой практикой, когда автор, минимизировав потери, успешно адаптирует текст китайского классического стихотворения к русскому языку. И здесь мы согласимся с Делилем, который считал, что «*существеннейшая обязанность переводчика состоит в том, чтобы добиться в каждом отрывке тех самых результатов, которых сумел достичь автор. Каждый, кто взялся за перевод, берет на себя долг и обязан выплатить его, если не той же монетой, то в той же сумме*» [19, с.162].

Литература

1. Федоренко Н.Т. Проблемы перевода и истолкования текста/ Н.Т. Федоренко.// Проблемы дальнего Востока. – 1979. – №2. – С. 158-171.
2. Чистый поток / Пер. Л.Н. Меньшикова. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2001.

3. Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика/ сост. Н.И. Никулин; отв. ред. Б.Л. Рифтин; Ин-т мировой литературы РАН. – М.: Вост. лит., 2008. – 447с.
4. 汉俄词典/上海外国语学院·汉俄词典·编写组编。 – 北京: 商务印书馆, 2008。 - 1250 页
5. Чистый поток/ Пер. Л.Н. Меньшикова. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. – 315с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова./ Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: АЗЪ Ltd, 1992. – 955с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова./ Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: АЗЪ Ltd, 1992. – 955с.
8. Чарка// Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 12.03.2010.
9. Даль В.И. Месяц/ В.И. Даль// Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/P099.HTM#15595>. – Дата доступа: 24.05.2010.
10. 月字 // 在线字典 [网络资源]。 - 2002。 - 许可进入 : http://www.uname.cn/html/dic/1/24_14351.shtml。 - 进入日期: 14.05.2010。
11. Коренькова О.Л. Концепт Луна в творчестве А.С. Пушкина/ О.Л. Коренькова// Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы IV Международ. конгресса исслед. р. яз., Москва, 20-23 марта 2010г./ МГУ, фил. ф-т. – Москва, 2010. – С.252-253.
12. Даль В.И. Мутить/ В.И. Даль// Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/P103.HTM#16005>. – Дата доступа: 24.05.2010.
13. Ушаков Д.Н. Колебать/ Д.Н. Ушаков// Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/836682>. - Дата доступа: 12.03.2010.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова./ Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: АЗЪ Ltd, 1992. – 955с.
15. Ушаков Д.Н. Рассредоточить/ Д.Н. Ушаков// Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1003842>. - Дата доступа: 12.03.2010.
16. Ожегов С.И. Приятель/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова// Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/ozhegov/Prijatel-27028.htm>. - Дата доступа: 22.05.2010.
17. Ожегов С.И. Разрозненный/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова// Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/4/208/669198.html>. - Дата доступа: 23.05.2010
18. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения/ П.М. Топер. – 2-е изд. – М.: Наследие, 2001. – 252с
19. Федоренко Н.Т. Проблемы перевода и истолкования текста/ Н.Т. Федоренко.// Проблемы дальнего Востока. – 1979. - №2. – С. 158-171.

«Под луной одиноко пью» («月下独酌»)

月下独酌

花间一壶酒，独酌无相亲。
举杯邀明月，对影成三人。
月即不解饮，影徒随我身。
暂伴月将影，行乐须及春。
我哥月徘徊，我舞影零乱。
醒时同交欢，醉后各分散。
永结无情游，相期邈云汉。

**Под луной в одиночку пью
(подстрочный перевод)³⁸**

Среди цветов один чайник вина,
Пью в одиночку нет взаимный/помогать близких/близкого.
Поднять чашку(кубок)пригласить ясную луну,
Добавить(сойтись с) тень(-ю) стать тремя людьми.
Луна уже не понимает [как] пить [вино],
Тень только следует за моим телом.
Временные партнеры(компаньоны) луна и тень,
Заниматься весельем нужно достигнуть/сравнивать/также весна.
Моя песня(я пою) месяц колеблется,
Мои пляски(я качаюсь) тень хаотична.
Когда бодрствовать вместе веселиться(оживленно подружиться),
Опьянеть после все рассредоточились(разрозненные).
Навечно/долгий слились/соединились бесчувственное[предать
забвению все чувства] плаванье,
Взаимное обещание(договор) далекий Млечный Путь.

³⁸перевод выполнен Е..Г. Блинец

Втроём
(перевод В. Марта)

Цветы сквозь сумрачную дрему
Девичьи-хрупко расточают
Вкруг ароматную юдоль...
Луна пустынную деревню
Прошла печальными лучами
И замечталась над прудом.

Кувшин вином наполнен старым...
Ах, я пирую сиротливо:
Нет сердцу радостных друзей;

Так что же, первую ударим,
Чтоб чарка в сердце перелилась
И просочилась в мозг костей.

Луна, нагнись и чарку дерни!..
Чтоб легче лазить по вершинам,
Отпей-ка, бледная Луна!..

Я зазываю так упорно --
Дразню заманчивым кувшином...
Но нет – куражится она.

...Мечтал я пьянствовать в компании.
И будет все-таки нас трое:
Луна, да я, да темь еще.

Коль пить Луна с высот не станет,
То тень как раз за мной повторит
Движеньё всякое - точь-в-точь...

**При луне пью в одиночестве
(перевод А. Фурсова)**

Один. Цветы. И чарка водки.
И свет луны спокойно-кроткий.
И красота цветов неярка.
Чуть пригублю и ставлю чарку.
Со мною кто – луны краюшка
И тень – полночная подружка.
Зову луну - мол, выпьем вместе.
Но месяц все на том же месте.
Со мною выпить не желает.
Надменно в высоте сияет.
Я к тени – как к подружке старой -
Мол, посидим давай на пару.
Хоть каждый жест мой повторяет,
Но выпить тоже не желает.
Пою – луна словцо подскажет.
Танцую – тень со мною пляшет.
Я пью, мне грустно, как быть с грустью:
То задремлю, то вновь проснусь я.
Когда дремлю - и месяц дремлет.
И тень мою покой объемлет.
Проснусь – счастливые мгновенья:
Вновь с ними я – с луной и тенью.
Напитком крепким полною чашу -
Пусть крепкой будет дружба наша.
Один – ну что один я стою?
С луной и тенью нас ведь трое.
Светает. Словно невидимки,
Мы в млечной растворимся дымке.

**Под луной одиноко пью
(перевод А. Гитовича)**

Среди цветов поставил я
Кувшин в тиши ночной
И одиноко пью вино,
И друга нет со мной.

Но в собутельники луну
Позвал я в добрый час,
И тень свою я пригласил -
И трое стало нас.

Но разве, – спрашиваю я, -
Умеет пить луна?
И тень, хотя всегда за мной
Последует она?

А тень с луной не разделить,
И я в тиши ночной
Согласен с ними пировать,
Хоть до весны самой.

Я начинаю петь – и в такт
Колышется луна,
Пляшу – и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.

Нам было весело, пока
Хмелели мы втроем.
А захмелели – разошлись,
Кто как – своим путем.

И снова в жизни одному
Мне предстоит брести
До встречи – той, что между звезд,
У Млечного Пути.

**Под луной одиноко пью
(перевод Б. Мещерякова)**

Меж цветенья сию
и взираю на чайник вина.
Горько пить одному,
когда нету с тобою друзей.

Чарку к небу тяну
и тебя приглашаю, луна,
Да ещё свою тень –
на троих бы нам выпить, ей-ей!

Но земного вина
не отведашь небесной луне,
Тень, как глупый школяр,
повторяет движенья за мной.

Лишь на время луна
тень дала в сотоварищи мне,
Чтоб веселья пора
продолжалась вослед за весной.

Принимаюсь я петь,
и луну начинает мутить,
Принимаюсь плясать,
тень кривляется – просто беда.

Мы, покуда трезвы,
станем весело вместе кутить.
А как будем пьяны,
разбредёмся поврозь кто куда.

Обещайте же мне,
что, когда преступлю мира грань,
Выпьем мы в вышине,
на просторах заоблачной Хань.

В одиночестве пью под луной
(перевод С. Торопцева)

Среди цветов стоит кувшин вина,
Я пью один, нет никого со мною.

Взмахну бокалом – приходи, луна!
Ведь с тенью нас и вовсе будет трое.

Луна, конечно, не умеет пить,
Тень лишь копирует мои движенья,

И все-таки со мною разделить
Помогут мне весеннее брожение.

Луна шалее от моих рулад,
А тень сбивают с ног мои коленца,

Пока мы пьем – друг другу каждый рад,
Упьемся – наша тройка распадется...

А чтобы – дружба Земли презрев,
Бродить мне с вами между звездных рек!

**В одиночестве пью под луной
(перевод Л. Меншикова)**

Окружён я цветами,
кувшин мой наполнен вином.
В одиночестве пью -
из друзей не нашёл никого я.
Поднял я свой бокал,
ясный месяц к себе пригласил,
Тень с другой стороны -
и теперь уже стало нас трое.
Правда, месяц отстал,
 пить вино он ещё не привык,
Но зато моя тень
 повторяет всё точно за мною.
Ненадолго сюда
 ясный месяц привёл мою тень,
Но ведь радость приходит
 всегда мимолётной весною.
Я пою – и качается
 месяц туда и сюда,
Я пляшу – и вослед
 моя тень извивается странно.
Мы, покуда трезвы,
 наслаждаемся встречей неожиданной,
Разбредёмся потом,
 когда будем совсем уж пьяны.
Нас связала навек
 необычная эта прогулка,
Будет новая встреча -
 на Млечном Пути за туманом.

Карасёва К. В.

Ст. преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока,
Белорусский государственный университет

РАЗВЕРНУТЫЕ КИТАЙСКИЕ ЛОГОГРАММЫ

Любая лексема может быть подвергнута рекурсии по схеме «актуализатор + модификатор», где актуализатор является определяемым знаком (уже известной реалией), а модификатор – определяющим (новой характеристикой к ней) [1, 2, 3]. Такая структура обусловлена тем, что лексема формируется в предложении, в котором известная лексема, обозначающая известную реалию, включается в качестве субъекта в предложение, описывающее ситуацию известную, но необычную для данной реалии. При этом модификатор формируется в предикативном ядре предложения, которое отображает данную новую ситуацию. Например, наблюдая, как газифицируется вода для создания прохладительного напитка, человек продолжает называть напиток *вода*, но к нему добавляет модификатор газифицированная (газифицированная вода): *вода газифицируется* ($\equiv$ *вода насыщается газом*) > *газифицируемая вода* > *газифицированная вода* > *газификация*. Как видно, конечным этапом формирования новой лексемы является конденсация двухкомпонентной единицы в однокомпонентную, ее универбизация, при этом старую лексему в вышеописанном примере представляет суффикс *-ка* [2, с. 130-134].

Бинарные структуры могут быть нескольких видов: составные (*социально опасный, покрыть краской*), сложные (*солнцезащитный, водопад*), сокращенные (*прекрасный, покрасить*) и сжатые (*яркий, идти*) знаки [4]. Составные и сложные логограммы представляют собой развернутые знаки, а сокращенные и сжатые – свернутые. В китайском иероглифическом письме присутствуют все виды двухкомпонентности. В настоящей статье будут рассмотрены развернутые китайские логограммы.

Составные китайские логограммы представляют собой знаки, в которых не пропущены компоненты ядерной цепочки³⁹, и входящие в них элементы также не подверглись сокращению, т.е. это логограммы, не подвергшиеся свертке⁴⁰.

В соответствии с двумя типами рекурсии⁴¹ все логограммы можно поделить на две большие группы:

- I. знаки, которые могут быть развернуты по типу номинативной рекурсии;
- II. знаки, которые могут быть развернуты по типу предикативной рекурсии.

³⁹ Субъект (S), акция (A), объект (O) постулируют минимальную (ядерную) цепочку модели мира и являются семантическими эквивалентами подлежащего, сказуемого и дополнения в предложении. Каждый элемент ядерной цепочки способен к мультипликации. Например, мультипликация субъекта дает субъект2 или инструмент; мультипликация акции – акцию2 или модальность; мультипликация объекта – объект2 или locus [3, с.20-21].

⁴⁰ Акция, как правило, в наиболее древних знаках опускается, вследствие невозможности отобразить непосредственно процесс статичным знаком (пиктограммой), и чаще всего становится значением новой логограммы. Только впоследствии с ростом количества сложных знаков, обозначающих процесс, становится возможным обозначать и акцию. Поэтому для удобства анализа мы не будем рассматривать пропуск акции как свертку.

⁴¹ О рекурсии вообще см. [5] и в китайском иероглифическом письме [6].

Примером составной логограммы с номинативной рекурсией может служить логограмма 末 (mò), которая представляет собой соединение знака 木 (mù) *дерево* и — горизонтальной черты, расположенной сверху и указывающей на верхушку дерева. Семантика логограммы формируется следующим образом: часть дерева, на которую указывают. Отсюда ядро значения логограммы — *верхушка дерева*, а периферия — *верхушка, макушка, кончик*. Актуализатором логограммы является знак 木 *дерево*, а модификатором — горизонтальная черта.

Среди составных логограмм, раскладывающихся по принципу простой рекурсии, можно выделить отдельную группу, куда входят иероглифы, составленные из двух и более одинаковых элементов. Это такие логограммы как: 林 (lín) *роща*, 棘 (jí) *терновник*, 森 (sēn) *лес*, 晶 (jīng) *яркий, кристалл*, 焱 (yàn) *искры, пламя* и пр. Подобные иероглифы являются не просто сочетанием двух и более одинаковых знаков⁴², но проходят последовательный путь от одного знака через создание иероглифа, состоящего из двух одинаковых знаков, к появлению иероглифа, состоящего из трех одинаковых знаков, путем прибавления изначального знака к уже созданному двухкомпонентному иероглифу. При этом, как правило, происходит интенсификация признака. Например, логограмма 木 (mù), которая обозначает одно *дерево*, при редупликации превращается в логограмму 林 (lín), которая обозначает уже целую *рощу*, а при присоединении еще одного элемента 木 получается логограмма 森 (sēn) *лес*. Актуализатором логограммы 林 *роща* является знак 木 *дерево*, а модификатором — второй знак 木 *дерево*. Актуализатором логограммы 森 *лес* является иероглиф 林 *роща*, а модификатором — прибавленный к нему знак 木 *дерево*.

Самую большую группу составных логограмм с номинативной рекурсией образуют т.н. фоноидеограммы, которые по разным оценкам составляют до 90% всех китайских иероглифов [15]. Среди составных логограмм такого типа можно выделить знаки, где фонетик дополнительно уточняет подпредметную область значения всего иероглифа и знаки, где фонетик, путем указания на чтение иероглифа, только выделяет данную логограмму из множества знаков с таким же ключом. Примером первой группы является логограмма 鰱 (biān), которая состоит из знаков 魚 (yú) *рыба* и 扁 (biǎn) *плоский*. Семантика логограммы формируется следующим образом: рыба, которая обладает свойством быть плоской → ядро значения — *лещ*. Актуализатором логограммы является знак 魚 (yú) *рыба*, а модификатором — знак 扁 (biǎn) *плоский*. Примером второй группы является логограмма 募 (mù) *вербовать, набирать*, которая состоит из ключа 力 (lì) *сила* и фонетика 莫 (mò) *не, нет*⁴³. Актуализатором является знак 力 *сила*, а модификатором — знак 莫 *не, нет*, который выделяет данную логограмму из множества иероглифов с ключом 力 *сила*.

Примером логограммы с предикативной рекурсией является иероглиф 好 (hǎo, hào), который с эпохи надписей цзягувэнь и до наших дней представляет собой соединение знаков 女 (nǚ) *женщина* и 子 (zǐ) *сын*. Большая часть исследователей полагают, что первоначальное значение логограммы *прекрасная внешность; красивый* [8, с. 121; 9, с. 86; 10, с. 198]. Другие выводят семантику логограммы так: когда жен-

⁴² Показателен пример объяснения этимологии одного из китайских словарей: «Иероглиф 森 состоит из трех иероглифов 木 и обозначает *множество деревьев, густые заросли*» [7, с. 527].

⁴³ Древнее значение логограммы *сумерки* [8, с.234].

щина имеет сына – это хорошо, поэтому первоначальное значение *хорошее дело, хороший* [11, с. 130; 12, с. 125]. Поскольку данная логограмма является очень древним знаком, то в ядре ее значения должна быть процессуальная или именная семантика. Мы полагаем, что знак 女 *женщина* представляет субъект действия, а знак 子 *сын* – объект действия: женщина любит ребенка → ядро значения логограммы – *любить*. Актуализатором является иероглиф 女 *женщина*, а модификатором – иероглиф 子 *сын*.

Сложные китайские логограммы относятся к развернутым знакам, структура и семантика которых, как правило, остается четкой и понятной, однако вследствие действия закона экономии в языке некоторые звенья ядерной цепочки модели мира⁴⁴ оказываются опущенными и восстанавливаются только с опорой на модель мира (семантическая свертка), кроме того, некоторые элементы таких логограмм могут самостоятельно не употребляться (синтаксическая свертка).

К сложным логограммам с номинативным типом рекурсии относятся знаки, где один или несколько элементов подверглись синтаксической свертке и перестали самостоятельно употребляться. Однако в силу требований дидактики обучать на начальном этапе освоения китайской иероглифики определенному количеству базовых простых знаков, в том числе и самостоятельно не употребляющихся, многие современные сложные логограммы остаются для пользователей письма мотивированными, поэтому мы относим их к категории сложных знаков.

Логограмма 伏 (fú) представляет собой соединение знаков 人 (rén) *человек* и 犬 (quǎn) *собака* и ее значение формируется следующим образом: человек в позе подобной собаке → *лежать ничком*. Актуализатором рассматриваемой логограммы является знак 人 (rén) *человек*, а модификатором – знак 犬 (quǎn) *собака*. Поскольку знак 人 (rén) в современном письме самостоятельно не употребляется, то логограмма относится к категории сложных знаков.

Как и в составных логограммах, особую группу здесь составляют логограммы, в роли модификаторов которых выступают фонетические знаки, которые также уточняют подпредметную область значения логограммы или только выделяют логограмму из множества логограмм с таким же ключом.

К первому типу относится логограмма 情, которая традиционно рассматривается как фоноидеограмма с ключом 心 (xīn) *сердце* и фонетиком 青 (qīng) *молодой, зеленый*. Ее первоначальное значение *чувства, эмоции* [13, с. 282; 10, с. 437]. Однако ее также можно рассмотреть как идеограмму: молодое сердце рождает чувства. Актуализатором логограммы является иероглиф 心 (xīn) *сердце*, а модификатором – иероглиф 青 *молодой, зеленый*. Поскольку ключ 心 (xīn) в современном письме самостоятельно не употребляется, то логограмму следует относить к категории сложных.

Ко второму типу относится логограмма 狼 (láng) *волк*, которая состоит из ключа 犬 (quǎn) *собака* и фонетика 良 (liáng) *добрый, хороший*. Актуализатором является знак 犬 (quǎn) *собака*, а модификатором – знак 良 (liáng) *добрый, хороший*, который выделяет данную логограмму из множества иероглифов с ключом 犬 (quǎn) *собака*.

⁴⁴ Модель мира — архитектура стереотипов, т.е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие [4].

Поскольку знак 𠂇 в современном письме самостоятельно не употребляется, то логограмма относится к категории сложных знаков.

В сложных логограммах с предикативной рекурсией, помимо того, что могут содержаться самостоятельно не употребляющиеся элементы, некоторые звенья ядерной цепочки модели мира оказываются опущенными и восстанавливаются только с опорой на модель мира.

Логограмма 休 (xiū) состоит из двух знаков 人 (rén) *человек* и 木 (mù) *дерево*. В соответствии с ядерной цепочкой модели мира знак 人 (rén) *человек* представляет субъект, а знак 木 *дерево* – локус, а акция становится ядром значения логограммы: человек находится под деревом → *останавливаться*. Из ядра развилось периферийное значение *отдыхать*, которое в настоящее время является наиболее употребительным. Актуализатором логограммы 休 является иероглиф 人 (rén) *человек*, а модификатором – примитив 木 *дерево*. Поскольку в современном письме знак 人 (rén) самостоятельно не употребляется, поэтому логограмма относится к категории сложных знаков.

Большую часть сложных логограмм составляют знаки, где пропущен один или несколько элементов ядерной цепочки модели мира. Например, такие иероглифы как 手 (shǒu) *рука*, 爪 (zhǎo) *когти*, 耳 (ěr) *ухо*, 目 (mù) *глаз*, 止 (zhǐ) *ступня*, 口 (kǒu) *рот* и тому подобные знаки в составе более сложных иероглифов замещают инструмент, поскольку субъект всегда может быть восстановлен благодаря опоре на модель мира (как правило, это человек).

Логограмма 聞 (wén) в современном письме состоит из двух знаков 門 (mén) *дверь* и 耳 (ěr) *ухо*. В соответствии ядерной цепочной модели мира знак 耳 *ухо* представляет инструмент, а знак 門 (mén) *дверь* – локус: некто с помощью уха подслушивает у двери → ядро значения логограммы *слушать*. Актуализатором является знак 耳 *ухо*, а модификатором – знак 門 (mén) *дверь*.

Логограмма 相 (xiàng) состоит из знаков 目 (mù) *глаз* и 木 (mù) *дерево*. Знак 目 *глаз* представляет инструмент, а знак 木 *дерево* – объект: некто внимательно рассматривает дерево → ядро значения *наблюдать, приглядываться, определять*. Оно сохранилось в таких сочетаниях, как 相面 *предсказывать судьбу по чертам лица* и 相货 *осматривать товар перед покупкой*. Актуализатором данной логограммы является знак 目 *глаз*, а модификатором – знак 木 *дерево*.

Наличие в логограммах с семантической сверткой самостоятельно не употребляющихся знаков 手, 爪 и 目 свидетельствуют и о синтаксической свертке знака.

Логограмма 扶 (fú) состоит из знаков 手 (shǒu) *рука* и 夫 (fū) *мужчина, муж* и имеет значения *поддерживать, опираться* (113). Разные значения иероглифа отражают различные точки зрения, которые могут быть у наблюдателя относительно любой ситуации. В первом случае ситуация воспринимается наблюдателем относительно субъекта, опущенного в логограмме и восстанавливаемого через инструмент, репрезентируемый знаком 手 (shǒu) *рука*: некто поддерживает другого человека (夫 *мужчину*). Во втором случае та же ситуация описывается относительно человека, который опирается на другого, поэтому знак 夫 *мужчина* будет замещать субъекта, а знак 手 (shǒu) *рука* будет медиатором, по которому восстанавливается объект (другой человек). В зависимости от осмысления ситуации наблюдателем, при значении *поддерживать* актуализатором будет знак 手 (shǒu) *рука*, а модификатором – знак 夫

мужчина, муж, а при значении *опираться* – наоборот. Однако первичной следует признать семантику *поддерживать*, поскольку стрела акции направлена от инструмента (扌) к объекту (夫).

Логограмма 采 (cǎi) представляет собой соединение знаков 木 (mù) *дерево* и 爪 (zhǎo) *когти*. Иероглиф 爪 *когти* представляет инструмент действия, иероглиф 木 *дерево* – локус, а акция становится ядром значения логограммы: некто срывает что-то с дерева → ядро значения *срывать, собирать*. Актуализатором знака является иероглиф 爪 *когти*, а модификатором – иероглиф 木 *дерево*. Доказательством того, что иероглиф 木 *дерево* представляет именно локус, а не объект, является наличие среди надписей цзягувэнь одного из вариантов логограммы 采 *срывать, собирать*, где дополнительно в виде кружочков изображались плоды, растущие на дереве [9, с. 19].

При семантической конденсации могут сокращаться различные элементы ядерной цепочки. Как было показано выше, чаще всего это субъект. Однако также встречаются случаи, когда опускается субъект вместе с инструментом (например, человек с рукой), а обозначенным оказывается только медиатор и объект или только объект и локус и т.д. Этого оказывается достаточно, поскольку с опорой на модель мира все элементы цепочки без труда могут быть восстановлены.

Логограмма 析 (xī) состоит из знаков 斤 (jīn) *топор* и 木 (mù) *дерево*. В соответствии с ядерной цепочкой модели мира знак 斤 *топор* представляет медиатор, а 木 *дерево* – объект: некто топором рубит дерево на части → ядро значения логограммы *раскалывать, расщеплять*, а периферия – *анализировать, различать*. Актуализатором является знак 斤 *топор*, а модификатором – и 木 *дерево*. Интересно, что в эпоху цзягувэнь также существовал иероглиф, где изображался 人 (rén) *человек* вместе с 斤 *топором*, что служит доказательством наличия свертки субъекта действия [14].

В китайском письме широко распространено явление, когда сформировавшаяся сложная логограмма, состоящая из двух и более знаков, в свою очередь входит в состав еще более сложного. При этом сложная логограмма формирует значение нового иероглифа посредством своего аспекта содержания.

Логограмма 投 (tóu) состоит из двух знаков 手 (扌) *рука* и 殳 (shū) *пика*. Последний представлял собой изображение руки, держащей остроконечное оружие с ребрами, поэтому значение всей логограммы *бамбуковая пика* – очевидно, что в данном примере для формирования значения логограммы 投 *бросать, метать* используется аспект содержания, а не аспект выражения знака 殳 *пика*. В соответствии с ядерной цепочкой знак 手 (扌) *рука* представляет инструмент, а знак 殳 *пика* – объект: воздействовать рукой на пикой → ядро значения логограммы *бросать, метать*. Актуализатором является знак 手 (扌) *рука*, а модификатором – 殳 *пика*.

Кроме того, рост количества сложных знаков с процессуальной семантикой позволил при создании новых логограмм замещать также и акцию ядерной цепочки модели мира.

Логограмма 瞎 (xiā) состоит из знаков 目 *глаз* и 害 (hài) *причинять вред*. Формирование значения логограммы происходило следующим образом: некто повредил глаз человеку → человек, которому некто повредил глаза → ядро значения *слепой (человек)*, а периферия – *ослепить, окриветь*. Для создания китайской логограммы

оказалось достаточно двух элементов ядерной цепочки, а именно знака 目 *глаз*, представляющего медиатор, и знака 害 *причинять вред*, замещающего акцию. Несмотря на то, что в соответствии с моделью мира стрела акции направлена на объект (человека, у которого поврежден глаз), значение языкового знака описывается относительно объекта, т.е. в соответствии с обратной предикацией, поэтому актуализатором будет знак 目 *глаз*, а модификатором – знак 害 *причинять вред*.

Логограмма 取 (qǔ) *брать* состоит из двух компонентов: 耳 (ěr) *ухо* и 又 (yòu) *правая рука* (современное значение *опять*). Она описывает древний обычай, согласно которому у взятого в плен врага отрезали ухо, поэтому иероглиф представляет собой изображение руки, держащей ухо. В соответствии с ядерной цепочкой модели мира знак 又 *правая рука* представляет инструмент, а знак 耳 *ухо* – объект: некто схватил ухо другого человека → ядро значения логограммы *взять, захватить*. Актуализатором логограммы 取 *брать* является знак 又 *правая рука*, а модификатором – 耳 *ухо*.

Сформированная таким образом логограмма начинает сама замещать один из элементов ядерной цепочки в новых сложных знаках. В большей части новых знаков она замещает акцию и играет роль актуализатора, к которому добавляется модификатор, описывая различные характеристики процесса *взять, захватить*. При этом ключом в таких сложных иероглифах является знак, играющий роль модификатора, что в очередной раз демонстрирует несовпадение ключа и опорного семантического элемента логограммы (актуализатора).

Логограмма 娶 (qǔ) состоит из знаков 取 *взять, захватить* и 女 (nǚ) *женщина*. Знак 取 *взять, захватить* представляет акцию, а знак 女 *женщина* – объект: некто взял женщину → ядро значения *жениться*. Актуализатором является иероглиф 取 *взять, захватить*, а модификатором – 女 *женщина*.

Логограмма 讠 (yán) состоит из двух знаков 言 (yán) *речь* и 取 *взять, захватить*. Акция представлена знаком 取 *взять, захватить*, а объект – знаком 言 (yán) *речь*: некто берет (к сведению) слова другого человека → ядро значения *советоваться, обсуждать*. Актуализатором логограммы является знак 取 *взять, захватить*, а модификатором – знак 言 (yán) *речь*.

Логограмма 𩺰 (yú) *маленькая рыба, малек* состоит из двух знаков: 鱼 (yú) *рыба* и 取 *взять, захватить*. Акция представлена знаком 取 *взять, захватить*, а объект – знаком 鱼 *рыба*: некто берет рыбу руками → рыба, которую можно взять руками → *маленькая рыба, малек*. В данном случае семантика логограммы описывается относительно объекта, поэтому актуализатором логограммы знак 鱼 *рыба*, а модификатором – знак 取 *взять, захватить*.

Логограмма 𣎵 (mù) состоит из двух знаков: 木 (mù) *дерево* и 取 *взять, захватить*. Акция представлена знаком 取 *взять, захватить*, а объект – знаком 木 *дерево*: некто берет дерево руками → дерево, которое можно взять руками → *хворостина*. В данном случае семантика логограммы также описывается относительно объекта, поэтому актуализатором логограммы знак 木 *дерево*, а модификатором – знак 取 *взять, захватить*.

Таким образом, составные логограммы представляют собой значительный по количеству класс китайских логограмм, в связи с тем, что в эту группу входит много

т.н. фоноидеограмм. Между тем, большая часть из них – это достаточно поздно образованные знаки, основной костяк которых не входят в список наиболее употребляемых китайских логограмм.

Что касается сложных логограмм, то здесь преобладают знаки с предикативной рекурсией. Наиболее распространенной структурой таких логограмм эпох цзягувэнь и цзиньвэнь являются структуры, где отображается инструмент действия и объект, а также инструмент действия и медиатор (в том числе локус, как частный случай медиатора). Это объясняется тем, что, будучи ближайшими индивидами субъекта и объекта, инструмент и медиатор позволяют восстановить с опорой на модель мира субъект и объект соответственно. При этом, как правило, в логограммах с пропущенным субъектом восстанавливается человек, что в очередной раз подтверждает антропоморфность языковой картины мира. Далее, с ростом количества знаков с процессуальной семантикой возрастает количество более сложных логограмм, где в структуре отображается акция и объект.

Литература:

1. Rozwadowski J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. T. 3. Językoznawstwo ogólne. – Warszawa: PWN, 1960. – S.21-95.
2. Мартынов, В.В. Категории языка. Семиологический аспект / В.В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
3. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
4. Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А.Н. Гордей. – Минск, 2007 (рукопись, аудиокурс).
5. Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А.Н. Гордей // Карповские научные чтения: сб. науч. ст.: в 2 ч. / редкол.: А. И. Головня [и др.]. – Минск: Белорусский дом печати, 2011. – Вып. 5. – Ч.1. – С.18-26.
6. Карасёва, К.В. Рекурсивный анализ китайских логограмм / К.В. Карасёва // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2012. – № 2. – С.49-53.
7. 常用汉字图解/谢光辉主编; 项昌贵等编. – 北京: 北京大学出版社, 1997. – 652 页.
8. 刘开田, 陈靖. 甲骨文形集释 / 刘开田, 陈靖. – 武汉: 武汉出版社, 2007. – 497 页.
9. 熊国英. 图释古汉字/熊国英. – 山东: 齐鲁书社, 2006. – 312 页.
10. 汉字形义分析字典 / 曹先擢, 苏培成. – 北京: 北京大学出版社, 1999. – 736 页.
11. 叶柏来. 说文解字/叶柏来. – 广州: 华南理工大学出版社, 2005. – 372 页.
12. 李乐毅. 汉字演变五百例 / 李乐毅. – 北京: 北京语言学院出版社, 1992. – 500 页.
13. 说文解字: 新版 / (东汉) 许慎撰. – 上海: 上海教育出版社, 2003. – 413 页.
14. Sears, R. Chinese Etymology / R. Sears // Chinese Etymology [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.chineseetymology.org/>. – Date of access: 04.06.2010.
15. Горелова, Е.Н., Горелов, В.И. Китайский язык / Е.Н. Горелова, В.И. Горелов – М., 1957. – С. 23- 44.

Казакевич С. Е.

Магистрант, преподаватель кафедры китайской филологии,

Белорусский государственный университет

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕРТ МОДЕРНИЗМА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Вопросы сравнительного литературоведения, в частности, разговор о взаимовлиянии и взаимопроникновении национальных литератур является очень важным, постоянно развиваемым и вполне закономерным при изучении любой литературы. Процесс взаимодействия национальных литератур, близко расположенных регионально, наблюдался во все времена и, что важно, был обусловленным исторически и постепенным. Для рубежа XIX – XX веков характерно усиление и расширение географических рамок этого процесса. Интерес западного общества к экзотическим культурам, развитие международных торговых и культурных связей, а также политическая борьба за колонии – всё это способствовало продвижению западных философии, культуры, материальных достижений на Восток.

В то же время, говоря о влиянии западного мировоззрения в Китае на рубеже XIX – XX веков, можно сказать, что это явление на самом деле стало своеобразной проблемой для китайской культуры.

Основной причиной тому стала многолетняя политика изоляции Поднебесной, где литература и культура развивались на фундаменте древних конфуцианских и религиозных догматов, а также на основе уже устоявшихся канонов образов и форм. Также немаловажным будет вспомнить и подражательскую традицию, особо сильную в китайской литературе конца XVIII – начала XIX века.

Литературные произведения, написанные на понятном обывателям разговорном языке байхуа (白话), не признавались интеллектуальной элитой и правящей верхушкой общества. Признанная литература Китая до XX века была написана на древнем и сложном для восприятия вэньяне (文言), иными словами, была непонятна и недоступна большинству китайцев. В то же время, первые переводы западных текстов в различных сферах культуры были написаны именно на вэньяне. Отдельным вопросом в китайском литературоведении стоит проблема смешения западных направлений и идей, проникнувших в Китай на рубеже веков.

Описанная ситуация начала меняться только в середине XIX века. Что касается собственно литературы, то она явилась важным, если не основным путём взаимовлияния восточной и западной культур. Говоря уже о более позднем периоде – о первой половине XX века, можно с уверенностью утверждать, что зарубежная литература (поэзия, проза и драматургия) оказывала очень сильное влияние на зарождающуюся «новую литературу» Китая. Важно отметить, что именно через литературу Запада воспринимались общественные идеи, эстетические принципы, мировоззрение, заложенные в художественных произведениях; естественно, что заимствовались и осмыслились также приёмы и способы художественного изображения действительности, образы и формы.

На наш взгляд, одной из основных проблем изучения китайской литературы (равно как и культуры в целом) первой половины XX века является вопрос приверженности и принадлежности автора к тому или иному направлению. Аналогичная проблема не нова и в западном литературоведении – зачастую на переходных этапах

авторы отдавали должное как уходящему, так и новому. Однако, говоря о китайской литературе, следует учитывать не только повсеместность данного явления, но также и то, что оно было обусловлено другими причинами, нежели в западной культуре; соответственно, и проявлялось иначе.

Связи новой китайской литературы с развитыми, уже устоявшимися литературами Запада усиливались с каждым годом. На первых порах, направления и течения, стили и жанры зарубежных литератур буквально захлестнули китайскую прозу и поэзию, бесспорно, обогащая её, помогая сделать первые шаги к формированию новой литературы, которая соответствовала бы эпохе; однако, случалось и так, что этот сумбурный поток деформировал, уничтожал уже устоявшийся индивидуальный стиль отдельных писателей.

В 40-х годах XX века исследователь восточной культуры В. М. Алексеев писал: «Мировая литература хлынула в Китай сокрушительным потоком из всех европейских и американских стран, из всех времён, обществ, направлений. Разлившиеся потоки эти создали, как и следовало ожидать, разброд и хаос, в котором единичный и массовый читатель растерялись и затерялись...». И тут же, продолжая: «Всё, что изживалось Европой, разновременно в разных странах, но последовательно, наводнило Китай *одновременно* и, конечно, логика и последовательность заменились разнобразием, эклектическим капризом, случайностью, водоворотом встречных ветров и течений, хаосом...» [1, с. 94-95].

Все эти особенности развития китайской культуры привели к такому явлению, как так называемая «китайская специфика» – хлынувший в Китай поток западных новшеств воспринимался зачастую неполно, сумбурно и с существенными «корректировками». В то же время, некоторые собственно китайские особенности обогатили и дополнили заимствованные идеи и стили.

«Новая литература» Китая ставила своей первой задачей соответствие проблемам и веяниям эпохи. Одной из основных идей нового периода также была утилитарная роль литературы. Именно художественное слово, как считали писатели того времени, призвано воздействовать на умы людей, лечить пороки общества.

Ярчайший прозаик и теоретик литературы своего времени Лу Синь писал: «Если в массе своей народ невежествен, любой человек, самый рослый и самый сильный, может либо оказаться в числе бездумных зевак, либо быть выставлен на позор. Первой необходимостью я стал считать тогда духовное возрождение и лучшим средством для него – литературу» [2, с. 49].

В русскоязычном востоковедении традиционно роль «наставника» китайского реализма приписывалась в основном русской литературе; произведения романтизма и, тем более, не получившего широкого развития модернизма, в свою очередь считались прозападной, «буржуазной» литературой. Надо заметить, что декадентское, символистское творчество многих писателей в подавляющем большинстве случаев осуждалось как советскими китаеоведами, так и китайскими литературоведами до сравнительно недавнего времени.

Как правило, исследователи выделяют в поэзии, выросшей после «Движения 4 мая», два направления: реалистическое и романтическое. При этом, известный востоковед Л. Е. Черкасский отмечает, что подобное разделение весьма условно и приблизительно, потому что в силу особых условий развития китайской литературы XX века установить принадлежность поэта к тому или иному направлению зачастую довольно затруднительно.

Общие черты китайского реализма, ярко проявившиеся в поэзии (и, разумеется, прозе) «4 мая», во многом были обусловлены состоянием китайской действительности в переломную для страны эпоху, социально-политическими движениями, всколыхнувшими китайское общество. Всё это оказывало влияние на литературу с точки зрения демократизации её героев и утверждения в ней идеи общественной активности. Магистральная идея реалистического направления в то время, идея утилитарности литературы, её воспитательной, а позднее и идеологической функции, также была обусловлена общими настроениями в стране, историческими событиями.

Забегая вперёд, необходимо отметить, что непопулярность модернистского, декадентского течения была во многом закономерна и понятна. Новое китайское общество, основой которого были настроения прогрессивной интеллигенции, а также общая историческая ситуация в стране, превозносило активную позицию человека, его желание перемен.

В статье «Что такое литература?» выдающийся прозаик новой литературы Мао Дунь писал о том, что «...новая литература социальна; описывая чувства отдельного индивидуума, она выражает чувства всего человечества, она несравнима со старой литературой, издающей беспричинные стоны <...> писатели не должны и не могут жить в башне из слоновой кости» [1, с. 91-92].

Широкое распространение в литературе, особенно в поэзии 20-30-х годов получил также романтизм. Этому во многом способствовали исторические и социальные условия развития Китая в ту эпоху: переломный этап истории страны, крах многовековых догматов и традиций, надежда на новое общество.

В некотором смысле, европейский романтизм воспринимался китайскими писателями как свобода самовыражения и, в то же время, как право и способ борьбы за идеи новой эпохи. Следует отметить также, что одних литераторов привлекал европейский романтизм начала XIX века, других «неоромантизм» его конца. Нередко наблюдалось эклектическое восприятие и того, и другого. Это происходило, как уже говорилось выше, потому что исторически последовательно возникавшие на Западе направления и течения в Китае появились одновременно.

Говоря о двух ведущих направлениях китайской литературы тех лет, некоторые исследователи указывают на то, что история развития новой китайской литературы (в частности, поэзии) позволяет говорить об удивительной подвижности и сплетении не только «элементов романтизма» у реалистов, но и «элементов реализма» у романтиков (Н.И. Конрад, Л.Е. Черкасский).

Здесь же смежным и очень важным для нас вопросом выступает отнесение (на наш взгляд, ошибочное) некоторых модернистских, декадентских произведений к романтическим; а также свойственная китайскому романтизму утилитарность и социальность.

Именно в контексте этих проблем и следует рассматривать традицию изучения и оценки новой китайской литературы.

Модернизм в китайской литературе воспринимался исследователями по-разному. Мы не будем освещать здесь европейские и американские работы по данному вопросу, нас больше интересует позиция советского и собственно китайского литературоведения. Как уже было отмечено, вся декадентская литература, не соответствующая, как полагалось, требованиям революционного времени, считалась «идеологически незрелой» (Л. Е. Черкасский) или даже реакционной. Исследователи китайской литературы до недавнего времени в подавляющем большинстве случаев

расценивали её как соглашательскую, как продвигаемое Гоминданом и его режимом искусство.

Исходя из этого, многие известные нам исследования или упоминания модернизма в китайской культуре и литературе страдают некоторой предвзятостью суждений. Терпимые высказывания одних востоковедов (Л. Е. Черкасский, В. М. Алексеев, В. С. Аджимамудова и другие), пытавшихся несмотря ни на что анализировать данное направление, сменялись хлёсткими общими фразами об «искусстве гоминдановской реакции» (Н. Т. Федоренко): «Поддерживаемые лагерем реакции, гоминдановские носители «чистого искусства» и «искусства для искусства» не только отмежвывались от лучших традиций литературной революции, но и подвизались в позорной роли идейных врагов народного искусства». И далее: «Истекшее со времени литературной революции тридцатилетие характеризуется борьбой китайских прогрессивных писателей против влияния вырождающейся и загнивающей литературы Западной Европы и США, против реакционных антинародных литературных течений, гоминдановской литературы, с её декадентским распадом, пессимизмом и неверием в прогресс» [3, с. 141-142].

Историческое и политическое развитие Китая, а позже КНР, также не принесло изменений во взглядах идеологов на модернистское искусство. Более того, печально известный период «культурной революции» (60-е годы) и идеология маоизма, в принципе, нивелировали достижения новой литературы «4 мая».

Отношение советских и китайских литературоведов к романтизму было несколько иным. Несмотря на осуждение некоторых его особенностей, которые наблюдались и у модернистов, за романтизмом признавался революционный пафос и призывы к борьбе, что в сочетании с реалистическими чертами позволило ему «соответствовать эпохе». Для китайского искусства тех лет это было вполне закономерно, ведь утилитаризм китайского романтизма определялся особым положением полуфеодальной и полуколониальной страны, а также (что более важно) прочной связью политических, идеологических и культурных движений Китая. В то время как взгляды многих европейских писателей были в первую очередь следствием их духовных и мысленных изысканий в относительно свободном положении литератора, то в Китае творчество писателя находилось в прямой зависимости от социальной системы.

В целом можно отметить, что у китайских романтиков по сравнению с романтиками Запада критическое начало проявляется больше. В этом смысле китайский романтизм близко соприкасается, а иногда и смыкается (Чжу Цзыцин, Го Можо 30-х годов) с реализмом.

Именно эти особенности развития западноевропейских литературных направлений в китайской литературе 20-30-х годов, а также особенности их осмысления позволяют нам говорить о несколько более широком распространении модернизма в китайской культуре, нежели считалось ранее.

Модернизм в китайской литературе, как и в европейской, на первых порах во многом опирался на романтическое искусство. Многие романтики, разочаровавшись в своей вере в «светлое будущее», не найдя утешения в борьбе за новые идеалы, пришли в своём творчестве к поэтике декаданса, к желанию преломить реальный, действительный мир под призмой своего художественного восприятия.

Модернизм – эстетическая концепция, литературное направление, окончательно сложившееся в 1910-х годах в Европе, особенно активно развивалось в межвоенное двадцатилетие. Исследователи связывают возникновение модернизма с

творчеством французских «проклятых поэтов» (П. Верлен, А. Рембо), а также с публикацией книги Шарля Бодлера «Цветы зла». В пределах модернизма своё развитие получили такие литературные школы, как импрессионизм, сюрреализм, экспрессионизм, школа «потока сознания» и другие. Эти течения и школы литературы модернизма порой могли характеризоваться значительным различием манифестов и программ.

“...Модернистские школы объединяет восприятие своей эпохи как времени необратимых исторических перемен, сопровождающихся крахом верований и духовных ценностей, которыми жили предшественники” [4, с. 566-567].

Долгие годы термин **модернизм** считался некорректным для описания художественного процесса в западной эстетике; он утвердился в 80-е годы XIX века не только в работах по истории литературы и искусства, но и в исторических трудах, где всё более принятой становилась концепция «модернистского сознания», определяющего характер целой эпохи.

Зарождение модернизма в Европе в последней трети XIX века было связано с крушением традиционных гуманистических ценностей западной культуры, веры в силу разума, которые были свойственны западно-европейскому мировоззрению. Переломная для Европы эпоха, рубеж веков, знаменовавшийся социальными сдвигами, предчувствием надвигающейся войны, техническим совершенствованием, из-за чего человек остро чувствовал свою ничтожность, ненужность в мире – всё это заложило основу для зарождения особого модернистского восприятия действительности.

С позиций советского литературоведения Л. Е. Черкасский пишет, что европейское (а равно и китайское) искусство модернизма “объективно было лишено наступательного порыва, ибо, отворачиваясь от уродливости буржуазного мира, модернизм искал спасение не в борьбе, в которую он не верил, а в уходе в мир иррационального, противопоставляя реальному миру в целом лишь умозрительные образы” [1, с. 309].

Надо заметить, что на начальном этапе своего зарождения в Европе модернизм также вызывал неприятие у классиков. В наше время большинство признанных шедевров модернистской литературы сами стали классикой, типичными примерами развития культуры той эпохи; современному читателю иногда трудно ощутить новизну и резкий, бунтарский характер подобных произведений.

Обобщая сведения о китайском романтизме, можно сказать о том, что это направление в китайской поэзии 20-х годов, вызванное к жизни литературной революцией «4 мая», развивалось в двух направлениях: революционном, или «прогрессивном»; и «реакционном», или консервативном (Н. Т. Федоренко), который отразил изменения в духовной жизни и мировоззрении той части китайской интеллигенции, которая предчувствовала грядущие драматические события в истории Китая (неудавшаяся буржуазно-демократическая революция 1925 года, а затем и гражданская война). Не сложно догадаться, что модернизм в китайской литературе явился логическим следствием развития именно последнего из двух направлений.

Характеризуя сложившуюся ситуацию, справедливым было бы также отметить своевременность и уместность восприятия европейского модернизма на почве китайской культуры. Заимствование инородных культурных ценностей и развитие их на почве, не подготовленной для такого восприятия, как правило, заканчиваются безрезультатно. Для гармоничного восприятия любых идей необходимо соблюсти

некоторые условия: внутренние предпосылки воспринимающей культуры, её подготовленность усвоить и развить чужеродные идеи, а также внутренняя потребность культуры в таком заимствовании.

Появление и развитие модернизма в китайской культуре не было случайным. Традиционные мотивы китайской лирики (тема одиночества, скитания, отрешённости от жестокого мира; а также особенность художественного восприятия окружающего пейзажа) позволяют говорить пусть об очень относительной, но всё же подготовленности китайской поэзии к модернистской эстетике. Благодаря этому данное художественное направление и получило развитие в китайской литературе. При этом всё же не следует забывать, что по сути своей модернистское восприятие действительности всё же было чужеродным для китайской культуры.

В то же время, если говорить о своевременности возникновения этого направления в китайской литературе, то, как мы уже говорили, политическое и культурное положение страны, которое изначально и породило своеобразный «китайский модернизм», уже требовало других тем и приёмов изображения действительности. Именно поэтому (а также в силу смежных причин) модернистское течение “оказалось сравнительно слабым и довольно быстро было сметено поэзией романтико-героической и реалистической” [1, с. 309].

Формально рамки развития модернизма в китайской литературе можно ограничить 20-30-ми годами XX века (до 1937 года). Следует заметить при этом, что китайские литературоведы вписывают сюда также и 40-е годы, однако, на наш взгляд, в это время наблюдались лишь единичные случаи появления модернистских произведений, так как основу литературного творчества составляли произведения, проникнутые военной тематикой.

Принимая во внимание обозначенные факты, неудивительно, что собственно китайский модернизм был крайне неоднороден. В творчестве признанных китайских модернистов, как и у писателей других литературных направлений, наблюдался свойственный китайской специфике эклектизм восприятия западных культурных ценностей.

В поэзии Дай Ваншу, например, естественно переплелись французский символизм, китайская классика и черты реализма; Ли Цзиньфа в своём творчестве, напротив, решительно отошёл от национальных традиций, избрав примером для подражания эстетику Бодлера.

В то же время, если одни поэты (Ли Цзиньфа, Фэн Найчао) тяготели к декадансу и описанию морального и психологического состояния человека, то других (например, Му Мутянь) больше занимали формальные поиски модернизма (звук, цвет, музыка) и меньше – его содержательная сторона.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать определённые выводы, ценные для нашей работы. Очевидно, что определение принадлежности автора к тому или иному направлению, равно как и определение самого направления, для китайской литературы не всегда представляется возможным с точки зрения западного литературоведения.

Современный исследователь новой китайской поэзии (так же, как и прозы) 20-30-х годов должен учитывать некоторую условность отнесения произведений китайских авторов того времени к тому или иному направлению. Чаще всего такое определение проводится по принципу утилитарности/неутилитарности творчества того или иного писателя. У китайских и советских литературоведов существует также определение «буржуазной» литературы, применяемое по отношению к писателям,

чьё творчество носило черты европейского декаданса (Ли Цзиньфа, Фэн Найчао, а также поздние работы Сюй Чжимо), не ставя «воспитание масс» основной целью своей писательской деятельности.

Литература 20-40-х годов и в самом деле становится всё более популярной в современном Китае. Начиная с провала «культурной революции», когда стал очевидным урон, нанесённый искусству годами цензуры, писатели и исследователи литературы пытаются восстановить забытые шедевры либеральной поэзии. Подобные «реабилитированные» поэты и их произведения становятся модными даже в массовой культуре. В целом, это легко объяснимо; можно провести параллели с запрещённой советской литературой, которая стала доступна в 80-90-е годы прошлого века и до сих пор обсуждается на фоне реалий советского времени. Кроме того, выход Китая на международную экономическую арену, что привело к осознанию грандиозных перемен в стране, ситуация рубежа веков и общая направленность китайской современной культуры на западные образцы сделали творчество писателей тех лет ещё более востребованным.

В последние десятилетия (вплоть до нашего времени) стал появляться ряд научных работ по модернизму, хотя следует справедливо заметить, что китайские исследователи, естественно, преуспели в этой области много заметнее русскоязычных коллег.

В китайском литературоведении, изучающем этот период, наблюдается тяготение к сравнительному анализу китайских произведений и европейских образцов эстетики модернизма. Нередки попытки провести параллели между творчеством отдельного европейского писателя и его китайским «последователем» (Ван Цзолян, Лю Цзя-юй и другие). При этом, не стоит ошибочно полагать, что модернизм в Китае был лишь подражанием европейскому – под влиянием иной, абсолютно отличной от западной, культурной традиции, данное направление (как и другие веяния из Европы) приобрело новые особенности, новые образы, более привычные и понятные носителю восточной культуры. Ввиду этого, приятно отметить, что китайские литературоведы в наше время уделяют большое внимание особенностям заимствования западных философских, мировоззренческих и эстетических идей в китайской культуре.

К сожалению, модернистское направление не получило в китайской литературе должного развития, мы можем говорить только об отдельных авторах и произведениях либо о некоторых чертах направления в творчестве или даже в отдельном произведении того или иного автора. При этом, не стоит ошибочно полагать, что модернизм в китайской литературе был развит *слабо*. Речь идёт о том, что он был крайне *неоднороден* и имел непродолжительный период развития. Полагаем, уместным было бы сказать, что он имел «точечный характер». Несмотря на то, что многие писатели так или иначе обращались к модернистской эстетике, в китайской литературе она не смогла стать гармонично и полно выраженной, за исключением редких случаев в творчестве, опять же, отдельных писателей. Именно этот факт и делает его интересным для изучения в наше время.

Литература

1. Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия (20-30-е годы) / Л.Е.Черкасский. – Москва: Наука, 1972. – 214 с.
2. Лу Синь. Избранное: перевод с кит. (серия «Библиотека китайской литературы»)/ Лу Синь; [Редкол.: Г. Гоц, Л.Делюсин и др.]. – Москва: Худож. лит., 1989. – 511 с.
3. Федоренко Н. Т. Очерки современной китайской литературы / Н.Т.Федоренко. – Москва: Гослитиздат, 1953. – 256 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – Москва: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
5. Семанов В. И. Иностранная литература в Китае на рубеже XIX – XX веков / В. И. Семанов // Из истории литературных связей XIX века: сб. статей / Редкол. У. А. Гуральник [и др.]. – Москва, 1962. – с. 267-311.
6. Голыгина К. И. Основные направления литературной теории Китая XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.И.Голыгина; Институт народов Азии. – Москва, 1966. – 16 с.
7. 文学间的契合——王佐良比较文学论集 / 王佐良著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2005. – 205 页.
8. Ван Цзолян Соответствия в литературе: сборник статей Ван Цзоляна по сравнительному литературоведению / Ван Цзолян. – Пекин: Ин-т иностранных языков, 2005. – 205 с.

Гобова Е. В.
Аспирант,
Институт востоковедения им. А.Ю. Крымского
(Киев, Украина)

ЭЛЛИПСИС СОЮЗА И ДЛИТЕЛЬНОСТЬ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОЙ ПАУЗЫ В СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В различных типах сложных бессоюзных предложений наиболее выдающейся характеристикой является пауза, которой разделяются относительно самостоятельные части предложения. Такую паузу, противопоставляя ее другим паузам в предложении, можно условно назвать «разделительной». Отличительной чертой такой паузы является ее длительность и ее «влияние» на смежные элементы. Именно по наличию такой значительной паузы легко распознать асиндетическую конструкцию в потоке спонтанной речи [1, с. 151].

Интерес представляет взаимодействие синтаксического и просодического уровней в конструкциях подобного типа. В отобранном и проанализированном массиве записей спонтанной речи современного китайского языка достаточно большую часть сложных бессоюзных предложений возможно было распознать именно по наличию значимой разделительной паузы. Следует отметить, что в контексте всего исследования сложных бессоюзных предложений современного китайского языка, не были четко установлены границы союза как части речи (как следствие неопределенности границ понятия «часть речи» как такового в китайском языке). Союзом условно считается любая часть предложения, или несколько, что выполняет функцию союза – оформление связи между однородными частями предложения или частями сложного предложения.

Достаточно характерным оказалось наличие сложных пауз, которые возникли предположительно благодаря эллипсису так называемых рамочных конструкций, которые функционировали в качестве союзов. Такие паузы возникают комплексно – сразу в нескольких положениях, на месте выпущенных элементов рамочной конструкции. Обычно эти паузы оформляют отдельную часть сложного предложения, а у смежных слогов достаточно четкая реализация лексического тона, приближенная к изолированной позиции.

Взаимовлияние синтаксиса и просодии в китайском языке можно проследить именно на примере подобного рода конструкций, где определенная синтаксическая инвариантность имеет проявления на просодическом уровне. В то же время интонационный контур в определенной мере обуславливает построение синтаксической конструкции [5, с. 45]. Например, выпущенные союзы чаще всего служат для большей выразительности высказывания, разделительная пауза помогает сосредоточить внимание слушателя на определенной части сложного предложения. В свою очередь такие изменения в конструкции предложения приводят ко вторичным просодическим проявлениям: переформирования общего интонационного контура, глобальным и локальным колебаниям диапазона регистра, смещениям в сложных комбинациях саньди тонов.

Помимо позиции, важной характеристикой разделительной паузы в сложном предложении является ее длительность [3, с. 56]. Экспериментальным путем удалось установить, что в подготовленной речи подобная пауза достаточно четко выражена,

и имеет стандартную длительность (приблизительно $VI=3$ по системе просодической аннотации ToBI) [4, с. 430]. В то время как в спонтанной речи приблизительно в десятой части таких предложений пауза может быть по длительности обычной паузе между отдельными словами ($VI=1$ или $VI=2$). Что объясняется неоднородностью общего темпа речи такого характера. Впрочем, именно в спонтанной, незапланированной речи наиболее ярко проявляются смежные вариации в просодическом уровне, в том числе и нарушения речевого потока (повторения, исправления, заминки, «звучащие» паузы и т.п.), которые еще сильнее подчеркивают и углубляют фонологические проявления эллипсиса союзов.

Литература

1. BaoZhiming. Tone, accent and stress in Chinese // Journal of linguistics, vol. 39, 2003, pp. 147-166.
2. Kratochvil P. Intonation in Beijing Chinese // Intonation systems: a survey of twenty languages. Cambridge University, 1998, pp. 421-437.
3. Kuo Chi-Chung. Phonetic and phonological background of Chinese Spoken languages // Advances in Chinese Spoken language processing. London: World scientific publishing, 2007, pp. 33-57.
4. Li Aijun. Chinese prosody and prosodic labeling of spontaneous speech listeners // Tones and Tunes, vol.2: Experimental studies in word and sentence prosody. Mouton de Gruyter, 2007 .
5. San Duanmu. A formal study of syllable, tone, stress and domain in Chinese Language. MIT, 1990.

Коваль Д. Ю.

Аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока,

Белорусского государственного университета

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИКИ ЛОГОГРАММ В ТЕКСТАХ ЧАНЬ-БУДДИЗМА

Одной из важнейших особенностей китайской иероглифической письменности является то, что на протяжении веков одни и те же знаки использовались для обозначения понятий, принадлежавших разным эпохам, этапам развития культуры, а также сферам деятельности человека. Вследствие этого семантика логограмм изменялась. В процессе развития китайского письма наблюдается не только становление иероглифической письменности как более организованной системы, преобразование графической формы знаков, но и переход от обозначения предметов и явлений, окружавших человека в древности, к обозначению сложных философских и религиозных понятий, а также явлений внутреннего мира человека.

Тексты традиции Чань содержат множество понятий, касающихся внутреннего состояния человека, его духовного опыта. Все эти понятия обозначаются логограммами китайского письма, которые до формирования чаньского учения имели определенную семантику и употребление в китайском языке. Последователи Чань отвергали вербальную передачу учения и значимость письменных источников. Тем не менее, в чаньской традиции сформировалась своя каноническая литература, которая стала прекрасным образцом собственно китайских (не переводных) буддийских текстов, а также подтверждением того, что с распространением буддизма в Китае это учение прошло в Поднебесной дальнейший путь развития.

С помощью реконструкции семантики китайских логограмм в текстах учения Чань можно установить причины выбора того или иного знака китайской иероглифической письменности для обозначения основных философско-религиозных категорий и элементов духовного опыта в данной традиции. Для достижения этой цели мы предлагаем следующий алгоритм реконструкции, апробированный в процессе реконструкции семантики логограмм трактата «Записи речений чаньского наставника Мацзу Даои из провинции Цзянси» (XI в.)⁴⁵:

1. Изучение древней графической формы логограммы на разных этапах ее эволюции и составляющих логограмму иероглифических примитивов⁴⁶;
2. Анализ данных этимологических иероглифических словарей, рассмотрение различных версий происхождения логограммы;
3. Выведение значения логограммы на основе анализа ее внутренней структуры, сравнение его с древней семантикой знака в целом;
4. Анализ развития семантики письменного знака в рамках китайской традиционной философии и культуры;

⁴⁵Реконструкция семантики логограмм данного трактата представлена в диссертации на соискание академической степени магистра по специальности 10.02.19 – теория языка – «Реконструкция семантики древнекитайских логограмм в чаньских текстах на примере трактата «Записи речений чаньского наставника Мацзу Даои из провинции Цзянси», защищенной на кафедре языкознания и страноведения Востока Белорусского государственного университета в 2011 г. (Мн.: БГУ, 2011. – 92 с.).

⁴⁶ Иероглифический примитив (семантический примитив логограммы) – минимальная значимая единица логограммы, не подвергающаяся семантической рекурсии [1, с. 47-49].

5. Анализ современного значения логограммы, сравнение его с древней семантикой и значением внутренней структуры логограммы;

6. Анализ значения и употребления логограммы в тексте трактата, а также влияния семантической эволюции знака на его значение в рамках данного текста.

В результате реконструкции по данной схеме можно установить пять значений, анализ которых играет важную роль при выявлении причин выбора знака для трактата: 1) значение внутренней структуры логограммы; 2) древнее значение логограммы; 3) семантика логограммы в терминологической системе китайской философии; 4) современное значение логограммы; 5) значение логограммы в исследуемом тексте.

В процессе реконструкции семантики логограмм, а также при установлении причины выбора знака для трактата важно учитывать следующие особенности развития значения китайских иероглифических знаков:

1. Синкретизм семантики китайского письменного знака и древнего языкового знака вообще;

2. Наличие процессуальной семантики у знака (в том числе во внутренней структуре идеограммы) и взаимного перемещения ядра и периферии значения знака, лежащих в основе развития семантики;

3. Влияние особенностей модели мира древнего человека и людей последующих эпох, осуществлявших интерпретацию семантики логограмм.

4. Процессы сакрализации и десакрализации семантики языковых знаков.

В наиболее ранний период развития китайской иероглифической письменности, в иньских надписях, наблюдается синкретизм семантики письменных знаков. В определенной мере данное явление связано со сферой употребления иньских знаков – в гадательном культе, где знак означал целую ситуацию как результат гадания. Однако основными причинами синкретизма семантики древнего письменного знака являются: 1) отсутствие полного соответствия между иньскими надписями и речью; 2) синкретический характер семантики знаков древнего языка вообще.

При отсутствии четкой системной связи между письмом и речью письменность формирует нечто наподобие своего собственного языка. Данное явление наблюдается в протописьменностях, а также характерно для раннего этапа развития иероглифического письма. Рудименты этого явления могут проследиваться и в сформировавшихся письменностях. Так анализируя маркирование китайскими письменными знаками гипергипосемантических отношений, О.М. Готлиб отмечает, что «система китайской письменности создает свою «картину мира», отличающуюся от так называемой «научной картины мира», более того она формирует свою собственную именно китайскому письменному языку систему маркировки» [2, с. 92]. Подобный характер современной китайской письменности является результатом не только иньского периода ее формирования, но и более поздних этапов развития китайского письма, когда в знаках начинают часто фигурировать детерминативы, создающие классификационную сетку языковой картины мира именно письменного языка.

Вторая причина синкретизма семантики знаков древнего письма – синкретизм семантики знаков самого древнего языка. На этот факт обратил внимание М.В. Беляев, а также данное явление было подтверждено результатами изучения развития языка у детей и отставших в цивилизационном развитии племен [3, с. 21]. Знаки древнего языка обозначали ситуацию как целое, так как в модели мира древнего че-

ловека стереотипы⁴⁷, по-видимому, не были представлены в полной мере аналитически. С развитием интеллекта человек начал распознавать роли индивидов⁴⁸ в выделенном фрагменте модели мира, и это в свою очередь отразилось в языке посредством разграничения субъекта и предиката. Затем произошло дальнейшее членение субъекта и предиката и распространение предложения за счет расширения предикативной основы [3, с. 20-21]. Таким образом, синтаксическая цепочка предложения потенциально заложена в самой лексеме, что проявилось в синкретизме семантики древнего языкового знака, так как «исходной формой высказывания были не отдельные слова, или предложения, а внешне, в знаке нерасчлененное слово-предложение, содержащее указание на действие и предмет (субъект действия)»⁴⁹. Синкретизм семантики древнего знака является причиной нечеткости границ между тайгенами и ёгенами⁵⁰ и конверсии частей языка⁵¹, как в синхронии, так и в диахронии. В древнем языке признаки двух частей языка мог содержать один и тот же знак.

Синкретизмом семантики древнего языкового знака объясняются такие возможности китайских письменных знаков, как:

- 1) обозначение целого фрагмента модели мира, посредством указания на один или несколько его элементов;
- 2) обозначение элемента или нескольких элементов, посредством указания на весь выделенный фрагмент модели мира;
- 3) обозначение одного элемента выделенного фрагмента модели мира, посредством указания на другой его элемент или элементы.

Структура иероглифа может содержать различные синтаксические элементы, и, по замечанию М.В. Софронова, «содержание идеограммы обычно может быть передано на обычном языке с помощью высказывания» [5, с. 476]. По этой причине анализ значения любого языкового знака и, в особенности, китайского иероглифического, следует осуществлять, исходя из процессуальной семантики.

Изменение значения знака всегда имеет предпосылки в предшествующих этапах семантической эволюции знака, а также в его первоначальном семиозисе. При этом потенциальный для семантического переосмысления элемент, заложенный либо во внутренней структуре логограммы, в значении всей логограммы в целом, либо в особенностях комбинаторики логограммы, может проявить себя спустя достаточно большой промежуток времени с момента появления знака.

Значение языкового знака содержит ядро и периферию⁵². В процессе развития семантики знака ядро и периферия меняются местами, и ядро может сворачиваться в пользу периферии [7, с. 12]. Этим собственно и обеспечивается семантическое развитие, т.е. взаимные перемещения ядра и периферии составляют механизм семанти-

⁴⁷ Стереотип – закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира [4, с. 34].

⁴⁸ Индивид – разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира. Роли индивидов: субъект – инициатор акции, объект – реципиент акции, инструмент – исполнитель акции (ближайший к субъекту индивид), медиатор – посредник акции (ближайший к объекту индивид) [4, с. 34].

⁴⁹ Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка/ Б.В. Якушин. – М., 1984. – С. 76.

⁵⁰ Тайген – часть языка, обозначающая индивид. Ёген – часть языка, обозначающая признак индивида [4, с. 35].

⁵¹ Части языка – подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением [4, с. 35].

⁵² В терминологии К.Л. Пайка, который ввел данные понятия, – central and marginal meaning [6, с. 600-601]

ческой эволюции. Причиной наличия у знака ядра и периферии значения и их взаимного перехода является процессуальная семантика, которая полностью определяет семантическое развитие знака. Процессуальное значение является ответом не на вопрос «что это?», а «что делает?», «обладает каким свойством?». Если определять понятия процессуально, т.е. не через синонимы (получая в итоге порочный круг) [8, с. 5], то можно проследить семантическую эволюцию знака. Процессуальная семантика всегда может быть выражена с помощью предложения. Семантическое развитие знака идет по схеме, в которой из каждого предыдущего его процессуального значения берется один или несколько компонентов (т.е. один или несколько членов предложения, описывающего процессуальную семантику) для последующего изменения значения данного знака. Выделенный элемент процессуальной семантики выступает в качестве периферии значения знака, а затем может стать его ядром. При этом не всякое перемещение ядра и периферии приводит к изменению семантики знака, а только такое, при котором происходит свертка прежнего ядра, вышедшего на периферию, в пользу нового ядра значения.

Приведем следующий пример. Ядром значения логограммы 理 li⁵³ в древности было «прожилки в яшме», которое заложено во внутренней структуре самого иероглифического знака. Процессуальное значение данного знака – «яшма обладает прожилками». Знак 理 li приобретает значение «прожилка», «прожилки». «Прожилки» имеет процессуальное значение «прожилки делают поверхность неоднородной». Следующим значением 理 li становится «структура» (т.е. «неоднородность»). Дальнейшее направление развития значения: «структура обладает закономерностью», знак 理 li приобретает семантику «закономерность», «принцип».

Вследствие наличия процессуальной семантики знака возникает периферия значения. Каждый элемент процессуальной семантики знака является потенциальной периферией значения, которая может стать ядром, создав новую периферию, не утратив при этом связи с прошлым семантическим развитием. Таким образом, имеется основной элемент и дополнительный. Свертка всегда идет в пользу привнесенного элемента. При этом в языке могут наблюдаться случаи возвращения старого ядерного значения и ухода нового на периферию. Ядро и периферия значения на каждом этапе развития семантики знака свои. Истинным ядром значения является семантика, полученная знаком при его порождении. Первоначальный синкретизм семантики древнего знака обеспечивал знак ядром и потенциальной периферией при исходном семиозисе. Взаимные перемещения ядра и периферии значения знака составляют механизм семантической эволюции, в то время как процессуальная семантика является ее основой.

При реконструкции семантики логограмм необходимо учитывать особенности модели мира⁵⁴ древнего человека периода формирования иероглифической письменности и осуществлять постепенное снятие пластов интерпретаций значения логограммы, связанных с моделью мира людей последующих эпох. В процессе реконструкции семантики логограмм чаньских текстов мы сталкиваемся с несколькими моделями мира: 1) моделью мира архаического человека периода формирова-

⁵³ Данным знаком обозначается одно из наиболее важных понятий классической китайской философии, а также этот знак используется в текстах традиции Чань.

⁵⁴ Модель мира – архитектура стереотипов, то есть упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие [4, с.34].

ния китайской письменности; 2) моделью мира составителей древних китайских толковых иероглифических словарей; 3) моделью мира последователей учения Чань; 4) моделью мира непосредственно авторов и составителей трактатов 5) моделью мира составителей современных этимологических иероглифических словарей и исследователей истории китайской письменности. Косвенно также затрагиваются такие модели мира как: 1) модель мира нескольких поколений людей, сформировавших традиционную китайскую (небуддийскую) культуру⁵⁵; 2) модель мира последователей буддизма Махаяны; 3) модель мира переводчиков буддийской канонической литературы на китайский язык.

Отметим особенности некоторых из перечисленных моделей мира, играющие важную роль в реконструкции семантики логограмм. Так древний человек был примитивнее в цивилизационном развитии, не испытывал влияния огромного пласта культурно-исторического наследия, в отличие от современного человека. Архаический человек был ближе к природе. Он имел совершенно другие акценты в восприятии мира, следовательно, определенный набор наиболее часто выделяемых фрагментов модели мира, иные иерархии стереотипов и принципы установления связей между стереотипами. Важнейшая (для реконструкции семантики знаков) особенность модели мира составителей древних толковых иероглифических словарей – это склонность к идеализации древности и стремление приписать знакам древнего письма интерпретации в рамках социокультурной среды более позднего периода.

Анализ особенностей двух описанных выше моделей мира показывает, что в реконструкции древней семантики логограммы при решении вопроса об отнесении знака к категории пиктограмм или идеограмм следует отдавать предпочтение трактовке знака как пиктограммы для снятия метафоры в толковании семантики знака.

Модель мира последователей традиции Чань отличается большим своеобразием. Важнейшей особенностью модели мира этих людей является осознание существования модели мира и стремление уйти от ее ограничений (не говоря уже о языковой картине мира). Подобное осознание и стремление к освобождению при этом также является стереотипом модели мира. Чаньские наставники очень хорошо понимали эту «ловушку», поэтому, когда монах спросил у чаньского учителя, как освободится, наставник ответил, что того ничего не держит, и ему не от чего освободиться. Модель мира последователей традиции Чань отличает также особая иерархия стереотипов и способов установления связей между стереотипами, что в этическом понимании превращается в иную систему ценностей, а в плане логических рассуждений обуславливает парадоксальность мышления.

Однако более или менее подробная реконструкция модели мира последователей учения Чань невозможна не только по причине ее своеобразия, но и по причине недостаточного фактического материала. Если в плане философско-религиозном можно сказать, на какой круг идей, представленных в каких буддийских сутрах и китайских чаньских трактатах, последователи Чань ориентировались, то в плане языковом нельзя утверждать, были ли эти люди осведомлены об этимологии тех или иных иероглифических знаков, понимали ли до конца их внутреннюю структуру и главное насколько эти языковые знания повлияли на выбор того или иного знака для передачи основных идей трактатов.

Через реконструкцию семантики древних письменных знаков можно осуществить частичную реконструкцию модели мира людей, живших в тот исторический

⁵⁵ Эта модель мира, а точнее модели мира, затрагиваются в случае наличия у логограммы важной роли в китайской небуддийской философской и культурной традиции.

период. Если рассматривать процессуальную семантику знака на различных этапах развития его значения, то можно проследить каким образом одни стереотипы преобразовывались в другие, частично понять соотношение между стереотипами в модели мира людей той эпохи. При этом любая реконструкция модели мира всегда является частичной реконструкцией. Можно реконструировать только то, что имеет фактическое подтверждение в языке или окружающем мире.

Реконструкция семантики древних знаков, а также исследования семантической эволюции языковых знаков являются важным средством описания формирования и развития модели мира и частичной реконструкции отдельных моделей мира. Реконструкция модели мира в свою очередь является необходимым основанием реконструкции семантики знаков естественного языка, а также важным средством в других направлениях семантических исследований.

В связи с тем, что тексты Чань-буддизма относятся к философско-религиозной сфере при реконструкции семантики логограмм, обозначающих основные понятия трактатов этой традиции, следует учитывать такое явление как сакрализация и десакрализация семантики языковых знаков. Сакрализация – это появление у знака семантики, связанной с сакральной сферой, десакрализация – употребление знака с сакральной семантикой в других сферах. Сакрализацию/десакрализацию семантики языковых знаков не следует смешивать с сакрализацией/десакрализацией самих письменных знаков. Например, во времена иньских надписей письменная культура целиком принадлежала сфере сакрального и имела ритуальный характер. Однако не все знаки иньских письмен имели сакральную семантику.

Сакрализация семантики китайских языковых знаков имеет несколько периодов. Каждая новая волна сакрализации начинается с появлением новых философско-религиозных систем. При этом знаки из старых систем могут продолжать использоваться для обозначения сакральных понятий в последующих учениях.

В связи с обозначением знаками естественного языка сложных философско-религиозных понятий и элементов духовного опыта появляется вопрос о возможности описания с помощью сакральной лексики духовного опыта. Для того, чтобы духовный опыт был описан в языке, он должен быть закодирован интеллектом, следовательно, любое описание духовного опыта с помощью естественного языка является описанием стереотипов модели мира, принадлежащих тому ее фрагменту, который интеллект относит к сакральной сфере.

Люди, осознающие в своем духовном опыте некие элементы, для номинации их вынуждены либо использовать терминологию какой-либо уже сложившейся философско-религиозной традиции, либо создавать собственную терминологию. При переводе индийских буддийских текстов китайцы столкнулись с уже созданной на основе чьей-то модели мира терминологической системой. Для ее перевода они частично использовали знаки терминологической системы китайской философско-религиозной традиции, а частично выбрали знаки, не имевшие ранее сакральной семантики, т.е. обозначили элементы одной языковой картины мира посредством другой.

Последователи учения Чань применяли в своих текстах как знаки, сакрализованные в период складывания китайской буддийской традиции, так и знаки, получившие сакральное значение в добуддийской китайской философии. В рамках традиции Чань также осуществлялась собственная сакрализация знаков, не принадлежащих двум указанным категориям.

В современном китайском языке наблюдается активный процесс десакрализации семантики знаков. Одним из важнейших языковых факторов подобного явления является использование биномов, в составе которых значение каждой из логограмм по отдельности теряется и изменяется под влиянием семантики всего бинарного знака в целом.

Сакрализация и десакрализация семантики знака является частью семантической эволюции и осуществляется по тем же законам, что и общее развитие значения знаков.

В результате реконструкции семантики логограмм в соответствии с указанным выше алгоритмом, а также с учетом описанных выше особенностей развития семантики китайских письменных знаков можно выделить следующие факторы выбора того или иного знака для обозначения философско-религиозных категорий и элементов духовного опыта в традиции Чань:

1) наличие подходящей семантики во внутренней структуре логограммы (идеограммы) и возможность ее интерпретации в рамках чаньской буддийской традиции (например, 定 dìng, 悟 wù);

2) наличие у логограммы подходящего значения в целом (вне зависимости от семантики внутренней структуры логограммы) и возможность его интерпретации в рамках чаньской буддийской традиции (например, 禪 chán, 業 yè);

3) использование логограммы в добуддийской китайской философии для обозначения важных философско-религиозных понятий и возможность дальнейшего развития ее значения в рамках учения Чань (например, 道 dào, 理 lǐ);

4) случайная сакрализация семантики знака – употребление знака, не имевшего сакральной семантики, как сакрального в рамках очень узкой сферы употребления (направления учения, трактата и т.д.), вследствие интерпретации его значения в рамках этой сферы (например, 馬 mǎ).

Точно определить фактор, повлиявший на выбор того или иного знака удастся не всегда, так как мы не имеем возможности полностью реконструировать модель мира авторов и составителей трактатов, так же, как модель мира последователей традиции Чань, других направлений китайского буддизма, а также переводчиков индийских буддийских сутр на китайский язык.

Влияние указанных нами факторов на выбор того или иного знака для обозначения философско-религиозных категорий и элементов духовного опыта в традиции Чань может быть комплексным, так как семантика логограмм в чаньских трактатах является результатом нескольких этапов семантической эволюции знаков.

Литература

1. Карасёва, К.В. Структурная и семантическая организация китайской письменности / К.В. Карасёва // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2010. – № 2. – С. 46-50
2. Готлиб, О.М. Основы грамматики китайской письменности / О.М. Готлиб. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 284 с.
3. Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А.Н. Гордей // V чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова: сб. науч. ст. / отв. ред. А.И. Головня. – Минск: БГУ, 2011 г. – С. 18-26.
4. Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики / А.Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. научн. тр. по лексикографии / отв. ред. Л.В. Рычкова [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2005 г. – С. 32-35.

5. Софронов, М.В. Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций / М.В. Софронов. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 638 с.
6. Pike K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior/Pike K.– The Mouton, 1967. – 1762 p.
7. Саруханова Ю.И. Регрессивная транспозиция ёгенов: Дисс. на соиск. акад. степени магистра по специальности 10.02.19 – теория языка. – Минск: БГУ, 2007. – 46 с.
8. Русский семантический словарь / Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов, В.А. Афанасьев, Н.В. Михалев; под. ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1982 – 568 с.

Леценко К. И.

студентка 3 курса отделения «лингвострановедение» факультета международных отношений,

Белорусский государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С РЕКУРСИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ МЕТОДОМ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Реконструкция – это воспроизведение процессов, происходивших в прошлом, на основе некоторой модели и предпосылок [1]. Понятия «реконструкция» и «рекурсия» тесно связаны между собой. Под рекурсией в лингвистике понимается способность языка порождать вложенные синтаксические структуры [2]. В китайском языке рекурсия реализуется в рекурсивных предложениях. Мы провели их анализ, затрагивая все уровни структуры – поверхностный, глубинный, сверхглубинный.

Под **поверхностной структурой** понимается способ описания синтаксического устройства предложения с помощью методики непосредственных составляющих, при этом выделяются члены предложения, то есть роли частей языка в предложении [3]. При определении данных ролей был использован категориальный аппарат и система сокращений, принятые в комбинаторной семантике [4]:

ЗАС – знаки алфавита синтаксиса, т. е. вспомогательные средства синтаксиса (предлоги, послелоги, частицы, союзы и проч.), служащие для соединения составных частей языковых структур (в схеме – взяты в рамку);

главные члены предложения (П – подлежащее, Ск – сказуемое, ПД – прямое дополнение) – имена, соответственно, субъекта, акции и объекта в языковой картине мира [2]; ОСК – основной компонент сказуемого, ДСК – дублированный компонент сказуемого, МСК – модальный компонент сказуемого;

второстепенные члены предложения:

Оп – определение, Оп-кр – определение кратности;

КД – косвенное дополнение;

О – обстоятельство; СОМ – статическое обстоятельство места, ДОМ – динамическое обстоятельство места, СОВ – статическое обстоятельство времени, ОКВ – обстоятельство кратности времени, ОКП – обстоятельство кратности процесса, ДОР – динамическое обстоятельство результата, ООД – обстоятельство образа действия, ОСТ – обстоятельство степени;

знаки, заключенные в квадратные скобки, реконструированы нами.

Под **глубинной структурой** понимается структура предложения до его трансформационной истории [3]. Для анализа в данном случае применяется трансформационный метод, основанный на выведении сложных синтаксических структур из более простых с помощью набора правил преобразований (трансформаций) [5].

Сверхглубинный синтаксис подразумевает восстановление пропущенных членов предложения через структуру фрагмента модели мира (субъект, акция, объект, продукт) [3].

Основным методом анализа является метод рекурсивной (ретроспективной) реконструкции, заключающийся в ретроспективном восстановлении единственного подходящего члена предложения [2], исключаящий подбор подходящих кандидатов на роль главных и второстепенных членов предложения и возникающие в этом слу-

чае противоречия, что происходит при линейном подходе к рассмотрению структуры. Например, без учета рекурсии перевод предложения 穿上合身, 好看 *chuān shàng héshēn, hǎokàn* будет приблизительно таким: «Надел к лицу, красиво». Видим, что смысл предложения теряется и нарушена логическая связь между его частями. Избранный нами метод позволит этого избежать (см. пример 7).

Для анализа мы выбрали предложения с рекурсивным определением, которые довольно часто встречаются в китайском языке. В данном случае в роли определения к П, ПД или КД выступает целое самостоятельное предложение, что является основной сложностью при разборе, а также переводе подобных структур.

Источником примеров сложнорекурсивных предложений в данной работе является учебник китайского языка Т.П. Задоев и Хуан Шуин [6].

Рекурсивное определение в китайском языке оформляется знаком алфавита синтаксиса 的 *de*. Например, определение к подлежащему ($P_0 + Sk_0 + [ПД_0]$):

(1) [6, с. 260] *Wǒ yòng [gāngbǐ] de gāngbǐ bùshì wǒ de [dōngxì]. Ручка, которой я пишу, не моя.*

Роль восстанавливаемого прямого дополнения в рекурсии здесь будет играть тот же знак, который выступает в качестве определяемого подлежащего.

В предложении (2) [6, с. 298] *[Rén] bú ài chī shuǐguǒ de rén bù duō. (Людей, которые не любят фрукты, немного)* наоборот – в рекурсивном определении пропущено подлежащее, однако его легко восстановить с помощью знака, выполняющего роль подлежащего в основном предложении.

В предложении (3) *Tā xiě [hànzì] de hànzì hěn hǎokàn, gēn lǎoshī xiě [hànzì] de [hànzì] yīyàng. (Он пишет иероглифы красиво, как учитель)* [6, с. 535] оба определения – к П и к КД – сложнорекурсивные.

Опираясь на найденные примеры, мы можем сделать вывод, что структура рекурсивных членов предложения может быть разнообразной, а именно, включать в себя второстепенные члены, в том числе и рекурсивное определение, а также сложные предложения. Например, в следующем предложении уровней рекурсии два, так как рекурсивное определение к КД входит в состав рекурсивного же ПД:

(4) [6, с. 470] *Suǒyǐ zuì hǎo [shì] [nǐ] néng gēn [tóngxué] yòng kuàizi chī guò fàn de tóngxué xuéxí yīxià. Поэтому лучше всего поучиться у студентов, которые уже ели палочками.*

В примере 5 в состав рекурсивного определения входит сложное предложение с сочинительной связью.

(5) [6, с. 419] *[Wǒmen] yào bǎ lǎoshī jiǎngkè wǒmen xiě [bǐjì] de bǐjì dài qù. (Записи, которые мы сделали, когда учитель объяснял урок, нужно отнести [ему]).*

В примере 6 в составе рекурсивного определения – последовательно-связанное сложное предложение (специфическая для китайского языка разновидность сложных предложений; в предложениях такого типа имеется два сказуемых, как бы соединяемых одним общим словом, которое выполняет двоякую синтаксическую функцию, является одновременно и дополнением (по связи с предшествующим сказуемым), и подлежащим (по связи с последующим сказуемым) [6, с. 361-362].

(6) [6, с. 355] *Rúguǒ wǒ tuō nǐ bàn [shì] de shì nǐ méi bàn hǎo, shì nǐ duìbùqǐ wǒ. (Если то, что я тебе поручил, ты не выполнил, то ты должен извиняться передо мной).*

Приведенный ниже пример требует более детального рассмотрения:

(7) 穿上合身, 好看. [6, с. 554] *[Nǐ] chuān shàng [yīfú] [de] [yīfú] héshēn, [yīfú] hǎokàn. [Одежда/платье] сидит хорошо и красиво.*

Поверхностная структура этого предложения выглядит как $Op + [P_1] + Sk_1 + Pd_1 + [P_2] + Sk_2$, причем подлежащее в обеих частях реконструируется с помощью одного и того же знака 衣服 *yīfú* «одежда», и оно опущено (также опущено атрибутивное 的). Подлежащее опущено и в рекурсивном определении. Мы предлагаем следующую реконструкцию: 你穿上的衣服合身, 衣服好看。 Можно было бы предположить вариант 你穿上衣服合身..... (последовательно-связанное предложение), т.е. 你穿上衣服, 衣服合身, 衣服好看。 Однако мы предпочли первый вариант – с минимальной глубиной реконструкции (на первом вхождении, а не на втором).

В данном контексте рассмотрим также ряд предложений с рекурсивным статическим обстоятельством времени, образованных с помощью универсального локализатора времени 的时候 *de shíhou* [3]. Мы не будем выделять 的时候 как знак алфавита синтаксиса, поскольку проводим реконструкцию, опираясь на понятие рекурсии, и должны придерживаться единообразного подхода. В подобных предложениях два уровня рекурсии, причем само по себе обстоятельство времени содержит атрибутивную рекурсию ($Op_0 + COV_0$), а уже определение (Op_0) является сложнорекурсивным. Например:

(8) [6, с. 271] [Nǐ] *chīfàn de shíhou* [nǐ] *búyào kàn shū*. *Не надо читать во время еды.*

Видим, что 吃饭的时候 здесь является рекурсивным COV, которое раскладывается на $Op_0 + COV_0$ («время какое?»), определение же на следующем уровне рекурсии состоит из $[P]_{0.0} + Sk_{0.0} + Pd_{0.0}$.

Как известно, в подобных структурах, особенно в устной речи, 的时候 может быть свернуто до 时 (свертка актуализатора). Разбор предложения при этом будет аналогичным:

(9) [6, с. 492] *Míngtiān lǎoshī zài lái gěi wǒmen fǔdǎo shí*, *wǒ xiǎng zài qǐng tā jiěshì yíxià*. *Когда завтра преподаватель снова придет проконсультировать нас, я хочу еще раз попросить его объяснить.*

Здесь также считаем нецелесообразным выделять 时 *shí* как знак алфавита синтаксиса, поскольку его семантика полностью сохранена, к тому же очевидно, что выражение 明天老师再来给我们辅导 *Míngtiān lǎoshī zài lái gěi wǒmen fǔdǎo shí* (*Преподаватель снова придет проконсультировать нас*) является характеристикой тайгена 时 *shí* («время») в данном предложении, то есть играет роль определения, которое не может распространять знак алфавита синтаксиса.

Рассмотрим пример, в котором уровней рекурсии уже три.

(10) (с. 317) *Wǒ zài chóngfù lǎoshī shuō* [huà] [de] *huà de shíhou*, [wǒ] *chángcháng sì shēng shuō dé bùduì, zhōngguó huàshuō dé bù hǎotīng*. *Когда я повторяю то, что говорит учитель, я часто произношу тоны неправильно, моя речь звучит некрасиво.*

Сначала, как и ранее, выделяем $Op_0 + COV_0$. Структура Op_0 будет следующей: $P_{0.0} + Sk_{0.0} + Op_{0.0} + Pd_{0.0}$. Стоит заметить, что во избежание нанизывания ЗАС 的 после $Op_{0.0}$ опущен. Само же $Op_{0.0}$ также является рекурсивным, подобные структуры описаны в начале этого пункта ($P_{0.0.0} + Sk_{0.0.0} + [Pd_{0.0.0}]$).

Все сказанное о предложениях с рекурсивным COV, построенных с помощью универсального локализатора времени 的时候, является справедливым и для предложений с рекурсивным COM, построенных с помощью универсального локализатора места 的地方 *de dìfāng*:

(11) [6, с. 492] Tāmen zhù-de difāng chúle kōngqì hǎo yǐwài, jiāotōng yě hěn fāngbiàn. Там, где они живут, кроме того, что воздух хороший, также удобное транспортное сообщение.

Исходя из поясненных нами примеров, можно сделать вывод, что разбор предложений мог быть выполнен только с помощью метода рекурсивной реконструкции, линейный же анализ поверхностной структуры привел бы к тому, что роль каждого конкретного знака в предложении не была бы установлена. Ретроспективный же метод позволяет обозначить, каким членом предложения является каждый языковой знак, а также избежать противоречий в анализе, которые приводят к смешению уровня и метауровня и в дальнейшем – к парадоксу Б. Рассела [7]. Отказ от рекурсивного метода анализа в подобных предложениях китайского языка на практике стал бы причиной неправильного понимания их смысла и как следствие – неточного либо неправильного перевода.

Таким образом, избранный нами подход, а именно, проведение реконструкции в предложениях с рекурсивным определением, позволяет добиться в анализе максимальной точности и непротиворечивости.

Литература

1. Реконструкция – Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Реконструкция>. – Дата доступа: 17.10.2011.
2. Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения/А.Н. Гордей//Пятые научные чтения, посвященные памяти профессоров В.А. Карпова и С.М. Прохоровой, Минск, БГУ, 18-19 марта 2011 г. – Минск, 2011.
3. Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс/А.Н. Гордей. – Минск, 2007 (рукопись, аудиокурс).
4. Гордей, А.Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка)/А.Н. Гордей//Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы Междунар. научн. конф., Гродно, 22-23 ноября 2007 г.: в 2 ч. ч. 2. – Гродно: ГрГУ, 2007. – 396 с. – с.349-358.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
6. Задоевко, Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка/Т.П. Задоевко, Хуан Шуин. – М.: Наука, 1979. – 756 с.
7. Гордей, А.Н. Значение логических и семантических парадоксов для теории языка/А.Н.Гордей//IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова (Минск, БГУ, 19-20 марта 2010 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч.1. – Минск, РИВШ, 2010. – 184 с. – с. 21-29.

Ван Хунтао
Аспирант,
Белорусская государственная академия музыки

ПРЕТВОРЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСНЯХ КИТАЙСКИХ КОМПОЗИТОРОВ XX СТ.

В китайских художественных песнях на стихи старинных поэтов, написанных в первой половине XX столетия, наиболее ярко проявилась тенденция становления и развития современной китайской музыки, что нашло свое отражение в сочетании интонационного строя, образного содержания традиционной китайской музыкальной культуры и жанровой, композиционной и гармонической системы европейского музыкального искусства.

Обращение китайских композиторов к поэзии далекого прошлого ознаменовало переход от прямого заимствования эстетических идеалов и содержательно-интонационной основы немецкой и австрийской песни XIX столетия с ее романтической и чувственной направленностью к истокам китайской самобытности, обогащенной европейским опытом композиционной техники. Основная идея этого художественного феномена заключается в претворении идеалов прошлого в современном творчестве для раскрытия сущности современного восприятия жизни и времени. Иными словами китайские композиторы стремились выразить внутренний мир и чувства современного человека, используя поэтику древности.

Среди основных образных сфер жанра художественной песни следует выделить *трудовую тематику*. В Китае существуют замечательные традиции отражения в песне таких явлений повседневной жизни китайца, как пахота и посевная, шелководство, трудовые будни и др. Эти и многие другие «трудовые сюжеты», лишенные контекста трудовой повинности, отражают вместе с тем сущностные черты китайского народа, которые очень ярко переданы в старинных поэтических текстах. Среди песен на стихи данной тематики следует отметить следующие: «Игра в чурбачки» (Цин Чжу на стихи из сборника «Юэфу», эпоха династий Цинь–Хань), «Песня о пряже» (Чжоу Шуань на стихи из сборника «Юэфу») и др. Эти песни не только живописуют процесс труда простого народа, но и отражают социальный подтекст трудовых отношений.

Песня «Игра в чурбачки», написанная Цин Ваном по мотивам старинной народной песни, рисует мир и благоденствие времен мифического правителя Яо, в период правления которого жители жили своим трудом в достатке и довольствии. В этой песне отражена сельская жизнь, гармония которой обусловлена отношением к труду как форме бытования, противостоящей праздности и могуществу власти. Используя старинный поэтический текст композитор Цин Ван существенно обогатил его интонационную выразительность, а также выразил свое искреннее сочувствие людям труда, жившим в далекие, непростые времена. Песня полна оптимизма и надежды на благоденствие и процветание.

Не менее популярна *любовная тематика*. Эта вечная тема независимо от эпохи всегда была выражением всего самого красивого, что есть в человеке, выражением его стремления к красоте. В древней классической поэзии очень много произведений любовной тематики, каждое из которых раскрывает перед слушателем трогательную жизненную историю лирического героя, восславляет чистое и нежное чувство любви, передает мысли любящего человека. Среди художественных песен

этого направления – «Помни обо мне» (Лю Сюань на стихи Цао Сюэцин, 1715–1764, эпоха династии Цин), «Бабочка, полюбившая цветок» (Си Синхай на стихи Су Ши, 1037–1101, эпоха династии Сун) и др.

«Помни обо мне» – это гимн любви. Первая строка стиха – «Слезы разлуки и расставаний, похожие на красные бобы, капают непрерывно» – передает основную идею песни, повествующей о любви и разлуке. Нежная печальная музыка отображает пережитую печаль расставания, которую не в силах сдержать герой песни. Следующие строки передают волнение горячо любящих юных сердец, которые должны расстаться. Влюбленные клянутся «не забывать друг друга никогда», как бы больно и одиноко им ни было в разлуке. Необходимо отметить особую выразительность мелодии, нарастание интонационной напряженности, гармоничное соотношение поэтического текста и музыки. Использование в финале песни поэтических метафор («Зеленые горы в дымке...», «Печальный бег зеленых волн...») способствует передаче боли и страдания любящих сердец героев Цзя Бао Ю и Линь Дай Юй.

Тема *тоски о родине и родном доме* также разнообразно представлена в стихах старинных поэтов Китая. Эта тема оказалась созвучна китайским людям XX столетия, которое в истории Китая ознаменовалось непрерывными войнами, нестабильностью, что привело многих людей к эмиграции, жизни в изгнании и скитаниях. Эта нелегкая судьба не миновала и многих китайских композиторов, которые, тоскуя по далекому дому, родным и близким, создавали художественные песни, выражая этим свое отношение к родной земле. Характерными произведениями этой тематики являются песни «Тяньцзинский песок» (Си Синхай на стихи поэта Ма Чжюан, 1251–1321 гг., эпоха династии Юань), а также «Раздумья тихой ночью» (Сяо Шусян на стихи Ли Бо, 701–762, эпоха династии Тан).

Песня Си Синхая «Тяньцзинский песок» состоит всего из 28 слов (иероглифов), которые повествуют о неприкаянном путнике, мечтающем вернуться домой. Несмотря на небольшие размеры, эта песня отличается изысканным языком, как поэтическим, так и музыкальным. Первые три строки, в которых автор живописует десять непритязательных пейзажей, передают бесконечную тоску поэта по родной природе. Последующие две строки раскрывают трагическое состояние героя («неудачливого гения»), которому не удалось реализовать свои способности на чужбине. В особенности глубока и трогательна мелодия, образованная триолями, которая положена на текст «Убитый горем человек». Она очень тонко передает психологическое состояние скитальца.

Патриотическая тематика – одна из основополагающих в китайском искусстве. Национально-освободительная война в Китае, которая разразилась в 30-е годы XX столетия, вызвала к жизни многочисленные произведения, которые звали народ на борьбу с иноземными захватчиками. Люди теряли родных и близких, крышу над головой, но отдавали свои жизни за независимость страны. Китайские композиторы живо откликнулись на патриотический порыв народа. Используя различные стили и формы классической поэзии, они в своих песнях передавали любовь к Родине, героизм борьбы за независимость родного края. Среди знаковых произведений этого периода следует выделить песню «Красная река» (Линь Шэньси на стихи Юэ Фэй, 1103–1142, эпоха династии Сун) и «Медленные голоса» (Чжан Сяоху на стихи Ли Цинн Чжао, 1084–1156, династия Сун).

Обращаясь к форме художественных песен на стихи старинных поэтов, следует заметить, что китайская классическая поэзия поражает своим разнообразием и

богатством формы. Китайские композиторы в своем творчестве использовали поэтические формы всех исторических эпох. Особое место следует отвести анализу формы стихов *ши* и *цы*.

Если говорить о мелодике стихов можно выделить древнюю и новую форму стихов *ши*.

Древняя форма воплощена в поэзии до эпохи династии Тан (618–906 гг.). Это *Чу цы* (т. н. «Чуские строфы») – одна из самых древних антологий стихотворных сочинений под редакцией Лю Сяна, стихи Юэфу (Музыкальной палаты), организации времен династии Хань, отвечавшей за собирание народных песен (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), а также наиболее известный и популярный источник старинных стихов, положенных на музыку в XX столетии, классический трактат «Шицзин» – «Книга песен» [1, с. 103].

«Шицзин» – это самая древняя антология песен в Китае, которая включает 305 разделов. Песни делятся на жанры «фэн», «я» и «сун» в зависимости от ладо-интонационного воплощения. Стихи – это, как правило, четыре слова, которые в лаконичной поэтической форме передают глубокое философское содержание в изысканной художественной форме. Песни «Шицзин» занимают очень важное место в китайской и мировой истории художественной культуры [2, с. 8].

Среди художественных песен XX столетия очень много примеров использования поэзии «Шицзин». Например, «Праздное время» на музыку Чэнь Таньхэ (раздел «Шицзин» эпохи династии Цинь), «Ветер и дождь» на музыку Си Синхая (раздел «Шицзин» эпохи династии Хань) и др.

Новая форма стихов *ши* возникла в эпоху династии Тан (618–906 гг.). Она жестко закрепила количество слов, строк, чередования ровных и ломаных тонов (*пин* – *цзе*), рифм.

В стихах *люйши*, где каждое стихотворение состояло из 8 строк, включающих 5 слов (*улюй*) или 7 слов (*цилюй*). Если поэтическая форма включала 8 строк, такие стихи назывались *пайлюй* или *чаньлюй* («длинный люй»).

В стихотворной форме *цзюэцзюй* каждое стихотворение состояло из 4 строк, включающих 5 слов (*уцзюэ*) или 7 слов (*цзицзюэ*) каждая [3, с. 7].

Эпоха Тан – это вершина развития классической китайской поэзии, с большим числом ярких представителей, широтой раскрываемых тем, высоким художественным уровнем, небывалым влиянием. При этом стихи Эпохи Тан сочинялись преимущественно для того, чтобы быть положенными на музыку, что позволяет утверждать, что им присуща особая интонационная выразительность. Поэтому композиторы XX столетия нередко обращались к поэтическим текстам эпохи Тан. Среди художественных песен первой половины XX столетия, написанных на стихи эпохи Тан, можно назвать «Луна над горой Эмэйшань» Хуан Цзы на стихи Ли Бо (701–762 гг.), «После отъезда господина» Тань Сяолина на стихи Чжан Цзюлина (678–740 гг.) и др.

Стихотворная форма *цы* зародилась в эпоху династии Сун, существенно развилась в период поздней династии Тан и окончательно сформировалась, достигнув своего расцвета, при династии Сунн.

Стихи *цы* эпохи Сун – это один из основных поэтических источников художественных песен первой половины XX века [4, с. 17].

Исходя из особенностей стилистики, стихи *цы* подразделяются на «хаофан» – «свободные», «размашистые» и «ваньюэ» – «деликатные», «тактичные». Своеобраз-

ная мелодичность и ритмические особенности стихов *цы* позволяет использовать це-зуры при движении мелодического голоса вверх и вниз для полноценного сочетания с ритмической основой стиха. Поэтому данная поэтическая форма является благо-датным материалом для создания художественной песни. Стихи *цы* не только хо-рошо ложатся на мелодию, но и в полной мере отвечают требованиям лирической направленности поэтики, положенной в основу художественной песни.

Среди художественных песен первой половины XX века, в которых в качестве поэтической основы использованы сунские стихи *цы*, можно назвать следующие: «Великая река течет на Восток», музыка Цин Вана на стихи Су Ши (1037–1101 гг.), «Стихи для красавицы в башне», музыка Тань Сяоляня на стихи Чжу Дуйжу (1081–1159 гг.) и др.

Наряду с *ши* и *цы* в творчестве китайских композиторов широко используются такие поэтические формы, как *юаньцзюй* (Юаньская драма), *миньяо* (народные песни, частушки) и др. Выразительная мелодика и разнообразие ритма создает неограни-ченные возможности для композиторского творчества.

Используя классическую поэзию, китайские композиторы стремились к вос-созданию целостности китайской культуры на основе преемственности художе-ственного поэтического наследия, которое передает истинные качества китайского народа, его духовное величие. Можно утверждать, что обращение к лучшим образ-цам старинной китайской поэзии открывает перед китайскими композиторами уни-кальные возможности для воссоздания колорита китайской культуры средствами со-временного композиционного творчества.

Литература

1. Мао Шуй-цин. Классическая литература / Шуй-цин Мао. – Наньнин: Эт-ническое издательство, 1986. – 284 с.
2. Чжоу Мань-цзян. Шицзин / Мань-цзян Чжоу. – Шанхай: Издательство древних книг, 1980. – 130 с.
3. Ван Ли. Метрика стиха / Ли Ван. – Тайюань: Издательство древних книг, 2003. – 330 с.
4. Чжоу Ду-вэнь. Сунские *цы* / Ду-вэнь Чжоу. – Шанхай: Издательство древних книг, 1980. – 139 с.

Ермакович М. В.

Студентка 5 курса специальности «восточная (китайская) филология» филологического факультета,

Белорусский государственный университет

КОНФУЦИАНСКИЕ МОТИВЫ ДОЛГА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГАНЬ БАО «ЗАПИСКИ О ПОИСКАХ ДУХОВ»

«Записки о поисках духов» («Соу шэнь цзи», 搜神记) Гань Бао (干宝) можно смело называть книгой, если не положившей начало целому направлению в китайской литературе, то самой знаменитой из представляющих жанр «чжигуай сяошо» (志怪小说), рассказов об удивительном, вдохновившей множество авторов на продолжения и подражания. Это книга-феномен: сборник новелл, написанных за столетие до начала европейского Средневековья, за несколько сотен лет до новелл Возрождения. Это потрясающий пример противоречивости: первое произведение фантастического жанра – и тем не менее написанное честнейшим из историков, откровенно предупреждающим читателя о том, что его цель «показать путь духов, а не чернить их»⁵⁶, собрать как можно более беспристрастные сведения.

Кисти Гань Бао (говоря о классике китайской древности, мы с полным правом можем сказать именно «кисти») принадлежали многие сочинения, в том числе комментарии к классическим книгам древности, таким как «Книга перемен», «Чжоуское уложение», «Весны и осени» (летопись владения Лу за 722-481 гг. до н. э., сочинение Конфуция с добавлением преданий), стихи и деловая проза и, наконец, «Записки о поисках духов», собрание рассказов о всякого рода необычных, чудесных, невероятных происшествиях. Можно видеть по названиям сочинений, сколь широка была сфера интересов Гань Бао. Он изучает конфуцианскую классику и даже составляет к ней комментарии (что особенно важно), пишет стихи и изящную прозу и собирает в книгу материалы, которые мы сейчас могли бы назвать фольклором, но воздержимся от этого, потому что ни сам Гань Бао, ни его современники их таковым не считали.

К сожалению, почти все наследие Гань Бао утрачено. В полном виде – хотя, возможно, несколько искаженном при переписке – до нас дошли только «Записки о поисках духов». От остальных произведений Гань Бао, за небольшими исключениями, до нас дошли только названия. Во-первых, сохранилось целиком предисловие Гань Бао к «Запискам о поисках духов», где автор излагает причины, заставившие его взяться за кисть и написать этот труд, – предисловие это составляет неотъемлемую часть «Записок» и включается во все многочисленные их издания. Очень интересно «Опровержение суждения о призывании духов и захоронениях» и еще два-три отрывка, дошедшие до нас в цитатах, приведенных в других сочинениях. И это все. Но если бы даже до нас не дошло ничего другого, Гань Бао все равно остался бы в веках автором «Записок о поисках духов», уже полторы тысячи лет служащих и занимательным чтением, и неисчерпаемым источником сюжетов, и образцом фантастической прозы, а в прежние времена – и историческим источником.

Казалось бы, критической и справочной литературы по такой книге должно быть более чем достаточно, однако, приступая к работе, я столкнулась со своего рода

⁵⁶ Предисловие к «Соу Шэнь цзи»

вакуумом, разряженным лишь работами профессора Л. Н. Меньшикова. А. Н. Желоховцев в одном из разделов многотомной «Истории всемирной литературы» упоминает о «Записках» как о труде, преследовавшем скорее утилитарную, чем художественную цель – убедить читателя в существовании духов и святых, упоминает мотивы буддийского «колеса перерождений» и эпизоды о всемогущих даосах. «В отличие от конфуцианцев, которые, следуя завету своего учителя, предпочитали не говорить о духах и потустороннем мире, автор пытался собрать в одной книге различные рассказы о явлении духов, чтобы подтвердить сам факт их существования».⁵⁷

Между тем от многих авторов, толкующих произведение лишь как рассказы об удивительном, ускользнула как профессия автора, так и его предыдущие работы – комментарии к конфуцианским трудам. Наивно полагать, что в своем сборнике он полностью отрекся от убеждений в пользу беспристрастности.

Читая «Записки о поисках духов», я отмечала целые серии эпизодов с конфуцианскими мотивами долга и справедливости – наказаний и наград свыше. В настоящей работе моей целью было показать, что при изображении в произведении всех сторон китайского общества (и не только современного автору, но и древнего, и даже относящегося к легендарному прошлому) нет ни одной области, в которой не главенствовали бы именно конфуцианские заповеди. Таким образом, задачей стало классифицировать эпизоды с конфуцианскими мотивами согласно отраженным в них сферам человеческой жизни.

Мы недаром употребляем слово «сферы» – логично и закономерно считать, что эти области как бы вкладываются друг в друга. Конфуций полагал, что на государство распространяются методы семейного управления, а семья – государство в миниатюре, для самовоспитания он предлагал руководствоваться теми же правилами и возвращать в себе те же добродетели, что необходимы для того, чтобы было прочным государство и крепкой семья. Для удобства работы мы разделили эпизоды именно на три сферы, исконных территории любой религии, любой философии: государство – семья – личность (личное пространство, персональная ответственность). При всей, казалось бы, условности такого деления и несовпадения его с рамками цзюаней произведения, мы практически не нашли эпизодов, которые не определялись в одну из категорий с легкостью. К тому же, произведениям китайской литературы древнего периода свойственна мозаичность композиции, и знаменитый «Лунь юй» построен по тому же принципу отрывочных цитат, сведений, сентенций, а между тем эта книга дала последователям и толкователям конфуцианства указания для всех сфер жизни, и ко времени написания «Записок» конфуцианство представляло из себя стройное, систематизированное учение, отражение которого мы и представляем нагляднее, рассортировав эпизоды о чудесном и необычном по земным категориям.

Конфуцианские взгляды Гань Бао на принципы управления государством

Князь Великий из удела Ци спросил Конфуция о том, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил: – Да будет государем государь, слуга – слугой, отцом – отец и сыном – сын.
– Отлично! Воистину, если не будет

⁵⁷ Желоховцев и др. Сюжетная проза: [Китайская литература III-XIII вв.] 1984, с. 111

государем государь, слуга слугой, отец отцом и сыном сын, то, пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его вкушать? – ответил князь.
58

Конфуций учил: кто желает добиться порядка в государстве, должен научиться управлять своей семьёй, а кто желает мира в семье, должен сначала научиться жить в гармонии с собой.⁵⁹ В нашем же исследовании мы пойдём в обратном порядке: сначала рассмотрим всяческие упоминания об основах управления государством, добродетелях истинного правителя, случаях с чиновничеством – опорой государства – а затем переключимся на сферы семейной и внутренней жизни человека. Такой порядок «от большого к малому» представляется целесообразным хотя бы потому, что вопросы государственного управления наиболее постулированы как в Лунь Юе, так и в сочинении Гань Бао: во-первых, он, будучи историографом, книжником, на протяжении многих лет имевшим доступ к архивам, приводит обширные и точные летописные сведения (при этом цитируя, как повторимся ниже, комментарии к «Вёсны и осени» и «Книге перемен» – сочинениям канонического конфуцианского пятикнижия); во-вторых, будучи «приближенным к трону», в завуалированном виде даёт советы правителям, сокрушаясь и негодуя по поводу бесчинств. Целые «главы»⁶⁰ – цзюани-свитки «Записок» посвящены именно имевшим место быть странным случаям из истории государства (а государство-то одно – менялись лишь династии): пятая, шестая, восьмая главы – это «знамения всякого рода», при этом толкования знамений всегда относились к правящим кругам, предсказаний «по мелким поводам» ни духи, ни стихии не давали, да и если такие толкования существовали, они не попали в столь авторитетное собрание сведений, как «Записки».

Главы о знамениях наиболее сухи и кратки по стилю, представляя собой выдержки из летописей, соотнесённые с комментариями других авторов – здесь прослеживается скорее тяготение к исторической прозе, продолженное в бицзи с их условной, фрагментарной занимательностью. Лишь изредка автор присовокупляет несколько слов собственного мнения, или, сказать вернее, отваживается на них, и эти слова представляют собой нечто вроде риторического восклицания. Несмотря на эту сдержанность, побуждение историографа сгруппировать факты именно таким образом и объединить их в главы прослеживается ясно: за беззакониями следует расплата, наказание, ниспосланное по воле Небес. Перед каждым поворотом в судьбе державы Небо (или иные сверхъестественные силы) посылают народу знаки, но, увы, лишь «совершенномудрый», подобный Конфуцию (цзюнь-цзы, 君子), способен их разгадать, и, даже имея и наследуя такой свод толкований, как «Комментарии к Переменам» Цзин Фана (основной, но не единственный источник Гань Бао), китайский народ осмысливает свою историю лишь апостериорно.

⁵⁸ Конфуций. Луньцзюй (Изречения), глава 12 «Янь Юань», 11.

⁵⁹ To put the world in order, we must first put the nation in order; to put the nation in order, we must put the family in order; to put the family in order, we must cultivate our personal life; and to cultivate our personal life, we must first set our hearts right. (Confucius. (1997). *Lun yu*, (In English *The Analects of Confucius*). Translation and notes by Simon Leys. New York: W.W. Norton.)

⁶⁰ Здесь и далее для избежания путаницы будем называть цзюани главами, а пронумерованные отрывки эпизодами: многие из них слишком фрагментарны и бессюжетны, недостаточно разработаны, чтобы быть названными новеллами.

Приведём цитату из открывающего самую, казалось бы, «сверхъестественную» (об оборотнях) двенадцатую цзюань отрывка, связанного с космогоническими представлениями китайцев – их традиционно соотносили с учением даосов, однако здесь читаем:

Стихия дерева, когда она чиста, – это гуманность. Стихия пламени, когда она чиста, – это установления. Стихия металла, когда она чиста, – это долг. Стихия воды, когда она чиста, – это мудрость. Стихия земли, когда она чиста, – это мысль.

Когда же все пять стихий очищены, они образуют достоинства совершенно-мудрого человека.

Стихия дерева, когда она грязна, – это слабость. Стихия пламени, когда она грязна, – это развратность. Стихия металла, когда она грязна, – это распущенность. Стихия воды, когда она грязна, – это жадность. Стихия земли, когда она грязна, – это тупость.

Когда же все пять стихий загрязнены, они делают народ низким. (12.300)⁶¹

Даже самые основы мироздания, стихии Гань Бао (который здесь не ссылается ни на кого), соотносит с понятиями, основополагающими для конфуцианства, пятью «постоянствами благородного человека (*цзюнь цзы*, 君子): *Жэнь* (仁) — «человеколюбие», *Ли* (礼) — «ритуал», установления, *И* (义) — «справедливость», долг, *Чжи* (智) — здравый смысл, благоразумие, «мудрость», рассудительность и *Синь* (信) — искренность, «доброе намерение». Приводя антонимы к ним, он далее делает упор на то, что «низкий народ» способен на восстания, подвержен смутам и бессилен перед иноземными захватчиками. Знаково то, что это соображение он приводит уже после цзюаней, посвящённых знамениям, делая выводы несколько разрозненными и вуалируя эту достаточно крамольную мысль.

Конфуций учил, что высшим принципом управления является Жэнь, а практикующий этот принцип правитель является образцом для всего народа. Так и Гань Бао, следуя древней традиции, помещает гуманность первой в списке.

Далее обратимся к примеру из обширного (более сотни эпизодов) корпуса. Мысль автора неизменна: правитель, не следующий установлениям и представлениям о долге и чести, будет наказан:

«Сведения о пяти стихиях» утверждают, что как человеку не полагается рогов, так и Удельным правителям-чжухоу не должно сметь поднимать войска, чтобы идти походом на столицу. Ведь вскоре после этого произошли беспорядки в семи уделах. (6.121)

Заметим, как скрупулёзно Гань Бао приводит сведения о времени и месте совершения всяческих небывалых чудес, источниках толкований, тем самым придавая вес собственному мнению. Летописный «реализм» его повествования располагает к себе, убеждая в неподкупности автора.

Духи и оборотни – это как раз то, «о чём не говорил Конфуций», и в своём сочинении автор, уверяясь в их существовании, всё же неоднократно убеждается, что это существа недостойные. Есть интересные отрывки, посвящённые, как сказали бы наши с вами современники, «атеизму», иногда и воинствующему – разрушению алтарей лживых божеств (19.444), целой серии эпизодов на почтовых станциях, когда смелый герой ночью ловит и наказывает духов, совершавших преступления или

⁶¹ Здесь и далее цифра в скобках до точки – номер цзюани, цифра после точки – номер эпизода. Для удобства нахождения отрывков в любом издании мы не даём номера страниц использовавшейся нами книги.

даже выдававших себя за чиновников, а также «разумным основаниям»: долголетием семья обязана не духам, живущим в доме, а попавшей в колодезь киновари (13.329), а сливы на шелковичном дереве появляются не чудесным образом, а благодаря посадившему косточку крестьянину – он же и вырывает дерево, положив конец чудесам (5.100).

В кратком обзоре выборочных эпизодов, так или иначе связанным с государством, остаётся упомянуть сюжеты, иллюстрирующие почтительность *чжун* со стороны простого народа. Такие примеры тоже имеются, и они, несмотря на летописную сухость, где-то даже канцеляризм, необычайно ярки, как, скажем, эпизод со скромным служкой, проявляющим беспримерное мужество: он не только берёт на себя вину за народную смуту, но и оправдывает правителя округа, в его представлении высшую власть. Его записка – пример конфуцианской подобострастности, и, как мы видим, Небо неизменно вознаграждает подобного рода смелость, как бы показывая, что именно она угодна высшим силам:

«Я, Фу, в нашем округе, так сказать, окончечность тела и потому не могу давать советов, которыми выказал бы свою верность, и не смею выдвигать способных и отстранять негодных и тем умиротворять простой народ. Из-за того, что мы вызвали неудовольствие Неба и Земли, все сущее пересохло, простой народ ропщет, и некуда ему обратиться со своими жалобами.

Вину за все это беру на себя я, Фу. Ныне правитель нашего округа, наказывая себя за собственные упущения, сам стоит во дворе на солнцепеке, а мне, Фу, повелел просить помилования и возносить моления о благоденствии народа. Но хотя моления возносятся со всей возможной искренностью, Небо и Земля еще ими не до конца растроганы. Ныне я, Фу, осмеливаюсь дать такую клятву: если к полудню не будет дождя, я прошу принять мое тело в качестве возмещения за нераспорядительность».

После этого он собрал хворост, намереваясь совершить самосожжение. Время подошло к полудню. В горах поднялись испарения и стали совершенно черными. Разразился гром и ливень, весь округ был увлажнен. Люди в мире потом восхваляли его за высокую искренность его клятвы.(11.271)

Таким образом, мы видим рассеянные по главам эпизоды, иллюстрирующие, «как должно»: управлять государством, служить ему, жить в нём.

Конфуцианские взгляды Гань Бао на семейный уклад

Прежде чем анализировать эпизоды «Записок», посвящённые так называемому «домашнему служению», приведём несколько цитат из «Бесед и суждений» Конфуция:

Кто-то сказал Кун-цзы:

– Почему вы не занимаетесь управлением [государством]?

Учитель ответил:

– В «Шу цзин» говорится: «Когда надо проявить сыновнюю почтительность, прояви сыновнюю почтительность; будь дружен со своими братьями, осуществление этого и есть управление». Если это и есть управление, то к чему заниматься управлением [государством]?⁶²

Учитель сказал:

⁶² «Лунь юй», глава 2, 21

– Если при жизни отца следовать его воле, а после его смерти следовать его поступкам и в течение трех лет не изменять порядков, заведенных отцом, то это можно назвать сыновней почтительностью.⁶³

Итак, для простого человека основной долг состоит не в управлении и даже не в государственной службе, а в том, чтобы навести порядок в собственном доме и поддерживать идеальные отношения с родственниками – порядок таких отношений определён ещё в древности. Главнейшая обязанность человека – это сыновняя почтительность (сяо, 孝) и почитание предков. В одном из конфуцианских сочинений говорится: «Всегда выражать полное уважение к родителям; доставлять им пищу самую любимую; скорбеть, когда они больны; до глубины души сокрушаться при их кончине; приносить им, усопшим, жертвы с религиозной торжественностью, – вот пять обязанностей сыновнего благочестия». Итак, главным объектом конфуцианского культа были духи предков.

Примечательно то, что Конфуций требовал, чтобы совершались обряды и приносились жертвы в честь предков не ради самих духов, не ради того, чтобы удовлетворить их потребности или снискать их милость, а исключительно потому, что обряды эти были установлены с давних времен. Сами по себе духи не интересовали Конфуция. Отношение к ним в конфуцианской религии чисто формальное.

Расширяя изобразительные, занимательные и дидактические возможности своего текста за счёт введения «полновесных» духов и не просто как фабульного хода для усиления динамичности действия, а в качестве настоящих действующих лиц, Гань Бао делает своё повествование изумительно ярким, и, несмотря на спорность, более убедительным. Чрезвычайно интересен в этом смысле эпизод 4.74, в котором некий Бань просит у владыки реки в качестве награды за оказанную услугу освободить своего умершего отца от тяжёлых повинностей в посмертии и сделать его духом алтарей предков (всё же нет для китайца большего успеха, чем повышение по службе). Неожиданно у Баня начинают умирать дети, и он возвращается к владыке реки и говорит с отцом:

– В тот раз ты пожелал вернуться к родному алтарю ради счастья твоей семьи. Почему же все твои внуки перемерли?

– Разлученный с давних пор с родной стороной, – был ответ, – я был счастлив своему возвращению. К тому же у меня наконец появились в изобилии вино и пища. Я все вспоминал своих внуков и призывал их к себе.

Отец был тут же отрешен от должности и вышел, проливая слезы.

В этом эпизоде впервые говорят «Пути живых и мёртвых несходны», и эта истина многократно повторяется на страницах «Записок», но в некоторых случаях и опровергается. И всё же нет практически ни одной замечательной истории от долге перед семьёй, о любви и браке, дружеских отношениях, где бы между героями ни становилась смерть, что чрезвычайно драматизирует повествование.

Основными категориями конфуцианства, которые укладываются в естественное «жэнь», являются сяо (孝 сыновняя и дочерняя почтительность) – цивилизованное отношение к своим родителям, и ди (弟) – братская любовь, цивилизованное отношение к окружающим, ровесникам. То есть, во-первых, следует почитать родителей, а, во-вторых, братьев. И «Гань Бао» даёт нам удивительный корпус развёрнутых и подробных примеров того, как именно нужно почитать и заботиться, практически в соответствии с вышеприведённым отрывком из трактата.

⁶³ Там же, глава 4, 20

Более интересны в сюжетном плане единичные эпизоды, которые иногда подлинно драматичны, а противоречие неустаревающего сюжета разрешается лишь условно. Именно поэтому большую часть «семейных» глав составляют те, сюжеты которых стали бродячими, архетипическими для китайской литературы. Легко узнаваем, например, сюжет о несправедливом приговоре, интерпретированный Гуань Хань-Цинем в драме «Обида Доу Э». Следует упомянуть и сюжеты о почтительных дочерях: одна после смерти отца «плакала и рыдала – даже не надеялись, что она будет жива», а после бросилась в реку, чтобы найти тело, и всплыла вместе с ним (11.291); другая просит у матери с отцом разрешения отправиться на съедение дракону, чтобы хоть как-то помочь семье, и объясняется следующими словами:

– Прошу батюшку и матушку послушать мое суждение: у вас шесть дочерей и ни одного сына. Одной дочерью больше, одной меньше – это все равно. Я, ваша дочь, не выказала такой преданности родителям, как Ти-Ин. Если я не смогу принести себя в жертву, значит, вы меня зря кормили и одевали. Рождение мое не пошло вам на пользу – так лучше мне умереть пораньше. А теперь за бренное тело вашей Цзи вы сможете получить малую толику денег. Что же тут плохого – так послужить родителям. (19.440)

Всё же автор-историограф с беспристрастностью упоминает и эпизоды, где человеколюбие *жэнь* оказывается как бы вывернутым наизнанку, невознаграждённым, понятым превратно. Эти истории часто связаны с мотивом подмены (дети убивают отца (18.422), а дед – почтительных, осторожных внуков (16.390), принимая их за оборотней) или человеческим коварством: свекровь оговаривает и изгоняет из семьи невестку, а та, не в силах перенести разлуку с сыном, умирает от горя (11.297).

Но истинная почтительность всё же возносится в творении Гань Бао в ранг универсальной добродетели, и это лишний раз подтверждают примеры, связанные с авторитетом Конфуция – несколько эпизодов со сходным сюжетом.

«Неподкупная верность угодна Небу и Земле». Эта фраза – основной мотив эпизодов, связанных в любовь и браком. Истинная любовь преодолевает все преграды – даже родительскую волю, даже законы, даже смерть одного из любящих. Однако, и на это делается упор, любовь эта неизменно должна быть законной, легитимной, брачной, как бы любовью «по предварительной договорённости», и, кроме того, обязательно взаимной.

Огромный корпус текстов составляют эпизоды примерно одинакового содержания: молодой человек (чаще всего студент, этот идеальный персонаж любовной истории, впоследствии – герой пьес и сяошо), вернувшись на родину, находит лишь могилу своей возлюбленной, умершей после ненавистного брака, навязанного ей родителями. Являясь ему призраком, она произносит «кодовую» фразу «Пути живых и мёртвых несходны», и после этого чаще всего на три дня увлекает его за собой, «делая то, что положено мужу и жене». После этого они могут разлучиться – и тогда студент получает в подарок дар, который опознают как вытащенный из могилы – или девушка оживает, и развязка второго рода особенно интересна тем, что для решения вопросов, связанных с браком, влюблённые обращаются к властям, как, например, в эпизоде 15.359.

В заключение семейно-родственной темы следует сказать и о мотивах дружбы, если не реализованных в тексте столь полно, то по меньшей мере точно намеченных. И здесь, с позволения сказать, интрига закручивается вокруг смерти одного из героев: в эпизоде 11.299 один товарищ является другому во сне, рассказывая о своей смерти, и не желает быть погребённым, пока на похороны не приедет

друг. В ещё одном эпизоде (20.457) собака спасает лежащего в беспамятстве человека от пожара и погибает сама. В связи с этим интересна реакция правителя, хорящего её с человеческими почестями и отзывающегося в какой-то мере и о людях:

О случившемся доложили правителю округа, и правитель с сожалением произнес:

– Собака в благодарности за милости превзошла людей. Сравнится ли с этим псом человек, не помнящий добра?

Он приказал схоронить собаку в гробу и в саване. И посейчас в Цзинани есть курган Верной Собаки высотой около десяти чжанов.

Кратко обрисовав проблемное поле «семейных» глав «Записок», находим в них всё ту же черту: несмотря на относительную странность фабулы, они в большинстве своём могут служить образцом, указывая, как должно и что за этим следует.

Конфуцианские взгляды Гань Бао на частную жизнь

Раздел, который условно можно назвать «частной жизнью», наиболее разнообразен и включает в себя единичные, неповторяемые ни в каком варианте эпизоды из разных по тематике цзюаней. Но если вести речь о примерных целях, который преследуют эти отрывки, то, помимо традиционных – привести доказательство существования духов и развлечь читателя – здесь наиболее чётко прослеживается: что типичный, «некий» китаец станет делать, повстречав божество, духа, оборотня или нечто необычное; что бывает с теми, кто не соблюдает обычай (ли), не следует гуманности (жэнь) – небо наказывает их. Эти главы в некоторых случаях показывают преимущество установления над слепым суеверием, а в некоторых – обратное, здесь не являя собой чёткой идеологической линии хотя бы потому, что Гань Бао ещё в предисловии предупреждает читателя, что его работа – нечто вроде исследования, и именно в этом вопросе автор так и не понял, «как должно». Каждый эпизод – частный случай, именно так мы и будем рассматривать их в рамках подразделов.

Один из мотивов – посмертная справедливость, закон, восторжествовавший уже после смерти, причём не в виде универсального добра и всепрощения (Конфуций никогда и не вкладывал такой смысл в своё жэнь), а в виде наказания виновным по заслугам. Так, призрак убитого мужа раскрывает обман и обличает неверную жену-убийцу (11.298). Эпизод 16.384 с духом убитой, который рассказывает свою историю, обрисован куда более яркими красками. Фактически, это проникновенная женская исповедь-жалоба, по эмоциональной силе сходная как с некоторыми другими историями в «Записках», так и с последующими сяошо о женских судьбах (где их авторы находили неисчерпаемый источник вдохновения, как не в «Ши цзине» и «Соу шэнь цзи»?). Ещё одно небывалое происшествие упоминается в эпизоде 20.464: за подлость по отношению к невестке неведомая сила – духи, божества ли, а вернее всего Небо – наделяет женщину желваком, производящим шум (то есть это нечто вроде позорной колотушки, бубенчиков на юродивом, чтобы обращать к себе внимание). Прикрыть его невозможно – у женщины сразу же перехватывает дыхание – и она вынуждена каждому рассказывать свою историю, увеличивая собственные муки. Этот устрашающий пример ещё раз подтверждает то, что конфуцианское «жэнь» не сходно по сути с христианским милосердием и всепрощением, и лишь в некоторой степени дублирует приписываемое Конфуцию «золотое правило нравственности» поступать с другими так, как желаешь, чтобы поступали с тобой. (В противовес приведём следующую цитату из «Лунь юя»:

Кто-то спросил: — Что если за зло платить добром.

Учитель ответил: — А чем же за добро платить? Плати за зло по справедливости. А за добро плати добром.⁶⁴

Интересный пример отрицания духов и наказания за неверие подаёт эпизод 16.378: конфуцианец «был строгим сторонником воззрений, отвергающих существование духов, и ничто не могло его в этом поколебать. В спорах он каждый раз утверждал, что для уяснения истинности его взглядов достаточно разобраться, что в тени и что на свету». Когда однажды у него с неким господином заходит спор о духах, неизвестный в самый напряжённый момент приводит такой довод:

– До нас дошли легенды о духах и демонах от мудрецов как древних, так и нынешних. Как же вы один упрямо твердите: этого не бывает? А ведь ваш покорный слуга на самом-то деле дух!

После этого он истаивает в воздухе, а пораженный мудрец заболевает и умирает – вероятно, от разочарований, связанных с потерей жизненной веры. Эта история, с одной стороны, учит не упорствовать в своих заблуждениях, а с другой – и в этом её конфуцианский смысл – верить древности, легендам, мудрецам прошлого, как поступал и сам Конфуций.

А эпизод 18.437 ещё раз доказывает, что молчание – золото, и что поддаваться на провокации и запугивания не нужно. Когда говорящая крыса-оборотень представляется человеку смертью, он невозмутимо молчит, и крысе «больше деваться некуда» – она издыхает и оказывается просто крысой. Это некий альтернативный эпизоду 16.378 вариант реакции на сверхъестественное. «Записки» как бы показывают читателю «что такое хорошо и что такое плохо», ведь в одном случае человек умирает, а в другом остаётся жив.

Первая цзюань «Соу шэнь цзи» посвящена даосам и магам, но даже это, казалось бы, противоположное конфуцианству направление выражает себя в поступках, свойственных скорее конфуцианцам: даосские маги помогают народу справиться с природными бедствиями, как, например, в эпизоде 11.272. В этом проявляется религиозный синкретизм как тогдашнего, так и более позднего китайского общества: элементы религий и верований неразделимо переплетаются, и отшельник, перед тем, как удалиться от людей, избавляет их от саранчи со словами:

– Границы нашего округа постигло бедствие. Как же я тут могу вступить на путь исполнения моих замыслов?

Наконец, наиболее занимательны для исследования в ключе темы моей работы эпизоды, которые можно озаглавить как «случаи с Конфуцием». «Записки» пестрят именами конкретных исторических личностей, действительно живших в Китае, деяниями ванов, временщиков и императоров, но ни одно лицо не имеет такого авторитета как для автора, так и для читателя, не является настолько узнаваемым, как основатель конфуцианского учения, знаменитый мудрец, легендарный просветитель.

В одном случае (8.231) Кун-цзы предрекает приход «нового хозяина Поднебесной», гадая по линии, причём тот «изрыгает свитки» с предсказаниями, лишь завидев Конфуция, что лишний раз доказывает одно из утверждений «Лунь Юя», интерпретируемое в «Соу шэнь цзи»: лишь истинно совершенномудрый сможет проникнуть в суть вещей.

Эпизод 3.49 относится уже ко времени жизни самого Гань Бао и повествует о человеке, решившемся вскрыть жбан с заветами Учителя – в итоге он находит там

⁶⁴ Глава 14, 34.

собственное имя, что, разумеется, подтверждает мудрость и пророческий дар Конфуция, но не только.

Таким образом, для рассказчика, как и для его современников, конфуцианство – не пещерная древность, а живое, дышащее мудростью учение.

Литература

1. Гань Бао. Записки о поисках духов / Пер. с др.-кит. Л. Меньшикова. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 384 с.
2. Меньшиков, Л. Н. О Гань Бао, его времени и его разысканиях о духах. / Л.Н. Меньшиков // Гань Бао. Соу шэнь цзи. - СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. С. 5-22.
3. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2007. – 958 с.
4. Конфуций. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995. – 382 с.
5. Шицзин (Книга песен и гимнов). / Пер. с кит. А. Штукина; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина. – М.: Худож. лит., 1987. - 351 с.
6. Сюжетная проза: [Китайская литература III—XIII вв.] / Желоховцев А. Н., Лисевич И. С., Рифтин Б. Л. и др. // История всемирной литературы: В 8 томах. — М.: Наука, 1983—1994. — Т. 2. — 1984. — С. 110—116.
7. История Китая / В. В. Адамчик, М. В. Адамчик, А. Н. Бадан и др. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 736 с.
8. Confucius. (1997). *Lun yu*, (In English *The Analects of Confucius*). Translation and notes by Simon Leys. – New York: W.W. Norton, 1997.

Талерёнок О. В.

студентка 5 курса специальности «восточная (китайская) филология» филологического факультета

Белорусский государственный университет

ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НОРМАТИВНЫЙ ЯЗЫК

Начиная с 1995 года, Интернет постепенно охватил весь мир. Виртуальная реальность стала сегодня неотъемлемой частью действительности. Она объединяет людей разных полов, возрастов и профессий, живущих в разных странах и исповедующих разные религии. Привычным явлением стала компьютерная лексика, используемая как профессионалами (например, IT-специалистами), так и другими пользователями компьютеров. Сегодня можно говорить о появлении нового функционального стиля языка – интернет-стиля. Подавляющее большинство слов, используемых в этой коммуникативной сфере, были заимствованы из английского языка. Но среди пользователей Интернета, говорящих на китайском языке, появился и быстро распространился свой особый вид языка, который значительно выходит за рамки обыденного компьютерного сленга или языкового поля. Этот феномен привлек к себе внимание значительного числа исследователей. В последнее время в периодической печати и сборниках студенческих работ появилось много статей, посвященных этому языковому явлению. В некоторых из них даже высказываются мнения о том, чтобы выделить этот вид языка как отдельный самостоятельный вид. Дискуссионным на сегодняшний день является и вопрос о взаимовлиянии интернет-ного и нормативного языков.

По данным статистики в настоящее время число пользователей Интернета составляет без малого 2 миллиарда человек, причём 42% из них общается на английском языке, тогда как доля пользователей, общающихся на китайском языке составляет 32,6%. На конец ноября 2010 года число жителей Китая, использующих Интернет, достигло 450 миллионов человек, что составляет почти четверть от общего количества пользователей. В свете приведенных выше данных актуальность исследуемой темы не оставляет сомнений и в будущем будет лишь расти.

Цели данной работы:

1. выявить основные особенности Интернет-сленга в китайском языке;
2. рассмотреть взаимодействие Интернет-сленга с нормативным китайским языком;
3. выявить языковые особенности, способствовавшие появлению данного типа языка.

Задачи данной работы:

1. собрать и изучить материал по данной теме;
2. описать виды лексики, составляющей Интернет-сленг китайского языка;
3. описать особенности и истоки Интернет-сленга в китайском языке.

Данная работа носит описательно-ознакомительный характер, так как это языковое явление еще мало изучено. Интернет-сленг, как и любое языковое явление, отражает изменения, происходящие в обществе. Сегодня на наших глазах формируется новый тип общества, а вместе с ним и новый способ коммуникации, и его формирование еще не закончилось.

Общее понятие об Интернет-языке

По мере усиления значения Интернета в нашей жизни он стал оказывать все большее влияние не только на образ жизни, но и на культуру в целом. Ярким подтверждением этому стало появление и стремительное внедрение в нашу жизнь такого феномена как Интернет-язык (网络语言). В широком значении понятие «Интернет-сленг» означает такой тип языка, который используется в виртуальном пространстве и включает в себя компьютерный сленг, чатовый сленг, ник-неймы и другие слова, связанные с Интернетом. В узком значении это понятие означает непосредственно способ общения в виртуальном пространстве и используемые при этом особенные информативные знаки-символы. Интернет-сленг в узком своем значении явление не только языковое, но оно также является и социально-культурным феноменом.

Условия формирования Интернет-сленга

1. Социальные условия.

Активное экономическое развитие стимулировало развитие технологий, привело к созданию свободной территории — Интернета, где каждый может беспрепятственно выражать свои мысли и идеи, что в свою очередь стимулировало развитие культуры. Еще Маршалл Маклюэн в своих книгах «Галактика Гутенберга» (The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man, 1962) и «Постижение средств массовой информации» (Understanding Media, 1964) предсказал появление «всемирной глобальной деревни». В Интернете физическое расстояние между собеседниками не играет существенной роли для общения, стираются не только пространство и время, но происходит сближение культур, мировоззрений, традиций и ценностей. Из-за усовершенствованной скорости онлайн обмена информацией, у людей появилась возможность читать, распространять и реагировать на ситуацию в мире гораздо с большей скоростью. Маклюэн полагает, что этот процесс вынуждает людей быть вовлеченными в дела друг друга, будто это были наши собственные. Вступая в коммуникацию друг с другом посредством электронных средств связи, люди рассуждают и поступают таким образом, как если бы они находились совсем рядом, жили бы в «одной деревне». Они вольно или невольно все основательнее вторгаются в жизнь друг друга, рассуждая обо всем увиденном и услышанном. Это форма коммуникации формирует новую социологическую структуру в пределах существующего контекста культуры. И Интернет-язык — прямое тому подтверждение.

2. Развитие технологий.

Следующим важным фактором стало развитие и распространение компьютерных технологий. Интернет-язык — это особый способ кодирования информации, распространенный среди Интернет-пользователей. Он существует лишь при условии существования клавиатуры и программного обеспечения, как основных механизмов его создания и ввода, и ограничивается символами, представленными на клавиатуре.

3. Сфера использования.

Интернет-язык рождается в процессе коммуникации, и является продуктом неформальной коммуникативной среды. Главный принцип виртуального мира — анонимность. Пользователи не видят друг друга, поэтому нет необходимости следить за своим языком и подбирать слова, боясь обидеть собеседника. В виртуальном мире царит атмосфера свободы и непринужденности в языке, что порой приводит к некоторой грубости в обращении. Также следует отметить тот факт, что при онлайн общении сообщения вводятся через клавиатуру и при этом важна скорость, поэтому

местоимения и знаки-символы встречаются в большом количестве. Подавляющее большинство пользователей молодые люди и подростки, что способствует формированию некоторых особенностей Интернет-языка, например, смешивание китайского и английского языков, слов гонконгского и тайваньского диалектов, активное использование цифр.

Взаимодействие Интернет-языка и нормативного языка

26 июня 2000 года в газете «Веньхуибао» (文汇报) появилась ознакомительная статья «Ненормированность Интернет-языка требует внимания», которая привлекла внимание не только специалистов-языковедов и общественности в целом. В этой статье автор говорит о необходимости выработки основных принципов нормативности для Интернет-языка и тщательного исследования его лексического состава, а также о необходимости принятия мер по пресечению использования на Интернет-сайтах нецензурной и некультурной лексики. Примерно в то же время в Пекине был создан первый в стране Институт сетевых коммуникаций, при котором начал свою работу департамент по исследованию Интернет-языка, начали составляться словари Интернет-языка, появились монографии и исследования по данной теме. В ответ на статью стали появляться и другие статьи, некоторые из них поддерживали дальнейшее развитие Интернет-языка, видя в нем способ обогатить и модернизировать китайский язык. Но были и критические статьи. Так, например, в августе 2000 года на странице информационного сайта «Синьланван» (新浪网) появилась статья «Интернет-сленг — разговор на непонятном языке», в которой Интернет-сленг подвергся резкой критике и которая позже была перепечатана в бумажном издании газеты. В основном нападкам подверглось масштабное использование фонетических подмен, цифр вместо слов и всевозможных сокращений, которые вызывают сложности у неопытных пользователей. В качестве контраргумента приводился тот факт, что язык является связующим звеном между народом и культурой, ее краеугольным камнем. Высказывалось мнение, что язык необходимо сохранять «в чистоте», только тогда можно сохранить «чистой» культуру. Но исследования данного феномена на этом не прекратились. В 2006 году в Университете радио- и телекоммуникаций на основе исследований Интернет-языка была защищена первая докторская диссертация, к концу 2008 года их было уже четыре.

Некоторые исследователи говорят о маловероятном негативном влиянии Интернет-языка на культуру, так как это главным образом визуальный язык, обретающий смысл лишь в определенной (виртуальной) среде, и вне этой среды не существующий. Но важно отметить следующее, выше приводились сведения десятилетней давности, и с тех пор Интернет-язык не потерял своей актуальности, но продолжает развиваться.

Сегодня ситуация несколько изменилась. Так, в мае 2011 года в Китайском молодежном журнале (中国青年报) появилась статья о том, что в провинции Хэнань были проведены исследования среди школьников младших и средних ступеней, которые выявили непрерывный рост случаев использования Интернет-языка в сочинениях учащихся. В статье также отмечается, что эта тенденция вызывает беспокойство у некоторых представителей научного мира, и некоторые высказываются о возможной новой языковой революции подобной той, что произошла в рамках «Движения четвертого мая», когда байхуа победил вэньян. Но вместе с тем пока неоспоримым остается тот факт, что Интернет-сленг — язык еще незрелый, которому предстоит пройти долгий путь развития, чтобы достигнуть уровня байхуа.

Спор о характере влияния Интернет-языка на культуру пока не нашел своего разрешения. Многие ученые поддерживают дальнейшее развитие этого языкового явления. Так профессор Юй Гэнь Юань (于根元) в своей монографии «Обзор Интернет-языка» говорит о том, что этот тип языка формируется на основе нормативного китайского языка в рамках фонетических, лексических и грамматических правил. Но все же имеет с ним существенные различия. Он также отмечает, и с ним соглашаются некоторые другие языковеды, что назрела необходимость разработки норм и правил для Интернет-языка, которые бы не сдерживали его развития, но вносили некоторый порядок и определенность [3].

Особенности Интернет-языка

Интернет-язык с позиции изложения стремится к простоте и новизне; с позиции содержания — к юмористичности и остроумию; с позиции ввода — к скорости и легкости.

В стремлении к *простоте* общепринятые фразы и обороты-клише часто подвергаются изменениям, которые могут затрагивать звуко-смысловое и графическое содержание иероглифов. При этом важно отметить тот факт, что новообразованные сочетания сохраняют связь с традиционным китайским языком и поэтому легко объяснимы. Например, слово 3Q фонетически схоже с английским словом thank you (спасибо), а 520 (Wǔ èr sān) = 我爱你 (Wǒ ài nǐ) – я люблю тебя.

Интернет уже давно перестал быть для пользователей рабочим инструментом, а превратился в подиум для самовыражения. Интернет-пользователи активно используют в общении *смешные выражения* и остроты, одни, чтобы привлечь всеобщее внимание, другие — для собственного удовольствия. Например, “菜鸟” можно перевести как птенец (дословно «зеленая птица»), так называют пользователей-новичков. По аналогии с ним можно употребить и слова “中鸟” (птица среднего полета), “老鸟” («стреляный воробей»), которые в некоторых контекстах будут звучать очень образно и ярко, или, основываясь на фонетической схожести, вместо 俊男 Jùnpán (красивый парень) использовать 菌男 Jūn nán (парень-бактерия). Также юмористический эффект создают так называемые детские выражения (童言童语), когда вместо “东西” употребляется слово “东东”, вместо “漂亮” — “漂漂”, вместо “吃饭” — “吃饭饭”.

Важной особенностью Интернет-языка является активное использование *символики*, так называемых эмодиконов, особенно передающей душевно-эмоциональное состояние адресанта. Эмодикон происходит от английского слова *emoticon*, эмодиконка, эмоци́он, чаще встречается название смáйлик, смайл (от английского слова *smiley*). Эмодикон — это пиктограмма, изображающая эмоцию. Чаще всего составляется из типографских знаков [2]. Распространение эмодикон получил в Интернете и SMS, однако в последнее время используется повсеместно. Эмодиконы обозначают интернациональные понятия, поэтому они не воспроизводят текущую речь, не отображают грамматических, фонетических и др. особенностей естественного языка. Такие знаки можно отнести к паралингвистическим средствам письменной коммуникации, или к таким средствам, которые не являются речевыми единицами, но сопутствуют последним с целью уточнения, конкретизации смысла основного сообщения. Как правило, это элементарные удобные в использовании знаки-символы, которые все же могут перегруппировываться и в более сложные символы, в зависимости от потребностей пишущего. Это неязыковые элементы и знаки препинания,

получившие по мере формирования Интернет-языка новую интерпретацию. Символика прочно заняла свое место в системе Интернет-языка, постоянно обогащается и впитывает что-то новое, но важно понимать, что какие бы трансформации и изменения она не претерпевала, нормативный язык по-прежнему играет руководящую роль.

Способы словотворчества в Интернет-языке

Можно выделить несколько способов словотворчества, которые в свою очередь делятся на традиционные и специальные. Так к традиционным способам словотворчества можно отнести следующие:

1. Заимствования из английского языка, основанные на фонетическом сходстве. Например, 荡 (dàng)= download, 稻糠亩 (dàokāng mǔ)= Dot Com, 伊妹儿 (yī mèi er)= E-mail, 恰特 (qià tè)= chat, 黑客 (hēikè)= хакер, 败 (Bài) = купить (от английского слова buy), и так далее.

2. Сокращения, в которых можно выделить сокращения форм слов, выраженных пиньинем, например, JJ= Jiejie (姐姐, старшая сестра), GG= gege (哥哥, старший брат), MM= mèimèi (принята двоякая расшифровка: 妹妹 младшая сестра или 美眉 красавица), DD= didi (弟弟, младший брат), RMB= renminebi (人民币, китайская валюта), BT= Biantai (变太 извращенец, заимствовано из японского языка), BC= Báichī (白痴, идиот). И аббревиатуры английских слов, которые уже приобрели интернациональное значение, например, BF= Boyfriend (男朋友, молодой человек), GF= Girlfriend (女朋友, подруга), GM= Game master (游戏管理员, мастер игры), PC= Personal Computer (个人计算机, персональный компьютер).

3. Семантические неологизмы. Новые значения слова появляются в языке вместе с появлением в жизни общества *новых денотатов* — предмета или понятия. Так, слово 楼主 (Lóuzhǔ): изначально — владелец здания, помещик (устар.) — с появлением Интернета приобрело новое значение — топикстартер (также LZ), то есть тот, кто начинает новую тему в чате. 水军 (Shuǐ jūn) — военно-морской флот, а в Интернет-языке так часто называют спамеров. 潜水 (Qiánshuǐ) — дайвинг (дословно переводится как ‘скрытый в воде’), в Интернет-языке применяется к человеку, который много времени проводит на форуме, но мало оставляет сообщений, иногда к т.н. «скрытым пользователям». 灌水 (Guànshuǐ) — лить воду, в Интернет-языке — тот, кто пишет бессмысленные посты. 沙发 (Shāfā) — диван, в данном случае обозначает первого, ответившего на предложенную тему на форуме, и так далее.

4. Большое распространение получило языковое смешение (как правило, английского и китайского языков, а также цифр). I 服了 U = 我服了你 (я восхищаюсь вами). А также B4 = Before (раньше, прежде), pp 滴 = pp dī (красиво, часто можно видеть как комментарий к красивой фотографии). Это происходит в силу того, что английский язык изучается в школах в обязательном порядке, а также в силу активного проникновения западной поп-культуры в страны Азии, особенно среди молодежи, которая и является основным Интернет-пользователем.

5. Фонетические подмены с давних пор были широко распространены в Китае, поэтому об этом способе словообразования можно говорить как о традиционном. Но если раньше фонетические подмены выполняли главным образом функцию табуирования, то сегодня фонетические подмены чаще играют роль юмористической детали или используются для простоты и удобства собеседников.

“你才” Nǐ cái только ты = 你猜 Nǐ cāi угадай.

“密马” Mì mǎ секретная лошадь = 密码 Mì mǎ код,
“素” Sù элемент = 是 Shì глагол-связка есть,
“点心局” Diǎnxīn jú сердечная обстановка = 电信局 Diànxìn jú электронная почта.

Особенностью Интернет-языка является активное использование в общении диалектных слов вместо нормативного пхутунхуа.

“偶” Ōu = 我 Wǒ: слово 偶 схоже по звучанию со словом, обозначающим «я» в кантонском диалекте, поэтому произошла подмена, которую китайцы легко узнают и не встречают трудностей.
“木油” Mù yóu = 没有 Méiyǒu, заимствовано из шанхайского диалекта. Слова “银” (Yín) и “淫” (Yín) пришли из северо-восточного диалекта и приобрели в Интернет-сленге значение “人”(человек). Большое количество слов заимствуется из диалектов Гонконга и Тайваня. Например, вместо 看看 часто употребляется 露露 (смотреть), 偶像 используется в значении «противно, сейчас стошнит», 潜水艇 приобрело значение «лузер, неудачник», 神童 используется в значении «сумасшедший» (ругательное).

В широком распространении диалектных форм слов проявляется стремление Интернет-пользователей стереть реальные языковые границы и барьеры, сегодня наблюдается попытка формирования единого универсального языкового пространства.

К специальным и наиболее интересным способам можно отнести использование вместо слов созвучных им цифр, причем подмене подвергаются как англоязычные формы, так и исконно китайские:

886 Bā bā liù = 拜拜了 Bàibài le (заимствование из английского языка – bay-bay, пока).

5201314 Wǔ èr língyī sān yī sì = 我爱你一生一世 Wǒ ài nǐ yīshēng yīshì (я люблю тебя одну в целом мире).

584 Wǔ bā sì = 我发誓 Wǒ fāshì (я клянусь).

8147 Bā yī sì qī = 一不要生气 Yī bù yào shēngqì (Не надо сердиться).

55646 Wǔ wǔ liù sì liù = 我无聊死了 Wǒ wúliáo sǐ le (Мне до смерти скучно!)

9494 Jiù sì jiù sì = 就是就是 Jiùshì jiùshì (именно так)

4242 Sī èr sì èr = 是啊是啊 Shì a shì a (так и есть, именно так)

13579 Yī sān wǔ qī jiǔ = 很奇怪 Hěn qíguài (очень странно)

Отдельно от этой группы стоят 100 или 10, которые обозначают 完美 (идеальный) и обозначение 007, которое используется в значении «код, пароль». Появление этих цифровых сочетаний обусловлено не их фонетическим сходством с другими словами, а экстралингвистическими факторами, в результате которых эти цифровые коды получили новое интернациональное прочтение.

Подобные подмены встречаются и в английском языке (4u = for you – для тебя, 2me = to me – мне), но не достигают такого масштабного распространения как в китайском языке.

К этой группе относятся и неязыковые элементы — эмотиконы, заимствованные из японской аниме-субкультуры, например, «:—)» выражает радость, «:(—)» — печаль и так далее. Такие символы активно используются для передачи эмоционально-чувственной окраски предложения, которую невозможно передать при письме в силу его стремления к лаконичности, а также позволяют смягчить резкость

и порой грубость сообщения. В целом знаковая система эмодзи достаточно подвижна и контекстуальна. Популярные общеупотребимые символы обычно понимаются без искажений, как в виде комбинации пунктуационных символов, так и в виде графического изображения улыбающихся, сердитых, плачущих лиц. Однако в зависимости от конвенции между коммуникантами и контекста употребления смайла, он может наделяться разными эмоциональными оттенками. Отсутствие точных значений, закрепленных за отдельными структурными элементами эмодзи приводят к субъективному толкованию этих выразительных средств [3], что определяет целый ряд их семантических особенностей:

1. *многозначность* (:-@ – вопящий, кричащий, грязно ругаться, шок, бородатый мужчина, французский поцелуй);
2. *синонимичность* (8*), (<@:0), (<|:o), (*<:o), (@<):o), (*:o), (*~<]:o)@@ – эмодзи со значением «клоун»);
3. *метафоричность* (::-), – эмодзи «тот, кто носит очки» образован при помощи метафоры: «человек в очках имеет четыре глаза»);
4. *окажизинальность* (“Ж:=)_) «У меня от смеха волосы дыбом!»).

Иконическая природа смайлов делает их семантически прозрачными. Поэтому даже человек, не владеющий в полной мере всей знаковой системой, может достаточно легко не только понять ранее не встречавшийся ему знак, но и выразить свою эмоцию нестандартным, но понятным другим способом. С одной стороны эмодзи дает возможность придавать сообщению эмоциональную выразительность, с другой – упрощает и унифицирует выразительные средства, делая их максимально общедоступными. С другой стороны у людей, постоянно контактирующих между собой, создается своя система эмодзи, которая может отличаться от уже известной. Но употребление такого же кода в ситуации общения с абонентом, с которым отсутствует аналогичная конвенция, считается неуместным. В зависимости от степени формальности общения существуют также разряд кодифицированных и не кодифицированных эмодзи. Подобные отношения регулируются правилами сетевого этикета (сетикета) и заслуживают отдельного рассмотрения. Интересны также случаи «изобретения» словесных смайлов: когда в имеющемся комплекте нет ничего подходящего, коммуниканты могут описывать смайл, который им хотелось бы употребить, словами (**смуценно тупит глаза и потирает ножкой**, **кувыркается от радости** и т.д.). В данном случае наблюдается обратный процесс имитации графического символа средствами языка.

Следует также отметить, что все эмодзи делятся на стандартные (смайлы международного стандарта) и восточные эмодзи (*каомодзи*). Графически каомодзи принципиально отличаются от международного стандарта: их не надо переворачивать для чтения, глаза являются более важным семантическим элементом, чем рот. Например, “@-@”(состояние алкогольного опьянения, шок, потеря сознания), “^ - ^”(улыбающийся кот), “T_T”(горький плач) и так далее. Благодаря всемирной популярности аниме (японская анимация) и манга (японские комиксы), на которых базируется выразительность каомодзи, восточный вариант эмодзи стал популярен и понятен во всем мире.

Интонационная окраска предложения передается также через знаки препинания, например, многократный восклицательный знак может передавать радость, восторг, желание обратить внимание, многократный вопросительный знак обычно выражает недоумение или сомнение. Значение и необходимость постановки таких знаков препинания, как правило, определяется контекстом.

Звукоподражательные слова, такие как hehe (呵呵), xixi (嘻嘻), wuwu (呜呜) также активно используются. Их основная функция оживить речь, максимально полно передать смысл, вложенный адресантом в сообщение.

Важную часть Интернет-языка составляют ник-неймы, то есть имена, которые выбирают себе каждый пользователей. Так как собеседники не могут видеть друг друга, то ник-нейм является единственным идентификатором личности, его символом. Ник-неймы выбираются в соответствии со складом характера или душевным состоянием пользователя, и могут многое рассказать о своем владельце, например, 太阳山 2350 – Гора Тайян 2350, 林海雪原 – Заснеженный лес, 百花错拳 – Сто кровавых ложных ударов, 喜之狼 – Любовь до ненависти, 雪山飞鸟 – На снежную гору взлетевшая птица и другие.

Интернет прочно вошёл в жизнь человечества, охватив практически все её аспекты, став одновременно и инструментом формирования новых культурных смыслов, и зеркалом, в котором чутко отражаются современные тенденции, динамические процессы и изменения в главенствующей культуре.

Изучить влияние компьютерной сферы вкупе с глобализационными тенденциями на культуру возможно посредством анализа трансформационных процессов в знаковой системе – ядре культуры.

Виртуальная среда вносит в язык новые термины, новые концепты, которые изменяют не только то, как мы говорим, но и то, как мы думаем. Язык Интернета мобилен, он острее реагирует на изменившуюся ситуацию, нежели язык главенствующей культуры. В ходе работы были выявлены такие особенности Интернет-языка как стремление к простоте, активное использование символики и юмористичность, а порой и саркастичность тона сообщений. Это поля для самовыражения, поэтому язык, на котором говорят пользователи отличается эмоциональностью и стремлением к самовыражению через создание новых слов и дополнительных значений у уже существующих. В силу полифонии веб-пространства, как особого коммуникативного поля, происходит чрезвычайно активное обогащение языковых форм. В то же время скудость аудиальной и невербальной выразительности провоцирует поиск компенсационных замен синтаксическими средствами. Об этом свидетельствует появление и активное распространение в сфере Интернет-коммуникации *смайла (или эмотикона)* – своеобразной идеограммы, позволяющей быстро и эффективно передать эмоции, реакцию на полученное сообщение, а также представить ответное сообщение в графическом виде. Знаковая система эмотиконов, несмотря на внешнюю простоту и универсальность, позволяет выражать чрезвычайно разнообразные эмоции и характеристики. Сообщения при этом максимально сжаты, доступны и эмоционально яркие. Употребление смайлов настолько вошло в коммуникативную привычку, что уже выходит далеко за границы веб-коммуникации, проникая во все сферы общественной и культурной жизни и в целом в образ мысли людей. Также для краткости передачи мысли используются цифры вместо слов, что основано на фонетическом подобии.

В ходе работы были также рассмотрены пути словотворчества и традиция фонетической подмены как ведущая среди них.

Поскольку Интернет-пространство является территорией без границ, широкое распространение получили диалектизмы, которые часто вытесняют пхутунхуа.

Оценить влияние Интернет-языка на нормативный язык и тем более на культуру в целом пока не возможно, но в Интернет-языке, как в зеркале, проступают

отдельные уже установившиеся черты информационной цивилизации — фрагментарность, непостоянство, интернациональность и сугубая индивидуальность. Интернет-язык еще находится в стадии формирования. Поколение, воспитанное на Интернет-культуре и использующее в общении Интернет-лексику, еще не выросло и не показало себя. Поэтому пока мы можем только спорить.

Литература

1. Краткий русско-китайский и китайско-русский словарь. — Москва, Вече, 2007, 608с.
2. Рожанский Ф.И. Точка, точка, запятая... (эмотиконы как живая семиотическая система) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.belb.net/obmen/Rozhanski.htm>
3. 于根元: “网络语言概说”, 《北京经济出版社》, 2001 年 10 月。 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://ling.cuc.edu.cn/Staff/yugen yuan/papers/wangluoyuyanchongjibo.pdf>
4. 于根元: “网络语言词典”, 《北京经济出版社》, 2001 年 6 月。 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://ling.cuc.edu.cn/Staff/yugen yuan/papers/zhengliwangluociyuderuogansikao.pdf>
5. 曾海萍 “网络语言与方言”, «文学艺术» 2009 年 8 期。 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://wenku.baidu.com/view/a0b26022aaea998fcc220e6b.html>
6. 《网络语言“说都不会话”》新浪网 2000 年 8 月 29 日。 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/channel5/569/20000829/207019.html>
7. «宽容、理性的对待网络语言» 光明网 2011 年 05 月 09 日。 [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://guancha.gmw.cn/2011-05/09/content_1937381.htm

Аксюциц М. Н.

Студентка 3 курса отделения «лингвострановедение» факультета международных отношений,

Белорусский государственный университет

ОТОБРАЖЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ В КИТАЙСКОМ ЛОГОГРАФИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ

История развития письма проходила в несколько этапов. Пиктографическое письмо — исторически первоначальный тип письменности. Почти каждый памятник пиктографического письма (пиктограмма) представляет собой сложный рисунок или же серию рисунков; рисунок этот самостоятельно передает (а не иллюстрирует) какое-либо целое сообщение. В связи с этим пиктограмма обычно отражает только содержание речи и не отражает языковые формы. Развитие пиктографического письма привело к появлению другого вида письменности — идеографического. Важнейшим отличием идеографического письма (в наиболее чистом виде — древнейшее шумерское, древнейшее китайское письмо) от письма пиктографического обычно считают условную, а не изобразительно-картинную форму идеографических знаков (идеограмм). Идеографический знак обозначает, как правило, или отдельное слово, или его знаменательную часть. В связи с таким значением идеограмм идеографическое письмо отражает речь более точно, чем пиктографическое. Наряду с содержанием речи, оно обычно передает также членение речи на слова, синтаксический порядок слов, а в ряде случаев и фонетическую сторону речи. Благодаря такому значению идеографических знаков, они более стабильны и однозначны, чем пиктограммы, образуют, в отличие от последних, устойчивые системы письма. Наряду с достоинствами, идеографическое письмо имеет недостатки. Важнейшие из них: трудность передачи при помощи идеограмм многих слов абстрактного значения и собственных тайгенов; сложность (многознаковость) таких систем письма и трудность передачи при помощи их знаков грамматических форм слов [1, с. 74-83].

Идеограммы часто называют логограммами, а идеографическое письмо логографическим [2, с. 275]. Однако синонимами эти слова являются лишь в том случае, когда мы говорим знаке, обозначающем целое слово или его основу, так как вообще понятие идеограммы шире, чем логограммы. Несмотря на то, что в современном китайском языке слово, как правило, состоит из двух иероглифов, сам иероглифический знак изначально всегда создавался как логограмма, т.е. обозначал конкретный стереотип, воплощенный в конкретном слове. Поэтому далее мы будем говорить о китайском письме как о логографическом типе письма.

Для передачи конкретных предметов во всех логографических системах, существовавших когда-либо на земле, первоначально служили реалистические или схематические изображения тех предметов или явлений, которые обозначались данными словами. Практически во всех древнейших письменностях изображения конкретных предметов совпадают или очень похожи, являются своего рода универсальными. Для нас же наибольший интерес представляют понятия и действия, не доступные чувственному восприятию, т.е. абстрактные понятия. Как отмечал Шампольон, в своих исследованиях о древнеегипетском языке, для таких понятий применялись четыре способа описания [1, с. 112]. Посредством этих способов в логографическом письме закреплялись стереотипы древних людей. Проанализировав материал, мы

пришли к выводу, что данные способы применимы не только к древнеегипетскому языку, но и ко всем логографическим письменностям, в том числе, и к китайской.

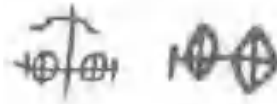
Первый способ – способ **синекдохи**, т.е. изображение части вместо целого.

Логограмма 齐 (qí) *ровный, гладкий, спокойный, одинаковый* в древности

представляла собой изображение зерен пшеницы.

Логограмма 车 (chē) *телега* представляет собой изображение связанных

между собой колёс.

Логограмма 稻 (dào) *рис* была изображением риса, который растёт в каком-то

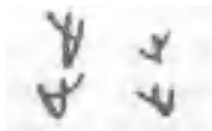
сосуде, сверху на рис льётся вода.

Способ **метонимии**, т.е. изображение причины вместо следствия, инструмента вместо изделия.

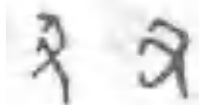

Логограмма 工 (gōng) *работа* – изображение орудия труда.

Логограмма 步 (bù) *шаг, этап* – изображение двух отпечатанных ступней.

Логограмма 丑 (chǒu) первоначальное значение *крутить, скручивать нитку*, более позднее значение *уродливый, некрасивый* – изображение пальцев с когтями.

Способ **метафоры**, т.е. изображение предмета или явления, с которым ассоциировано передаваемое слово.

Логограмма 宁 (níng) *спокойный, мирный* – изображение под крышей дома

яств.

Логограмма 友 (yǒu) *дружба* – изображение двух рук.

Логограмма 舂(chōng) *толоть, обдирать* – изображение рук, которые держат

орудие и толкут что-то в ступке.

Энигматический способ, при котором связь между словом и иероглифом была загадочной для непосвящённого и основывалась на каком-либо предании.

Логограмма 尊(zūn) *уважать, почитать* представляет собой изображение

рук, которые держат сосуд, в котором находится прах предков.

Логограмма 死(sǐ) *смерть, умирать* – изображение человека, который согну-

лся над телом покойника, поклонился ему.

Логограмма 德(dé) *нравственность, добродетель, мораль, этика* – изобраа-

жение перекрестка, глаз человека выбирает правильный путь.

Исследования логографического письма также позволяют сделать один важный вывод. В логограммах в китайском письме может быть восстановлена цепочка SAO, которая, как мы выяснили в предыдущих наших исследованиях [4, с. 179-183], является универсальной. Естественным в логограммах является и свёртка отдельных компонентов цепочки, что также является универсалией [5, с. 67-71]. Данному разбору может быть подвергнута каждая логограмма, но мы, в виду экономии времени, рассмотрим лишь самые яркие примеры.

1.

采 cǎi – *срывать, собирать*

Разбор: *когти* - инструмент, *дерево* - локус.

Кто-то(S) с помощью когтей (I) собирает, срывает (A) плоды (O) с дерева(L).

2.

参 cān – *участвовать, принимать участие, наводить справки, нано-*

сить визит

Разбор: *человек* – субъект, *звёзды* – объект.

Человек (S) глазами (I) воздействует (A) на звёзды(O).

3.

服 fú – одежда, платье, убеждать, повиноваться, **подчиняться**

Разбор: рука – медиатор (инструмент??), человек – объект

Кто-то (S) рукой (M) держит (A) человека (O).

4.

丞 chéng – помогать, ассистировать, **помощник**

Разбор: руки – инструмент, человек – объект, яма – локус

Кто-то (S) руками (I) достаёт / освобождает (A) человека (O) из ямы (L).

5.

改 gǎi – изменять, переделывать, **исправлять**

Разбор: рука – инструмент, палка – медиатор, ребёнок – объект

Кто-то (S) посредством руки (I) палкой (M) воздействует (бьёт) (A) на ребёнка (O).

Таким образом, в результате исследования китайского логографического письма мы пришли к нескольким выводам. Принципы построения логограмм, способы их изображения могут быть сведены к четырём основным способам, которые универсальны для всех логографических систем. Анализируя эти принципы, а в особенности энигматический способ, можно сделать определённые выводы о стереотипах народа, выделить его определённые психические особенности. Также результат исследования показал, что несмотря на то, что логограмма – это графическое изображение слова или его знаменательной части, тем не менее, в логограммах сохраняется универсальная цепочка SAO с естественной свёрткой отдельных участков цепи, которые могут быть восстановлены, что также доказывает изоморфизм синтаксической модели предложения и лексемы [6, с. 96-98].

Литература

1. Истрин, В.А. Развитие письма. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – 412 с.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-ое изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
3. 汉字演变五百例 (Hanzi yanbian 500 li) / 李乐毅著, - 北京: 北京语言学院出版社: 新华书店北京发行所经销 (Beijing: Beijing yu yan xue yuan chu ban she: Xin hua shu dian Beijing fa xing suo jing xiao), 1992. – 500 p.
4. Аксючиц, М.Н. Пути поднебесной: сб. науч. тр. Вып. II / редкол.: А.Н. Гордей (отв. ред.), П90 Луй Гуйчэн – Минск: РИВШ, 2011. – С. 179-183

5. Карасёва, К.В. Универбизация как одно из направлений эволюции китайского письма/К.В. Карасёва//Весті БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Психалогія. Філалогія. – 2010. – № 4. – С. 67-71

6. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.

Пыж А. С.

Студентка 5 курса специальности «лингвострановедение» факультета международных отношений,
Белорусский государственный университет

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПОЭЗИИ ВАН ВЕЯ

Значительную часть информации об окружающем мире человек получает при помощи органов зрения, поэтому цветовое восприятие того или иного предмета играет одну из основных ролей в описании его свойств. Испокон веков люди придавали большое значение цветовой символике, что нашло очень яркое отображение в литературе и искусстве.

В культурах различных народов и времен по-разному толковались значения тех или иных цветов, что связано с различными культурными, религиозными, а также природными реалиями. Например, африканские племена выделяли всего три цвета (черный, белый и красный) в качестве основополагающих, а остальные цвета считались производными от них. Язык древних греков также не отличался богатством цветовых характеристик. Однако это не означает, что данные культуры являются примитивными или недостаточно развитыми, просто эти народы мыслили несколько другими категориями, кроме того нельзя исключать совершенно другой исторический и культурный контекст, присущий только данным народам.

Особый интерес в изучении данного вопроса представляют так называемые колористические системы, в состав которых входят основополагающие цвета и производные от них оттенки. Эти системы варьируются от культуры к культуре, очень точно отображая философско-религиозную картину мира представителей разных народов.

Символика цвета в китайской культуре основана на хроматической гамме «пяти цветов» (五色, у сэ): желтый (黄, хуан), сине-зеленый (青, цин), красный (红, хун), белый (白, бай) и черный (黑, хэй). Это цвета, входящие в стройную пятеричную систему космологических представлений древних китайцев, в основе которой лежит связь сторон света и центра с целым рядом понятий. К северу (北, бэй) относятся: *первоэлемент* — вода (水, шуй), *цвет* — черный (黑, хэй), *животное-символ* — черно-красный воин, черепаха, перевитая змеей (玄武, сюань-у), *божество* — Черный государь (黑帝, Хэйди), *священная пик* — гора Хэншань (恒山) и т.д. К югу (南, нань) — огонь (火, хо), красный (红, хун), красная птица (朱鸟, чжуняо) или феникс (凤凰, фэнхуан), Красный государь (赤帝, Чиди), гора Хэншань (衡山), к западу (西, си) — металл (金, цзинь), белый (白, бай), белый тигр (白虎, байху), Белый государь (白帝, Байди), гора Хуашань (华山). К востоку (东, дун) — дерево (木, му), зеленый (青, цин), сине-зеленый дракон (青龙, цинлун), Сине-зеленый государь (青帝 Цинди), гора Тайшань (泰山). К центру (中, чжун) земля (土, ту), желтый (黄, хуан), единорог (麒麟, цилинь), Желтый владыка (黄帝, Хуанди), гора Суншань (嵩山).

Гамма «пяти цветов» 五色 начала складываться уже в XIV-XI вв. до н.э., О

чем свидетельствуют находки приборов для красок 图录 (ту лу). Это бронзовые предметы квадратной формы с четырьмя углублениями по углам, дополненные в некоторых случаях круглым отверстием посередине. В углублениях сохранились остатки красок, достаточные для проведения химического анализа по их реконструкции.

По мнению исследователей, цвета 五色 обязаны своим происхождением «культурным и естественно-географическим реалиям древнего Китая» [10, с. 627]. Желтый цвет 黄 передает лёссовые почвы, являющиеся главной природной особенностью районов бассейна реки Хуанхэ, с которыми ассоциируется Центр. Цвет 青, передающий и зеленые, и синие цвета, восходит к цвету древесной растительности, что совпадает и с его космологической семантикой (цвет Востока и весны), и с древнекитайскими природными реалиями (девственные лесные массивы в нижнем течении реки Хуанхэ, провинция Шаньдун). Цвет 红 ассоциируется с солнцем и огнем. Возможно, он был также связан с почвами-красноземами, характерными для природы южных регионов Китая (районы бассейна реки Янцзы). По поводу происхождения цвета 白 существует несколько точек зрения. Предполагается, что он восходит либо к цвету рисовых зерен (осенний урожай), либо к снежным вершинам гор, образующих Цинхай-Тибетское нагорье, которое находится к западу от собственно Китая. Цвет 黑, несомненно, восходит к воде, конкретно — к уходящему вдаль потоку Хуанхэ, делающей луку к северу (северо-западу) от центральных регионов Китая (Великой Китайской равнины).

Таким образом, в системе цветовой семантики отражается мифологическая, религиозная и философская картина мира того или иного народа. Особо яркое выражение это находит в литературных произведениях, особенно в поэзии, где лишь несколькими фразами необходимо передать точное описание события или свойств предмета.

Среди всей плеяды талантливых мастеров «золотого века» китайской лирики Ван Вэй 王维 представляется наиболее подходящим примером. Его поэзия многогранна и разнообразна по форме и содержанию. В стихах Ван Вэя чувствуются отзвуки и «Чуских строф» (楚辞, «чу цы»), и древних народных песен, стихов Тао Юаньмина (陶渊明 (365—427)) (например, одно из ранних произведений поэта «Баллада о персиковом источнике») и его современников. Он писал и «старые стихи» (古诗, «гу ши») с их более свободной формой, и отточенные «стихи современного стиля» («цзинь ти ши», 近体诗) — с четким и стройным чередованием при- сущих китайским словам музыкальных тонов.

Из созданных Ван Вэем более 1000 стихотворений сохранились лишь 400 произведений. В основном, поэт писал пятисловные четверостишия ("цзюэцзюй", 绝句) и восьмистишия ("люйши", 律诗).

Поэзия Ван Вэя также отличается тематическим разнообразием. Среди основных тем можно выделить:

1. Тему дружбы, так называемые поэтические послания к друзьям.
2. исторические темы;
3. бытовые зарисовки;
4. размышления о старости;

5. тема расставания с близким человеком;
6. произведения автобиографического характера (например, его известный цикл «пограничных стихов»);
7. стихи о развлечениях столичной знати и др.

В целом, автор в своих произведениях затронул практически все темы, волновавшие его предшественников и современников.

Но центральной темой его творчества по праву можно считать описание природы. Поэт известен прежде всего как мастер «поэзии гор и вод» (山水诗). Тема природы в китайской поэзии имеет многовековые традиции, восходящие еще к «Шицзину». Она представлена в «Чуских строфах» и в прозопоэтических одах «фу» с их пышными описаниями, в поэзии III-IV веков, но самостоятельное значение приобретают лишь с V века — в творчестве поэта Се Линъюня, который считается истинным основоположником жанра пейзажной поэзии в чистом ее виде.

В творчестве старшего современника и друга Ван Вэя поэта Мэн Хаожаня (689-740) пейзажная лирика достигает подлинной зрелости и высокого совершенства. В стихах Мэн Хаожаня, в их образах и настроении, уже немало общего со стихами Ван Вэя, который испытал влияние поэзии своего старшего друга и, несомненно, был многим ему обязан. Помимо открытий Мэн Хаожаня, пейзажная лирика Ван Вэя вобрала в себя достижения многих других предшественников поэта, органично усвоив весь многовековой опыт старой поэзии. Стихи Ван Вэя полны "перекличек" с «Чускими строфами» и песнями «юэфу», с поэзией Тао Юаньмина и Се Линъюня, они изобилуют скрытыми и полускрытыми «цитатами», искусно обыгрываемыми в новом контексте. Именно в этой области Ван Вэй достиг вершины мастерства, создав ряд замечательных циклов стихотворений, посвященных описаниям красоты природы.

Наиболее известным сборником является цикл «Река Ванчуань», написанный поэтом уже в конце жизни. Это цикл из двадцати стихотворений, воспевающих уголки местной природы, - итог своеобразного дружеского состязания Ван Вэя с поэтом Пэй ди, создавшим ответный поэтический цикл с теми же названиями составляющих его произведений.

Поэзии Ван Вэя свойствен особо внимательный и пристальный взгляд на природу, который не был характерен ни для его предшественников, ни для современников. Философия чань-буддизма, которую Ван Вэй исповедовал, а также даосская философия Лао-Цзы и Чжуань-Цзы учили его видеть в природе высшее выражение естественности, высшее проявления сути вещей. Для истинного поэта природы нет тем больших и малых, нет картин высоких и низких, нет мелочей.

Отсюда та при сущая Ван Вэю любовь к «крупному плану» в изображении картин природы, к тем «мелочам», мимо которых нередко проходили прежние поэты и художественное воссоздание которых стало одним из высших завоеваний ванвэевской поэзии.

Нетрудно заметить, что поэтический мир Ван Вэя — это мир, увиденный и изображенный не только истинным поэтом, но и зорко видящим художником. Ван Вэй и был художником, причем — насколько можно судить по отзывам современников и немногим сохранившимся копиям с его картин - художником не менее значительным, чем поэт. В одном из поздних и «итоговых» своих стихотворений он сам полушутя-полусерьезно говорит, что в прошлом своем перерождении был скорее всего художником, а не поэтом.

Ван Вэй считается основоположником так называемой «южной школы» в китайской буддистской живописи, к которой, по словам исследователя, "условно говоря, относятся те мастера, которые предпочитали тушь многокрасочности, эскизную свободную манеру — педантичной и описательной, выражение сути (идеи) вещи — ее конкретной достоверности и, наконец, не сюжетом и бытописанием были связаны с литературой, а сложной системой ассоциаций» [9, с. 201]. Осмысляя слова древнего философа Лао-цзы о том, что «Пять цветов притупляют зрение, а пять звуков притупляют слух», Ван Вэй пришел к созданию монохромных зимних пейзажей, в которых отчетливее всего выступают два цвета — белый и черный. Написанный в единой тональности, его пейзаж построен на ритмической гармонии и равновесии всех элементов композиции. Ему же приписывается и знаменитый трактат «Тайны живописи» — одно из основополагающих сочинений по теории живописи, оказавшее большое влияние на последующее развитие теории и практики живописи в Китае. В трактате «Тайны живописи», вдохновенно воспевающим единство природы и человека, художник изложил способы раскрыть тайны ее гармонии: «Среди путей живописца тушь простая выше всего. Он раскроет природу природы, он закончит деянья творца ... Весна или лето, осень, зима рождаются прямо под кистью. Порой на картине всего лишь в фут пейзаж он напишет в тысячу верст». Сочинение это, написанное превосходной, высокопоэтической ритмической прозой, можно также рассматривать и как своеобразный комментарий к пейзажной лирике Ван Вэя, где образы поэтические по большей части трудно отделить от образов чисто живописных. Не случайно крылатыми стали слова поэта Су Ши: "Наслаждаюсь стихами Моцзе, — в стихах его — картины; гляжу на картины Моцзе, — в картинах его — стихи". Действительно, пейзажная лирика Ван Вэя удивительно живописна, «картинна» в лучшем смысле этого слова. Классическим примером может опять служить цикл «Река Ванчуань», где большинство стихотворений (за исключением нескольких, заполненных историческими и мифологическими ассоциациями) представляют своего рода живопись в слове — или картины, выполненные словом.

В своих произведениях Ван Вэй очень красочно изображает природные пейзажи, его стихотворения, словно «живые» картины, моментально вызывают в воображении читателя образы природной красоты. Поэт активно использует цветовую символику для передачи того или иного ощущения.

Если говорить об общих закономерностях употребления наименований цвета в творчестве Ван Вэя, то можно отметить, что поэт зачастую использует символику цветов сине-зеленой гаммы. Наиболее часто употребляемые цвета: 1) 翠 бирюзовый (например, в стихотворении «В горах» (山中) используется сочетание 空翠 (kong1 cui4) беспредельная (необъятная) синь (обр. о небе); зачастую цветом 翠 передается изумрудно-зеленая трава, зеленый покров, зелень); 2) 青зеленый, сине-зеленый, часто употребляется сочетание 青山 ("зеленые горы"). Вероятно, активное употребление цветовой символики сине-зеленой гаммы объясняется тем фактом, что сам Ван Вэй был приверженцем чань-буддизма, а в буддизме синий цвет почитается, как цвет Высшего разума и духовного просветления. (В буддийской мандале (схеме Вселенной) синий цвет занимает центральное положение).

Широко используется в описаниях природы белый цвет 白, особенно что касается описания неба (а точнее, облаков). Часто в стихотворениях о расставании с близким человеком (например, 送别 «Расставание» и 敬湖 «Озеро И») используется поэтический образ белых облаков 白云.

Ван Вэй также использует красные 红 и зеленые 绿 цвета (например, в стихотворении «Девушка из Лояна» 洛阳女儿行 красные персики и зеленая ива 红桃绿柳). Сочетание красного (символ мужского начала 阳) и зеленого (символ женского начала 阴) обладают эротической символикой. Это один из излюбленных приемов среди китайских поэтов, которым не позволялось открыто писать о любви.

Таким образом, на примере непревзойденного мастера слова танской эпохи можно увидеть, что использование цветовой символики в китайской лирике является отражением как общих тенденций, присущих китайской поэзии в целом, и космологических представлений китайского народа, так и философско-религиозных предпочтений самого автора.

Исследование цветовой символики (на примере литературных произведений или данных мифологии и религии) является неотъемлемой частью изучения той или иной культуры. Потому что оно помогает глубже проникнуть в суть национальной картины мира и более детально изучить традиции и обычаи народа.

Литература

1. Серов Н.В. Античный хроматизм. - СПб.: Лисс: Риц, 1995. - 477 с.
2. Три танских поэта / Пер. А.И.Гитовича. Сост. и примеч. Г.О.Монзелера. Вступит. статья Н.И.Конрада, С.5-31. - М.: Изд. вост. лит., 1960. - 494 с.
3. Ван вэй. Стихотворения / Пер. с китайского А.Гитовича. - М.: Гослитиздат, 1959. 145 с.
4. Ван Вэй. Стихотворения. - М.: Худож.лит., 1979. - 237 с.
5. Китайская пейзажная лирика / Под общ.ред. и с предисл., с. 5-32, И.С.Лисевича. - М.: Изд.дом «Муравей-Гайд», 1999. - 317 с.
6. Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая. - СПб.: Азбука-классика, 2004. - 768 с.
7. Цвет и свет в художественном произведении : Межвуз. сб. научн. тр. Сыктывкар: СГУ, 1990. -125 с.
8. Дагданов Г.Б. Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя. - Новосибирск: Наука, 1984.
9. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., «Искусство», 1975.
10. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5т./ ГЛ.ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост.лит., 2006. - Мифология, религия. 2007. - 869 с.
11. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. - Смоленск: Русич, 2003. - 464 с.
12. Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. Перевод с англ. Фесюн А.Г. - М.: Профит Стайл, 2008. - 272 с.
13. Цвет и свет в художественном произведении. Межвуз.сб.научн.тр. / Сыктывкар.гос.ун-т ИМ.50-летия СССР; [Редкол.: Т.Я.Гринфельд (отв.ред.) и др.]. - Сыктывкар: СГУ, 1990. - 125 с.
14. Ван вэй. Река Ванчуань. - СПб.: Кристалл, 2001. -798 с.
15. 古代汉语字典／张双棣, 陈涛主编。—北京：北京大学出版社, 1998.

Пузиков Е. М.

Студент 4 курса специальности «лингвострановедение» факультета международных отношений,

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ КОМБИНАТОРНОЙ СЕМАНТИКИ

Анализ языков с различными типологическими характеристиками в рамках теории процедурального представления предметных областей [1] показал, что создание рабочей системы машинного перевода зависит от решения двух ключевых задач:

- формирования достаточно большого словаря-тезауруса для описания модели мира;
- алгоритмированного представления вводимых данных в виде переменных.

Прежде всего, стоит отметить, что нас интересует создание не просто словаря с огромным набором языковых пар (такие словари уже существуют и активно используются в статистическом машинном переводе), а словаря типа «текст-смысл-текст», где основное внимание уделяется самостоятельному адекватному описанию модели мира машиной. И здесь мы сталкиваемся с такой важнейшей характеристикой естественного языка, как смысловая неэксплицитность, которую невозможно раскрыть языковыми средствами, но которая легко восстанавливается людьми на основе знаний об окружающем мире. Естественный язык в отличие, например, от компьютерных (алгоритмических) формировался во многом стихийно, не формализованно. Это и обуславливает целый ряд сложностей в понимании текста, вызванных неоднозначным толкованием одних и тех же знаков в зависимости от контекста, который, в принципе, может быть и неизвлекаем из самого текста. Поэтому явная экстралингвистическая информация о предметной области должна быть представлена в системе, если не для понимания фраз естественного языка, то хотя бы для направленного поиска информации, запрашиваемой пользователем. Именно поэтому при создании тезаурусов целесообразным видится использование интегрированного семантического классификатора, который бы являлся центром осуществления операций на семантическом уровне, за которыми следовало бы «навешивание» языковой оболочки на семантический каркас текста. Таким образом, может быть установлена связь между собственно языковыми и когнитивными структурами.

На сегодняшний день вопрос создания компьютеризированного тезауруса еще далек от завершения, хоть введение материала (языковых пар) в систему не составляет серьезных затруднений. Помимо необходимости интегрирования семантического компонента в имеющийся лингвистический базис словаря, серьезную проблему составляет также и необходимость постоянно обновлять базу данных тезауруса, ведь язык – это живая система, которая развивается очень быстро: постоянно появляются новые слова, новые употребления старых слов, и, вместе с новыми сущностями, новые значения. Создание и поддержание в рабочем состоянии баз данных слов – процесс трудоемкий и зачастую требует специальных навыков. Тем не менее, для организаций, переводящих большие объемы текстов в четко-определенной тематической сфере, машинный перевод с помощью человека оказывается достаточно экономичной альтернативой традиционному человеческому переводу.

Несмотря на определенные успехи применения интеллектуальных систем пе-

ревода в научно-технической и деловой сферах жизни человека, добиться адекватного машинного перевода текстов, например, художественного стиля, до сих пор пока не удалось никому. В идеале машинный перевод должен осуществляться для текстов на любом языке любого стиля и содержания. В этих условиях определяющим структурным свойством алгоритмов перевода становится их устойчивость к произвольным входным данным, но в силу сложности языка как знаковой системы, а также частого смешения языка и метаязыка, создание непротиворечивого алгоритма ввода-вывода данных весьма затруднено [2, с. 19].

Именно поэтому в основу алгоритмов, выполняющих перевод, должны быть заложены два ключевых принципа: использование максимально формализованного языка в качестве метаязыка описания языковых структур [3, с. 13] и применение иерархического подхода, разделяющего процесс перевода на взаимосвязанные операции над разными единицами анализа.

Специфика метаязыка как средства описания языковой системы при переводе заключается в необходимости математического моделирования сложного процесса отображения индивидами модели мира, т.е. имитации работы человека-переводчика. Для осуществления машинного перевода компьютером используется специальная программа-код, реализующая алгоритм перевода, под которым понимается последовательность однозначно и строго определенных действий над текстом для нахождения переводных соответствий в данной паре языков при заданном направлении перевода (с одного конкретного языка на другой). При создании алгоритма необходимо применять именно семантическую, а не логическую формализацию, поскольку в случае с переводом естественных языков речь идет о структуризации знаковых систем (в противном случае мы бы использовали несвойственные семантике методы исследования). Формализация семантики позволяет выработать универсальное средство выражения общих черт специфических структур – средство, которое было бы применимо при представлении любого знания вне зависимости от формы его выражения [4, с. 53–54].

Основываясь на выводах, сделанных нами в работе «Процедуральное представление предметных областей на примере китайско-русских лексических соответствий» [1], мы предлагаем выделение следующих этапов обработки информации, поступающей в систему при переводе:

1. Ввод текста и поиск входных словоформ во входном словаре (словаре языка, с которого производится перевод) с сопутствующим морфологическим анализом, в ходе которого устанавливается принадлежность данной словоформы к определенному знаку.

2. Грамматический анализ, ведущий к определению основных грамматических (морфологических, синтаксических, семантических и лексических) характеристик элементов входного текста; параллельное проведение и семантического анализа (выделение семантического ядра и периферии знаков, описание языковых единиц в терминах комбинаторной семантики, определение ролей индивидов, отображаемых в языковых структурах), отделение однозначных языковых единиц от многозначных с дальнейшим переводом по спискам эквивалентов (с использованием контекстологических словарей, адекватно описывающих терминологическую систему предметной области).

3. Синтез языковых знаков на выходе в соответствии с полученным семантическим «каркасом» сообщения, основу которого составляет цепочка акций индивидов ситуации. Описание ситуации средствами языка перевода, окончательное формирование переведенного текста.

Методы организации больших баз данных достаточно хорошо разработаны, но для перевода более важно правильно структурировать информацию, которая приписывается элементам базы данных. Поэтому на наш взгляд, в системе также необходимо выделить различные уровни (например, знаков, их сочетаний, уровень простых предложений и уровень сложных предложений). Процесс анализа на разных уровнях должен быть связан, а сам процесс перевода – основываться на взаимодействии и обмене синтезируемыми и наследуемыми признаками. Такое устройство алгоритмов позволяет использовать разные формальные методы для описания алгоритмов разных уровней. Например, языковой знак, являясь единицей лексического уровня (и в случае входного, и в случае выходного языка), в индоевропейских языках описывается как совокупность основы (семантическое ядро) и формантов (метасемантика), при этом семантическое ядро нескольких знаков-гипонимов находит свое отражение в обобщающем знаке-гиперониме, а существующие метасемантические различия – в используемых формантах [1]. Это обеспечивает возможность, с одной стороны, распознавания входных знаков и анализа входной морфологии и, с другой стороны, удобного синтеза выходных знаков по их морфологической информации (основа, тип знакоизменения и адрес формантов в массиве формантов данного типа). Таким образом, если ввести правила преобразования входной морфологической информации в выходную морфологическую информацию, можно добиться осуществления перевода на морфологическом уровне.

Уровень сочетаний знаков рассматривает структуры более сложные, поэтому на данном уровне при анализе необходимо основываться на формальных сетевых грамматиках и соединять группы в синтаксические единицы, каждая из которых характеризуется синтезированной структурной информацией и главным элементом группы. По входной структуре, полученной в терминах непосредственных составляющих, вместе с синтезированными признаками формируется выходная группа как набор лексических единиц со значениями морфологических признаков, которые могут наследоваться исходя из результатов анализа группы.

Анализ простых предложений как структур, состоящих из синтаксических единиц, выполняется на основе фреймовых предикатных структур, которые позволяют эффективно выполнять преобразования. Языковая единица с глагольной семантикой считается для простых предложений главным элементом и его валентности определяют заполнение соответствующего фрейма [5]. Для каждого типа фреймов существует некоторый закон преобразования в выходной фрейм и оформление актантов. Таким образом, осуществляется перевод на уровне предложений. Следует отметить, что при анализе сложных предложений возникают дополнительные задачи (например, требуется согласование времен знаков с глагольной семантикой), успешное решение которых в итоге завершается переводом совокупности предложений, наделенных смыслом – текста. Таково общее описание иерархической структуры системы машинного перевода, которое, с нашей точки зрения, может упростить анализ машиной представленного для перевода языкового фрагмента.

По мере распространения информационных технологий, все больше и больше людей считает актуальным пересмотр вопроса о построении такой универсальной знаковой системы, которая фиксировала бы всеобщие языковые структуры и при этом оставалась независимой от предметных областей. Ясно, что она должна быть представлена исходным множеством знаковых примитивов с заданным в этом множестве набором операций. На основе принимаемой таким образом системы становится возможным построение универсаль-

ного кода, применимого в любой предметной области для описания любой ситуации и решения любой задачи. Используя результаты сопоставительного языкознания, общей теории перевода, теории закономерных соответствий и способов представления знаний, можно добиться не только оптимизации и совершенствования лингвистических алгоритмов операций над данными, но и создания полной и непротиворечивой базы знаний, используемой без привязки к определенной предметной области. Решение подобной задачи позволит не только автоматизировать производственные процессы во многих сферах человеческой жизни, но и сделать качественный скачок в науке, что намного важнее, ведь взаимопроникновение различных направлений научного познания всегда приводило к поразительным результатам, открывая все новые и новые возможности для развития человеческого потенциала.

Литература

1. Пузиков, Е. М. Процедуральное представление предметных областей на примере китайско-русских лексических соответствий / Е. М. Пузиков // Пути Поднебесной: сб. научн. тр. Вып. II / редкол.: А.Н. Гордей (отв. ред.), Лу Гуйчэн (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2011. – С.189-193.
2. Белоногов, Г. Г. Языковые средства автоматизированных информационных систем / Г. Г. Белоногов, Б. А. Кузнецов. – Москва: Наука, 1983. – 288 с.
3. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск: БГУ, 1998. – 156 с.
4. Мартынов, В. В. В центре сознания человека / В. В. Мартынов. – Минск: БГУ, 2009. – 272 с.
5. Мартынов, В. В. Семиологические основы информатики / В. В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1974. – 191 с.

**ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ОПЫТ И УСПЕХИ
СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ»**

СЕКЦИЯ 1 «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЯ»

Клімовіч Г. І.

*Аспірантка кафедры філасофіі культуры, факультэт філасофіі і сацыяльных навук,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт*

МІСІЯНЭРСКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ КАТАЛІЦКІХ СВЯТАРОЎ У КІТАІ (І ПАЛ. XX СТ.)

Мэта дадзенага артыкула – асвятленне гістарычных сувязей паміж Кітайскай Народнай Рэспублікай і Рэспублікай Беларусь на прыкладзе жыцця, творчасці і місіянерскай працы беларускіх каталіцкіх святароў: а. Фабіяна Абрантовіча, а. Язэпа Герамановіча, а. Тамаша Падзявы, а. Антонія Ляшкевіча, а. Казіміра Найловіча і іншых прадстаўнікоў беларускага каталіцкага руху ў Харбіне. Першая палова дваццатага стагоддзя прадстаўляе сабой перыяд, у які інтэнсіўна ажыццяўляліся рэлігійныя сувязі паміж прадстаўнікамі дадзеных нацый. Адначасова трэба адзначыць недастатковую распрацаванасць прапанаванай праблемы ў айчыннай гістарыяграфіі, таму артыкул прадстаўляе сабой спробу асэнсавання гэтых падзей у гісторыі XX ст. Змест нарысу закранае два аспекты: а) пытанне ад’езду беларускіх святароў у Кітай; б) непасрэдна аналіз місіянерскай працы беларусаў у Кітаі, абмежаванай горадам Харбінам.

Харбін у паслярэвалюцыйныя гады быў вялікім эмігранцкім прытулкам нязгодных з палітыкай бальшавізму былых прадстаўнікоў Расейскай Імперыі. І каталіцкая і праваслаўныя канфесіі мелі на тэрыторыі Кітая шмат прыхільнікаў і добра развітую царкоўную структуру. Так, напрыклад, а. Язэп Германовіч у працы “Кітай-Сібір-Масква” апісвае пазіцыі каталіцкай царквы ў Харбіне ў першай палове XX ст. наступным чынам:

“Лік католікаў ува ўсім Кітаі дасягаў 5-ці мільёнаў, біскупаў кітайцаў было ўжо пару дзесяткаў, адзін кардынал, святароў было больш за 2000. Каталіцкая школа мела ў Кітаі выдатнае месца. Пры кожнай місіі абавязкова закладалася пачатковая школа, у якой пераважна вучыліся законьніцы кітайкі. У гарадох, дзе працавала большая місія, місіянеры стараліся адчыняць сярэднія школы. У Пэкінзе паўстаў каталіцкі ўніверсітэт, які вялі законьнікі Вэрбісты: тут асабліва славіўся хімічны факультэт. У Цянтзіне мелі ўніверсітэт Езуіты: тут быў таксама іхні музей. І ў Шангаі мелі Езуіты ўніверсітэт: тут быў выдатны медычны факультэт, астранамічная, сейсмаграфічная і мэтэаралёгічная станцыі – мэтэаралёгія Вялікага акіяну і басэйн ракі Ян-тэ-Кіянг... Пры каталіцкіх місіях бывалі амбуляторы і шпіталі, а таксама прытулкі для сірот” [1, с. 16].

У той жа час а. Язэп Германовіч адзначае досыць слабую пазіцыю праваслаўнай царквы, нягледзячы на спрыяльныя стартавыя пазіцыі (Албазінская місія):

“Такім чынам праваслаўная царква залажыла свой трывалы фундамент будучай місіі ў Кітаі. Гадавалася таксама з даўнейшых албазінцаў праваслаўнае духавенства. Аднак, трэба прызнацца, што праваслаўная місійная праца, хоць вялася пад апекай магутнай і багатай Расеі, не набрала размаху і ад сваёй албазінскай базы адыходзіла недалёка. А пасля рэвалюцыі 1917 года стала заняпадаць. Чаму так? Трудна на гэта адказаць. Нам здаецца, што трэба было ўзяцца за місію духавенству манаскаму або закладаць спецыяльныя сямінарыі для духавенства нежанатага з назначанай мэтай місійнай. Гэтак здарзіўся-б місійны дух – агонь Хрыстовы. І яшчэ нас дзівіла, што пасля рэвалюцыі, калі масы праваслаўнага духавенства перабягалі

з Расей у Манджурыю і калі шмат між імі знайшлося беспрацоўных, дык не аказалася зь іх ані ініцыятараў, ані кандыдатаў да місійнай працы паміж кітайцамі” [1, с. 17].

У сваю чаргу а.Расціслаў Калупаеў у артыкулы, прысвечаным з’яўленню эмігранцкіх калоній на тэрыторыі Кітая, дае наступныя звесткі:

“Афіцыйны ватыканскі статыстычны штогоднік “Annuario Pontifico” падае звесткі аб стварэнні ў Харбіне 20 сакавіка 1928г. ардынарыята для расейскіх католікаў бізантыйска-славянскага абраду. Пранікненне расіянаў у межы Кітая было звязана з будаўніцтвам у 1897-1903 гг. Кітайскай Усходняй Чыгункі. У 1898 г. па патрабаванню імператара Мікалая II Раманава (1868-1918) быў закладзены горад Харбін, які будаваўся па спецыяльнаму праекту, распрацаванаму архітэктарамі ў Санкт –Пецярбургу. Потым пасля рэвалюцыі 1917г. і грамадзянскай вайны, вайсковыя фармаванні адмірала Калчака (1874-1924) папоўнілі рускую калонію ў Кітаі, бежанцоў суправаджалі сем’і, шмат раненых і хворых. Па статыстыцы тых гадоў колькасць былых падданных былой Расійскай Імперыі ў Кітаі: 150 000 ў Манчжурыі, з іх у Харбіне – 75 000, Шанхаі – 16 000, Тяньцзіне – 5 000, Мукдзене – 2 000 чалавек. Акрамя этнічных рускіх, сярод далёкаўсходняй дыяспары з’явілася вялікая колькасць палякаў, літоўцаў, якія стваралі свае рымска-каталіцкія прыходы, аформілася украінская дыяспара, былі беларусы, грузіны, армяне мелі свой храм, татары і чачэны будавалі мячэць, габрэі – сінагогу” [2].

Такім чынам трэба адзначыць перадумовы да стварэння атмасферы талерантнасці і верацярпімасці ў Харбіне. Факты сведчаць, што ўжо ў 1922 г., задоўга да прыбыцця ў Кітай аднаго з асноўных дзеячоў беларускай каталіцкай місіі а.Фабіяна Абрантовіча, у якасці сваеасаблівай мадэлі аб’яднання каталіцызма і праваслаўя ў Харбіне існавала першая грэка-каталіцкая супольнасць пад кіраўніцтвам былога праваслаўнага протаіерэя Канстанціна Кароніна. Відавочца тых падзей Віктар Ёласаў (фон Вальденберг) у сваіх запісах паведамляе:

“5/18 студзеня 1925г. айцец Іаан правёў у мясцовым каталіцкім храме лацінскага абраду першую ўсяночную, а 6 студзеня – літургію – пры вялікім зборы праваслаўных і католікаў... За літургіяй узгадавалася імя Ёсяленскага архіерэя Папы Пія XI, мітрапаліта Андрэя Шэпціцкага і Патрыярха Ціхана” [2].

Пасля смерці Івана Кроніна унійнае жыццё ў Харбіне не спынілася. Засталіся паслядоўнікі яго справы: архімандрыт Мікалай Аляксееў, іерэй Захар Кавалёў, дыякан Юры Гіц. Аднак, адзначаецца, што архімандрыт Мікалай Аляксееў пераехаў у Шанхай, а Захар Кавалёў і Юры Гіц ня мелі дастатковага навуковага патэнцыялу, таму ў 1928г. папскі прэстол дасылае ў Кітай беларускага прадстаўніка – а.Фабіяна Абрантовіча [2]. “Хрысціянская думка” за 1929г. паведамляе: “Я.Е. Архімандрыт Ф.Абрантовіч, Беларусь, назначаны Св. Айцом на кіраўніка Усходняга Каталіцкага касцёла ўва ўсім Кітаі, асеў у Харбіне і прыступіў да сваіх біскупскіх абавязкаў” [3, с. 8].

З вышэй прыведзенага матэрыялу можна зрабіць выснову, што сама атмасфера Харбіна была ўжо ў духоўным плане падрыхтавана да унійнай дзейнасці. Тут працавалі беларускія святары а.Антоній Ляшчэвіч, пралат Васіль Астроўскі. Надалей да іх далучыліся наступныя каталіцкія святары візантыйскага абраду: 23 мая 1932г. у Харбін прыбылі іераманах Язэп Германовіч, законнік Антоні Аніськовіч, восенню 1935г. іераманахі Казімір Найловіч і Тамаш Падзява [4, с. 20].

Вышэй пазначыная асобы былі добра адукаванымі і падрыхтаванымі да місіянерскай працы. Так а.Фабіян Абрантовіч (1884-1946) быў знаным грамадскім і культурным дзеячом, філосафам, публіцыстам. Магістр тэалогіі (Пецярбургская

духоўная акадэмія, 1910), доктар філасофіі (Лувэнскі каталіцкі універсітэт, 1914). На момант прыбыцця ў Харбін творчая спадчына а. Абрантовіча, акрамя шэрагу артыкулаў на старонках “Божым шляхам” налічвала некалькі тэалагічна-філасофскіх трактатаў: “Ньюман і мадэрнізм”, “Касьцёл і навука”, “Чалавек”, “Бог”. Аўтар праводзіў асветніцка-культурную і адраджэнцкую дзейнасць, некаторы час працаваў пры манастыры марыянаў у Друі [5, с. 6].

Трэба адзначыць, што некаторыя даследчыкі інтэрпрэтавалі ад’езд а. Фабіяна Абрантовіча ў Кітай як палітычную справу, спробу заапаветніць развіццё беларускага нацыянальнага руху. Напрыклад а.Чэслаў Сіповіч у біяграфічным нарысе, прысвечаным памяці а.Фабіяна Абрантовіча, адзначае:

“На вялікі жаль а.Фабіян Абрантовіч быў вельмі каратка ў Друі, бо ўсяго два гады. У 1928 г. ён быў пакліканы Апостальскім Пасадам у Харбін для кіравання, або лепш кажучы для арганізавання новастворанае там епархіі для католікаў расейцаў у бізантыйска-славянскім адрадзе. Хто і чаму пастараўся пераканаць папу Пія XI, што а.Фабіян ёсць неабходным для працы сярод расейцаў на Далёкім Усходзе ў Харбіне, а Друя і беларусы могуць абыйсціся без яго, адгэтуль нам ня ведама. Атрымаўшы ад гэнэрала Айцоў Марыянаў з Рыму і ад Апостальскага Нунцыя з Варшавы назначэнне ў Харбін, ён паміма свае волі і неахвоты шматлікіх беларусаў згадзіўся на той цяжкі шлях, які скончыўся толькі разам з мучаніцкай смерцю” [4, с. 15].

А. Антоні Ляшчэвіч (1890-1943) - яшчэ адна з выдатных фігур беларускага каталіцкага руху, залічаны да бласлаўлёных пасля прыняцця разам з вернікамі мучаніцкай смерці ў вёсцы Росіца. Скончыў Пецербургскую духоўную семінарыю (1914) і адразу пасля высячэння працаваў на расійскіх тэрыторыях. Праводзіў місіянерскую працу ў Іркуцку, Чыце. З 1917 г. знаходзіўся на тэрыторыі Маньчжурыі. А з 1920г. стаў вікарыям парафіі Св. Станіслава ў Харбіне [5, с. 211].

А. Язэп Германовіч (1890-1978). Вядомы беларускі паэт, публіцыст і настаўнік. Займаўся асветніцкай і грамадскай дзейнасцю. Менавіта пярэ а. Язэпа Германовіча належа твор “Кітай-Сібір-Масква”, у якой часткова распаўядаецца гісторыя працы беларускіх святароў у Кітаі і іх далейшы лёс.

Казімір Найловіч (1904-1986). У біяграфіі а. Казіміра Найловіча трэба адзначыць яго нястомную грамадскую і адукацыйную працу на карысць Бацькаўшчыны. У 1935г. абараніў доктарскую дысертцыю ў Грыгарыянскім універсітэце (Ватыкан). А. Казімір Найловіч з’яўляўся аўтарам цыклу артыкулаў “Лісты з Рыму”, удзельнікам 31-га еўхарыстычнага кангрэсу, які праходзіў у Ірландзіі (Дублін) [5, с. 272].

Тамаш Падзява (1906-1975). У працы, прысвечанай жыццёвым і творчым шляхам беларускіх рэлігійных дзеячоў “Беларускі рух хрысціянскі” маецца характэрыстыка асобы а.Тамаша Падзявы: “філосаф, сацыёлаг, настаўнік і публіцыст” [5, с. 334]. Трэба адзначыць, што а. Тамаш Падзява меў ступень доктара філасофіі, якую атрымаў падчас студый у Грыгарыянскім універсітэце. Ужо ў пасляваенны перыяд на эміграцыі з-пад пярэ а.Тамаша Падзявы выйшла тэалагічная паэма “Дзем’ян або як людзі пачалі верыць у Бога”, прысвечаная тамісцкаму доказу існавання Абсалюту ад мэтанакіраванасці.

Такім чынам, паводле прыведзеных дадзеных можна зрабіць выснову, што прадстаўленыя рэлігійныя дзеячы, якім было накіравана садзейнічаць развіццю каталіцызма ўсходняга абраду на абшарах Кітая, былі прадстаўнікамі беларускай інтэлігенцыі, актыўнымі ўдзельнікамі беларускага адраджэння, якія ня толькі

працавалі на адукацыйна-грамадскай ніве, але пакінулі пасля сябе багатую творчую спадчыну. З гэтага вынікае, што ад’езд святароў у Харбін можна разглядаць двухбакова: па-першае, гэта ўзмацненне пазіцый каталіцкай царквы на Далёкім Усходзе; па-другое, страта для беларускага адраджэнцкага руху, які быў пазбаўлены шэрагу актыўных грамадскіх і культурных дзеячоў, шматлікія з якіх прычыніліся да працы ў “Крыніцы”, “Божым шляхам”, працы на карысць беларусаў у Друйскім марыянскім манастары і г.д. Невядома, ці наўмысна праводзілася такая палітыка беларускіх святароў, але факты яскрава сведчаць, што дадзеная з’ява дрэнна паўплывала ня толькі на сам рух адраджэння, але і на беларускую філасофска-грамадскую думку. Занятая місіянерскімі справамі ў Харбіне, беларускія святары ўжо ня мелі столькі часу на працу на карысць Радзімы. З гэтага часу і да пачатку другой сусветнай вайны іх дзейнасць была сфакусавана на патрэбах місіі ў Харбіне і мэтах далейшага распаўсюджвання і папулярызацыі каталіцызму візантыйскага абраду на абшарах Кітая.

Што датычыцца непасрэдна беларускай місіянерскай працы ў Харбіне, яе можна падзяліць на некалькі накірункаў, якія раўнаважна прадстаўленыя ў дзейнасці святароў. Дадзеныя вектары: адукацыйны, у тым ліку ўтварэнне і дзейнасць ліцэя Св. Мікалая ў Харбіне; асветніцкі, які знайшоў увасабленне ў выданні на працягу 1931-1939 гг. часопісу “Каталіцкі веснік” - рупара беларускага святарства на Далёкім Усходзе і тэарэтычны – абгрунтаванне ідэалагічнага аспекту місіянерскай працы, быў распрацаваны ў творчасці а.Фабіяна Абрантовіча. Вынікі схематычна прадстаўленыя ў нарысы “Аб місійным апостальскім духу” і зачытаны на канфэрэнцыі айцоў-марыянаў у чэрвені 1939 г. [4, с.15].

На жаль, тэкст не захаваўся ў поўным абыме, фрагменты тычацца пытання праблемы азначэння апостальскага місіянерскага духу і яго сутнасці. А. Фабіян Абрантовіч не разглядае этымалогіі дадзенага паняцця, але прыводзіць канкрэтныя прынцыпы, на якіх ён павінны быць пабудаваны:

“Што такое – апостальскі місійны дух? Руплівасць у пашырэнні Божлага Валадарства. Абавязак кожнага, тымбольш законніка да апостальскае місійнае працы вынікае: а) з прыказання любові Бога і бліжняга; б) з прыкладу Хрыста. Кожны хрысціянін – паводля Сьв. Васілія – ёсць другім Хрыстом; в) кожны ахрышчаны і мірапамазаны ёсць апосталам і рыцарам Хрыста, як кажа Тэртуліян; г) у Старым Запавеце аб’яўлена: “І даў прыказ і кожнаму адносна свайго бліжняга” (Экліз. XVII, 12) – гэта датычыць збаўлення душы бліжняга; д) Царква апошнім часам вымагае, каб кожны вернік прымаў удзел у ерархічна зарганізаванай працы Царквы для пашырэння валадарства Хрыста (Каталіцкая акцыя)” [4, с. 18].

З вышэй прыведзенага урыўка вынікае, што асноўная сутнасць апостальскага місіянерскага духу заключаецца ў т.зв. свецкім апостальстве – г.зн. кожны вернік, незалежна ад таго мае ён духоўны сан, або ёсць асобай свецкай, павінны быць носбітам місіянерскай працы. Ход рэфлексіі аўтара адсылае да “Каталіцкай акцыі” – сусветнага аб’яднання, дзейнасць і прынцыпы якой былі папулярныя ў паслярэвалюцыйны час як сярод польскіх, так і беларускіх веруючых, якіх аб’ядноўвала арганізацыя “Польская акцыя каталіцкая”. Сябры дадзенага ўтварэння актыўна праводзілі асветніцкую працу сярод веруючых. Мэтамі “Каталіцкай акцыі” былі ўспрыняцце вернікамі асноўных прынцыпаў сацыяльнай праграмы каталіцкай царквы, папскіх энцыклік, пашырэнне грамадскай базы каталіцкай царквы, актыўны ўплыў на палітычнае асяроддзе [6, с. 11].

“А дзе сутнасць апостальска-місійнага духу кожнага законніка (тым самым і кожнага марыяніна)? 1) У шуканні на першым месцы Богага валадарства (вера, пабожнасць). 2) У захоўванні законнае дысцыпліны. 3) У хрысціянскай мудрасці (веда і разважнасць). Усё гэта выказана добра ў Марыянскіх канстытуцыях. Да 1-га: “Шукайце перш Богага Валадарства і Яго справядлівасці, а ўсё іншае будзе вам дадзена.” “Шукайце” – трэба заўважыць, што Ісус ня ўжыў іншага слова, прыкладам “жадайце, старайцеся зразумець”, але шукайце, гэта значыць, накіроўвайце свае крокі, ідзіце ў дарогу, будзьце заўсёды дзейнымі, старайцеся, змагайцеся, так-жа ўжывайце ваших сілаў і здольнасцяў, будзьце гвалтоўнікамі, бо Валадарства Божае церпіць гвалт і гвалтоўнікі яго вырываюць; Богага валадарства трэба патрабаваць, трэба браць яго з боем” [4, с. 18].

Такім чынам, з вышэй прыведзенага факталагічнага матэрыялу вынікае наступнае тэарэтычнае апірышча, якое фундаментальна пазіцыю а.Фабіяна Абрантовіча адносна місіянерскай дзейнасці: актыўны дзейны пачатак, сфармуляваны ў распаўсюджванні адказнасці за місіянерскую працу ня толькі на духоўных асоб, але і на светскіх вернікаў, увасоблены ў пошуку Богага Валадарства, заснаванага на мудрасці і дысцыпліне.

Трэба адзначыць, што на шляху сваёй дзейнасці а.Фабіян Абрантовіч сустракаў шмат перашкодаў. Так у адным з лістоў а.А.Цікоце ён піша:

“Мне тут не да настальгіі... Хунхузы (бандыты) нападаюць у белы дзень на памешканні; іх заўсёды трэба спадзявацца. Езуіты ў Шанхаю не пазваляюць (ня глядзячы на мае просьбы) майму архімандрыту Мікалаю правіць імшы ў лацінскіх касцёлах. Рым грошай ня прысылае. Жульля кругом поўна. Кантактаў навязаць не магу; у цэркаўку ніхто ня ходзіць; словам усё як трэба – труднасьцяў вышэй галавы” [4, с.17].

Тым не менш, у далейшым місіянерская праца беларускіх святароў мела канкрэтныя вынікі: афармленне епархіі, будаўніцтва царквы, гімназіі з інтэрнатам для хлопцаў, выданне часопісу “Каталіцкі веснік”, заснаванне расійскага дома марыянаў.

Асобна трэба адзначыць вышэй названы часопіс “Каталіцкі веснік”, які стаў голасам прадстаўнікоў беларускага каталіцызму візантыйскага абраду на Далёкім Усходзе. А.Фабіян Абрантовіч адразу акрэсліў мэты дадзенага часопісу:

“1) Даваць арыгінальныя або запазычаныя творы хрысціянскага сьветагляду, прыймаючы як аснову навучаньне старадаўняе Рымскае Царквы, Маці і Настаўніцы ўсіх Цэркваў; 2) знаёміць расейскае грамадства з падзеямі ў каталіцкім свеце наагул; 3) унікаць уселякае палемікі, а зьвяртаць увагу на пазітыўныя факты, якія гавораць самі за сябе... Палітычна мы вышэй уселякае палітыкі; у значэнні нацыянальным, мы нацыяналісты ў хрыстовым духу, гэта значыць мы ня прызнаём ні шавіністычных, ні інтэрнацыянальных крайнасцяў” [4, с. 17].

Тэматычнае поле даследаванняў дадзенага часопісу сфармулявана тэмамі каталіцызму і уніі, этычнай праблематыкай: Аўтарству А.Фабіяна Абрантовіча належаць наступныя артыкулы: “Кароткі нарыс рускага каталіцкага руху” (№ 2, 1931), “Кароткі нарыс рускай каталіцкай царквы да Мангольскага нашэсця” (№8, 1932), “Кароткі нарыс рускай каталіцкай царквы ад Мангольскага перыяду да нашых дзён” (№10, 1932), “Папскія пасланні веры аб адзінстве веры і абрадавай разнастайнасці” (№3, 4, 1934) [5, с. 9]. А.Найловічу Казіміру - “Першыства св. Апостала Петра ў аспекце богаслужбовых славянскіх кніг” (№3-4, 1937) [5, с. 273];

а.Тамашу Падзяве - “Рэлігійна-маральныя чытанні ў Харбіне” (№5, 1936), “Два выпрабаванні” (№6-7, 1936) [5, с. 335].

Важным вектарам працы каталіцкай місіі ў Харбіне была адукацыйна-апякунская дзейнасць над сіротамі. Так а. Язэп Германовіч ва ўспамінах адзначае:

“Ахвяры савецкіх налётаў і разгрому Трохрэчча – разбітыя сем’і, бедныя і абрабаваныя, па адным і групамі прыбывалі ў Харбін. Здараліся выпадкі, што хлапчукі без апекі, самі без білетаў даяжджалі да гораду і туліліся на вуліцах беспрытульна. І нямала такіх звярталася да нашай Місіі, просячы помачы і прытулку. Місія, ня маючы сродкаў, мусіла адчыніць інтэрнаты і школы для дзяцей бяздомных і бедных. Паўсталі тры інтэрнаты-школы: епархіяльная – для хлопцаў, пасья названая “Ліцэй сьв. Мікалая”, і для дзяўчат – СС.Уршулянак і СС.Францішканак... Школы мелі праграму, уложаную паводля даўнейшых гімназіяў, з мовай выкладовай расейскай; выкладаліся такжа мовы ангельская і кітайская” [1, с. 19].

А. Сіповіч ў артыкулы, прысвечаным біяграфіі а.Фабіяна Абрантовіча, адзначае, што на 1939г. у ліцэі св. Мікалая працавала 27 настаўнікаў і 160 вучняў [4, с. 17].

Такім чынам відавочна, што місіянерская праца беларускіх каталіцкіх святароў праводзілася ў напрамках асветніцкага, апякунскага і богаслужбовага, што адлюстравалася ў наяўнасці царквы, дзіцячых прытулкаў і адукацыйных устаноў. Адначасова праз друкаваныя ворган місіі “Каталіцкі веснік” да насельніцтва даводзіліся асноўныя прынцыпы хрысціянскай рэлігіі, знаёмства з біяграфіямі святых, ідэі уніі – як асноўнага аб’ядноўчага прынцыпу. Паспяховая дзейнасць святароў была абумоўлена фактарам папярэдняй моцнай пазіцыі каталіцкай царквы ў дадзеным рэгіёне. Беларуская каталіцкая місія аказвала моцны ўплыў на культурную і грамадскую сферы жыцця Харбіну, але дзейнасць яе была спыненая ў 1948г., а самі святары перададзеныя ў СССР.

Літаратура

1. Германовіч, Я. Кітай – Сібір – Масква / Я.Германовіч – Спб. “Неўскі прасьцяг”, 2003. – 300с.
2. Колупаев, Р. Экзархат для католіков візантыйскага обряду в Китае, 1928-1949гг / Р.Колупаев // Католики византийского обряда в России [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.rkcvo.ru/node/391>. – Дата доступа: 20.11.2011.
3. З рэлігійна-касцёльнага жыцця // Хрысціянская думка. – 1929. – № 2. – С. 8.
4. Сіповіч, Ч. Айцец Архімандрыт Фабіян Абрантовіч / Ч.Сіповіч // Божым шляхам. – 1957. - № 76-81. – С.9-20.
5. Garbinski, J. Białoruski ruch chrześcijański XX wieku // J. Garbinski, J. Turonek. – Warszawa, 2003. – 510s.
6. Цітавец, А.А. Акцыя каталіцкая / А.А. Цітавец // Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. / гал. рэд. Г.П. Пашкоў. – Мінск, 2001. – с.11.

Гордей Е. А.

Студентка 2 курса отделения «лингвострановедение» факультета международных отношений

Белорусский государственный университет

ПОЛИТИКА РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ КНР

Преобразования, которые проводятся в Китайской Народной Республике в течение последних тридцати лет, помогли добиться больших успехов в экономике и на международной арене. Они получили название **политики реформ и открытости** (改革开放 *Гайгэ кайфан*). Эта программа экономических реформ нацелена на создание так называемого социализма с китайской спецификой и открытость внешнему миру.

Цель социалистической модернизации – выведение Китая к середине XXI в. на уровень среднеразвитых государств по производству товаров на душу населения и достижение на этой основе благосостояния всех граждан. **Путь модернизации** – ускоренный экономический рост, качественное обновление экономики и повышение ее эффективности за счет развития научно-технического потенциала и высоких технологий.

Программа экономической модернизации КНР методами рыночной экономики при доминировании общественной собственности на средства производства была предложена Дэн Сяопином. Она сложилась в середине 70-х – начале 80-х годов прошлого века в ходе претворения в жизнь принятого руководством КНР курса на осуществление четырех модернизаций: сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники [1].

Причины реформ. Экономика была подорвана политикой "Большого скачка" (1958-1960 гг.) и "Великой пролетарской культурной революцией" (1966-1976 гг.). Из-за угрозы голодной смерти росло недовольство среди крестьян.

Российский ученый доктор исторических наук В.Г. Гельбрас в статье, посвященной тридцатилетней эпохе "реформ и открытости" Китая, выделяет пять этапов обновления страны: 1-й этап охватывает период с 1979 по 1984 гг.; 2-й – с 1984 по 1992 гг.; 3-й – с 1992 по 2002 гг.; 4-й – с 2002 по 2007 гг.; 5-й этап начался в 2008 г. [2].

Из-за обширности данной темы основное внимание нами было сосредоточено на модернизациях, которые произошли в сфере сельского хозяйства и промышленности.

Первый этап. После отставки «банды четырех»⁶⁵ новое руководство КПК не имело какой-либо программы по дальнейшему развитию Китая. Экономика была подорвана. Из-за угрозы голодной смерти росло недовольство среди крестьян.

⁶⁵ «Банда четырех» – наименование левацкой политической фракции КПК, в состав которой входили четыре руководителя Коммунистической партии Китая, пришедшие к власти во времена Культурной революции 1966-1976, а впоследствии обвиненные в серии преступлений. Членами группировки являлись: Цзян Цин, последняя жена Мао Цзэдуна и лидер фракции, и её ближайшие сподвижники Чжан Чунъюя, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь. «Банда четырех» успешно контролировала деятельность властных органов КПК на последних этапах Культурной революции, действуя от имени Мао Цзэдуна. «Банда четырех» вместе с дискредитированным маршалом Линь Бяо были объявлены двумя опаснейшими контрреволюционными силами "Культурной революции" и официально обвиня-

Осенью 1978 г. крестьяне народной коммуны в уезде Фэнъян (провинция Аньхой) приняли решение о разделе земли по дворам. Цель их состояла в том, чтобы изменить характер землепользования, оставаясь при этом арендаторами земли. Так были сделаны первые шаги по введению системы подворного подряда. Крестьянское движение первоначально не было поддержано в центре. Реформаторы, включая самого Дэн Сяопина, во многом находились под влиянием традиционных представлений о том, каков должен быть социализм, и всякое отступление от этих принципов воспринимали как покушение на его устои. Однако реальные результаты аньхойского эксперимента, которые привели к быстрому росту производства и ликвидации угрозы голода, заставили местное руководство, а затем и партийных руководителей в центре по-другому взглянуть на ситуацию. Летом 1979 г. секретарь парткома провинции Аньхой Вань Ли посетил деревню, где хозяйствовало смельчаки, не побоявшиеся гнева начальства, и остался доволен результатами эксперимента. Одной из первых провинций, где при поддержке местного руководства использовали опыт аньхойского эксперимента, стала Сычуань, а затем он стихийно распространился и на другие регионы страны. Осознав преимущества новых форм хозяйствования, руководство в Пекине приняло решение об использовании новой системы и в остальных провинциях Китая. Эта политика была встречена крестьянством с энтузиазмом и явилась первым шагом в утверждении принципов «социализма с китайской спецификой» [3, с. 715].

Новая организация общественных отношений на селе была принята в 1982 г. и получила название «доведение производственных заданий до отдельного двора» (или система семейного подряда). Ее суть состояла в том, что в результате раздела земель крестьяне, которые прежде находились под прямым хозяйственным контролем народных коммун, получили на правах личного пользования участки земли, в ряде случаев принадлежавшие им до коллективизации. После получения земельного участка крестьянский двор заключал договор с руководством производственной бригады, представлявшей интересы государства. Контракт не ограничивал крестьян в области хозяйственного использования земли, оговаривал величину сельскохозяйственного налога, и обязательную продажу государственным органам части урожая. Все излишки оставались в распоряжении крестьянского двора и могли использоваться в соответствии с желаниями самого крестьянина и в зависимости от рыночной конъюнктуры. Значительное повышение закупочных цен, также стимулировали земледельца увеличивать сельскохозяйственное производство.

В начальный период земельной реформы срок контракта был непродолжительным, однако по мере реформирования производственных отношений пришло понимание того, что это обстоятельство делает крестьян не заинтересованными в результатах своего труда. Были приняты решения, по сути дела, разрешавшие переход земли в наследственное владение, также были сняты прежние ограничения на наем батраков и владение современной сельскохозяйственной техникой. "Коммуны", большие и малые бригады были распущены. Проведенные реформы создали основы для формирования системы фермерского хозяйства, ориентированного на рынок, но ведущегося на арендованной у государства земле. Результаты этих, ради-

лись во всех беспорядках, происходивших в годы революции. Тем самым современная КПК переложила на них ответственность за неудачи "Культурной революции" [Материал из Википедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%E0%ED%E4%E0%F7%E5%F2%FB%F0%E5%F5>].

кальных с точки зрения традиционных представлений о социализме, мер не замедлили сказаться – начался рост урожайности и эффективности сельскохозяйственного производства. Уже к середине 80-х гг. урожай превысил 400 млн. т, что было заветной, но недостижимой ранее целью. Эти беспрецедентные изменения сопровождались и ростом доходов крестьян: через пять лет после начала аграрных преобразований они выросли примерно в три раза [3, с. 719-720].

В сфере международной деятельности КНР проводилась «политика открытых дверей», разрешавшая торговлю с зарубежными странами и прямые иностранные инвестиции [9]. Для того чтобы облегчить и стимулировать этот процесс, руководство КНР пошло по пути образования «специальных экономических зон», превратившихся в «островки» капитализма внутри китайской экономики, где продолжали преобладать социалистические методы экономического управления. Наиболее крупной и известной «специальной экономической зоной» стал район Шэньчжэнь, расположенный на границе с Гонконгом. На основе современных зарубежных технологий и с помощью иностранного капитала, прежде всего средств так называемых хуацяо – проживавших за границей китайцев, здесь строились современные предприятия вначале легкой промышленности, затем электроники. Продукция, произведенная в «специальных экономических зонах», предназначалась преимущественно для экспорта, однако она все более и более становилась важным резервом пополнения внутреннего рынка КНР. Разумеется, иностранные предприниматели, вкладывая деньги в экономику Китая, руководствовались не только патриотическими чувствами. Их, прежде всего, привлекала низкая стоимость рабочей силы, а также льготный налоговый режим, установленный в «специальных экономических зонах». Встав на путь организации «специальных экономических зон», руководство КНР рассчитывало не только обеспечить пополнение валютных резервов страны, но и превратить эту «очаговую» индустриализацию в исходный пункт модернизации всей экономической структуры страны [3, с. 720-721].

Второй этап. В 1984 г. ставится задача стратегического роста экономики страны: в четыре раза увеличить ВВП к концу столетия и обеспечить вхождение КНР в состав ведущих экономик мира [4].

На очередном пленуме ЦК КПК в октябре 1984 г. было принято решение о проведении экономической реформы. Провозглашался переход к планово-рыночной системе под девизом "план – главное, рынок – вспомогательное". Суть реформы состояла в сокращении государственного управления предприятиями и постепенном отходе от привычной системы директивного планирования. При сохранении государственной собственности предприятия получали права максимально широкой самостоятельности в рамках хозрасчета. Они могли самостоятельно определять число занятых, оплату труда и материального стимулирования, включая и установление цен на производимую продукцию [3, с. 721-722]. Также госпредприятиям было позволено выпускать сверхплановую продукцию и самостоятельно реализовывать ее на рынке. Вводилась "двухуровневая" система цен: государственных (плановых) и договорных (рыночных) [4]. Все эти нововведения неизбежно вели к перераспределению управленческих функций – они все более переходили из рук партийных секретарей к слою технократов, для которых главной целью становилась экономическая эффективность. Наряду с этим были предприняты первые шаги по акционированию

госпредприятий [3, с. 721-722]. Мелкие и средние предприятия разрешено было сдавать в аренду, передавать в собственность трудового коллектива [4].

Второй этап также характеризуется подъемом сельскохозяйственного производства (в 1984 г. собраны максимальные урожаи основных культур), повышением благосостояния населения, оживлением хозяйственной жизни. Создаются совершенно новые отрасли тяжелой и легкой промышленности [4].

Проведение в жизнь этих преобразований привело к достижениям, существенно повысившим общеэкономические показатели. За период 80-х гг. среднедушевой доход в Китае вырос в два раза, что свидетельствовало о выходе страны из отсталости [3, с. 722].

Тем не менее, экономическая реформа сопровождалась усилением инфляции, ростом безработицы, удорожанием продуктов питания. Все это вызвало недовольство населения и рост демонстраций, наиболее крупная из которых произошла в 1989 году на площади Тяньаньмэнь в Пекине и была подавлена войсками, поэтому 1989-1992 гг. экономическое развитие страны затормозилось.

Третий этап. В 1992 г. руководство КПК снимает установку на "планово-товарную" экономику. Страна переходит к строительству "социалистической рыночной экономики" и реализации стратегии экспортно-ориентированной экономики [4].

Этот этап характеризуется стимулированием притока иностранного капитала. Повсеместно возникают особые районы по производству экспортной продукции, где концентрируются прямые иностранные инвестиции и куда направляется преобладающая часть национальных капиталовложений. Выдвигается лозунг "Идти вовне!", т.е. внедряется специфическая экономическая модель роста, которая основана на максимально возможных инвестициях в основной капитал, форсированном расширении экспортного производства, изъятии средств из сельского хозяйства, использовании низкой стоимости рабочей силы при предельном ограничении социальных расходов на образование, здравоохранение, социальное страхование и социальное обеспечение [2].

Начинается экспорт капитала. Государство ограничивает поддержку сельского хозяйства, увеличивает изъятие ресурсов из аграрного сектора.

Сформулирована программа реформирования государственного сектора экономики, в соответствии с которой происходит реорганизация неэффективных предприятий, с помощью таких методов, как банкротство, расформирование, а в некоторых случаях и слияние государственных компаний, висевших тяжким грузом на бюджете правительства. Из 300 тыс. государственных предприятий было постановлено отобрать 500, обеспечивавших примерно 40% потребностей внутреннего рынка. Именно сюда следовало направить основной поток правительственных инвестиций и осуществить акционирование с размещением акций на внутреннем рынке КНР и за рубежом. Программа реформы государственного сектора экономики предусматривала, в том числе, целый ряд мер, нацеленных на то, чтобы смягчить неизбежные социальные конфликты, которые должны были стать ее следствием [3, с.734-735]. Речь шла о создании систем социального страхования и социального обеспечения, ликвидации многих политико-экономических и социальных барьеров между предприятиями разных форм собственности, между населением города и деревни. Крестьяне получили возможность поиска работы в городах, в результате чего возникли мощные миграционные потоки внутри страны [4].

Новый этап экономических преобразований принес как некоторое оздоровление структуры и эффективности экономики, так и новые проблемы. Вскоре стало очевидно, что принятые меры давали выигрыш наиболее современным и эффективным компаниям, в то время как реорганизация проблемных предприятий не всегда сопровождалась появлением новых структур, удовлетворяющих требованиям экономической эффективности [3, с. 734-735].

Четвертый этап. В ноябре 2002 г. состоялся XVI съезд КПК, на котором был подтвержден курс на развитие многоукладной экономики «рыночного социализма» в соответствии с формулой «два – без всяких колебаний», что означало решительное укрепление государственного сектора, отбросив все сомнения в необходимости развития «необщественного сектора». Частный сектор экономики в решениях съезда был охарактеризован как «важная часть социалистической рыночной экономики», было подчеркнуто значение крупного фермерского хозяйства [3, с. 735].

Во время четвертого этапа продолжает реализовываться стратегия «Идти вовне!» и наращивается экспортный потенциал. Значительную долю экспорта образуют обычные товары и продукция, произведенные по заказам на переработку сырья, материалов, сборку изделий на базе импортных комплектующих и т.п. Доля высокотехнологичных и новых видов продукции, по официальной статистике, за 2000-2005 гг. в значительной мере благодаря предприятиям с иностранным капиталом в экспорте, возросла с 25% до 43%, в импорте достигла почти 41%. Способность создания собственных видов высокой и новейшей техники и технологии остаются весьма ограниченными [2]. Развитие промышленности сковано из-за неразвитого внутреннего рынка, отсутствия мощного внутреннего спроса.

Вступление КНР в ВТО вызвало изменения в развитии промышленности, ее экспортной ориентации. Китай, испытывавший дефицит многих ресурсов и добывавшийся доступа к мировым рынкам, официально перешел к "транснациональному хозяйствованию", формированию транснациональных корпораций, зарубежных активов, сбыту в другие страны сырья и продукции. Один из важных шагов в этом направлении стал договор с членами АСЕАН о создании в течение десяти лет зоны свободной торговли [4].

Еще с середины 90-х годов XX века велась работа по созданию "системы современных предприятий". Ее цель и содержание состояли в потребности их преобразования из ячеек единого государственного планового хозяйства в самостоятельные хозяйствующие структуры, находящиеся в собственности государства. В марте 2003 г. был сформирован Госкомитет по контролю и управлению государственным имуществом в составе Госсовета КНР. Его подразделения были образованы на уровне провинций и во многих городах. В компаниях и на крупных предприятиях, где государство оставалось единственным или основным собственником, учреждаются советы директоров и другие органы управления, призванные принимать самостоятельные решения по организации управления хозяйственной деятельностью, обеспечению контроля, повышению эффективности производства. Проводятся конкурсы на замещение руководящих постов в компаниях и на крупных предприятиях, где участвуют как отечественные, так и иностранные специалисты [4].

Государство активно освобождается от части мелких, средних и неэффективных предприятий, сосредоточивая свое внимание на хозяйствующих структурах с годовым объемом дохода от основной деятельности в 5 и более млн. юаней. Они получили наименование "сверхнормативных". За 1998-2007 гг. их количество в промышленности увеличилось почти в два раза. Быстро выросло количество частных

"сверхнормативных" предприятий (в 2007 г. на долю частного сектора пришлось 51.5% "сверхнормативных" промышленных предприятий, из них почти 53% произвели 23.2% валовой продукции) [4].

Как отмечает В.Г. Гельбрас в статье "Тридцатилетие эпохи "реформ и открытости" в Китае", 2002-2007 гг. стали периодом оценки достигнутых успехов, периодом анализа сложившихся проблем, противоречий и выработки стратегических направлений дальнейшего развития общества и государства. В эти годы постепенно выработывалось несравненно более широкое, в ряде отношений комплексное, видение решений, способных обеспечить успешное развитие Китая.

Пятый этап. В настоящее время экономический рост Китая обеспечивается за счет иностранных инвестиций и экспорта. Однако экономика Китая по-прежнему характеризуется отсутствием стабильности и сбалансированности. Доля в национальном ВВП слишком мала, уровень занятости, эффективность использования ресурсов также слишком низки, это свидетельствует о том, что экономический рост может быть непродолжительным [5, с. 27]. В результате главные усилия китайского руководства направлены на трансформацию модели экономического развития – основной задачи XI пятилетки (2006-2010 гг.), ставшей еще более актуальной после экономического кризиса 2008 года. Премьер Госсовета Вэнь Цзябао на всемирном экономическом форуме "Летний Давос-2010" отметил: "В настоящий и ближайший периоды мы будем прилагать главные усилия по следующим направлениям: отстаивать равномерное внутреннее и внешнее развитие, а также создавать на долгую перспективу механизм расширения внутреннего спроса, особенно потребительского". Однако в процессе трансформации модели экономического развития не было достигнуто больших успехов. В 2009 г. прирост экономики, который осуществлялся, главным образом, благодаря крупномасштабным инвестициям, в частности правительственным капиталовложением, составил 9,1%. По мнению У Цзинляня, научного сотрудника Исследовательского центра по вопросам развития при Госсовете КНР, основная причина неудачи в том, что правительство взяло на себя слишком много функций в области экономического строительства и сохранило слишком большую власть при распределении ресурсов [6, с. 24].

С 2008 года в целях противодействия глобальному финансовому кризису в стране приняты комплексные меры по расширению внутреннего спроса, включая реализацию программ продажи бытовой техники, автомобилей и мотоциклов в сельской местности. По статистике Министерства коммерции КНР, к концу 2010 года в рамках этих программ в сельских районах было продано 114 млн. единиц бытовой техники общей стоимостью 241,8 млрд. юаней. Крестьянам предоставлялись субсидии на приобретение 17,92 млн. единиц автомобилей и мотоциклов [7].

Среднегодовой прирост темпов развития экономики Китая в 2006-2010 годах составил 11,2% [8].

Центральное рабочее совещание по проблемам экономики страны выдвинуло на 2011 год шесть главных задач: усиление и совершенствование макрорегулирования, обеспечение умеренного и здорового развития экономики; усиление регулирования экономической структуры, повышение качества и эффективности экономического развития; укрепление фундамента для развития сельского хозяйства, расширение пространства для внутреннего спроса; углубление реформы экономической структуры, увеличение движущей силы экономического развития; стимулирование умеренного роста экспорта, обеспечение платежного баланса; обеспечение и улучшение благосостояния народа, обеспечение социальной стабильности [9, с. 27].

Для того чтобы трансформировать модель развития, опирающуюся на экспорт и инвестиции, в модель, где потребление выступает в качестве основной движущей силы, правительство КНР в XII пятилетке (2011-2015 гг.) предусмотрело меры по стимулированию потребления в Китае, а именно: внедрение системы социального обеспечения; предоставление помощи сельским семьям в повышении доходов; создание масштабной обслуживающей отрасли.

Эти меры также должны помочь в достижении трех целей: сократить сбережения превентивного характера; построить гармоничное общество; привлечь большую рабочую силу [5, с. 27].

Результаты реформ на 2010 г. С начала проведения реформ средние ежегодные темпы экономического роста составили около 9,8%. В 2010 г. Китай занял 2-е место в мире по объему ВВП (6,48 трлн. долл.), а экспорт достиг 1581 млрд. долл. [10]. Общий объем валютных резервов КНР превысил \$3,2 трлн. в 2011 г. [11]. В настоящее время Китай является одним из самых динамично развивающихся и наиболее привлекательных инвестиционных рынков мира. Этому способствует дешевая рабочая сила (на страну приходится 25% мировой рабочей силы) и развитая производственная база. Прямые иностранные инвестиции в 2011 г. составили 86,68 млрд. долл.

Китай стал примером того, как продуманная политика руководства может за относительно короткий промежуток времени вывести огромную страну в число наиболее динамично развивающихся государств мира.

Литература

1. Духовная культура Китая в 5 т. / Гл. редактор М.Л. Титаренко. – М.: Восточная литература, 2009. – Т.4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. – 935 с.
2. Гельбрас, В.Г. Новая стратегия Китая / В.Г. Гельбрас // [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.iaas.msu.ru/res/lomo06/econ/gelbras.htm>. Дата доступа: 10.05.2011.
3. История Китая: Учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ; Изд-во "ОНИКС 21 век", 2004. – 752 с.
4. Гельбрас, В.Г. Тридцатилетие эпохи "реформ и открытости" в Китае / В.Г. Гельбрас // Мировая экономика и международные отношения [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.finanal.ru/006/tridtsatiletie-epokhi-reform-i-otkrytosti-v-kitae>. – Дата доступа: 10.05.2011.
5. Роуч, Стивен. 2011 год: мировая экономика и вызовы Китаю / Стивен Роуч // Китай. – 2011. – № 2. – С.26-27.
6. Ю, Шаньшань. 2011 год – начало нового пути / Ю Шаньшань // Китай. – 2011. – № 2. – С.23-24.
7. Китай: в период 11-й пятилетки среднегодовой прирост розничного оборота потребительских товаров составил 18,1 процента / Канцелярия Советника по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики в Украине [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://ua2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/201103/20110307438577.html>. – Дата доступа: 09.05.2011.
8. Чаплыгина, М. Среднегодовой прирост ВВП Китая за 2006-2010 годы составил 11,2% / М. Чаплыгина // РИА Новости [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20110305/342440114.html>. – Дата доступа: 10.05.2011.

9. Ю, Шаньшань. Новое направление экономической политики Китая / Ю Шаньшань // Китай. – 2011. – №1. – С.26-29.

Политика реформ и открытости / Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Реформы_в_Китае. Дата доступа: 10.05.2011.

10. Экономика Китайской Народной Республики / Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Китайской_Народной_Республики. Дата доступа: 20.10.2011.

11. Общий объем валютных резервов КНР превысил \$3,2 трлн [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/finances/financesnews/85302-obschiy-obem-valyutnyh-rezervov-knr-prevysil-32-trln.html>. Дата доступа: 05.10.2011.

**СЕКЦИЯ 2 «ЭКОНОМИКА КИТАЯ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»**

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ

Согласно официальным данным, по состоянию на конец 1990-х годов Китай располагал приблизительно 95 млн. га обрабатываемых земель. С одного участка нередко снимают три и более урожаев за два года, а в бассейне р. Янцзы – ежегодно два урожая. В Южном Китае многие поля дают по три урожая основных сельскохозяйственных культур или до пяти урожаев овощей в год.

За период с 1952 по 1957 общая площадь под сельскохозяйственными культурами выросла на 11%, однако впоследствии несколько сократилась благодаря более интенсивному использованию сельскохозяйственных угодий и получению с них нескольких урожаев. Таким образом, потери пахотных земель и сокращение площадей посевов были с лихвой компенсированы. Средняя урожайность всех зерновых культур в период с 1950 по 1997 существенно возросла: пшеницы – в 5 раз, кукурузы – почти в 4 раза, риса – в 3 раза. Повышение урожайности произошло в основном после 1975 в связи с большей доступностью азотных удобрений. В настоящее время в Китае в среднем вносится более 240 кг удобрений на 1 га посевной площади.

В 1970-е годы Китай закупил за рубежом более 12 современных химических заводов по производству мочевины. Вместе со значительно менее эффективными небольшими отечественными предприятиями, производящими преимущественно углекислый аммоний, эти заводы в 1992 поставили почти 16 млн. т. азотных удобрений, что превратило Китай в крупнейшего производителя этого основного элемента питания растений.

В результате приватизации земля в коммунах была поделена между семьями и обрабатывается на основе семейного подряда. Вначале земля отдавалась в аренду на короткий срок (1-3 года), но вскоре была введена система долгосрочного владения (50 лет и более). Контрольные цифры сначала были снижены, а затем полностью отменены. Проведение целого ряда корректировок в ценах на зерно и мясо послужило стимулирующим фактором для повышения производительности труда и привело к значительным изменениям в структуре посевов. В 1997 валовой сбор зерновых в Китае составил 492 млн. т, в том числе риса – ок. 185 млн. т. На втором месте по значению из продовольственных культур стоит пшеница, которую выращивают на равнинах Северного, Северо-Восточного, Восточного и Южного Китая. По сбору кукурузы (105 млн. т.) Китай удерживает второе место после США. Среди других продовольственных культур выращивают просо, гаолян, овес, рожь, гречиху и др., из корнеплодов – картофель, батат, из бобовых – сою. Китай – крупный производитель многих сортов чая.

Из технических культур важное место принадлежит хлопку (40% площадей земель, отведенных под эти культуры, 4,3 млн. т. в 1997), льну, джуту, конопле, табаку (крупнейшие сборы в мире). Среди масличных культур лидируют арахис, кунжут, подсолнечник. Валовой сбор масличных в 1997 составил 21,5 млн. т. Из сахароносных культур преобладают сахарный тростник и сахарная свекла, а из плодовых – цитрусовые, ананасы, бананы, манго, яблоня, груша и др. В течение 1980-х годов урожаи масличных культур и фруктов более чем удвоились, а сахарного тростника и табака даже утроились.

Животноводство, традиционно занимавшее второстепенное место в сельскохозяйственной деятельности в связи с недостатком кормов и ограниченностью пастбищных угодий, стало развиваться ускоренными темпами. По поголовью свиней (442 млн. голов в 1995) Китай занимает первое место в мире. Производство свинины – главного мясoproдукта Китая - выросло более чем в два раза. В 1995 в Китае насчитывалось 158 млн. голов крупного рогатого скота и 277 млн. голов овец и коз. В 1997 было произведено 53,5 млн. т. мяса. В начале 1990-х годов ок. 20% выращенного в Китае зерна шло на корм скоту.

В Китае на протяжении 4000 лет практикуется шелководство. Тутового шелкопряда разводят в южных и восточных районах, а дубового – в Северо-Восточном Китае [1].

На сегодняшний день китайские аграрии создадут 10% ВВП своей страны. В 2011 г. объем производства в сельском хозяйстве Китайской Народной Республики увеличится на 4,5 трлн. юаней (\$688,6 млрд.) по сравнению с 2010 годом. Такой прогноз дала Академия общественных наук Китая [2].

Сельскому хозяйству Китая отводится огромная роль в экономическом развитии страны, поскольку до 70% поставок сырья в легкую промышленность осуществляется именно за счет собственного потенциала. Занято работами в сельском хозяйстве более 313 миллионов человек, а с членами семей (имеется в виду сезонность работ) около 850 млн. человек, что в 6 раз больше чем в России, Японии, Англии, Франции, Германии, Италии, Мексике, вместе взятых [3].

В отношении долгосрочных перспектив развития сельского хозяйства страны экспертами минсельхоза прогнозируется следующее развитие ситуации. В ближайшие 30-40 лет в условиях ожидаемого 30% увеличения численности населения в Китае актуализируется проблема обеспечения продбезопасности страны, предусматривающая заготовку 400 кг. зерна на человека в год.

Хотя в настоящее время Китай в основном обеспечивает себя продуктами питания, перспектива дальнейшего производства продовольствия представляется далеко не оптимистичной. При росте численности населения необходимость в увеличении производства пищевых продуктов будет сохраняться, а рост потребностей в кормовом зерне столкнется с необходимостью расширения производства удобрений, повышения расходов воды на орошение и ограниченностью земельных угодий, пригодных для сельскохозяйственного использования [4].

Происходящее на наших глазах изменение климата чревато самыми серьезными последствиями для сельского хозяйства. В Китае ученые опасаются, что урожай основных культур может сократиться на 20%, если сбудутся самые мрачные прогнозы. К таким неутешительным выводам приходят авторы научного исследования, проведенного китайскими учеными из пекинского университета. Результаты обнародованы в журнале «Нэйчер», передает агентство «Франс пресс». Ученые отмечают, что климат в Китае уже значительно изменился в сторону потепления за последние пятьдесят лет, а по сравнению с 1960 годом среднегодовые значения температуры увеличились на 1,2 градуса по Цельсию. Наиболее высокими темпами росли температуры в северо-восточном Китае — на 0,36 градуса за десять лет и во Внутренней Монголии — на 0,4 градуса за такой же период. Если говорить обо всей территории Китая, то привычным явлением стали периоды необычной жары. Резко сократилось количество холодных дней, а площадь ледников, питающих реки, постоянно сокращается [5].

Однако, несмотря на столь пессимистичные прогнозы, на сегодняшний день сельское хозяйство Китая является одним из лучших во всем мире и может служить примером для других стран.

Литература

1. Сайт о Китае / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.o-kitae.ru. – Дата доступа: 09.11.2011г.
2. Деловой журнал про Китай / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.chinapro.ru. – Дата доступа: 10.11.2011г.
3. Каталоги компаний Китая / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ni-hao.ru. – Дата доступа: 11.11.2011г.
4. Отдых в Китае / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.chinese-hotel.ru. – Дата доступа: 10.11.2011г.
5. Сельскохозяйственный портал / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.agroperspectiva.com. – Дата доступа: 10.11.2011г.

*Сюй Даньтун
Аспирант,
Белорусского государственного университета
КНР*

О ПУТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ

Китай традиционно ассоциируется в мире с многочисленным населением и огромной территорией, но при этом меньше известно о скудной площади пахотной территории страны, которая составляет всего 7% общемировой, а прокормить надо, по меньшей мере, пятую часть населения планеты. Китайцы постоянно говорят: «В мире никто не может накормить Китай, кроме самого Китая».

В 1949 году в структуре общественного производства и национального дохода Китая на сельское хозяйство приходилось около 70%. Стремительные темпы развития сельского хозяйства Китай стал набирать с 1978 года, когда начались реформы в деревнях. В основе реформ лежит сохранение главных направлений агрополитики, при существовании различных форм собственности и хозяйствования, а так же организация малых сельских предприятий. Реформы высвободили и развили производительные силы в деревне, дали сильный импульс сельскому хозяйству, в особенности зерновому производству, ускорили оптимизацию структуры аграрной индустрии.

В начале 1995 года на Всекитайском совещании, посвященном проблемам работы в деревне, было определено семь основных направлений в области сельского хозяйства:

Стабилизации и совершенствования основных направлений экономической политики в деревне:

- всемирное увеличение капиталовложений в сельское хозяйство,
- полное использование сельскохозяйственных ресурсов,
- развитие сельского хозяйства с акцентом на агротехнику,
- реформа структуры обращения продукции в сельском хозяйств,
- продолжение упорядочения структуры сельского хозяйства, производства и потребления,
- усиление макроэкономики регулирования сельского хозяйства.

За годы послереволюционного развития Китай достиг больших успехов в сельском хозяйстве. Согласно официальным данным, средняя урожайность всех зерновых культур в период с 1950 по 1997 гг. существенно возросла:

- пшеницы – в 5 раз,
- кукурузы – почти в 4 раза,
- риса – в 3 раза.

В 1997 г. валовой сбор зерновых в Китае составил 492 млн. т., среди них риса – около 185 млн. т. На втором месте по значению из продовольственных культур стоит пшеница. По сбору кукурузы (105 млн. т.) Китай удерживает второе место в мире после США.

В 1980 году общая сумма импортно-экспортных операций сельскохозяйственной продукции Китая достигла 10.59 млрд. долл., в 1997 г. – 24.92 млрд. долл., увеличившись в 2.35 раз. В 2000 г. общая сумма составила 26.82 млрд. долл., увеличившись на 23.4% по сравнению 1999 г.

Примерно после 20 лет переговоров, в декабре 2001 г. дверь ВТО открылась перед Китаем. КНР стал 143-им членом ВТО. После вступления в ВТО, Китай вступил в новый этап открытости общения с внешним миром, в то же время, предстояли новые трудности и вызовы.

Китай должен был сдержать обещание продолжить снижение таможенных сборов и торговых барьеров, повышения доли разрешения на ввоз продукции, либерализации торговли и других обязательств. Открытие рынков для сельскохозяйственной продукции Китая выдержало испытания как по ценам, так и качеству сельскохозяйственной продукции.

Китайский сельский рынок характеризовался ранее слабым экономическим фундаментом, дефектами в областях оборотного капитала, информационной обработки, транспорта продуктов и хранения. По мнению Ван Инь, низкое качество и высокая себестоимость продукции агросферы — серьезная преграда на пути расширения экспорта[1]. Заграничные импортные продукты сельского хозяйства угрожали продаже, труду и занятости, а также безопасности агропромышленности. Это, несомненно, принесло отрицательное воздействие на будущее развитие сельского хозяйства.

Неопровержимый факт говорит о том, что в последнее десятилетие китайское сельское хозяйство достигло выдающихся успехов и начинает все более фундаментальную роль в обеспечении устойчивого экономического развития, содействия социальной гармонии и стабильности.

Ныне в КНР ставится задача консолидации этого сектора экономики, совершенствования его структуры и организационной базы, повышения значимости дальнейшей открытости миру, полного использования международных и внутренних ресурсов и рынков, расширения широты и глубины воздействия на международное сельское хозяйство.

Литература

1. Ван, И. Китай после вступления в ВТО / И. Вань // Промышленные ведомости. №1-2, февраль 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.promved.ru>. – Дата доступа: 28.11.2011г.

Сехович М. И.
студентка экономического факультета
Белорусский государственный университет

ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КИТАЕ

Экономический прогресс Китая во многом зависит от сферы инноваций, ведь способность к самостоятельному инновационному развитию является основой китайской национальной стратегии развития. Развитие инновационного сектора экономики — основа успеха любого государства. У таких стран, как США, Финляндия, Швеция, Китай, Израиль, уже есть свои модели финансирования стартапов. В КНР работают как программы финансирования стартапов, так и программы стимулирования ученых, а во главу угла ставится эксперимент и связанные с ним научные разработки.

Китай занимает второе место в мире после США по числу инноваций и исследователей. При этом власти Китая стремятся создать к 2020 году инновационно-ориентированное общество. Сделать это планируется, в первую очередь, увеличив общую сумму расходов на научные разработки с 1,7% от ВВП в 2009 году до 2,5% — к 2020-му. Эта цель вполне достижима, уверяют эксперты, потому что в последние годы наблюдается бум развития научного сектора экономики. Чтобы стимулировать ученых, в Китае давно разрешили коммерциализацию интеллектуальной собственности, созданной в рамках финансируемых государством научно-исследовательских проектов. При этом правообладателем интеллектуальной собственности при коммерциализации технологий может выступать университет или НИИ. С 1998 года индивидуальные инвесторы имеют право на получение роялти в размере до 35% лицензионных платежей при трансфере научных результатов.

Упор на развитие инноваций в Китае делается именно на экспериментальные научные разработки. На них приходится 76% от общего числа изобретений, на втором месте идут прикладные теоретические исследования, занимающие 17% от общего числа разработок, наконец, фундаментальные исследования занимают около 7%. В развитии инноваций заинтересовано в первую очередь государство, таким образом, большинство исследований ведется в основном за счет бюджета. Деньги на исследования выделяются в рамках государственных программ поддержки инноваций и исследований. В том числе 90% от общего числа венчурных инвестиционных фондов Китая тоже принадлежит государству, и лишь 2% фондов находятся в совместном владении с частным капиталом.

Отличительной особенностью политики Китая в области инноваций является внедрение не краткосрочных, а именно долгосрочных программ развития инновационной индустрии. Например, программа фундаментальных исследований "Программа 973" и национальная программа исследований и разработок в области высоких технологий "Программа 863" предусматривают создание свободных экономических зон, строительство научных и технологических парков. Обе программы действуют с середины 70-х годов прошлого века.

Для развития сферы высоких технологий в Китае существуют отдельные программы. Еще в конце 80-х годов прошлого века запустили научно-производственную программу "Факел", в рамках которой создали десятки специальных региональных инновационных зон с целью вывода изобретений на рынок. Программа довольно эффективна, поскольку за десять лет, начиная с 1998 года, реализовалось 12

599 проектов, общая выручка составила 125 млрд. китайских юаней, а прибыль — 21,2 млрд. юаней. Одно из преимуществ, которыми обладают компании в особых инновационных зонах, — это режим льготного налогообложения. К примеру, первые два года своего существования компания освобождается от уплаты налога вообще. Затем инновационные компании начинают платить налог на прибыль от продажи изобретений в размере 15% (в то время как в целом по стране он составляет 33%). Кроме того, в Китае существует возможность установления для компании режима полного возврата подлежащих уплате налоговых сумм — если разработчики вкладывают прибыли от коммерциализации своих изобретений в дальнейшие научные разработки.

Китай вложил значительные средства в развитие национальных инноваций. Правительство не только убедило Microsoft и Google, чтобы они начали создавать научно-исследовательские центры в Китае. Оно также образовало комплекс научных парков по всей стране в надежде на создание китайской Силиконовой долины. В Пекине в одном лишь научном парке Zhongguancun расположены тысячи высокотехнологичных предприятий. В программу инновационных разработок включены и китайские университеты. Пекинский университет, например, создал обучающую программу «Инновации и предпринимательство».

Одной из форм инновационной деятельности является «инновационный процесс»: неустанное совершенствование заводов и распределительных систем. Это особенно актуально в эпоху глобализации. В последнее время китайские компании стали мировыми лидерами во всем, от массового производства до логистики. Компания Huawei, которая производит телекоммуникационную аппаратуру, является мастером рекомбинирующих технологий и доводит их до рынка с молниеносной скоростью. Foxconn со штаб-квартирой на Тайване, производит iPad и другие подобные продукты в Китае из-за доступности рабочей силы (на производстве в комплексе в Шеньчжень заняты 270 тыс. человек). Университеты Китая в большом количестве выпускают специалистов в сфере науки и техники, которые специализируются на предметах, непопулярных на Западе, таких как горнодобывающая промышленность и тяжелое машиностроение.

Власти Китая поддерживают малые и средние инновационные компании не только в рамках инновационных госпрограмм. Банки с государственным участием, в том числе Промышленно-торговый банк Китая, Шанхайский банк развития "Пудун" и Банк развития Китая предоставляют инноваторам кредиты и займы под льготные проценты. Помимо прямой финансовой поддержки технологических компаний эффективным рычагом стимулирования роста оказывается также предоставление гарантий и обеспечение обязательств по выданным кредитам. Согласно данным Национальной комиссии по развитию и реформированию, уже к середине 2003 года количество финансовых институтов, предоставляющих гарантии по кредитам для малых и средних предприятий, достигло в Китае 966, а их совокупный капитал превысил 28,65 млрд. юаней. Эти институты обеспечили финансовые гарантии более чем по 100 тыс. выданных кредитов на общую сумму 117,9 млрд. юаней. Но главное — ежегодно количество организаций, оказывающих подобную поддержку (поручительства и гарантии по кредитам) малым и средним инновационным компаниям Китая, возрастает в среднем на 25%.

Именно благодаря имеющимся условиям такая хрупкая субстанция, как наука инноваций, хорошо развивается в Китае. При этом само государство заинтересовано в продуктивном росте сектора: около 90% от общего числа инновационных фондов

принадлежит властям страны. Кроме того, Китай ориентирован на долгосрочное развитие инновационных проектов, поскольку в будущем это станет хорошей опорой для экономики Поднебесной. В Пекине прекрасно понимают, что для того, чтобы идти вперед завтра, надо совершенствоваться уже сегодня.

Интенсивная инновационная деятельность в Китае позволяет создать благоприятные правовые экономические и социальные условия для развития науки, постоянного повышения технологического уровня производства и конкурентоспособности продукции и на этой основе обеспечить рост уровня и качества жизни населения, укрепление национальной безопасности страны. В современных условиях инновации и инновационная деятельность приобретают все большее значение для экономического развития Китая и успешной финансово-хозяйственной деятельности организаций, являясь одним из элементов эффективной стратегии и важным инструментом приобретения и сохранения конкурентных преимуществ.

Литература

1. «Китай: инновационное развитие в условиях экономического кризиса» Москва, 2010 "Проблемы Дальнего Востока" Б. Хейфец, Д. Селихов.
2. «Опыт инновационного развития нового Китая» Карлинская Елена Викторовна, Москва 2011.
3. «Инновационное развитие Китая: проблемы и перспективы» Федораев С.В. Журнал правовых и экономических исследований 1\2010 Издательство: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий.
4. «Инновационная политика: международный опыт Китая» Журнал «Человек и труд», 1/2011.
5. «Китайские инновации» Анна Королева, expert.ru.

ОЦЕНКА МАКРОСРЕДЫ КИТАЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Как известно, Китай в 2010 году стал вторым после США по величине номинального ВВП. Начиная в 80-х годов, экономика Китая растет с высокими темпами, а инвестиции в данную страну направляются неимоверными потоками. В первую очередь, данные явления зависят от ряда макрофакторов, которые предприятия-инвесторы оценивают при принятии решения о выходе на соответствующий рынок, и, только убедившись в благоприятном влиянии макросреды той или иной страны на деятельность организации, предпринимают данный шаг.

Анализ макросреды является критически важным для предприятия, так как ни одна компания не может влиять или изменять факторы макросреды, а может только подстраивать свою деятельность таким образом, чтобы минимизировать отрицательное и максимизировать положительное их влияние. Таким образом, при выходе на новые рынки предприятия выбирают именно те, макроокружение которых обеспечит им минимальное сопротивление.

В данной статье рассмотрены макрофакторы, которые оказывают максимальное влияние на принятие решений предпринимателями при основании той или иной компании в Китае: прежде всего, такие факторы, как социально-культурный, технологический, экономический, экологический и политический. Анализ данных факторов представляет собой так именуемый STEEP-анализ.

Данный анализ может быть проведен как в качественной, так и количественной формах. Для оценки макросреды с помощью количественных показателей необходимо использовать метод экспертных оценок, который обеспечит как оценку направления влияния фактора (положительное/отрицательное (+/-) или возможность/опасность (+/-)), вероятности наступления события (от 0 до 1) и оценку важности события для каждого эксперта (от 1 до 10). Качественный же анализ позволяет выяснить тенденции каждой группы факторов, их динамику и влияние на предприятия и является необходимым и базовым этапом для количественного анализа.

В данной статье проведен качественный анализ перечисленных выше факторов, на основе которого полученные данные могут использоваться в количественном анализе. Количественная оценка на данный момент невозможна, так как различные факторы будут иметь различные вес и оценку в зависимости от отрасли и специфики анализируемого предприятия.

1. Социально-культурный фактор. Он может включать в себя социальные потребности и запросы, определяющие жизнедеятельность сотрудников какого-либо предприятия; вопросы, связанные с общественной жизнью региона, где расположено предприятие. Наиболее важными показателями данной группы факторов являются бедность, численность, структура населения, их грамотность, а также культурные различия с другими странами.

1). Уровень бедности населения

Согласно статистике Всемирного банка порог бедности в Китае составляет 1,25 доллара США. По данным Всемирного банка в 2005 году количество людей, проживающих меньше чем на 1,25 доллар в день, составило 15,92% населения Китая.

Как отмечает информационно-дискуссионный портал «Newsland», раньше порогом бедности в Китае считалось проживание на менее чем 55 центов США в день, следовательно, бедное население составляло гораздо меньшую часть. Поэтому с повышением порога бедности (с 55 центов до 1,25 доллара) увеличилось и количество бедного населения (с 26 до 128 миллионов человек).

В целом, согласно информации СМИ, с 2000-го по 2010 год количество китайцев, живущих за чертой бедности, уменьшилось с 94 до 27 миллионов человек. И Китай продолжает бороться с данной проблемой.

Как сообщило агентство Синьхуа, за 20 лет – с 1985 года по 2005 год, численность нуждающегося населения в Китае сократилась в 5 раз, а за годы одиннадцатой пятилетки – 2006-2010 гг. – она уменьшилась с 65 до 27 миллионов человек, то есть, еще на 38 миллионов человек. Среднедушевые доходы крестьян в бедных уездах выросли до 3273 юаня, то есть ежегодно они увеличивались в среднем на 10,3%, что позволило, как считают в Китае, выправить ситуацию 10-й пятилетки, когда их прирост был ниже среднего роста доходов по стране.

По данным Всемирного банка, за истекшие 25 лет около 70% успехов в мире в борьбе с бедностью пришлось на долю Китая [5].

2). Численность и структура населения

Численность населения Китая возрастает каждый год. На диаграмме, представленной ниже (рис. 1), отображены ежегодные темпы прироста населения Китая за период 2000-2010гг.

Рисунок 1 – Темп прироста численности населения Китая за период 2000-2010 гг. Примечание. Источник [8].

Несмотря на постепенное снижение темпов прироста населения, они остаются положительными, что означает, что его численность не прекращает расти. И даже учитывая принятую в 1979 году политику ограничения рождаемости в Китае, численность все равно продолжает увеличиваться из-за огромной базисной цифры [4].

Рост численности населения означает и возрастающий спрос на продукцию внутри страны. Таким образом, при выходе на рынок Китая предприятие сразу же обеспечивается потенциальным рынком сбыта, который представляет собой немалую часть населения мира.

Также следует отметить, что по половому соотношению численность мужчин в Китае превышает численность женщин (52:48%) [8].

3). Уровень грамотности населения

Согласно статистике Всемирного банка уровень грамотности населения Китая от 15 лет составляет 94%. С каждым годом уровень грамотности возрастает: если в

1990 году грамотными являлись 78% населения, то в 2000 и 2009 – 91% и 94% соответственно.

4). Культурные различия с другими странами

Как известно, **особенности Китая** заключаются в сохранении своей культуры от иностранного влияния. Но китайцы не отбрасывают новшества в различных сферах деятельности. Они строят метро, вводя в эксплуатацию не отдельные станции, а сразу целые линии. Все больше и больше **культура современного Китая** обогащается новыми направлениями в музыке, архитектуре.

Все больше и больше становится заметным то, что в больших городах население находится под влиянием Запада, а исконные **традиции Китая** остались лишь в глубинке там, где влияние современного мира минимальное.

2. Технологический фактор. Анализ внешней технологической среды должен учитывать изменения в технологии производства, в конструкционных материалах, в применении компьютерной техники для проектирования новых товаров и услуг, в управлении, в технологии сбора, обработки и передачи информации, в средствах связи.

1). Доступность технологий

Опираясь на данные Всемирного банка, выясняется, что Китай – лидер мира по экспорту высокотехнологичной продукции. Соответственно, крупнейший производитель высокотехнической продукции может легко обеспечить и доступ к данной продукции резидентам данной страны.

Если в 1978-1995 гг. технологический прогресс обеспечивал 39,85% всех произведенных в Китае благ, то в 2030 г. этот показатель составит 50%, а в 2050 г. — более 60% [6].

2). Инвестиции в технологии

Согласно Всемирному банку в 2007 году инвестиции Китая в НИОКР составили 2,1% от ВВП. Данный показатель характеризуется положительной динамикой. Среди всех стран по данному показателю Китай входит в двадцатку стран, лидирующих по данному показателю. Таким образом, можно сделать вывод о том, что государство уделяет большое внимание технологическому развитию страны.

Китай достиг успешного инвестиционного и инновационного развития, на что потребовалось много лет.

К 2020 г. Китай планирует довести долю расходов на научно-исследовательские работы до 2,5%, увеличить вклад научного прогресса в экономическое развитие более чем вдвое, на треть снизить зависимость от импортных технологий.

3). Зрелость технологий

По всем статистическим оценкам организаций Китай является одной из самых продвинутых в инновациях стран. Каждый год на рынке Китая появляются новейшие технологии, организуются по ним выставки.

В Китае 70% предприятий являются частными: чаще всего *предприятия Китая* с частным капиталом имеют в своем арсенале самое современное промышленное оборудование и новейшие технологии.

Таким образом, не дожидаясь зрелости и старения, на предприятиях Китая внедряются новые технологии, которые позволяют повысить производительность труда китайских производств.

3. Экономический фактор. Экономический компонент общей окружающей среды отражает распределение и использование ресурсов в целом обществе. Экономические факторы влияют на решения и действия, как предприятий, так и потребителей. Экономическое положение страны также отражает такие аспекты, как доступность и стоимость финансирования. Такой показатель также влияет на наличие маркетинга и материальной инфраструктуры.

1). Производительность труда

На рисунке 2 представлена динамика производительности труда в Китае за период 2000-2009 гг.

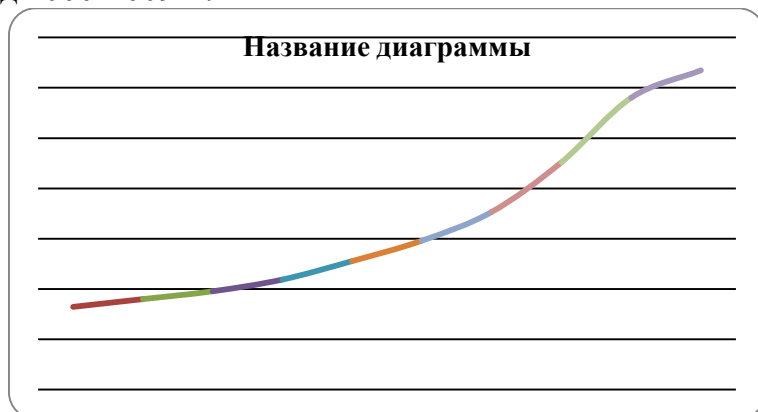

Рисунок 2 – Производительность труда Китая за период 2000-2009 гг.

Примечание. Источник [8]

За рассматриваемый период производительность труда характеризуется положительной динамикой за 2000-2009 гг. Это обусловлено как повышением уровня грамотности населения, так и развитием технологической составляющей промышленности Китая.[8]

2). Уровень безработицы

Уровень безработицы в Китае в среднем составляет 4,1%. За период 2000-2010 гг. уровень безработицы повысился с 3,1% до 4,3%. В целом показатель уровня безработицы с 2002 по 2010 гг. характеризуется положительной (и отрицательной в некоторые года) динамикой в 0,1%.[8]

В целом в 2011 году количество безработных в процентном выражении осталось таким же, как и в конце 2010 года.

В 2010 году в Китае было создано 11,68 миллионов новых рабочих мест. При этом, по планам китайского правительства, этот показатель должен был выйти на отметку в 9 миллионов мест. Кроме того, в 2010 г. в стране повторно трудоустроились 5,47 миллионов уволенных рабочих. Эти данные также превысили ранее намеченные показатели в 0,5 миллиона человек.

По итогам 2010 года, занятость на негосударственных предприятиях увеличилась почти до 78% [11].

3). Динамика цен (уровень инфляции)

Ежегодный темп инфляции за 2000-2010 гг. не превышает 3%, и только в 2008 году он составил около 6%. В некоторые периоды (2002г., 2009г.) также наблюдается снижение уровня цен [8].

При учете динамики уровня цен в стране необходимо учитывать, что он отрицательно влияет на внутренний спрос на продукцию со стороны населения Китая. Таким образом, снижающийся спрос может не обеспечить организации реализацию

плана по сбыту продукции в стране, в связи с чем организация имеет риск не получить планируемый доход.

4). Изменение курса национальной валюты

В течение 2000-2010 гг. в Китае наблюдается удорожание валюты, что выгодно для предприятий Китая: продукция стоит дороже для импортеров при экспорте данной продукции в другие страны. Однако следует также учесть факт, что более высокая цена может отрицательно повлиять на спрос жителей Китая и иностранцев на продукцию китайских предприятий[8]

4. Экологический фактор. Экологическая окружающая среда включает в себя как физическую, так и биологическую окружающую среду, в которой взаимодействуют организации. Так называемое «озеленение» окружающей среды подчеркивает то, что сейчас данный сектор может повлиять на результативность работы организации.

1). Уровень охраны окружающей среды

С каждым годом в Китае совершенствуется правовая система в сфере охраны окружающей среды, что в корне изменило традиционные подходы к модели ее охраны: контроль и надзор был распространен с конечной стадии проекта и с ликвидации негативных последствий на весь процесс реализации проекта. В «Положении об охране окружающей среды на строительных объектах», введенном в действие китайским правительством в 1998 году, четко излагается система оценки влияния объекта на экологию и принцип синхронного проектирования, строительства и введения в строй природоохранных сооружений и основных строительных объектов. Вступивший в силу в 2003 году «Закон КНР об оценке влияния на экологию» распространяет сферы применения системы экологической оценки, наряду со строительными объектами, на все проекты освоения и строительства. В нем также предписывается провести публичные слушания и иные мероприятия при планировании и строительстве объектов, которые могут оказать негативное влияние на окружающую среду. В деле охраны окружающей среды Китая тоже начинает наблюдаться тенденция к многополярности. Широкое участие промышленных, научно-технических и неправительственных кругов привело к созданию положения: «руководящая роль правительства, движущая роль предприятий, участие общественности, научно-техническая опора, законодательные рамки и рыночное урегулирование». Неправительственные природоохранные организации и активисты-добровольцы также представляют собой важную силу в деле охраны окружающей среды [9].

Однако в Китае ежегодно наблюдается снижение показателя площадей, занятых лесами: если в 2000 году 31,4% территории Китая было занято лесом, то в 2010 – 31,1%.

2). Добываемые природные ресурсы

Китай принадлежит к числу наиболее богатых полезными ископаемыми стран. Здесь добывают: каменный уголь, нефть, магниевые и железные руды, вольфрам, медь, графит и олово. В пределах Синайского щита сосредоточены крупнейшие в стране месторождения каменного угля (который по своему происхождению восходит к юрскому периоду), нефти (преимущественно мезозойского и мезокайнозойского периода). Месторождения цветных и редких металлов, крупнейшим из которых является месторождение вольфрама, занимающее по своим размерам первое место в мире, расположены в пределах Южно-Китайского массива, здесь так же добывают сурьму, олово, ртуть, молибден, марганец, свинец, цинк, медь и так далее.

Совместно с Россией планируется осуществлять добычу нефти в Южно-Китайском и Желтом морях [10].

3). Зависимость от цен природные ресурсы

Китай мало подвержен колебаниям мировых цен на энергоресурсы, так как страна может обеспечить ими себя в полном объеме.

5. Политический фактор. Политический компонент внешней среды организации предполагает под собой отношения правительства и общественности к различным отраслям промышленности, эффекты лоббирования заинтересованных групп, регуляционный климат, платформы политических партий и предрасположенность политиков. Юридический же компонент общей окружающей среды состоит из законов, которым должны были бы следовать члены общества.

Политический компонент внешней среды организации предполагает под собой отношения правительства и общественности к различным отраслям промышленности, эффекты лоббирования заинтересованных групп, регуляционный климат, платформы политических партий и предрасположенность политиков. Политический фактор исследует события, происходящие в политической среде, в которой организация работает, в том числе в таких областях, как налоговая политика, трудовое законодательство, экологические нормы, торговые ограничения и реформы, тарифы и политическая стабильность.

1). Политический режим

Современный политический режим в КНР Сяо Гунцинъ характеризует как «посттоталитарный, технократический неоавторитаризм». Это определение означает, что власть в Китае сократила, по сравнению с тоталитаристским прошлым, свое абсолютное присутствие в некоторых областях общественной жизни (например, в образовании, культуре, социальном обеспечении, здравоохранении), но использует все унаследованные от прошлого ресурсы для стимулирования экономического роста, наращивания национальной мощи и сохранения политического контроля над обществом.[2]

2). Стабильность правительства

Выше упомянутый режим в Китае, как показала практика последних десятилетий, доказал свою действенность в достижении поставленных целей, сохранив при этом необходимую для этого политическую и социальную стабильность. Тем не менее, в стране наблюдается такое явление, как коррупция, поэтому в Китае принимаются радикальные меры по ее искоренению: упразднены многие, не приносившие реальной пользы государственные учреждения и активно развивается правовая система.

3). Поддержка отраслей государством

В Китае ныне действует Государственный план развития десяти отраслей промышленности Китая. Срок реализации данного плана намечен на период с 2009 по 2011 гг. Данная программа поддерживает в развитии следующие отрасли: металлургию, автомобилестроение, текстильную промышленность, производство оборудования, нефтехимическую промышленность, легкую промышленность, цветную металлургию, электронную информацию, судостроение и логистику. [3]

Также для оценки макроокружения Китая будут использованы следующие рейтинговые оценки, представленные организацией «TheHeritageFoundation». Динамика используемых показателей представлена на рисунках 3, 4 и 5.

4). Степень экономической свободы

Величина индекса экономической свободы Китая составляет 52, что ставит ее экономику на 135 место среди всех стран по индексу свободы в 2011 году. Его общий балл повысился на один пункт по сравнению с прошлым годом, что отражает небольшие улучшения в области монетарной, инвестиционной и трудовой свободы, что компенсирует снижение оценок по свободе торговли и государственных расходов.

5). *Степень инвестиционной свободы*

Правительство имеет право ограничить или запретить иностранные инвестиции. Инвесторы в китайскую экономику сталкиваются с непрозрачными, сложными и непоследовательно правоприменимыми нормативными нормами, слабой защитой прав интеллектуальной собственности, коррупцией, промышленной политикой, защищающей местные фирмы, и правовой системой, которая не может гарантировать неприкосновенность контрактов. Китайский закон запрещает национализацию иностранных инвестиций за исключением «особых» обстоятельств. Также в 2009 году были приняты нормы, разрешающие иностранным инвесторам образовывать партнерство.

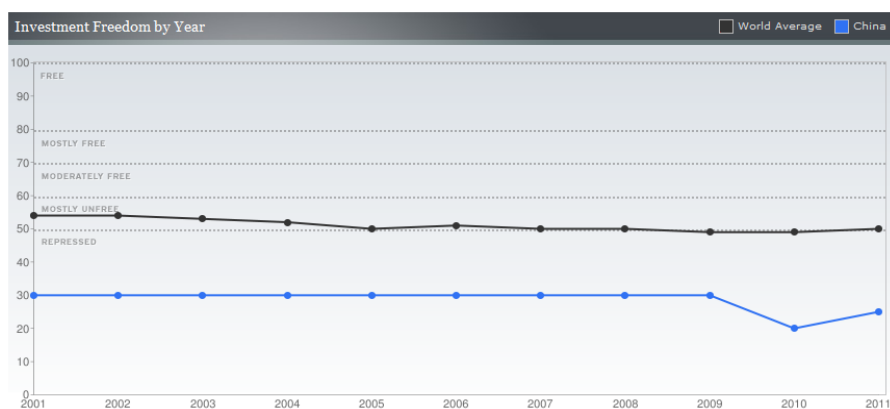

Рисунок 3 – Рейтинг инвестиционной свободы Китая за период 2001-2011 гг.

Примечание. Источник [7]

б). *Степень права собственности*

Все земельные площади Китая находятся в государственной собственности, но, тем не менее, частным предпринимателям и фирмам разрешено иметь в собственности и передавать в долгосрочную аренду, как здания, так и целые предприятия. Китайские суды имеют противоречащие записи в законодательстве, касающиеся защиты законных прав нерезидентов. Права интеллектуальной собственности в Китае применяются неэффективно: авторское право, патенты, фирменные наименования, товарные знаки и промышленные секреты очень часто крадут.

В 2007 году индекс свободы прав собственности снизился и продолжает держаться на данном уровне.

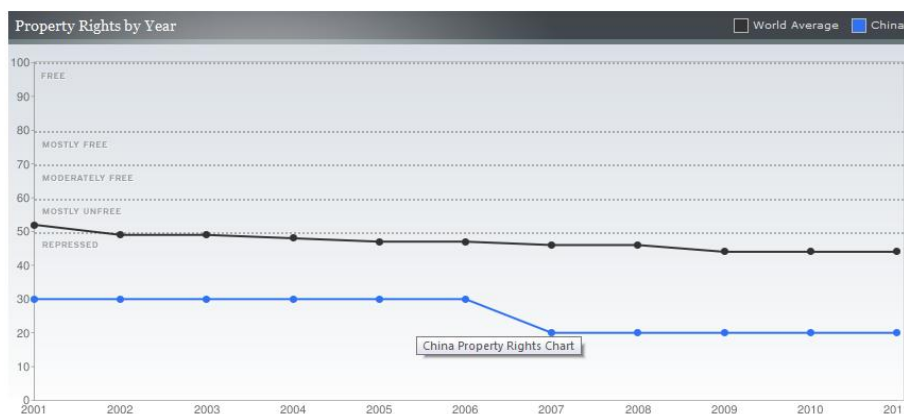

Рисунок 4 – Рейтинг свободы права собственности Китая за период 2001-2011 гг.
Примечание. Источник [7]

7). *Степень свободы бизнеса*

Правительство разрешило некоторые свободы в сфере бизнеса, но в целом нормативная база не может быть названа прозрачной и остается сложной, произвольной и неравномерно реализованной.

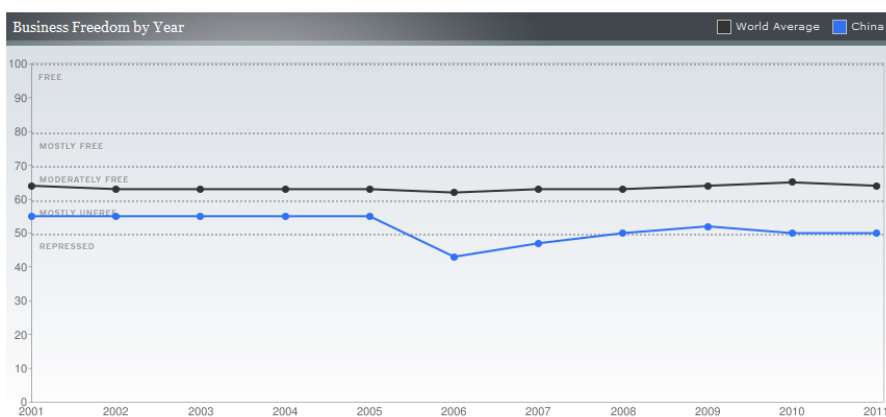

Рисунок 5 – Рейтинг свободы бизнеса Китая за период 2001-2011 гг.
Примечание. Источник [7]

Таким образом, по всем показателям рейтинга «TheHeritageFoundation» показатели, рассчитанные по Китаю, находятся на более низком уровне, чем среднемировой уровень. Также по некоторым годам наблюдаются скачки в определенных индексах. В целом, все индексы «TheHeritageFoundation» для Китая за последние несколько лет характеризуются стабильностью, кроме индекса инвестиционной свободы, который характеризуется значительным снижением в 2010 году.

В целом правительство Китая проводит политику по улучшению как экономических, так и политических и социальных условий в Китае. Так, 12-я пятилетка, утвержденная на 2011-2015гг., имеет следующие цели:

- Поддержание стабильного и быстрого экономического роста, с акцентом на стабилизации цен, обеспечении большим количеством рабочих мест, улучшении платежного баланса, и более высоком качестве роста.
- Достижение существенного прогресса в реструктуризации экономики, с более высокой долей потребления домохозяйствами и сектора услуг, дальнейшая урбанизация, достижение более сбалансированного развития в городах сельской местности, снижение энергоемкости и выбросов углекислого газа, а также улучшение состояния окружающей среды.

- Увеличение доходов населения, сокращение бедности и повышение уровня и качества жизни.
- Обеспечение доступа к основным государственным услугам, повышение образовательного уровня населения, развития эффективной правовой системы, а также обеспечение становления стабильного и гармоничного общества.
- Проведение реформ в налоговой, финансовой, ценовой и других ключевых секторах, изменение роли государства, совершенствование управления и эффективности, а также дальнейшей интеграции в мировую экономику.

Что касается количественного STEEP-анализа, так как веса вероятности (силы проявления явления) и оценка важности события будет варьироваться в зависимости от типа организации и ее отраслевой принадлежности, количественный анализ будет представлен только методологически (см. табл.).

Экспертами определяются наиболее значимые факторы или события (колонка 2), относящиеся к определенной группе (колонка 1), в колонке 3 анализируется влияние каждого фактора (если фактор является возможностью, в данной колонке ставится «плюс», если угрозой – «минус»). Далее оценивается каждый включенный в анализ фактор с точки зрения вероятности его наступления или силы его проявления (при количественной оценке может быть использована шкала 100% или 1, при использовании качественной – высокая-средняя-низкая). В колонке 5 оценивается важность факторов по шкале от 1 до 10 (наибольшая оценка), рассчитывается влияние каждого фактора (колонка 6) путем перемножения колонок 4 и 5 и добавления знака из колонки 3. В колонке 7 предлагаются на основе анализа возможные действия предприятия по учету влияния макросреды. Таким образом, итоговая форма будет содержать программы предполагаемых действий предприятия. Также возможен вариант проведения анализа, когда колонка 7 разрабатывается не экспертами, а специалистами предприятия по результатам проведенного анализа (табл.1).

Таблица 1 – Табличная форма для проведения STEEP-анализа

Группы факторов	Описание события (факторов)	Опасность/возможность	Оценка вероятности события	Оценка важности события	Общее влияние на организацию	Программа действий
1	2	3	4	5	6	7
Социально-культурные	1. 2.					
Технологические						
Экономические						
Экологические						
Политические	1. 2.					

Примечание. Источник [1, с. 86]

Таким образом, в данной статье были рассмотрены факторы макроокружения Китая, которые являются основополагающими для деятельности какой-либо органи-

зации в Китае, а также был проведен качественный STEEP-анализ в качестве примера. В целом, большинство факторов характеризуются благоприятным влиянием и динамикой.

Литература

1. Гайдаенко, Т. А. Методики анализа макросреды STEP/PEST / Т. А. Гайдаенко // Маркетинговое управление: 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва, 2008. – С. 84-88.
2. Бергер Я. Перспективы политической реформы в Китае// проект Globalization.su. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalization.su>. Дата доступа: 15.11.2011г.
3. Государственный план развития десяти отраслей промышленности Китая // Сервер «China.org.cn» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn>. Дата доступа: 12.11.2011г.
4. Китай // Свободная энциклопедия «Википедия» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. Дата доступа: 12.11.2011г.
5. Китай успешно борется с бедностью// Интернет-сайт Международного Радио Китая «CRI Online»/ от 27.04.2011// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn>. Дата доступа: 15.11.2011г.
6. Основные тенденции развития Китая до 2050 г.//Портал о работе с платными опросами «WebSurveys.Ru» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://websurveys.ru>. Дата доступа: 12.11.2011г.
7. Официальный сайт организации «TheHeritageFoundation» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.heritage.org>. Дата доступа: 15.11.2011г.
8. Официальный сайт Всемирного банка / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org>. Дата доступа: 16.11.2011г.
9. Охрана окружающей среды в Китае // Сервер «China.org.cn» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn>. Дата доступа: 15.11.2011г.
10. Природные ресурсы // Портал о Китае «Portal-1.ru» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://china.portal-1.ru>. Дата доступа: 15.11.2011г.
11. Уровень безработицы в КНР достиг 4,1% // Портал информационной поддержки экспорта/ от 29.04.2011 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.export.by>. Дата доступа: 15.11.2011г.

Амэгбери Хенри
Аспирант,
Белорусский государственный университет
Нигерия

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВА РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЕ

Главный успех китайской реформы связан с развитием сельского хозяйства и решением в целом продовольственной проблемы. С 1992 г. КНР держит абсолютное первенство в мире по производству зерна (455 млн. т.), сбору хлопка, шелка-сырца. Только за начальный период осуществления реформ с 1978 – 1985 гг. душевые доходы крестьян возросли в 2,5 – 3 раза. Это стало возможным в связи с развитием в деревне семейного подряда, постепенным упразднением централизованных закупок, развитием подсобных промыслов.

Стратегия проведения реформы в КНР отличается продуманностью очередности осуществления мероприятий и постепенностью.

Реформа сельского хозяйства в Китае была объявлена самой первой. Она началась и закончилась раньше реформ в других отраслях и создала предпосылки для определения направлений реформирования всей социально-экономической структуры КНР. Можно предположить, что реформа сельского хозяйства определила в целом дух китайских реформ в целом. В основу реформы сельского хозяйства в Китае был положен принцип личной заинтересованности отдельного производителя в конечном результате своего труда. То есть, это была реформа сельскохозяйственного производства не только на технологическом уровне, но и на уровне организационно-экономического механизма управления сельским хозяйством.

Аграрная экономическая реформа в китайских деревнях прошла в два этапа. Первый этап – с 1979 по 1990 год – характеризовался переходом от народных коммун к системе подворного подряда и превращением крестьянских хозяйств в самостоятельных товаропроизводителей, ответственных перед государственными органами за выполнение контрактов на поставку сельскохозяйственной продукции. На этом этапе был достигнут значительный рост производства и доходов крестьян. Произошло общее оживление сельской экономики.

С 1990 года начался второй этап китайских реформ, на котором осуществлялся переход деревни от заданий по централизованным заготовкам и закупкам сельскохозяйственной продукции к государственным контрактам-заказам на главные виды продукции. Государство стало закупать в деревне столько зерна, сколько необходимо для снабжения городов и создания резервов.

В основу сельскохозяйственной реформы, начавшейся сразу после пленума 1978 г., была положена система подворного подряда, которая прямо увязывала доходы крестьянского двора с объемом произведенной им продукции. Как результат, и производственные бригады, сформированные ранее на основе коммун и которые выступали прежде всего в роли посредника между государством и крестьянским двором, и сами крестьянские дворы стали использовать систему полной ответственности за производство. Как следствие, производительность труда в крестьянских хозяйствах резко выросла.

Другой важнейшей составной частью реформы явилось то, что Правительство КНР постепенно переходило к практике закупок у сельских производителей излишков произведенной ими продукции по рыночным ценам. Это осуществляется через региональные представительства. Такая организация закупок позволила поставить в равные условия отдельные регионы страны, так как издержки на производство одного и того же вида продукции в разных местах различны.

Постепенный переход в сельскохозяйственном производстве от подряда на объем производства к полному подворному подряду осуществлялся параллельно с расширением границ применения системы семейной производственной ответственности в деревне. Вначале заключение договоров на объем производства осуществлялось на уровне крупных сельских производственных объединений. Затем, для повышения эффективности производства стали доводить подряд на объем производства до уровня отдельных дворов-производителей. В первую очередь эта схема внедрялась в наиболее рентабельных коммунах, затем повсеместно, в том числе, и удаленных горных и бедных районах. Все это практически сделало китайскую аграрную реформу всеобщей и необратимой. Одновременно, формировались предпосылки для расширения хозяйственных полномочий местных органов власти и их возможностей по управлению сельхозпроизводством и другими бизнесами в сельской местности.

С ходом аграрной реформы с начала 80-х годов начали появляться и продолжают создаваться до сих пор специализированные дворы, занятые товарным производством, а также целые специализированные деревни и небольшое число специализированных областей и уездов. Для их обслуживания создается система специализированных рынков. Эти производственные единицы и объединения явились основой для развития рыночных отношений в китайском сельском хозяйстве. При этом специализированные дворы и объединения создавались на базе наиболее эффективных хозяйств, как с экономической целью – роверки новых форм производственных отношений, так для социальной цели - создания примеров успешной работы в национальном аграрном комплексе.

Одновременно, город должен был обеспечить создание, во-первых, условий для свободной реализации сельскими производителями излишков производимой продукции, во-вторых, промышленного сектора по производству продукции для товарного обмена с сельским населением на базе конверсии определенной доли городского промышленного комплекса. Центром всячески поощрялось разнообразие создаваемых новых связей между городом и деревней.

Поэтому и последовало резкое расширение полномочий местных органов власти и самоуправления. Было предложено развивать хозяйственные связи между предприятиями в форме объединений, компаний.

Факторами высокой экономической эффективности этих специализированных объединений являлись: эффективное использование прежде не концентрированных финансовых средств; средств производства и рабочей силы; обеспечение максимальной рациональной занятости различного рода отдельных мастеров-умельцев; увеличение степени разделения труда с целью повышения его производительности. Таким образом, значительная свобода хозяйственной деятельности, предоставленная сельхозпроизводителям и территориальный менеджмент создали предпосылки для создания широкого спектра форм хозяйственных объединений в китайском АПК.

Важно отметить, что объединения для управления сельхозпроизводством создавались на следующих принципах:

1. Объединения по территориальному признаку и объединения межрайонного типа;
2. Объединения на основе сложения труда, денежных средств, материальных ресурсов, смешанное сложение труда, денег и других ресурсов;
3. Объединения по стадиям производственного процесса или объединения (снабжение, переработка, хранение, транспортировка, техническое обслуживание, кредит, информация и т.д.);
4. Специализированные и комплексные объединения;
5. Объединения с распределением доходов членов на основе трудового вклада, по паевому принципу, по смешанному принципу.

Вне зависимости от типа объединения, все они обязаны соблюдать принцип добровольного участия членов, подчиняться центральному плану, выполнять договора на объем производства с государством и местными органами власти, сохранять основополагающим принцип распределения по труду, согласовывать паевое распределение доходов с местными руководящими хозяйственными структурами. Эта гибкость и постоянно возрастающее число типов аграрных подрядных объединений, возникающих, как правило, по принципам максимальной экономической целесообразности, и есть главный результат этой реформы, который обеспечил Китаю возможность поддерживать необходимые для нормального самообеспечения сельскохозяйственным продовольствием и сырьем темпы роста производства сельхоз продукции на время, необходимое для разработки и внедрения новых форм кооперации в деревне.

С 1994 г. реформа экономической системы в Китае вступила в новый этап своего развития, который можно охарактеризовать как формирование рыночной инфраструктуры. Прежде всего это связано с механизмами ценообразования: вначале право на установление цен перешло от госорганов к местным властям, в конце 80-х годов цены стали постепенно освобождаться от госконтроля, к 1992 г. госконтроль охватывал около 40% номенклатуры потребительских цен и 30% цен на услуги, к 1996 г. госконтроль сохранялся лишь на 8 – 10% цен. Одновременно осуществлялась либерализация цен на товары производственно-технического назначения, ранее реализовывались в рамках так называемой двухколейной системы цен (т.е. по фиксированным государственным и рыночным ценам).

Изменяющаяся структура потребления предъявляет новые требования к производственной структуре сельского хозяйства как в отношении качества так и ассортимента. Как следствие, требуется постоянно решать сложную проблему – достижение соответствия между существующей структурой сельскохозяйственного производства и меняющейся структурой общественного спроса на продукты питания. Решение этой проблемы связано не только с повышением рентабельности, экономической эффективности и изменением структуры сельскохозяйственного производства, но и возрастающим использованием инноваций в производстве товаров и услуг.

В 2004 г. правительство разработало политику о частичном или полном освобождении крестьян от уплаты сельскохозяйственных налогов. А в конце 2005 г. постоянный комитет ВСНП принял решение об отмене Положения об обложении сельскохозяйственными налогами, действовавшего в стране около полувека. Окончательная отмена налогов нацелена на облегчение материального бремени крестьян, укрепление базисного положения аграрного сектора в национальной экономике и сокращение разрыва между городом и деревней.

Современная ситуация в сельском хозяйстве КНР была охарактеризована экспертами как «аграрное чудо». Благодаря эффективному менеджменту, экономическим новациям и налоговой политике, КНР добилась решения продовольственной проблемы, причем в весьма неблагоприятной природной и демографической обстановке: при сосредоточении на территории Китая 1/5 населения мира там используется лишь 7% пахотных земель планеты.

Литература

1. Ежедневное аграрное обозрение / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroobzor.ru>. - Дата доступа: 17.11.11.

*Юй Хунянь
аспирант Института журналистики
Белорусский государственный университет*

PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА НА МИРОВОЙ АРЕНЕ: ОПЫТ КИТАЯ

Олимпийские игры 2008 г., ЭКСПО в Шанхае 2010 г., международные студенческие олимпийские игры 2011 г. свидетельствуют о том, что по мере своего экономического развития Китай привлекает к себе все больше и больше внимания. В этих условиях публичных отношений (PR) играет все более важную роль. Поэтому возникает актуальный вопрос: как использовать благоприятные возможности для долгосрочного развития Китая, для повышения его имиджа на международной арене?

За использование PR-технологий для построения позитивного имиджа в КНР ответственны три самостоятельные государственные учреждения: Информационное бюро Госсовета, ответственное за деятельность СМИ, в том числе сетевых, Министерство иностранных дел, отвечающее за государственную дипломатию, и Министерство образования, которое несет ответственность за распространение китайского языка.

Но планомерным и целенаправленным PR-усилиям по продвижению в международное сообщество традиционной китайской культуры, основанной на последних достижениях, все еще уделяют недостаточно внимания.

Китай является цивилизованной страной, но все еще слабым культурным источником. Товары с пометкой «Сделано в Китае» захватывают весь мир, однако влияние и масштабы распространения китайской культуры значительно меньше.

В сравнении с другими странами, культурный экспорт в КНР прошел многими путями. Западная культура была интегрирована в современную китайскую культуру и повлияла на повседневную жизнь китайцев во множестве форм: кино, мода, питание, развлечения (Макдональдс и даже Диснейленд); большая часть современного иностранного образа жизни была легко принята китайским обществом.

Традиционная культура Китая, безусловно, захватывает. Но, с другой стороны, китайская культура слишком широка и многогранна, чтобы быть представленной для иностранцев только отдельными образами, такими как Пекинская опера, у-шу, пекинская утка, Великая Китайская стена... Да, эти древние феномены являются средством распространения китайской культуры, но эффективность этих традиционных образов недостаточна.

Китай должен принять новую концепцию позиционирования себя миру, чтобы показать свою открытость. Но идея не в том, чтобы отказываться от традиционной культуры, а в том, чтобы усилить традиционную культуру инновациями, сделать ее более доступной и открытой, чтобы мир увидел новый, а не только традиционный Китай.

Основная цель PR-усилий Китая – показать себя миру как хорошее и ответственное государство. Поэтому для Китая наиболее важными являются необходимость соблюдения международного порядка и уважения общечеловеческих ценностей, и Китай работает над улучшением своего имиджа среди американцев. Так китайское государственное информагентство «Синьхуа» с 1 августа 2010 г.

разместило на громадном экране в центре Нью-Йорка, на Таймс-сквер, рекламу в рамках продолжающейся «американской экспансии» КНР [1].

На Таймс-Сквер, известной как «перекресток мира», британский банк HSBC передал Китаю в долгосрочное пользование огромный рекламный дисплей, 18 на 12 метров [1]. Дисплей показывает рекламу 24 часа в сутки, в день под ним проходит почти 500 тысяч пассажиров – это огромный людской поток. Первый рекламный ролик был продемонстрирован на Таймс-сквер накануне визита Ху Цзиньтао в Нью-Йорке; он транслировался 15 раз в час, и более чем за 20 дней в общей сложности показан 8400 раз. В видеоролике знаменитые китайцы отражали имидж своей страны.

Внешние связи и позитивный имидж Китая сформированы на международной арене с помощью традиционной официальной информационно-рекламной деятельности, но сейчас требуются более широкие, более современные общественные связи (PR). Так, Институт Конфуция сегодня также является субъектом PR-усилий, так как язык служит важным инструментом для межличностного общения, чтобы иностранцы лучше понимали не только китайцев, но и китайскую культуру.

С расширением международного влияния Китая число изучающих китайский язык увеличивается. В ноябре 2004 г. первый в мире Институт Конфуция открылся в Южной Корее [2]. До конца мая 2011 г. в 101 стране мира создано более трехсот Институтов Конфуция и четырехсот Конфуцианских Классных комнат. В последние годы Институт Конфуция распространился по всему миру, стал окном китайской культуры и получил широкое признание. Поскольку каждая страна имеет различные характеристики, Институт Конфуция создан в соответствии с местными условиями. Сейчас более 2500 университетов преподают китайский язык. Число изучающих китайский язык – более чем 30 миллионов человек.

Для того чтобы все страны мира лучше понимали китайский народ, китайский язык и культуру, для развития дружественных отношений между Китаем и зарубежными странами, для строительства гармоничного мира в марте 2009 г. Штаб-квартира Института Конфуция (Ханьбань) выпустила журнал для широкого круга читателей из Европы и США. Этот журнал является введением в китайский язык и китайскую культуру. По плану, он выпускается шесть раз в год; каждая тема определяется за два месяца до выпуска, и в соответствии с ней подбираются и переводятся статьи. Наполняются специальные рубрики: китайская поэзия, китайская живопись, китайская кухня. Эти публикации и обучение в Институте Конфуция органично сочетаются с различными культурными мероприятиями, привлекающими внимание читателей. С этого года читатели могут прочитать журнал «Института Конфуция» на сайте, таким образом, он стал доступен в любой стране. Основная цель журнала – передать китайскую историю и культуру, социальные изменения, обычаи, способствуя международному изучению китайского языка и китайской культуры.

В последние годы все больше и больше людей изучают китайский язык. Но существует проблема нехватки общения между учащимися, возможностей ведения диалога на китайском языке непосредственно с китайцами. Есть много иностранцев – обучающихся и работающих, которые жили в Китае много лет, но впоследствии вернулись на родину и утратили возможность говорить на китайском. «Уголок китайского языка» предоставляет им такую возможность.

Впервые этот проект был организован в августе 2007 года в Токио. «Уголок

китайского языка» проводится раз в неделю по воскресеньям, и состоялся уже более 150 раз. Каждый раз организаторы задают ключевую тему, а участники могут обсуждать её. Вместе с этим, участники могут получить китайские газеты и журналы. А, кроме того, можно вместе посмотреть китайские фильмы, петь китайские песни, есть традиционные китайские блюда.

В проекте участвовали свыше 5000 специалистов из разных отраслей: дипломаты, профессора, писатели, художники, студенты, офисные работники, даже домохозяйки. Участники обсуждают политическую, экономическую, социальную, культурную и другие сферы Японии и Китая. «Уголок китайского языка» проводится в парке, добираться очень удобно, участие бесплатное, здесь непринужденная атмосфера, поэтому проект стал своего рода платформой для неправительственных обменов и важным окном для распространения китайской культуры в Японии. «Уголок китайского языка» скорректировал неправильное мнение о Китае и улучшил впечатление о нем.

«Уголок китайского языка» появился благодаря усилению международного влияния Китая и естественному увеличению числа изучающих китайский язык. «Уголок китайского языка» не похож на Институт Конфуция, который преподает китайский язык и распространяет китайскую культуру большей частью в классах и университетах. В отличие от него, «Уголок китайского языка» – это свободный и легкий обмен в естественной окружающей среде и привычных социальных связях.

Передача китайской культуры и формирование позитивного имиджа Китая на мировой арене, в дополнение к традиционной официальной информационно-просветительской деятельности, требует более широкой PR-поддержки. «Уголок китайского языка» играет важную роль в укреплении китайской культуры в сознании зарубежного сообщества.

Не следует забывать, что PR – это и деятельность по позиционированию на международной арене национального менталитета Китая и его национальной политики. Это дополнительная работа для дипломатии, однако субъектами PR являются не только государственные ведомства, но и, в большей степени, неправительственные организации, такие как: гражданское общество, университеты, исследовательские институты, средства массовой информации, религиозные организации и даже отдельные влиятельные люди в стране и за рубежом. Они так же могут использоваться в своих областях и на международной арене, чтобы отражать национальные условия и международную политику.

Особенно эффективным методом является влияние китайцев, проживающих за рубежом. Ведь распространение национального имиджа Китая в формате рекламы является каплей в море. Поэтому распространение великой китайской цивилизации и культуры – это задача каждого китайца. Китайцы, живущие за рубежом, могут сыграть важную роль, потому что они хорошо представляют менталитет и своей родины, и страны, в которой они живут. Китайские соответствующие департаменты должны активно искать поддержки и помощи зарубежных китайцев, создавать совместные конкретные и эффективные проекты сотрудничества. Необходимо показать реальный Китай. Китайцы и китайские эмигранты прилагают значительные усилия, чтобы передать зарубежным друзьям стабильный, гармоничный и процветающий имидж Китая. Они основали «Уголок китайского языка», чтобы таким способом представить большие достижения Китая всем возрастам, всем социальным слоям общества, и тем самым содействовать распространению китайской культуры, открыть свою родину народу другого государства, чтобы

устранить недоразумения и предрассудки в отношении Китая.

С помощью PR можно создать более ясный и широкий образ китайского общества для иностранцев, можно эффективно повысить привлекательность культурного и политического влияния страны, улучшить международное общественное мнение и защитить национальные интересы.

Литература

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baike.baidu.com>. – Дата доступа: 16.11.2011г.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kzxy.com.cn>. – Дата доступа: 16.11.2011г.

ЭКСИМБАНК КИТАЯ В БЕЛАРУСИ

Эксимбанк Китая — Экспортно-импортный банк Китая (The Export-Import Bank of China / China Exim Bank) — важная часть внешней торговли и экономики и значительная часть финансовой системы Китая. Он играет большую роль в содействии развития открытой и экспортно-ориентированной экономики страны. Эксимбанк основан в 1994 году, принадлежит и контролируется центральным правительством КНР. Головной офис банка находится в Пекине. По состоянию на 2010 год, у банка имеется 18 внутренних филиалов и 3 зарубежных представительства: в Йоханнесбурге, Париже и Санкт-Петербурге. Эксимбанк установил корреспондентские отношения с более чем 500 банками [1]. В России и СНГ консультационное обслуживание работ по привлечению внешнего финансирования проектов от Эксимбанка Китая предлагает компания «ЭГМ БТК» (Москва).

Банк активно сотрудничает с иностранными партнерами, укрепляет отношения с зарубежными странами. Беларусь не стала исключением. За последнее десятилетие было подписано и воплощено в жизнь немало инвестиционных проектов. Эксимбанк предоставляет льготные и коммерческие кредиты на реализацию белорусско-китайских проектов. Беларусь также сотрудничает с китайским банком в сфере привлечения прямых инвестиций в свою экономику.

На данный момент уже имеются успешно завершенные проекты, например, создание в Беларуси третьего оператора мобильной связи «БеСТ» (в 2006 году было предоставлено 234 млн. долларов), а также модернизация Минской ТЭЦ-2 (льготный правительственный кредит в размере 43 млн. долларов в 2007 году).

В основном Эксимбанк финансирует инфраструктурные проекты. В 2008–2009 годах подписаны три кредитных соглашения на общую сумму 500 млн долларов на финансирование проектов строительства цементных заводов в Беларуси. 17 декабря 2009 года было заключено рамочное соглашение, в соответствии с которым Беларуси была открыта кредитная линия на сумму 5,7 млрд. долларов для финансирования совместных инвестиционных проектов [2].

Осенью 2010 года были подписаны кредитные соглашения между Эксимбанком Китая и правительством Беларуси по проекту «Создание интеллектуальной транспортной системы безопасности г. Минска» и проекту «Электрификация участков железной дороги Гомель – Жлобин – Осиповичи и Жлобин – Калинковичи. Первая очередь. Участок Жлобин – Осиповичи». Сумма кредита составила 70 млн. долларов. Китай – мировой лидер в развитии скоростного движения и электрификации железнодорожных путей.

Электрификация в Беларуси и последующий перевод участков на электротягу движения грузовых и пассажирских поездов позволит на 26% снизить себестоимость перевозок и на 15% сократить потребление топливно-энергетических ресурсов [2]. Это приведет не только к повышению экономических показателей, но и позволит улучшить экологическую обстановку на прилегающих территориях.

Также Эксимбанк выдал кредит на сумму 89 млн. долларов ОАО "АСБ "Беларусбанк" для финансирования проекта "Приобретение грузовых электровозов". Кроме того, в конце 2010 года между Эксимбанком и правительством Беларуси были

подписаны два кредитных соглашения о льготном финансировании строительства ПГУ-400 МВт на Березовской ГРЭС и строительства ПГУ-400 МВт на Лукомльской ГРЭС, общая сумма кредитов равна 634 млн. долларов.

14 июня 2011 года правительство Беларуси и Эксимбанк подписали кредитные соглашения для финансирования ряда совместных проектов. Эксимбанк совместно с Индустриально-коммерческим банком Китая (ICBC) выделяют Беларуси кредит на сумму 654 млн. долларов на строительство завода по производству сульфатной беленой целлюлозы на базе «Светлогорский ЦКК». Проектная стоимость всего строительства завода составляет 700 млн. долларов. Этот проект может позволить Беларуси нарастить экспортный потенциал, так как предполагаемая мощность завода – 400 тыс. тонн целлюлозы в год, а потребность Беларуси – 200 тыс. тонн в год. Не исключается возможность погашения кредита за счет поставок в Китай целлюлозы. 400 млн. долларов пойдут на реконструкцию дороги М-5/У271 Минск-Гомель на участке Жлобин-Гомель и электрификацию участков железной дороги Гомель-Жлобин-Осиповичи и Жлобин-Калинковичи. В целом объем трех подписанных кредитных соглашений составил 1,06 млрд. долларов [1].

7 ноября 2011 года в Пекине на встрече главы китайского Эксимбанка Ли Жогу и заместителя премьер-министра РБ Анатолия Тозика было подписано соглашение о предоставлении Беларуси 1 млрд. долларов по льготной ставке. Предполагается, что средства будут направлены на создание в Беларуси национальной системы спутниковой связи, возведение высоковольтных линий для АЭС, строительство автомобильной дороги, модернизацию Национального аэропорта "Минск". Одним из наиболее крупных планируемых проектов является китайско-белорусский индустриальный парк, под который в Минском районе отводится 80 квадратных километров территории. В ближайшем будущем условия деятельности парка будут закреплены на законодательном уровне.

Для получения льготного кредита необходимо учитывать определенные условия, которые содержатся в информационной справке «О льготных кредитах, предоставляемых Правительством КНР и экспортно-импортным банком Китая» [3].

Эксимбанк Китая давно и успешно сотрудничает с нашей страной, затрагивая разные сферы экономики, но наиболее перспективными являются станко- и машиностроение. Организация заинтересована расширять кредитное и инвестиционное сотрудничество с Беларусью, а также рассматривает вариант открытия в Минске своего представительства.

Литература

1. China Exim Bank/ The export-import bank of China / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.eximbank.gov.cn>. - Дата доступа: 11.11.2011г.
2. Еженедельная аналитическая газета для деловых людей «Белорусы и рынки» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belmarket.by/ru>. - Дата доступа: 12.11.2011г.
3. Электронный новостной ресурс Беларуси «Telegraf.by» / [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа: <http://telegraf.by>. - Дата доступа: 12.11.2011г.

Агонга Оинбоноха Фрэд
Аспирант,
Белорусский государственный университет
Нигерия

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ И ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В КИТАЕ: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

По данным телекоммуникационной организации International Telecommunications Union (ITU) количество пользователей Интернет в мире составляет более двух миллиардов человек. При этом, согласно глобального исследования аналитической компании The Royal Pingdom, в Азии живут около 44% всех интернет-пользователей мира, в Европе – около 23%.

Современный Китай является мировым лидером по числу интернет-пользователей (485 млн. человек, при том, что уровень проникновения интернета составляет лишь 36%), по числу мобильных телефонов (каждый пятый владеет мобильным телефоном) и по развитию электронной торговли.

Китай обладает самой крупной в мире сетью кабельного телевидения, которая сочетает в себе телевидение, телефонию и широкополосный доступ в Интернет по одной сети. Выход в Интернет неограничен, создан национальный аналог Интернета – Общекитайская национальная сеть. Китайский язык является вторым наиболее распространенным языком в Интернете. В виртуальном пространстве Китая более 20 миллионов блогов и 843000 веб-сайтов.

Таким образом, в КНР уже заложены основы современного информационного общества.

Для справки. Число сайтов в глобальной паутине на конец 2011 года составило более 555 миллионов, из которых примерно около 300 миллионов появились в прошлом году. Почти половина всех интернет-пользователей мира моложе 25 лет. Каждый третий житель планеты выходит в Интернет.

Среди социальных сетей безусловным лидером остается Facebook с 800 миллионами аккаунтов, из которых 350 миллионов используется через мобильную версию сайта. Число зарегистрированных аккаунтов на Twitter — 225 миллионов, почти столько же твитов они отправляют в день.

Наиболее популярным браузером является Internet Explorer с долей в 39%. Google Chrome занимает второе место с 28% пользователей, а Mozilla Firefox использует чуть меньше людей — 25%.

Количество аккаунтов электронной почты в полтора раза превышает общее число пользователей интернета, самым популярным клиентом, занимая чуть меньше трети рынка, остается Outlook. Среднестатистический пользователь, работа которого, так или иначе связана с компьютером, получает и отправляет 112 писем в день. 70% общего трафика электронной почты составляет спам.

В Китае постоянно и последовательно проводится обоснованная строгая политика в отношении Интернет и электронного бизнеса. Составными частями этой политики является:

- жесткий контроль контента в целях предотвращения распространения информации, отрицательно влияющей на нравственность людей;

- строгое соблюдение законов: только при этом условии правительство Китая разрешает действовать на территории своей страны иностранным компаниям, обладающим высокими технологиями;

- организация постоянной борьбы против компьютерного пиратства (в Китае официально функционирует сайт по охране авторских прав);

- контроль электронной торговли: введен налог на виртуальные товары (ставка налога на торговлю виртуальными предметами составила 20%).

В Китае ускоренными темпами развивается электронная торговля и формируются ее институциональные основы: так в 1998 г. под эгидой Министерства Коммерции создан китайский международный центр электронной торговли (КМЦЭТ). Будучи ИТ-компанией, КМЦЭТ является одним из первых исследовательских центров по ИТ в Китае. Уровень проникновения электронной коммерции в Китае уже выше, чем, например, в России.

Онлайновая китайская ярмарка экспортно-сырьевых товаров (ОЯЭСТ), которая спонсируется Министерством Коммерции и непосредственно управляется китайским МЦЭТ, является профессиональным сайтом электронной торговли, который предлагает всестороннюю деловую информацию в интерактивном режиме.

По данным доклада об итогах мониторинга китайского рынка электронной торговли, опубликованного китайским научно-исследовательским центром по электронной торговле, в 2011 году оборот электронной торговли в Китае составил более 4,3 трлн. юаней (\$632 млрд.).

Для справки. Согласно официальным данным, до декабря 2010 года в Китае было 18 тыс. сайтов электронной торговли, среди них 60% работает по модели «B2C». Среди них более 85%. Торговый оборот на рынке по модели «B2C» увеличивается почти на 100% ежегодно и составляет 3% общего розничного оборота Китая. Около 10% всех детских товаров в Китае продаётся через интернет. Эксперты прогнозируют дальнейший динамичный рост электронной торговли в Китае (рис.1).

Рисунок 1. Прогноз роста объемов электронной торговли

Факторами роста электронной торговли в Китае являются:

1. Цены в интернет-магазинах Китая в среднем на 21% ниже, чем в офлайн-магазинах, что связано с высокой конкуренцией (по данным Credit Suisse, такой большой разницы в ценах нет ни в одной стране мира).

2. Развитие системы электронных платежей (крупнейший в стране веб-портал Alibaba реализовывал два новых проекта: электронной торговой платформы Taobao и платёжной системы Alipay).

3. Молодой покупатель: траты китайской молодежи развивают китайский рынок ретейлеров (20% роста ежегодно начиная с 2008 года), компании направляют основные ресурсы на эту демографическую группу.

4. Низкая стоимость доставки товаров покупателям.

5. Рост использования населением кредитных карт: китайские Bank of China и Merchants Bank внедряют сервисы, нацеленные на потребителей в небольших городах Китая. Ожидается пятикратное увеличение пользователей кредитных карт (до 250 миллионов) к концу 2013 году.

6. Развитая система обеспечения безопасности покупок и электронных платежей.

7. В Китае активно развиваются закупочные альянсы (коллективная покупка). В течение 2010 года появилось более 3200 сайтов, предоставляющих услуги для коллективных покупок. Одновременно возрастают требования, предъявляемые к открытию сайта, занимающегося коллективными покупками.

Дальнейшие перспективы развития электронной торговли в Китае связаны со следующими направлениями:

1. **Рост каналов продаж:** в среднем, в Китае в день около 150 миллионов человек совершают покупки онлайн. И это число будет расти, за счет мобильной сети.

2. **Развитие рынка B2C:** сегмент B2C по оценкам, к 2015 году достигнет 40%.

3. **Географическое расширение:** рост числа покупателей во внутренних провинциях Китая (эта тенденция является одной из главных трудностей для развития логистики. И именно от того, как курьерские службы будут расширять сети доставки, будет зависеть их успех в будущем).

4. **Решение основных проблем в сфере логистики:** крупные участники электронной торговли, чтобы гарантировать качество доставки, осуществляют ее самостоятельно, создают центры дистрибуции способные обслуживать до ста тысяч заказов в день.

5. **Еще один вариант решения проблемы доставки продукции.** Логистика: ключ к успеху в электронной торговле.

В течение последних пяти лет темпы прироста рынка электронной торговли в Китае составляют более 90%. в год. За период с 2004 по 2009 год он вырос с 750 млн. долларов до 32 млрд, и, по оценкам, к 2014 году его стоимость составит около 175 млрд. долларов.

Специалисты считают, что в последующие десятилетия развитие сети Интернета в Китае будет все более коммерциализироваться и электронная торговля окажет огромное влияние на дальнейшее развитие Китая, соединившись в ближайшем будущем с традиционным торгово-промышленным капиталом. Это соединение будет глубоким и долгосрочным и будет положительно влиять на модель экономического развития Китая (в том числе на урегулирование и обновление отраслевой структуры в стране). Электронная торговля все более становится двигателем роста китайского потребительского рынка.

Таким образом, электронная торговля является одним из направлений модернизации китайской экономики и заслуживает самого тщательного изучения.

Литература

1. Деловой журнал про Китай / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://china-business-connect.ru>. – Дата доступа: 15.11.2011г.
2. Деловой журнал про Китай / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinapro.ru>. – Дата доступа: 15.11.2011г.
3. Журнал / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://capitanflint.livejournal.com>. – Дата доступа: 16.11.2011г.

*Амего Н.В., Пирожник Г.В.
студенты специальности «экономика и управление на предприятии», БФ,
Белорусский государственный экономический университет*

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ УСПЕШНОЙ ЭКОНОМИКИ

В последние 30 лет Китай поражает всех стремительным ростом.

По мнению экспертов и аналитиков мировой экономики, резкий взлет промышленного производства в этой стране обусловлен в первую очередь разумной и осторожной государственной политикой в отношении становления и развития частного бизнеса. С начала 1980-х годов, когда в КНР был провозглашен курс на реформы в экономике, год за годом китайское правительство постепенно создает условия и последовательно регулирует рост промышленного производства [1].

За 25 с лишним лет реформ Китая производство промышленной продукции увеличилось в десятки и даже сотни раз, многие виды промышленной продукции пользуются широким спросом во всем мире. С 1996 г. по производству стали, угля, цемента, химических удобрений и телевизоров Китай занимал первое место в мире. Располагая значительными запасами сырья, Китай имеет прочную базу для развития металлургической промышленности. В результате проведения широких геологических работ в последние годы уточнены границы старых и обнаружено новые месторождения железных и магниевых руд, угля, нефти и других видов сырья.

Вместе с тем, за последние 50 лет в Китае восстановлена пищевая промышленность, построено более 370 тыс. новых промышленных предприятий, а промышленное производство возросло в 39 раз. О масштабах развития нынешнего индустриального комплекса Китая свидетельствует тот факт, что ежедневно в стране производится промышленной продукции на 2.1млрд. юаней

Благодаря длительному периоду устойчиво высокого роста ВВП (самого высокого в мире) и экспорта, динамика которого представлена на рисунке 1, абсолютных и относительных размеров накоплений и инвестиций, в том числе иностранных, вовлечению в промышленное производство миллионных масс населения, Китаю удалось построить современную промышленность – создать разнообразные промышленные отрасли, ранее отсутствовавшие в стране и тем самым значительно увеличить долю промышленности в ВВП [2, с.12].

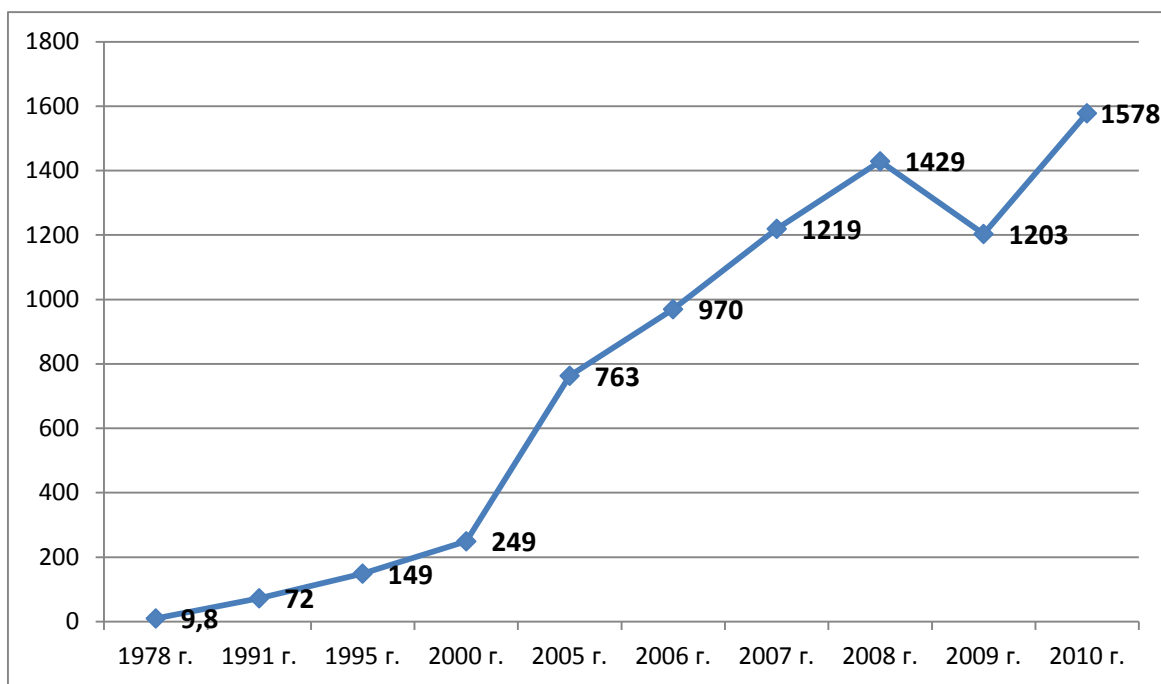

Рисунок 1 – Динамика экспорта товаров Китайской Народной Республики, млрд. долл. США

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [3]

Как видно из рисунка 1, уже на протяжении более чем 30 лет экспорт товаров Китая планомерно растет, несмотря на снижение этого показателя в 2009 г., что обусловлено влиянием на экономику страны мирового финансово-экономического кризиса.

На сегодняшний день промышленность КНР представлена 360 отраслями. По общему количеству фабрик и заводов Китай занимает первое место в мире. Активно развиваются машиностроительная, фармацевтическая, автомобильная и металлургическая промышленность. Созданы такие современные отрасли, как электроника, нефтехимия, авиастроение, металлургия редких и рассеянных металлов.

Среди промышленных отраслей стремительными темпами развивается электроэнергетика, включающая тепловую, гидро- и атомную энергетику. Китай занимает второе место в мире по мощности электростанций.

Авиакосмическая промышленность, созданная в 1956 г., находится на особом пути развития. В результате в настоящее время Китай является пятой мировой державой, самостоятельно ведущей испытания и запуски искусственных спутников Земли, и третьим государством, владеющим технологиями возвращения космических аппаратов.

Сегодня информатика стала первой главной отраслью промышленности страны. По валовой продукции, объему сбыта и прибыли электронная промышленность и производство оборудования связи вышли на первое место среди всех отраслей, внося самый большой вклад в рост народного хозяйства Китая.

Производство машиностроения и электроники удерживает первое место среди экспортных товаров Китая. С 1990-х гг. стабильно развивается одна из основных отраслей – автомобилестроение.

Результативность проводимой Китаем политики очевидна: многие отрасли китайской промышленности переживают бурный рост, активно привлекаются иностранные инвестиции, поощряется создание крупных совместных предприятий и зон

с льготным налогообложением, строительство промышленных и перерабатывающих заводов. При довольно скудных энергетических ресурсах в КНР, потребность в которых часто не удовлетворяется полностью, экономика Китая, тем не менее, не ослабляет своих темпов в промышленном развитии [1].

Интересно также, что основной объем китайского экспорта обеспечивается за счет предприятий с участием иностранного капитала (58,9% от общего объема), на втором месте – частные предприятия (17,5%) и меньше всего экспортируют предприятия государственного сектора экономики (13,8%).

Это свидетельствует о том, что развитие промышленности Китая зависит не только от крупных промышленных предприятий, но также средних и малых, которые в любой стране считаются основой экономики. В свою очередь, небольшие производственные китайские компании сегодня предлагают максимальное количество промышленных товаров на рынке и услуг по размещению заказов на производство различной продукции.

Присоединение к ВТО придало дополнительный импульс росту производства и развитию промышленности в целом. Например, по итогам 2009 г. размещение производственных заказов иностранными компаниями на китайских предприятиях выросло на 73%. Это свидетельствует о постоянном и возрастающем интересе компаний всего мира к китайскому производственному рынку.

Конечно, время покажет, удастся ли китайскому правительству реализовать свои грандиозные планы по выводу промышленности Китая на качественно новый уровень развития и превращению китайских производителей из предприятий, обслуживающих потребности международного рынка в предприятия, диктующие моду.

Однако надо признать, что потенциал для этого существует и при сохранении высокого процента трудоспособного населения в течение ближайших 10-15 лет и повышении производительности труда, Китай может стать страной с мощной и развитой промышленной производственной базой, продукция которой будет составлять достойную конкуренцию ведущим мировым производителям.

Литература

1. Знак качества. Промышленный журнал. / Под ред С.В. Короленок [Электронный ресурс]. – Минск 2011. – Режим доступа: <http://www.znk.by>. – Дата доступа: 24.02.2012.
2. Жуджунь Дин, Ковалев М. М., Новик В. В. Феномен экономического развития Китая: Научное издание. Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – 446 с.
3. Беларусь и страны мира. Статистический сборник. / Под ред В.И. Зиновского. – Минск 2011. – 268 с.

Чжу Хэци

Аспирантка кафедры международного частного и европейского права

Белорусский государственный университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

История отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой начинается 20 января 1992 г., когда заместитель министра иностранных дел Китая Тянь Цзенпэй и министр иностранных дел Беларуси П. Кравченко подписали в Пекине соглашение об установлении дипломатических отношений. Для укрепления дружеских отношений, а также в целях развития сотрудничества и торгово-экономических связей между двумя государствами, в тот же день было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь [1]. Соглашение подтвердило намерение двух государств предпринимать все необходимые меры для непрерывного и стабильного развития торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами, а также создать для этого благоприятные условия. Стороны также договорились о том, что в сфере налогообложения экспортных и импортных товаров, а также взимания других налогов, в области таможенного оформления будут созданы наиболее благоприятные условия. Статья 3 Соглашения определила: «Договаривающиеся Стороны будут поощрять и защищать капиталовложения одной Договаривающейся Стороны на территории другой в соответствии с положениями данного Соглашения и законодательством, которое действует в каждой из стран».

11 января 1993 г. между Республики Беларусь и Китайской Народной Республикой был заключен Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам [2].

В соответствии с п. 1 ст. 1 граждане Договаривающейся Стороны пользуются на территории другой Договаривающейся Стороны такой же правовой защитой своих личных и имущественных прав, как и граждане другой Договаривающейся Стороны. Они имеют право обращаться в суды и другие учреждения, к компетенции которых относятся гражданские и уголовные дела, могут возбуждать ходатайства и осуществлять другие процессуальные действия на тех же условиях, как и граждане другой Договаривающейся Стороны. В соответствии с п. 2 ст. 1 положения п. 1 применяются также и по отношению к юридическим лицам, учрежденным на территории каждой из Договаривающихся Сторон. В п. 3 ст. 1 содержится указание, что термин «гражданские дела», употребляемые в Договоре, включает также торговые, хозяйственные, брачно-семейные и трудовые дела.

Таким образом, Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам предусматривает возможность рассмотрения споров, связанных с осуществлением инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества, в судебных учреждениях обоих государств.

Одновременно с Договором о правовой помощи было подписано Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Беларусь о поощрении и взаимной защите инвестиций [3] (анализ Соглашения содержится в п. 5.1.).

Необходимой составляющей инвестиционного сотрудничества между государствами является и Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и имущество. Такое Соглашение Правительство Республики Беларусь и Правительство Китайской Народной Республики подписали 17 января 1995 года [4].

Налогоми, на которые распространяется Соглашение, являются (в Республике Беларусь): налог на доходы и прибыль юридических лиц, подоходный налог с граждан, налог на недвижимость. Устранение двойного налогообложения происходит следующим образом. Если резидент Беларуси получает доход или владеет имуществом, которое в соответствии с Соглашением может облагаться налогом в Китае, тогда Беларусь позволяет вычесть:

а) из налога на доход этого резидента сумму, равную налогу с этого дохода, уплаченному в Китае;

б) из налога на недвижимость этого резидента сумму, равную налогу на недвижимость, уплаченному в Китае.

Развитие инвестиционного сотрудничества определяется теми импульсами, которые исходят со стороны высшего руководства Беларуси и Китая. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко совершил шесть официальных визитов в Китай, в ходе каждого из которых подписывались важные соглашения двустороннего сотрудничества Беларуси и Китая.

В ходе государственного визита белорусского Президента 4-6 ноября 2005 года была подписана Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики [5].

В Декларации Стороны констатировали, что связи и сотрудничество между Беларусью и Китаем в торгово-экономической, научно-технической, военной, образовательной, туристической областях и сферах культуры, социального обеспечения и информации стали более тесными и плодотворными.

Стороны заявили, что расширение и углубление торгово-экономического сотрудничества между Беларусью и Китаем имеет большое значение для укрепления и развития двусторонних отношений. В Декларации отмечалось, что Правительства двух стран будут максимально использовать возможности межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, совместно предпринимать эффективные меры в целях увеличения объема взаимной торговли, улучшения структуры товарооборота, разработки новых моделей сотрудничества. Стороны заявили о намерении содействовать реализации имеющихся проектов сотрудничества в областях машиностроения, телекоммуникаций, энергетики и других сферах.

Вместе с тем Стороны выразили намерение поддерживать субъектов хозяйствования в их стремлении активно развивать сотрудничество на основе равноправия и взаимной выгоды, поощрять активизацию прямых торговых связей между субъектами хозяйствования. Китайская сторона приветствовала участие белорусской стороны в освоении Западных районов и возрождении старых промышленных баз Северо-Восточного и других районов Китая.

Китайская сторона заявила о поддержке скорейшего присоединения Беларуси к Всемирной Торговой Организации и выразила уверенность, что это послужит укреплению универсальности и представительности данной Организации, развитию китайско-белорусского торгового сотрудничества. В связи с этим было заявлено о том, что Стороны успешно завершили переговоры о доступе на рынки двух стран при присоединении Беларуси к ВТО и подписали соответствующие документы.

Важным моментом в Декларации было заявление Сторон о взаимном признании друг друга в качестве стран с полной рыночной экономикой, в связи с чем Стороны выразили готовность усилить сотрудничество в рамках ВТО на принципах взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды.

Было заявлено также, что Стороны будут содействовать расширению научно-технического сотрудничества на основе взаимной выгоды, поощрять сотрудничество между соответствующими организациями и предприятиями двух стран по промышленному освоению новых высоких технологий. В этом свою позитивную роль должна выполнить межправительственная комиссия по научно-техническому сотрудничеству.

Декларация 2005 г. стала мощным импульсом для интенсификации развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Беларуси и Китая.

Развитие экономического сотрудничества двух государств потребовало решения вопроса об охране прав интеллектуальной собственности, что было реализовано в межправительственном Соглашении, подписанном 23 апреля 2001 г. [6]. Стороны договорились включить в соответствующие двухсторонние соглашения положения об охране прав интеллектуальной собственности. В Соглашении стороны также обязались:

- обмениваться информацией о законодательстве в области интеллектуальной собственности;

- обмениваться патентной информацией, а также опытом ее обработки и использования;

- обмениваться опытом и обсуждать возможности унификации процедур экспертизы объектов промышленной собственности и других совместных мерах по охране прав интеллектуальной собственности.

Особое место среди принятых документов занимает Рамочное соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики об активизации двустороннего торгово-экономического сотрудничества (далее – Рамочное соглашение), вступившее в силу 24 марта 2010 года [7].

В документе Правительство Республики Беларусь и Правительство Китайской Народной Республики констатировали, что дружба, доверие и сотрудничество между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой вступили в новый этап всестороннего развития. В целях дальнейшего укрепления и развития двусторонних торгово-экономических отношений Стороны выразили готовность принять активные меры по продвижению реализации проектов в области торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. В ст. 2 Рамочного соглашения Стороны заявили, что продвижение проектов в области торгово-экономического сотрудничества между двумя странами будет осуществляться на основе следующих принципов:

- строгое соблюдение законодательства, политического курса и соответствующих положений обеих стран;

- всесторонний учет уровня экономического развития двух стран, структуры рыночных потребностей, равноправия, взаимной выгоды и взаимодополняемости;

- субъектами реализации проектов являются предприятия, которые осуществляют деятельность в соответствии с законами рынка на справедливой и добровольной основе;

– определение первоочередности областей и проектов для сотрудничества стратегической целесообразностью, возможностью реализации и экономической выгоды.

Рамочное соглашение содержит в приложении Перечень проектов двустороннего торгово-экономического сотрудничества, котором проекты совместного сотрудничества подразделены на первоочередные, текущие и перспективные. К первоочередным относятся проекты, определенные как обладающие особым значением или срочностью и одобрены Сторонами к первоочередному рассмотрению и реализации. Таких проектов в Перечне названо девять.

К текущим относятся проекты, по которым определяются условия и приводятся процедуры согласования Сторонами к рассмотрению и реализации. Количество таких проектов – 23.

К перспективным относятся проекты, по которым проводятся консультации Сторон о возможности их реализации в рамках двустороннего сотрудничества государств. Всего к перспективным отнесены 57 проектов.

Одним из принципиально новых соглашений, направленных на развитие торгового и инвестиционного сотрудничества, стало своп-соглашение между Национальным банком Республики Беларусь и Народным банком Китая, подписанное 11 марта 2009 года. Соглашение предусматривает взаимный обмен национальными валютами для ведения расчетов по инвестиционным и торговым договорам. Объем сделки составляет 20 млрд. юаней (2,9 млрд. долларов США), срок соглашения – 3 года. Подобные своп-соглашения Китай заключил также с Республикой Корея, Гонконгом, Малайзией, Индонезией, Аргентиной. Заключение своп-соглашения свидетельствует об особых отношениях между Беларусью и Китаем. Своп-соглашение может покрыть трехлетний товарооборот между государствами, поскольку по данным КНР в 2007 году он составил 839 млрд. долларов США [8]. В момент заключения договора отсутствовал механизм реализации своп-соглашения. В связи с этим предлагались три варианта реализации своп-соглашения Республики Беларусь и КНР. Первый вариант предусматривал включение Беларуси в проводимый Китаем эксперимент по осуществлению двусторонних расчетов в юанях. Второй вариант предполагал взаимозачетный путь реализации своп-соглашения посредством использования своп-ресурсов через белорусский клиринговый центр в Китае. Третий вариант предусматривал полномасштабный запуск своп-соглашения путем перехода на национальные валюты в расчетах между Беларусью и Китаем [8, с. 14-19].

В появившемся на сайте Национального банка Беларуси пресс-релизе 25 ноября 2010 г. сообщалось, что Национальным банком Республики Беларусь получены и зачислены на его счет в Народном банке Китая 6 млрд. юаней, что эквивалентно 900 млн. долларов США. Далее говорилось, что это окажет положительное влияние на объем международных активов Республики Беларусь в национальном определении. Эквивалентная сумма в белорусских рублях была зачислена на счет Народного банка Китая в Национальном банке Республики Беларусь. Таким образом, Беларусь и Китай уже на практике подошли к возможности использования в торгово-экономических отношениях свои национальные валюты. В конце января 2011 г. председатель Национального банка Беларуси П. Прокопович заявил, что Национальный банк готов продавать на внутреннем белорусском рынке юани, привлеченные по сделке своп с Народным банком Китая [9].

Как видно, что почти за двадцатилетнюю историю сотрудничества Беларуси и Китая в сфере инвестиций была сформирована правовая база, основу которой составили: Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь 1992 г., Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1993 г., Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций 1993 г., Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и имущество 1995 г., Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики от 5 декабря 2005 г., Рамочное соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики об активации двухстороннего торгово-экономического сотрудничества 2010 г., Соглашение между Национальным банком Республики Беларусь и Народным банком Китая об обмене национальными валютами от 11 марта 2009 г.

Как уже отмечалось Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики было подписано 11 января 1993 года. Данное Соглашение действует в настоящее время и является правовой основой конкретных инвестиционных проектов, заключаемых как на территории Беларуси так и Китая. В тоже время внимательное прочтение указанного Соглашения вызывает ряд вопросов к формулировкам правовых норм, содержащихся в нем.

Уже в ст. 1, где раскрывается термин инвестиции, в подпункте «г» к ним отнесены авторские права, права на промышленное имущество, «ноу-хау» и технологию. Авторские права в отдельных ДИС указываются в качестве инвестиций, но «промышленное имущество», о котором говорится в подпункте «г» - это право на промышленную собственность.

В ст. 3 определен правовой режим, который Договаривающиеся Стороны обязуются предоставить в отношении инвестиций друг друга. В качестве установлен режим не менее благоприятный, чем в отношении инвесторов третьих государств, известный в теории как режим наибольшего благоприятствования. При этом для определения режима потребовалось два пункта, поскольку пункт 2 ст. 3 по своему содержанию фактически ничем не отличается от пункта 1 этой же статьи.

В ст. 4 установлено, что инвестиции, осуществленные на территории другой Договаривающейся Стороны, «не могут быть национализированы, принудительно конфискованы или подпадать под иные меры, имеющие аналогичный результат...». В ст. 9, где регулируется место рассмотрения спора в случае изъятия инвестиций, уже говорится об экспроприации. Очевидно, что необходима единая терминология, обозначающая принудительное изъятие инвестиций принимающей стороной.

В статьях 5 и 6 регулируется перевод сумм инвесторами из одного государства в другое. При этом не указывается, что переводы этих сумм должны производиться в валюте. В связи с заключением своп-соглашения об обмене национальными валютами между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой может возникнуть вопрос: в каких денежных единицах должен осуществляться перевод доходов, полученных от инвестиций?

В ст. 8 определен порядок разрешения споров между Договаривающимися Сторонами относительно толкования или применения Соглашения. В частности в п. 2 этой статьи говорится: «Если спор не может быть разрешен таким образом в течение шести месяцев... он будет по просьбе любой из Договаривающихся Сторон предан в арбитражный суд «ad hoc». При этом непонятно, к кому должна быть обращена эта просьба: если к суду, то его еще предстоит создать. Очевидно вместо слова

«просьба» должно быть указано «требование». В этом случае она будет адресовано другой Договаривающейся Стороне, которая не сможет уклониться от создания арбитражного суда, поскольку это право каждой Стороны.

В п. 4 ст. 8 говорится о том, что любая из Договаривающихся Сторон «может предложить Председателю Международного Суда произвести необходимые назначения» (речь идет о формировании состава арбитражного суда). В связи с формулировкой данного пункта, следует отметить, что государство не может ничего «предлагать» Председателю Международного Суда (International Court of Justice), являющегося одним из главных органов ООН, а только просить.

Аналогичная некорректная формулировка содержится в п. 2 ст. 9, где говорится, что в случае спора между принимающей стороной и инвестором «любая из сторон в споре может предложить (выделено нами – Ч.Х.) Председателю Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты сделать необходимые назначения».

В этом случае к тому же неверно указана должность, поскольку Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма возглавляет Президент, назначаемый из числа шести членов Правления. Указанный арбитражный орган сам рассматривает споры в случае обращения к нему и не совсем заинтересован в создании арбитражных судов «ad hoc», которые выступают как его конкуренты.

В п. 3 ст. 9 говорится о возможности арбитражного суда «в ходе определения процедуры принять в качестве руководства Правила Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты». В этом случае допущена неточность в названии документа, регламентирующего деятельность Арбитражного института ТПС: он называется Арбитражный регламент.

Срок действия Соглашения, согласно п. 1 ст. 12, установлен в течение пяти лет. Согласно п. 2 и 3 ст. 12 в дальнейшем Соглашение остается в силе, если одна из Договаривающихся Сторон не уведомит другую Договаривающуюся Сторону о его прекращении не менее чем за один год.

Очевидно, что устанавливая такой непродолжительный основной срок действия Соглашения Стороны предполагали в дальнейшем заменить его новым соглашением. Однако Соглашение 1993 года остается действующим по настоящее время.

В связи с этим следует признать, что Соглашение 1993 года уже давно требует замены. Это мотивируется следующими причинами: во-первых, истечением основного срока действия, во-вторых, оно не отвечает новому уровню сотрудничества в инвестиционной сфере, на которые вышли Беларусь и Китай, в-третьих, в Соглашении 1993 года имеется ряд некорректных и неточных формулировок.

В связи с этим нами предлагается проект Соглашения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о поощрении и взаимной защите капиталовложений (полный текст проекта прилагается).

Основные концептуальные положения предлагаемого проекта Соглашения следующие:

1. Соглашение должно носить не межправительственный, а межгосударственный статус, что повысит его значимость и авторитет. Беларусь и Китай имеют межгосударственные соглашения по поощрению и взаимной защите инвестиций с отдельными государствами, поэтому такое повышение статуса соглашения между нашими государствами выглядит вполне уместным.

2. В число инвесторов должны быть включены не только физические и юридические лица обоих государств, но и сами государства и их административно-территориальные единицы в лице их уполномоченных органов.

3. В качестве режима, регулирующего инвестиции, должны быть закреплены национальный режим и режим наибольшего благоприятствования.

4. Должна быть закреплена норма об обеспечении максимально возможной открытости и доступности законодательства для инвесторов государств.

5. Изъятие инвестиций в результате национализации или иных подобных мер именовать экспроприацией.

6. Предусмотреть возмещение ущерба инвесторам вследствие войны, гражданских беспорядков или иных подобных обстоятельств.

7. Должны содержаться гарантии перевода платежей в связи с инвестициями в свободно конвертируемой валюте по официальному курсу, установленному Национальным банком Республики Беларусь и Народным банком Китайской Народной Республики.

8. Необходимо включение нормы о суброгации прав инвестора.

9. В качестве места разрешения споров между Договаривающейся Стороной и инвесторами другой Договаривающейся Стороны могут быть избраны:

а) компетентный суд или арбитраж Договаривающейся Стороны, на территории которой произведены инвестиции;

б) арбитражный суд *ad hoc*, учрежденный в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ;

в) Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, учрежденный в соответствии с Вашингтонской конвенцией «О порядке разрешения споров между государствами и иностранными лицами» от 18 марта 1965 г.

10. Местом разрешения споров между Договаривающимися Сторонами должен быть определен третейский суд.

11. Срок действия соглашения следует определить в 15 лет с последующей автоматической пролонгацией на 5-летний период.

Литература

1. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китайской Народной Республики и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://pravo.levonewsby.org/baraby/mdogov/megd4645/hfm>. – Дата доступа: 16.01.2011.

2. Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республики о правовой помощи по гражданским и уголовным делам // Международные договоры Республики Беларусь, применяемые в хозяйственной (предпринимательской) деятельности. – Минск: Амалфея, 2002. – С.569-580.

3. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций // Международные договоры Республики Беларусь, применяемые в хозяйственной (предпринимательской) деятельности. – Минск: Амалфея, 2002. – С.380-387.

4. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращения уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы имущество от 17 января 1995 года // Сборник международных договоров об избежании

двойного налогообложения. Международные соглашения Республики Беларусь / Сост. Л.Е. Астапович и др. – Минск: Амалфея, 1997. – С. 292-315.

5. Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики от 5 декабря 2005 года [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.belaruschina.by/ru/> - Дата доступа: 16.01.2011.

6. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики об охране прав интеллектуальной собственности от 23.04.2001 года // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2011.

7. Рамочное соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики об активизации двустороннего торгово-экономического сотрудничества // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2011.

8. Рудый, К. Валютный своп как механизм внешнеэкономической стабилизации (на примере Республики Беларусь и КНР) // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 16. – С.14-19.

9. Прокопович, П. Предприятия и банки могут использовать юани в своих расчетах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics. - Дата доступа: 30.01.2011.

*Говор Т.,
студентка экономического факультета,
Белорусский государственный университет*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КИТАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Развитие подходов к человеку претерпело значительное развитие в последние столетия. Был осуществлен переход от чисто механистического представления о роли человека в производстве к социоцентристской парадигме. Человек стал осознаваться как центральный элемент развития производства и общества. В связи с этим на первый план вышло понятие «человеческий капитал». Человеческий капитал — совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Впервые термин использовал Теодор Шульц, а его последователь — Гэри Беккер развил эту идею, обосновав эффективность вложений в человеческий капитал и сформулировав экономический подход к человеческому поведению. Первоначально под человеческим капиталом понималась лишь совокупность инвестиций в человека, повышающая его способность к труду — образование и профессиональные навыки. В дальнейшем понятие человеческого капитала существенно расширилось. Последние расчеты, сделанные экспертами Всемирного банка, включают в него потребительские расходы — затраты семей на питание, одежду, жилища, образование, здравоохранение, культуру, а также расходы государства на эти цели [1]. В целом, человеческий капитал — это совокупность знаний и умений человека, его способности и навыки, образованность и здоровье.

Китай — динамически развивающееся государство, с древней историей, традициями и особым менталитетом, которые послужили уникальным фундаментом для формирования человеческого капитала Китая. История Китая особенна множеством и разнообразием письменных источников, которые, в сочетании с археологическими данными, позволяют реконструировать политическую жизнь и социальные процессы, начиная с глубокой древности. Канонизированные древнекитайские тексты религиозно-философского и исторического содержания — особенно те из них, в которых излагалось учение Конфуция — в свою очередь, сами влияли на дальнейшее развитие китайской цивилизации, мировоззрение китайского народа. Для китайской цивилизации со времён Конфуция была характерна высокая социально-политическая активность каждого человека, направленная на достижение счастья и благополучия именно в земной жизни — при этом судьба его зависела не от божественного предопределения, а от собственных усилий. В этом коренится насыщенность китайской истории массовыми народными движениями и типичная для Китая высокая социальная мобильность.

Китайская цивилизация — одна из старейших в мире. По утверждениям китайских учёных, её возраст может составлять пять тысяч лет, при этом имеющиеся письменные источники покрывают период не менее 3500 лет. Давнее наличие систем административного управления, которые совершенствовались сменявшими друг друга династиями, создавало очевидные преимущества для китайского государства, экономика которого основывалась на развитом земледелии, по сравнению с более отсталыми соседями-кочевниками и горцами. Ещё более укрепило китайскую цивилизацию введение конфуцианства в качестве государственной идеологии (I век

до н. э.) и единой системы письма (II век до н. э.) [2]. Совокупность культурно-исторических особенностей страны позволила ей сгенерировать национальный человеческий капитал высочайшего уровня.

Было подсчитано, что национальный человеческий капитал составляет более половины национального богатства каждой из развивающихся стран и свыше 70-80 % — развитых стран мира. Национальный человеческий капитал в XX и XXI веках являлся и остается главным интенсивным фактором развития как экономики, так и общества в целом. Стоимость национального человеческого капитала стран мира на базе затратного метода оценили специалисты Всемирного банка [3]. Для этого были использованы оценки составляющих человеческого капитала по затратам государства, семей, предпринимателей и разных фондов. Эти оценки позволили определить текущие ежегодные затраты общества на воспроизводство человеческого капитала. Стоимость мирового человеческого капитала составила 365 трлн. долл. или 66 % мирового богатства и 384 % к уровню США. Для Китая эти показатели составили соответственно 25 трлн. долл., 77 % от всего НБ, 7 % от стоимости мирового человеческого капитала и 26 % к уровню США [1]. Таким образом, доля национального человеческого капитала Китая в национальном богатстве соответствует уровню развитых стран. Можно утверждать, что люди — главное достояние Китая. Именно люди со своей квалификацией, трудолюбием, усидчивостью и работоспособностью определяют совокупный инновационный потенциал экономики страны. Несмотря на то, что в Китае много малограмотных людей, в последние годы уровень образования постоянно растет. Этому во многом способствует политика государства, благоприятствующая обучению студентов за рубежом. Однако несмотря на позитивные моменты, как расширение кругозора молодежи, изучение иностранных языков, культуры и быта других стран, изучение лучшего мирового опыта, существуют и отрицательные стороны. Главной проблемой является отток молодых специалистов за рубеж, а также невозврат китайских студентов после обучения за границей. Возможными причинами такой ситуации является:

- невозможность полной реализации молодого специалиста как личности и профессионала на родине;
- жесткая политика сдерживания рождаемости;
- отсутствие государственных программ по помощи молодым специалистам и предпринимателям.

Для решения проблемы необходимо:

- Создать условия для развития малого предпринимательства и трудоустройства молодых высококвалифицированных специалистов;
- Установить налоговые льготы для молодых специалистов, решающих открыть свое дело;
- Создать центры занятости и помощи молодым специалистам.

Комплекс этих мер, возможно, послужит стимулом для «невозвращенцев» опять приехать на родину и работать и (или) строить свой бизнес именно в Китае, внося свой вклад в развитие национальной экономики.

Несмотря на эту проблему, человеческий капитал страны находится на достаточно высоком уровне. Доказательством может служить положительная динамика заявок и выданных патентов Китайским гражданам. Это один из ключевых показателей роста инновационного потенциала экономики страны.

Рис. 1 – Динамика заявок и выданных патентов за период 1996 – 2009 гг.
Источник: [4]

Исходя из существующих тенденций, развитие человеческого потенциала Китая будет продолжаться и дальше в сторону развития уровня образования населения, что приведет к повышению наукоемкости экономики и повышению совокупного инновационного потенциала страны.

Литература

1. Человеческий капитал / [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <http://ru.wikipedia.org>. Дата доступа: 20.11.2011г.
2. КНР / [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <http://ru.wikipedia.org>. Дата доступа: 19.11.2011г.
3. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? — Воронеж: ЦИРЭ, 2005.
4. Шелупин С. / Человеческий капитал для инновационного развития – главный фактор конкурентоспособности (опыт Китая) / [Электронный ресурс]. - [Режим доступа]: - <http://china.mfra.ru>. Дата доступа: 19.11.2011г.

Кологрив Ю. А.

Студентка кафедры китаеведения филологического факультета,

Белорусский государственный университет

ЭКОНОМИКА КНР В XXI ВЕКЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОПЫТ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ И СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ, НОВАЯ ПЯТИЛЕТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Вот уже около тридцати лет во всем цивилизованном мире вызывают неподдельный интерес экономические преобразования, происходящие в Китае. Постоянно растущее внимание к этой стране отнюдь не случайно. Являясь одним из старейших государств, Китай впервые за время своего существования достиг значительных результатов в реальном экономическом секторе. Специалисты, исходя из ряда характерных признаков, отмечают, что страна и дальше будет развиваться нарастающими темпами. По их мнению, Китай обладает всеми шансами повторить успех таких развитых стран, как Япония и Южная Корея. Изменения в экономике Китая привлекают к себе заметное внимание не только со стороны ученых, но и мировой общественности в целом.

Начиная с конца 80-х годов прошлого столетия, экономика Китая растет ежегодно в среднем на 10%, однако к концу 90-х темпы прироста замедляются до 8% в год, но уже с 2001-го года вновь ускоряются благодаря вступлению Китая во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) и, как следствие, значительному притоку иностранных инвестиций и расширению экспортного рынка. Рассмотрим на примере: если просто экстраполировать темпы роста ВВП двух стран в будущее, КНР обгонит США в 2040 году. По подсчётам мирового экономического сообщества, в 1990-2000-е годы, в период кредитного бума, темп роста китайской экономики в среднем в два раза или на 5% превосходил темпы роста экономики США. Прогнозы увеличения роста ВВП КНР до уровней выше значений американского ВВП строятся на предположении, что аналогичное соотношение этих показателей сохранится в ближайшие десятилетия или даже увеличится. Если же оно уменьшится хотя бы до 1,75, то выравнивание ВВП КНР и США по объему произойдет, приблизительно, в 2050 г. Как представлено на графике 1.1 темпа роста ВВП.

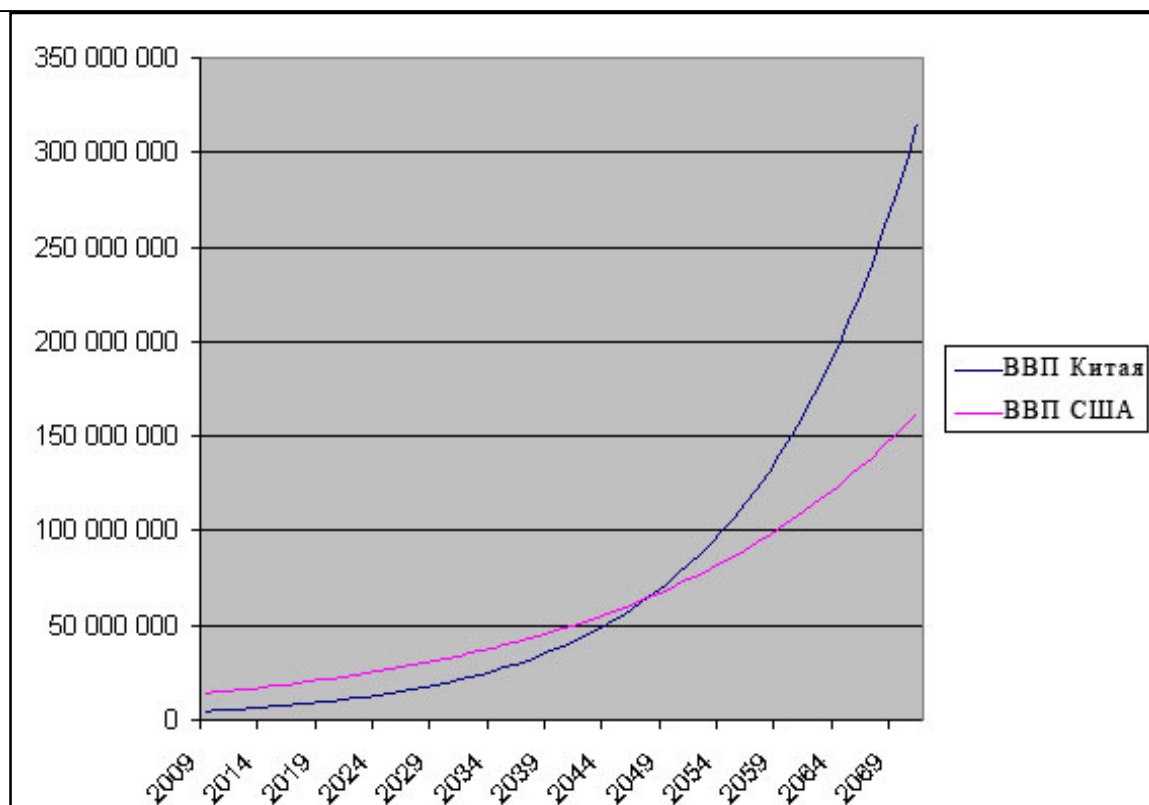

График 1.1 – Динамика роста ВВП Китая и США

Стремительно набирает популярность кластерная политика. Активация и развитие кластеров является новым подходом к формированию инновационной экономики. [1, с.110]

Под «инновационным кластером» в Китае понимается механизм стратегического сотрудничества предприятий, исследовательских организаций, университетов, венчурных фондов и других посреднических структур, обеспечивающий синергетический эффект взаимной поддержки производства новых инновационных продуктов и услуг.

В соответствии с концепцией Министерства науки и технологий КНР, одобренной в 2001г., создание инновационных кластеров в Китае должно осуществляться, прежде всего, за счет развития инновационного потенциала действующих промышленных кластеров на основе экономических успехов государственных зон технико-экономического развития и других льготных образований (технопарки, зоны высоких технологий и др.).

В сентябре 2010г. в КНР опубликован «Доклад об инновационном развитии промышленных кластеров Китая 2010-2011гг.», подготовленный Институтом индустриальной экономики Академии общественных наук КНР. Согласно документу, Китай находится в начальной стадии создания инновационных кластерных сообществ. Промышленные кластеры к настоящему моменту достигли высоких производственных результатов и играют значительную роль в индустриальном развитии регионов КНР. На данном этапе перед китайской экономикой стоит задача преобразования «традиционных» промышленных кластеров в инновационные, которые должны обладать следующими отличительными особенностями:

1. В отличие от промышленных кластеров инновационные кластеры производят не только конкурентоспособную, но и радикально новую продукцию.

2. Инновационные кластеры призваны аккумулировать научный и производственный потенциалы различных предприятий и организаций для создания единой цепочки выпуска инновационной продукции.

3. Целью деятельности инновационных кластеров является не только создание производственной цепочки на базе традиционных связей и ресурсов, но и вхождение в глобальную сеть создания продуктов на основе применения новых технологических достижений.

4. Промышленным кластерам свойственна профильная ориентация при достаточно простом организационном устройстве, в то время как в инновационном кластере объединяющим моментом служит комфортный инновационный климат с многообразием форм сотрудничества его участников.

5. Инновационный кластер является главной точкой быстрого роста широкого спектра отраслей производства в окружающем его регионе.

По мнению китайских ученых, в КНР преобладает т.н. «французская» концепция организации промышленных кластеров, основанная на бизнес - партнерстве при руководящей роли государства.

Успех китайских экономических реформ во многом связан с особенностями избранной тактики – постепенным осуществлением реформ, синхронностью экономических и политических преобразований, умелым идеологическим их обеспечением. В этом смысле позитивные наработки китайского опыта имеют универсальное значение.

В настоящее время приоритетное значение в Китае приобретает создание технико-внедренческих зон и технопарков. Основная задача технопарка – индустриализация и коммерциализация новых и высоких технологий и распоряжение инновациями в целях повышения конкурентоспособности национальной промышленности. Политика преференций, которую проводит технопарк по отношению к предприятиям на своей территории, заключается в следующем:

- компании с подтвержденным высокотехнологичным статусом или производственные компании с иностранными инвестициями могут вернуть в производство 15% выплаченных налогов;

- производственные компании с иностранным капиталом и периодом производства более 10 лет в первые два года после получения первой прибыли освобождаются от налогов, с третьего по пятый год выплачивают половину налогов;

- для экспортоориентированных компаний с иностранным капиталом, у которых период отмены и снижения налогов закончился, налог может быть снижен в половину, если в течение года 70% общей продажи приходится на экспорт. Если предприятие вложило в производство 15% налога, возвращенного ему по вышеприведенным условиям, уровень налога может быть понижен до 10% от полного;

- компаниям с иностранным капиталом и передовыми технологиями, у которых период отмены или снижения налогов закончен, если они остаются аккредитованными технопарком как высокотехнологичные предприятия, могут быть добавлены три года периода снижения налога наполовину;

- для проектов с базовыми технологиями, основанными на новых знаниях, или для проектов с величиной иностранных инвестиций более 30 млн. долл. и длительным периодом окупаемости, или для производственных проектов, касающихся энергоресурсов, транспортного либо портового строительства, после принятия этих проектов технопарком налог может быть снижен до 15% от полного;

— для совместных с зарубежными фирмами проектов, относящихся к строительству или реконструкции портов, с периодом реализации более 15 лет по решению налогового ведомства в первые пять лет после получения первой прибыли налог может быть отменен, а с шестого по десятый год уменьшен наполовину;

— если иностранный инвестор инвестирует свою прибыль, полученную от предприятия, непосредственно в это предприятие или основывает на эту прибыль другие предприятия с периодом работы в технопарке более пяти лет, то после одобрения администрацией этих вложений 40% начисленных налогов на реинвестированную прибыль ему могут быть возвращены.

В ближайшие пять лет основные экономические показатели технопарков, как ожидается, ежегодно будут увеличиваться не менее, чем на 40%.

На высокотехнологичные кластеры Китая приходится около 3,5% ВВП страны, что, естественно, не может не отразиться благоприятно на экономике всей КНР. Об эффективности зональной политики Китая свидетельствует также тот факт, что через зоны к настоящему времени в страну пришло свыше 60% всех иностранных инвестиций.

В 2010 г. удельный вес вновь освоенных видов продукции в объеме валовой промышленной продукции КНР составил 9,94% (против 9,7% в 2009 г.). В высокотехнологичных отраслях доля вновь освоенных видов продукции составила 20,30% (против 19,96% в 2009 г.).

Также следует сказать о новой пятилетке, в которой Китай намерен сделать упор на развитии следующих отраслей национальной экономики:

1. энергосбережение (разработка и внедрение оборудования с повышенным КПД и возможностью регенерации природных ресурсов для охраны окружающей среды);

2. новое информационное оборудование (мобильная связь следующего поколения, широкополосный доступ, интернет-оборудование, системы безопасности телекоммуникационных сетей, интегральные микросхемы, новые типы мониторов, ПО, серверов и др.);

3. биотехнологии (разработка и производство лекарств против эпидемиологических и других серьезных заболеваний, препаратов химической фармацевтики и китайской традиционной медицины, нового медицинского оборудования и материалов, «зеленая» с/х продукция, морские биотехнологии и др.);

4. производство высокотехнологичного комплектного оборудования (магистральные и региональные самолеты, строительство авиационной инфраструктуры, создание спутниковых систем связи, пассажирского и городского рельсового транспорта, производство оборудования и инфраструктурных объектов освоения морских ресурсов и др.);

5. новые источники энергии (разработка и внедрение новых видов оборудования для атомной, солнечной, ветряной и гелиоэнергетики);

6. новые материалы (разработка и внедрение материалов с возможностями редкоземельных элементов, новых изоляционных материалов, осветительных элементов на основе полупроводников, новых керамических материалов, сверхпрочного стекла, новых видов стали, легирующих металлов, строительных пластмасс и др.);

7. автомобилестроение на альтернативных источниках энергии (инновационные виды аккумуляторов, двигателей, электроуправления, гибридные автомобили,

транспортные средства на электрическом приводе, новые виды сопутствующего оборудования). [2, с.152]

До 2015 г. долю добавленной стоимости указанных стратегических отраслей в ВВП Китая планируется довести до 8%; к 2020 г. — до 15%.

Китайские экономисты рекомендуют оказывать всемерную поддержку новым стратегическим отраслям, ускорить создание системы новых технических стандартов, упрощать процедуры внедрения новой техники, совершенствовать финансирование, стимулировать инвестиции, содействовать коммерциализации высококачественных зарубежных и отечественных разработок.

Одной из важнейших составных частей региональной политики в Китае следует считать создание свободных экономических зон, которые во многом, если не в первую очередь, способствовали подъему Восточной экономической зоны, а в конечном счете – всей китайской экономики. На рубеже 1970—1980-х гг. со всей очевидностью обнаружилась отсталость и низкая эффективность китайской экономики, перенесшей «большой скачок» и «культурную революцию». Необходимы были принципиально новые решения. И одним из них стало решение перейти от замкнутой модели развития к более открытой. Для этой цели были выбраны отдельные свободные экономические зоны (СЭЗ) в восточной и южной приморских частях страны. К созданию свободных (специальных) экономических зон Китай приступил в конце 1970-х гг. При этом был использован опыт других стран и территорий Азии. Выдвигая идею создания свободных экономических зон, рассчитывали главным образом на привлечение капитала иностранных резидентов, и нужно сказать, что данная политика себя полностью оправдала: в последующий период 75–80 % всех инвестиций в Китае принадлежали именно им. Основные цели создания СЭЗ заключались в следующем:

1. максимальное привлечение иностранного капитала, передовых техники и технологий, создание предприятий в наукоемких отраслях промышленности;
2. развитие внешнеэкономической деятельности и обеспечение более широкого включения страны в международное географическое разделение труда, увеличение экспорта и валютных поступлений;
3. использование СЭЗ как школ передового опыта в функционировании современного производства и управления им для всей остальной территории Китая;
4. подъем социально-экономических условий в СЭЗ до уровня, достигнутого в Гонконге, Сингапуре и других НИС Азии;
5. ликвидация существующего уровня безработицы по средствам использования избыточных рабочих средств, которыми располагает Китай.

Отличительная черта СЭЗ – автономия местных властей от центрального правительства в решении таких вопросов, как учреждение предприятий с иностранным участием, установление для иностранных вкладчиков разного рода льгот в уплате подоходного налога, упрощение процедуры получения виз. Государство также предоставляет СЭЗ значительную самостоятельность в проведении внешнеторговой деятельности и контроля над нею. В какой-то мере свободные экономические зоны представляют собой «государства в государстве».

С начала создания СЭЗ в Китае прошло уже три десятилетия. За это время политика в отношении этих зон совершенствовалась. Их внешнеторговый оборот измерялся многими десятками миллиардов долларов, а доля в экспорте и импорте страны все время возрастала. За это время в Китае сформировалась такая сложная

многоступенчатая система свободных экономических зон, подобной которой нет ни в одной другой стране мира.

Деловые связи с СЭЗ наладили, прежде всего, предприниматели китайского происхождения из числа хуацяо [3, с.135].

Китай лидирует в мире по добыче угля, железных, марганцевых, свинцово-цинковых, сурьмяных и вольфрамовых руд, а также древесины; является крупнейшим в мире производителем кокса, чугуна, стали и стальных труб, алюминия, цинка, олова, никеля, телевизоров, радиоприемников и мобильных телефонов, стиральных и швейных машин, велосипедов и мотоциклов, часов и фотоаппаратов, удобрений, хлопчатобумажных и шелковых тканей, цемента, обуви, мяса, пшеницы, риса, сорго, картофеля, хлопка, яблок, табака, овощей, шелковичных коконов; имеет крупнейшие в мире поголовья птицы, свиней, овец, коз, лошадей и яков, а также лидирует по вылову рыбы. Кроме того, КНР является крупнейшим мировым автопроизводителем (18 млн. в 2010). На территории КНР ведется добыча нефти, газа, редкоземельных металлов.

Экономика КНР в последние 30 лет постоянно растет и в 2010 году занимала 2 место в мире по величине номинального ВВП. Китай в начале XXI века является космической и ядерной державой. Построение рыночной экономики осуществляется в Китае под руководством Коммунистической партии на основе пятилетних планов. Экономика сохраняет свою многоукладность. Она находится на подъеме, позволяя стране наращивать объемы собственного производства.

Литература

1. Я. Бергер, В. Михеев Китай: социальные вызовы развитию// Общество и экономика. – 2005. - №1. – с.110.
2. Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI в.– СПб.: Питер, 2010. – с.152.
3. Друзик Я.С. Свободные экономические зоны //М: 2000, – с.135.

*Титов А. Н.
Студент 3 курса географического факультета,
Белорусский государственный университет*

*Степанюк А. Г.
Студент 3 курса географического факультета,
Белорусский государственный университет*

КИТАЙ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ МИРА

Крупные города постоянно находятся в центре внимания специалистов самых различных областей знания, в том числе являются традиционным исследовательским полем социально-экономической географии и геодемографии. В последние десятилетия повышенный научный интерес вызывает развитие городских систем в контексте стремительного хода общепланетарных процессов.

С развитием урбанизации мировой системы все больший вес приобретают так называемые мировые или глобальные города, формирующиеся как важнейшие узловые точки мирохозяйственных связей и отношений. Раскрытие закономерностей формирования глобальных центров как геодемографических систем — путь к пониманию и предсказанию трансформаций всей мировой урбанистической системы.

Всесторонний анализ опыта геодемографического развития мировых центров имеет большое значение как для Китая в целом, ставящего своей целью интегрирование в международное геополитическое и экономическое сообщество, так и для отдельных городов страны, претендующих на включение в систему глобальных городов.

Объектом настоящего исследования являются китайские города, имеющие статус глобальных. Предмет исследования — экономическая и геодемографическая система мировых городов Китая.

Цель данной работы заключается в экономико-географическом анализе глобальных городов Китая в структуре хозяйственной и демографической систем мира. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- систематизировать теоретические подходы и классификации глобальных городов;
- выявить роль глобальных городов Китая в основных подсистемах мирового хозяйства;
- изучить особенности мирового города Китая как геодемографической системы;
- проанализировать половозрастную структуру населения мировых городов на территории Китая.

Для решения указанных задач применялось сочетание различных методов исследования — общенаучных (анализ, синтез, статистический метод) и собственно географических методов (сравнительно-географический, историко-географический, метод знаков, картографический).

Глобальный город (англ. Global city, используются также термин мировой город (англ. world city) или альфа-город (англ. alpha city) — это город, считающийся важным элементом мировой экономической системы [1]. Термин «мировой город» восходит к описанию П. Геддес в 1915 году городов с непропорционально высоким количеством бизнес-встреч. Термин «глобальный город» впервые был использован

С. Сассен в её работе «The global city» (1991) в применении к Лондону, Нью-Йорку и Токио и противопоставлялся термину «мегалополис». Следует также учесть, что фактически людность и значимость городов, в том числе глобальных, в значительной степени определяют их агломерации. Такой город обычно имеет ключевое значение для больших регионов Земли и оказывает на них серьёзное политическое, экономическое или культурное влияние. Теория мировых городов исходит из признания особой значимости отдельных центров в глобальном развитии, выполнения ими «непропорционально большой части всемирных наиболее важных дел» (П. Холл). Современный этап развития данной теории тесно связан с творчеством большой группы ученых из различных стран, включая П. Холла, Дж. Фридмана, С. Сассен, П. Тейлора и ряда других [2, 3, 4].

В начале 1980-х годов важнейшие признаки мировых городов впервые выделил американский исследователь Дж. Фридман, среди которых были следующие:

- наличие относительно большой численности населения;
- город должен быть местом концентрации штаб-квартир крупнейших транснациональных компаний (ТНК) и международных экономических и геополитических организаций;
- являться мировым финансовым центром, важным в мировом масштабе центром обрабатывающей промышленности, крупным транспортным и коммуникационным узлом международного значения;
- располагать высокоразвитой сферой деловых услуг;
- мировые города обладают определенной независимостью от национального политического руководства и постоянно наращивают возможность активно действовать на международной арене [5].

Исходя из такого понимания, исследователями разработано немало группировок и типологий мировых городов. Наиболее популярной и получившей признание в научных кругах является классификация, выполненная в британском университете Лафборо (Loughborough) под руководством П. Тейлора в группе GaWC. Согласно ее исходным позициям, в зависимости от суммы набранных баллов все глобальные города разделены на четыре ранга — α , β , γ , δ и параллельно на 12 категорий (12-я — наивысшая, 1-я — низшая). Исследовательской группой GaWC выделено 55 глобальных городов разного ранга и 67 центров, имеющих достаточный потенциал, чтобы в будущем приобрести статус глобальных [6].

Таблица 1. Рейтинг глобальных городов по П. Тейлору и GaWC [6]

Ранги и категории мировых городов		Города
α (Альфа) – Ведущие	12	Лондон, Нью-Йорк, Париж, Токио
	10	Лос-Анджелес, Милан, Сингапур, Сянган, Франкфурт-на-Майне, Чикаго
β (Бета) – Главные	9	Сан-Франциско, Сидней, Торонто, Цюрих
	8	Брюссель, Мадрид, Мехико, Сан-Паулу
	7	Москва, Сеул
γ (Гамма) – Второстепенные	6	Амстердам, Бостон, Вашингтон, Даллас, Джакарта, Дюссельдорф, Женева, Йоханнесбург, Каракас, Мельбурн, Осака, Прага, Сантьяго-де-Чили, Тайбэй, Хьюстон
	5	Бангкок, Варшава, Монреаль, Пекин, Рим, Стокгольм
	4	Атланта, Барселона, Берлин, Будапешт, Буэнос-Айрес, Гамбург, Копенгаген, Куала-Лумпур, Манила, Майами, Миннеаполис, Мюнхен, Стамбул, Шанхай
δ (Дельта) – Формирующиеся	3	Афины, Вена, Дублин, Люксембург, Лион, Мумбай, Нью-Дели, Рио-де-Жанейро, Тель-Авив, Филадельфия, Хельсинки
	2	Абу-Даби, Алматы, Бирмингем, Богота, Братислава, Брисбен, Бухарест, Ванкувер, Гаага, Детройт, Дубай, Каир, Кельн, Киев, Кливленд, Лима, Лиссабон, Манчестер, Монтевидео, Осло, Роттердам, Сиэтл, Хошимин, Штутгарт
	1	Аделаида, Антверпен, Балтимор, Бангалор, Богота, Бразилиа, Генуя, Глазго, Гуанчжоу, Дрезден, Калгари, Канзас, Кейптаун, Колумбус, Лидс, Лилль, Марсель, Ричмонд, Санкт-Петербург, Ташкент, Тегеран, Турин, Утрехт Ханой, Эдинбург

В территориальном плане глобальные города формируют в мире три главных зоны концентрации, т.н. «кусты» или «узлы», а также единичные центры:

- Западноевропейский,
- Североамериканский,
- Азиатско-Тихоокеанский.
- Единичные центры: Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес — в Южной Америке, Йоханнесбург — в Африке, Сидней — в Австралии и некоторые другие (рис. 1).

Азиатско-Тихоокеанский узел глобальных городов является самым молодым по времени образования, носит «линейный» характер и формируется по оси Токио-Сингапур. Для него типична, с одной стороны, явно доминирующая роль столицы Японии, а с другой — многочисленность и высокая динамика роста «второстепенных» мировых городов.

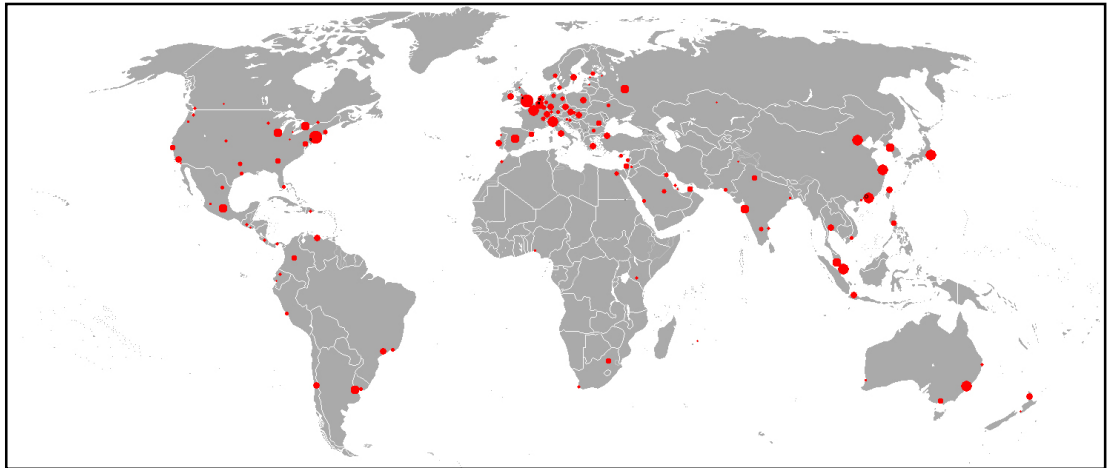

Рис. 1. Глобальные города мира [сост. по 8]

Кроме того, Азиатско-Тихоокеанский узел включает преимущественно крупнейшие центры быстроразвивающихся так называемых новых индустриальных стран – Бангкок, Сингапур, Гонконг, Тайбэй, Сеул, Манила и целый ряд других [7].

На территории Китайской Народной Республики находится 4 глобальных города, относящихся к Азиатско-Тихоокеанскому узлу. В их число входят Гонконг (Сянган), Пекин, Шанхай и Гуанчжоу, которые в зависимости от классификаций занимают определенное место в мировой иерархии глобальных городов (рис. 2, табл. 2).

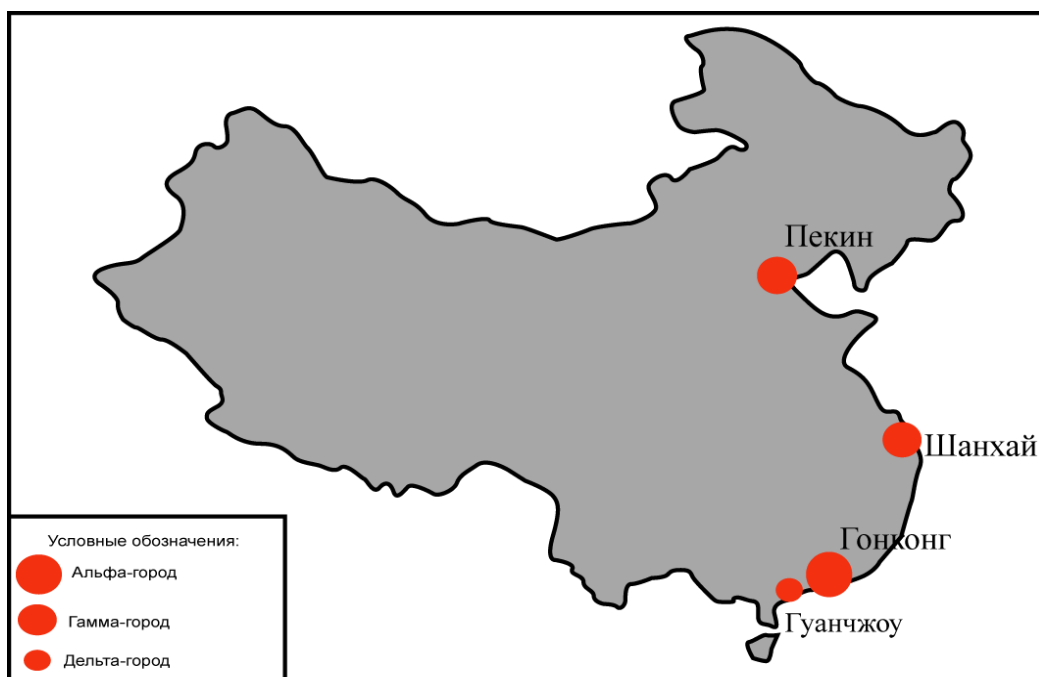

Рис. 2. Глобальные города в Китае [сост. по 8]

Таблица 2. Место глобальных городов Китая в их мировой иерархии
[сост. по 3]

Глобальный город Китая	Классификации глобальных городов			
	<i>по П. Тейлору</i>	<i>по Дж. Фридману</i>	<i>по Г. Трифту</i>	<i>по Г. Риду</i>
Гонконг (Сянган)	Альфа-город (10 баллов)	Вторичный центр	Зональный центр	Международный финансовый центр
Пекин	Гамма-город (5 баллов)	—	—	—
Шанхай	Гамма-город (4 балла)	—	—	—
Гуанчжоу	Дельта-город (1 балл)	—	—	—

Гонконг является специальным административным районом Китайской Народной Республики, одним из ведущих финансовых центров Азии и мира. На севере граничит с особой экономической зоной Шэньчжэнь в составе китайской провинции Гуандун. Этот город расположен на Коулунском полуострове и более чем на 260 островах, омываемых водами Южно-Китайского моря. По статистическим данным 2009 года в Гонконге, который занимает площадь в 1104 км², проживало 7,1 млн. человек (табл. 3).

Таблица 3. Базовые характеристики глобальных городов Китая [сост. по 1,9]

Город	Провинция	Экономический район	Площадь, км ²	Население, млн. чел., 2009 г
Гонконг	Специальный административный район КНР	Южный	1104	7,1
Пекин	Город центрального подчинения	Хэбэйский	16808	19,7
Шанхай	Шаньси	Цзянсу-Чжэцзянский	6341	24,6
Гуанчжоу	Гуандун	Южный	8178	10,2

Пекин — столица и один из городов центрального подчинения Китайской Народной Республики. Он с трёх сторон окружён провинцией Хэбэй и граничит с Тяньцзинем на юго-востоке. В 2009 году здесь проживало 19,7 млн. человек на территории площадью 16808 км². Это крупнейший железно- и автомобильный узел и один из основных авиаузлов страны. Кроме того, Пекин является политическим, образовательным и культурным центром КНР, в то время как главными экономическими центрами считаются Шанхай и Гонконг.

Шанхай выступает крупнейшим городом Китая и одним из самых крупных городов мира. Является одним из четырёх городов центрального подчинения КНР, важным финансовым и культурным центром страны, а также крупнейшим в мире морским портом. В 2009 году здесь проживало 24,6 млн. человек на площади 6341 км².

Гуанчжоу — город субпровинциального значения Китайской Народной Республики, столица провинции Гуандун, политический, экономический, научно-технический, образовательный, культурный и транспортный центр всего южного Китая. По численности населения этот город занимает третье место, уступая лишь Шанхаю и Пекину. Согласно официальным данным муниципального бюро статистики Гуанчжоу на конец 2009 года текущее население города составляло 10,2 млн. человек. Общая площадь города составляет 8178 км².

Глобальные города в мирохозяйственной системе выполняют геоэкономические, геополитические и геодемографические функции, позволяющие соотнести их по степени важности. Для их характеристики используются определенные критерии, основные из которых приведены в табл. 4.

Таблица 4. Глобальные города Китая в мирохозяйственной системе мира [сост. по 9].

Город	Критерии для выделения глобального города					
	Демографический потенциал (>10 млн. чел.)	Концентрация штаб-квартир международных организаций	Мировой финансовый центр	Мировой центр обрабатывающей промышленности	Крупный транспортный и ком-муникационный узел международного значения	Мировой центр с высоко-развитой сферой деловых услуг
Гонконг	-	-	+	+	+	+
Пекин	+	+	-	+	+	+
Шанхай	+	+	+	-	+	+
Гуанчжоу	+	-	-	+	-	-
Примечание: «+» — явление присутствует, «-» — явление отсутствует						

По демографическому потенциалу глобальные города, расположенные в Китае, были разделены на 2 группы. В первую группу, где численность населения более 10 млн. человек, вошли Пекин, Шанхай и Гуанчжоу; во вторую группу с населением менее 10 млн. человек — Гонконг.

Немаловажным критерием глобального города является наличие в нем штаб-квартир крупнейших транснациональных компаний. В последние годы наметилась тенденция их роста в глобальных городах Китая при ослабевании роли Токио. Наибольшей концентрацией штаб-квартир крупнейших ТНК в пределах одного города обладает Пекин, где в 2005 году их было размещено 12. Второе место по этому показателю принадлежит Шанхаю, который год от года наращивает свой вес на международной арене и в скором будущем сможет войти в десятку лидеров по числу международных штаб-квартир. В других городах Китая штаб-квартиры крупнейших ТНК пока не располагаются.

Мировыми финансовыми центрами считаются Гонконг и Шанхай, по выпуску продукции обрабатывающей промышленности — все города, кроме Шанхая. Крупными транспортными и коммуникационными узлами международного значения являются Гонконг, Пекин и Шанхай. В то же время они имеют статус мировых центров

с высокоразвитой сферой деловых услуг. Все приведенные показатели подтверждают мировую важность каждого из этих городов, что находит отражение в их иерархии.

Мировой город, являясь геодемографической системой, не может не накладывать отпечаток на специфику структуры населения и динамику процессов. В ходе исследования нами были проанализированы основные демографические показатели глобальных городов на территории Китая, а именно общие коэффициенты рождаемости и смертности, естественного прироста (убыли), а также данные о возрастной структуре населения. Последняя служит базовым инструментом для изучения трудового потенциала любого социально-экономического объекта и оказывает влияние на процесс воспроизводства населения (табл. 5, рис. 3).

Таблица 5. Основные демографические характеристики глобальных городов Китая, 2009 г. [сост. по 10]

Город	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰	Естественный прирост, ‰	Возрастная структура, %		
				0-14 лет	15-64 лет	65+ лет
Гонконг	9,2	5,1	4,1	13	77	10
Пекин	8,3	4,9	3,4	13,6	78	8,4
Шанхай	14,5	1,1	13,4	12,2	76,3	11,5
Гуанчжоу	9,5	4,2	5,3	10	75	15

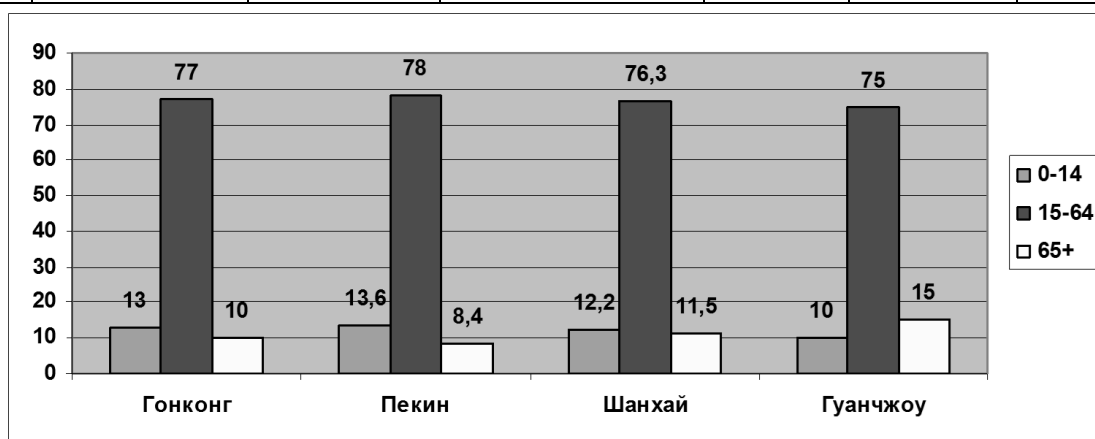

Рис. 3. Возрастная структура населения глобальных городов Китая, 2009 г.

Общий коэффициент рождаемости в глобальных городах Китая колеблется в пределах 8,3‰ (Пекин) – 14,5‰ (Шанхай), что ниже, чем в целом по миру (20‰) и по Азии (19‰). Однако этот показатель находится почти на уровне среднего значения по Восточной Азии и по Китаю (по 12 ‰).

Общий коэффициент смертности в глобальных городах Китайской Народной Республики изменяется от 1,1 ‰ (Шанхай) до 5,1‰ (Гонконг). Это свидетельствует о пониженном уровне смертности населения по отношению к миру (8‰), Азии, Восточной Азии и Китая (по 7‰).

Результатом двух вышеупомянутых показателей является коэффициент естественного прироста, представляющий их разность. Для всех глобальных городов КНР число родившихся за год превышает число умерших, в связи с чем, необходимо отметить, что для них не характерна естественная убыль населения. Наибольшим естественным приростом обладает Шанхай (13,4‰), что больше чем в среднем в

мире (11‰), по Азии (12‰), по Восточной Азии и Китаю (по 5‰). Наименьший коэффициент естественного прироста в 2009 г. среди исследуемых глобальных городов был в Пекине и составил 3,4‰.

Во всех глобальных городах Китая около 3/4 населения находятся в трудоспособном возрасте (75-78 %), что на 1-4% выше, чем в целом по стране, что объясняется большим количеством рабочих мест в этих городах. Доля людей дотрудоспособного возраста составляет в Пекине 13,6%, в Гонконге 13,0%, в Шанхае 12,2%, а в – Гуанчжоу 10,0%, в то время как в целом по стране эта доля равна 18%. Наибольшую долю людей послетрудоспособного возраста имеет Шанхай (11,5 %), а наименьшую – Пекин (8,4%), при этом по Китаю эта доля равна 8%. Таким образом, во всех глобальных городах Китая доля лиц в посттрудоспособном возрасте превышает 7%, что говорит о начале процесса демографического старения, характерного для многих развитых стран.

В целом, глобальные города Китая представляют собой сложную экономическую и геодемографическую систему в лице Гонконга, Пекина, Шанхая и Гуанчжоу. Каждый из этих городов занимает определенное место в иерархии и выполняет возложенные на них мировым сообществом разноплановые функции. В начале XXI в. роль глобальных городов Китая очень высока и продолжает расти. В этих городах решаются вопросы мирового уровня, связанные с геополитикой, экономикой и геодемографией. Развитие глобальных городов формирует мощную силу притяжения со всех уголков мира, которые задают темп развития для всего человечества.

Литература

1. Глобальный город [Электронный ресурс]. Режим доступа www.wikipedia.org. Дата доступа 15.09.2011.
2. Колосов Д.В., Мироненко Н.С. О концепции мировых городов // Пространственные структуры мирового хозяйства. М., 1999.
3. Слука Н.А. Глобальный город: теория и реальность. Под ред. Н.А. Слуки. М., 2007.
4. Слука Н.А. Современные геодемографические процессы в мировых городах. – М., 2006. – 46 с.
5. Fridmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. № 17.
6. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. – М., 2005. – 168 с.
7. Слука Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. – Смоленск: Ойкумена, 2009. – 317 с.
8. GaWC Research Bulletin. 2002 – 2008.
9. Штаб-квартира [Электронный ресурс]. Режим доступа www.atkearney.com. Дата доступа 17.09.2011.
10. Демографические характеристики [Электронный ресурс]. Режим доступа www.unescap.org. Дата доступа 20.09.2011.

Аль Халлиди Акил Касим
аспирант
Белорусский государственный университет
Ирак

ТУРИЗМ В КИТАЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ ОТКРЫТОСТИ

Современный туризм является одной из наиболее высокодоходных отраслей мировой экономики. Несмотря на некоторый спад, который наблюдался в 2009-2010 годах, связанных с кризисными явлениями в экономиках стран мира, а также снижением доходов потребителей, планируется, что в ближайшее время число туристских прибытий в мире достигнет 1 миллиарда человек в год. Мировое развитие туристской сферы привело к тому, что в настоящее время ее вклад в социальное и экономическое развитие большинства стран намного превышает долю материального производства. Сфера туризма сегодня стала не только неотъемлемой частью формирования нормальных условий жизнедеятельности человека, но и одним из самых необходимых элементов инфраструктуры бизнеса, она предоставляет до 70% всех рабочих мест в экономике, а в отдельных странах более 60% трудоспособного населения занято именно в этой сфере. Туристическую индустрию относят к разряду отраслей, которые будут определять мировое экономическое развитие в этом столетии. По мнению известного американского футуролога Дж. Нэйсбита по своим масштабам она будет уступать лишь телекоммуникациям и информационным технологиям.

По данным Всемирной туристской организации на долю туризма приходится около 11% мирового валового продукта, до 30% торговли и почти 10% мировых капиталовложений. Число рабочих мест в туристской индустрии составляет 192 млн. человек или 8% от общих показателей занятости в мире. Начиная с 1998 года, туризм вышел на первое место в мировом экспорте товаров и услуг, составив 7,9% от мирового объема торговли товарами и услугами. Таким образом, туризм обогнал автомобильную, химическую промышленность, производство продуктов питания и компьютеров.

На современном этапе развития рыночной экономики тенденция роста туристической отрасли является значимой и для Китая. Всемирный совет по туризму и путешествиям (WTTC) в своем прогнозе развития туристской отрасли на грядущее десятилетие в числе стран – лидеров мирового туризма наряду с Индией, Вьетнамом, и другими странами, определил и Китай.

Китай богат пейзажными, этнографическими и культурно-историческими ресурсами — всем тем, что необходимо для туристической державы. В традиции китайцев всегда были гостеприимство и доброжелательное отношение к гостям. Китайская пословица гласит: «Как прибыл гость издалека, так засуетились все от радости». В условиях политики реформ и открытости стали выявляться потенциальные возможности развития китайского туризма.

Туризм в Китае имеет свою достаточно длительную историю. В 1923 году в Шанхае при одном коммерческом сберегательном банке впервые был создан туристический отдел. Позднее он выделился в самостоятельное предприятие — Китайское туристическое бюро. Это бюро учредило в крупных городах Китая около 20 отделений.

После провозглашения Китайской Народной Республики (1949 г.) стало быстро расти число зарубежных китайцев, приезжавших в континентальную часть Китая для встречи с родственниками, на экскурсии и для ознакомления с обстановкой в стране. Китай стал развивать контакты и обмен визитами с зарубежными деятелями.

В 1954 г. было создано Китайское международное общество туризма (CITS China International Travel Service). Это первое в Китае общенациональное ведомство иностранного туризма заключило договоры о сотрудничестве в области туризма с туристическими ведомствами СССР и восточно-европейских стран, а также установило деловые связи с туристическими организациями Франции и некоторых других западных стран. Настоящее возрождение китайского туризма началось в конце 1970-х гг. Прилагая большие усилия к развитию внутренней экономики, китайское правительство в то же время распахнуло двери для внешнего мира. Получив возможность увидеть, как живут китайцы, отгороженные многие десятилетия от мира, люди Запада устремились в Китай. Все это привело к становлению туризма как одной из отраслей экономики.

В настоящее время китайское правительство уделяет большое внимание развитию туризма. Для туристической отрасли поставлена задача: к началу следующего века по уровню обслуживания и технического оснащения выйти на уровень западных стран. Китай должен занять достойное место среди крупных туристических держав мира. Во имя достижения этой цели правительство выдвинуло курс, призывающий развивать туристический бизнес как за счет собственных ресурсов, так и за счет привлечения иностранных инвестиций. В начальный период деятельности туристические организации пользуются налоговыми льготами вплоть до освобождения от уплаты налогов.

В то же время, в соответствии с установкой правительства, развитие туризма осуществляется исходя из китайских условий и китайской специфики, как то:

Во-первых, туризм рассматривается не только как народнохозяйственная отрасль, но и как мост налаживания дружественных отношений с другими странами, как средство, способствующее знакомству мира с Китаем и расширению международных связей, а также как средство налаживания тесных связей с китайскими эмигрантами, сянганскими, аомэньскими и тайваньскими соотечественниками.

Во-вторых, для китайского туризма характерно многообразие содержания и форм. Для того чтобы удовлетворить потребности туристов разного профиля, устраиваются интересные мероприятия культурного, пейзажного, этнографического характера. Например, в списке туристических маршрутов фигурируют: поездка по ущельям Янцзы, круиз по реке Хуанхэ, поездка по древнему Китайскому каналу, путешествие по древнему Шелковому пути. Туристам предлагают познакомиться с традиционными методами китайской медицины, с китайской кухней, с китайским искусством каллиграфии и т. д.

В-третьих, соблюдение традиционного местного колорита. Например, в Северном Китае гостиница построена в форме традиционного жилого комплекса «сы-хэюань», к югу от Янцзы отель воспроизводит характерный для этих мест парково-архитектурный ансамбль. Во Внутренней Монголии это юрта-отель, в провинции Юннань есть отель в форме дайского жилого дома на сваях. В Северо-Западном Китае строятся отели пещерного типа. В местах, где бывают иностранные туристы,

продаются многочисленные сувениры, отмеченные китайской и местной спецификой: шелковые изделия, вышивки, плетенья, фарфор, резная скульптура, картины национального жанра «го-хуа», изделия из перегородчатой эмали и т. п.

В Китае имеются отели таких крупных международных корпораций, как Хилтон, Шератон, Холидэйин и др. Эти отели как в отношении материального оснащения, так и в смысле сервиса вполне соответствуют мировым стандартам.

В 1980-х гг. на средства государства были созданы специальные институты и училища, готовящие кадры для работы в туристическом бизнесе. За 20 лет их число возросло до 845. Это 166 институтов и факультетов в вузах, 42 средних профессиональных училища, 637 профессиональных курсов. В середине 1980-х гг. стали присуждаться ученые степени магистра по туризму. Вопрос преподавательских кадров решается разными путями: с одной стороны, приглашаются для чтения лекций зарубежные специалисты, с другой, на повышение квалификации за рубеж командировются отечественные кадры. На основе зарубежных учебников и с учетом китайских реалий составляются учебные пособия. В настоящее время в учебной практике уже нашли распространение несколько десятков наименований учебных пособий и учебников.

В 1983 г. Китай стал официальным членом Всемирной туристической организации.

По размеру валютного дохода от туризма КНР занимает восьмое место в мире, а по количеству принятых туристов — шестое.

В 1997 г. Государственное управление по делам туризма КНР создало компьютерную информационную сеть (КИС), используя для этого сети Чайнанет и Интернет Министерства связи Китая.

Адрес КИС: <http://www.cnta.com>.

За последнее десятилетие Китай вышел на мировой туристический рынок. Число желающих посетить страну растет с каждым годом. Самым значительным прогрессом в китайском туризме явился стремительный рост отечественных туристов. Сегодня удельный вес отечественных туристов составляет 96% в совокупном числе туристов, доходы от отечественного туризма составляют 68% всех доходов этой отрасли.

Уже в начале XXI в. Китай станет крупной туристической державой. По прогнозу Всемирной туристической организации, в 2020 г. Китай будет принимать 167 млн иностранных туристов, превысив по этому показателю США, Францию, Испанию и Италию.

Поэтому, проблемы управления китайскими предприятиями туризма в условиях экономического роста занимают важное место в системе развития общественных и производственных отношений.

Литература

1. Ушаков, Д.С. Технология въездного туризма. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006. – 384 с. (Серия «Туризм и сервис»).
2. Деловой журнал про Китай «ChinaPRO» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinapro.ru>. - Дата доступа: 24.11.2011.

*Маюк Е.
студентка экономического факультета,
Белорусский государственный университет*

ИЗОБРЕТЕНИЯ КИТАЯ И ИХ РОЛЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В своем историческом прошлом Поднебесная создавала вокруг себя ореол загадочности и развивалась обособленно, питаясь лишь национальной культурой и традициями. Быть может, это и стало причиной того, что Китай является родиной одних из самых значительных изобретений человечества.

История появления центральной фигуры экономики, а именно денег, отправляет нас в страну Восходящего солнца. Первые деньги появились более 2000 лет до н.э. и тогда использовали раковины моллюсков каури. Нитка каури с 5 или 10 раковинами считалась тогда основной денежной единицей. Даже когда появились монетные деньги, раковины каури не потеряли своей значимости. Металлические монеты стали изготавливать в форме раковин каури.

Возникновение сложной экономической системы в Китае породило такое изобретение, как бумажные деньги во времена династии Сун (960 – 1279 гг.). Этот вид выражения ценности получил широкое распространение благодаря удобству в обращении и высокой ликвидности. Печатные бумажные деньги и сейчас доминируют над электронными.

Еще одним из наиболее значимых изобретений Китая является компас. Первая модель китайского компаса датируется временами династии Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.). В то время он применялся в различных видах гадания. Только в манускрипте 1044 г. указывается, что компас, претерпевший многочисленные модификации стал использоваться для указания курса при перемещении на море. В начале 12 века компасы стали массово употребляться на китайских судах.

Китай подарил миру еще одно изобретение в области мореплавания – парус. На протяжении большей части истории плавания, технология китайских парусных лодок значительно превосходила всё, чем обладали люди на Западе. Рейки – это полосы бамбука, их преимущество в том, что они дают морякам свободу выбора: если ветер сильный, то они могут поднять одну или две рейки, если ветер слабый – могут поднять все. Все современные западные яхты, переняли эту конструкцию. Запад заимствовал и другие китайские новшества: руль для управления кораблём, швед, чтобы уменьшить дрейф по ветру, и водонепроницаемые переборки, чтобы удержать судно на плаву даже при повреждении корпуса.

Изобретение паруса и компаса способствовали бурному развитию судоходства. Следовательно, быстрыми темпами стала развиваться торговля, экономика стран постепенно становилась открытой.

Одними из четырех самых значимых изобретений Китая являются арбалет и порох. Военные действия влекут за собой как ущерб, так и прибыль для определенного круга лиц. Страны тратят огромные суммы на вооружение национальной армии, еще более активен теневой рынок. В этой среде задействована огромная масса денежных средств. Так, как сообщил Министр обороны США Роберт Гейтс, США уже потратили около \$750 млн. на военную операцию в Ливии. Аналитический центр службы Конгресса США подсчитал, что участие во Второй мировой войне стоило стране (в ценах 2008 года) – \$4,1 трлн., во вьетнамской войне – \$686 млрд., в войне на Корейском полуострове – \$320 млрд., в Первой мировой – \$253 млрд. На

военные операции в Афганистане и Ираке, как сообщило ИТАР-ТАСС со ссылкой на экспертов исследовательской организации «Проект – национальные приоритеты», было выделено более \$1 трлн. Если бы затраченные средства были направлены в гражданские сферы, то этих денег хватило бы для годовой зарплаты 21 млн. полицейских или для оплаты обучения в колледжах в течение девяти лет 19 млн. студентов.

Изобретение пороха вызвало ряд уникальных изобретений, таких как горящее копье, наземные мины, морские мины, пищали, взрывающиеся пушечные ядра, многоступенчатые ракеты и реактивные снаряды с аэродинамическими крыльями.

Порох применялся и в мирных целях: для фейерверков. И по сей день на это красочное зрелище тратятся крупные суммы. Каждый Новый Год все страны соревнуются в организации шоу. Так, в Лондоне в 2010 г. на проведение фейерверка было выделено из госбюджета 1 625 000 фунтов.

Китайцы изобрели оригинальные технологии в области механики, гидравлики, математики в приложении к измерению времени, металлургии, астрономии, сельского хозяйства, конструирования механизмов, теории музыки, искусства, мореплавания и приёмов ведения войны. Первые механические часы с анкерным механизмом были изготовлены в Танском Китае в 725 году нашей эры И Сином и Лян Линцзанем. Китайцы также создали большие механические кукольные театры, приводимые в движение водяным колесом, колесо со спицами и торговый автомат, управляемый колесом с плицами.

Таким образом, появлению большого количества товаров на современном рынке мы обязаны изобретателям Китайской Народной Республики.

Литература

1. История Китая; Учебник / Под редакцией А.В. Меликсетова. - 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. - 736 с.
2. Древняя мудрость и изобретения Китая / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ancienthistory.spb.ru>. - Дата доступа: 08.11.2011г.
3. Китай сегодня / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://livechina.biz>. - Дата доступа: 09.11.2011г.
4. Факты, статьи о Китае и Японии «Сад камней» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog-japan.ru>. - Дата доступа: 10.11.2011г.
5. Жерне, Ж. Древний Китай / Ж.Жерне. – Издательство АСТ, серия Cogito, ergo sum: "Университетская библиотека", 2004. – 160с.

Чиж Е. В.
аспирантка экономического факультета,
Белорусский государственный университет

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

К текущему моменту сложилось стереотипное мнение о том, что Китай – это страна дешевой рабочей силы, не способная на научные достижения и самостоятельное развитие. Однако правительство КНР прилагает значительные усилия для формирования и адаптации инновационной политики государства. В настоящий момент перед Китаем стоит задача по переходу к инновационному типу государств. Руководством КНР поставлена цель повышения доли в ВВП, направляемую на науку, до 2,5% к 2020г., довести долю вклада технологического развития в ВВП до 60%, снизить зависимость от иностранных технологий до 30%.

Следует отметить, что в данном направлении уже получены первые значительные результаты. В 2011 г., согласно опросу консалтинговой компании StrategyOne по заказу General Electric, Китай вошел в пятерку самых инновационных стран [2].

Начальный этап развития инновационной политики КНР (1949-1976гг.) характеризуется становлением инновационной системы. На данном этапе происходило восстановление и модернизация производственных мощностей, с целью копирования образцов, предоставленных СССР или приобретенных у других стран, было основано около 400 исследовательских подразделений. Однако в период Культурной революции (1966-1976 гг.) происходило вынужденное сокращение научных кадров в университетах научно-исследовательских институтах [3].

Начиная с 1978г. происходит ряд изменений в инновационной политике государства. Провозглашаются необходимость коммерциализации научных результатов, полученных государственными исследовательскими организациями, и сокращение разрыва между научным сектором и промышленностью. Однако организация работы НИИ и принцип прямого финансирования претерпели мало изменений по сравнению с дореформенным периодом.

Следующим шагом были институциональные изменения инновационной системы, последовавшие в 1985 г. с началом новых реформ в научной сфере и системе образования. Основные цели правительства состояли в устранении разрыва между сектором НИОКР и промышленным производством, развитии высокотехнологичных отраслей.

Главное внимание сосредоточивалось на изменении механизма распределения государственных средств, трансформации организаций, работающих в секторе НИОКР, в коммерческие предприятия или включении их в состав крупных промышленных предприятий. Для достижения данной цели в 1986 г. был образован Национальный фонд естественных наук, а в 1988 г. началось создание высокотехнологичных зон, промышленных парков и инкубаторов. Стали развиваться инструменты финансирования с помощью грантов и субсидирования процентов по банковским кредитам для высокотехнологичных фирм. Были запущены программы, покрывающие расходы на обучение китайских специалистов за границей и привлечение кадров, уехавших в западные страны.

В 1999 г. были реформированы государственные институты Академии наук был образован Инновационный фонд, выделяющий деньги высокотехнологичным

предприятиям малого и среднего бизнеса. Фонд также поддерживает усилия по коммерциализации научных разработок. С этого же года резко увеличились расходы на образование; среднегодовой темп роста количества китайских студентов и выпускников вузов составил около 25%.

В настоящий момент финансирование инновационной активности происходит из различных фондов: 60% расходов на инновационную политику выделяет федеральное правительство, 40% - местные органы власти [3].

Наиболее значимую роль в финансировании фундаментальных исследований играет Национальный фонд естественных наук, образованный в 1987 г. Он выделяет деньги на принципах не централизованного распределения, а грантового финансирования. Поддерживаются как исследовательские группы, так и индивидуальные научные инициативы. Стимулирование фундаментальных исследований в приоритетных отраслях осуществляется также по программе "973".

Важную роль в инновационной политике Китая сыграла реформа научно-исследовательских институтов. В 1998 г. было принято решение о расформировании десяти министерств и преобразовании 242 научно-исследовательских института в независимые коммерческие и некоммерческие организации. Реформированным институтам были предоставлены налоговые льготы, доступные кредиты и субсидии. Правительство обеспечило подготовку необходимых кадров или привлечение их из-за рубежа за счет создания специальных грантов. Новые организации получили право на вычеты из налога на доход и доступ к финансированию по государственным программам, ранее доступные только государственным организациям [3].

Также были выбраны несколько лучших университетов, развитию которым оказывалась всевозможная помощь. Благодаря последовательным программам развития на высокий уровень вышли Университет Пекина и Университет Цинхуа (им предоставлена привилегия первоочередного отбора лучших студентов из каждой провинции). Кроме того, согласно своду рекомендаций по развитию системы высшего образования, было предусмотрено создание 100 ключевых университетов высокого класса.

В результате в китайских университетах создана благоприятная среда для работы и развития академических талантов и науки; появились обновленные мощности, необходимые для исследовательской работы; разработаны современные учебные планы и программы; привлечены талантливые студенты и улучшена система их подготовки; проводятся НИР мирового уровня; созданы инновационные предприятия, управляемые университетами.

С целью коммерциализации результатов НИОКР в Китае были приняты меры, направленные на стимулирование появления новых компаний, отделившихся от университетов и государственных предприятий. Наиболее яркими примерами высокотехнологичных компаний, образованных таким путем, является "Леново", отделившаяся от Китайской академии наук, и "Beida Founder", являющаяся "продуктом" Пекинского университета.

Следует отметить, что несмотря на быстрые темпы инновационного развития, эксперты указывают на возможные проблемы для Китая в данной сфере. К основным проблемам относится доминирование «самостоятельных инноваций», что ведет к растрачиванию ресурсов на высокорисковые проекты, а также трудности, обусловленные отсутствием посредников, которые обычно несут основные риски.

Литература

1. Инновационная политика: международный опыт. – Журнал «Человек и труд». - №1 (13).- 01.11.2011.
2. Китай выходит в инновационные лидеры / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru>. - Дата доступа: 27.01.2011 .
3. Китайские инновации / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://expert.ru>. - Дата доступа: 26.01.2011.

*Ярмолич К. Л.
студентка экономического факультета,
Белорусский государственный университет*

ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИЕЙ В КИТАЕ

С развитием Интернета, электронная коммерция стала глобальным явлением и с каждым годом становится все более популярной. Среди всех отраслей экономики, ассортимент сельскохозяйственной продукции наиболее разнообразен, но эти продукты трудно обрабатывать и хранить. Например, фрукты и овощи являются скоропортящимися и должны выходить на рынок для потребления в руки потребителей в течение короткого периода времени [1]. Будучи крупнейшей сельскохозяйственной страной в мире и одним из наиболее активных торговых партнеров на международном рынке, Китай должен быть вовлечен в развитие электронной торговли сельскохозяйственной продукции для внутреннего и международного рынков. Тем не менее, развитие электронной коммерции и сельского хозяйства в Китае значительно отстает от других отраслей промышленности.

Электронная торговля пережила свой пик в некоторых экономически развитых странах, например, в США. Что же касается электронной коммерции в Китае, то она все еще находится в стадии формирования [2].

Согласно статистическим данным, полученным Китайском информационным Интернет-центром (CNNIC), число интернет-пользователей в Китае достигло 420 млн. в 2010 году [3], а было только 0,6 миллионов в 1997 году, и темпы роста использования Интернета увеличились на 31,8% в 2010 году. Например, в 1997 году в Китае было зарегистрированной 1500 сайтов, а уже к 2010 году их количество возросло до 2790. Все большее число интернет-пользователей и веб-сайтов предоставляют возможность для развития электронного бизнеса в Китае [4]. В соответствии с данным исследований IIMEDIA, число новых сайтов, посвященных электронной коммерции в Китае, созданных в период с 2008 по 2010 год, составляет 25,2% от общего числа существующих сайтов. В этот период, в первую десятку отраслей входили: текстильные изделия и одежда, цифровая бытовая техника, машиностроение, химии и фармацевтика, строительные материалы, сельское и лесное хозяйства, упаковка и печать, металлургия, продукты питания, сахар и вино и подарки (рис. 1).

Данные исследований IIMEDIA показывают, что, по состоянию на август 2010 года, общее количество крупномасштабных сайтов по электронной коммерции уже достигло 13 233.

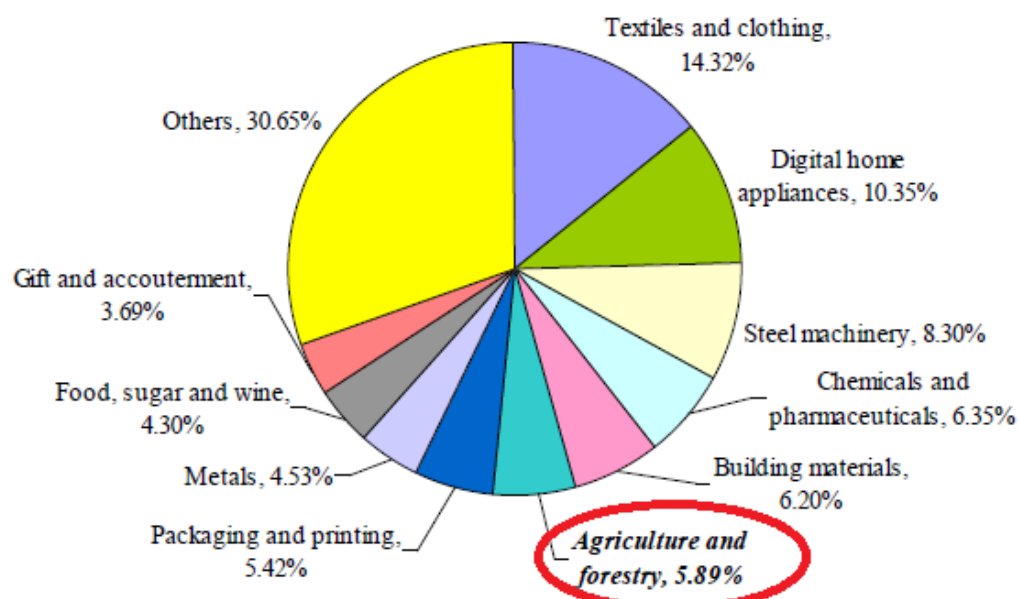

Рисунок 1. - Сравнительный анализ по электронной коммерции

Применение сельского хозяйства в Китае

В Китае сеть информационных технологий открылась в 1994 году, а значит и открылась информация об сельском хозяйстве. За последние 16 лет китайская электронная торговля сельхозпродукцией быстро развивалась, становясь наиболее процветающим и перспективным видом деятельности.

Таблица 1. Ведущие компании в сфере сельского хозяйства

Сайт/компания	Сфера	Дата регистрации	Alexa Rank
Aweb.com.cn	Все области сельского хозяйства	1999	14786
Chinabreed.com	Животноводство и растениеводство	1999	14776
Yuanlin.com	Лес и сад	2005	45240
Cngrape.com	Фрукты и овощи	2005	51455
Shuichan.cc	Рыболовство	2006	70213

Данная таблица содержит информацию о ведущих китайских компаниях, занимающихся сельским хозяйством. В колонке AlexRank содержится рейтинг посещаемости того или иного сайта в сравнении со всеми сайтами интернета (чем меньше показатель, тем популярнее сайт).

В настоящее время Китай имеет 420 миллионов пользователей Интернета, из которых более чем 100 млн. Сельских пользователей (только 15% сельского населения Китая) [5]. По результатам интернет-источников и печати за 2009 год известно, что в Китае насчитывается более 6000 сайтов, связанных с сельским хозяйством, что превышает показатели Франции, Канады и других развитых стран. Из рис. 1, известно, что количество компаний, предназначенных для электронной продажи сельхозпродукции составляет 5,89% от общего числа компании. В целом, по сравнению с другими преобладающими отраслями, темпы роста электронной коммерции сельхозпродукцией в Китае отстают. Основными причинами являются:

а) интенсификация сельскохозяйственного производства в Китае не является высокой, а число людей, вовлеченных в электронную сельскохозяйственную

коммерцию сравнительно меньше, чем в других отраслях;

б) логистика и транспортные требования к сельскохозяйственной продукции относительно высокие;

в) прибыль от продажи сельскохозяйственной продукции является относительно низкой, что приводит к затруднению привлечения инвесторов. Хотя приведенные выше три причины препятствуют развитию электронной коммерции сельхозпродукции в Китае, существуют многие предприятия и ведомства, которые активно содействуют продвижению этой отрасли. Кроме того, во многих других секторах осуществляется поддержка развития электронного сельского хозяйства, например, в таких как наука и техника, социальный круг, сферы образования, и т.д.

Но также развитие электронной торговли сельхозпродукцией в Китае не является сбалансированным, т. к. многие важные услуги доступны не на всех электронных платформах [6]. Хотя развитие ведущих компаний в электронном сельском хозяйстве является довольно быстрым, другие отрасли промышленности развиваются еще быстрее. Китайские сайты, посвященные продаже сельхозпродукции, главным образом направлены на внутренний рынок, а значит выводу на международный рынок должно уделяться больше внимания в дальнейшем будущем.

Литература

1. С. Гэн, Т. Рен, М. Ван, "Технология и инфраструктура. Вопросы электронной коммерции китайского сельского хозяйства », № 1, стр. 1-10, 2007.
2. Х. Ли, Р. Суоми, "Развитие электронной коммерции в Китае", стр. 413-417, 2006.
3. Отчет о статистике развития Интернет-технологий в Китае (2010) / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.cnnic.net.cn. – Дата доступа: 16.11.2011г.
4. Анализ развития электронной коммерции в Китае (2009-2010), Dec.2010. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.iimedia.com>. – Дата доступа: 16.11.2011г.
5. Обзорный доклад по развитию Интернета в Китае в 2009г. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.cnnic.net.cn. – Дата доступа: 18.11.2011г.
6. Электронная коммерция Модель китайской сельскохозяйственной продукции, / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://b2b.toocle.com>. – Дата доступа: 18.11.2011г.

*Балакина Ю. О.
студентка экономического факультета,
Белорусский государственный университет*

РАСТЕНИЕВОДСТВО В КИТАЕ

Китай является одной из крупнейших стран-производителей сельскохозяйственной продукции в мире. До 7% мировых пахотных земель приходится на КНР, а это около 110 млн. гектаров. Однако из всего земельного фонда страны только 21% считается высокопроизводительным в силу того, что далеко не все районы имеют благоприятный климат для развития растениеводства, тогда как на северо-восточных равнинах Китая, дельте реки Чжуцзян, среднем и нижнем бассейне реки Янцзы, а так же Сычуанской котловине погодные условия позволяют получать по два, а на юге страны не меньше трех урожаев в год.

Основная причина актуальности данной темы – ведущая позиция растениеводства среди отраслей сельского хозяйства КНР. Следует отметить, что высокий уровень растениеводства Китая – это многовековое достижение, традиционная отрасль хозяйства. Длительное время китайские крестьяне старались определить правильное, наиболее благоприятное размещение различных культур по отдельным регионам, лучшие севообороты.

По разнообразию продукции Китай занимает одно из первых мест в мире. Пашни занимают большую часть территории страны – 100 млн. га, поэтому растениеводство представлено богатым разнообразием сельскохозяйственных культур: свыше 50 видов полевых, более 80 видов огородных и более 60 видов садовых. В растениеводстве широко применяется орошение. С обработанных земель получают 2/3 производства зерновых. Однако сейчас наблюдается устойчивая тенденция к сокращению посевных площадей из-за изъятия земель из аграрного сектора и роста заболоченных, засоленных и опустыненных земель.

Растениеводческая отрасль сельского хозяйства КНР в большей степени представлена зерновыми культурами, из которых 3% входят в пищевой рацион страны. Около половины всего урожая зерна приходится на рис. Рис является основной продовольственной культурой. По условиям произрастания он делится на поливной и суходольный. Посевы поливного риса располагаются в основном в районах субтропического и тропического поясов с достаточным увлажнением, но так как период вегетации отдельных сортов риса сравнительно короткий, то эти сорта могут произрастать и в умеренном поясе. Суходольный рис выращивается в основном в Северном Китае. Основным фактором, влияющим на размещение посевов риса и число собираемых урожаев являются агроклиматические условия. По термическим условиям рис может произрастать почти во всем Китае, за исключением высокогорных районов Цинхай-Тибетского нагорья. Таким образом, дальнейшее расширение районов возделывания риса можно осуществить только за счет ирригации (искусственного орошения полей).

Вторую позицию в списке значимых зерновых культур в стране занимает выращивание пшеницы. На сегодняшний день с высокой урожайностью пшеницы, выращенной на сельскохозяйственных угодьях Китая, не может сравниться ни одна страна мира. Основными факторами, определяющими распространение сортов пшеницы, являются климатические условия зимнего периода. Районы яровой пшеницы

расположены к северу и северо-востоку от Великой Китайской равнины, а также в западных районах страны.

Среди прочих продовольственных культур можно назвать и такие важные для Китая культуры, как кукуруза, просо, гаолян (разновидность сорго), ячмень. Они не только широко используются в пищевом рационе китайцев, но и идут на корм скоту, а также являются ценным сырьем для пищевой промышленности. Кукуруза обычно выращивается в районах, благоприятных по климатическим условиям для рисоводства, но где рельеф или недостаток воды препятствуют возделыванию риса.

Основной масличной культурой является арахис, выращиваемый преимущественно на Шаньдунском полуострове, на территории восточных районов Великой Китайской равнины. Среди бобовых наиболее распространены соя, кормовые бобы и горох. Соя выведено более 1200 сортов на все климатические условия. Из клубневых культур выращивают батат, картофель, ямс, таро, маниоку. Важнейшими техническими культурами являются хлопчатник, сахарный тростник, чай, сахарная свекла.

Сельское хозяйство в КНР является самой важной отраслью экономики страны, ведущей же отраслью сельского хозяйства Китая считается растениеводство. Занятое работами в сельском хозяйстве количество человек в 6 раз превышает количество работников сельского хозяйства России, Японии, Англии, Франции, Германии, Италии и Мексике вместе взятых.

Литература

1. Экономика Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chinese.tj/economy/agri_plant.php. – Дата доступа: 17.11.11.
2. География растениеводства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://аур.ru>. – Дата доступа: 15.11.11.
3. Экономика Китая. Структура экономики КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ereport.ru>. – Дата доступа: 15.11.11.
4. Китай. Агроновости в России и зарубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agro-new.ru>. – Дата доступа: 17.11.11.

**СЕКЦИЯ 3: ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОЙ И
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ**

Лучина Н. Н.

Студентка 4 курса факультета эстетического образования,

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка.

Научный руководитель: Приймава М. Ю., ст. преподаватель

КЕРАМИКА КИТАЯ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Культура Китая восходит к очень глубокой древности и отличается богатством своих материальных и духовных ценностей.

В течение всей истории китайская культура не утрачивала своей активности, сохраняя монолитность. Каждая из культурных эпох оставляла для потомков неповторимые по красоте, самобытности и разнообразию ценности. Произведения зодчества, скульптуры, живописи и ремёсел представляют собой бесценные памятники культурного наследия Китая.

Художественная культура Китая впитала в себя основные духовные ценности, которые развивались в учениях даосизма и конфуцианства. Близость к природе, стремление к духовному совершенству, поиск гармонии в каждом явлении природы — будь то цветок, дерево, животное — позволили сформировать совершенно уникальное эстетическое сознание и художественную практику. Идея гармоничного соединения человека и природы пронизывает китайское искусство, начиная от каллиграфии до живописи [1, с. 123].

Китай известен во всем мире как «страна фарфора». Керамика и фарфор — это величайшие достижения китайской цивилизации. Изделия из фарфора необычайно ценились не только в самом Китае, но и далеко за пределами страны. В средневековой Европе случайно попавшие туда фарфоровые безделушки почитались в качестве драгоценных реликвий. История гончарного искусства насчитывает более трёх тысяч лет. Начало производства собственно фарфора в Китае относится примерно к 6—7 векам, когда путем совершенствования технологий и подбора исходных компонентов стали получать изделия, отличающиеся белизной и тонкостью черепка.

В истории искусства Древнего Китая выделяют периоды неолитических культур Яншао (5 — 3-е тыс. до н. э.) и Луншань (3-е — нач. 2-го тыс. до н. э.); царства Шан (или Инь; нач. 2-го тыс. до н. э. — 1122 г. до н. э.); царства Чжоу (1122 — 403 гг. до н. э.); эпоху Чжаньго («Воюющих царств»; 403—221 гг. до н. э.); периоды правления династий Цинь (221—206 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Развитие китайского искусства в эпоху Средневековья (3 век — 1644) подразделяют на периоды: Вэйского царства (4 — 6 вв.); правления династий Тан (618 — 907); Сун (960 — 1279); монгольской династии Юань (1280 — 1368); Мин (1368 — 1644). Цин (1644 — 1911).

Формы керамики Яншао свидетельствуют о чрезвычайно развитом мастерстве работы с пластичной глиной. Именно в это время начинают складываться основные типы форм посуды, ставшие впоследствии традиционными для китайской культуры — миски “пань”, чаши на конической ножке “доу”, кувшины “гуань”, стаканы “бэй”, бутылки “пин”, чашки “бо” и другие.

Особое значение придавалось отделке поверхности сосудов и их орнаментации. Стенки заглаживались и полировались до блеска при помощи каменного или

костяного ложила. Это был отличный фон для нанесения орнамента. Культуру Яншао не случайно называют “культурой крашеной керамики”: наиболее популярной техникой орнаментации была роспись цветными красками. Краски различных оттенков – красного, желтого, черного, зеленого, белого – готовились из природного минерального сырья. Как правило, крашенные узоры наносились на стенки сосудов до обжига, но иногда и после. Краски, которыми пользовались древние гончары, отличались яркостью и стойкостью – даже сегодня, по прошествии шести тысяч лет, керамические сосуды культуры Яншао выглядят нарядными и эстетически привлекательными.

Керамика культуры Луншань представлена чёрными блестящими котелками, кубками, кружками без узоров.

В царстве Шан появились первые города, защищённые глинобитными стенами. В верованиях китайцев главную роль играл культ обожествлявшихся предков. Гробницы этого времени состояли из наземной и подземной погребальных камер, входы в которые охраняли мраморные «стражи могил» (изваяния фантастических полулюдей-полуживотных).

Грандиозные памятники были созданы в правление основателя династии Цинь императора Цинь Шихуанди (буквально «первый властитель-император»). Началось строительство *Великой Китайской стены*. Был проложен караванный Великий шёлковый путь на Запад. Даже погребальный комплекс Шихуанди в окрестностях г. Сиань представлял собой мавзолей императора, в котором находились более 6000 терракотовых статуй воинов и коней (в натуральную величину) из его гробницы.

Погребения династии Хань состояли из обширных подземных комплексов, к которым вела длинная «аллея духов», обрамлённая каменными крылатыми львами. У дверей стояли «стражи входа» – изваяния чиновников в длинных халатах. Глиняные модели усадеб, обнаруженные в захоронениях, позволяют представить облик жилых зданий с многоярусными черепичными крышами и башенками. Керамические фигурки слуг, лошадей, музыкантов и танцовщиц должны были обеспечить умершему роскошную жизнь в ином мире. Стены гробниц были сплошь покрыты рельефами с мифологическими сценами.

Для искусства 4—6 вв. характерна тяга к большим масштабам и монументальным формам, к синтетическому слиянию архитектурных, скульптурных, живописных и декоративных элементов, к красочности и эмоциональной насыщенности образа. 4—6 вв. — время создания гигантских скальных храмов, наземных каменных сооружений, развития многообразных видов скульптуры и живописи

В Танское и Сунское время складываются ведущие ремесленные центры изготовления фарфора и керамики. К ним относятся, прежде всего, Чжэцзянь в провинции Цзянси и Динь в провинции Хэнань. Центры гончарства выросли на территориях, богатых высококачественным фарфорово-керамическим сырьем, топливными и водными ресурсами.

Большую популярность в Китае получило изготовление фарфорово-керамической продукции при помощи форм-шаблонов. Этот способ был особенно удобен для формовки сосудов в виде цветов, с фигурными стенками, либо для получения изделий со сплошным рельефным декором на внешней или внутренней поверхности. Пластичная глинистая масса накладывалась на форму-шаблон изнутри или снаружи. Затем слегка подсушенное изделие снималось с шаблона, сохраняя все детали его

формы и декора. Если шаблон имел резной узор, то он повторялся и на стенках готового изделия, но уже в выпуклом рельефном варианте.

Техника обжига в фарфорово-керамическом производстве Китая была весьма развитой. В ремесленных центрах получают распространение так называемые длинные “драконовые” печи. Они сооружались на склонах холмов и достигали в длину 30—50 м. Температура в печах во время обжига достигала 1350° С.

В периоды Тан и Сун искусство изготовления фарфора переживает свой расцвет — появляются новые разнообразные варианты глазурных покрытий, декорирования изделий, регулирования режима обжига. Все это позволяло достигать выразительных внешних эффектов гончарной продукции [2, с. 167]

В связи с локальными различиями сырьевых материалов фарфоровые изделия Динь имели характерный кремово-белый оттенок, или цвет слоновой кости. Фарфор Чжэцзяна отличался безукоризненной белизной с голубоватым отливом. В период Тан и особенно в период Сун достигает своей вершины мастерство изготовления селадоновой посуды. Чаши, вазы, кубки, блюда, триподы сверкали глазурью самых изысканных цветов — льдисто-зеленого, морской волны, оливково-зеленого, бутылочно-зеленого. Китайские поэты сравнивали редкий по красоте цвет селадоновой глазури с “голубовато-зеленой дымкой далеких холмов”.

В период правления династии Тан особой областью гончарного искусства было изготовление керамической погребальной скульптуры — традиция, унаследованная из прошлого. Объемные изображения людей и животных делались из обычной глиняной либо “каменной” формовочной массы. Последняя давала после обжига изделие с очень плотным, тяжелым, однородным черепком, близким фаянсу или майолике. Керамические фигуры расписывались цветными глазурями — зелеными, желтыми, коричневыми, красными, белыми. Высота фигур достигала 1 метра или несколько более. Эти керамические скульптуры помещались в гробницы знатных людей. Фигуры воинов, чиновников, фантастических существ были призваны охранять покой умершего и неприкосновенность его гробницы. Покойного обязательно сопровождали в загробный мир скульптурные изображения лошадей, служивших основным средством передвижения. Фигуры сельскохозяйственных животных (коров, свиней, кур, уток, гусей и др.) символизировали изобилие пищи. Скульптуры собак должны были обеспечить удачу в охоте — популярном занятии китайской знати. Чем богаче и могущественнее был умерший, тем разнообразнее и многочисленнее была керамическая “свита” в его гробнице, тем более мастерски были изготовлены фигуры.

В период Сун, в 11 веке, в гончарстве Китая появляется оригинальное новшество — особый вид гончарных изделий, получивших общее название “керамика тэм-моку”. Это, главным образом, чашки для чайной церемонии. Их характерная особенность — черный или темно-коричневый цвет черепка и глазури. При этом, когда чашку поворачивали, блестящая глазурь переливалась всеми цветами радуги.

В период Юань в Цзиндэчжэне получает популярность технология изготовления фарфора с синей и красной подглазурной росписью. Синяя краска готовилась на основе окиси кобальта, а красная — на основе окиси меди. На поверхность фарфорового изделия кисточкой наносился рисунок синей или красной краской — птицы, цветы, деревья, каллиграфические надписи, геометрические узоры. Затем изделие покрывалось прозрачной полевошпатовой глазурью и обжигалось при высокой температуре.

Также в период Юань появляются так называемые надглазурные эмали, однако интенсивное развитие эта технология получает в Минское время. На обожженное глазурованное фарфоровое изделие наносили полихромный (многоцветный) рисунок. Цветные легкоплавкие эмали готовились на основе тех же компонентов, что входят в состав стекла. Повторный обжиг раскрашенных изделий проходил при температурах 700—800°C. Наиболее популярные цвета эмалей — красный, зеленый, желтый, “баклажан”. Нередко в одном изделии сочеталась подглазурная роспись кобальтом и надглазурная роспись разноцветными эмалями. Фарфор, выполненный в этой технике, очень яркий и нарядный. Сюжеты росписи часто приближались к живописным произведениям — пейзажи с видами гор, лесов и рек, бытовые сцены, дворцы и храмы.

Интересное новшество появляется в Цзиндэчжэне в годы правления императора Канси из династии Цинь (1662—1722). Это технология изготовления фарфора так называемого “Зеленого семейства”. В цветовой гамме эмалей преобладали зеленые тона разной насыщенности и оттенка, полученные на основе химических соединений меди. Рисунок эмалью наносился на обожженное неглазурованное изделие либо поверх слоя прозрачной полевошпатовой глазури. Повторный обжиг для закрепления эмалевой краски проводился при невысоких температурах.

Несколько позднее, в 20-х годах 18 века, родилась технология фарфора “Розового семейства”. Эмалевая краска нежного розового цвета содержала коллоидный раствор золота, а использующийся в сочетании с ней матовый белый пигмент готовился на основе мышьяка.

Китайский фарфор “Зеленого” и “Розового” семейств вошел в моду в странах Европы 18 века. Вообще достижения гончаров Китая в немалой степени повлияли на развитие керамического и фарфорового производства Англии, Германии, Франции после установления постоянных торгово-экономических связей между крупнейшим государством Восточной Азии и Европой.

19 век был временем определенного застоя в фарфорово-керамическом производстве Китая. Не разрабатывались новые технологии, не создавались новые художественные стили. В известной мере это было следствием общего экономического упадка страны и успешным выходом на мировой рынок керамики и фарфора быстро развивающейся капиталистической промышленности Англии, Германии и других стран Европы.

Конечно, опыт, знания и традиции китайских гончаров, накопленные в течение тысячелетий, продолжали жить и сохраняться. Они оказались вновь востребованными в первые десятилетия 20 века, когда активизация внутрисполитической жизни, формирование китайской буржуазии и развитие капиталистических отношений вызвали рост национального самосознания, возрождение культурных традиций [3, с. 176].

Коллекция китайской керамики и фарфора в Национальном художественном музее Республики Беларусь сравнительно невелика — она насчитывает около 120 произведений. Первые экспонаты поступили в музей в 1957 г. из Пекина, а в 1960 г. фонды пополнились произведениями керамики и фарфора, переданными Государственным музеем искусства народов Востока в Москве, значительная часть которых ранее принадлежала известному собирателю и знатоку китайского искусства Д.М. Мельникову. Впоследствии единичные произведения приобретались у частных коллекционеров Москвы и Минска.

Самая ранняя по времени группа памятников в собрании музея — фарфор и керамика династии Мин (1368–1644), которая включает произведения, изготовленные в печах Лунцюаня провинции Чжэцзян и Цзиндэчжэня провинции Цзянси, декорированные в технике подглазурной росписи кобальтом. Все лучшее в технике селадонов было сделано мастерами династии Сун (960 — 1279), но во второй половине 14 — 15 века керамисты Лунцюаня еще создавали произведения, не уступающие по качеству сунским образцам. Селадоны коллекции немногочисленны — это сосуд для мытья кистей, флакон и ваза. Датировать их довольно трудно, но, опираясь на ряд технических признаков (цвет черепка, глазурь), возможно с достаточной долей точности отнести музейные селадоны к концу 15 — началу 17 века.

Сосуд для мытья кистей наиболее раннее по времени произведение в собрании музея. Повторяя традиционную форму, широко распространенную в сунской керамике, мастер покрывает изделие серо-зеленой глазурью с темными потеками, а неглазурованный красно-коричневый черепок на донце сосуда позволяет отнести его к концу 15 — началу 16 века. 16 веком можно датировать флакон, покрытый глазурью изумительного серо-голубого цвета с сюжетной сценой, выполненной в низком рельефе.

Ваза с вырезанным в тесте орнаментом из изгибающихся стеблей, листьев и крупных цветов лотоса под зеленой кракелированной глазурью выполнена в период упадка производства селадонов — в конце правления династии Мин. Сероватый черепок, резкий по тону колорит и небрежность в выполнении орнамента позволяют отнести вазу к началу 17 века.

Ко времени правления династии Мин относится императорская печать с подглазурной росписью кобальтом, вышедшая из печей Цзиндэчжэня.

Следующая группа памятников — фарфор и керамика 17 — начала 20 века — наиболее многочисленна и представлена всеми периодами правления династии Цин (1644—1911). Новыми приемами росписи и разнообразием форм отличаются произведения конца 17 — 18 века, относящиеся к правлению Канси (1662—1722), Юнчжэн (1723—1735), Цяньлун (1736—1796). В правление Канси керамисты активно занимались совершенствованием форм и техник фарфоровых изделий. Необычайно популярными в это время становятся блестящие монокромные глазури с тончайшими градациями оттенков, требующие высокого обжига. Среди них особенным распространением пользуются глазури — “жертвенно красная”, “цвет яблока”, “цвет чайного листа”, “цвет кожи желтой рыбы”.

Во второй половине 17 — начале 18 века продолжают развиваться и традиционные техники росписи — подглазурная синяя, надглазурная полихромная и сложная техника декорирования изделий, сочетающая подглазурную роспись кобальтом и надглазурную эмалевыми красками. В этой технике выполнена роспись высокой цилиндрической вазы с горловиной-раструбом и небольшим утолщением в центре тулова. Поверхность вазы разделена на три горизонтальных живописных пояса — вверху изображение танцующих и музицирующих женщин в саду, ниже — цветущие пионы и ветви с плодами персика.

Фарфоровые изделия времени правления Цяньлун разнообразны по формам и характеру декора. Это — чаша чжань (пиала на невысокой кольцевой ножке), вазы мэипин (с грушевидным туловом и узким горлом).

На декоративных предметах коллекции изображения в жанре «Цветы и птицы», сюжетные сцены и пейзажи соединены с иероглифическими надписями, за-

нимающими подчас значительную часть поверхности изделий. Чаще всего эти тексты представляют собой стихотворные строфы, по содержанию непосредственно связанные с назначением предмета или сюжетом росписи.

Время правления Цяньлун отмечено высоким технологическим качеством фарфоровых изделий, но все больше в них намечаются черты, свидетельствующие о наступлении застоя в развитии фарфорового искусства. Это выражается в усложнении форм изделий, перенасыщении декоративными мотивами и в имитации под другие материалы. Так, декор чаши чжань из мастерских Гуанчжоу имитирует красный резной лак, а внутренняя поверхность, покрытая золотом, создает ощущение не фарфорового черепка, а металлической основы.

Таким образом, коллекция фарфора и керамики Китая в собрании НХМ РБ дает представление о некоторых аспектах развития керамического искусства этой страны. Если произведения времени правления династии Мин представлены фрагментарно, то изделия династии Цин позволяют проследить эволюцию форм и росписей к усложненности и большей декоративности. Неиссякаемая творческая фантазия современных художников, возрождение и развитие традиций прошлого отличают лучшие произведения XX века [4].

Литература

1. История и культурология: Издание второе, переработанное и дополненное Учебное пособие для студентов вузов Авторы: Н.В.Шишова, Т.В.Акулич, М.И.Бойко, А.М.Власова, О.В.Дружба, А.Ю.Новиков, В.А.Рамих, В.А.Ушкалов Рецензенты: Доктора философских наук профессора Г.В.Драч, В.Н.Шевелев «Логос», 2000 — 386с.
2. Кравцов М.Е. История искусства Китая.: Лань, Триада: 2004г.—993с.
3. Анри де Моран История декоративно-прикладного искусства: Искусство — 1982г. —578с.
4. <http://artmuseum.by/ru/vyst/tek/keramika-i-farfor-kitaya.-iz-sobraniya-nxm-rb>

Шило Л. Н.

Студентка 4 курса факультета эстетического образования,

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

Научный руководитель: Грицко Н.М., ст. преподаватель

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КИТАЕ

В каждой стране есть свои традиции в искусстве, своя традиционная педагогика и методика преподавания искусства. Сейчас, в эпоху глобализации и быстрого развития новых технологий различия в методиках преподавания искусства постепенно сглаживаются. Современный молодой человек, получивший высшее художественное образование, должен обладать определенными навыками и умениями, чтобы его работы могли находить применение во всем, преподаватель должен способствовать эстетическому воспитанию учащегося, а студент в свою очередь — знать и любить как мировое, так и искусство своей страны, понимать место своего национального искусства в мировой художественной культуре.

Китай — страна с богатейшей художественной традицией, дала миру многих известных художников, а произведения декоративно-прикладного искусства Китая высоко ценятся во всем мире. В этом немалую роль сыграла педагогика искусства данной страны. Кокой же путь прошло художественное образование в Китае и каковы современные тенденции его развития?

Профессиональное обучение искусству в Китае отличалось в разные периоды, по-разному обучали и разным жанрам искусства.

Наиболее почитаемым видом искусства была живопись, точнее рисунок тушью по шелку или бумаге. В этой технике создавались пейзажи, портреты и натюрморты. Обучению живописцев государство придавало большое значение, поэтому профессиональные навыки одаренная молодежь получала в специальном учебном заведении Хуаюань. Оно было создано при придворной Академии наук еще в 10 веке, и является аналогом Российской Академии Художеств. Студенты, получив образование, оставались работать при Академии, выполняя своеобразный государственный заказ.

Обучение другим видам и жанрам искусства на государственном уровне не осуществлялось и молодые люди учились гравюре, работе с фарфором, скульптуре, обработке металла и ювелирному делу у более опытных мастеров. Существовали цеховые организации, которые обучали молодых учеников конкретным навыкам художественного творчества на практике.

Профессиональное обучение искусству началось в Китае только в конце 19 века, когда здесь началось модернизирование системы образования, в том числе и профессионального, по европейскому образцу. Тогда в реформированных учебных заведениях стали обучать искусству, в том числе и западному [2, с. 44]. Прежде европейское изобразительное искусство практически не оказывало влияние на китайскую традиционную живопись (да и другие сферы искусства). Хотя на рубеже веков некоторые художники получали образование за рубежом, чаще в Японии, а в нескольких художественных школах даже преподавали классический западный рисунок. В начале XX века Поднебесная империя пребывала в глубоком кризисе, лишь после революции 1911 года и свержения маньчжурской династии, изменения в экономической, социально-политической и культурной сфере стали набирать обороты.

Лишь на заре нового века началась и новая эпоха в китайском мире искусства: появлялись различные группы, формировались новые направления, открывались галереи, проводились выставки. В общем, процессы в китайском искусстве того времени во многом повторяли западный путь (хотя постоянно поднимался вопрос о правильности выбора) [3].

Специальные академии художеств в Европе начали создаваться в 16 веке. Тогда стала формироваться современная академическая система обучения искусству. С 16 по 18 века были разработаны методики преподавания рисунка, живописи и композиции. В 19 веке особое внимание уделялось разработке методики рисования с натуры [2, с. 44].

После основания в 1949 году Китайской Народной Республики, в первые годы прихода к власти Мао Цзэдуна также наблюдался культурный подъем. Это было время надежд на лучшую жизнь и будущее процветание страны. Правительство и Министерство просвещения берут курс на реформирование и плановое регулирование всей системы высшего образования. Но и это вскоре быстро сменилось тотальным контролем за творчеством со стороны государства. А на смену вечного спора между западным модернизмом и китайским гохуа пришел соцреализм из СССР [3].

В соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве между КНР и СССР (1950 г.), в КНР, были приглашены советские специалисты с целью оказания помощи в организации системы художественного образования. Интерес к русскому и советскому искусству в КНР, к проблемам профессионального художественного образования имеет свою предысторию. Еще в 30-е годы 20 века известные китайские художники Сюй Бэй Хун и Лу Сунь знакомили художественную общественность с творчеством русских художников. Их особое восхищение вызывало мастерство художников «Товарищества передвижных художественных выставок».

В 1955 году в Китай был приглашен советский художник-педагог К.М.Максимов (1913 — 1993) — профессор Московского художественного института им. И. В. Сурикова, который на протяжении ряда лет преподавал рисунок и живопись студентам художественных вузов Китая по методу выдающегося русского художника-педагога П. П. Чистякова. Его ученики стали известными художниками и педагогами в Китае, основными распространителями педагогических принципов обучения русской художественной школы. Идеи реалистического искусства, которые были присущи мировоззрению К.М.Максимова соответствовали художественным воззрениям китайского народа и культурным запросам того времени.

С наступлением 20 века в китайской живописи начался этап существования «ста школ», то есть возникновения множества различных стилей и направлений. Одни художники продолжали работать в соответствии с традициями прошлого, другие же все больше поддавались разнообразным новым, в том числе западным влияниям [1, с. 15].

Среди этих художников должен быть, в первую очередь, упомянут Сюй Бэйхун (1895 — 1953), он родился в Исине (Цзянсу) в семье художника-самоучки. В 1919 году он выдержал экзамен, дававший право поехать за казенный счет учиться в Париж, в Национальную Высшую Художественную школу. За годы учебы он овладел техникой рисования с натуры, потом он совершил поездки в Германию, Бельгию, Швейцарию и Италию, где познакомился с полотнами великих западных мастеров. В 1928 году Сюй Бэйхун вернулся в Китай, где по приглашению занял должность профессора кафедры живописи в Центральном университете в Нанкине. Позднее занял пост декана Художественного факультета Пекинского университета. Он выступал

за реформу художественного преподавания, за введение в учебный курс западно-европейской техники живописи. В годы Китайской Народной Республики Сюй Бэйхун занимал пост ректора Центральной академии художеств, воспитал плеяду художников нового Китая. Сюй Бэйхун ратовал за реформирование традиционной живописной техники на основе внедрения западно-европейских элементов. Один из его наиболее популярных шедевров, изображающий галопирующего коня, считается образцом сочетания приемов китайской и европейской манеры рисования.

Художник-педагог Пань Тяньшоу (1897 — 1971) — хранитель классических традиций. Он владел техникой каллиграфии и резки по дереву. По окончании училища Пань Тяньшоу работал преподавателем в Аньцзи. Позднее поселился в Шанхае, заняв пост профессора Шанхайского художественного училища. Он вел курсы "Традиционная живопись" и "История традиционной живописи". В 1928 году был приглашен на пост профессора в Ханчжоуское национальное художественное училище, где до конца своих дней оставался деканом факультета китайской живописи.

Известный художник-педагог Линь Фэнмянь (1900 — 1991) работал преподавателем сначала в Пекинском художественном училище, а потом в Ханчжоуском художественном училище. На своих уроках он знакомил слушателей с западным искусством, кроме того, делал попытки классификации китайской традиционной живописи. Линь Фэнмянь выступал за сочетание в живописи приемов китайской и западной живописи, надеясь, таким образом, что создаст качественно новое направление. Линь Фэнмянь внедрил в китайскую живопись некоторые приемы масляной живописи стиля "модернизма", получившего распространение на Западе [4].

В 1966 году для китайских художников наступили еще более суровые времена: Культурная революция. В результате этой политической кампании, инициированной Мао Цзэдуном, было приостановлено обучение в художественных академиях, закрыты все специализированные журналы, преследованиям подверглись 90% известных художников и профессоров, а проявление творческой индивидуальности вошло в число контрреволюционных буржуазных идей. Именно Культурная революция оказала огромное влияние на развитие современного искусства в Китае и способствовала рождению нескольких художественных направлений.

После смерти Великого Кормчего и официального окончания Культурной революции в 1977 году началась реабилитация художников, открыли свои двери художественные училища и академии, куда хлынули потоки желающих получить академическое художественное образование, возобновили свою деятельность печатные издания, которые публиковали работы современных западных и японских художников, а также классические китайские картины. Этот момент стал рождением современного искусства и рынка искусства в Китае [3].

В результате сложившейся практики обучения в Китае и учета опыта других стран постепенно формируется современная многоуровневая система художественно-педагогического образования. Этот период (1977 — 1990 гг.) можно обозначить как период стабилизации, художественно-педагогическое образование Китая впервые начало полноценно развиваться в стабилизированной национальной среде.

В настоящее время стратегической целью национального образования является воспитание всесторонне развитых в нравственном, умственном, физическом, эстетическом и трудовом отношениях, целеустремленных, высоконравственных, культурных и дисциплинированных людей новой формации. Эстетическое воспита-

ние и образование является важной составляющей всестороннего развития подрастающего поколения, а подготовка выпускников педагогических вузов с полным сроком обучения пополняет ресурс учителей, способных осуществлять цели эстетического воспитания. Содержание обязательных и факультативных дисциплин учебного плана обеспечивает сохранение традиций, вариативность специальной подготовки и отражает национальную и региональную специфику, а также демонстрирует культурологический принцип в отборе содержания обучения. Все это дает основание считать, что в настоящее время художественно-педагогическое образование Китая находится на этапе устойчивого развития.

В настоящее время существуют две главные концепции подготовки выпускников художественных факультетов педагогических вузов с полным сроком обучения. Одна из них предполагает готовить «специалистов в своей области и мастеров на все руки», а другая — готовить «практиков с многосторонними способностями» [1, с. 17].

На современном этапе развития художественного образования существует ряд характерных черт в области педагогики искусства.

Обучение рисунку базируется на принципе перехода от простого к сложному, от легкого к трудному — это фундаментальный принцип традиционного академического преподавания. В преподавании по специальности китайской народной картины Гохуа — происходит переход от накопления и переработки знаний первого курса к сознательной самостоятельной работе, то есть развитие и углубление осознанного восприятия искусства в соответствии с концепциями традиционного академического обучения [1, с. 18].

Китайские преподаватели широко используют традиционные для художественной педагогики методы обучения, такие, например, как метод объяснения предстоящей работы, определяя при этом содержание задания, последовательность его выполнения и количество часов, выделенное для его завершения, а также критерий оценки. С помощью мультимедиа исследуется теоретическая база, необходимая для выполнения рисунка, и просматриваются образцы, что, в конечном счете, активизирует потенциал студента. До начала работы над рисунком студент должен четко знать поставленную учебную цель. Необходимо стремиться к тому, что при обучении технике рисунка студенты готовились к восприятию эстетической стороны своей работы. В процессе объяснения задания преподаватели прибегают к эвристическому методу, ориентируясь на индивидуальные особенности учащихся. Затем демонстрируются образцы рисунков из методического фонда, которые помогают студентам понять тему, решать поставленные вопросы и расширяют их кругозор, так как показывают различные способы выполнения задания. Когда китайский преподаватель видит проблемы в работах студентов, то считается невозможным указать на ошибки напрямую. Принято предложить ему подумать, высказать свои предположения по выполнению рисунка. Консультируя, нельзя навязывать свое видение выполнения рисунка. К исправлению ошибки в работах студентов предъявляются жесткие требования [1, с. 21].

Частью художественного образования является художественно-промышленное образования, которое в Китае имеет свои особенности. Начиная с 1978 г., когда была провозглашена политика открытости и реформ, китайская система художественно-промышленного образования стала активно развиваться. Дизайнерское образование было поставлено на определенную экономическую базу и преследовало две цели: бурное развитие и всестороннее реформирование. С 1981 г. продолжается

период динамичного развития экономики Китая. Потребность общества в дизайнерских кадрах каждый день возрастала, поэтому во всех институтах текстильной и легкой промышленности, техникумах, педагогических институтах, а также многопрофильных вузах были открыты дизайнерские факультеты. В конце 20 века в условиях интенсивного реформирования экономики художественно-промышленное образование претерпевало бурные изменения и развивалось в соответствии с запросами общества [2, с. 45]. Крайне быстрое развитие экономики в начале 21 века оказало глубокое воздействие на процесс развития преподавания художественного конструирования и дизайна. Ныне Китай занимает первое место в мире по масштабам преподавания дизайна в вузах. Согласно статистике, количество вузов, где преподается дизайн, уже превысило 1000. Каждый год на эту специальность набирается более 100 000 студентов. Дизайнер превратился в одну из самых востребованных профессий в Китае [2, с. 47].

Чтобы лучше проникнуться вопросом художественного образования в Китае, рассмотрен один из самых авторитетных художественных вузов КНР — государственный художественный институт, который открылся в 1928 году в городе Ханчжоу. В нём формировалась элита интеллигенции. В Китайском художественном институте работают 457 преподавателей и сотрудников, среди них 33 профессора, 87 доцентов. При институте 3 учебных отделения: отделение изобразительного искусства, отделение дизайна, отделение исследования искусства. Здесь 11 факультетов: факультет китайской национальной живописи, каллиграфии, масла, гравюры, скульптуры, синтетической живописи, дизайна окружающей среды, дизайна зрительного восприятия, проектирования одежды, дизайна промышленных объектов, керамики и фаянса, искусствоведения. В институте организована учебная система аспирантуры, при факультете искусствоведения есть докторантура, а аспирантура — на всех факультетах. В институте всегда обращают внимание на сочетание теории с практикой. Своей замечательной научной атмосферой, своим высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом Китайский художественный институт заслуживает звания «Колыбель подготовки художников нового типа».

Важным учреждением для управления иностранными делами, для обучения иностранцев и для расширения международной связи является международный учебный центр. Цель этого центра — распространять великую древнюю китайскую культуру и способствовать расширению международной связи в области культуры и искусства. С 1980-го года в международном учебном центре начали принимать иностранных студентов, с тех пор более 500 иностранных студентов окончили этот институт, а теперь здесь учатся 60 с лишним иностранных студентов. Центр ежегодно приглашает на работу более 10 иностранных специалистов и устраивает выставки искусства [5].

Педагогика искусства, как она понимается сейчас — живая, творческая работа. Не всегда хороший художник является и хорошим педагогом. Преподаватель должен уметь обобщить все достижения прошлого, учесть особенности развития современного мира и сделать их доступными студентам как теоретически, так и на практике. От опытных, талантливых педагогов, развитой системы художественного образования зависит многое, и тот факт, что Китай в 2010 году оказался крупнейшим рынком искусства в мире, является этому ярким подтверждением [5].

Литература

1. Аньдун Юй. Традиции академического рисунка в художественно-педагогическом образовании России и Китая (сравнительный анализ). АВТОРЕФЕРАТ диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. С-П, 2007.
2. Искусство и диалог культур: 2-я международная научно-практическая конференция. Вып. 2.: Сборник научных трудов/Под ред. П. А. Кудина. – СПб.: НОУ «Экспресс», 2008.
3. Искусство Китая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://magazeta.com/chinese_culture/2011/10/28/contemporary-chinese-art-1/ – Дата доступа: 18. 11. 2011 года
4. История и культура Китая. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/645/652/855/1233.html> – Дата доступа: 18. 11. 2011 года
5. Образование Китая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kitairu.net/rus/education/hangzhou/16/> – Дата доступа: 18. 11. 2011 года

Пушкель О. А.

Студентка 4 курса факультета эстетического образования,

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

Научный руководитель: Казакова А.В., ст. преподаватель

ЖИВОПИСЬ КИТАЯ

Мировоззрение и мироощущение китайцев существенно отличается от европейского. В этой стране не было последовательного развития и смены художественных направлений и стилей, как в европейском искусстве. Само понятие истории не имеет в Китае признаков «длительности», а искусство – эволюции. Художественные направления не следуют одно за другим, а «стили» и «школы» связываются не с различиями творческих методов, а с техническими приемами и материалами. В Китае мы застаём необычайно устойчивый, до мелочей продуманный и эстетически переработанный быт, цельное и последовательное мирозерцание, сложный, но прочный сплав художественных стилей... [1]

Арсенал живописных материалов и техник начал складываться в Китае задолго до появления станковой живописи как таковой, или в лучшем случае, параллельно с развитием древней традиции живописи на шёлке. Гораздо важнее, что непосредственное участие в этом процессе принимали не только древнейшие формы изобразительного, но и многие формы декоративно-прикладного искусства, а так же письменная культура и книжное дело. С письменной культурой и книжным делом станковую живопись роднит, прежде всего, использование единых материалов — шёлка и бумаги.

Для росписей использовались краски и тушь. Живописным, ровно, как и письменным орудием служила кисть.

Размывка — непосредственно живописный приём, который восходит к наложению локального цвета на уже прорисованные линейным контуром изображения. В теории и практике традиционной китайской живописи строго различаются два вида размывки: «размывка водой» («отмывка», *хуа*) и размывка — *жань*. Первая из них заключается в смачивании обильно увлажнённой кистью некоторых частей картины, чтобы лучше выявить затем наложенные на эти участки тушь и краски. Размывка — *жань* — легкая окраска тушью или краской, использовавшаяся в основном для передачи дымки.

На раннем этапе формирования станковой живописи цветовые размывки накладывались равномерно, по всей поверхности шелка, без какой-либо дополнительной эстетической функции. Однако по мере появления новых художественных идей размывки начали приобретать все более важную морфологическую роль, а их техника — усложняться. Стали использоваться *неравномерные отмывки, многослойные размывки, размывки тушью*. Особенно много нововведений внесла живописная практика VIII в. Вначале был изобретен вариант *послойной размывки тушью*, или, в оригинальной терминологии, «метод прерванной (разорванной) туши», когда размывки накладывались в несколько расположенных один над другим слоев с подбором их тонального соответствия: более темные слои накладывались поверх светлых. Такая техника позволяла моделировать твердые формы и добиваться оптического эффекта объемности изображений. Следующий вариант — «*разбрызганная (расплесканная) тушь*» — осуществлялся в соответствии с его названием прямым

выплескиванием большого количества туши на поверхность картины, что представляет собой кульминацию потенциальных возможностей данного живописного способа как такового. К X в. возникла техника *отмывки цветом*, в которой слои краски наносились таким образом, что создавали иллюзию постепенных локальных переходов. Контурные же линии при исполнении такой размывки либо были очень бледными и перекрывались ею, либо вообще не использовались — «*бескостный метод*».

В зависимости от степени проработки деталей изображений и соотношения названных способов и техник в китайской живописи выделяются две генеральные творческие манеры: *гунби* — «прилежная кисть», и *сеи* — «рисование мыслей». Первая из них строится на тончайшей проработке деталей. Вторая отличается эскизностью и лаконичностью рисунка, призванного передать не столько объект живописного творчества, сколько его видение художником [2, с. 553].

Центральное место в китайском искусстве занимает пейзаж — изощренная техника рисования кистью и тушью гор, водопадов, растений. Традиционный жанр китайского пейзажа так и называется: *шань-шуй* («горы-воды»). Гора (*шань*) олицетворяет Ян (светлый, активный принцип природы), вода (*шуй*) — Инь (женственный, темный и пассивный). Философия китайской пейзажной живописи раскрывается во взаимодействии этих двух начал, которое передается взглядом на пейзаж сверху, с высокой точки зрения, чередованием планов: горных вершин, полос тумана, водопадов [1]. Вытянутая форма свитка способствует передаче огромного пространства. Для того чтобы создать впечатление дальних и ближних расстояний, художник делит картину на несколько планов, высоко поднятых один над другим. Таким образом, дальние предметы оказываются самыми высокими. На переднем плане размещается обычно группа деревьев, скал или других крупных предметов, с которыми соотносятся все части пейзажа. Планы связываются туманной дымкой или водным пространством, как бы отдаляющими на огромное расстояние дальние предметы [3, с. 9].

Объектом изображения в этом виде искусства является даже не сам пейзаж в европейском смысле этого слова, а неуловимо меняющееся состояние природы и переживание этого состояния человеком. Поэтому сам человек, даже если он изображается в пейзаже, никогда не занимает в нем главного места и выглядит маленькой фигуркой, сторонним наблюдателем.

Символизм китайской живописи также отличается от европейского символизма, он раскрывается в опoэтизированной конкретности. Например, на пейзаже может быть надпись: «Весною озеро Сиху совсем не то, что в другие времена года». Подобное название трудно представить в европейской живописи [1].

Не все китайские картины, где изображена природа, можно назвать пейзажами. Рядом с классической формой изображения гор и вод складывались и другие формы — фрагменты природы или ее частные проявления. К ним принадлежит популярный в Китае жанр живописи «*цветы-птицы*», «*растения-насекомые*», своеобразно раскрывающий мир природы. Произведения этого жанра писались не только на свитках, но и на квадратных альбомных листах, на ширмах и веерах и изображали то птичку на ветке, то резвящихся козлят, то стрекозу, опустившуюся на широкий лист лотоса. Именно здесь китайские художники позволяли себе пристально, словно через увеличительное стекло, рассматривать каждое движение зверя или раскрывающегося цветка, бесконечно приближая их к зрителю и в то же время воплощая в этих маленьких сценах единую и цельную картину природы [4].

Такую живопись можно рассматривать очень долго, не испытывая скуки. Стоит попробовать, чтобы убедиться в этом.

Есть нечто пленительное в сдержанности китайского искусства, в намеренном самоограничении несколькими непритязательными природными мотивами. Но очевидны и опасности, подстерегающие художника на этом пути. С ходом времени почти каждый тип мазка, очерчивающего бамбуковый стебель или зубчатую скалу, вошел в инвентарь традиции, а преклонение перед шедеврами прошлого было столь велико, что художники все меньше и меньше полагались на собственное вдохновение. В течение последующих столетий требования к живописному мастерству были по-прежнему высокими, но искусство все больше и больше уподоблялось игре по заданным правилам, интерес к которой падает, когда все ходы уже известны. И лишь в XVIII веке, когда завязались контакты с западной культурой, художники начали применять традиционные методы к новым темам. В дальнейшем мы увидим, что эти опыты обмена традициями оказались весьма плодотворными и для западного искусства [5, с. 155].

Литература

1. Электронный ресурс: http://klara.ucoz.ru/index/iskusstvo_kitaja/0-120 - Власов В.Г. «Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства» В 8т.- СПб.: ЛИТА, 2000.-864с.:ил.
2. Кравцова М. Е. «Мировая художественная культура. История искусства Китая»: Учебное пособие.- СПб.: издательства «Лань», «ТРИАДА», 2004.- 960с.: ил. +вклейка (32 с.) - (Мир культуры, истории, философии).
3. Виноградова Н. А. «Искусство стран и народов мира. Искусство Китая». Альбом. М.: «Изобразительное искусство», 1998.- 256 с.
4. Электронный ресурс: <http://www.suveni.ru/pages/text28.html>
5. Гомбрих Э. «История искусства», М.: АСТ, 1998. - 688 с.

Камлюк В. А.

Студентка 5 курса факультета эстетического образования,

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

Научный руководитель: Домасевич О. А., ст. преподаватель

КИТАЙСКАЯ КУКЛА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Куклы, являясь одним из предметов изобразительного искусства, существовали практически у всех народов мира. В Китае куклы имеют древнейшую историю, первые находки датированы 3-им тысячелетием до н.э.

Изначально куклы предназначались для совершения магических обрядов, которые существуют и до сих пор. Но на востоке предназначение кукол со временем изменилось.

Помимо простого игрового предназначения для детей, в результате развития культуры и общества, в VIII веке куклы стали основой первых кукольных театров. Позднее сформировалось искусство изготовления кукол из разных материалов и назначения, в зависимости от провинции.

При изготовлении кукол используется самый разный подручный материал, но наибольшее восхищение вызывают куклы из глины и фарфора.

Также куклы преподносятся как оригинальный подарок ко дню свадьбы. Как правило, кукол изображают в виде персонажей императорского двора или культовых и легендарных личностей.

Изготовление китайских фарфоровых кукол сейчас по праву занимает видное место в мировой культуре

В Китае сложилось несколько центров производства игрушек. Куклы, изготовленные в северных областях, более грубы, а созданные к югу от реки Янцзы изящны и тонки.

Древнейшие китайские куклы были нефритовыми, в X—XII вв. кукол выполняли из фарфора, а в XIV—XVII вв. на свет появились фарфоровые куколки, изображающие как легендарных и мифических персонажей, так и реальных исторических деятелей — например, Чжу Май-чэня, собирателя хвороста и мыслителя, Мой Дубиня — одного из восьми бессмертных даосской философии. Множество разнообразных кукол производились и для народного кукольного театра.

Кукол изготавливали из различных материалов: слоновая кость, нефрит, глина, бамбук, дерево, фарфор. Изделия из слоновой кости в Китае и на Дальнем Востоке были известны с давних времен. Затейливые шахматные фигурки, статуэтки, нэцкэ, куклы... Особенно ценным материалом у себя на родине слоновая кость не считалась, так как имела ряд недостатков — желтела от времени и трескалась от сухого воздуха. Но в XVIII веке, когда Европа наладила торговлю с Востоком, слоновая кость была высоко оценена европейцами. Особенно им понравились куклы, сделанные из этого материала, так похожего цветом на человеческое тело.

Китайские куклы просто приводили европейцев в восторг. Белоснежные лица искусно вырезаны из слоновой кости и тонко раскрашены, волосы уложены в изящную прическу. Миниатюрные руки выглядят совсем как настоящие — на них виден каждый ноготок.

Помимо всего прочего, материал был дорогой, а работа требовала особого искусства. Сейчас слоновой костью для изготовления кукол не пользуются, и увидеть такие изделия можно только в музеях и коллекциях.

Необычайный интерес вызывает лечебная кукла. Так как в Китае врачами были только мужчины, и в династии Цин (1644-1912) им запрещалось непосредственно касаться высокопоставленных пациенток. Поэтому для диагностики и лечения использовались специальные куклы, так называемые "doctor's lady" или "diagnostic dolls".

Их делали из слоновой и мамонтовой кости, наиболее ценные и старинны — с продольными трещинками, кость от времени сохнет и трескается. Как правило, они от 10 до 25 см длиной, часто с базой в виде дивана. Делали их и из дерева, полудрагоценных камней, фарфора, и даже из перламутра.

Еще одним видом изделий, традиционно выполнявшихся из слоновой кости, являются фигурки нэцке. Первоначальной целью фигурок нэцке была функциональность. Они выполняли роль брелоков, которые вешали на курительные трубки, кيسеты с табаком, баночек с солями и т.д. Выполненные в роли божеств, мистических животных или каких-либо символов фигурки нэцке не были простыми сувенирами или повседневными предметами, но являлись своего рода оберегами и талисманами, оберегающими хозяина от сглаза, демонов и т.д.

Слово «нэцке» идет от японского слова «не-цукэ», что означает брелок. В русском языке, по причине схожести произношения, а также по причине отсутствия строгого регламента, возможно различное произношение названия данного вида фигурок: «нэцке», «нецке», «нэцкэ».

Историческое происхождение фигурок нэцке Китай. В Китае фигурки нэцке носили название «чжун-цзы». Материалом чжун-цзы в Китае обычно был нефрит, кость или дерево. Самостоятельным искусством резка фигурок нецке стала лишь в 18 веке.

Традиционно вырезались традиционные китайские символы, как то сосна, или пион. Также традиционным стало вырезать божества, мистических животных, а также классических героев из классической китайской литературы.

Материал, из которого изготавливались фигурки нэцке, также несет в себе сокрытую силу и смысл. Нефриту, например, причисляется пять основных достоинств, отвечающих качествам: его мягкий блеск олицетворяет милосердие, твёрдость — умеренность и справедливость, полупрозрачность — символ честности, чистота — воплощение мудрости, а его изменяемость — мужество. Целебные корни, из которых часто изготавливались фигурки нэцке, обладают сильной защитной энергией и защищают от сглаза. Слоновая кость — это символ мудрости, здоровья и душевного равновесия. Панты оленя привлекают удачу и благосостояние.

Самой популярной фигуркой нэцке в настоящий момент бесспорно является Хотэй. Хотей — «холщовый мешок», всегда изображается с улыбкой на лице. Позы Хотей могут быть различными. Считается, что Хотей способен осуществлять самые заветные желания человека, с чем и связано поверье, что если потереть животик Хотей 300 раз, думая о своем желании, то данное желание непременно сбудется.

Трёхлапая жаба с денежкой — магическое существо, приносящее богатство, удачу и долголетие.

Гуань Инь — богиня милосердия и сострадания, имеющая очень чуткое сердце. Она покровительствует женщинам и детям, благословляя новорождённых при появлении на свет. Оберегает детей от болезней и злых духов.

Популярным явлением и в древнем, и в современном Китае стал театр кукол и марионеток.

Уже с 7 века кукольники выступают на похоронах. А в 13 веке в Китае известна уже 71 пьеса для кукольного театра.

Выступления кукольного театра предваряли представления обычного человеческого театра и имели смысл очистительного действия, так как куклы изображали богов, и в его свете по-другому виделись сцены из обыденной жизни.

Не редко кукольные спектакли ставились и в храмах. Никому в голову не приходило назвать это богохульством. Даже и сейчас такой театр не предназначается для детей.

На протяжении всего конфуцианского периода детские забавы, игры не поощрялись в Китае. Пример должного детского поведения явил Конфуций, который сам в детстве со сверстниками не играл, а соорудил из камней и черепков домашний алтарь и играл в жертвоприношения.

Китайский театр теней — театральное искусство Китая, преодолевшее языковой барьер и получившее широкое распространение не только в странах Азии, но и в Европе.

Согласно летописному сказанию, в конце I тысячелетия до н. э. император Хань Уди грустил по своей безвременно ушедшей из жизни жене. Вернуться к жизни и государственным делам ему помог советник, придумавший оригинальный способ развлечь правителя: он вырезал из бумаги профиль погибшей супруги императора и за ширмой разыграл представление, заключавшееся в движении фигурки и отбрасываемой на ширму тенью [2].

Так началось неспешное развитие нового вида театрального искусства. В 13-14 веках таким образом между сражениями развлекались китайские воины, что способствовало географическому распространению театра теней.

Театр теней иначе называется театр марионеток. Это связано с тем, что персонажи такого театрального действия — искусно изготовленные марионетки. В начале своего развития это были бумажные раскрашенные куклы, но постепенно метод их изготовления усложнился.

По бумажному шаблону вырезаются пластичные детали из высушенной до прозрачного состояния ослиной кожи. На полученные элементы наносится раскраска, причем выбор цвета является определяющим для характера будущего персонажа: красный цвет означает честь, зеленый — отвагу, черный — справедливость, белый — коварство. После нанесения рисунка детали утюжатся и соединяются между собой для получения гибкой фигурки, к которой прикрепляются бамбуковые палочки, обеспечивающие ее подвижность.

Как происходит представление?

1. Устанавливается ширма и освещение, необходимое, чтобы на полотно падали тени задействованных в спектакле фигур. При этом фигурки почти прижимаются к самой ширме, и становится видна их раскраска.

2. Сюжетами для представления могут быть сказания о волшебниках, легенды, предания, исторические саги, романы, понятные широкому кругу зрителей.

3. Представление сопровождается не только диалогами, но и музыкой.

4. В сюжете часто обыгрываются погодные условия: дождь, ветер, солнце кажутся настоящими.

В современном Китае театр теней уже не так популярен, как раньше. Но ценители этого искусства существуют, и для них играют кукольные пьесы. Некото-

рые труппы продолжают гастролировать по миру, радуя любителей самобытного китайского театра. А искусно изготовленные китайские марионетки занимают почетные места в коллекциях ценителей мировой культуры.

В Пекине необходимыми атрибутами для таких народных мероприятий, как свадьба и похороны, являются фигурки, сделанные из муки.

В 40-е годы прошлого века на улицах, особенно на храмовых ярмарках Пекина, народные мастера изготавливали эти фигурки из клейкой мучной массы. Некоторые из таких произведений представляли собой целые скульптурные композиции, демонстрирующие тогдашние народные обычаи Пекина, другие были представлены в виде исторических персонажей, божеств, и даже Будды [1].

В Музее Гугун сохранились любимые фигурки последнего императора династии Цин – Пу И.

Китайская кукла не остановилась на пути своего развития, она продолжает развиваться в новых направлениях, не утрачивая при этом самобытности и придерживаясь традиций, связанных с созданием и предназначением кукол.

Литература

1. Традиционные игрушки Поднебесной: интересное. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dreamworlds.ru/intersnosti/page,8,49659-tradicionnye-igrushki-podnebesnoj.html#.TsYxvoRVJwQ> – Дата доступа: 18.11.2011 г.
2. Ананьев Е. В. - Куклы мира. М.: Аванта, 2003. – 184 с.

Ян Миньхао

*Аспирант кафедры белорусской и мировой художественной культуры,
Белорусский государственный университет культуры и искусств*

СОВРЕМЕННЫЕ СКРИПАЧИ-ВИРТУОЗЫ КИТАЯ

Родиной скрипки, по праву, считается Европа. В ходе своего развития она была признана одним из самых главных музыкальных инструментов в мире и получила название «Королева инструментов». С постоянным углублением реформ в Китае, повышением экономической мощи народа, богатством культурной и духовной жизни, западно-европейская скрипичная музыка, искусство и культура проникли в культурную среду Китая. В результате широкого распространения и быстро разрабатываемой системы обучения игре на скрипке вскоре в Китае появилась группа выдающихся молодых композиторов и скрипачей-виртуозов.

Шэн Чжунго (1941 –), выходец из провинции Цзянси – бывший член Национального комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПККСК), солист Государственной филармонии, директор Китайской ассоциации музыкантов, член Демократической лиги ЦК. Он родился в семье музыкантов, детство прошло под влиянием зарубежной музыки и искусства, а также упорных тренировок. В пятилетнем возрасте начал обучаться игре на скрипке, а в возрасте семи лет он впервые вышел на большую сцену. Когда ему было девять лет, Уханьское народное радио записало его сольную программу. В 1954 он поступил в китайскую национальную музыкальную консерваторию, а в 1960 году уехал учиться в Московскую консерваторию, в класс знаменитого скрипача Леонида Когана. В 1962 году он принял участие в Международном конкурсе скрипачей и получил награду. Вернувшись домой, он в составе Государственного симфонического оркестра, отправляется в Австралию и другие страны, где выступает с различными концертными программами. Репертуар исполняемых им музыкальных произведений огромен. Стиль его игры характеризуется теплотой, живостью и тонкостью исполнения в сочетании с нежной полнотой художественной привлекательности, что для понимания музыкальных произведений носит исключительный характер. Как солист Китайского Национального симфонического оркестра, Шэн Чжунго был первым скрипачом Китая, получившим международное признание. Он был приглашен в Азию, Европу, Океанию, Южную Америку для проведения сольных концертов вместе со всемирно известными дирижерами и музыкантами [1, с. 430].

Юй Лиина – женщина-скрипач, родилась в Шанхае (1940 –), в провинции Чжэцзян. В детстве брала уроки игры на фортепиано. В 1951 поступила в Шанхайский музыкальный лицей, который закончила в 1958 году, и поступила в Шанхайскую академию музыки на оркестровый факультет. Ее преподавателями были известные музыканты-скрипачи Тоу Ли Сюнь и Тань Шу. В настоящее время Юй Лиина является вице-президентом Шанхайской Музыкальной ассоциации и профессором Шанхайской консерватории. В 1959 году состоялась премьера скрипичного концерта «Butterfly Lovers» композитора Чэн Гана, на котором в возрасте 18 лет Юй Ли выступила как скрипач-солист. Это принесло ей славу. Вскоре вышел диск скрипич-

ный музыки «Бабочки-любовники» (Butterfly Lovers) тиражом более 1 миллиона экземпляров – максимальное количество копий китайской инструментальной музыки. За это Юй Ли получила награду «Золотой диск» в Китае. Для многих китайских композиторов ее первое выступление стало новшеством в стиле игры на скрипке, что внесло большой вклад в дальнейшее развитие скрипичной музыки. С 1962 года Юй Ли преподает в Шанхайской консерватории. Многие ее воспитанники заняли призовые места на международных и отечественных конкурсах. Юй Ли часто входила в состав жюри на международных конкурсах и конкурсах скрипачей в Китае, включая самый престижный международный конкурс имени Чайковского. На международных фестивалях в Канаде, Австралии, Японии и других странах она выступала в качестве члена комиссии. В 1993 году она основала первый китайский фонд для художников под названием "Фонд скрипичных исполнителей имени Юй Ли", тем самым способствовала развитию китайского скрипичного искусства. В настоящее время Юй Лина является вице-президентом Шанхайской Музыкальной ассоциации и профессором Шанхайской консерватории.

Люй Сыцынь, знаменитый китайский скрипач (1969), который живет в Америке. Начал обучаться игре на скрипке в возрасте четырех лет. Однажды в декабре 1977 на приеме государственного уровня, организованного в честь иностранных гостей, Дэн Сяопин, лидер в области проведения китайских реформ, как-то в разговоре с гордостью заявил: «В нашей стране есть один ребенок семи лет, который уже в столь раннем возрасте смог оказать влияние особо рода на развитие скрипичной музыки за пределами Китая». Этим 7-милетним ребенком был Люй Сыцынь. В возрасте 8 лет он был принят в Центральную музыкальную школу при Национальной Академии музыки в класс к профессору Ван Шанью, став, тем самым, самым молодым студентом из числа тех, кто там учился. В возрасте 11 лет Иегуди Менухин выбрал его для учебы в своей школе в графстве Суррей. Осенью 1982 года господин Иегуди Менухин вместе с Люй Сыцынем и его одноклассниками приезжает в Китай для участия в концертных программах скрипичной музыки в рамках гастрольного тура, проводимого Индийской стороной. В Пекинской Государственной филармонии ученики господина Иегуди Менухина совместно со скрипачами из Индии исполнили музыкальное произведение композитора Сен-Санса «Танец Гаване Нестория». В январе 1983 года в Клейтоне Люй Сыцынь исполнил партию первой скрипки из Макс Брух (Bruch Max) при музыкальном сопровождении оркестра из (Pan Erfeierde) школы искусств и Британского Королевского оркестра, успех был просто колоссальный. В том же году Британское общество любителей симфонии вручила ему серебряную медаль. Вернувшись в Китай в 1984 году, он продолжил учебу в китайском национальном музыкальном лицее в классе учителя Вана. Он был первым среди азиатских исполнителей, кто завоевал высшую награду Международного конкурса скрипачей имени Паданини в Италии, получив первую премию «Золото востока». Люй Сыцынь также бывало сотрудничал с Государственным филармоническим оркестром, с Молодежным симфоническим оркестром, с оркестрами радиовещательных организаций и оркестрами из индустрии кинематографии, совместные работы и выступления которых имели огромный успех у зрителей и слушателей. В 19 лет Люй Сыцынь отправился

в Нью-Йорк в знаменитую школу Джульярда, где учился под руководством всемирно-известного скрипача и педагога, госпожи Ты Лэй и господина Дзи Дзиан Кан.

Сюэ Вэй (1963 –) родом из провинции Цзянсу, в настоящее время живет в провинции Хэнань. С восьми лет играет на скрипке, в 14 лет поступил в Шанхайскую консерваторию. В возрасте 19 лет Сюэ Вэй поступил в Китайскую национальную консерваторию, где его обучали такие преподаватели как Лин Йаодзин, Чжэн Шишэн, Джоупин Вы, а также профессор Чэнь. В 1985 году он получил спонсорскую помощь от MidlandBank и KleinwortBenson и выиграл стипендию британской школы музыки и драмы «Guildhall» по мастер-классу, где стал обучаться под руководством профессора Нимана. В 1981 году Сюэ Вэй выиграл Китайский национальный конкурс скрипачей, а в 1982 в

Великобритании взял первое место на международном конкурсе скрипачей имени Карла Флеша. Там был удостоен премий в области исполнения сонат и оркестровой музыки, а также получил приз зрительских симпатий. В том же году он выиграл премию «Самый молодой солист года Британии», став в Китае рекордсменом в количестве завоеванных наград на различных музыкальных конкурсах скрипачей. В 1983 году Сюэ Вэй также участвовал в Международном музыкальном конкурсе скрипачей. В Москве в 1986 году он выиграл серебряную медаль в 8-ом Международном конкурсе скрипачей имени Чайковского. Он не просто великолепно отыграл свой программный номер, но и смог поразить не только зрителей, но и опытных судей. Как-то в газете «Народная музыка» было написано: «по словам Игоря Ойстраха, одного из членов жюри: «несколько судей, сидящих по обеим сторонам от меня, были настолько растроганы игрой юного скрипача, что их глаза были преисполнены слезами восторга и восхищения...» Те музыкальные критики – члены жюри конкурса, слывшие непредвзято в оценивании игры выступающих, сошлись воедино во мнении, что «кто, как ни он, является бесспорным лидером в исполнении скрипичной музыки, достигший беспрецедентного уровня мастерства», «его манера игры и характер исполнения подобны блистательному солнцу». Всего лишь две недели спустя, Сюэ Вэй вернулся в Лондон для участия в Конкурсе скрипачей имени Карла Флеша, где завоевал уже золотую медаль и специальные награды. Все значимые Британские печатные издания высоко оценили небывалый успех Сюэ Вэя на том музыкальном конкурсе скрипачей. С 1989 года в возрасте 25 лет он был назначен профессором британского Королевского музыкального колледжа, став самым молодым профессором. Сюэ Вэй часто сотрудничал с самыми известными оркестрами мира, принял участие в проведении 1000 музыкальных концертов, например, на одной сцене выступал с Лондонским филармоническим и симфоническим оркестром, Королевским филармоническим оркестром, симфоническим оркестром BBC и английским камерным оркестром. Он также поддерживает тесные связи с симфоническим оркестром Берлинской радиокомпании, с симфоническим оркестром Финской радиокомпании, с Японским симфоническим оркестром NHK и с Московским государственным симфоническим оркестром, также принимает участие в исполнении концертных программ в рамках музыкальных турне по странам Европы и Дальнего Востока.

Для многих людей музыка является лишь одной из форм развлечения, но, по мнению Сюэ Вэя, посвятившего более 30 лет своей жизни скрипичному делу, это утверждение не является непреложной истинной. «У человека, который с трепетом

относится к искусству, чувство любви к музыке четко различимо, его глаза не легко поддаются обману». Таким образом, в глазах некоторых людей, казалось бы, тихий Сюэ Вэй предстает безрассудным человеком. И это не случайно, ведь у него есть свои «безрассудства», его уши являются таковыми: он доверяет им полностью и безоговорочно. Стоит ему прослушать любое классическое произведение скрипичной музыки лишь в течение двух секунд, как он уже знает наверняка, кто исполняет эту музыку; Сюэ Вэй никогда не ошибается, пускай даже он слышал самое малое количество произведений данного исполнителя.

Будучи молодым, Сюэ Вэй отдавал предпочтение музыке романтической направленности, вместе с тем не мало важная роль у него отводилась и самоанализу: независимо от того, что исполняется, каждый музыкант всегда стремится оставить в сознании слушающих свой неповторимый стиль игры. Вскоре Сюэ Вэй заметил, что он порой не в состоянии исполнить одно и то же произведение несколько раз, что, безусловно, терзало его и никак не приносило ему душевного спокойствия. Сюэ Вэй полагал, что уже полностью исчерпал весь свой творческий потенциал. С возрастом, однако, жизненный опыт накапливается, и Сюэ Вэй постепенно отказывается от так называемого «самокопания», или самоанализа. «Стараясь проникнуть в самую суть музыкального произведения, каждый из слушателей по-своему понимает смысл исполненного произведения, что лишь подтверждает общеизвестный факт: сколько людей, столько и мнений. Стоит лишь нам отбросить свое предвзятое отношение к искусству, как мы в состоянии обнаружить всю глубину и богатство языка музыки, способны уловить и понять особый характер музыкальных произведений различных эпох. В настоящее время, каждое новое произведение привносит свою особую гамму чувств и переживаний, воплощая собой источник непрерывно льющейся потоком музыки».

Ли Чуань Юн, родился в 1980 году в Циндао в семье всемирно известных музыкантов. Его родители были профессиональными скрипачами. В трехлетнем возрасте по настоянию родителей Ли Чуань Юн стал обучаться игре на скрипке, и сразу же проявил исключительный талант. В возрасте 5 лет принял участие в Пекинском детском конкурсе скрипачей, где взял первое место. Своим первым успехом он обязан известному педагогу по классу скрипки господину Линь Йаодзи, в дальнейшем по-прежнему продолжал усиленно тренироваться. Ли Чуань Юн в 1991 году отправился в Польшу для участия в 5-ом Международном молодежном конкурсе скрипачей имени Венявского. Превосходная техника и зрелая музыка покорила всех судей, и он был единогласно избран первым. С тех пор он стал всемирно-известным в мире музыки. Ли Чуань Юн вошел в историю как самым молодой лауреат музыкальных конкурсов. В 1996 году Ли Чуань Юн переехал в США для обучения в самой престижной Джульярдской школе музыки под руководством Дороти Дэлэй (Dorothy Delay), так называемой «крестной матери скрипки», а также под руководством величайшего скрипача современности Ицхака Перлмана (Itzhak Perlman). В 1999 году был удостоен самой высокой стипендии имени «Музыкальный Олимп» (Salon De Virtuosi) в консерватории Цинциннати. В 2001 отправился во Францию в составе гонконгского симфонического оркестра на музыкальный фестиваль, который известен большим количеством талантливых молодых музыкантов, которые принимают там участие. Там начали свою профессиональную карьеру многие известные музыканты. В настоящее время Ли Чуань Юн является известным международным деятелем, только в какой

бы стране он не находился, он по-прежнему заботится о развитии древней культуры своей родины. Хотя Итальянская ассоциация пропагандирует скрипки итальянского производства, но, постоянно используя в своей деятельности скрипки и фортепьяно производства Китая, Чуань Юн стремится убедить весь мир также признать высокое качество музыкальных инструментов, произведенных в Китае, тем самым открыть их всему миру. На концертах Чуань Юн выступает в национальных китайских костюмах: дракон, вышитый на груди или спине, - образ, взятый из пекинской оперы. Не найдется во всем мире ни одного зрителя, который не смог бы прочувствовать голос души Ли Чуань Юна, гласящий: «Мое искусство всегда будет принадлежать Китаю» [2, с. 144].

Скрипач Ридж однажды сказал: «Китай всегда хотел гордиться великими скрипачами, и теперь ему есть кем гордиться – Ли Чуань Юном».

Литература

1. Циэн, Жэнкан. Анализ музыкальных произведений / Циэн Жэнкан. - Шанхай: шанхайской музыки, 2001. . – 590 с. (На китайском языке).
2. Джу, Джэнь Шэн. Мастера скрипки / Джэнь Шэн Джу//– Пекин: Современные издания.. – 2011. – 320 с. (На китайском языке).

Ван Минсюнь

*Аспирант кафедры белорусской и мировой художественной культуры,
Белорусский государственный университет культуры и искусств*

ВЛИЯНИЕ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ НА РАЗВИТИЕ МЮЗИКЛА В КИТАЕ

В процессе своего развития китайская популярная музыка заложила основу для появления в Китае нового музыкально-театрального жанра – мюзикла. На сегодняшний день популярная музыка и мюзикл активно взаимодействуют. В истории популярной музыки Китая можно выявить три этапа ее развития, причем особенности этих этапов отразились и на формировании китайского мюзикла.

На протяжении всего своего существования китайская популярная музыка испытывала сильнейшее влияние западной популярной музыки. В 1920–1930-х годах под воздействием европейского музыкального искусства популярная музыка активно развивалась в Шанхае, в 1950–1960-х годах ее влияние было особенно велико в музыкальной жизни Гонконга и Тайваня, а в 1970-е и особенно интенсивно в 1980-е годы популярная музыка из Тайваня и Гонконга начала проникать в континентальный Китай [1, с. 24].

В начале 1920-х годов вслед за расширением западных колоний в Китае в Шанхай пришла западная популярная музыка, начала развиваться индустрия грамзаписи. Крупнейшая французская звукозаписывающая компания «EMI» создала здесь дочернее подразделение, что явилось самым быстрым и удобным способом для распространения, прежде всего, европейской популярной музыки. В конце 1920-х – начале 1930-х годов была открыта знаменитая шанхайская улица Жоффре («Сия фэй»). Из многочисленных кофеен, баров и танцевальных залов, расположенных по обеим сторонам этой улицы, еженощно доносились опьяняющие звуки джаза. Следует заметить, что к этому времени в Шанхае уже существовали вполне сформировавшиеся джаз-бэнды, а ночной клуб «Парамаунт» снискал себе славу «первого музыкального заведения всего Востока».

Популярная музыка в Шанхае обрела коммерческий развлекательный характер и благодаря радио и кино распространялась по всей стране. Востребованность популярной музыки среди городских жителей побудила некоторых китайских композиторов – Ли Цзиньхуэя, Яо Мэя и др. – обратиться в своем творчестве к популярным песням коммерческой направленности.

Например, композитор-любитель Ли Цзиньхуэй, реформатор китайской музыкальной драмы, создатель множества детских музыкально-театральных произведений и детских балетов («Три малыша», «Пришел хороший друг», «Кто со мной поиграет», «Воробей и малыш», «Виноградный святой», «Маленькая богиня», «Как козленок спас маму» и др.) известен и как автор множества популярных песен, таких как «Река Таохуацзян», «Экспресс-поезд», «Жасмин», «Повсюду распускаются розы», «Я люблю тебя, сестра» и др. В течение короткого промежутка времени Ли Цзиньхуэй создал более ста песен, опубликовал шестнадцать сборников песен с помощью шанхайского издательства «Вэньмин». Его детская песенно-танцевальная труппа «Минъюэ» побывала с гастрольными выступлениями в Гонконге, Сингапуре, Малайзии, Таиланде, Индонезии. Визитной карточкой и основой концертных программ этой труппы были песни Ли Цзиньхуэя, прежде всего песня «Накрапывающий дождик».

Таким образом, популярные песни Ли Цзиньхуэя определили основные стилистические черты китайской популярной музыки: сочетание народных мелодий и ритмов популярной танцевальной музыки – танго, фокстрота и др., использование элементов музыкального языка джаза в аранжировках. Песенно-танцевальная труппа «Минъюэ» под руководством Ли Цзиньхуэя явилась первым музыкальным коллективом, внесшим значительный вклад в китайскую популярную музыку и оказавшим большое влияние на ее последующее развитие. Впоследствии Ли Цзиньхуэй организовал джаз-бэнд в мюзик-холле гостиницы «Янцзы» в Шанхае. На представлениях мюзик-холла джазовый оркестр исполнял народные танцевальные мелодии и песни, музыку традиционного театра сицзюй в джазовой обработке.

Многие участники песенно-танцевальной труппы «Минъюэ» – Чжоу Сюань, Бай Хун, Янь Хуа и другие – явились первым поколением звезд китайской эстрады. Певец Чжоу Сюань, которого современники называли «золотым голосом Шанхая», прославился благодаря исполнению таких шлягеров, как «Певичка на краю света», «Когда я снова увижу тебя», «Ночной Шанхай», «Прекрасная жизнь» и др. Возможно, благодаря именно исполнению Чжоу Сюаня, эти песни остались популярными по сегодняшний день.

Японо-китайская война 1937–1945 годов приостановила развитие китайской популярной музыки. В 1950–1960-е годы, когда в стране началось восстановление после освобождения от японских захватчиков и войск Гоминьдана, центр развития китайской популярной музыки переместился в Тайвань. Практически все популярные мелодии как западных авторов, так и отечественных, которые исполнялись в Шанхае в 1920–1930-е годы, получили свое распространение на Тайване. Влияние шанхайской эстрады на местную, тайваньскую, продолжалось вплоть до конца 1960-х годов, пока блюз, джазовая и рок-музыка не проникли в Тайвань.

1960-е годы ознаменовались выступлением легендарной рок-группы «Битлз» в Гонконге, что оказало огромное влияние на местную эстраду. Гонконгское общество познакомилось с «новой музыкой» Запада; многие студенты начали создавать подобные группы, всячески подражая манере исполнения своих кумиров, используя мелодии «Битлз» для выражения своих собственных настроений и идей.

Так, 1960-е годы на местной эстраде прошли под знаком развития западного рок-н-ролла. В 1970-е годы местные музыкальные деятели, композиторы и исполнители успешно копировали не только особенности западных музыкальных стилевых направлений, но и принципы построения музыкального шоу. «Воспроизводилась зажигательная атмосфера западных музыкальных представлений, для исполнителей, которые копировали манеру сценического поведения зарубежных певцов, создавались роскошные костюмы, выступления солистов сопровождалась подтанцовками...» [2, с. 32].

Таким образом, западная популярная музыка, прежде всего европейская, оказала влияние не только на начальный этап формирования китайской популярной музыки, на творчество Ли Цзиньхуэя, но и глубоко впиталась в музыкальное искусство Тайваня и Гонконга.

1970–1980-е годы также ознаменовались началом «новой волны» в развитии популярной музыки в континентальном Китае. Основными средствами распространения популярной музыки здесь стали японские магнитофоны «Сань Ян» и магнитофонные кассеты, выпускавшиеся компанией «Тайпинъян» в Гуанчжоу. Уже забытые слушателями старые песни шанхайского периода – «Когда я снова увижу тебя»,

«Вино и кофе» и др. – обрели новую жизнь в современных обработках благодаря творчеству знаменитой певицы Дэн Лицзюнь.

Представители нового поколения музыкантов ориентировались на образцы западной и японской эстрады в соответствии со своими вкусами, самозабвенно черпая оттуда вдохновение для музыкальной деятельности. Ими последовательно были освоены различные стили латиноамериканской песенно-танцевальной музыки и рок-музыки.

В 1990-е годы среди множества китайских исполнителей популярной музыки выделяется творчество Чжана Сюэя, одного из «четырех королей» Гонконга. Чжан Сюэю совмещал различные манеры пения – народную, академическую, популярную. Он может быть назван одним из самых выдающихся исполнителей. По статистике Международной ассоциации звукозаписи IFPI, количество проданных записей Чжана Сюэя уступает только королю поп-музыки Майклу Джексону, т.е. Сюэю на данный момент является вторым по количеству проданных дисков в мире. В 2006 году количество проданных лицензионных дисков певца уже превысило 120 млн. штук, что сделало его признанным лидером в Китае [3, с. 14].

В 1996 году Чжан Сюэю специально для изучения мюзикла побывал в США. А в 1997 году он явился одновременно режиссером и исполнителем главной роли в известном китайском мюзикле «Озеро Сюэлан», который был показан на шанхайской сцене 103 раза. На сегодняшний день этот мюзикл считается лучшим из всех мюзиклов гонконгского производства.

Еще один известный представитель китайской популярной музыки И Ченчинь прославился исполнением произведений различных стилистических направлений, таких как «Годы как вода», джазовая композиция «Честная любовная песня», «Невысказанные чувства» в стиле кантри, «Я лучше всех» в стиле латиноамериканской танцевальной музыки.

Вследствие реформ открытости в экономике китайский народ проявлял постоянно растущий интерес к западной популярной музыке. Многие зарубежные хиты и шлягеры, номера из мюзиклов («Звуки музыки», «Кошки», «Эвита»), саунд-треки к музыкальным фильмам («Призрак оперы», «Римские каникулы») были переведены на китайский язык и исполнены китайскими исполнителями.

В 1997 году Фэй Сян при помощи знаменитого создателя мюзиклов, композитора Э. Ллойда Уэббера записал в Нью-Йорке диск «Избранные произведения Бродвея», в который вошли такие композиции, как «Прощание с невысказанным», «Воспоминания», «Призрак оперы», «Солнце восходит и заходит» и др. [4, с. 8]. Этот диск по сегодняшний день пользуется заслуженной любовью китайских слушателей.

В начале XXI века отмечается, с одной стороны, все возрастающее воздействие западной популярной музыки на китайскую эстраду, с другой – появление многочисленных отечественных исполнителей и разнообразных музыкальных коллективов. В области джазовой музыки выделяется Гу Фэн с его уникальной исполнительской манерой и стилем. В сфере вокального и хорового искусств необходимо отметить тайваньский хор «Чжанлан», исполнительская манера которого довольно близка стилю западных хоровых коллективов 1980-х годов. Представителями стилевого направления R’n’B являются молодые исполнители А Ду, Ван Я, Ян Кунь и др. Среди блюзменов стоит особо обозначить Тао Пиня. Рок-группа «Мощный поезд» отличается исполнением обработок колоритных народных тайваньских мелодий.

Следует подчеркнуть, что развитие современных стилевых направлений в популярной музыке Китая обусловлено воздействием западного музыкального искусства. Вместе с тем, интенсивно развивается отечественная музыкальная культура, самостоятельное творчество китайских музыкантов.

Таким образом, вышеприведенные примеры распространения западной популярной музыки сначала в Шанхае, затем в Тайване и Гонконге, и впоследствии – во внутренних регионах страны, а также появление новых музыкальных стилевых направлений в Китае в начале XXI века свидетельствует о влиянии популярного музыкального искусства Запада на китайскую эстраду в целом. В развитии отечественной популярной музыки можно проследить три этапа: первый этап, «шанхайский», – 1920–1930-е годы; второй – тайваньский – 1950–1960-е годы; с 1970-х годов начался третий «континентальный», период, длящийся по сегодняшний день.

После «второго прорыва» западной популярной музыки на музыкальный рынок Китая (1970–1980-е годы), китайские музыканты быстро восприняли новые музыкальные формы. Они начали копировать образцы лучших произведений популярного музыкального и музыкально-театрального искусства и создавать подражательные сочинения. Обращение к актуальной тематике из современной жизни помогло композиторам и исполнителям завоевать симпатии китайской аудитории.

Так, например, мюзикл «Современная молодежь», поставленный на пекинской сцене в 1982 году, можно назвать первым китайским произведением этого жанра. В основу музыкального материала несложного по сюжету, но очень реалистичного мюзикла легли популярные песни и танцы в стиле диско, что во многом обеспечило его всенародную популярность.

Среди наиболее значимых произведений, отличавшихся сравнительно высоким художественным уровнем, следует отметить следующие: постановки «Фан Цаосинь» (1983) и «Не тот маршрут» (1985).

Спектакль «Фан Цаосинь» является воспроизведением «классического» комедийного мюзикла с обилием массовых сцен. Основная музыкальная тема мюзикла – «Молодая трава», сыгравшая роль лейтмотива и пронизывающая все произведение, стала одной из самых популярных песен 1980-х годов. Мюзикл «Не тот маршрут» также стал весьма популярным. Одна из самых его узнаваемых композиций «Вино иссякнет...» после премьеры мгновенно распространилась по всей стране. С 1985 по 1989 годы постановка этого мюзикла не сходила со сцен разных городов Китая; всего было сыграно 1460 спектаклей [5, с. 70]. Невзирая на «отечественную» тематику упомянутых мюзиклов, их литературный и музыкальный материал, а также хореография носили ярко выраженный подражательный характер.

Следует отметить, что в основе музыкального языка ранних китайских мюзиклов – доступная для восприятия популярная музыка. Элементы джаза и рока практически не использовались, так как на данном этапе китайская публика не могла воспринять эту «слишком современную» музыку. К тому же, сумма необходимых для постановки мюзикла инвестиций велика, и при неправильном «использовании» слишком сложной музыки возможны большие финансовые потери. Именно это обстоятельство во многом и обусловило нерешительность китайских продюсеров в освоении новых музыкальных стилей.

Постепенное развитие джазовой музыки и рока в Китае обусловило появление в 1990-е годы многих известных музыкальных коллективов, например, рок-групп «Нулевая точка», «Пантеры», «Компас». Подрастало молодое поколение, способное

воспринимать джаз и рок. Все это находило свое отражение в музыкальном материале новых мюзиклов. Вместе с тем, китайский мюзикл обнаружил и новую тенденцию – путь «национализации», привнесения черт традиционной народной культуры. Этот путь подразумевает использование в качестве исходного материала любимых в народе древних легенд, народной музыки и танцев.

Мюзикл «Жасмин» (2009) является примером «народного» мюзикла, созданного на основе национальной музыки с применением элементов джаза и рока. Режиссер спектакля Ван Яньсун, поставивший также мюзикл «Не тот маршрут», выбрал красивую легенду и очень живо и красочно пересказал ее при помощи выразительных средств современного музыкально-театрального искусства. Этот смелый эксперимент показал возможности использования в китайском мюзикле элементов джазовой и рок-музыки, а также современных музыкальных стилей – рэпа, R'n'B и других.

Постановку 2010 года «Король обезьян» можно считать первым «рок-мюзиклом» в китайском музыкально-театральном искусстве. Это произведение основано на сюжете одного из четырех древних классических китайских романов – «Путешествие на Запад». Авторы мюзикла попытались совместить в нем древние и современные, восточные и западные взгляды на любовь, жизнь, культуру. «Этот мюзикл впервые использовал элементы рок-музыки, что касается сценографии, – т.е. освещения, декораций, реквизита, костюмов и т.д., – то в этой постановке использовались суперсовременные приемы, которые позволили создать сказочный мир на сцене. Рок-музыка является изюминкой этого произведения, исполнение музыки и песен рок-группой вкупе с хореографическими номерами, яркими костюмами продемонстрировало китайской публике абсолютно новый мюзикл. Мюзикл заслужил как положительные, так и критические отзывы, но он стал первым примером стремительного взлета китайского мюзикла за его непродолжительную историю» [6, с. 230]. За «Королем обезьян» последовали «рок-мюзиклы» «Вот так я стал одиноким» и «Этой ночью мы займемся музыкой». В последнем в качестве артистов выступали исполнители рок-группы «Шаньдун».

Таким образом, активное развитие популярной музыки в Китае дало толчок формированию китайского мюзикла. Популярная музыка воспитала массового зрителя, способного оценить достижения нового музыкально-театрального жанра. Богатый потенциал популярной музыки дает основания ожидать появления новых, еще более интересных произведений в области китайского мюзикла.

Литература

1. Ей, Тин. Развитие и ценность китайской популярной музыки / Тин Ей // Учебный вестник Шэньчжэньского университета. – 2005. – № 4. – С. 23–25. (На китайском языке).
2. Ма, Ли. Другие пейзажи – об эстетическом сознании западной популярной музыки XX века / Ли Ма // Музыкальная жизнь. – 2009. – № 3. – С. 30–35. (На китайском языке).
3. Цай, Чжундэ. Мои взгляды на популярную музыку / Чжундэ Цай // Учебный вестник Центральной пекинской консерватории. – 1993. – № 3. – С. 13–14. (На китайском языке).
4. Бай, Липин. Западная популярная музыка и ее влияние на китайскую популярную музыку / Липин Бай // Учебный вестник Шэньянской консерватории «Новый голос музыкальной палаты». – 2007. – № 4. – С. 8. (На китайском языке).

5. Гу, Цзайси. Краткий анализ особенностей ассимиляции современной популярной музыки в Китае / Цзайси Гу // Исследования музыки. – 2006. – № 4. – С. 66–72. (На китайском языке).

6. Ю, Цинпо. Китайская популярная музыка / Цинпо Ю. – Пекин: Массовое искусство. – 2011. – 256 с. (На китайском языке).

Ся Юньцзин
Аспирант,
Белорусская государственная академия музыки

ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ЖАНРЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ПРЕТВОРЕНИЕ В КОМПОЗИТОРСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ («СИНЦЗЯНСКИЕ ТАНЦЫ» ДИН ШАНЬДЭ)

Претворение своеобразия тематизма танца (включая его мелодику и метроритмическую основу) и шире – танцевальности в инструментальной (фортепианной) музыке представляет собой один из тех аспектов композиторского творчества Китая XX–XXI стст., анализ которого позволяет выявить особенности взаимодействия национальных музыкальных традиций китайской музыкальной культуры и современного мирового композиторского процесса. Сказанное имеет отношение, прежде всего, к определению жанровой первоосновы китайской музыки, её истоков.

Целенаправленное и последовательное постижение европейского опыта в области композиторского творчества следует отнести к числу важнейших факторов становления и развития композиторской школы Китая. Поэтому исследование различных аспектов претворения жанровых первооснов современной фортепианной музыки в творчестве китайских композиторов обуславливает необходимость обобщения методологических позиций ведущих европейских музыковедов, что позволит научно обосновать подходы к исследованию танцевальности как жанровой первоосновы современной китайской инструментальной музыки.

Так, Е. В. Назайкинский, говоря о дихотомии как принципе типологического противопоставления при анализе жанровой природы музыки (камерная и симфоническая, серьезная и легкая, массовая и элитарная, духовная и светская), выделяет направление, которое отражает историческую преемственность генезиса музыкального искусства, а именно: «фольклорное – профессиональное» [2, с. 15–16]. В. Н. Холопова обосновывает иерархичность жанровой системы в научной классификации и типологии музыкальных жанров, среди которых сложились обобщенные характеристики/ типы жанров – песенность, танцевальность (выделено нами – Ся Юньцзин), речитативность, оперность, балетность, ораториальность, опереточность, джазовость, эстрадность и т. д. [3, с. 218]. Очень важно для нашего исследования замечание Л. А. Мазеля, рассматривающего жанр как род и вид музыки, о том, что не следует смешивать понятие жанра с понятием конкретного произведения. Название произведения, как отмечает ученый, может совпадать с названием жанра, к которому оно принадлежит: ноктюрн, баркарола, марш, вальс, соната [1, с. 38]. Очевидно, что к упомянутому ряду можно присоединить и танец.

Погружение в этот методологический контекст проблематики претворения танцевальности, связанной с китайским композиторским опытом, может быть продуктивным при использовании методологии компаративного анализа.

Так, эволюция танца (танцевальности) в европейской культуре охватывает несколько исторических периодов: от «первичных» (В. А. Цуккерман) жанровых форм (фольклорных, обрядовых, бытовых) до «вторичных» художественных жанров эпохи барокко с ее светскими традициями куртуазности и классицистского периода с усилением активизации танцевальных форм. От возвышенно-эмоциональных танцевальных форм эпохи романтизма с господством стихии вальса к музыке XX

века с ее неудержимой и стихийной экстатичностью, которая проявилась, прежде всего, в танцевальных жанрах постромантизма [4, с. 173–175].

История классического танцевального искусства Китая, тесно связанного с многочисленными региональными фольклорными традициями, насчитывает более 4-х тысяч лет своего становления и развития.

Так, уже во втором тысячелетии до н. э. были известны иероглифы [乐] (юэ) – музыка и [舞] (у) – танец.

В эпоху Чжоу (722–481 гг. до н. э.) в танцах, которые носили преимущественно ритуальный характер, зарождались танцевальные каноны. Основанные на анимистических и космологических верованиях, складывались элементы светского танца, близкого по характеру народным обрядам. В эпоху Чжоу уже существовали профессиональные музыканты и танцовщики. В зависимости от характера сценического действия сформировались два танцевальных жанра: [文舞] (вэнь у) – гражданский танец и [武舞] (у у) – военный танец. Обучение танцам в этот период китайской истории рассматривалось в качестве важного средства воспитания.

В эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) искусство танца по-прежнему занимало важнейшее место в религиозно-культовых ритуалах и народных обрядах, чему в значительной степени содействовало распространение конфуцианства, учения, которое составляло основу мировоззрения и идеологии ханьского периода. Танцевальные движения приобретают более четкие очертания, поза, как основной элемент хореографической композиции сменяется последовательностью движущихся фигур, что было тесно связано с искусством иероглифики – комбинация линий как отражение общего рисунка танца.

Время расцвета танцевального искусства в Китае – эпоха Тан (618–907 гг. н. э.). Процесс усиления ритуальной и социальной функций танца существенно активизировался, в том числе под воздействием танцевального искусства Индии.

В эпоху Чжоу (1046–221 гг. до н. э.) усиливается тенденция эстетической интерпретации танцев: [剑舞] (цзянь у) – энергичные танцы военного характера; [软舞] (жуань у) – нежные танцы гражданской направленности. Различали также танцы [字舞] (цзы у) – танец иероглифа, [花舞] (хуа у) – танец цветов, [马舞] (ма у) – танец с лошадью и др.

В последующие исторические периоды наблюдается процесс соединения танца, пения и слова, что привело к возникновению драматических форм таких, как [大曲] (дацю) – пение и танец, объединенные сюжетом, а также музыкальная пантомима.

В эпоху Сун (960–1279 гг. н. э.) все большее место в художественной культуре Китая занимали синтетические формы драматического действия, породившие тип актера, владевшего искусством пения, декламации и танца. Этот процесс развития драматических жанров привел к полному подчинению танца театру (эпоха Юань, 1280–1367 гг. н. э.). Танцевальные формы, например, [昆曲] (куньцюй) – лирический танец южных провинций, постепенно превратились в балет-пантомиму. Танец как вид искусства развивался преимущественно в жанрах классической оперы (Пекинской, Хэнаньской и др.).

Большое развитие танцевальное искусство, как самостоятельная область художественной культуры, получило в XX столетии, после образования КНР (1949 г.). Развитие профессиональной хореографии, как и композиторское творчество,

проходило под значительным влиянием европейского музыкального искусства, включая балет. Здесь уместно отметить, что наряду с пьесами фольклорного характера, основанными на «первичных» жанрах (В. А. Цуккерман), большим своеобразием обладают фортепьянные произведения, основанные на танцевальной музыке традиционной китайской оперы .

Традиционный китайский танец получил самобытное претворение не только в балетном творчестве 50-60-х гг. XX ст., но и в инструментальной музыке китайских композиторов.

Музыкально-образная сфера синцзянских танцев часто привлекает композиторов ритмической выразительностью и эмоциональностью характера музыки. Так, композитор Го Джи-хун использовал синцзянский танцевальный фольклор для написания яркой концертной фортепьянной пьесы. Его «Синцзянский танец» (1958) – это образец мастерского претворения выразительной танцевальной мелодии в эффектную виртуозную пьесу. Особую прелесть произведению, заканчивающемуся стремительным вихревым каскадом октав и пассажей шестнадцатых, придает средний эпизод, написанный в характере кокетливого танца девушек. Для этой пьесы также характерна имитация звучания китайского гонга и барабана. Эти шумовые эффекты отражают особенности инструментальной группы сопровождения, характерного для синцзянских и казахских танцев. Подражание ударным инструментам подчеркивает танцевальный характер музыки. Поэтому данный прием нередко используется китайскими композиторами при написании пьес на основе китайских народных танцев. К числу ярких примеров подобного плана можно отнести – «Синцзянский танец № 1» Дин Шань-дэ, «Танец Янг» Дань Чжао-и и «Танец Яо» Чжан Мина .

Дин Шань-дэ был первым китайским композитором, который обратил внимание на огромный творческий потенциал синцзянского музыкального фольклора. Среди его произведений, ставших весьма популярными в Китае, «Синцзянский танец № 1» (1950) и «Синцзянский танец № 2» (1955). Эти яркие концертные пьесы отличаются характерным синкопированным ритмом. Мелодика синцзянских народных песен очень выразительная, ритмическая организация динамичная и прихотливая, песенная форма лаконичная и симметричная, настроение песен жизнерадостное и веселое. Ладовая организация синцзянских песен сочетает диатоническую и пентатонную основу. Часто используется многообразная альтерация, что придает синцзянским песням своеобразную окраску.

«Синцзянский танец № 1» – первое фортепианное произведение на основе танцевального фольклора синцзянской народности . В этом произведении применена остроумная альтерация, придающая созвучиям оригинальную гармоническую окраску, своеобразный ритм в сочетании с остинатным движением в басу передает состояние большого эмоционального напряжения и энергии танцующего. Эти характерные черты синцзянского фольклора способствуют убедительному воплощению образов народной жизни северо-западной китайской провинции. В качестве основной темы для этой фортепианной пьесы взята «Песня кучера» – популярная синцзянская народная песня.

Средний эпизод речитативного характера с элементами патетики написан на оригинальную тему. Смысловая нагрузка этого эпизода – дух сопротивления, готовность к борьбе.

Декламационный характер музыки сменяется демонической пляской, темп которой стремительно нарастает к концу пьесы. Музыка третьего раздела возвращает к динамичным образам жизнерадостных и в чем-то даже фанатичных танцев, приводящих к кульминации танцевального действия.

«Синьцзянский танец №2», который Дин Шань-дэ создал в 1955-том году, имеет много общего с «Синьцзянским танцем №1». Однако это сочинение более контрастное по характеру, сочетающее драматизм и величавость. Динамика и характер движения, обилие синкоп, общий эмоциональный строй танцев вызывают ассоциации с образами шаманизма, что в известной степени объясняется достаточно сильным влиянием в этом регионе монгольской музыкальной культуры.

Литература

1. Мазель, Л. А. О природе и средствах музыки: теоретический очерк / Л. А. Мазель. М.: Музыка, 1983. – 72 с.
2. Назайкинский, Е. В. Стиль и жанр в музыке: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Назайкинский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 248 с.: ноты.
3. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства: Учебное пособие / В. Н. Холопова. – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 320 с.
4. Щербакова, Т. Экстатический танец в музыкальной культуре постромантизма / Т. Щербакова // Романтизм в музыке: Материалы науч.-теоретич. Конф. Минск, 3–5 декабря 1997 г. / Сост. Т. А. Титова. – Мн.: Белорусская государственная академия музыки, 1999. – 264 с.

*Ли Эрюн,
Аспирант кафедры истории музыки,
Белорусская государственная академия музыки*

ТРАДИЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВОКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В КИТАЕ

Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью систематизации основных исторических этапов развития и национальной специфики современной вокальной педагогики в Китае. В целом по истории китайского вокального искусства написано немало работ, рассматривающие вокально-исполнительские традиции. В ряду научных работ, посвященных данной проблематике отметим монографии Гуань Лин, Ши Вэйчжэн, Г.Шнеерсона [1, 2, 3], а также диссертационные исследования Ху Ицзуань и Цао Шули, защищенные в Беларуси [4, 5] и др. Однако многие источники или уже устарели, или не были переизданы, либо представляют собой локальный аспект обозначенной проблематики, что определяет необходимость активизации научных подходов к анализу процессов.

Изучая историю становления и развития вокальной педагогики в Китае, прежде всего, отметим, что её специфика определяется традициями китайской оперы и драмы, эстрадного пения и народных напевов, а также развитием техники и методики преподавания бельканто. Вокальное искусство в Китае с древних времен развивалось с опорой на три фундаментальных позиции: развитие у певцов искусства дыхания, правильность произношения иероглифов, эмоциональность исполнения.

В истории китайского вокально-исполнительского искусства большую роль сыграл полиэтнический фактор – разделение китайской нации на народности, каждая из которых отличается своими, присущими только ей особенностями жизненного уклада, культурных традиций, диалекта, что обусловило многообразие вокальных техник Китая. Их различия ярко проявили себя в жизненной практике, примером чему могут послужить вокальное мастерство китайских исполнителей, которые являются выходцами из различных китайских провинций и демонстрируют отличающую от других специфику вокального исполнительства.

Начало профессионального преподавания вокала в Китае относится к эпохе правления династий Ся (ок. XX-XVI в. до н.э.) и Шан (ок. XVI-XI в. до н.э.), а уже в эпохи Весны и Осени (770-476 гг. до н.э.), Воюющих Царств (475-221 гг. до н.э.) преподавание музыки достигло расцвета, благодаря таланту и мастерству учителей по вокалу, в том числе, Цинь Цин, Хань Э, Сюэ Тань, Ван Бао, Мян Цзю и др. Историческое развитие вокального искусства в Китае также связано с традициями императорского дома, в котором создавались музыкальные мастерские, театры и др. структуры.

Первые сведения о певцах и учителях пения в Китае относятся примерно к III в. до нашей эры. В соответствии с известной легендой, изложенной в древнем труде «Ле Цы Тан Вэн» (ок. 475-221 до н.э.), одним из первых китайских певцов был Цин Цин. Он занимался пением и владел замечательными вокальными техниками. У него был ученик по имени Сюэ Тан, который решил, что он уже освоил вокальную технику своего учителя. Захотев уехать домой, он ничего не сказал об этом учителю, который, однако, организовал для него проводы в лесу. Там он спел песню, звучание которой было очень искусным, ярким и эмоциональным. Легенда гласит, что даже

листья начали падать с деревьев, и облака рассеялись на небе. Ученик был растроган до глубины души и почувствовал, как мало в области вокальной техники он еще знает и умеет. Он решил продолжать учиться, извинился и пообещал никогда больше не требовать вернуться домой. Таким образом, это предание описывает высокий уровень вокальной техники Цин Цина.

В своем труде «Закон мелодий» Вэн Лянфу (династия Мин 1368-1644 гг.) определил следующие направления в традиционной теории вокала [6, с. 103-107]. В первую очередь это было связано с отбором талантливых учеников. В качестве основных критериев выдвигались голосовые данные, эмоциональность и образность мышления исполнителя. Следующим этапом определялась работа на правильном произношении напрямую связанным с постановкой вокального звукоизвлечения. Собственно процесс обучения разделялся на пять основных стадий: раскрытие голоса (совершенствование вокальной техники), упражнения на дикцию, упражнения с инструментальным сопровождением, обучение искусству речитатива, сценическая практика (актерская игра).

В конце цинской эпохи вслед за развитием четырех основных форм исполнения традиционной оперы и драмы – напевов кунь, гао, банцзы и пихуан – известные реформаторы Кан Ювэй и Лян Цичао выдвигают требование включения обязательных уроков музыки в систему образования, принятое китайским правительством в 1902 году. В 1905 году, вернувшись после обучения в Японии, музыкант Шэнь Синьгун (1870–1947) издает сборник «Обучение пению в начальной школе», оказавший огромное влияние на развитие музыкального образования в Китае. Вокал становится основной дисциплиной во многих учебных заведениях, что послужило отправной точкой начала интенсивного становления современного вокального образования [7, с. 210].

Первым специальным высшим музыкально-образовательным учреждением Китая стала Шанхайская консерватория, основанная в 1927 году по инициативе выдающегося музыканта и музыкального педагога Сяо Юй-мэй и общественного деятеля Цай Юань-пэй. Напомним, что до этого обучение музыкантов-специалистов велось в ряде университетов, где существовали факультеты музыки. Масштабы этого обучения были невелики, а система профессиональной подготовки в большинстве случаев несовершенна [7, с. 17]. Отметим, что педагогический состав Шанхайской консерватории был представлен и русскими музыкантами из числа эмигрантов, а также европейских исполнителей и теоретиков. В их ряду необходимо назвать певца В. Шушлина, вокальная педагогика которого основывалась на технике и теории бельканто. Сам музыкант был приверженцем техники «*масочного пения*»⁶⁶ и его методика была положена в основу обучения китайских вокалистов.

Важным историческим этапом на пути развития системы вокального образования в Китае стало открытие института литературы и искусства имени Лу Сюня в Яньане в 1938 г. Особенностью обучения в этом заведении было отсутствие нотных текстов, вокальная музыка заучивалась методом устного повтора «фразы за фразой», от преподавателя к ученику, что способствовало массовому распространению вокальному исполнительству.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 году заметно активизируется процесс распространения музыкального образования по всей стране, в

⁶⁶Основой этой вокальной технологии является правильное использование головных резонаторов, что дает возможность вывести голос в близкую позицию.

разные годы открываются следующие консерватории: Тяньцзинская (1958), Шеньянская (1958), Уханьская (1958), Гуанчжоуская имени Синхая (1958), Сычуаньская (1959), Сианская (1960), Китайская (1964). К настоящему времени в Китае действуют девять консерваторий, в том числе Китайская Центральная и Шанхайская консерватории, которые рассматриваются как ведущие элитные учебные заведения в области музыкального искусства.

В целом, современная вокальная педагогика в Китае неразрывно связана с традиционными направлениями вокального искусства, утвердившимися на протяжении многих веков. Данную систему можно представить следующим образом:

- народное пение, во всем многообразии его региональных ответвлений;
- вокальные традиции китайской оперы и драмы;
- традиционное эстрадное пение;
- академический вокал, базирующийся на традициях европейской школы.

Учитывая объемы статьи, остановимся на основных позициях развития данных направлений в современной вокальной педагогике Китая. Так, в конце 1950-х годов во многих китайских учебных заведениях была открыта специальность «современный народный вокал» и начались активные научные исследования местных региональных традиций, включая специфику и вокальные манеры исполнения. Такое интенсивное развитие вокального искусства в стране вызвало ряд дискуссий о китайских (*ту*) и западных (*ян*) техниках пения. Результатом этих дискуссий стало соединение, своеобразный сплав местных и западных традиций, а также появление противоположных друг другу течений. Приверженцы западноевропейской вокальной школы считали, что в ее основе лежит систематизированная научно-теоретическая база. За длительный период ее существования многими поколениями певцов был накоплен обширный опыт исполнительской практики, осмысления и преподавания западноевропейской академической музыки. Вокальная методика была ориентирована на развитие правильного певческого дыхания и тембрового богатства голоса, способствующих появлению целой плеяды выдающихся исполнителей.

Одни специалисты утверждали, что китайское пение не имеет достаточной методической основы. По этим причинам они отказывались включения в педагогический процесс национальных приемов звукоизвлечения. Другие специалисты придерживались мнения, что западноевропейская вокальная школа, и в частности стиль бельканто, страдает рядом недостатков и певцы зачастую приобретают недостаточную четкость дикции, несколько наигранную экспрессию, дрожащий, «тремолирующий» звук. Однако нельзя не принимать во внимание тот факт, что западноевропейская вокальная школа в процессе ее распространения в Китае в сфере новых форм, жанров и методики музыкального образования сыграла огромную роль в воспитании китайских мастеров сольного и хорового пения, обогатила вокальное исполнительское искусство, повысила уровень эстетических потребностей публики и ускорила развитие преподавания вокала в стране [8, с. 99-102].

Особая роль в развитии современной вокальной педагогике принадлежит театральным традициям. Основные этапы обучения искусству китайской оперы и драмы и развития голосового аппарата артиста сцены определялись типом оперного амплуа. В китайском театре типы голосов и принципы вокального исполнения распределены и строго закреплены за определенными амплуа. Тем более интересен голос мужчины в женском амплуа, что было традиционно для китайского театра в прошлом, или женский голос в мужском амплуа, что стало характерно для нашего

времени. Важно то, в каких вокальных техниках, то есть стилях, исполняется певческая партия. Создаваемый таким образом «театр персонажей» определяется композитором и певцом в соответствии с традиционными требованиями.

Так, например, для амплуа лао шэн (старик) характерен естественный голос, особое внимание уделяется звукам «и» с переходом в звук «я», поскольку звук «и» приводит к усилению работы глотки, создает рефлекторный резонанс в черепной коробке, а звук «я» усиливает естественное звучание голоса, создает резонанс в полости рта, определяет переднюю позицию звукоизвлечения. Сочетание этих звуков позволяет добиться единства оттенков и богатства резонирования. В процессе работы над обозначенным звукосочетанием необходимо сосредотачивать звуковую волну в точке между бровей, избегать низкой позиции грудного резонирования, особое значение уделять раскрытию твердого и мягкого нёба. Еще один яркий пример связан с традициями исполнения оперного амплуа цзин (хуалянь, «черноголовый» воин). Это специфическое амплуа требует ощущение свободной, широкой глотки при пении, мощного наполненного звучания, несколько напоминающего тенор в итальянском бельканто. Специфической особенностью данного амплуа является использование головного резонатора, что характерно для национальной китайской традиции вокального исполнительства.

В числе базовых принципов традиционного преподавания вокала в Китае является яркая эмоциональность, округлость звукоизвлечения, чистота произношения, что связано с развитием артикуляционного аппарата и обучением исполнителя искусству «накапливания» энергии.

Несмотря на обилие видов эстрадной песни, всех их объединяет использование техник естественного голоса («большое горло»). При этом речитатив и пение соединены естественным образом, вокальная интонация приближена к разговорной речи, поэтому между «шуо» и «чан» невозможно провести четкую границу. С точки зрения исполнения, здесь должна соблюдаться артикуляция, поэтому упражнения на правильное произношение стоят на первом месте, а на звучание – на втором. В этом плане наследуются некоторые техники традиционной оперы: пять типов звука (два зубных, губной, язычный, горловой), четыре типа дыхания (ровное, открытое, сжатое, закрытое) и т.п. большое внимание уделяется пластичности и содержательной форме исполнения, владению актерской игрой.

Искусство бельканто оказало огромное воздействие на современный вокальную педагогику в Китае. Многие сочинения китайских композиторов исполняются именно исходя традиций данного направления. В 1964 г. заведующий кафедрой народной музыки Китайской консерватории Тан Сюэгэн предложил новый принцип преподавания народного вокала, основывающийся на синтезе национальных и европейских традиций. Он писал о том, что: «Западная вокальная система позволяет исследовать принципы и техники народного китайского вокала, сформировать научный подход к нему, систематизировать его и улучшить» [9, с. 245]. Эта же мысль подтверждается музыковедом Ли Пин, отмечавшим: «Следует заимствовать западные техники и упражнения, теории и методики, класть их в основу современной системы вокального образования в Китае» [9, с. 245]. Такое преподавание, с опорой на традиционное искусство и элементы западного вокала, достигло своей цели – распространения народной вокальной музыки по всему Китаю.

Одновременно еще в одном высшем учебном заведении – Центральной консерватории – были поставлены задачи и выработаны методы и содержание учебного процесса. Сроки обучения вокалистов стали включать следующие этапы: восемь лет

для базового курса, три года средней школы и пять лет высшего музыкального образования. В программу обучения включались изучение вокальных техник традиционной оперы и драмы в качестве базовых знаний, изучение основ эстрадной песни. Работа над конкретными техниками вокала включала в себя овладение мастерством дыхания, артикуляции и эмоционального словаря, а также западных методик резонирования, вибрато и т.д.

В 1980-е годы обозначился новый этап реформирования образования и всестороннего развития теории и практики преподавания вокала в Китае. Особую роль в этом процессе сыграли иностранные педагоги, приезжавшие в Китай с лекциями и мастер-классами.

В качестве выводов отметим, что в настоящее время в КНР сформировалась новая, научно обоснованная система образования, а заимствование западных техник и методик позволило значительно повысить уровень современного преподавания вокала, систематизировать основные принципы образования в области вокального искусства.

Литература

1. Гуань, Лин. О вокальной подготовке / Лин Гуань. — Пекин: «Народная Музыка», 1980. — 88 с.
2. Ши, Вэйчжэн. Вокальная методика / Вэйчжэн Ши. — Тяньцзинь: Байхуа, 1996. — 279 с.
3. Шнеерсон, Г. Музыкальная культура Китая / Г. Шнеерсон, — Москва: Гос. муз. издательство, 1952. — 249 с.
4. Ху, Ицзуань. Становление и развитие музыкального образования в Китае: автореф. дис. ... канд. искусств.: 17.00.09 / Ицзуань Ху; Бел. Гос. университет культуры и искусств. — Минск, 2010.- 24 с.
5. Цао, Шули. Особенности развития камерно-вокальных и хоровых жанров в музыке Китая: автореф. дис. ... канд. искусств.: 17.00.09 / Шули Цао; Бел. Гос. университет культуры и искусств. — Минск, 2010.- 24 с.
6. Чжан, Жунь. Вокального исполнительского новое зрение о «Закон мелодии» Вэй Лянфу / Вестник «Музыкальное искусство» Шанхай консерватории // Жунь. Чжан, — Шанхай: Изд-во Шанхайской консерватории, 2008. — 103-107 с.
7. Цзюй, Цихун. История новой музыки Китая / Цихун Цзюй. — Хунань: Хунань мэйшу, 2002. — 238 с.
8. Юй, Исюань. Хрестоматия по вокально-исполнительскому искусству / Ю Исюань. — Пекин: Центральная консерватория. — 1980. - 280 с.
9. Ли, Пин. Современная народно-вокальная теория Китая / Пин Ли. — Хунань: Изд-во Хунаньского пед. ун-та, 2006. — 256 с.

Булыко Х. П.
Студентка филологического факультета,
Белорусский государственный университет

КИТАЙСКИЕ ИДЕАЛЫ

*Учитель говорил:
«Не огорчаюсь, если люди меня не пони-
мают, –
огорчаюсь, если я не понимаю людей»
[1, с.30].*

Китай – страна с богатейшей культурной, исторической, философской традицией, все подходы к жизни, работе и учёбе, бизнесу и международному сотрудничеству основаны на менталитете, определённых культурных идеалах. В нашей статье мы попытаемся с помощью анализа древнекитайской философии вывести основные качества, которые являются идеалом для китайского народа. В нашей работе мы не ставим задачи углубиться в философские течения Китая, напротив, мы попытаемся найти общие закономерности.

Например, в «Ши цзин» (XI – XVII вв. до н. э.), древнейшем памятнике китайского песенного творчества, о жадном чиновнике говорится следующее: «Ты, большая мышь, жадина, моего не ешь зерна. Мы трудились третий год – нет твоих о нас забот! Оставайся ты одна – есть счастливая страна, да, счастливая страна! В той стране, в краю чужом, правду мы свою найдём» [2, с. 81]. Образ большой жадной мыши, которая думает только о себе, здесь воспринимается в резко отрицательном ключе, что доказывает нам, что чиновник должен быть щедрым, честным и уважительным к народу, хотя большинство чиновников не обладали этими качествами.

Далее, в «Шу цзин», или иначе «Книге истории», находим следующее подтверждение тому, что важны именно эти качества: «Он сказал: «Выслушайте мои слова с пониманием и не делайте бесплодных [попыток] уклониться от послушания моим приказам. В древности, среди моих предков – мудрых правителей, не было никого, кто бы не проявлял заботу о народе (...)» [2, с. 102] Из цитаты видим, что мудрый правитель должен проявлять заботу о народе, а также можем судить, насколько важна преемственность традиции в Китае. Интересно, что в «Шу цзин» есть список способностей, которыми должен обладать человек. Приведём его здесь, поскольку это чёткое указание на идеалы: «Первая – внешний облик, вторая – речь, третья – зрение, четвёртая – слух, пятая – мышление. [Свойство] внешнего облика – это достоинство, речи – следование [истине], зрения – острота, слуха – тонкость, мышления – проницательность. Достоинство создаёт строгость [поведения], следование [истине] создаёт аккуратность, острота [зрения] создаёт прозорливость, тонкость [слуха] создаёт осмотрительность, проницательность создаёт мудрость» [2, с. 105]. В этом списке видим, как, по мнению древних китайцев, врождённые качества влияют на приобретаемые, а также можем проследить идеалы китайцев в момент появления этого литературно-исторического памятника.

Проведя небольшой анализ истоков китайской философии, перейдём непосредственно к философской традиции и начнём с произведений, лежащих в основе двух важнейших философских мировоззрений Китая – конфуцианства и даосизма.

«Дао дэ цзин» Лао Цзы, книга, которая лежит в основе даосизма, не противоречит сказанному выше, лишь дополняет его. «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа их любить и возвышать. Ещё хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает. Поэтому, кто не заслуживает доверия, не пользуется доверием [у людей], кто вдумчив и сдержан в словах, успешно совершает дела (...)» [2, с. 119] В дополнение к вышесказанному возникает идеал вдумчивости и сдержанности, а также способности заслужить доверие людей. Далее видим список отрицательных качеств, которыми мудрый человек обладать не должен: «Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блещит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, тот не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, тот не может стать старшим среди других» [2, с. 122]. Отсюда делаем вывод, что идеалами являются сдержанность и скромность. Далее видим подтверждение этого тезиса: «Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот [подобно] горному ручью становится [главным] в стране» [2, с. 123]. Далее: «Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов. Вот почему [народ] голодает. Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны. Вот почему трудно управлять. Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни. Вот, почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь» [2, с. 136]. Снова видим, что правитель должен знать меру, быть щедрым, вдумчивым и добродетельным.

«Лунь Юй» Конфуция до сих пор является настольной книгой в современном Китае. Что он может нам рассказать об идеалах китайцев, мы видим ниже. «Учитель говорил: «Правление, исходящее из благодати, подобно Полярной звезде: она стоит на своём месте, а все прочие звёзды вращаются вокруг» [1, с. 31]. «Князь Ай-гун спросил: «Как заставить народ повиноваться?» Учитель Кун ответил так: «Если возвышать честных над бесчестными, народ будет повиноваться. А если возвышать бесчестных над честными, народ повиноваться не будет»» [1, с. 32]. «Учитель говорил: «Осмотрительные редко ошибаются»» [1, с. 33]. «Учитель говорил: «Достойному мужу подобает быть неторопливым в словах и скорым в делах»» [1, с. 33]. «Учитель говорил: «Если естество в человеке одолевает культуру – получается дикарь. Если культура одолевает естество – получается книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать достойным мужем» [1, с. 36]. «Учитель говорил: «Да будь у человека способности хоть самого Чжоу-гуна, – если он чванлив и жаден, на прочее не стоит и смотреть» [1, с. 37]. Из приведённых выше цитат мы видим, что ценилась честность, осмотрительность, вдумчивость, умение при необходимости быстро принимать решения, чувство меры, щедрость, скромность, человечность. Далее, читая произведение, можно увидеть и другие примеры того, что в конфуцианстве идеальными являются именно эти качества.

Мо-цзы был одним из учеников Конфуция. Он организовал свою философскую школу – моизм. Далее попытаемся привести идеалы этой школы. «Если, управляя царством, не заботиться о служилых, страна будет потеряна. Встретить мудрого, но не поспешить [прибегнуть к его советам] есть беззаботность правителя» [2, с. 176]. Забота о служилых, привлечение к себе мудрых позволяет получить хороший совет. Из цитаты видим, что умение прислушиваться к советам также очень важно в китайском мировоззрении. «Благородный муж, стремясь вперёд, не теряет своей цели, внутренне размышляет об обстановке. Хотя трудно сделать народ счастливым,

но в конечном итоге [народ] не будет иметь озлобленности в сердце» [2, с. 176]. Здесь видим новый идеал – целеустремлённость, способность всё время двигаться вперёд. «Верхи должны иметь подчинённых, которые говорят правду в глаза. Когда в продолжительном обсуждении мнения [советников и правителя] расходятся, то [правитель] должен почтительно слушать, когда говорят правду в глаза. Именно в этом случае [правитель] будет долго жить и сохранит страну» [2, с. 177]. Из цитаты видим, что мудрый правитель ценит правду, и, следовательно, способность говорить правду в глаза является ещё одним идеалом китайского народа. «(...) Хотя правитель добр и мудр, он всё-таки не любит бесталанных, не имеющих заслуг приближённых. Хотя отец испытывает родительскую любовь, он всё-таки не любит сына-бездельника» [2, с. 177]. Сделаем небольшое пояснение. Талант в контексте китайской культуры воспринимается как умение, навык делать что-то на высоком уровне. Отсюда становится понятным, что ещё один важный идеал китайцев – трудолюбие.

В древнем Китае было множество философских учений, но названные выше составляют основу китайской философии в целом. Из приведённых выше цитат мы можем увидеть, что набор качеств, которые ценятся в Китае намного шире, чем те, что перечисляются в традиционных исследованиях. К примеру, «благородный муж» (цзюнь-цзы), – субъект социокосмической середины, гармонично сочетающий в себе естество (чжи) и культуру (вэнь). «Благородный муж» возделывает почву семейных отношений — «почитание родителей и старших братьев», на которой вырастает человеколюбие (жэнь), выражающее сущность человека. Человеколюбие дает движущий импульс долгу, ритуалу, доверию, мудрости/знанию, т.е. всем остальным духовным элементам архетипа у син, и приводит к рождению дао»[3], говорит философская энциклопедия о конфуцианстве. Но, как мы могли убедиться из цитат, идеалы народа к этому не сводятся, они шире и ярче.

Литература:

1. Коллектив авторов. «Из книг мудрецов. Проза древнего Китая. Перевод с китайского». М.: Художественная литература, 1987 – 351 с.
2. Коллектив авторов. «Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах». М.: Издательство социально-экономической литературы: «Мысль». Академия наук СССР, 1972 – 363 с.
3. Философская энциклопедия. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://dic.academic.ru>. – Дата доступа: 29.11.2011г.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ОПЕРЫ В XX-ОМ ВЕКЕ

За последнее столетие в истории Китая бывали потрясения и стабильность, прогресс и упадок. За сто лет Китай пережил исключительно важный период, подвергся грандиозным преобразованиям. Культура – воплощение эпохи, поэтому современная китайская опера имеет очевидные обусловленные временем особенности.

С характерными признаками времени в китайской опере можно ознакомиться в трудах ученых-исследователей.

Мань Синьин в своей докторской диссертации «Рождение китайской оперы» пишет, что до образования КНР китайская опера пережила 3 периода:

Первый период – период «вынашивания». Продолжался он с конца правления династии Мин, начала правления Цин до образования национального государства. В этот промежуток времени западная опера распространялась и накапливалась на китайской земле, пока не послужила толчком для развития местных музыкальных драм. Вместе с тем, началось проникновение западной оперной концепции в концепции китайской музыки и драматического искусства.

Второй период – период «рождения» китайской оперы. Длился он начиная с образования национального государства и до борьбы с интервентами. В этот период Шанхай стал местом рождения китайских опер, здесь появилось большинство ранних опер: «драматических спектаклей с песнями», детских опер-балетов и преобразованных опер.

Третий период – развитие китайской оперы. В этом периоде, особенность отношения людей к опере заключалась в том, что происходил разрыв первоначальных представлений, особенно даосской концепции Высшей чистоты. Первый подъем китайской оперы этого периода ознаменовался появлением «Седой девушки», «Цю Цзы», «Мэн Цзянню».

Это была периодизация оперы с точки зрения локализации исторического процесса. Что же касается собственно оперы, то она начала свое развитие в начале XX века. Таково заключение современных китайских специалистов по истории музыки.

В отредактированном **Юань Цзяцзюнем** сборнике «Общая история китайской музыки» разделение современной оперы просто. Существует три типа оперы: новая опера начального этапа (20-е гг. XX века – 1938 г.), яньаньская оперы (1938 – 1949 гг.), гоминьдановская опера и опера оккупированных районов (1938 – 1949 гг.).

Профессор **Лян Маочунь** в книге «Современная музыка Китая: 1949-1989» уделил главу рассуждениям об истории развития китайской оперы и разделил развитие оперы этого периода на следующие этапы:

1. 1949 – 1957 гг. – «начальный период процветания»: с 1949 г., когда была образована КНР, до 1957г., когда произошел «диспут о новой китайской опере», в течение 8 лет продолжался первый этап развития оперы данного промежутка времени.

2. 1959 – 1966 гг. Период «обильного урожая»: с 1959 г. до 1966 г. появились такие оперы как «Весенний гром», «Красные кораллы», «Сестра Цзян», «Аигули» и

др. Это были более зрелые, в сравнение с первым периодом, произведения. Данные оперы отличались более глубоким воздействием на зрителя.

Опера моментально оказалась в фокусе внимания публики, это были тепличные, как никогда, условия для ее развития.

3. 1967 – 1977 гг. – десятилетие застоя – период «культурной революции». В этот период создание китайских опер значительно замедлилось, при этом постановки национальных опер вообще были прекращены. «“Культурная революция” по своей вредоносной и разрушительной для музыкального искусства (и оперы в частности) силе не имеет аналогов». [1, с. 257]

4. 1978 – 1989 гг. – период борьбы за выход из кризиса. С 1976 г. до конца 70-х. (всего за 3 года!) произошло возрождение опер второго периода, а также методов написания музыкальных произведений данного жанра. Вторую жизнь обрели оперы «Красногвардейский отряд Хунху», «Сестра Цзян», «Лю Саньцзе», «Аигули», а также «Седая девушка». В 1979 г. на высокий профессиональный уровень было поставлено создание новых опер. В данный период значительно обновился оперный репертуар КНР.

В книге **Цю Ячжоу** «Описание и применение на практике вокального искусства китайской оперы» китайская опера классифицирована по политическому признаку. Выделяется три периода:

1. Культурное движение «4 мая», стимулирующее возникновение китайской оперы;
2. Движение за выправление стиля в литературе и искусстве «яньань», когда китайская опера получила интенсивное развитие;
3. После 3 пленума ЦК XI созыва. «3 пленум ЦК XI созыва предоставил вариативные пути развития и разнообразия китайской оперы, появилась возможность тесного переплетения и сочетания разных видов искусства, таких как искусство декораций, вокальное искусство, новое искусство создание электронного звучания» [2, с. 2].

В тексте книги автор, подразделяет процесс развития китайской оперы с точки зрения ее развития, а также места в исторической системе на 4 периода: зарождение (1920 – 1942 гг.), стандартизация (1943 – 1956 гг.), зрелость (1957 – 1979 гг.), коренное преобразование (1980 г. – настоящее время).

В 2007 году **Сюн Янь** в своей дипломной работе «Подавление характеров героинь китайских опер 1957 – 1966 гг.» искал ключ к изменениям женских характеров в китайских операх. Он подразделил историю оперы на 3 периода: 1920 – 1957 гг., 1957 – 1966 гг., после 1976 г. Он считал, что эти три периода совпадают с периодами, принятыми в музыкальном сообществе для подразделения истории развития оперы.

1. Описание подавленного женского образа (1920 – 1957 гг.). Это сложный период перехода китайской оперы от прообраза к обретению национального характера. В этот период положение героини китайской оперы отображает занимающих низкое социальное положение женщин, они не образованны, влекут бедное, безрадостное существование, поэтому в результате создания музыкального образа получается подавленный характер.

2. Воплощение образа женщины-героини (1957 – 1966 гг.). Это время зрелости китайской оперы. Это время создание героических образов в литературе и искусстве, этот период представлен операми «Красногвардейский отряд Хунху» и «Сестра Цзян». Героини этих опер имеют общие черты: 1) любовь и революция тесно переплетены, женщины отказываются от эмоциональной зависимости, преодолевают

классовые препятствия и освобождаются как личности; 2) женщины, которые проходят через тяжелейшие испытания и через бунт и присоединение к революционному движению, тем самым обретая новую жизнь; 3) эти женщины исключительно бесстрашны перед лицом трудностей, их воля непоколебима, они противостоят угнетению, и их выбор неизменен, они не боятся никаких испытаний; 4) подобно мужчинам, они несут на своих плечах тяжкое бремя революционной борьбы, при необходимости они берут на себя руководство революционными отрядами.

3. Постепенное «смягчение» женских образов (начиная с 1976 г.). Это продемонстрировало возрождение китайской оперы, которая обрела второе дыхание. Опера «Равнина» считалась одной из лучших представительниц нового этапа развития китайской оперы, последовавшего за периодом «культурной революции». Опера «Равнина» распахнула двери в третий период подъема китайской оперы. Женские образы этого периода постепенно теряют свою политическую акцентуацию и формализм, женский пол стал рассматриваться более объективно, начал приобретать свои характерные черты.

Чжань Цяолин в статье «Беседы о развитии китайской оперы в XX веке» указывает: китайская опера развивается с 20-х гг. XX века и уже прошла в своем становлении 3 этапа, пережила 3 взлета, и каждый из периодов имеет знаковые оперы, такие как «Седая девушка», «Красногвардейские отряды Хунху», «Сестра Цзян», «Равнина». Следовательно, выделяются следующие этапы развития китайской оперы:

1. «Зачаточный» период: 20-е гг. XX века – образование КНР в 1949 г.

Оперы-балеты Ли Цзиньхуэя, начиная с работы «Ребенок и воробей» (1921 г.) до «Маленького художника» (1928 г.) – типичные представители раннего периода «прорастания». Знаковым произведением этого периода может считаться и созданная в 1935 году Тянь Ханем и Не Эром опера «Шторм на реке Янцзы». В этом произведении соединены драматический спектакль и пение. С помощью большого количества арий авторы добились углубления основной проблематики, при помощи диалогов – развития сюжета.

2. Десятилетие с образования КНР в 1949 по 1959 – время заметного прогресса китайской оперы.

Период от образования КНР до «Великой культурной революции» (1949 – 1966 гг.) ознаменовался тем, что под девизом центрального руководства партии «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», провозглашенным в 1956 году, были созданы прекрасные оперы «Женитьбы Сяо Эрхэя», «Заря», «Степная песнь», «Алое солнце горы Кэшань», «Весенний гром», «Красные кораллы», «Сестра Цзян».

3. Период, начиная со 2-го года после 3-го Всенародного собрания XI созыва (1979 г.) и премьеры серии произведений на столичной сцене, приуроченной к 30-летию образования КНР. Эти премьеры продемонстрировали возрождение китайской оперы и ознаменовали начало второго периода ее развития.

По сравнению с первым периодом развития оперы, второй период ясно показал широту и богатство содержания созданных в это время произведений. «Утренняя звезда», «Роскошная свадьба», «Звездный свет, звездный свет», «Сто миллионов матерей» – произведения, относящиеся к этому периоду.

4. После создания большого количества новых опер в 1976 году (среди них были как высокопрофессиональные так и неоднозначные произведения), вскоре начался «оперный кризис». Это, прежде всего, означало кризис творческой мысли и

качества художественных произведений. «Замысел и воплощение нового произведения были сырыми: либо знакомую всем историю пересказывали старыми до невозможности средствами, либо использовались набившие оскомину шаблоны, либо переливали из пустого в порожнее, либо в погоне за возвышенным, благородным сюжетом артисты превращали оперу в запутанную головоломку» [3, с.36].

5. Опера «Равнина» в январе 1992 года покинула пределы государства и, показанная в культурном центре Кеннеди в Вашингтоне (США), имела огромный успех. Успех китайской оперы за рубежом означал, что китайской опере пришлось время представить себя всему миру. Несомненно, этот факт имел историческое значение. Это также означало, что наступил третий подъем этого вида искусства. Увидели свет восхитительные оперы «Была гора», «А Лилан», «Возвращение домой», «Дочь партии».

Тянь Яжу в труде «Размышления о трех подъемах в истории китайской оперы» на основании репертуара оперных театров выделяет три основных периода развития оперы: «1) первое монументальное произведение китайской оперы – «Седая девушка» (1945 г.); 2) «Цзян Цзе» (1964 г.) – еще один пик в этом жанре; 3) вершина современной китайской оперы – «Равнина» (1987 г.)» [4, с. 19-22]. Автор считает, что путь китайской оперы проходит от сырого до зрелого, от простого к сложному, и успех очевиден.

При написании музыки для опер часто использовались народные песни и мотивы традиционных пьес. Второй период наступил через более чем 10 лет после появления «Седой девушки», это так называемое «урожайное время», когда было создано большое количество прекрасных произведений, таких как «Красногвардейский отряд Хунху», «Весенний гром», «Лю Саньцзе», «Алое солнце горы Кэшань», «Сестра Цзян». Опера «Сестра Цзян» имеет большую эстетическую ценность, она является знаковой. Это новая веха в развитии китайской оперы после «Седой девушки». В третий период, начавшийся после эпохи 80-х, китайская опера приобрела новую форму и содержание. Было создано множество произведений, например, «Утренняя звезда», «Воспоминания о матери», «Роскошная свадьба», «Весенний гром», «Первая невеста столетия», «Равнина». Успех оперы «Равнина» определил направление развития этого вида искусства в будущем. Произведение новаторское, смелое, с тонким художественным замыслом, отчетливой музыкальной формой – все это привлекает внимание слушателей; поэтому именно «Равнина» открыло новый этап подъема китайской оперы.

Ян Шугуан и Цзинь Юнчжэ в новейшем исследовании под названием «Исследование исполнения китайских народных опер» выделили несколько продолжительных периодов, исходя из истории развития китайского оперного искусства и соотношения развития китайской оперы к развитию вокального искусства. Это следующая периодизация: «оперы периода 20-е гг. XX века – образование КНР», «оперы периода, начавшегося с учреждения КНР и продлившегося до «культурной революции»», «оперы периода, начиная со времени «реформ открытости» и до настоящего времени» [5, с.168-177+216].

Ли Шудань в «Беседах о силе художественного воздействия вокала китайской оперы» в связи с происходившими в истории Китая в XX веке движениями за идеологическое раскрепощение, выделил три периода: «1. движение «4-е мая» (1919 г.) – создало условия для «прорастания» искусства китайской оперы; 2. движение за выправление стиля в литературе и искусстве «яньань» – способствовало стремительному развитию китайской оперы; 3. Третий пленум ЦК XI созыва (1979 г.) – открыл

широкий путь для творчества и мышления в целом. По сей день развитие и взаимодействие таких видов искусства как театральное, вокальное, композиторское продолжается» [6, с. 89-91].

Ху Шипин в «Разговорах о китайской народной опере» подразделяет развитие китайской оперы на четыре этапа. В статье автор не указывает четких временных рамок каждого из этапов. Однако из содержания статьи можно определить такую последовательность развития китайской оперы:

1. От детских опер-балетов до зарождения современной оперы (1920 – 1945 гг.);

2. Первый подъем китайской оперы (1950 – 1957 гг.);

3. Второй подъем китайской оперы (1957 – 1966 гг.);

4. Возрождение этнических опер с учетом ошибок прошлого (после 1979 г.).

Дун Бин в труде «Ретроспективный взгляд и размышления о развитии китайской национальной оперы» на основании выделения важнейших произведений подразделяет историю развития китайской оперы на следующие периоды: период первый: оперы наподобие «Седой девушки», созданные до 1949 года; второй период: произведения наподобие опер «Красногвардейские отряды «Хунху», «Красные кораллы», «Сестра Цзянь», «Айгули», созданные с 50-х годов до «культурной революции»; 3. Третий период: представлен операми «Скорбь об усопших», «Олэй Илань», «Возлюбленный», «Дочь партии», написанными после «культурной революции».

Из результатов вышеуказанных исследований можно сделать вывод, что хотя есть разные точки зрения на периодизацию развития современной китайской оперы, но в основных позициях мнения авторов совпадают. Это дает нам возможность объективного восприятия процесса формирования и развития китайской оперы. На основе данных исследований можно выделить неоднородность развития оперного искусства Китая, а также представить дальнейшие пути развития оперного жанра, выделив знаковые произведения и средства выразительности, способствующие успеху данных опер на китайской, а также мировой сценах.

Литература

1. Лян, Маочунь. Современная музыка Китая: 1949—1989/ — Шанхай: Шанхайской академии музыки, 2004, 257 с.
2. Цю, Ячжоу. Описание и применение на практике вокального искусства китайской оперы/— Кайфын: Хэнаньский университет, 2009, 363с.
3. Цзюй, Цихун. Современная опера моими глазами. //—Шанхай: «Оперное искусство», 1986, №.2.
4. Тянь, Яжу. Размышления о трех подъемах в истории китайской оперы. // —Пекин: «Народная музыка», 2004, №.4.
5. Ян, Шугуан. Исследование исполнения китайских народных опер. /Шугуан Ян, Юнчжэ Цзинь, //— Пекин: «Китайская музыка», 2010, №. 2.
6. Ли, Шудань. Беседы о силе художественного воздействия вокала китайской оперы. //—Шеньян: «Новое звучание Музыкальной палаты» 2006, №.3.

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ В КИТАЙСКИХ ХОРОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А CARPELLA

На территории современного Китая монгольский народ проживает в основном в автономном районе Внутренняя Монголия, остальные регионы его расселения включают провинции Синьцзян, Цинхай, Ганьсу, Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян. Сами монголы называют себя «мэнгу», что в переводе обозначает «вечный огонь». Также они известны как «народ наездников». Монголы являются большими поклонниками музыкального искусства, обладающими вокальными и хореографическими талантами, они известны как «музыкальный», «поэтический народ». Монгольские народные песни стали известными благодаря величественности и грандиозности своего звучания, торжественным и переливчатым мелодиям. Эти песни отличаются богатством своего содержания, некоторые из них повествуют о любви и замужестве, некоторые воспевают коней, степи, горы и реки, некоторые славят героев этих степей и т.д. Все эти песни очень ярко и живо отражают нравы и обычаи монгольского общества. Использование монгольских народных песен в китайских произведениях для хора а carPELLa, с одной стороны, активно сопровождается заимствованием хоровых приемов современной и западной музыки; с другой стороны, использованию монгольских песен сопутствует раскрытие, наследование и развитие особых музыкальных традиций монгольского народа. В результате формируется оригинальное, специфичное, отвечающее духу эпохи хоровое искусство, которое не только отличается от западной хоровой музыки, но и отходит от простого воспроизведения традиционной монгольской музыки.

Данная статья рассказывает о трех основных наиболее характерных техниках монгольской народной песни: уртын дуу (протяжная песня), чаоэр, хоомэй, используемых в китайских произведениях для хора а carPELLa.

Протяжная песня (монг. уртын дуу) – один из ключевых жанров традиционной монгольской и бурятской музыки. Поэзия в протяжной песне варьирует в зависимости от случая исполнения; сюжет песни может быть философским, лирическим, религиозным и т.д.; зачастую в качестве связующей темы проходит образ лошади. Восточные монголы чаще всего аккомпанируют песне на моринхуре или лимбе; западные поют либо без аккомпанемента, либо подыгрывая на игиле. Для поэтики протяжной песни характерны лаконизм и куплетность, психологический параллелизм [1, с. 330].

Протяжная песня как один из ключевых жанров традиционной монгольской и бурятской музыки находит свое отражение в форме хоровой музыки а carPELLa в трех видах.

1) Использование протяжной песни уртын дуу в запеве произведений для хора а carPELLa

Основу монгольской народной песни составляет музыкальное мышление в виде простых мелодий, использование сольного пения, которому присущи сильная индивидуальность и отсутствие стесненности правилами. Для уртын дуу характерна особая песенная форма, богатая контрастными тембрами. Плавность мелодии, ши-

рокий диапазон, скачкообразность, протяжность, свободный темп, сильная импровизационная составляющая вкупе с уникальной манерой исполнения очень хорошо подходят для использования в качестве запева.

Например, в произведении для хора а cappella «Тоэге», необыкновенной, чарующей песне без слов, в действительности присутствует только одно единственное слово в полноценном смысле – «тоэге», но благодаря наложению голосов в хоре создается богатая сила художественного воздействия сочинения. Композитор использовал уртын дуу в качестве очень выразительного запева этого произведения для хора. Хор состоит из четырех голосов, он играет вспомогательную, подчеркивающую роль, это своего рода хорошая подложка для введения в запев уртын дуу. Слушатели как будто переносятся в бескрайние степи, простор которых пьянит их, переливчатая и неторопливая монгольская мелодия эхом отзывается у них в душе.

2) Использование уртын дуу в хоровом вокальном исполнении

Как было упомянуто выше, уртын дуу является очень индивидуализированной манерой исполнения, исполнителю очень сложно овладеть свободно раскрывающимся темпом и такой импровизацией исполнения. Еще сложнее для целого хора достичь согласованности и гармонии. Но благодаря усилиям композитора и усилиям участников хора овладение данной манерой пения становится возможным, и раскрывается вся её прелесть в произведениях для хора а cappella, особенно в песне «Одинокый белый верблюжонок». Основная вокальная линия ведется женской частью хора, нежное и печальное исполнение призвано тронуть сердце слушателя. Женская вокальная линия перекликается с мужской, создавая взаимодополняющие полутона.

3) Использование уртын дуу в отдельных частях произведений для хора а cappella

Часто для придания особой художественной выразительности, колорита, характерных исполнительских черт произведениям для хора в быструю мелодию вставляются медленные пассажи уртын дуу. За счет этого формируется четкий контраст между манерами исполнения. Например, такой прием использовал композитор Ала Тенгаолэ в своем произведении «Быстрый буланый жеребец».

«Чаоэр» является транскрипцией с монгольского языка, что в переводе означает «народная песня для двух голосов, в которой второй голос является низким подголоском». Эта исполнительская манера и ее приемы отличаются оригинальностью: сначала сильный мужской голос запекает основную мелодию в манере уртын дуу, играя роль интродукции. Спустя один такт следующий исполнитель или группа хористов сочно и выразительно затягивают низкий звук «о» в тонике или доминанте, создавая мощную опору для верхнего голоса. Два голоса вместе создают эффект безбрежности, глубины музыкального пейзажа, в котором низкий голос символизирует землю, погрузившуюся в состояние глубокого покоя. На основе, создаваемой низким голосом, солист в высоком регистре использует свой голос и фальцет в манере уртын дуу для исполнения изящной, красивой мелодии [2, с. 65-66].

В произведении для хора а cappella «Восходя подобно утреннему солнцу» известного китайского композитора Мерегджиха очень удачно используется эта древняя и традиционная манера исполнения. Нижний голос в чаоэр является манерой горлового пения и естественного грудного пения при поддержке дыхания (на дыхании). При использовании чаоэр певцам хора необходимо внимательно следить за расслабленностью горла, чтобы увеличить резонанс полостей головы и груди. Это создает эффект округлости, сочности, легкости. По причине изначальной завершен-

ности и трудности изменений этой манеры композиторы практически полностью сохранили ее изначальную форму, дополняя ее только в плане гармонических тембров и ширине регистров хора.

Хоомей – общеупотребительное название монгольского и тувинского горлового пения (тув. Хөөмей). Хоомей – один из пяти основных стилей тувинского народного горлового пения. Для наименования именно этой техники звукоизвлечения используется научный термин – хоректээр (петь грудью). Уникальность этого искусства заключается в том, что исполнитель извлекает сразу две, а иногда даже три ноты одновременно, образуя таким образом своеобразное многоголосное соло [3].

Хоомэй является древним и уникальным видом музыкального искусства, который находится на грани исчезновения в Китае. Но благодаря всесторонним усилиям в автономном районе Внутренняя Монголия снова начали изучать и воскрешать эту удивительную манеру исполнения.

Хоомэй использует уникальную вокальную технику, когда один человек одновременно поет две или три ноты, что создает очень редкий эффект полифонии. Вокалист использует технику задержки дыхания, когда воздух сильно воздействует на связки, в результате чего получается грубый звук лопающихся пузырьков воздуха – это является основой нижнего голоса. На основе этого происходит тонкая регулировка резонанса полости рта, которая призвана усилить и сосредоточить обертоны, в результате чего получается прозрачный, яркий верхний голос с характерным металлическим призвуком. Вместе два голоса создают необыкновенно красивый акустический эффект. В творчестве композиторы смело экспериментируют с этой манерой, используя хоомэй в своих произведениях для хора а cappella, достигая при этом удивительных эффектов.

Композитор Энкбаяр в третьей части своего произведения для хора а cappella «Одинокый белый верблюжонок» широко использовал хоомэй в качестве запева. Очаровательная сказочная мелодия как будто переносила слушателей в мир сна. Композитор также увеличил диапазон, что усложнило задачу для исполнителей, вместе с тем расширив границы исполнительской техники хоомэй, усилив выразительность произведения. В финале произведения «Хвала восьми великим скакунам» композитор также использовал манеру хоомэй для выражения радостного настроения, с которым воины возвращаются после одержанной победы.

Данная работа является знакомством с использованием монгольской народной песни в китайских произведениях для хора а cappella. Исследования этого традиционного искусства и его сочетаний с современным хоровым искусством имеют большое значение для сохранения исторической ценности монгольской народной песни в великолепии ее естественной формы и художественных черт монгольских степей, наследования и развития монгольского народного искусства и культуры, обогащения культуры и искусства китайского народа в целом.

Литература

1. Фролова Г. Д. Народная музыкальная культура // Г. Д. Фролова. – М., Наука, 2004. – 633 с.
2. Бу Хэчаолу. Исследование о монгольской народной музыке Чаоэр / Бу Хэчаолу, Ли взнь-чжэнь. – Пекин: Китайская музыка, 1992. – №1. – 86 с.
3. Материал из Википедии – свободной энциклопедии – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 08.10.2011.

Чжоу Тин
Магистрант,
Белорусская государственная академия искусств

ИСКУССТВО КИТАЙСКОЙ АВТОРСКОЙ КНИГИ

周婷
研究生
白俄罗斯国立艺术学院

中国古典书籍装帧艺术

中国的书籍有着悠久的历史，书籍的装帧形制，也是随着书籍的生产工艺和所用材料的发展变化而不断地演变着。中国初期的书籍可能早就产生了，但保存下来，传至今日的却没有。人们描述中国的初期书籍，多以商、周时期留存下来的甲骨文书、青铜器铭文、石刻文字等资料为例，但这绝不意味着中国的初期书籍到这时才产生。初期书籍，在时代上固然应该产生在正规书籍之前，但正规书籍产生之后，初期书籍仍在继续不断地产生。因为文字记录和档案材料随时随地都在产生。所以初期书籍，不仅是时间上的概念，还有形式和内容上的概念。

1. 甲骨文：

甲骨文是中国已发现的古代文字中时代最早、体系较为完整的文字，距今已有 3000 余年历史。甲骨文主要指殷墟甲骨文，又称为“殷墟文字”、“殷契”，是殷商时代刻在龟甲兽骨上的文字。19 世纪末年在殷代都城遗址（今河南安阳小屯）发现，继承了陶文的造字方法，是中国商代后期（前 14—前 11 世纪）王室用于占卜记事而刻写在龟甲和兽骨上的文字。殷商灭亡周朝兴起之后，甲骨文还延续使用了一段时期。当时为了便于保存，将内容相关的几片甲骨用绳串联起来，这就是中国早期书籍的装帧形式。

图 1：甲骨文

殷商时期，虽然人类社会有了很大的进步，但当时的人们，包括有文化的贵族和统治者及史官，仍然很迷信。凡遇有关国家的征伐、狩猎、畜牧、农事、灾害、疾病、祭祀等事，都要求神问卜。用龟甲和兽骨进行占卜，并在上面刻记占卜情况，可能是上古时期中华民族的习俗。

占卜的方法是，在占卜之前要先将龟甲的背面钻出圆形的深窝，或凿出梭形的浅槽，但不能透过骨面。占卜时，将所要问的事项先向神灵讲清，然后用燃烧着的木枝在深窝的中央或浅槽的边缘烫灼。甲骨一受热烤，就会在正面出现各种不同形状的裂纹。这种裂纹就称为“卜兆”。据说神灵的意志就从这些卜兆中委婉地表现出来。卜人就根据这种卜兆裂纹的粗细、长短、曲直、横斜、隐显等形状，来判断所问战争的胜负、狩猎的得失、农业的丰歉、疾病的轻重、风雨的有无等。占卜完毕，把占卜的时间，占问的事项、占卜的结果、卜人的姓名及事后应验的情况，都镌刻在卜兆的附近。这种文字因为是镌刻在甲骨上，所以称为“甲骨文”。又因为是占卜的记录，所以也称为“卜辞”。这些卜辞虽然都是占卜的记录，不同于专门记事的甲骨，但从它们具有的占卜时间、占卜事项、占卜结果、应验情况、卜人姓名等看，也未尝不是史实的记载，颇有后世正规书籍的某些意味。且也中间钻孔，串连成册，有次序地保管收藏。所有这些都说明殷周时期的甲骨，有记事的内容、有装订的形式，所以我们把它们看成是中国初期书籍的形式之一。

图 2：甲骨文（拓本）

图 3：甲骨文

目前大约有 15 万片刻有文字的甲骨从殷墟出土，分藏在中国及全世界各地。研究这些甲骨的中外知名学者大约有三四百人，写成了 1000 多种甲骨文研究专著，遂使甲骨之学成了一门独立的学问。从甲骨文已识别的约 1500 个单字来看，它已具备了“象形、会意、形声、指事、转注、假借”的造字方法，展现了中国文字的独特魅力。

2. 青铜器铭文：

在甲骨文盛行的商周时代，还有铸刻在青铜器上的铭文流行。青铜是铜与锡的合金。它的主要成分是铜，因为加进了一定比例的锡，铸造出来呈青灰色，所以称为“青铜”。用青铜制造的器皿，就叫“青铜器”。铸刻在青铜器上面的文字，就称为“铭文”，青铜器铭文的字体主要为篆书，多铸刻在青铜器的内底、盖内。也称为“金文”、“钟鼎文”。

图 4：钟鼎文

铭文始见于商代早期，商代中晚期逐步增多，但文字均较短，最短者仅一二字，最长者也不超过 50 字。内容大多较为简单，主要为所有者的族名、祭祀对象、作器者名、用途等。但已经具备结构、章法和用笔这三个构成书法艺术的要素。西周是铭文发展的鼎盛期，铸铭青铜器大量出现，铭文字数大幅度增多，铸于器物的腹部、肩部等显著位置。

铭文内容颇为广泛，多与王室事务相关，涉及到分封、赏赐、册命、征伐、法律诉讼、土地转让等多方面，具有书史的作用。书体风格多样，在中国古代书法艺术史上占有最辉煌的一页。错金铭文的出现，增强了文字的华贵优美。战国青铜器铭文内容书史作用淡化，刻铸工艺不如西周，但错金铭文工艺大发展，书体多变，鸟虫书等艺术字体，具有浓郁的地方特色和丰富多样的风格。秦汉铁器兴起，青铜器减少，铸刻铭文的青铜器衰落。但书体从大篆向小篆过渡、隶书臻于成熟的演变过程在铭文上得到印证。秦汉以后，青铜器使用范围缩小，铭文主要反映在青铜印玺与钱币上。青铜器铭文内容具有丰富的史料价值，是文字学和训诂学的珍贵资料。铭文书法是中国书法艺术的源头之一，是中国古代书法艺术的杰出代表，对书法艺术的研究具有重要意义。

图 5：钟鼎文（拓本）

图 6：钟鼎文（拓本）

青铜器在商周时期是极受珍重的器具。它的品类很多，大体上可分为礼器、乐器、兵器、食器以及其他日用器具。这些东西当时都是贵族统治阶级的专用品。特别是其中的礼器，也称为“吉金”，更是贵族统治阶级的传家宝，只有在举行大典或隆重祭祀时才能动用。尤其是礼器中的大鼎，是统治阶级权力的象征，被视为国家重器，必须极力保护，不能失掉。如果是易主失掉，就表明是国家政权被摧毁了。因此，后世朝代的更迭常被说成是“鼎革”，其出典便来源于此。春秋战国时期，交战双方凡一个国家被消灭，就一定要“毁其宗庙，迁其重器”，也是表示鼎革之义。所以在战争中将要失败的国家，就常常将这种重器埋藏地下，只要重器不失，就意味着他的国家尚未最后消亡。贵族死后，也常常将生前使用的青铜器殉葬，继续表示死者的地位和尊显。所以从西汉起，历代都有青铜器的出土和发现，迄今已得几万件，其中带有铭文的也有一万 multiple 件。

最初的青铜器上只铸刻所有者的名字。随着青铜器的被珍重，贵族及其统治者便把需要长期保存的重要文件、需要永久纪念的重大事件，铸刻在青铜器上。这样，铭文的字数也就不断增多加长。例如西周初年的宜侯矢簋、周康王时的大盂鼎，郑国、晋国的刑鼎，以及传世或出土的毛公鼎、散氏盘、虢季子白盘、史𪔐盘等，就都是铭文较长的青铜器。最长的是西周晚期的毛公鼎，其铭文已经长达四五百字了。这些铭文都很重要，它们从不同的角度反映了当时社会的各个侧面。至于郑国、晋国的刑鼎，则是直接把国家的法律铸刻在鼎上，目的是为了晓谕全国，一概周知，未尝不可以把它们视为最早的法律专著。所以过去有人将这些带有铭文的青铜器就称为“青铜书”，虽然未必十分确切，但把它们看成是中国初期书籍形式之一，则是毫无问题的。

3. 竹简和木牍：

中国古代真正的书籍形式，是从竹简和木牍开始的。竹简和木牍所开创的书籍形式和制度，对后来的书籍文化产生了深远的影响。“册”、“卷”、“编”等书籍的单位术语，一直延用至今。竹简和木牍在形式和用途上不完全相同。

竹简用的是皮薄而节长的竹子，先将圆竹锯成一定的长度，再破为一定的宽度，削光整平后，即成为“简片”。然后再用丝绳、麻绳、细皮条等分上下两道编连简片，即可用来书写文字。也有先写字，然后再按顺序编联成册的。竹子的外皮不易着墨，为了书写方便，须将竹子的最外皮削去，或在内里面书写。把竹子烘干这个工序称为“杀青”。

图 7：竹简

竹简是中国历史上使用时间最长的书籍形式。早在商代的甲骨文中就有“册”字，象征着一捆简片系二道书绳，而金文中的“典”字则表示“册”在几上。说明简策制度的起源可以上溯到商代，但其战国以前的简续实物，今天还未发现，在周代的文献中有许多关于用简读传递命令及公文的记载。

到了春秋战国时代，出现了在学术上百家争鸣的局面，竹简成为各家著书立说的主要形式。这时关于使用竹简的记载就更多了。例如，孔子晚年读“易”，致使“韦编三绝”，说明由于反复的阅读，致使编系竹简的绳子断了三次。

将字写在用竹、木削成的片上，称“竹木简”，如较宽厚的竹木片则叫“牍”。竹木简是古代用竹简和木简写成的书，是中国最早的书籍。竹子和木头都是常见而易得的东西，古代缺少合适的书写材料，人们就把竹子和木头削成狭长的小片，在上面写字著书。用竹子削成的狭长小片叫“竹简”，用木头削成的叫“木简”。每根

简上通常只写一行字，多少不一，最多的有 40 多字，最少的只有一二字，一般写 20 多字。

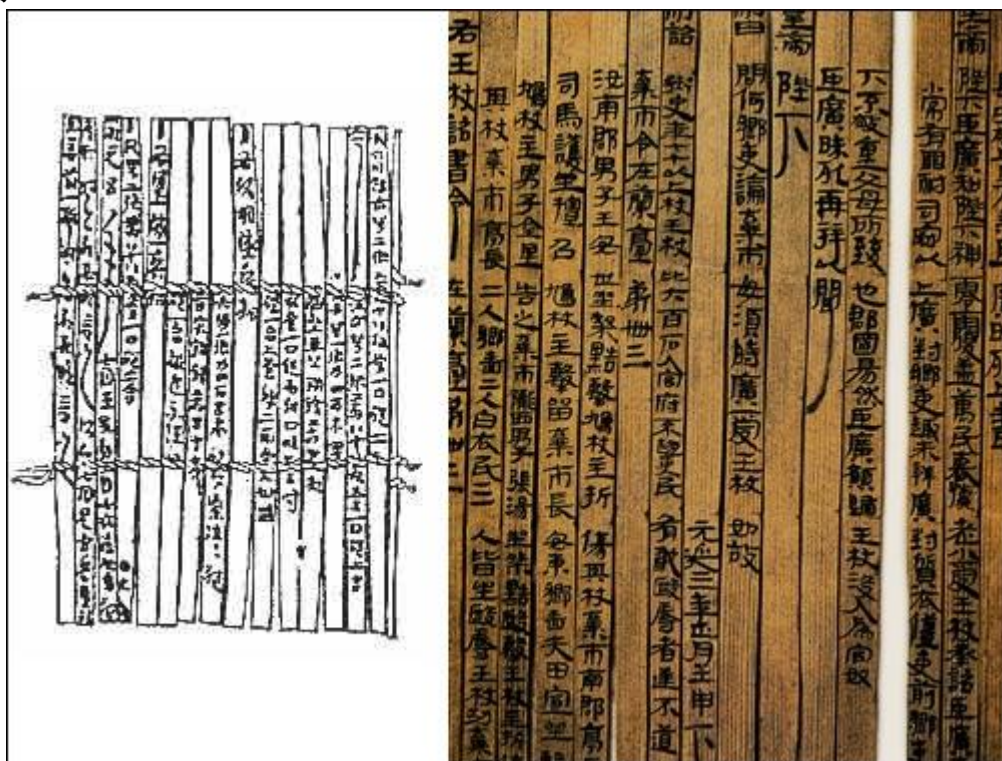

图 8：竹简及示意图

现在的书籍开本有大有小，古代的竹木简也有长有短，最长的 3 尺，最短的只有 5 寸。写一部书要用很多简，把这些简编连起来就成为书了。编连竹木简多用麻绳，也有的用丝绳（称“丝编”）或皮绳（称“韦编”）。一册书根据简的长短，决定用几道编，一般用二三道编，多的用四五道编。现在的“册”字，就是一个象形字，很像一根根简用绳子编连起来的樣子。

《尚书·多士》记载：“惟殷先人有册有典”，“册”、“典”指的就是用竹木简做成的书。商代的甲骨文中，也有这样形状的字“𠄎”，即“册”字。可见，竹木简书籍在商代就已经出现了。

4. 帛书：

帛书是略晚于竹简的一种书籍形式。所谓“帛书”，就是将文字、图象写绘于丝织品上的一种书籍形式，其装帧形制是缝边后成卷存放，在纸张未发明前，帛书是和竹简同时使用的一种书籍形式。但由于材料昂贵，多为统治者书写公文或作绘画用，一般书籍使用较少。

在先秦的一些著作中，往往是竹简和帛书并提，说明帛在当时已是一种书写文字的主要材料。中国目前现存最早的帛画是 20 世纪 30 年代在长沙的楚墓中发现的，另外还有山西侯马盟书等。无论是写在竹木简还是丝织品上的书体，都是战国时代的手迹。这些帛书墨迹，不仅是珍贵的文物，尤其对于研究书法史有着重要的史料价值。

图 9：帛书（丝帕）

在春秋战国时代，帛已经泛指所有的丝织物。当时，帛的用途相当广泛，其中作为书写文字的材料，常常“竹帛”并举，并且帛是其中贵重的一种。至迟汉代古籍上已有“帛书”一词，如《汉书·苏武传》载：“言天子射上林中，得雁，足有系帛书。”而帛书的实际存在当更早，可追溯至春秋时期，如《国语·越语》曰：“越王以册书帛。”不过，由于帛的价格远比竹简昂贵，它的使用当限于达官贵人。

现存最早的、春秋战国时代唯一的完整帛书，是 1942 年 9 月发现于湖南省长沙“子弹库楚墓”。根据同墓出土的帛书残片分析，可能原有帛书 4 件。完整的一件长约 33 厘米，宽 41 厘米，图文并茂，中间部分有两组方向相反的文字，一组 13 行，一组 8 行。整个帛书共 900 多字，内圆外方，修饰紧密。郭沫若在《古代文字之辨证的发展》中指出“体式简略，形态平扁，接近于后世的隶书”。

图 10：帛书（子弹库楚墓）

就帛书的书法艺术而言，其排行大体整齐，间距基本相同，在力求规范整齐之中又现自然恣放之色。其字体扁平而稳定，均衡而对称，端正而严肃，介于篆隶之间，其笔法圆润流畅，直有波折，曲有挑势，于粗细变化之中显其秀美，在点画顿挫中展其清韵，充分展示作者将文字艺术化的刻意追求。

帛书的画像列于文字的四围，先以细线勾描，然后平涂色彩，看似漫不经心随意绘出，却将 12 个神录描绘得姿态各异，活灵活现，他们或立或卧，或奔走或跳跃，个个栩栩如生。同时所绘神灵像又显示出很强的写实性，如一些神像身上的斑纹，描绘得细致真切，仿佛从虎豹身上揭来。特别是帛书四周所画的树木，随物赋形，繁枝摇曳，依像图貌，茂肚婆娑，可谓用笔之工、描绘之细分毫不爽。楚帛书不仅为中国古代艺术中的珍品，也是世界艺术史上的瑰宝珍奇。

5. 石经：

在石头上刻写文字，是上古人类许多民族都有的风气，中国也毫不例外。《墨子》书中多次提到“书于竹帛，镂之金石、琢之盘盂，传遗后世子孙”的话，这当中的“镂之金石”，就说的在金属器皿上和石头上刻字的事实。表明墨翟生活的春秋战国之际以前，的确有不少刻在石头上的文字。但直到今天为止，中国早期石刻文字发现得并不多。在现存石刻文字实物中，最早的要算是唐朝初年在陕西天兴(今陕西宝鸡)三畤原发现的 10 个形状似鼓的刻石。每个鼓身的周围都刻有文字，字体属于籀文，人们称它为“石鼓文”。石鼓文的内容，是一首颂记秦襄公田猎活动的四言长诗，全文约有 700 个单字。由于长期遭受自然和人为的损坏，剥蚀严重，全文早已模糊不清，其中一石的文字已荡然无存。从诗的内容看，虽然是歌功颂德，但它却是有意创作的诗篇。从载体上看，虽然是取石为料，却是有意地经过加工，造型似鼓，大概是取其容字面积最大。尽管仍不能像后世书籍那样展卷阅读，但它所具备的书籍意味，较比甲骨文书、青铜器铭文就更浓了。所以我们把这类早期石刻文字也视为初期书籍形式之一。

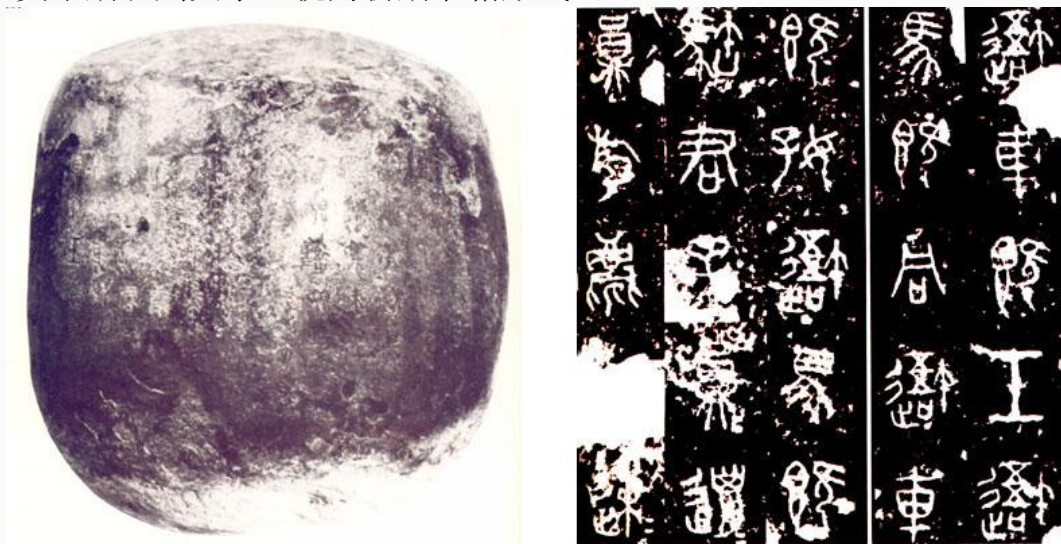

图 11：石鼓文及拓本

除了在石头上刻字，古人还有往石片、玉片上写字的习惯。这些书写在玉、石片上的内容，虽然都是古人盟誓的载辞，还远不是经过创作或编辑的正规著作，但它们却反映着彼时社会变革的信息，确也起着书籍的某些作用。所以把这些早期刻写在石质上的文字，也视为中国初期书籍的形式之一。

当然，以石头为材料来制作书籍，不仅早期如此，后世正规书籍也常采用石头为制作材料。如把儒家经典刻在石头上，有汉代的《熹平石经》、三国时魏的《正始石经》、唐的《开成石经》、五代的《蜀石经》、北宋的《嘉祐石经》、南宋的《御书石经》、清代的《乾隆石经》。把释家经典刻在石头上，有摩崖，有经幢，有石经。唐代中叶以后，有人把道家经典也刻在石头上了。

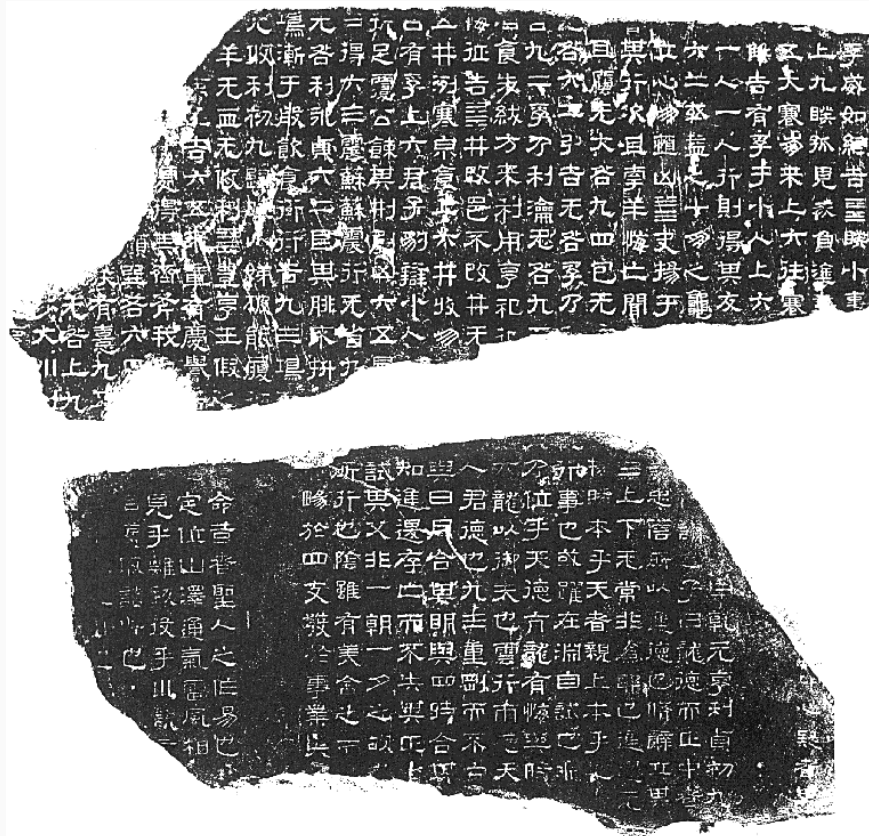

图 12：《熹平石经》拓本

最有代表性的是《熹平石经》，它开刻于东汉熹平四年（公元 175 年），将儒家七经刻于 46 块石碑上，总字数 20 多万字。它立于河南省洛阳太学门前，供人们阅读、传抄和校正，它的功能超过了一般书籍。其形制是双面刻字，文字竖向阅读，行列整齐，碑呈 U 字形排列。其它如隋代房山云居寺所藏《房山石经》规模最大，共 7000 多块石头，420 多万字。虽年代晚于《熹平石经》，但其影响更大，价值亦高。这些，与早期的石刻文字性质不同，已是地地道道的石头载体的书籍了。

6. 纸质书籍：

中国的四大发明有两项对书籍装帧的发展起到了至关重要的作用，这就是造纸术和印刷术。东汉纸的发明，确定了书籍的材质，隋唐雕版印刷术的发明，促成了书籍的成型，这种形式一直延续到现代。印刷术替代了繁重的手工抄写方式，缩短了书籍的成书周期，大大提高了书籍的品质和数量，从而推动了人类文化的发展。在这种情况下，书籍的装帧形式也几经演进。先后出现过卷轴装、经折装、旋风装、蝴蝶装、包背装、线装、简装和精装等形式。

如果只强调书籍是文字的载体这一概念，来为书籍下定义的话是不够的。石碑刻有精美的文字，布局可谓考究，大多还装饰以纹饰，标题、正文、落款等内容形式颇有书感，但是，石碑过于庞大，不易移动和传播交流，与真正意义的书

籍难以相提并论。为何纸的出现便迅速替代其它载体材质呢，因纸张轻便、灵活和便于装订成册的诸多优点，使得书籍才真正谓之为书。

（一）卷轴装 欧阳修《归田录》中说：“唐人藏书，皆作卷轴”，可见在唐代以前，纸本书的最初形式仍是沿袭帛书的卷轴装。轴通常是一根有漆的细木棒，也有的采用珍贵的材料，如象牙、紫檀、玉、珊瑚等。卷的左端卷入轴内，右端在卷外，前面装裱有一段纸或丝绸，叫做“镖”。镖头再系上丝带，用来缚扎。卷轴装的纸本书从东汉一直沿用到宋初。卷轴装书籍形式的应用，使文字与版式更加规范化，行列有序。与简策相比，卷轴装舒展自如，可以根据文字的多少随时裁取，更加方便，一纸写完可以加纸续写，也可把几张纸粘在一起，称为“一卷”。后来人们把一篇完整的文稿就称作一卷。隋唐以后中西方正是盛行宗教的时期，卷轴装除了记载传统经典史记等内容以外，就是众多的宗教经文，中国多是以佛经为主，西方也有卷轴装的形式，多是以圣经为主。卷轴装书籍形式发展到今天已不被采用，而在书画装裱中仍还在应用。

图 13：轴卷装

（二）经折装 经折装是在卷轴装的形式上改造而来的。随着社会发展和人们对阅读书籍的需求增多，卷轴装的许多弊端逐步暴露出来，已经不能适应新的需求，如果看阅卷轴装书籍的中后部分时也要从头打开，看完后还要再卷起，十分麻烦。经折装的出现大大方便了阅读，也便于取放。具体做法是：将一幅长卷沿着文字版面的间隔中间，一反一正的折叠起来，形成长方形的一叠，在首末两页上分别粘贴硬纸板或木板。它的装帧形式与卷轴装已经有很大的区别，形状和今天的书籍非常相似。在书画、碑帖等装裱方面一直沿用到今天。

图 14：经折装

（三）旋风装 旋风装也是在经折装的基础上加以改造的。虽然经折装的出现改善了卷轴装的不利因素，但是由于长期翻阅会把折口断开，使书籍难以长久保存和使用。所以人们想出把写好的纸页，按照先后顺序，依次相错地粘贴在整张纸上，类似房顶贴瓦片的样子。这样翻阅每一页都很方便。但是它的外部形式跟卷轴装还是区别不大，仍需要卷起来存放。

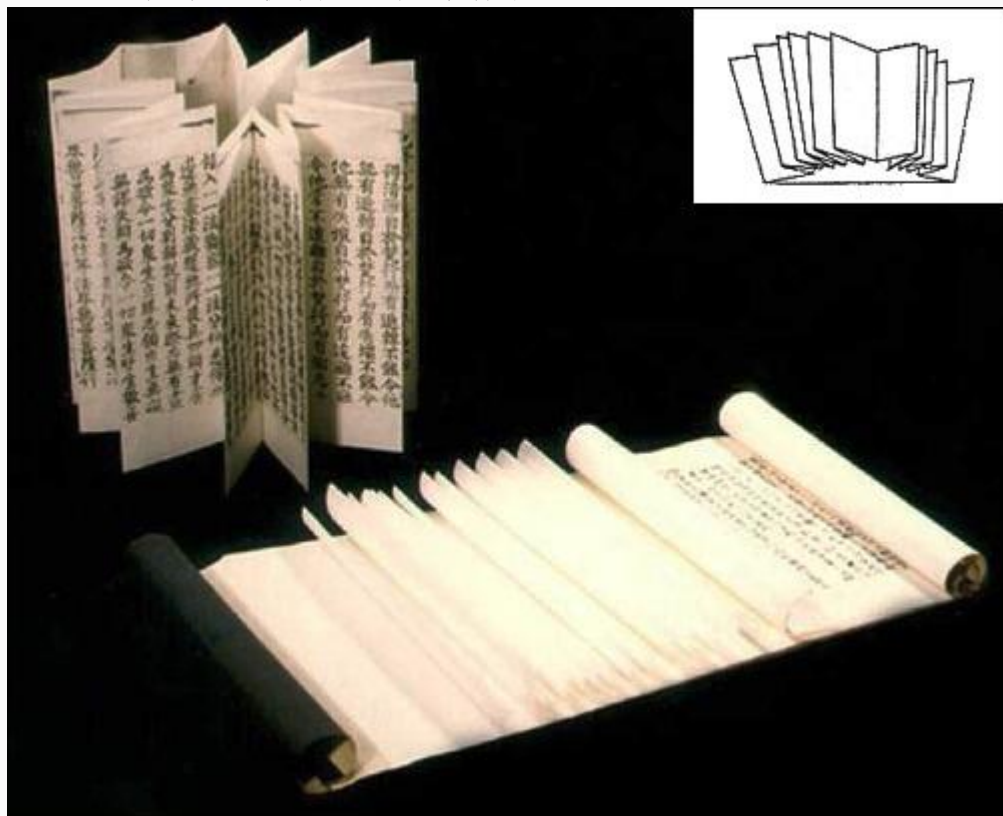

图 15：旋风装

（四）蝴蝶装 唐和五代时期，雕版印刷已经趋于盛行，而且印刷的数量相当大，以往的书装形式已难以适应飞速发展的印刷业。经过反复研究，人们发明了蝴蝶装的形式。蝴蝶装就是将印有文字的纸面朝里对折，再以中缝为准，把所有页码对齐，用糨糊粘贴在另一包背纸上，然后裁齐成书。蝴蝶装的书籍翻阅起来就像蝴蝶飞舞的翅膀，故称“蝴蝶装”。蝴蝶装只用糨糊粘贴，不用线，却很牢固。

可见古人对书籍装订的选材和方法上善于学习前人经验，积极探索改进，积累了丰富的经验。今天，我们更应该以发展的眼光，思考未来书籍装帧的发展，学习前人的经验，改善和创造现代的形式。

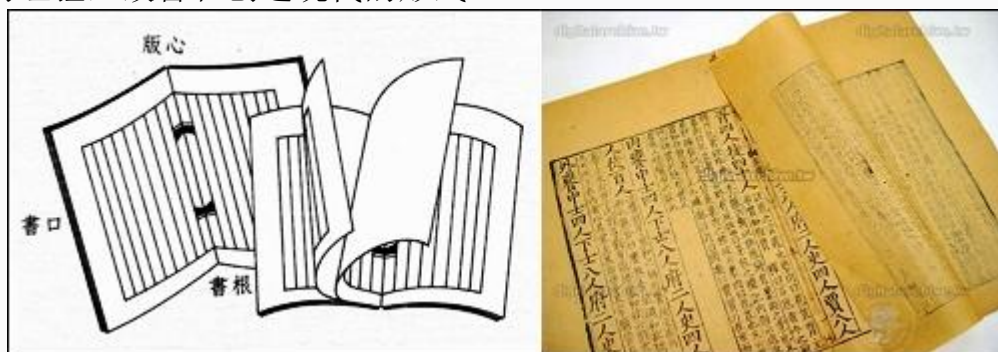

图 16：蝴蝶装

（五）包背装 社会是发展的，事物是进步的，书籍装帧势必要跟随社会发展的脚步不断改革创新才行。虽然蝴蝶装有很多方便之处，但也很不完善。因为文字面朝内，每翻阅两页的同时必须翻动两页空白页。张铨夫在《中国书装源流》中说：“盖以蝴蝶装式虽美，而缀页如线，若翻动太多终有脱落之虞。包背装则贯穿成册，牢固多矣。”因此，到了元代，包背装取代了蝴蝶装。包背装与蝴蝶装的主要区别是对折页的文字面朝外，背向相对。两页版心的折口在书口处，所有折好的书页，叠在一起，戳齐折扣，版心内侧余幅处用纸捻穿起来。用一张稍大于书页的纸贴书背，从封面包到书脊和封底，然后裁齐余边，这样一册书就装订好了。包背装的书籍除了文字页是单面印刷，且又每两页书口处是相连的以外，其它特征均与今天的书籍相似。

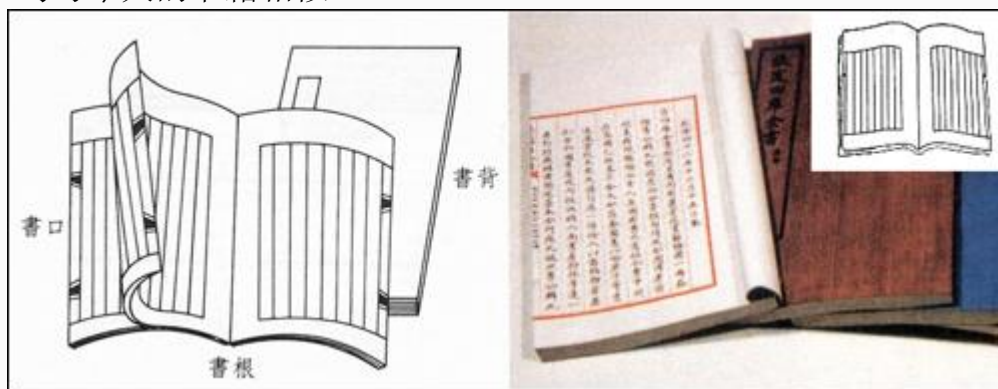

图 17：包背装

（六）线装 线装是古代书籍装帧的最后一种形式。它与包背装相比，书籍内页的装帧方法一样，区别之处在护封，是两张纸分别贴在封面和封底上，书脊、锁线外露。锁线分为四、六、八针订法。有的珍善本需特别保护，就在书籍的书脊两角处包上绫锦，称为“包角”。线装是中国印本书籍的基本形式，也是古代书籍装帧技术发展最富代表性的阶段。线装书籍起源于唐末宋初，盛行于明清时期，流传至今的古籍善本颇多。

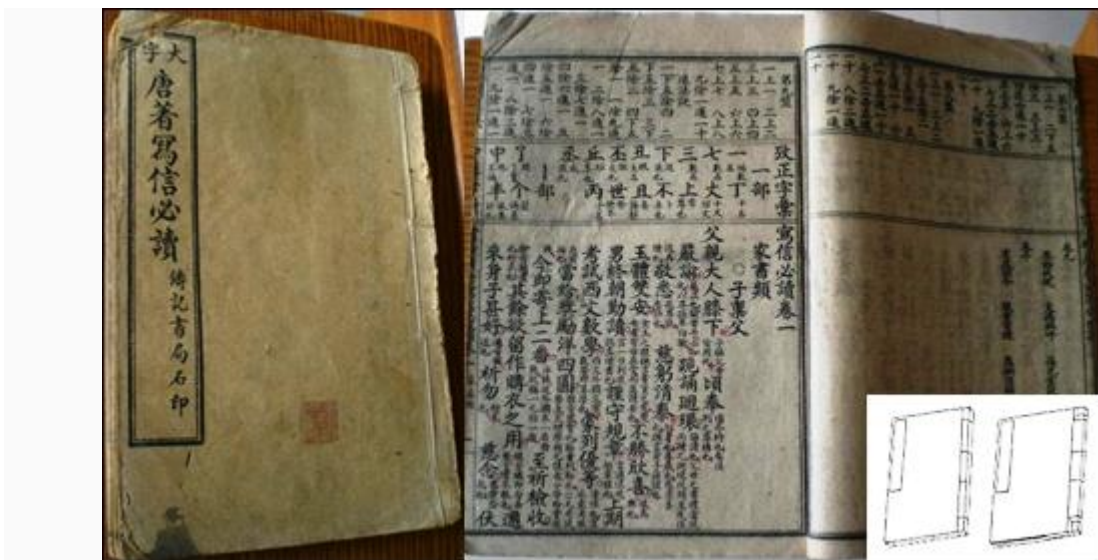

图 18：线装

（七）简装 简装，也称“平装”，是铅字印刷以后近现代书籍普遍采用的一种装帧形式。简装书内页纸张双面印，大纸折页后把每个印张于书脊处戳齐，骑马锁线，装上护封后，除书籍以外三边裁齐便可成书。这种方法称为“锁线钉”。由于锁线比较烦琐，成本较高，但牢固，适合较厚或重点书籍，比如词典。现在大多采用先裁齐书脊然后上胶，不锁线的方法，这种方法叫“无线胶钉”。它经济快捷，却不很牢固，适合较薄或普通书籍。在二三十年代到五六十年代前后，很多书籍都是用铁丝双钉的形式。另外，一些更薄的册子，内页和封面折在一起直接在书脊折口穿铁丝，称为“骑马订”。但是，铁丝容易生锈，故不宜长久保存。

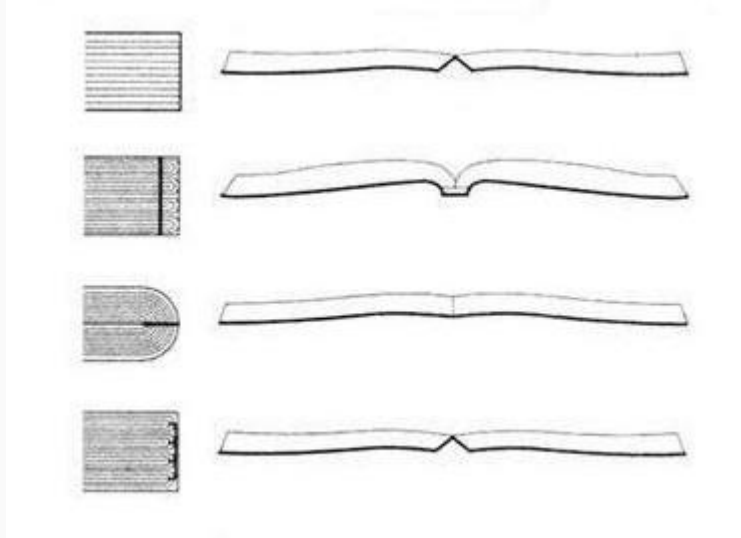

图 19：平装

（八）精装 精装书籍在清代已经出现，是西方的舶来方法。后来西方的许多像《圣经》、《法典》等书籍，多为精装。清光绪二十年美华书局出版的《新约全书》就是精装书。封面镶金字，非常华丽。精装书最大的优点是护封坚固，起保护内页的作用，使书经久耐用。精装书的内页与平装一样，多为锁线钉，书脊处还要粘贴一条布条，以便更牢固的连接和保护。护封用材厚重而坚硬，封面和封底分别与书籍首尾页相粘，护封书脊与书页书脊多不相粘，以便翻阅时不致总是牵动内页，比较灵活。书脊有平脊和圆脊之分，平脊多采用硬纸版做护封的里衬，形状平整。圆脊多用牛皮纸、革等较韧性的材质做书脊的里衬，以便起弧。

封面与书脊间还要压槽、起脊，以便打开封面。精装书印制精美，不易折损，便于长久使用和保存，设计要求特别，选材和工艺技术也较复杂，所以有许多值得研究的地方。

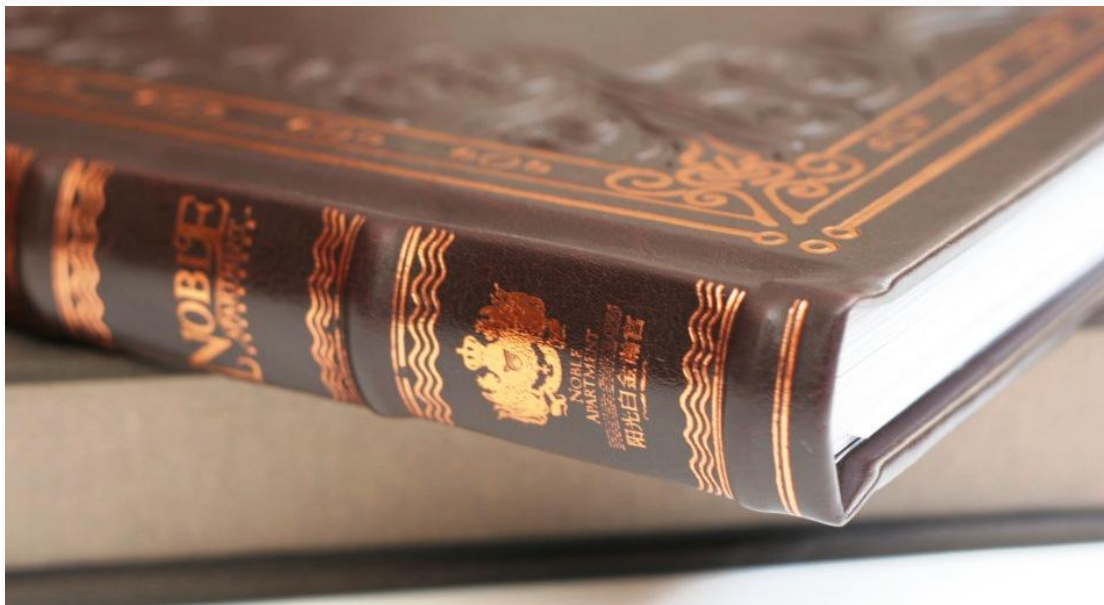

图 20：精装

另外还有流行于唐、五代时期的梵夹装（仿印度贝叶经的装帧形式，今天藏文佛经书仍用）和宋明以后的毛装（草装，粗糙、随便装订），因不具独特的装帧形式，故不再作细说。

中国书籍装帧的起源和演进过程，至今已有两千多年的历史。在长期的演进过程中逐步形成了古朴、简洁、典雅、实用的东方特有的形式，在世界书籍装帧设计史上占有着重要的地位。仅仅几千字难述全貌，细细研究颇感趣味浓厚，获益匪浅。在当今这个现代化潮流涌动的时代，每个出版人及书籍装帧设计师都面临着现代与传统的融合及冲突的问题，故步自封绝不可取，但丢弃泱泱五千年中华文明亦不可取。所以，研究书籍装帧设计历史的演变，总结前人经验，在此基础上摄入现代气息，是时不我待的事。

参考文献

1. 北京文物精粹大系，古籍善本卷 — 北京：北京出版社，2002。
2. 孙彤辉，书装设计 — 上海：上海人民美术出版社，2004。
3. 蔺德生、赵萍，古今图书收藏指南 — 天津：天津古籍出版社，2005。
4. 芦影，平面设计艺术 — 北京：中国人民大学出版社，2005。
5. 印刷之光-光明来自东方 — 浙江：浙江人民美术出版社，2000。

插图：

- 图 1：甲骨文
- 图 2：甲骨文（拓本）
- 图 3：甲骨文
- 图 4：钟鼎文
- 图 5：钟鼎文（拓本）
- 图 6：钟鼎文（拓本）

- 图 7: 竹简
- 图 8: 竹简及示意图
- 图 9: 帛书 (丝帕)
- 图 10: 帛书 (子弹库楚墓)
- 图 11: 石鼓文及拓本
- 图 12: 《熹平石经》拓本
- 图 13: 轴卷装
- 图 14: 经折装
- 图 15: 旋风装
- 图 16: 蝴蝶装
- 图 17: 包背装
- 图 18: 线装
- 图 19: 平装
- 图 20: 精装

葛萌

Аспирант кафедры теории музыки,

Белорусская государственная академия музыки

20 世纪初期俄侨音乐家的流入与中国西洋管乐的发展

中国是四大文明古国，五千年的文化历史孕育了我们值得骄傲的中华文明。四大发明更是为人类的进步做出了不可替代的作用。在音乐文化方面中国也是可以值得骄傲的，因为世界上迄今为止考古发现最早的吹奏乐器就是在中国的土地上发现的。

河南贾湖遗址中出土的一批精致骨笛，被专家认定为距今最早的吹奏乐器。这种骨笛是用鹤类长骨制成的，一般长度 20 多厘米，直径一厘米左右。最初可能用以诱捕鸟兽，后来逐渐演变为乐器，有竖吹和横吹两种。[5, C—5]制作十分的规范、精美，能够吹奏出六声音阶。制作方法和过程，与现在中国民族管乐器的制法很相似。它反映出的音律水平和计算水平之高，令人惊叹。这种骨笛大约距今八千至九千多年的历史，不仅远远早于美索不达米亚的乌尔古墓出土的笛子，也比古埃及第一王朝时期陶制器皿状笛子和在化妆版上刻画的笛子形象早。[1, C—7]

还有用陶土制成的只有一两个音孔的陶埙，近年来也随着考古的发展而揭开了它神秘的面纱，据考古证明此类乐器也具有着六七千年的历史。可见吹管乐器产生之早，历史之悠久。[6, C—2]

古代中国的音乐演奏文化十分丰富，传统的乐队包括近百件乐器。管乐有类似长笛型的，如：箫、排箫等，它们有非常柔和的声音。双簧类的，有唢呐和管子，声音比较尖锐和响亮。还有带一些带有或者不带有漏斗型嘴子的金属乐器，它们用得较少。传统的乐队包括近百件乐器，他们主要用于军事目的。[2, C—26]

中国明清时期，对外交往保守，闭关锁国，和国外无论经济还是文化方面，交往甚少。所以对西方现代音乐文化知之甚少。1840 年鸦片战争以后，西方列强开始对中国开始了长达几十年的殖民统治，除了经济侵略意外，西方各国还将自己国家的文化带到了中国，这其中包括西方的音乐文化。

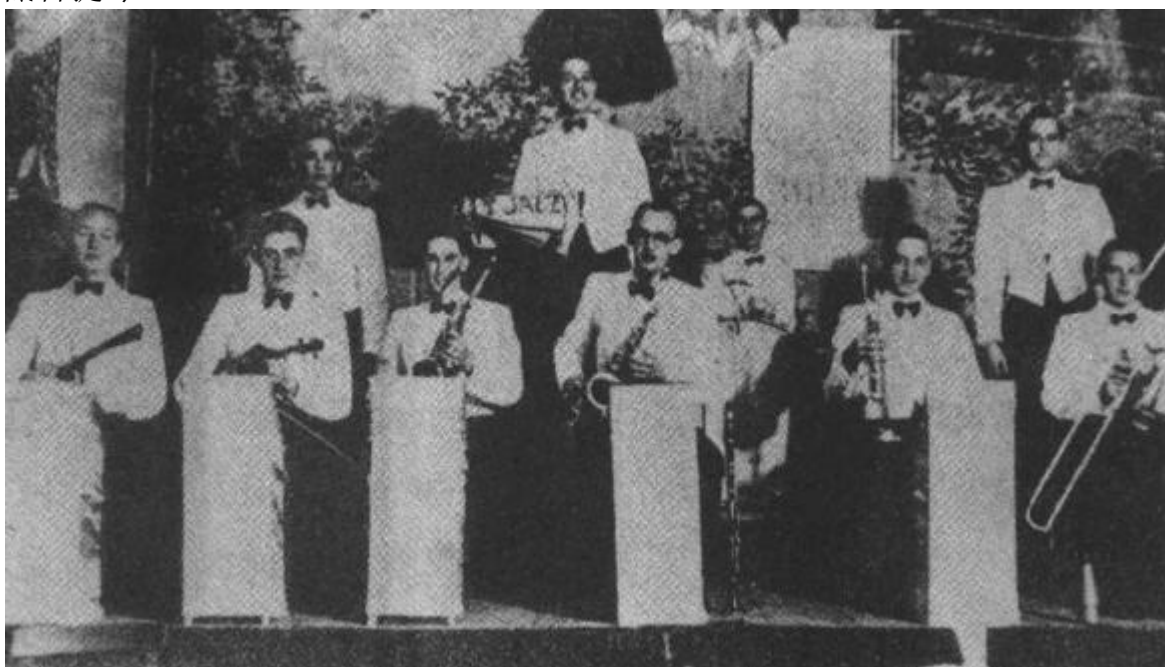
在 19 世纪 90 年代当时的清政府组建了中国历史上第一个军乐队，并演奏了自己的曲目，并编著了中国第一本管乐书籍《军乐稿》，这一时期是中国接触西方现代管乐艺术的开始，但随着清政府的瓦解，这只管乐队如同昙花一现，淹没在历史的长河中。

20 世纪初期，苏联十月革命以后开始有大批的白俄罗斯，乌克兰人流亡中国，在这些人中间有很多，歌唱家，演奏家，他们一部分留在中国的东北地区，一部分到达上海。

这些音乐家为了生活开始演奏演出，教授学生，这些音乐家中有一部分管乐演奏家开始组建乐团，当时在哈尔滨和上海也分别成立了有白俄罗斯人组建的吹奏乐团和管弦乐团。这也使得西方现代管乐艺术在中国飞跃发展。[2, C—26]

例如当年，有一座“上海饭店”，其二楼是舞厅，内有两个水平高超的乐团轮番演奏乐曲，一个称做“探戈”乐队，另一个称做“爵士”乐队。“爵士”乐队中有三支长号、三支萨克斯管、一个低音提琴、一个架子鼓。毕业于德国汉堡

音乐学院手风琴专业的捷克侨民 Блайц 在“爵士”乐队中吹长号，俄侨 Юра 在此拉低音提琴。

1934 年，在哈尔滨的西洋音乐历史上出现了爵士乐队、这个乐队的成员不仅是俄侨，而且近包括当时哈尔滨工业大学的学生。

爵士乐队成员中,О.Л.Лундстрем、Александр Гравис 演奏班卓琴和低音提琴，Игорь 吹高音萨克斯，Лундстрем 大吹长号，小号手由 Алексей Котяков 担任。乐队中的其他乐器还有单簧管、爵士鼓及中音萨克斯管等。[3, С 403]

如今，西洋管乐在中国已发展到一个全新的高度。早年这些俄籍乐队和俄侨音乐家的大量演出促进了中国西洋音乐的繁荣，为早期西洋管乐器在中国的传播，奠定的了基础，也为如今西洋管乐在中国的飞速发展，做出了不可泯灭的贡献。

参考文献

1. 孙磊 中西方双簧演奏艺术比较与研究——论中西音乐文化的差异，中央民族大学硕士学位论文 C 56。
2. 王童 杜森 现代管乐艺术在中国的发展，岱宗学刊 2010 年 9 月 第 14 卷第 3 期 C 26-27。
3. 刘欣欣 哈尔滨西洋音乐史 人民音乐出版社 2002 年 4 月 1 日 C 403。
4. 陈建华 明清时期中国西洋管乐的发端于兴盛 西安音乐学院学报 2010 年 3 月 第 29 卷第 1 期 C 44-50。
5. 祁文源 中国音乐史 甘肃人民出版社 2002 年 3 月 C 298
6. 赵亮 中国管乐器初探 厦门大学硕士论文 2002 C 39.

Гао Юнь

*Аспирантка кафедры истории музыки,
Белорусская государственная академия музыки.*

РУССКИЕ ПЕСНИ В КИТАЕ

В современном мире сегодня много говорят о глобализации на всех уровнях культурной, экономической и политической жизни. На наш взгляд, логичнее говорить об актуальности возрождения интернационализма, позитивные стороны которого были апробированы в отношениях между Китаем и Советским Союзом. После распада СССР преемником лучших традиций культурного диалога между странами стала Беларусь, страна, открытая к честному сотрудничеству и плодотворному взаимодействию. Для того, чтобы прогнозировать и выстраивать новые пути подобного диалога, необходимо проанализировать некоторые процессы, связанные с историей взаимоотношений двух стран и оценить ту степень заинтересованности народов в друг друге, которая выведет их культурный обмен на новый уровень.

Не будет преувеличением сказать, что интерес к русской культуре в Китае никогда не угасал. Это объясняется многими факторами: общностью исторических путей развития, революционных преобразований, идеологизацией культуры и т.д.

После народной революции в Китае и образования в 1949 году Китайской Народной Республики установились официальные дипломатические отношения. В соответствии с договором о дружбе и взаимопомощи (1950г.) две страны поддерживали активные политические и экономические связи, торговые отношения, был налажен культурный обмен. Согласно статистике в 1949-1958 годы, Китай направил 134 художественных коллектива в Советский Союз, в свою очередь, от России в Китае выступили 112 различных концертных организаций; было представлено 102 китайских фильма, 747 советских торговых фирм репрезентировали в Поднебесной свою продукцию [1]. В период дружбы двух мировых держав большое количество китайских студентов получило образование в СССР; десятки тысяч советских ученых, инженеров, преподавателей и технических работников приехали на далёкую землю, чтобы передать китайскому народу свой опыт, знания, новые технологии. Большое значение приобрели культурные связи.

Широкое распространение получили советские массовые песни, которые тиражировались средствами массовой информации, по радио, телевидению, печатались в газетах и журналах. Среди китайской молодёжи того времени было много поклонников русских песен, которые подкупали своей особой мелодичностью, красотой, искренностью чувства [2]. Сегодня, очевидно, что для поколения людей прошлого столетия русская песня стала не только добрым воспоминанием о молодости, искренних, братских взаимоотношениях с русскими людьми, но и частью их духовной жизни. У многих из них при упоминании о прошлом, о временах обучения в СССР на глазах появляются слёзы, и они испытывают чувства, которые трудно описать словами.

Если говорить об этапах распространения песенных жанров в Китае, то следует особо отметить значение песни «Подмосковные вечера» композитора В. Соловьёва-Седого и поэта М. Матусовского. Эта была одной из самых известных песен русских авторов, нашедшая распространение на огромном мировом пространстве послевоенного времени. Мелодия этой песни стала классическим примером русской

мелодии, в которой отразились широта и лиризм русской души, восторженное отношение к родной природе и одновременно безыскусная простота интонаций, находящих отклик в любом человеческом сердце. Широкую известность песня приобрела в 1957 году после того, как стала торжественной песней Московского фестиваля молодежи и студентов в исполнении Владимира Трошина. В том же году известный китайский поэт-переводчик Сюе Фань перевел эту песню на китайский язык. С тех пор «Подмосковные вечера» стали хорошо знакомы практически каждому китайскому человеку [3].

С 60-х годов XX века в силу разнообразных идеологических расхождений начали появляться трудности во взаимоотношениях СССР и КНР, которые наблюдались до начала 80-х годов. Однако, несмотря на натянутость отношений между двумя странами, с ростом международного статуса Китая более интенсивным становится стремление сторон к урегулированию отношений и возвращению к культурному диалогу. Центральное телевидение Китая стало транслировать многие советские фильмы, среди которых наибольшей популярностью пользовались "Москва слезам не верит", "Служебный роман", "17 мгновений весны". Советские киноленты опосредованно инициировали интерес к музыкальной культуре Советского Союза у новой генерации китайского народа. И, несмотря на то, что песни 80-х не могли соперничать по популярности с «Катюшей», такие замечательные сочинения, как "Александра", "В моей душе покоя нет", "Мгновения», снискали заслуженную славу в китайском обществе. [5].

В 90-годы XX столетия начинается возрождение интереса у китайского народа к русской культуре, в том числе, и музыкальной. В 1994 году переводчик Сюе Фань стал непосредственным участником подготовки масштабного концертного проекта Шанхайского филармонического хора. Успех советских песен был настолько велик, что это позволило хоровому коллективу выступить на гастролях в Пекине. Концерты Шанхайского хора получили настолько широкий общественный резонанс, что многие ведущие музыканты Китая, включая Чэнь Хаосу, У И, Ван Мэн, Цуй Сицзянь, назвали это событие сенсационным.

В ноябре того же года Центральный филармонический оркестр также организовали крупномасштабные выступления, которые длились с ноября по весну следующего года. В 27 концертах была представлена широкая панорама русской музыки, с энтузиазмом встреченная зрителями, что позволило подобные концерты сделать системными и регулярными. Достаточно сказать, что общее число этих концертов достигло 500 и, надеемся, что эта традиция сохранится. Важной вехой на пути к культурному диалогу стран стал 2006 год, названный "Годом России". В различных регионах Китая вновь зазвучали знакомые советские мелодии, русские народные песни, вызывавшие чувство ностальгии у старшего поколения и искренний интерес к европейской культуре у молодёжи.

Вступив в XXI век, китайско-российские отношения продолжают позитивно развиваться. Значительную роль в популяризации русской музыки сыграли представители современной эстрадной песни. Среди них особое место занимает певец Витас. Уже первый концерт музыканта, состоявшийся 15 июня 2007 года в Пекине, свидетельствовал об особом даровании певца и его будущей популярности в Поднебесной. Наиболее часто русский музыкант даёт концерты в Шанхае, включая в свой репертуар не только русские песни, но и сочинения на китайском языке. Примером может служить популярное сочинение «Цинхай – Тибетское нагорье». Деятельность

Витаса в Китае не ограничивается концертными выступлениями. Известно, что певец подписал контракт с известной китайской брокерской фирмой, и снимается в китайском фильме "Хуа Мулань". (В Китае у русского музыканта много поклонников и, если ввести имя «Витас» в крупнейшую поисковую систему "Baidu", то можно получить более 780 тысяч страниц). В марте 2009 года Витас участвовал в церемонии открытия 24-й Зимней Всемирной Универсиады в Харбине. Исполненная им песня «Криком журавлиным» была горячо встречена поклонниками и украсила торжественное мероприятие.

Важным средством распространения русских песен в Китае сегодня является интернет. Нельзя сказать, что через интернет популяризируется только художественно качественная музыкальная продукция. Тем не менее, в 2002 году в китайской Сети наиболее популярной была русская песня «Такой, как Путин»; благодаря интернету в Китае стали популярными российские группы «Корни», ТАТУ и др. [4].

Интересно заметить, что распространившиеся в Китае русские песни стали оказывать определённое влияние на современную китайскую музыку. Например, в песне «Падение», ставшей главной музыкальной темой снятого в Китае телесериала "А зори здесь тихие", использованы мотивы русских и украинских мелодий. Можно упомянуть и песню «Березка» в исполнении хорошо известного китайского поп-певца Пу Шу, которая написана в виде стилизации русских мелодий. Достаточно интересна история создания этой песни. По свидетельству исполнителя, источником творческого вдохновения послужила история прекрасной любви времён Великой Отечественной войны. Стилистика песни представляет собой оригинальный микст интонаций популярных песен советского времени «Рябина» и «Дороженька». Сегодня среди многих исполнителей Китая популярны переводы русских, в том числе и бывших советских песен, на китайский язык. Не являются исключением популярная музыкальная группа «Чёрная утка» и известный певец Чжао Пэн.

В настоящее время на всех крупнейших телевизионных станциях Китая с большим успехом идет фильм "Скрытность". Центральной музыкальной темой фильма является обработка известной советской песни «Священная война», исполненная в своё время хором Красной Армии бывшего Советского Союза. В интерпретации китайского филармонического симфонического оркестра эта тема звучит необыкновенно ярко, без чего контекст фильма утратил бы большую часть своей зрелищности и повышенной эмоциональности.

Интерес к русской культуре иницируют многие мероприятия, проводимые в Китае. Так, в конце мая 2009 года в Пекине стартовал конкурс под названием "К России с любовью: в Китае поют русские песни", организованный Государственным управлением по делам радио, кинематографа и телевидения КНР, Международным радио Китая, Пекинским телевидением и рядом других местных СМИ. Конкурс приурочен к Году русского языка в Китае, что, несомненно, самым плодотворным образом скажется на взаимоотношениях стран. Подобное мнение высказал и генеральный директор Международного радио Китая Ван Гэннянь: «Русский язык, русские песни имеют глубокие корни в нашей стране. Трудно найти в Китае человека, который не знал бы "Подмосковные вечера" и "Катюшу". Это подлинный залог дружбы между китайским и русским народами. Ваши песни с их чудесными мелодиями и глубоким содержанием оказывали и будут оказывать сильное влияние на все новые и новые поколения китайцев» [6].

Справедливость этих слов подтверждается реальными делами: большое количество китайских студентов обучается в стенах высших учебных заведений России

и в республиках бывшего СССР. Они с большим интересом изучают русский язык, литературу, поэзию, музыку. Интерес восточных стран к европейской культуре содействует и обратному процессу: новому отношению европейцев к странам «дальнего зарубежья», при котором необходимо преодолеть некоторый консерватизм и решительно «повернуть свой лик с Запада на Восток» [7, с. 63].

Литература

1. “Russian and Soviet mass dissemination of music in China”- Лю Ин, июня 2010 г.
2. Распространение и воздействие русских и советских песен в Китае [Электронный ресурс] - <http://www.xuefan.net/esgqzzgdcbyx.htm>- Дата доступа: 10/11/2011.
3. Песни советских союзов [Электронный ресурс] - http://blog.sina.com.cn/s/blog_449e47590100sy4x.html- Дата доступа: 12/11/2011.
4. От Катюши до Витаса- русские песни в Китае [Электронный ресурс] - <http://russian.people.com.cn/31516/6651950.html>- Дата доступа: 12/11/2011.
5. Распространение русской и советской песни в Китае [Электронный ресурс] - <http://bbs.jxyzy.com/showtopic-534026.aspx>- Дата доступа: 15/11/2011.
6. В Китае поют русские песни- <http://www.pravda.ru/news/culture/26-05-2009/312098-kitay-0/>- Дата доступа: 10/11/2011.
7. Олейникова, Э.А. Беларусь и Китай: диалог культур в музыкальном пространстве конца XX – начала XXI веков / Э.А. Олейникова // Музыкальная культура Беларусі на скрыжаванні еўрапейскіх шляхоў. – Нясвіж, 2009. – С.57-63.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ СУНЬ ХУНЧЖИ	1
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ	4
КІТАЙСКІ ПЕРАКЛАДЧЫК МАКСІМА ТАНКА.....	13
НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА КИТАЯ О НОВЫХ ЛЮДЯХ СТРАНЫ.....	17
ТРАДЫЦЫЙНАЯ КУЛЬТУРА КІТАЯ ЯК ПРАБЛЕМАЕ ПОЛЕ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРАЛОГІІ.....	26

СЕКЦИЯ 1: КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССАХ.....34

ПОДСЕКЦИЯ 1: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....34

АМЕРИКАНО – КИТАЙСКИЙ ДИАЛОГ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	35
«ПЕКИНСКИЙ КОНЦЕНСУС»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	38
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ КИТАЯ В ХХІ ВЕКЕ.....	42
МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ В КОНФУЦИАНСТВЕ И ЛЕГИЗМЕ	50
СОВРЕМЕННАЯ ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА КНР. ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ	54
КИТАЙ И РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ НАСЕЛЕНИЯ	58
ОТРАЖЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В БЕЛОРУССКИХ ПЕЧАТНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «СБ-БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ» И «НАРОДНАЯ ГАЗЕТА»).....	61
СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	69
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕДИЙНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНОЙ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ	79
К ВОПРОСУ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И КНР.....	86
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ — КИТАЙ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ	95
МЕСТО И РОЛЬ КИТАЯ В МИРОВОМ ТУРИСТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ХХІ ВЕКЕ...102	
КНР И СТРАНЫ АФРИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	109
CHARACTERISTICS AND PECULIARITIES OF THE CONCEPT OF CONSTITUTIONALISM IN PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA	112
弘扬传统优秀行政文化 建设现代和谐行政文化.....	122
ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ	128

ПОДСЕКЦИЯ 2: ЭКОНОМИКА КНР В ХХІ ВЕКЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....133

КИТАЙ И БЕЛАРУСЬ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ ТОВАРОВ ИКТ-СЕКТОРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	134
КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	145

МИРОВЫЕ ГОРОДА В СТРУКТУРЕ ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, РОЛЬ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ	154
РЫНОК ЭНЕРГОРЕСУРСОВ КИТАЯ.....	161
ОПЫТ КНР В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	166
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В КНР: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	175
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ	179
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КИТАЕ: ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ.	185
РЕФОРМЫ КИТАЙСКОГО РЫНКА ТРУДА.....	188
ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	195
ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР И США: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	198
ОПЫТ КНР В ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ	204
МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В КИТАЕ.....	212

СЕКЦИЯ 2: ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ ..220

ТЕМЫ КИТАЙСКОЙ ДЕЙТЕЛТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИИ И ИСКУССТВЕ 1950-х гг. ИЗ ОПЫТА КУЛЬТУРНОГО СБЛИЖЕНИЯ	221
МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА В КИТАЕ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА.....	225
ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СИСТЕМЕ ТВОРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ-ТЕАТРОВЕДОВ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСКУССТВ	230
ТЭКСТЫЛЬНЫ АРНАМЕНТ У ТРАДЫЦЫЙНЫМ МАСТАЦТВЕ КИТАЯ I БЕЛАРУСІ ...	233
КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ	239
ПРАВОСЛАВИЕ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (XX – XXI вв.).....	245
ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНФУЦИАНСКОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ.....	255
НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ	261
РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ	264
СТЕРЖНЕВАЯ РОЛЬ ОБЫДЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	273
КОНФУЦИАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ	281
МАРКО ПОЛО: 24 ГОДА В КИТАЕ.....	286
КОНФУЦИЙ О РАЗВИТИИ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ ЛИЧНОСТИ	291
ЦЕРЕМОНИАЛ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ДУХУ КОНФУЦИЯ SHI DIAN (稷奠) В ЯПОНСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ КОДЕКСЕ ЭНГИСИКИ	300
КУЛЬТ ПРЕДКОВ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ.....	303
КИТАЙСКОЕ КИНО 21 ВЕКА: ПРОГРЕСС И УГРОЗА ТРАДИЦИЯМ	315
КИТАЙСКИ НАЦЫЯНАЛЬНЫ КАСЦЮМ	319

СЕКЦИЯ 3: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ.....328

ТЕМА ОСЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. БОГДАНОВИЧА И КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	329
ВЕЛИКИЙ СЫН КИТАЙСКОГО НАРОДА.....	336

ПОЭЗИЯ ЛИ БО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ.....	340
РАЗВЕРНУТЫЕ КИТАЙСКИЕ ЛОГОГРАММЫ.....	359
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕРТ МОДЕРНИЗМА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-30-х ГОДОВ XX ВЕКА.....	366
ЭЛЛИПСИС СОЮЗА И ДЛИТЕЛЬНОСТЬ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОЙ ПАУЗЫ В СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)	374
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИКИ ЛОГОГРАММ В ТЕКСТАХ ЧАНЬ- БУДДИЗМА	376
СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С РЕКУРСИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ МЕТОДОМ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ.....	384
ПРЕТВОРЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСНЯХ КИТАЙСКИХ КОМПОЗИТОРОВ XX СТ.	388
КОНФУЦИАНСКИЕ МОТИВЫ ДОЛГА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГАНЬ БАО «ЗАПИСКИ О ПОИСКАХ ДУХОВ».....	392
ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НОРМАТИВНЫЙ ЯЗЫК.....	402
ОТОБРАЖЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ В КИТАЙСКОМ ЛОГОГРАФИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ	411
СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПОЭЗИИ ВАН ВЕЯ.....	416
ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ КОМБИНАТОРНОЙ СЕМАНТИКИ	421
<u>ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ОПЫТ И УСПЕХИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ»</u>	<u>425</u>
<u>СЕКЦИЯ 1 «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЯ».....</u>	<u>425</u>
МІСІЯНЭРСКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ КАТАЛІЦКІХ СВЯТАРОЎ У КІТАІ (І ПАЛ. XX СТ.)	426
ПОЛИТИКА РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ КНР	432
<u>СЕКЦИЯ 2 «ЭКОНОМИКА КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»</u>	<u>440</u>
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ.....	441
О ПУТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ.....	444
ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КИТАЕ.....	446
ОЦЕНКА МАКРОСРЕДЫ КИТАЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	449
СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВА РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЕ.....	459
PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА НА МИРОВОЙ АРЕНЕ: ОПЫТ КИТАЯ.....	463
ЭКСИМБАНК КИТАЯ В БЕЛАРУСИ	467
РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ И ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В КИТАЕ: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	469
РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ УСПЕШНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	473
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И КИТАЯ	476
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КИТАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	484

ЭКОНОМИКА КНР В ХХІ ВЕКЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОПЫТ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ И СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ, НОВАЯ ПЯТИЛЕТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	487
КИТАЙ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ МИРА	493
ТУРИЗМ В КИТАЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ ОТКРЫТОСТИ	501
ИЗОБРЕТЕНИЯ КИТАЯ И ИХ РОЛЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	504
ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ	506
ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИЕЙ В КИТАЕ	509
РАСТЕНИЕВОДСТВО В КИТАЕ	512

СЕКЦИЯ 3: ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ .514

КЕРАМИКА КИТАЯ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	515
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КИТАЕ.....	521
ЖИВОПИСЬ КИТАЯ	527
КИТАЙСКАЯ КУКЛА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	530
СОВРЕМЕННЫЕ СКРИПАЧИ-ВИРТУОЗЫ КИТАЯ	534
ВЛИЯНИЕ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ НА РАЗВИТИЕ МЮЗИКЛА В КИТАЕ	539
ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ЖАНРЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ПРЕТВОРЕНИЕ В КОМПОЗИТОРСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ(«СИНЦЗЯНСКИЕ ТАНЦЫ» ДИН ШАНЬДЭ).....	545
ТРАДИЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВОКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В КИТАЕ.....	549
КИТАЙСКИЕ ИДЕАЛЫ	554
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ОПЕРЫ В ХХ-ОМ ВЕКЕ.....	557
ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ В КИТАЙСКИХ ХОРОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А CARPELLA	562
ИСКУССТВО КИТАЙСКОЙ АВТОРСКОЙ КНИГИ	565
中国古典书籍装帧艺术.....	565
20 世纪初期俄侨音乐家的流入与中国西洋管乐的发展.....	580
РУССКИЕ ПЕСНИ В КИТАЕ.....	583